

Основные партнёры

- Постоянный Комитет Союзного государства Беларуси и России
- Комитет Государственной Думы Федерального Собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками
- Секретариат Межпарламентской Ассамблеи СНГ
- Санкт-Петербургский государственный экономический университет
- Академия гуманитарных наук Российской Федерации
- Академия управления при Президенте Республики Беларусь
- Ассоциация высших учебных заведений Республики Казахстан
- Центр экономических и социальных реформ при Министерстве финансов Кыргызской Республики
- Российско-Таджикский славянский университет
- Экономическое общество Республики Татарстан
- Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
- Сибирский федеральный университет

© Проблемы современной экономики (ПСЭ), 2022

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Евразийский международный
научно-аналитический журнал

Издается в Санкт-Петербурге
2022 № 4(84)

Включен в «Перечень ведущих
рецензируемых научных
журналов...» ВАК РФ

Представительства журнала: Астана - Алматы - Москва - Минск - Бишкек - Душанбе - Ташкент - Баку - Ереван - Казань - Париж - Ильменау - Пекин - Шанхай - Фукуи - Варшава - Анкара - Йошкар-Ола - Самара - Улан-Удэ - Омск - Пенза - Якутск - Красноярск - Челябинск - Владивосток - Уфа - Набережные Челны - Новосибирск - Чита - Кемерово - Кострома - Симферополь - Грозный - Ставрополь

Internet: www.m-economy.ru

Our partners:

- Standing Committee of Union State of Russia and Belarus
- State Duma Committee on the Commonwealth of Independent States and Compatriot Relationships
- Secretariat of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States
- St. Petersburg State University of Economics
- Academy of Humanities of the Russian Federation
- Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus
- Association of Higher Educational Institutions of the Republic of Kazakhstan
- Center of Economic and Social Reforms under the Ministry of Finances of Kyrgyz Republic
- Russian-Tajik Slavonic University
- Economic Society of the Republic of Tatarstan
- M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk)
- Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

© Problems of Modern Economics (PME), 2022

PROBLEMS OF MODERN ECONOMICS

Eurasian international
scientific-analytical edition

Published in St. Petersburg

2022 № 4(84)

Our journal was included into the State Commission
for Academic Degrees and Titles peer-reviewed
journals Register

Representation offices of the journal: Astana - Almaty - Moscow - Minsk - Bishkek - Dushanbe - Tashkent - Baky - Yerevan - Kazan - Paris -
IImenau - Beijing - Shanghai - Fukui - Warszawa - Ankara - Ioshkar-Ola - Samara - Ulan-Ude - Omsk - Penza - Yakutsk - Krasnoyarsk -
Cheljabinsk - Vladivostok - Ufa - Nabereshnye Tschelny - Novosibirsk - Chita - Kemerovo - Kostroma - Simferopol - Grozny - Stavropol

Internet: www.m-economy.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ. ИЗ МАТЕРИАЛОВ ТРЕТЬЕГО КАЗАНСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ – 2022

1

От редакции	6
Субетто А.И., Шамахов В.А. НООСФЕРНАЯ ПАРАДИГМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЕВРАЗИИ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ).....	6
Ломакина И.Б. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ С ЕВРАЗИЙСКИМ ВЕКТОРОМ РАЗВИТИЯ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ).....	10
Авилова В.В. О ФОРМИРОВАНИИ СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ ЕАЭС В ФОРМАТЕ «УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ» (РОССИЯ, КАЗАНЬ).....	13
Бондарь Е.Г. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ).....	15
Юрченко Н.Ю., Полаева Г.Б. ПЕРСПЕКТИВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ИНДИИ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ (РОССИЯ, МОСКВА).....	18
Морошкина М.В. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ СО СТРАНАМИ – УЧАСТНИКАМИ ЕАЭС (РОССИЯ, ПЕТРОЗАВОДСК).....	20
Заялев Р.И. ЭФФЕКТИВНАЯ АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО КАК ФАКТОР СОЗДАНИЯ ОБЩЕГО РЫНКА ТРУДА СТРАН ЕАЭС И СНГ (РОССИЯ, КАЗАНЬ).....	24
Щербанин Ю.А. ИНТЕГРАЦИЯ И ТРАНСПОРТНАЯ ДОСТУПНОСТЬ (РОССИЯ, МОСКВА).....	26
Хмелева Г.А., Курникова М.В., Чиркунова Е.К. ГИБКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫМ СОТРУДНИЧЕСТВОМ РОССИИ И КАЗАХСТАНА (РОССИЯ, САМАРА).....	29
Амплеева Е.Е. СУД ЕАЭС И ЕГО ЗАДАЧИ ПО УСИЛЕНИЮ ЮРИСДИКЦИОННОЙ ЗАЩИТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ).....	32
Шафиев Р.М. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (РОССИЯ, МОСКВА).....	34
Медынская И.В., Сперанская Н.Н. СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С РЕСПУБЛИКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ).....	36
Хуссамов Р.Р., Гараева А.Р. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РИСКИ СОТРУДНИЧЕСТВА ЕАЭС И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В СФЕРЕ КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ (РОССИЯ, МОСКВА).....	42
Вартанова М.Л. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ЕАЭС (РОССИЯ, МОСКВА).....	44
Чекмарев В.В., Чекмарев В.В., Чекмарева Л.Г. К ПРОБЛЕМЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ НА ОСНОВЕ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ДОЛГОВОГО И ФОНДОВОГО РЫНКОВ (РОССИЯ, КОСТРОМА).....	46
Имамкулиева Э.Э., Унежева А.А., Воскобойник Ю.В. СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИСЛАМСКОГО БАНКИНГА В РОССИИ (РОССИЯ, МОСКВА).....	48

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ. МАКРОЭКОНОМИКА

2

Черенков В.И., Карпова С.В., Таничев А.В. ФАКТОРЫ И МЕТАФАКТОРЫ НОРМИРОВАНИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, МОСКВА).....	51
Долматова Ст.А. ПОСТСАНКЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (РОССИЯ, МОСКВА).....	58
Макеева Е.С. МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГУМАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ В XXI СТОЛЕТИИ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ).....	61
Потапенко А.В. ДИНАМИКА НОМИНАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО ВВП РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В 2011–2020 гг. (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ).....	65
Закиров Д.И. К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ (РОССИЯ, МОСКВА).....	68

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

3

Черенков В.И. КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ИНКЛЮЗИВНО-УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И КОЛОНИАЛИЗМ 2.0 (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ).....	72
Чичилимов С.В. ФИСКАЛЬНЫЙ СКРЫТЫЙ ПРОТЕКЦИОНИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПРАКТИКЕ ВЕДУЩИХ СТРАН МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА (РОССИЯ, ЕКАТЕРИНБУРГ).....	75
Панфилова О.В. ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, КАК ФАКТОР СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ).....	78

ЭКОНОМИКА, УПРАВЛЕНИЕ И УЧЕТ НА ПРЕДПРИЯТИИ

4

Бирюков Е.В. ПРЕДПРИЯТИЕ КАК ОСОБЫЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ (РОССИЯ, УФА).....	83
Назаров А.Г. ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ФОРСАЙТ-ТЕХНОЛОГИЙ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ (РОССИЯ, УФА).....	88

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

5

- Донец Л.И., Сергеева А.В.** СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ: ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД (РОССИЯ, ДОНЕЦК) 92
- Чуракова И.Ю., Ичкитидзе Ю.Р., Зорина К.С.** ПОКАЗАТЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) 98
- Лугерт Н.Е.** СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНТРОЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПРИ ИНТЕРНЕТ ПРОДВИЖЕНИИ МАЛОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕСА (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) 103

ПРОБЛЕМЫ МАРКЕТИНГА. ЛОГИСТИКА

6

- Таничев А.В.** ВНЕДРЕНИЕ МОДЕЛИ ОТВЕТСТВЕННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ – ОСНОВА УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) 106
- Багиев Г.Л., Пинчук А.В.** ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ ДЕЦЕНРАЛИЗОВАННОЙ СИСТЕМЫ НА ОСНОВЕ РАСПРЕДЕЛЕННОГО РЕЕСТРА В ОТРАСЛИ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) 113

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ И ОТРАСЛЕВЫХ КОМПЛЕКСОВ

7

- Васильев А.Н.** ДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КАК ДРАЙВЕР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕГИОНОВ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ (РОССИЯ, МОСКВА) 116
- Грачева К.А.** СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ АВТОМОБИЛЬНОЙ ОТРАСЛИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) 120
- Онищук В.К.** ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИЙ СЕКТОР РОССИИ: УРОКИ ПАНДЕМИИ COVID-19 (РОССИЯ, МОСКВА) 124
- Рязанцева Н.А., Лофиченко А.А.** ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛЬНОЙ ОТРАСЛИ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ (РОССИЯ, ЛУГАНСК) 129
- Пинчук А.В.** ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕОИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ «УМНОГО ГОРОДА» (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) 134

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИИ И ДРУГИХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

8

- Сюй Цзяньго, Селищева Т.А.** ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК МОЩНЫЙ ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) 137
- Никитина М.Г., Друзин Р.В., Федуличева Е.А.** К ВОПРОСУ О МЕСТЕ РОССИИ НА МИРОВОМ РЫНКЕ СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ (РОССИЯ, СИМФЕРОПОЛЬ) 140
- Хазраткулова Л.Н.** ПРОБЛЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (УЗБЕКИСТАН, ТАШКЕНТ) 144
- Умарова Д.Т.** К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КАЗАХСТАНСКОЙ СТОЛИЦЫ (КАЗАХСТАН, АСТАНА) 148
- Лю Жуй.** АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) 152

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ УСЛУГ

9

- Пашкус Н.А., Пашкус В.Ю., Мальцева Ю.М., Куликова Д.А.** КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОДОВ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ, БРЕНДЫ И ГЛОБАЛЬНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) 156
- Гамидуллаев С.Н., Толстихина Т.Б.** ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ КАК ВИДА УСЛУГ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) 161
- Кучумов А.В., Пичерица Е.В., Волошинова М.В.** ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ И ОБЪЕКТОВ УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ВНЕДРЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ РОБОТОВ В СФЕРЕ УСЛУГ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) 164
- Рахимова Н.А.** ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБСЕРВАТОРИИ УСТОЙЧИВОГО ТУРИЗМА В САМАРКАНДЕ (УЗБЕКИСТАН, ТАШКЕНТ) 168

ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЯ

10

- Карпова С.В.** КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, КОММЕРЧЕСКИХ И НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СИСТЕМЕ ОТВЕТСТВЕННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ (РОССИЯ, МОСКВА) 173
- Кляус К.М., Пожарская О.Д.** МЕТОДИКА РАСЧЕТА ЗАГРЯЗНЕНИЯ АТМОСФЕРЫ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ О ПРОИЗВОДИМОЙ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ И ТЕПЛОВОЙ ЭНЕРГИИ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) 177
- Ракинцев Д.С.** ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИРОВЫХ УГЛЕРОДНЫХ РЫНКОВ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ КЛИМАТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ (РОССИЯ, МОСКВА) 183

АГРОЭКОНОМИКА

11

Бражник М.В. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ И СТРУКТУРЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННЫМ КОМПЛЕКСОМ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 1999 ГОДА (РОССИЯ, ЕКАТЕРИНБУРГ)	186
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

12

Благих И.А., Газизуллин Н.Ф. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ К ОБЩЕСТВУ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ (К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР) (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)	191
Титов В.О., Протасов А.Ю., Благих И.А., Малюшин И.И., Ващук А.Э. ПРОРЫВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: СИСТЕМА ОПТИМАЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ (СОФЭ) (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ).....	196

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

13

Кучумов А.В., Печерица Е.В., Бойкова Ю.М. УПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ В СФЕРЕ УСЛУГ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ).....	201
Багиев Г.Л., Коноплева М.А. ИННОВАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО РЫНКА ЮВЕЛИРНОЙ ПРОДУКЦИИ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)	204
Ряховская А.Н., Тарусин Е.М. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, НАПРАВЛЕНИЯ, РЕШЕНИЯ (РОССИЯ, МОСКВА)	206
Киселев А.С. О РОЛИ ИНЖЕНЕРНОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОДГОТОВКЕ ИНЖЕНЕРНОГО КОРПУСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (РОССИЯ, МОСКВА)	209
Газизуллин Т.Н. О НОВЫХ ЭКОНОМИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМАХ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ (РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ).....	211
Дерен И.И., Стекольников А.М. К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИКИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (РОССИЯ, ВЛАДИМИР).....	213

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА, АННОТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ И СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	215
---	-----

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ, РЕДКОЛЛЕГИЯ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЖУРНАЛА	228
--	-----

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ	231
---	-----

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ТРЕТЬЕГО КАЗАНСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ — 2022

От редакции

Журнал продолжает (в соответствии с принятыми обязательствами) публикацию материалов Казанского международного конгресса евразийской интеграции — 2022. В опубликованных материалах освещены проблемы энергетической безопасности государств — участников ЕАЭС, транспортной логистики и трансграничного сотрудничества, возрождения традиционных ценностей, развития гуманитарных коммуникаций и правовой культуры евразийских народов. А также задачи по усилению юридической защиты евразийской интеграции, повышения эффективности управления миграционными потоками, сотрудничества в сфере образования и ряд других актуальных вопросов по углублению евразийской интеграции.

НООСФЕРНАЯ ПАРАДИГМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЕВРАЗИИ

А.И. Субетто,

директор Центра ноосферного развития Научно-исследовательской лаборатории россиеведения, евразийства и устойчивого развития Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург), доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Лауреат Премии Правительства РФ
subal1937@yandex.ru

В.А. Шамахов,

научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор, Действительный Государственный Советник I-го класса

В статье раскрывается ноосферный мировоззренческий базис евразийской интеграции, который охватит XXI век. Показано, что единственный сценарий устойчивого развития России как Российской Евразии связан с Ноосферизмом, это и является парадигмой устойчивого развития.

Ключевые слова: *евразийство, интеграция, ноосферизм, социоприродная эволюция, научно-образовательное общество, капитализм, социализм, план, рынок*

ББК С550.0

Оргкомитет Казанского международного конгресса евразийской интеграции — 2022 в качестве цели конгресса, обращенной к его участникам, обозначил «теоретическое обоснование и разработку системы экономико-правовых, культурно-гуманитарных, эколого-технологических и организационно-технических инструментов и механизмов межгосударственного и межрегионального сотрудничества в ЕАЭС, СНГ и на пространстве Большой Евразии».

Поддерживая цель Казанского Конгресса, мы в предлагаемом докладе на пленарном заседании, хотим раскрыть мировоззренческий базис евразийской интеграции в течение XXI века, как в «пространстве» России, как евразийской цивилизации, так и в «пространстве» Большой Евразии, который может быть определен как ноосферный мировоззренческий базис.

Почему именно так ставится предлагаемая проблема будущей евразийской интеграции, именно как ноосферной интеграции?

Потому что, в нашей оценке, ноосферной парадигме устойчивого развития и России (Российской Евразии), и человечества в целом, противопоставлена единственная «альтернатива будущего» — экологическое самоуничтожение человечества, причем судя по многим индикаторам, уже до конца XXI века.

Учение о переходе Биосферы в Ноосферу, как формы проявления закона глобальной эволюции Биосферы, было разработано в СССР в период с 1927 по 1945 гг. В.И. Вернадским [1, 2]: Ноосфера, по В.И. Вернадскому, есть новое состояние Биосферы Земли, в которой «культурная энергия» или «геохими-

ческая энергия», которая создается хозяйством человечества, благодаря открытиям в науке и достижениям НТП, становится фактором глобальной эволюции Биосферы, равномасштабный другим факторам этой эволюции.

Развивая учение о ноосфере В.И. Вернадского, А.И. Субетто разработана научно-мировоззренческая система — «Ноосферизм» [3–9 и др.], которая одновременно рассматривается и как концептуальное изложение стратегии экологического выживания человечества на Земле. В «Ноосферизме» [3] определены ноосферы по В.И. Вернадскому развивается и связывается с единственной стратегией выживания человечества на Земле, выхода из состояния первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы [3] и одновременно — единственно возможной модели устойчивого развития в виде управляемой социоприродной эволюции.

Ноосферизм как новый путь развития человечества, как качественно новая научно-мировоззренческая система, в нашей оценке, есть теоретический ответ на «Вызовы» начавшейся, приблизительно с 80-х–90-х годов XX-й века, Эпохи Великого Эволюционного Перелома [3], старт которой дал переход человечества и глобального экологического кризиса в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы.

На то, что к концу XX века наступили Экологические Пределы сложившейся формы хозяйствования на базе рынка и частной собственности, указывали Б. Коммонер [11], Д. Кортен [12], Д. Медоуз и его соратники [14], Доклад Мировому Банку, написанный в 1991 году группой ученых во главе с Р. Гудлендом,

Г. Дейли, С. Эль-Серафи [13], и др. Б. Коммонер предупредил в книге «Замыкающийся круг» [11] в начале 70-х годов XX века, что технологии на базе частной собственности уничтожают главное богатство человечества — экосферу. В Докладе, написанном по заказу Мирового Банка (Нью-Йорк) группой ученых во главе с Гудлендом, Дейли и Эль-Серафи, в 1991 году, был вынесен вердикт, который ученые-экономисты и за рубежом, и в России, как и политики стран мира, игнорируют [13, с. 9]: в экологической заполненной земной нише, которую занимает человечество, рынок, как механизм развития экономики, исчерпал себя.

Э.С. Демиденко прямо указывает, что в сложившейся капиталистической форме бытия «ради удовлетворения своих потребностей, человечество уничтожает биосферную жизнь на планете Земля» [10, с. 46]. Центр системы глобального империализма, строя мировой финансовой капиталокации — США [15], население которых составляет всего 6% населения планеты, «потребляет до 40% мировых природных ресурсов, давая до двух третей всех загрязнений по планете» [10, с. 46] и, таким образом, предстает как один из основных факторов развивающихся процессов экологической гибели человечества в XXI веке.

Отметим, что процессы первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы имеют своим «откликом» процессы эндозоологической катастрофы [13] внутри монолита живого вещества, представленного человечеством. В организме «цивилизованного человека» насчитывается, по данным Э.С. Демиденко [10, с. 46, 47], до 2-х тысяч искусственных веществ, а в молоке, кормящей своего ребенка, женщины-матери до 300 веществ, «травмирующих организм ребёнка и вызывающих патологические болезни». Так, например, наблюдается «рост детских патологических болезней в России», захвативший 70% школьников [10, с. 47]. По данным В.А. Зубакова [13], происходит на клеточном уровне эндозоологическое отравление многоклеточных организмов радионуклидами, тяжелыми металлами, химическими веществами, что может привести к массовому вымиранию высших животных, в том числе и человека, как биологического вида, к 40-м — 50-м годам XXI века. На это накладывается «компьютерная катастрофа как аспект Глобальной Информационной Катастрофы и как отражение негативных информационно-экологических последствий компьютерно-цифровой революции» [16, с. 56–90].

Поэтому императив выживаемости человечества в XXI веке приобретает содержание ноосферного императива, требующего Ноосферного Прорыва Человечества в XXI веке, и начаться он должен из Российской Евразии [3, 5, 6].

Почему именно так нами ставится вопрос стратегии выживания человечества?

Ответ содержится в «природе» России как евразийской цивилизации, самой «холодной» из всех цивилизаций в мире (около — 5,50С) среднегодовая температура на её территории) и поэтому с самой высокой энергетической стоимостью воспроизводства [3], и поэтому с доминирующей ролью Закона Кооперации, — цивилизации с самой большой территорией, выступающей держателем (наряду с Канадой) устойчивости Биосферы, центром устойчивости — неустойчивости мира [3, 17].

Поэтому Россия:

- первой в Истории совершила Социалистический Прорыв человечества, создав СССР (в этом году мы отмечаем 100-летие с момента появления СССР);

- первой совершила, создав уникальную Космическую научно-конструкторскую школу (К.Э. Циолковский, С.П. Королёв и др.), Космический Прорыв в 1957 — 1961гг. (первый спутник Земли, запущенный с космодрома Байконур 4 октября 1957 году и первый запуск человека в Космос с этого же космодрома 12 апреля 1961 года — Юрия Алексеевича Гагарина, облетевшего Земной шар и совершившего успешную посадку в Саратовской области);

- первой совершила Ноосферный теоретический прорыв, предложив миру учение В.И. Вернадского о переходе Биосферы в Ноосферу, на базе развития которого сформировалась Русская Ноосферная Научная Школа, не имеющая аналогов в

мире, и сформировался Ноосферизм — новая научно-мировоззренческая система, предлагающая единственно возможную Стратегию экологического выживания человечества — переход к управляемой социоприродной эволюции, причем под черком — научно управляемой.

Ноосфера, с позиции Ноосферизма [3–5], есть, таким образом, новое качество Биосферы, как Мегасистемы Жизни на Земле, в структуре которого коллективный Разум человечества «встраивается» в систему её гомеостатических механизмов (и гомеостатических механизмов планеты Земля) и начинает научно управлять Социо-Биосферной, или социоприродной, эволюцией, соблюдая требования Законов-Ограничений, отражающих действия этих гомеостатических механизмов.

Реализация императива выживаемости человечества в XXI веке — и означает собой переход Биосферы в Ноосферу, за которым стоит переход к научному управлению социоприродной эволюцией, в свою очередь возможному только, когда будет осуществлено:

- 1) «расставание» человечества с рыночно-капиталистической, в том числе — империалистическо-колониальной [15], формой хозяйствования на Земле;

- 2) «расставание с простотой» (по Н.Н. Моисееву [18]) в методологии научного познания, за которым «стоит» преодоление «Барьера Сложности» и выход на научное управление таким сверхсложным объектом, каким является Социо-Биосферная, или социоприродная, эволюция;

- 3) переход к бытию на базе доминирования Закона Кооперации, т.е. к планетарному, Ноосферному Союзу Цивилизаций на базе Ноосферного Экологического Духовного Социализма;

- 4) ноосферная революция в Разуме, науке, образовании, культуре человечества с одновременным преодолением рыночно-капиталистической разобщенности человечества*, порождаемой эгоизмом человека и целых наций в системе капитализма;

- 5) «Роды» Действительного, т.е. Ноосферно-Управляющего, Разума.

Пример Союза Советских Социалистических Республик не «канул в лету», он, в год его 100-летней годовщины, становится ориентиром будущего Ноосферного Союза всех Наций на Земле, который должен появиться ради сохранения всей Мегасистемы Жизни на Земле, и соответственно — всего Человечества, как биологического вида.

Одним из важнейших моментов в реализации стратегии Ноосферного Прорыва Человечества из России [20, 21] является трансформация современного общества в научно-образовательное общество. Пора осознать, что уже во второй половине XX века, вследствие резкого роста наукоёмкости, интеллектоёмкости и образованиеёмкости социально-экономических процессов, процессов управления и соответственно процессов духовного и материального воспроизводства, образование де-факто превратилось в «базис базиса» воспроизводства общества. Образовательная политика, исходящая из ложной модели образования как производства образовательных услуг, функционирующего по законам рынка таких услуг, вступила де-факто в конфликт (в фундаментальное противоречие) с истинной ролью образования как «базиса базиса» воспроизводства наукоёмких, интеллектоёмких, образованиеёмких экономики и общества. Процессы первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, когда рынок превратился в механизм экологической гибели человечества, еще более обострили указанное противоречие.

Научно-образовательное общество [22] — это общество, в котором наука является не только производительной силой (по К. Марксу), но и силой управления (поскольку речь идет

* Известный английский ученый-историк А.Дж. Тойнби в начале 70-х годов поэтому поводу так высказался [19, с. 597, 598]: «Запад способен гальванизировать и разъединять, но ему не дано стабилизировать и объединять... человечество не сможет достичь политического и духовного единства, следуя западным путем. В то же время совершенно очевидно насущная необходимость объединяться, ибо в наши дни единственная альтернатива миру — самоуничтожение...».

о научном управлении социоприродной эволюцией), а образование выполняет функцию «базиса базиса» духовного и материального воспроизводства (воспроизводства всей экономики), поскольку все процессы, технологии, процессы управления в таком обществе являются наукоемкими, интеллектоёмкими и образовательными.

Это общество, в котором выполняются 2 закона устойчивого развития такого общества:

- Закон опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе [23];
- Закон опережения прогрессом человека научно-технического прогресса (НТП) [24].

Научно-образовательное общество должно стать основой новой образовательной политики в России. Это категория намного богаче и адекватнее стратегии экологического выживания человечества в XXI веке, чем такие «ходовые понятия», как «информационное общество», «цифровая экономика», «цифровое общество», «постиндустриальное общество», «трансгуманистическое общество» и т.п.

К этому необходимо добавить, что мы наблюдаем противоположные процессы в мире, в том числе и на «Большом Западе», а именно процессы примитивизации сознания людей на планете, погруженных в «мир цифровых технологий и интернета», и лишенных, по М. Делягину [25], целеполагания.

Еще раз мы обращаем внимание на то, что большинство ученых, мыслителей, и тем более экспертов, обслуживающих «политэс» в странах мира, живут и воспроизводят прогнозы на ближайшее будущее, включая и геополитические, и геоэкономические прогнозы, исходя из Внутренней Логике Социально-Развития (например, «семь законов общественной трансформации») в общении М.Г. Делягина [25]). В то же время, особенность переживаемой Эпохи Великого Эволюционного Перелома состоит в том, что на Арену Истории вышла Большая Логика Социоприродной Эволюции, чей «выход» на Арену Истории связан со скачком в энергетике воздействия мировой экономики (в среднем в 10 в 7-й степени раз) в XX веке на живое вещество и гомеостатические механизмы Биосферы, проявившим несовместимость мощи такого энергетического воздействия со стихийными регуляторами развития, в том числе с рынком и капиталократией, использующей информационные технологии для управления манипуляцией сознанием масс.

Большая Логика Социоприродной Эволюции на фоне Большого Энергетического Взрыва в социальной эволюции в XX веке проявила особый закон, предвещающий свои требования к разуму человечества, в том числе — науке, культуре и образованию, владеющему такой энергетикой природных сил. — Закон интеллектно-информационно-энергетического баланса (или соответствия), который формулируется так [26, с. 14]:

«чем больше со стороны социальной системы воздействие, по своей энергетической мощи, на природу, тем больше требуется лаг упреждения последствий от этого воздействия, и соответственно — тем более долгосрочным должно быть научное управление со стороны социальной системы — общества, человечества — социоприродной эволюцией».

В XX веке, как момент стихийной, рыночно-капиталистической, истории на фоне Большого Энергетического Взрыва, нарушение данного Закона проявилось в виде информационно-интеллектно-энергетической асимметрии человеческого Разума — ИИЭАР [23], выражающей собой «отставание в своем качестве прогностической мощи и управления будущим со стороны общества как целого, т.е. общественного интеллекта, от растущей энергетической мощи хозяйственного воздействия человечества на природу — Биосферу Земли. Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы отразила собой эту асимметрию — ИИЭАР — в её катастрофической форме проявления. Прошедшие 25 лет показали, что процессы «погружения» человечества в «пучину» Глобальной Экологической Катастрофы отражают «запаздывание» в разуме человечества — в общественном интеллекте — самого познания и понимания процессов экологической катастрофы и реакции по их устранению» [26, с. 14].

Научно-образовательное общество и призвано реализовать ноосферный императив новой стратегии развития человечества на Земле, ликвидирующей ИИЭАР и выполняющей требования указанного Закона интеллектно-информационно-энергетического баланса, что в свою очередь и определяет действие законов устойчивого развития такого общества [23, 24] — Закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе и Закона опережения прогрессом человека научно-технического прогресса, в том числе и прогресса в области информационных технологий и создания социально-информационных (цифровых) платформ.

При этом подчеркнем еще раз, что первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы подписала Экологический Приговор всей Стихийной Истории человечества, в том числе всей Эпохе доминирования Закона Конкуренции, что не понимают, к сожалению, большинство мыслителей, выстраивающих «проекты будущего».

И именно Россия, как Российская Евразия, живущая, как самая «холодная», высокоэнергозатратная цивилизация, по Закону Кооперации, став полиэтнической кооперацией, объединяющей около 200 народов, этносов, этнических групп (народностей), национальностей во главе с русским народом, призвана возглавить Ноосферный Прорыв Человечества в XXI веке, как единственную стратегию выживания человечества на Земле. К этому добавим, что Россия обладает самым большим сегментом девственной природы, сохранившегося биосферного чехла, сохранившихся лесов и пресной воды.

Потому, по нашему прогнозу, в этой стратегии выживания Российская Евразия должна первой стать Ноосферной Евразией, с новым построением долгосрочного ноосферно-экономико-экологического управления её развитием (с биоэкономным районированием и районированием по энергетической стоимости воспроизводства). Речь идет о переходе российской экономики в состояние ноосферно-управляемой планомерно-рыночной экономики, с трансформацией её технологического базиса в качественно новый ноосферный технологический базис.

За этим стоит проблема создания нового кадрового потенциала управляющих и учителей ноосферной формации. Академик АН СССР, потом РАН, Н.Н. Моисеев еще в 1990 году в книге «Человек и ноосфера» [27], размышляя о переходе человечества в «Эпоху Ноосферы» и о главном механизме такого перехода, назвал таким главным механизмом «Систему Учителя». Встает вопрос о реализации выводов академика АН СССР В.А. Легасова по урокам Чернобыльской Катастрофы, поставившего в 1986 году перед высшей школой цель подготовки нового типа профессионалов — профессионалов-проблемников, способных решать не только проблемы типа проблемы устранения последствий от экологических катастроф, типа Чернобыльской катастрофы, но и специалистов по переходным процессам в сложных системах.

В России, мы думаем, это касается и стран СНГ. Встает задача, и она актуализируется в связи с поставленной целью выхода России из Болонского соглашения (из «болонской» парадигмы реформации отечественного образования), воссоздания единого образовательного стандарта и на его основе — создания единых учебников по естественно-научному, физико-математическому и гуманитарному блокам образования.

Ноосферная парадигма устойчивого развития требует решения проблемы преодоления «цифrogenного отчуждения» человека от самого себя и от природы. Для этого необходимо:

- 1) Превратить «цифровой мир» в один из механизмов повышения качества человека и качества общественного интеллекта;
- 2) Осуществить возрождение эргономики в сфере взаимодействия «интеллект человека — компьютер», «интеллект человека — искусственный интеллект», продумать вопрос возрождения концепции в отечественной инженерной психологии, получившей название «гибридный интеллект» [28];
- 3) Решить проблему опережения научным познанием интеллекта человека по сравнению с развитием «цифровых технологий» [23];

4) Решить проблему ноосферного синтеза науки и власти, создания ноосферно-научной парадигмы государственного управления [26, 29].

Наш Конгресс решает проблемы формирования инструментов и механизмов «межгосударственного и межрегионального сотрудничества в ЕАЭС, СНГ и на пространстве Большой Евразии». Данная постановка научной проблемы и означает собой возрождение доминирования Закона Кооперации на просторах как «евразийского пространства» на территории бывшего СССР, так и на территории всей Большой Евразии.

Но если смотреть на логику истории XXI века с позиции уже действующего императива выхода человечества из Экологического Тупика Истории в рыночно-капиталистическом формате, экологический запрет на которую наложила Природа Земли как Целое в виде уже идущих процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, то тогда встает вопрос о призвании России, и вслед за нею — всей Большой Евразии, совершить Ноосферный Прорыв, провозгласив долгосрочную цель — Ноосферную, Планетарную, Кооперацию народов и цивилизаций на Земле.

В этом контексте Ноосферизм, как научное мировоззрение, идеология и ноосферная система ценностей, направленная на объединение человечества, делает ставку на ноосферно-ценностную составляющую, которая присутствует во всех религиях мира: в православной и католической ветвях христианства, в исламе, в том числе в шиитской и суннитской его ветвях, в буддизме, индуизме, иудаизме, конфуцианстве, и в других религиозных системах.

Если человечество погибнет, то погибнут вместе с ним и все религиозные картины мира и связанные с ними верования.

В «Зеленой Книге» лидер Ливии Муаммар Аль-Каддафи пытался раскрыть основы исламского народного социализма, который обеспечивал бы гармонию с Природой [31].

Наступила Эпоха «Родов» Действительного — Ноосферного — Разума, «Родов» Действительного Человечества [30], поднимающегося в своём Духе и Разуме, в своей организации жизни на Земле, на уровень Ответственности за Будущее всей Мегасистемы Жизни на Земле через реализацию научного управления социоприродной эволюцией. Поэтому «Роды» Действительного Разума в XXI веке — это «Роды» Управляющего Разума [26], т.е. Разума, способного научно управлять Социо-Биосферной Эволюцией. Поэтому грядущее ноосферное общество — это научно-образовательное общество, которое становится основой ноосферного социализма.

На этом пути свою позитивную роль может сыграть общественное движение «Ноосферная Евразия», которое могло бы проводить идею создания основ ноосферного преобразования мира на базе сотрудничества стран Большой Евразии. Определенную деятельность в этом направлении осуществляют Петровская академия наук и искусств (президент — А.В. Воронцов), Ноосферная общественная академия наук (президент — В.В. Семикин), Фонд славяно-тюркской синергии (учредитель — Г.М. Иманов).

Ноосферной парадигме устойчивого развития Российской Евразии — альтернатив нет! Наступает Эпоха Ноосферного Прорыва Человечества и научно-мировоззренческие, теоретические, ценностные, культурологические предпосылки такого Прорыва в России уже созданы. Настало время дать им энергично-организационный импульс для начала Ноосферного Прорыва из Российской Евразии.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

Список использованных источников:

1. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. — М.: Наука, 1988. — 520 с.
2. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. — М.: Наука, 1991. — 271 с.
3. Субетто А.И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. — СПб.: КГУ им. Н.А. Некрасова, КГУ им. Кирилла и Мефодия, 2001. — 537 с.
4. Субетто А.И. Ноосферизм: новая парадигма бытия человека и развития цивилизации на Земле и в Космосе / Под науч. ред. В.В. Лукоянова. — СПб.: Астерион, 2020. — 380 с.
5. Субетто А.И., Лукоянов В.В. Диалоги: Ноосферизм — Будущее Человечества / Под науч. ред. В.В. Семикина. — СПб.: Астерион, 2020. — 183 с.
6. Субетто А.И., Шамахов В.А. Россия — евразийская цивилизация // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2020. — № 4.
7. Субетто А.И. XXI век как эпоха ноосферной революции в разуме и системе основ бытия человека (основы ноосферных мировоззрения, науки и практики) / Под науч. ред. А.В. Воронцова. — СПб.: Астерион, 2021. — 256 с.
8. Субетто А.И. Ноосферизм — манифест новой стратегии выживания и развития человечества на Земле и в Космосе: доклад 6 февраля 2022 года на заседании Международного профессорского делового клуба по теме «Человек в современном мире» (Италия — Россия, председатель заседания — д.ф.н., проф. М.В. Бахтин). — СПб.: Астерион, 2022. — 32 с.
9. Субетто А.И. XXI век — «роды» ноосферной истории человечества: научно-философский очерк / Под науч. ред. В.А. Шамахова. — СПб.: Астерион, 2022 — 44 с.
10. Демиденко Э.С. Смена эволюции на Земле и необходимость формирования перспективной стратегии развития России // Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 9. Часть I / РАН. ИНИОН. Отд. научного сотрудничества и международных связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. — М.: 2014. — С. 43–49.
11. Коммонер Б. Замыкающий круг — Л.: Гидрометеиздат. 1974. — 280 с.
12. Кортен Д. Когда корпорации правят миром. — СПб.: Агентство «Вит-Принт», 2002. — 328 с.
13. Зубаков В.А. Эндозокологическое отравление и эволюция: стратегия выживания (К саммиту ООН «Рио+10»). — СПб.: 2002. — 86 с.
14. Медоуз Д.К., Медоуз Д.Л., Рандерс Й. За пределами роста. — М.: Пангея, 1994. — 304 с.
15. Субетто А.И. Капиталократия и глобальный империализм. — СПб.: Астерион, 2009. — 572 с.
16. Субетто А.И. Глобальная патология и глобальное здоровье в контексте императива ноосферной гармонии: монографии / Под науч. ред. Н.П. Фетискина. — СПб.: Астерион, 2014. — 114 с.
17. Субетто А.И. Основания и императивы стратегии развития России в XXI веке (в логике противостояния глобальному империализму и ноосферно-социалистическому прорыву). — СПб. — Кострома: Смольный университет РАО, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. — 324 с.
18. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. — М.: «Аграф», 1998. — 480 с.
19. Тойнби А. Дж. Постигание истории. Пер. с англ. / Сост. Огурцов А.П. — М. Прогресс, 1991. — 736 с.
20. Субетто А.И. Ноосферная Россия: стратегия прорыва (основания ноосферного россиеведения) / Под науч. ред. В.В. Лукоянова. — СПб.: Астерион, 2018. — 340 с.
21. Субетто А.И. Ноосферная миссия России XXI века (философско-социально-экономические очерки) / Под науч. ред. В.Т. Пуляева. — СПб.: Астерион, 2020. — 102 с.
22. Субетто А.И. Научно-образовательное общество как основа стратегии развития России в XXI веке / Под науч. ред. В.В. Лукоянова. — СПб.: Астерион, 2015. — 190 с.

23. Субетто А.И. Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем и качества общественного интеллекта — социалистический императив. — М.: Исследоват. центр управл. кач-вом подготовки спец-ов Гособразования СССР, 1990. — 86 с.
24. Субетто А.И. Закон опережения прогрессом человека научно-технического прогресса: Научный доклад на VI Международной научно-технической конференции «Человек и научно-технический прогресс в социально-экономической парадигме будущего», посвященной 100-летию Финансового университета при Правительстве РФ, состоявшейся в Москве 6 марта 2019 года / Под науч. ред. А.В. Воронцова. — СПб.: Астерион, 2019. — 56 с.
25. Делягин М. Новый переход (семь законов общественной трансформации) // Завтра. — 2022. — Июнь — №21(1482). — С. 5
26. Субетто А.И. Управляющий разум и новая парадигма науки об управлении (в контексте действия ноосферного императива XXI века) / Под науч. ред. В.В. Лукьянова. — СПб.: Астерион 2015. — 52 с.
27. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. — М: Молодая гвардия, 1990. — 351 с.
28. Венда П.Ф. Системы гибридного интеллекта: Эволюция, психология, информатика. — М.: Машиностроение, 1990. — 448 с.
29. Субетто А.И. Грядущий ноосферный синтез науки и власти (восемь положений — теорем) / Под науч. ред. Л.А. Зеленова. — СПб.: Астерион, 2016. — 44 с.
30. Субетто А.И. Роды Действительного Разума / Под науч. ред. Л.А. Зеленова. — СПб.: Астерион, 2015. — 200 с.
31. Субетто А.И., Иманов Г.М. «Зеленая Книга» Муаммара Аль-Каддафи в смысловом поле ноосферного социализма и межкультурного диалога в мире. — СПб.: Астерион, 2010. — 36 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ С ЕВРАЗИЙСКИМ ВЕКТОРОМ РАЗВИТИЯ

И.Б. Ломакина,

профессор кафедры теории и истории государства и права
Университета Прокуратуры РФ (Санкт-Петербургского юридического института),
доктор юридических наук
lomakina7311@gmail.com

В статье рассматривается проблема, связанная с выявлением особенностей правовой культуры народов с евразийским вектором развития. Отмечается, что народы Евразии имеют свою самобытную правовую культуру, которая не вписывается в европоцентристские рамки. Вступая в противоречие с европейскими ценностями, евразийская правовая культура, вопреки либеральным прогнозам, упорно воспроизводится, являя миру свои отличные от Запада институты. В статье доказывается, что правовые институты воспроизводятся в соответствии с материальными условиями жизни людей и их ментальностью. Поэтому современный мир отнюдь не мирный.

Ключевые слова: правовые ценности, конституирующие принципы, генеральная линия развития, правовая культура, право.

УДК 340.1

Гарольд Дж. Берман известный историк права в своей фундаментальной работе «Западная традиция права» доказывает необходимость различения двух традиций: западной и незападной (восточной) с целью выявления их противоречий и обоснования правильности и праведности именно западной традиции права. Историк права отмечает, что демаркационную линию между западным миром права и незападным миром (миром, в котором царит произвол) чертили греки, римляне, европейцы во главе с католической Церковью, позже идеологи эпохи Просвещения [1. с. 16]. Именно им, идеологам эпохи Просвещения предстояло адаптировать доктрину о неотчуждаемых естественных правах человека к новым условиям, в которых человек предстал венцом Природы, центром мироздания. Реифицируя естественное право мифологемами революции, либералы придали ему, с одной стороны — конституционно-правовой флёр, с другой стороны — сделали его доминантой всей западной культуры. Облаченная в либеральные материи, естественно-правовая доктрина стала руководством к действию в процессе свержения феодального строя и создания нового либерально-демократического мироустройства на основе права.

Поэтому можно уверенно констатировать, что либеральная доктрина сформировалась в результате победы буржуазии, а её ядром выступала идея рыночной свободы и идея парламентской демократии. Краеугольным камнем — выступал абстрактный индивид с не менее абстрактными универсальными правами. При этом естественно-правовая доктрина, облаченная в либеральную идеологию, не явила миру универсальных прав и свобод, как изначально заявляла, но дала миру двойные стандарты, за которыми по-прежнему, как и во времена греков, мыслилось для одних одно, для других — другое. Что это значит? Это значит, что право — это только границы, в которых субъекты права реализуют свои правомочия. В границах права жизнь замирена и упорядочена. Здесь одни правила игры. За

границами права нет субъектов права, а, стало быть, и правила замиреной жизни здесь не действуют. Здесь можно грабить (вывозить ресурсы), можно убивать несогласных, можно даже испытывать биологическое оружие и всё под лозунгом гуманитарной помощи. И не удивительно, что в дискурсивном пространстве социума очень причудливым образом формируются оксюморны. Например, принуждение к миру, гуманитарная интервенция, герои освободительных войн становятся террористами. Все цветные революции проходили под лозунгом демократизации, однако демократизацией на самом деле и не пахло, а перекроенная правовая система должна была создать условия для иностранного капитала и вывоза ресурсов по выгодным ценам.

При этом либеральная доктрина, несмотря на своё лицемерие, по-прежнему пытается доминировать в неевропейском мире, но уже без триумфальной знамени, как в своё время писал о конце истории Ф. Фукуяма [2, с. 34], понимая под концом истории пришедшую «всерьез и надолго» эру либерализма. Современная изменяющаяся действительность и всё нарастающая конфликтность побудила наиболее здравомыслящую часть интеллектуальной элиты задуматься о причинах конфликтности современного мира. Признание по ряду направлений провала в глобальной политике и отказ от либеральных стратегий развития несогласных народов, побудил научное сообщество к размышлению о причинах пробуксовки либеральной идеологии в незападной среде. Одним из первых, кто последовательно и достаточно ярко показал современные противоречия между Западом и Востоком был С. Хантингтон. Хотя, ранее эти идеи развивались в рамках культурно-исторической парадигмы цивилизационных исследований (Д.Л. Андреевым, Л.Н. Гумилевым, Н.Я. Данилевским, П.А. Сорокиным, А. Тойнби, О. Шпенглером). Их заслуга — выявление особенного в каждой культуре, констатация того, что многообразие мира

противостоит любой унификации как на уровне национального государства, так и на глобальном уровне.

Тем не менее, нельзя не отдать должного С. Хантингтону, поскольку именно он, фиксируя противоречия мира в современных терминах геополитики, показал внутренний конфликт, выливающийся по объективным причинам в столкновение двух цивилизаций: Западной с ее универсалистскими претензиями и двумя крупнейшими «восточными» цивилизациями — Дальневосточной, опирающейся на колоссальный экономический динамизм, и Исламской, переживающей мощный демографический взрыв [3, с. 236]. Первоначально эти идеи получили освещение в американском политологическом журнале *Foreign Affairs*. Так, в 1993 г. появилась статья в полемичном стиле под заголовком «Столкновение цивилизаций?», которая позже приобрела теоретическое основание и оформилась в вполне солидный текст под названием «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка». Оценивая значение работы Хантингтона, А.В. Багаева пишет: «По сути, цивилизации в его модели представляют собой историко-культурные ареалы, которые с полным правом можно идентифицировать как регионы. Ценность теории Хантингтона состоит в том, что она развивает тему конфликта таких регионов, который, прикрываясь этнокультурной или конфессиональной спецификой, отражает не просто несоответствие, а конкуренцию экономических, политических, стратегических и иных акторов, чья борьба начинается в регионе, но поднимается на международный, глобальный уровень» [4, с. 34]. Ставшая мировым бестселлером книга Хантингтона вызвала яростные споры не только в среде научного профессионального сообщества, но и в среде политического истеблишмента и массмедиа. Оценивая значение этого фундаментального труда для всей политико-правовой мысли, можно констатировать, что с его появлением возник новый реалистический дискурс, в котором признавалась идея о немирном мире. Что это означает? Это означает, что либеральный романтизм XVIII—XX вв. был иллюзорен от начала и до конца. А глобализационные проекты XXI в., не учитывающие логики развития незападных культур, привели к отторжению имплантированных в конституционно-правовое тело, принципам, навязываемых западным народам.

Таким образом, проблема немирного мира по своей сложности и неоднозначности актуализировала полемику как со стороны представителей научной общественности, так и со стороны политических элит, ратующих за расширение правомочий в области национальной культуры, сохранения традиций в сфере политического управления, а также отстаивания суверенитета в сфере экономической и правовой жизни. Однако стоит отметить, что как в научной среде, так и в среде политического истеблишмента есть те, кто стоит на иных позициях. Так, например, сегодня западно-ориентированная элита по-прежнему является проводником ценностей индивидуализма и североамериканского глобализма.

Постмодернистские практики с расширением соматических прав (эвтанизация, гендерные революции, отказ от религиозных и национальных ценностей, декриминализация наркотиков и проституции, хищническое потребление экологических ресурсов, бездушная культура потребления) заставляет безразличных людей задуматься о судьбе страны и судьбе народов, выбравших либеральный путь развития и попавших в жернова всепоглощающей «какофонии» (Председатель Конституционного суда В.Д. Зорькин оценивает глобализационные процессы именно в такой тональности, используя греческий термин, хотя идеи либерализма в 90-е гг. XX в. и ему были не чужды, как и большинству политиков, ныне стоящих у власти) [5].

Возникает вопрос, почему в 90-е годы критическая масса представителей передовой общественности практически всецело ратовала за создание единого общечеловеческого дома, в котором одни правила игры и где всем одинаково тепло и сыто? Дома, в котором не будет больше «плохого сына», пугающего атомной бомбой мирных, добрых, гуманных, цивилизованных людей Запада. Старые правила игры признавались утратившими юридическую силу, а новые правила следовало взять там, откуда проистекает «добро и гуманизм», где свобода и справедливость доказали свою жизнеспособность. Поэтому

конституционно-правовое строительство началось под эгидой индивидуалистических правовых ценностей, имеющих, как декларировалось либеральной доктриной, универсальный, общечеловеческий характер.

Во что вылилось такое строительство? В слом прежней системы конституционных ценностей, на обломках которых возникла новая система, явившая миру мутанта, от которого и «дурно пахнет» (с точки зрения европейской культуры), и плоды которого выглядят не всегда удобоваримо (в ряде случаев несменяемость власти, либо её долговременный характер, замаскированный под якобы демократическую процедуру, коррупционность чиновников, местничество, отсутствие подлинного в западном понимании политического и правового плюрализма). В чем же причина?

На наш взгляд, причина в том, что незамирность проистекает из цивилизационных ценностных противоречий. Цивилизационные ценностные противоречия уходят своими корнями в институциональную структуру, которая нормативно закреплялась в правовых практиках, обычаях и традициях народа (народов), породивших их. Обычай и традиции — квинтэссенция культуры, которая всегда детерминирована материальными условиями жизни людей и их ментальностью. Материальные условия, в данном смысле, трактуются расширительно и включают в себя: климат, почву, плотность населения, размер территории, технологии и проч. Ментальность включает всю субъективную реальность, которая проявляется в сфере права в правочувствовании, правоведении, правопонимании, в сфере экономики в психологических практиках осуществления процесса производства и потребления, в сфере политики в субъективных предпочтениях по поводу властеотношений и их психологических установок [6 с. 56].

Поэтому правовые ценности не являются трансцендентными. Правовые ценности всегда контекстуальны и темпоральны. Будучи конструктом (продуктом деятельности человека), правовые ценности, если они аутентичны социальной системе, всегда выношены и выстраданы народом, породившим их. Именно правовые ценности определяют и букву закона, и дух права, а также определяют генеральную линию развития правовой культуры и общества в целом [7, с. 165]. Это в идеале!

Правовые ценности всегда должны лежать в основе конституирующих принципов. Конституирующие принципы — это не юридизированные нормы, закрепленные Конституцией, а ценности, которые определяют сущность генеральной линии развития общества. Конституирующие принципы — квинтэссенция правовой традиции, которая объективируется в социальных практиках носителей правовых статусов как на уровне индивида, так и на уровне коллектива.

Справедливости ради стоит отметить, что гармоничное правовое развитие должно сочетать в себе и конституирующие принципы, и конституционные нормы, юридизирующие правовые должностования, проистекающие из социальной практики реального народа, а не пресловутого абстрактного субъекта права.

Однако, в жизни часто бывает иначе, то есть нормы Конституции содержат не аутентичные ценностные должностования народа, а импортированные ценности другого народа (народов), выступающего в роли всезнающего и всемогущего мессии. Конституционно-правовой перестройке подверглись все, кто вступил на путь буржуазно-демократического развития. Все западные идеологи были взяты «на вооружение» и прописаны в качестве основополагающих. Так, в качестве приоритетных провозглашались принципы международного права, индивидуалистические ценности, разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную и отдаления от неё муниципальной власти, принцип формального равенства и проч. Принцип формального равенства выступает ключевым в построении правового государства и безусловно этот принцип имеет важное значение в правовой жизни, но у него есть и обратная сторона. И только принцип положительной правовой дискриминации может нивелировать издержки принципа формального равенства. Речь идет о наделении дополнительными правами всех тех, кто не вписывается в единые рамки, например, некоторые народы, этносы, воспроизводящи-

еся в соответствии со своим сугубо национальным образом жизни. Большое значение у незападных народов по-прежнему имеют религиозные доктрины: православие, конфуцианство, даосизм, брахманизм, буддизм и, конечно, ислам. Большое значение в восточной традиции уделяется методам социальной инженерии: обычаям, традициям и ритуалам. Семейные ценности выступают здесь основой существования человека, а дети по — по-прежнему считаются главным богатством, а их отсутствие «наказанием» за грехи. В незападных евразийских культурах большое значение имеет уважительное отношение к государству, а долг мыслится как служение ему. Воспитание лояльных политических курсу граждан закрепляется в доктринах. Также доктринально закрепляется и охрана исторической памяти. Да, правовая культура восточного типа (подтипом которой выступает евразийская правовая культура) не предполагает открытости, т.е. политического плюрализма, за что ей всё время доставалось и достаётся от либералов, но в ней самой, как нам представляется, имеется имманентный механизм сдержек и противовесов.

Особая коллективистская культура, при общей морально-этической направленности, предопределила особый стиль отношений, который выкристаллизовался в повседневных практиках народов — обычаях, традициях и ритуалах.

Евразийская традиция основывается на принципе не разделения властей в западном понимании, а на симфонии власти государственной и религиозной.

Лишь спустя более двадцати с лишним лет в Конституцию РФ были внесены поправки, и мы видим новеллы со старым содержанием «общая судьба», «память предков», «идеалы и вера в Бога», «преемственность развития», «защита исторической правды», «подвиг народа», «защита Отечества», «приоритет семейного воспитания», «защита семьи», «культура уникальное наследие многонационального народа», «сохранение общекультурной российской идентичности» [8] и т.д.

Следующая проблема, о которой стоит упомянуть в статье, и которая была обозначена в докладе на конгрессе, то, что современное российское общество не являет собой гомогенного единства оно поликонфессионально, оно многонационально и оно далеко от эгалитарности. К сожалению, уровень между богатством и бедностью не только не сокращается, но и увеличивается, это, в свою очередь, наслаивается на упрощенную экономическую структуру и латентную безработицу и мн. др. Постмодернистские же практики (цифровые технологии и не только) разрывают межпоколенную связь, хотим мы или не хотим, но они разобщают и разъединяют в прошлом единый советский народ с одной судьбой и одной историей. Историей, которую никто не подвергал сомнению, по крайней мере, в рамках своего государства. Другими словами, ценностный диссонанс усугубляется плюральностью самого государственно-организованного общества. Государство-нация размывается под натиском глобализационных процессов. Однако обратная тенденция глобализационным процессам — глоколизация

или регионализация. И здесь мы наблюдаем как раз обратное. Примордиалистские конструкции внедряются в конституционное тело текстов Конституции и новое звучание обретают национальные правовые практики, апеллирующие к предкам и традициям, Великому прошлому, о чем говорилось выше. Ценностям индивидуализма противопоставляются ценности другого порядка, а именно, ценности, вытекающие из коллективного существования человека (народа, многонационального народа). В этой системе координат на первое место выступают не права и свободы индивида, а права и свободы коллектива, которые мыслятся категориями долга и ответственности. Данное утверждение, на первый взгляд, выглядит может и парадоксально, но именно в таком виде существование прав и свобод объясняет цивилизационное различие народов, не разделяющих европейскую логику развития. Ответственность и долг имманентно существуют в рамках восточной традиции права и выступают цивилизационным ядром всей незападной культуры.

В неевропейском понимании права и свободы коллектива находятся в диалектической связи с индивидуалистскими правами и свободами. Восточная традиция права избилует именно таким видением права. Достаточно вспомнить Конфуция, который в своём труде «Лунь Юй» [9, с. 125] по глубине мысли и морально-этической направленности опередил И. Канта более чем на 2000 лет, показал доминанту морально-этической составляющей всей нормативно-правовой культуры. И, в отличие от Канта, вышел на уровень коллективности, оставляя индивида в лоне традиционной холистической структуры общественных отношений.

И в завершение, хочется отметить, что необходимо признать — мир сегодня не тот, что был вчера. Господству либерализма и индивидуализма противопоставит иной миропорядок. Какой? Нам предстоит узнать. Поэтому по-прежнему возникает проблема механизма состыковки одной системы ценностей с другой. Без априорных оценок. В этой связи уместно звучат слова Гюстава Лебона: «Нет ни форм правления, ни учреждений, относительно которых можно было бы сказать, что они абсолютно хороши или абсолютно дурны. Правление дагомейского короля — вероятно, превосходное правление для народа, которым он призван был править; и самая искусная европейская конституция была бы для этого же самого народа ниже выработанного им режима... Столь же резонно было бы стараться убедить рыб жить на воздухе, на том только основании, что воздушным дыханием пользуются все высшие животные» [10, с. 56].

Таким образом, и одна, и вторая проблема связаны с ценностями, которые выступают ядром нормативной системы как на глобальном, региональном уровне, так и на уровне отдельно взятых социальных систем.

В рамках данной статьи решить обозначенные проблемы не представляется возможным, однако намеченные контуры могут быть полезны в перспективе.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

Список использованных источников:

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Издательская группа ИНФРА М. — НОРМА, 1998. — 624 с.
2. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М.: Ермак, АСТ, 2005. — 592 с.
3. Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации / А. Тойнби, С. Хантингтон. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. — 288 с.
4. Багаева А.В. Региональное видение интеграционных процессов социологией международных отношений региональное видение интеграционных процессов социологией международных отношений // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. — М., 2018. — С. 31–36.
5. Зорькин В.Д. Право метамодерна: постановка проблемы. Лекция на IX Петербургском международном форуме (СПб., 16 мая 2019 года) // <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-ozvoliaet-tvorit-dobro.html>. дата обращения — 23.06.2022.
6. Ломакина И.Б. Обычное право: Институциональный аспект (Теоретико-правовой анализ). — СПб.: Астерион, 2005. — 284 с.
7. Ломакина И.Б. Правовые ценности в нормативной регуляции обществ в Евразийском вектором развития // Интеграционный и модернизационный потенциал Евразии: состояние, проекты и форматы реализации. Сборник трудов XIII Казанского научно-практического форума 10–11 июня 2019. — Казань: «Медицина», 2019. — С. 164–173.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — М.: Юрист, 2021. — 60 с.
9. Конфуций Лунь Юй // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. — Т.1. — М.: «Мысль», 1972. — С. 134–170.
10. Леббон Г. Психология народов и масс. — СПб.: Макет, 1995. — 311 с.

О ФОРМИРОВАНИИ СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ ЕАЭС В ФОРМАТЕ «УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ»

В.В. Авилова,

профессор кафедры бизнес-статистики и экономики
Казанского национального исследовательского технологического университета,
доктор экономических наук
avilovavv@mail.ru

В статье показано, что выступающая приоритетом экономической политики реализация принципов устойчивого развития Организации Объединенных Наций и ESG нуждается в переосмыслении на основе критериев актуальности, реализуемости и целесообразности. Внедрение ряда из 17 принципов соответствует курсу на постепенное построение следующего технологического уклада за счет перехода к циркулярной экономике, предполагающей изменение бизнес — моделей на основе изменения технологических цепочек с возвратом отработанного продукта в качестве возобновляемого сырья в производственный процесс, создания межгосударственных баз данных об имеющихся ресурсах для их совместного использования, мультифункциональных цифровых платформ, интеллектуальной собственности, сгенерированной в странах ЕАЭС. Предложены целесообразные с точки зрения автора шаги по достижению «углеродной нейтральности», обеспечивающие минимизацию техногенных и климатических рисков в сочетании с экономическими эффектами.

Ключевые слова: стратегия декарбонизации, циркулярная экономика, принципы устойчивого развития ООН и ESG, интеллектуальная собственность, научная кооперация, экономическая целесообразность и риски

УДК 658.562.012.07:665.6

Современная турбулентная экономическая среда ставит под сомнение принципы инновационного развития, являвшиеся приоритетными в последние годы. Под влиянием зарубежных организаций, а также исходя из потребности улучшения внутренней экологической и технологической ситуации на повестке дня стоял вопрос о декарбонизации, снижении углеродного следа, активном внедрении технологий по переработке отходов и их возврату в технологическую цепочку, минимизации использования природного невозобновляемого сырья и переходу на альтернативные ресурсы [1].

Сущностно перечисленные задачи носят прогрессивный и гуманистический характер, однако условия для их реализации претерпели серьезные изменения и экономическая наука призвана оценить их актуальность, востребованность, реализуемость и эффективность в настоящее время.

Прежде всего, речь идет о глобальной смене приоритетных для партнерских связей государств, как для Российской Федерации, так и для всего мирового сообщества, включая страны — члены ЕАЭС. Переход в разряд недружественных, традиционных импортеров российского экспорта, делает актуальным перегруппировку структуры каналов внешнего взаимодействия за счет интенсификации всех форм взаимодействия внутри ЕАЭС. Речь идет не столько о товарообменных операциях, сколько о синхронизации инновационной стратегии стран Союза на более широкой основе, что в качестве первого шага предполагает аудит имеющейся ресурсной базы технологического, природного, интеллектуального, кадрового, инфраструктурного и образовательного профиля. Затем на этой основе осуществить разработку и реализацию стратегии, позволяющей с минимумом рисков и с учетом специфики каждого государства в реальные сроки осуществить комплекс мер, нацеленных на устойчивое развитие и социальную ответственность бизнеса.

Прежде всего, необходимо вычленив те составляющие углеродной нейтральности, достижение которых приведет страны ЕАЭС к технологическому развитию, имеющему стратегическую цель постепенного создания производств 6-го технологического уклада. Традиционное масштабное использование российского углеводородного сырья порождает инерционность действий по смене технологий и бизнес — моделей [5]. Более того, переход на новую стадию инновационного развития весьма капиталоемкий и требует владения патентами и лицензиями на безуглеродные технологии, приобретение которых в настоящее время тормозится по инициативе зарубежных компаний из недружественных государств [3]. Таким образом, очевидны барьеры, риски, финансовые, инвестиционные и технологические причины, провоцирующие отказ от постановки и тем более решения проблемы декарбонизации

в странах ЕАЭС. Одновременно приходится констатировать, что выбросы углекислого газа, присущие старому типу производства, приводят к парниковому эффекту, а затем к росту температуры, к негативным экологическим и климатическим последствиям, ухудшающим качество жизни населения. В этой связи, безальтернативным представляется постепенный переход промышленности стран Союза к «зеленому технологизму», однако официально заявленные его темпы в новых реалиях стали завышенными. Так, согласно утвержденным документам, Российская Федерация озвучила достижение «углеродной нейтральности» к 2060 году [8]. Остальные государства ЕАЭС также реализуют свои программы в этом направлении. Так, Армения концентрируется на создании системы возобновляемых источников энергии. Однако, в формате стран — членов ЕАЭС нет пока единой системы перехода к «углеродной нейтральности», учитывающей вклад каждой экономики в этот процесс.

Тем не менее, даже в условиях сложных международных отношений нельзя полностью отвергать процесс декарбонизации как неактуальный в виду его масштабного позитивного воздействия на многие параметры макроэкономической среды.

Результатом стратегии углеродной нейтральности станет повышение качества продуктов питания, воды и воздуха, изменение принципов работы промышленности, энергогенерации, транспорта и агросферы. Поэтому необходимо вычленив те параметры инновационного развития стран ЕАЭС, которые предлагается поддерживать даже в условиях санкционного давления.

В настоящее время мероприятия по достижению углеродной нейтральности, безусловно, реализуются. Важна трансляция опыта компаний — лидеров в этом направлении, как для его воспроизведения, так и для вовлечения в наиболее масштабные проекты партнеров из стран ЕАЭС. Если обратиться к опыту Российской Федерации, можно привести стратегию таких крупных компаний, как СИБУР или ПАО «Татнефть», целенаправленно ориентирующих свой бизнес на получение рейтинга ESG путем разработки и реализации собственных стратегий устойчивого развития.

СИБУР ведет работу по формированию замкнутого цикла по переработке пластика, являясь их крупнейшим производителем в Российской Федерации, а в мировом масштабе именно пластики являются продуктом, на котором сфокусированы научные разработки по технологиям переработки. Более того, кроме внедрения оборудования, осуществляющего рециклинг полимеров, СИБУР предпринял весьма затратные меры по изменению бизнес — моделей, сменив привычных двух крупных поставщиков сырья на 32 мелких региональных, поставляющих ему отслужившие свой срок изделия из пластмассы на переработку. Заинтересованность названной компании в утилизации

отработавших жизненный цикл товаров из полимеров делает благоприятным прогноз о вовлечении в схему циркулярной экономики компаний из стран ЕАЭС, как в качестве поставщиков вторичных ресурсов, так и через создание производственных площадок по переработке в качестве партнеров на условиях совместного ведения бизнеса.

Важной особенностью инновационного развития в формате построения циркулярной экономики являются потребительские свойства товара, изготовленного путем вторичной переработки. Они могут подразделяться на 3 уровня: представлять собой более низкое качество по сравнению с исходным сырьем, поддерживать уровень, характерный для перерабатываемого сырья или подниматься за счет инновационных технологий на следующую ступень качества. Поскольку нередко говорится, что введенные санкции предоставляют отечественной науке и практике окно возможностей, важно использовать данный критерий при отборе технологий, задействованных в переработке, тем более, что в глобальном масштабе активно формируется многовариантная сырьевая база вплоть до появления конкуренции между видами сырья.

В качестве еще одного лидера по реализации принципов ответственного бизнеса можно привести ПАО «Татнефть», которая не только внедряет инновации в технологические промышленные процессы, обеспечивающие замкнутость технологической цепочки, но и проводит компенсационные экологические мероприятия. Примером крупного технологического проекта является сбор отработавших свой срок шин и их переработка на нефтехимическом и нефтеперерабатывающем комплексе «ТАНЕКО» в гибкое и прочное покрытие для автомобильных дорог. В реализации этого проекта также эффективно было участие компаний из стран — членов ЕАЭС через сбор шин на своей территории для утилизации.

Любая добывающая компания в больших или меньших масштабах сталкивается с проблемами утечек нефти и нефтепродуктов, выбросов и проливов. В этом случае целесообразно обратиться к мировому опыту проведения компенсационных мероприятий. В качестве подобного компенсационного мероприятия можно привести масштабный проект «циркулярный лес», при реализации которого ПАО «Татнефть» организовала посадку 5,2 миллиона саженцев, способных оказать существенное воздействие на окружающую среду через выработку кислорода.

Однако, приходится констатировать, что даже в масштабах одного государства — Российской Федерации — эти крупные мероприятия проводятся разрозненно, без системного взаимодействия реализующих их компаний. Следовательно, эффективность программы декарбонизации можно повысить за счет координации их из единого центра, разработки стратегии и программы реализации разнообразных, взаимодополняющих мер [4].

Тем более значима разработка консолидированной программы декарбонизации, охватывающей все страны ЕАЭС, а внутри них — многие отрасли и блок научно — технического сопровождения. При этом часть проектов будет реализуема совместно, часть — иметь страновой уровень. Это позволит использовать разнообразие ресурсной, промышленной, аграрной и инфраструктурной специфики каждого из государств ЕАЭС. При составлении программы достижения «углеродной нейтральности» важно выделить приоритеты, эффективные и достижимые всеми экономиками.

Прежде всего, продуктивным является постепенный переход к экономике замкнутого цикла, представляющий собой обширную систему мероприятий, меняющих как способ производства, так и потребления. Приоритетом в циркулярной модели пользуются товары, чье производство сопровождается появлением минимума отходов при наращивании вторичной переработки [7]. Перегруженность как поверхности земли, так и мирового океана, отходами предполагает высокую значимость их постепенной переработки с возвратом в технологическую цепочку в качестве возобновляемого источника сырья. Лидирует по объему отходов и по масштабам переработки пластик, но даже у него процент переработки в Российской Федерации не превышает 5% при общей доле перерабатываемых твердых бытовых отходов в стране в 5–7%.

Но возврат в технологическую цепочку отработанных продуктов касается не только химии, но и всех отраслей. При этом процедура, делая центром ответственности изготовителя стартового товара, носит продуктовую специфику. Так, в машиностроении информационной базой является интернет вещей, позволяющий отследить жизненный цикл изделия с тем, чтобы, с одной стороны, вернуть его производителю на переработку, а, с другой, начать производство аналогичного следующего товара. В пищевой промышленности в настоящее время ведутся исследования о внедрении биотехнологий, обеспечивающих генерацию электроэнергии при утилизации отходов. Особенно важна разработка технологий, позволяющих производить энергию из биомассы, для государств — членов ЕАЭС, имеющих недостаточную обеспеченность собственными полезными ископаемыми, служащими энергоносителями, но обладающими развитой отраслью сельского хозяйства и благоприятными климатическими условиями.

Вместе с тем, настало время для подбора экологически чистого, обладающего минимальными рисками при использовании, вида энергии, постепенный переход на который стал бы совместным проектом стран ЕАЭС. Из имеющихся научных разработок видно, что целесообразно эту роль отдать водородной энергетике. В настоящее время 3 государства ЕАЭС (Кыргызстан, Армения и Беларусь) обеспечивают энергогенерацию на импортируемом природном сырье и рассматривают стратегию развития альтернативной энергетики. Наднациональная программа развития водородной энергетике может принести эффект всем странам ЕАЭС при солидарной проработке технологии получения «белого» (экологически чистого) водорода, его передаче в межгосударственном масштабе и системе использования. Например, речь идет о создании сети водородных заправок на основных автомобильных трассах.

Позитивную роль в плавном переходе к углеродной нейтральности способен сыграть развитый в странах ЕАЭС аграрный сектор. Стратегия декарбонизации предполагает разнообразие видов применяемого сырья. При этом выпуск биоразлагаемых пластиков или тканей профильные ученые предлагают строить на основе растительной сырьевой базы, например, ненаркотической конопли, о чем в Российской Федерации вышло в свет соответствующее постановление. Благоприятный для агробизнеса климат большинства стран ЕАЭС и развитая инфраструктура ведения сельского хозяйства могут сделать постепенный переход на возобновляемое сырье вполне реальным. При этом обеспечение возобновляемым экологически чистым сырьем имеет смысл только в увязке с внедрением в промышленность соответствующих технологий и оборудования для его переработки.

В настоящее время учеными — химиками ведутся исследования о компенсационных мерах, минимизирующих для экологии имевшие место протечки нефти, выбросы газа, горения факелов и тому подобных техногенных проблемах. В качестве адсорбента, способного эффективно очищать землю и водные поверхности, предлагается шелуха подсолнечника, пшеницы и других злаковых. Страны ЕАЭС, имеющие развитую агро сферу, могут с эффектом для себя наладить сбор шелухи для использования ее в экологических целях, учитывая тот факт, что пока она в основном идет в отходы. Поставки же ее должны осуществляться государствам, чьи компании ведут добычу природных ресурсов, сопровождающуюся техногенными рисками.

Одним из элементов циркулярной экономики является система технологического шеринга, построенная на аренде временно свободного производственного оборудования [6]. Этот тип ведения бизнеса может существенно снизить затраты для компаний из всех стран — членов ЕАЭС путем снижения фондоемкости. Путь этот основан на ускорении темпов инновационного развития, вызывающего потребность в частом обновлении оборудования, предусматривающем выбытие его части. Нередко это относится к перерабатывающим производствам, распространение которых в компаниях стран — членов ЕАЭС послужит материально-вещественной основой построения замкнутого цикла. Но этой процедуре должно предшествовать два предварительных этапа — формирование базы данных о

резервах технологических мощностей и создании цифровой платформы, позволяющей оперировать этой информацией заинтересованные предприятия.

Эти программы вполне реализуемы при соблюдении ряда условий. Прежде всего, нужна готовность компаний к получению статуса ответственного инвестора, отражающего, прежде всего, именно социальную ответственность бизнеса через отношение к природным ресурсам, экологии, человеку. Вторым условием является создание качественной цифровой инфраструктуры. В-третьих, важную роль играет система мер государственного стимулирования процессов декарбонизации.

Если первые два фактора связаны преимущественно с деятельностью внутри каждого государства, то комплекс поддерживающих и стимулирующих мер более эффективен в масштабе всего ЕАЭС. Например, может быть создана программа размещения карбоновых полигонов и карбоновых фабрик по территории всех стран. Принят план выращивания растительного сырья для производства перерабатываемых изделий и продумано сетевое взаимодействие компаний. Разработана стратегия производства и размещения оборудования для альтернативной энергетики.

На этой основе страны ЕАЭС, формируя стратегию инновационного развития, могут позиционировать себя в качестве «зеленого союза», рассматривающего вопросы экологии как часть международных отношений. Совместная деятельность по разработке углеродно нейтральных производств, по собственному изготовлению оборудования для альтернативной энергетики и формированию консолидированной энергосистемы, анализ ресурсной базы и использование сформированной системы биг дейта для продвижения системы технологического шеринга, наднациональные центры научных исследований по проблемам декарбонизации и инфраструктура коммерциализации полученной интеллектуальной собственности, внедрение в вузах образовательных программ с компетенциями по декарбонизации способны позиционировать страны ЕАЭС в качестве лидирующего региона с низким углеродным следом [2].

Предлагаемые меры повысят потенциал интеграции стран ЕАЭС, который пока реализован не в полной мере, но его использование, безусловно, приведет к ускорению их инновационного развития в направлении повышения качества жизни населения.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

Список использованных источников:

1. Vilora Avilova. Strategy for the transition to a balanced use of alternative energy sources in the format of building a circular economy // 2022, Proceedings of SES 2021 — Smart Energy Systems. Achmetova I. (ред.). Springer, № 12. 5 с. (Lecture Notes in Civil Engineering).
2. Авилова В.В. Комплексная система управления интеллектуальной собственностью в вузе: перспективы создания и эффективность функционирования // Современные вызовы образования и психология формирования личности: монография. Чебоксары, 7 окт. 2020 г. — Чебоксары: ИД «Среда», 2020. — С. 7–15.
3. Новосельцев О.В. О понятии интеллектуальная собственность с позиций международного права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2020. — № 1(27). — С. 49–65.
4. Климатическая повестка 2030. RussianCouncil.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/en/climate2030> (дата обращения 24.02.2020).
5. Авилова В.В. 2021. Циркулярная экономика как вектор инновационной трансформации бизнес-модели промышленных предприятий // Экономика. Информатика, 48 (3): 446–454.
6. Мочалова Л.А. Циркулярная экономика в контексте реализации концепции устойчивого развития // Journal of new economy. — 2020 — №4. — С. 5–27. doi: 10.29141/2658–5081–2020–21–4–1.
7. Пахомова Н., Рихтер К., Ветрова М. Переход к циркулярной экономике и замкнутым цепям поставок как фактор устойчивого развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. — 2017. — №5. — с.244–268. doi:10.21638/11701/spbu05.2017.203.
8. Гурьева М.А. Построение теоретических прогнозных сценариев развития циркулярной экономики в России // Экономика, предпринимательство и право. — 2020. — Т.10. — №8. — С. 2151 — 2178. DOI 10.18334/epw.10.8.110689.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Е.Г. Бондарь,

ассистент кафедры международного предпринимательства
Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения
bondareg@rambler.ru

Автором рассмотрены вопросы энергетического сотрудничества между странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз). Проанализирована нормативно-правовая база ЕАЭС в сфере энергетического сотрудничества. Особое внимание уделено функционированию общего энергетического рынка ЕАЭС. Рассмотрены отдельные результаты работ современных исследователей, содержащие преимущества и риски энергетического сотрудничества в рамках общего энергетического рынка для каждой из стран-участниц ЕАЭС. Установлены мероприятия, планируемые к проведению в целях создания общего энергетического рынка.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, интеграция, общий энергетический рынок, энергоресурсы, декарбонизация

УДК 330.15, 339.924, 339.56

Надежность функционирования топливно-энергетического комплекса (ТЭК) влияет на экономическое развитие и темпы роста отдельного региона, страны, интеграционных объединений, мировой экономики в целом. Развитие ТЭК осуществляется под влиянием различных обстоятельств. В настоящее время его развитие сопряжено с экологическими проблемами, решение которых предполагает сокращение выбросов парниковых газов, образующихся в связи с добычей и использованием ископаемых видов топлива, также энергетическая отрасль находится под воздействием накладываемых против России санкций со стороны

ряда зарубежных государств (преимущественно США и страны Европейского союза) и ответных мер реагирования со стороны России. Принимая во внимание, что Россия состоит в ЕАЭС, членство в котором предполагает выполнение определенных договоренностей, в том числе в энергетической сфере, представляется актуальным исследование вопроса энергетического сотрудничества между странами-участницами ЕАЭС в условиях внешнеполитической и внешнеэкономической напряженности.

Создание ЕАЭС юридически закреплено в Договоре о ЕАЭС, заключенном в г. Астане в 2014 году (Договор о ЕАЭС),

где сформулированы основные цели его учреждения, среди которых «создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения» [1]. Значимыми в достижении поставленных целей задачами являются: энергетическое сотрудничество между странами; эффективное использование имеющегося энергетического потенциала каждой из участниц ЕАЭС; обеспечение товарами ТЭК; проведение скоординированной энергетической политики. Особое место отведено созданию общего энергетического рынка ЕАЭС (ОЭР), функционирование которого запланировано с 2025 года и направлено на содействие «устойчивому развитию экономик и энергетической безопасности государств-членов ЕАЭС» [1–9]. Данный рынок сможет занять место рядом с иными крупнейшими энергетическими рынками мира, учитывая его долю в общемировом объеме добычи энергоресурсов (15% — нефть, 17% — природный газ) [10, 11].

Страны ЕАЭС имеют разный ресурсный потенциал, лидером по обеспеченности энергоресурсами ископаемого происхождения является Россия, что позволяет ей удовлетворять внутренние потребности в товарах ТЭК, а также осуществлять поставки данного вида продукции как в страны дальнего зарубежья, так и страны ЕАЭС (табл. 1).

Таблица 1

Продажа товаров ТЭК из России в страны ЕАЭС в 2021 году

Энергоресурсы	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан
каменный уголь, тонн	13 000,98	1083838,38	1018095,03	1187,65
нефть сырая, тонн	—	15621838,67	492,38	—
нефтепродукты, тонн	367357,34	72293,78	728174,62	1369695,10
природный газ, тыс. куб. м	2449230,00	19779974,84	9271791,36	—
сжиженный природный газ, куб. м	—	124,85	29417,92	—
электроэнергия, 1000 кВт*ч	—	497994,372	1855069,787	—

Источник: составлено автором по данным [12]

На основании данных, представленных в табл. 1, а также иных официальных источников информации каждое из рассматриваемых государств так или иначе участвует в купле-продаже ископаемых энергоресурсов в рамках ЕАЭС. Таким образом, несмотря на то, что ОЭР в настоящее время не создан, взаимодействие в энергетической сфере между странами ЕАЭС осуществляется, данное взаимодействие основано на двусторонних межправительственных соглашениях между странами. При этом взаимная торговля энергоресурсами направлена на удовлетворение внутренних потребностей государства-члена ЕАЭС, реэкспорт энергоресурсов не предполагается.

В связи с уже реализуемым между странами ЕАЭС сотрудничеством в энергетической сфере возникает вопрос о целесообразности принятия дополнительных мер, предусмотренных правовыми актами ЕАЭС, направленных на создание условий для обеспечения функционирования ОЭР (табл.2) с учетом различий национальных энергетических рынков [10, 11, 13] (табл. 3).

Согласно информации официальных представителей Евразийской экономической комиссии, дополнительное создание ОЭР приведет к таким положительным результатам, как [14, 15]: рыночное ценообразование на энергоресурсы; благоприятные условия для инвестирования в энергетику; недискриминационный доступ к системам транспортировки энергоресурсов; оптимизация строительства объектов тепло-электроэнергетики; развитие атомной энергетики на территории ЕАЭС (Россия и Казахстан являются мировыми лидерами по запасам и добыче урана); совместное развитие энергетической отрасли, в

Таблица 2

Основные мероприятия 2022–2025 гг., направленные на создание ОЭР

Период	Мероприятие
до 1 июля 2022 г.	установление правил: – о доступе к услугам по межгосударственной передаче электрической энергии (мощности); – определения и распределения пропускной способности межгосударственных сечений; – взаимной торговли электрической энергией
до 01 октября 2022 г.	– определение субъектов, обеспечивающих централизованную торговлю электрической энергией по срочным контрактам
до 1 июля 2023 г.	– принятие правил информационного обмена
2023 г.	– разработка правил торговли нефтью и нефтепродуктами; – разработка правил проведения биржевых торгов нефтью и нефтепродуктами; – принятие международного договора о формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов
до 1 января 2025 г.	– вступление в силу международного договора о формировании общего рынка газа; – обеспечение свободных поставок газа, приобретенного по прямым договорам или на биржевых торгах; – поддержание рыночных цен, обеспечивающих коммерческую рентабельность продажи газа на общем рынке газа; – принятие согласованного решения о переходе к равнодоходным ценам на газ
до 1 января 2026 г.	– принятие положения о развитии межгосударственных энергетических сетей

Источник: составлено автором по данным [1–9]

том числе посредством диверсификации источников энергии, развитие возобновляемых источников энергии, технологий накопления, цифровизации энергосистем, преобразования отходов; снижение объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферу; обеспечение национальной энергетической безопасности каждой страны-участницы ЕАЭС; формирование коллективной энергетической безопасности, совместное использование энергетического потенциала ЕАЭС.

Страны-участницы тех или иных интеграционных объединений, в том числе ЕАЭС (табл. 3), имеют различный [10,11,16]: ресурсный потенциал; структуру топливно-энергетического баланса; уровень развития энергетической инфраструктуры; организационные модели внутренних энергетических рынков; объем потребления энергии. Указанные факторы следует учитывать при планировании и реализации мероприятий в сфере энергетики. Соответствующее подтверждение имеющегося энергетического неравенства стран ЕАЭС получено по результатам проведенного анализа научной литературы, посвященной вопросам интеграции стран ЕАЭС в ОЭР. Примеры отдельных положений из современных работ представлены ниже.

1. В рамках работы по созданию ОЭР отмечают разногласия Армении и Беларуси с другими странами ЕАЭС в вопросах ценообразования и тарифного регулирования, в частности указанные страны являются сторонниками единых тарифов на газ, тогда как другие участники ЕАЭС полагают целесообразным установление рыночных цен на данный энергоресурс. Функционирование ОЭР для Армении рассматривается как возможность «прорыва энергетической блокады» и доступа на российский рынок электроэнергии. При этом создание общего электроэнергетического рынка для Армении целесообразно только при условии формирования общего рынка газа (такой подход также актуален и для Беларуси), что обусловлено отсутствием добычи природного газа на территории страны и, соответственно, влиянием данного обстоятельства на производство более дорогой электроэнергии (по сравнению с ценой в России и Казахстане), получаемой на объектах, работающих на основе газа. Вхождение дополнительных субъектов-производителей электроэнергии на территорию Армении увеличивает для страны риск замещения отечественной электроэнергии на импортную в силу ее более низкой цены, что неблагоприятно,

Таблица 3

Основные особенности энергетических рынков стран ЕАЭС

Страна	Национальные особенности энергетического рынка
Армения	– необеспеченность ископаемыми видами энергоресурсов, развитие возобновляемой энергетики; – передача электроэнергии от продавца (генерирующие компании) к покупателю (распределительная компания «Электрические сети Армении»); – регулирование цен на электроэнергию государственной компанией (Комиссия по регулированию общественных услуг)
Беларусь	– преобладание импортного газа; – вертикально-интегрированная государственная монополия; – вопросы, связанные с генерацией, передачей и сбытом электроэнергии, отнесены к полномочиям государственно-производственного объединения «Белэнерго»; – государственное регулирование тарифов
Казахстан	– значительные запасы ископаемых видов топлива на территории страны; – оптовый (доминирующий) и розничный рынки, рынок электроэнергии, мощности, системных и вспомогательных услуг. – государство устанавливает предельные цены на производство, тарифы на передачу, распределение электроэнергии, плату за проведение торгов
Кыргызстан	– необеспеченность ископаемыми видами энергоресурсов, гидроэлектростанции и две угольные теплоэлектростанции — основа электрогенерации; – генерирующие, сетевые и сбытовые компании объединены в государственную «Национальную энергетическую холдинговую компанию»; – тарифы регулируются государством
Россия	– значительные запасы ископаемых видов топлива на территории страны; – оптовый и розничный рынки, оптовый рынок электроэнергии и мощности; – преобладание объектов генерации, работающих на газе; – свободное ценообразование при производстве и сбыте энергетической продукции, регулирование тарифов для населения

Источник: составлено автором по данным: [13–15]

поскольку страна располагает «избыточными генерирующими мощностями», данное обстоятельство важно принимать во внимание при принятии управленческих решений [17].

2. Договор об ЕАЭС не содержит положений относительно развития «зеленой энергетики». Не содействуют развитию «зеленой энергетики» в рамках ЕАЭС «различные национальные приоритеты в энергетике», «высокий уровень монополизации па рынках традиционных ресурсов», регулирование только национальным законодательством таких вопросов, как внедрение и

государственная поддержка объектов, работающих на основе возобновляемых источников энергии [18].

3. В условиях формирования ОЭР странам-участницам ЕАЭС необходимо тщательно прорабатывать вопрос энергетической безопасности с учетом своих национальных интересов, в том числе: учитывая «различия энергетических стратегий стран-экспортеров и импортеров»; странам Союза, национальные экономики которых не столь чувствительны к мировым изменениям в топливно-энергетической сфере, необходимо оценивать влияние возможных рисков, связанных с участием в «наднациональных интеграционных объединениях» [19].

4. Развитие энергетических рынков стран-участниц Союза сопряжено с такими проблемными вопросами, как износ основных фондов, недостаточное обеспечение высоко квалифицированными кадрами [15].

5. Российские компании усматривают определенные риски, связанные с возможным импортом электроэнергии с территории стран-Союза, в частности, это может повлечь сокращение спроса на энергоресурсы (в том числе природный газ, уголь), участвующие в производстве электроэнергии [20].

6. Энергетические ресурсы органического происхождения в Кыргызстане практически отсутствуют, что обуславливает их импорт в том числе с территории Казахстана, зачастую на невыгодных для страны условиях [21]. В связи с этим, обозначенный в мае 2022 года в рамках Евразийского экономического форума проект, предполагающий поставку электроэнергии в Кыргызстан из России транзитом через Казахстан, рассматривают как пример эффективного сотрудничества в рамках интеграционного объединения [22].

7. Анализ научных работ отдельных исследователей показывает наличие энергетического неравенства стран ЕАЭС, преимуществ, недостатки, а также риски функционирования ОЭР (в том числе для каждой из участниц общего рынка), которые важно оценивать, как на этапе создания ОЭР, так и в последующие периоды его работы [10, 11].

Таким образом, можно сделать следующие выводы: в рамках функционирования ЕАЭС предполагается создание ОЭР, направленного на обеспечение устойчивого развития экономик стран ЕАЭС, национальной и коллективной энергетической безопасности; созданию ОЭР предшествует предварительная работа, предполагающая издание наднациональной и национальной нормативно-правовой базы, выработку совместных решений по ключевым вопросам в сфере энергетики, в рамках данной работы необходимо учитывать национальные интересы каждого из государств, в том числе принимая во внимание физико-географическое положение, минерально-сырьевую базу, зависимость экономики от продукции топливно-энергетического комплекса и др.; взаимное сотрудничество, в том числе в энергетической сфере, оценивается официальными лицами стран-участниц ЕАЭС как эффективное, несмотря на сложные геополитические условия [22, 23].

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

Список использованных источников:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе URL.: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=xweoE7TCrIZm3cGE&cacheid=C485CC7054ACDECD73E23247B764B4D1&mode=splus&rnd=769vGQ&base=LAW&n=415670#rfcoE7Tv6L2fAJXB> (дата обращения: 25.05.2022).

2. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 31.05.2016 № 7 «О Концепции формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза». URL.: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=yf5OpA&base=LAW&n=318020&dst=100013&field=134#GE1kE7TI46YKpjsj> (дата обращения: 25.05.2022).

3. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 31.05.2016 № 8 «О Концепции формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза». URL.: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=yf5OpA&base=LAW&n=318021&dst=100013&field=134#pWrkE7TI0G91cKJO> (дата обращения: 25.05.2022).

4. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 06.12.2018 № 18 «О формировании общего рынка газа Евразийского экономического союза». URL.: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=313083#51YqE7T72CfYUwQ9> (дата обращения: 25.05.2022).

5. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 06.12.2018 № 23 «О формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза». URL.: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=313084#4LH3R7T6S7v8mmTB1> (дата обращения: 25.05.2022).

6. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». URL.: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=375194#kS7gE7TQZXZWBXBE1> (дата обращения: 25.05.2022).

7. Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (в части формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза) (Подписан в г. Нур-Султане 29.05.2019). URL.: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=325812#tv1mE7TS4suZbhLq> (дата обращения: 25.05.2022).
8. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 08.05.2015 № 12 «О Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза». URL.: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=yf5OpA&base=LAW&n=318053&dst=100013&field=134#sMqiE7TiAwUSxb2G> (дата обращения: 25.05.2022).
9. Решение Высшего совета ЕАЭС от 20.12.2019 № 31 «О плане мероприятий, направленных на формирование общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза». URL.: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=342926#bIBER7TWWK1O2Lmj2> (дата обращения: 25.05.2022).
10. Ученые оценили энергетическое неравенство стран Евразийского экономического союза. URL.: <https://iq.hse.ru/news/488970459.html> (дата обращения: 29.05.2022).
11. V.Bianco, L.Proskuryakova, A.Starodubtseva. Energy inequality in the Eurasian Economic Union. URL.: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1364032121004445> (дата обращения: 29.05.2022).
12. Анализ данных. URL: <http://stat.customs.gov.ru/analysis>. (дата обращения: 24.05.2022).
13. Информационный блок. URL.: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/energetikaiifnr/energ/Pages/%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D0%BA-D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0.aspx> (дата обращения: 30.05.2022).
14. Чем выгоден странам ЕАЭС общий рынок энергоресурсов. Министр по энергетике и инфраструктуре ЕЭК Темирбек Асанбеков. URL: <https://eesc.eaunion.org/news/speech/chem-vygoden-stranam-eaes-obschiy-rynok-energoresursov-ob-etom-v-intervyu-quot-rossiyskoy-gazete-quot-ministr-po-energetike-i-infrastrukture-eek-temirbek-asanbekov/> (дата обращения: 31.05.2022).
15. Сопилко Н.Ю. Энергетическая интеграция государств Евразийского экономического союза // Вопросы региональной экономики. — 2019. — № 1(38). — С. 146–152.
16. Обзор энергетики стран БРИКС 2020. URL: <https://brics-russia2020.ru/images/114/89/1148936.pdf>. (дата обращения: 25.05.2022).
17. Маркаров А.А. Интеграция Армении в общий электроэнергетический рынок ЕАЭС: риски и возможности / А.А. Маркаров, В.С. Давтян // Геоэкономика энергетики. — 2021. — Т. 14. — № 2. — С. 124–138.
18. Цедрик А.В. Общий энергетический рынок стран ЕАЭС: анализ, риски и барьеры на пути к интеграции, рекомендации // Тенденции экономического развития в XXI веке: Материалы II Международной научной конференции, Минск, 28 февраля 2020 года / Редколлегия: А.А. Королёва (гл. ред.) [и др.]. — Минск: Белорусский государственный университет, 2020. — С. 108–111.
19. Кришталь Д. С. Обеспечение энергетической безопасности Республики Беларусь в условиях формирования общего рынка энергоресурсов международных организаций региональной интеграции // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики: Материалы международного научно-практического круглого стола. — Минск: Белорусский государственный университет, 2021. — С. 136–142.
20. Борисова Ю.М. Будущий общий рынок электроэнергии в странах ЕАЭС: проблемы и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. — 2019. — Т. 6. — № 1. — С. 43–52.
21. Икрамов С.Т. Энергетическая политика Центральноазиатских стран // Теории и проблемы политических исследований. — 2018. — Т. 7. — № 5А. — С. 73–80.
22. Страны ЕАЭС обсуждают проект энергокоридора из России через Казахстан в Киргизию. URL: https://tass.ru/ekonomika/14732619?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 31.05.2022).
23. Наш союз показал свою эффективность. Президент Казахстана выступил на Евразийском экономическом форуме. URL: <https://profile.ru/politics/nash-sojuz-pokazal-svoju-effektivnost-1090341/> (дата обращения: 31.05.2022).

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ИНДИИ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ

Н.Ю. Юрченко,

доцент Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина (г. Москва),
кандидат экономических наук
yurchenko.n@gubkin.ru

Г.Б. Полаева,

доцент Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина (г. Москва),
кандидат экономических наук

В статье дан обзор энергетического российско-индийского сотрудничества. Сотрудничество с Индией по поставкам газа позволит России пересмотреть структуру экспорта энергоресурсов, что особенно актуально в современных условиях. Для удовлетворения постоянно растущего спроса на электроэнергию, а также в связи с планами Индии достигнуть углеродной нейтральности к 2070 году, необходимо создать надежную систему электроснабжения. Способствовать этим целям может увеличение роли атомной энергии. Темпы российско-индийского сотрудничества в сфере ядерной энергетики растут: осуществлен запуск двух реакторов «Куданкулам», законтрактовано строительство еще трех энергоблоков. Индия, в свою очередь, располагает огромным опытом и технологиями в области производства ветрогенераторов, солнечной энергии, что может быть очень полезно для российских производителей, работающих в сфере возобновляемой энергетики.

Ключевые слова: российско-индийское сотрудничество, энергетика, инвестиции в нефтегазовую отрасль, атомная энергетика

УДК 339.9

В Глазго на 26 конференции ООН по изменению климата (COP 26) премьер-министр Индии Нарендра Моди объявил о планах достигнуть углеродной нейтральности страны к 2070

году. Достижения таких целей потребует совершить гораздо больше затрат, чем предстоит Китаю для достижения аналогичных целей. Сегодня более 70% электроэнергии Индии вы-

рабатывается тепловыми электростанциями, использующими преимущественно уголь. Страна обладает большими собственными запасами угля и его стоимость достаточно низкая. Стоит отметить высокую зольность топливного угля и недостаток мощностей по добыче и переработке данного ресурса. По прогнозам Правительства страны ожидается снижение доли угольной энергетики до 50% к 2030 году. Однако, уголь остается пока наиболее экономичным для Индии, поэтому власти делают ставку на угольную энергетику и в ближайшей перспективе изменение будет достигаться не за счет вытеснения угля.

Около 80% энергобаланса Индии сегодня составляют уголь и нефть. Доля газа в суммарном потреблении энергии менее заметна, около 6%. Уголь в энергобалансе страны составляет около 60%, что вдвое превышает мировые показатели. Структура энергопотребления и качество угля провоцируют обострение экологических проблем — загрязнение атмосферы, глобальное потепление, что в сочетании с недостатком мощностей по добыче и переработке угля заставляют Индию снижать долю угольной энергетики.

Самый простой вариант замены на этапе перехода в сложившейся ситуации — импорт природного газа, который позволит изменить структуру энергопотребления страны и может использоваться в качестве альтернативного топлива в переходе от угля к электричеству с нулевыми выбросами.

45% природного газа в структуре энергопотребления Индии обеспечивается за счет импорта. Основным поставщиком газа является Катар. Существуют несколько проектов строительства газопроводов: проект ТАПИ (Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия), проект Мьянма — Бангладеш — Индия, газопровод «Мир» (Иран — Пакистан — Индия). Приемлемым способом импорта природного газа является сжиженный природный газ (СПГ). Для России Индия может выступить новым рынком сбыта газа.

В июне 2018 года Индия получила первую партию СПГ от ПАО «Газпром», тремя месяцами ранее, в марте, первую поставку СПГ на индийский берег осуществили Соединенные Штаты. Можно предположить, что РФ и США, помимо борьбы за долю на индийском оборонном рынке, теперь все чаще будут конкурировать и на энергетическом.

Министр нефти и природного газа Индии (MoPNG) Дхармендра Прадхан отметил, что Индия будет стремиться сохранять паритет между двумя крупнейшими державами. Министр предвидит сложности, которые могут быть следствием действия Федерального закона США, налагающим санкции на Иран, Северную Корею и Россию «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA). Ключевая причина стратегии диверсификации поставщиков нефти и газа Индии заключается в том, чтобы усилить свое собственное переговорное влияние как крупного импортера энергоресурсов. Эта политика позволила Индии существенно изменить контракты на поставку газа и сэкономить почти 600 млн долларов. Например, австрийский проект Gorgon, мажоритарными акционерами которого являются американские компании Chevron и Exxon Mobil, согласились на изменение формулы индексации, что привело к снижению цен на импортируемый газ.

Первая поставка российского СПГ состоялась только после того, как «Газпром» согласился пересмотреть 20-летний контракт на поставку сжиженного природного газа, который первоначально был заключен в октябре 2012 года, с индийской государственной газовой компанией GAIL. В рамках сделки с пересмотренными условиями «Газпром» согласился на изменение формулы индексации цен на газ с привязки к японской JCS, что сделало конечную цену на СПГ значительно дешевле, чем это было ранее.

Индии удалось пересмотреть существующие долгосрочные импортные контракты на СПГ по причине ее влияния как третьего по величине покупателя СПГ в Азии, а также в результате планируемого изменения энергетического баланса страны в части использования природного газа до 15% с существующих 6%. Внутренняя добыча остается невысокой, основные объемы страна получает за счет импорта, который составляет 45% от общего потребления. Этот поворот к «газовой экономике» об-

условлен желанием Индии снизить углеродную интенсивность и выполнить свои обязательства по сокращению выбросов 21-й Конференции Сторон (КС-21).

В Индии действуют четыре терминала для импорта СПГ мощностью 27 млн тонн в год:

Дахеж — 15 млн тонн в год;

Хазира — 5 млн тонн в год;

Дабхол — 2 млн тонн в год;

Кочи — 5 млн тонн в год.

Существуют планы по строительству еще 11 регазификационных терминалов в ближайшие 6 лет, которые смогут принимать и российский газ.

До недавнего времени почти 80% российского газового экспорта приходилось на страны Европы, но после введения санкций Российская Федерация вынуждена пересмотреть свои договоренности по газу. Сотрудничество с Индией позволит нашей стране пересмотреть инфраструктуру экспорта энергоресурсов, предположительным местом отгрузки может выступить российская часть Тихоокеанского побережья.

Важное значение для Индии имеет атомная энергетика. АЭС сегодня являются одним из самых чистых источников энергии. По оценкам экспертов эта отрасль сможет обеспечить около 5% энергопотребления страны. В стране действует 21 атомный реактор, еще 6 реакторов находятся на различных стадиях строительства. Их ввод в эксплуатацию позволит довести мощность атомной энергетики страны до 10 ГВт.

Одной из серьезных проблем Индии является ее неучастие в Договоре о нераспространении ядерного оружия. С 1974–2008 гг. Индия не допускалась к международной торговле ядерными технологиями, и была вынуждена использовать достижения отечественной атомной энергетики. Страна лишена запасов природного урана, что постоянно приводило к проблемам с поставками топлива. В 2008 г. МАГАТЭ сняло ограничение на сделки с Индией на получение ядерных технологий и топлива.

Сотрудничество между нашими странами в области атомной энергетики началось достаточно давно. В 1988 СССР и Индия подписали соглашение о сооружении АЭС «Куданкулам», но строительство было начато только в 2001 году. В 2002 году «Атомстройэкспорт» заключил контракт с Индийской Корпорацией по атомной энергии (NPCIL) на разработку рабочей документации для выполнения строительных, монтажных и пуско-наладочных работ, а также контракты на изготовление и поставку оборудования и материалов для реакторного отделения, машинного зала и других зданий и сооружений АЭС. Строительные, монтажные и пуско-наладочные работы на площадке АЭС осуществляются индийской стороной.

В марте 2010 года Россия и Индия подписали «дорожную карту», предусматривающую начало работ по восьми реакторам на тяжелой воде на 700 МВт, по двум реакторам на быстрых нейтронах мощностью 500 МВт, одному реактору на быстрых нейтронах мощностью 300 МВт и восьми легководных реакторам (ЛВР) мощностью 1000 МВт. Предполагаемая стоимость реакторов ТВР и ЛВР составляет около 40 млрд долл. США. Самой главной проблемой российско-индийского сотрудничества в области атомной энергетики является сложный вопрос ответственности за ядерный ущерб. По принятому Индией закону, ответственность ложится на российского поставщика «Росатом», который осуществляет ввод в эксплуатацию, поставку оборудования и материалов из РФ, надзор за строительством зданий и сооружений, обучение индийского персонала и техническую поддержку. Согласно международному законодательству ответственность должен нести оператор — индийская компания NPCIL.

В настоящий момент на станции работают два реактора, начато строительство третьего энергоблока, закончено строительство четвертого и пятого реакторов. Необходимо заметить, что тарифы на электроэнергию на АЭС «Кудамкулам» в 2 раза ниже тарифов, заложенных в американские атомные проекты.

Россия обладает богатыми запасами нефти и газа, в условиях доступных углеводородов потенциал возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в нашей стране остается мало реализованным и обеспечивает лишь 0,024% спроса, в Индии

на ВИЭ и АЭС в 2020 году приходилось 35% установленной мощности. Доля солнечной энергии составляет 12%, а ветра 5%. Поскольку этот рынок в нашей стране только зарождается, российским компаниям был бы очень полезен опыт индийских коллег. Индия — один из мировых лидеров ветряной энергетики, которая развита в штатах Гуджарате, Карнатаке, Тамилнаде и Кашмире. Большинство индийских ветряных участков расположены во втором классе (200–300 Вт/м²). В стране имеется несколько крупных производителей ветряных турбин, лопастей и сопутствующего оборудования: Suzlon, Regen, RRB, Inox. Среднегодовой темп роста ветроэнергетики составляет около 15%. Индия располагает опытом, технологиями в области производства ветрогенераторов. Использование энергии ветра в России позволит сократить потребление природного газа и направить высвобождающиеся объемы на экспорт.

Индия ценит отношения с Россией — ни одна из стран не пользуется в Индии таким доверием, как Россия. Россия до

сих пор получает большинство оборонных контрактов. Для того чтобы создать прочные равноправные отношения, Индии и России нужно наращивать их экономический базис: больше регионального сотрудничества, развитие новых проектов и институтов в рамках ШОС, попытка переосмысления роли БРИКС, больше сотрудничества по обеспечению безопасности в Индийском и мировом океанах.

Подводя итоги, можно сказать, что сближение России и Индии — закономерный экономический процесс, обусловленный необходимостью диверсификации газовых и нефтяных поставок обеих стран.

Российско-индийское сотрудничество в энергетической сфере важно для обеих сторон: для Индии — это противовес во взаимоотношениях с США, а для России — высокотехнологичный рынок и укрепление государственного сектора в сфере энергетики.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

Список использованных источников:

1. Воронцова А.В., Ефимова Е.Г. Крупные открытые экономики: типологизация и проблемы анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.5. Экономика. — 2016. — Вып.2. — С. 27–51.
2. Халова Г.О., Рева А.Р. Современное состояние и перспективы развития нефтегазового комплекса Индии // Инновации и инвестиции. — 2016. — №7. — С. 77–80.
3. Шикин В.В., Бандари А. Российско-индийское сотрудничество в области энергетики: торговля, совместные проекты, новые сферы. Аналитическая записка. Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам» (НП РСМД №13 октябрь 2017) <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-India-Energy-Policybrief13-Ru.pdf>
4. Oil & Gas Industry in India // IBEF: <https://www.ibef.org/industry/oil-gas-india.aspx>
5. Rosneft and Investment Consortium Led by Trafigura Sign Agreements to Acquire 98% in Essar Oil // Essar. 15.10.2016. URL: http://www.essar.com/article.aspx?cont_id=ZpsxL0U0Qs0.
6. BP Statistical Review of World Energy 2016 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html>
7. CEA (Central Electricity Authority) (2014a), General Review 2014, CEA, New Delhi.
8. DAE (Department of Atomic Energy) (2015), Annual Report 2014–15, DAE, Mumbai
9. Global Fuel Prices Database. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalpetrolprices.com/diesel_prices/
10. Government of India. Ministry of Power. Initiatives and Achievements [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://powermin.nic.in/en/content/initiatives-and-achievements>
11. India continues developing its strategic petroleum reserve as its oil imports grow // EIA [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=27132>
12. Jain, A., et al. (2015), Access to Clean Cooking Energy and Electricity — Survey of States, Council on Energy, Environment and Water, New Dehli.
13. United Nations Population Division (UNPD) (2015), World Population Pro-spects: The 2015 Revision, United Nations, New York.
14. Министерство угольной промышленности Индии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://coal.nic.in/content/production-supplies>

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ СО СТРАНАМИ-УЧАСТНИКАМИ ЕАЭС*

М.В. Морошкина,

научный сотрудник Института экономики Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск),
доцент Петрозаводского государственного университета, кандидат экономических наук,
maribel74@mail.ru

В статье дан обзор уровня и динамики развития человеческого потенциала приграничных со странами ЕАЭС регионов, имеющих особые условия для экономического развития ввиду наличия преференциальных условий на данных территориях. Данное исследование позволит оценить возможности экономического развития этих территорий и воздействие преференциальных условий на динамику экономического роста.

Ключевые слова: Приграничные регионы, ЕАЭС, экономическое развитие, человеческий капитал, трудовой потенциал

УДК 332.1

Современные условия, сложившиеся на мировой арене в экономической и политической ситуации, все большее значение придают интеграционным процессам Российской Федерации. Евразийский экономический союз в данном контексте приобретает особую актуальность, которая заключается в вопросах сотрудничества и взаимодействия в рамках экономических направлений развития. Процесс создания ЕАЭС

проходил на основании договора, заключенного между странами-участниками Евразийского союза: Российской Федерацией, Кыргызской Республикой, Республикой Армения, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан. Результатом заключенного договора стал процесс создания особых экономических условий для сотрудничества. Исследование процесса развития российских приграничных регионов со странами ЕАЭС

* Исследование выполнено в рамках бюджетной научно-исследовательской работы в Институте экономики Карельского научного центра РАН «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

представляется актуальным и важным. Наличие договорных направлений развития позволяет активизировать развитие производственных и экономических отношений между территориями. Объектом исследования выступают пограничные с территориями евразийского пространства регионы.

Интеграционное объединение ЕАЭС является структурой, действующей с 2012 г., целью которой является активизация процессов сотрудничества между странами-участниками интеграционного блока евразийского пространства. Важными направлениями являются: разнонаправленный товарооборот; движение факторов и ресурсов производственной деятельности; формирование доступного пространства для производственной и предпринимательской деятельности в рамках интеграционного объединения [1].

Сложившаяся политическая обстановка в мировом сообществе, введенный режим санкций актуализирует функционирование интеграционных объединений и создание условий для развития внешних связей и отношений, обеспечивающих рост товарооборота в рамках стран-участниц ЕАЭС [2].

Российские регионы, являющиеся приграничными со странами евразийского пространства, получают ряд преимуществ, обеспеченных договорными отношениями между странами-участниками ЕАЭС [3, 4, 5]. Наличие преферентных условий для приграничных регионов позволяет активизировать направления внешнеэкономической деятельности, трансграничное сотрудничество, движение финансовых и производственных ресурсов и т.д. [6, 7].

Исследователи отмечают, что приграничные регионы развиваются неодинаково [8, 9]. Приграничные регионы с развитыми странами мирового сообщества обладают преимуществами, которые определяются процессами расширения производственной и экономической сферы. Стоит отметить, что развитие данных регионов ограничивают конкурентные условия производственной деятельности, которые выражаются в конкуренции с товарами, услугами мировых производителей [10, 11]. Приграничные регионы со странами бывшего Советского Союза характеризуются меньшим уровнем экономической активности со стороны приграничных стран. Создание интеграционных объединений, преферентных условий для внешнеэкономической деятельности, способствует активизации процессов взаимодействия [12, 13].

Развитие человеческого капитала оценивалось в результате исследования динамики экономических показателей по регионам, приграничным со странами участниками ЕАЭС. Наиболее частым в использовании качественной оценки человеческого капитала является показатель численности населения, позволяющий определить объемные характеристики региона. Приграничные территории со странами-участницами ЕАЭС проанализированы по показателю «численность населения в период 2010–2020 гг.» (рис. 1).

Условно все анализируемые приграничные регионы можно разделить на 3 группы: 1) регионы с высоким показателем численности населения (Тюменская область, Челябинская об-

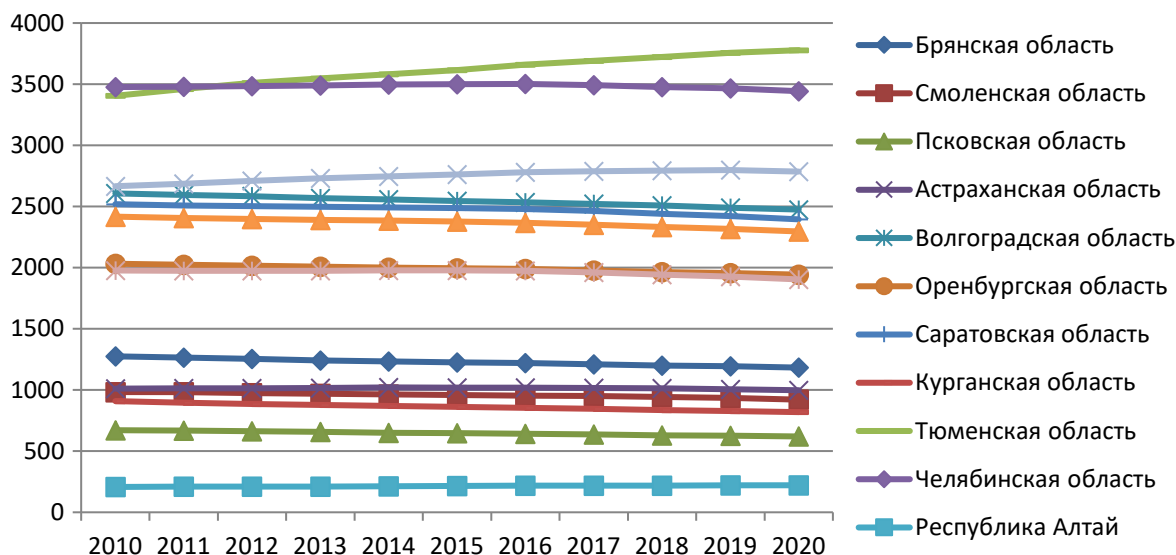

Рис. 1. Динамика численности населения в приграничных регионах со странами ЕАЭС

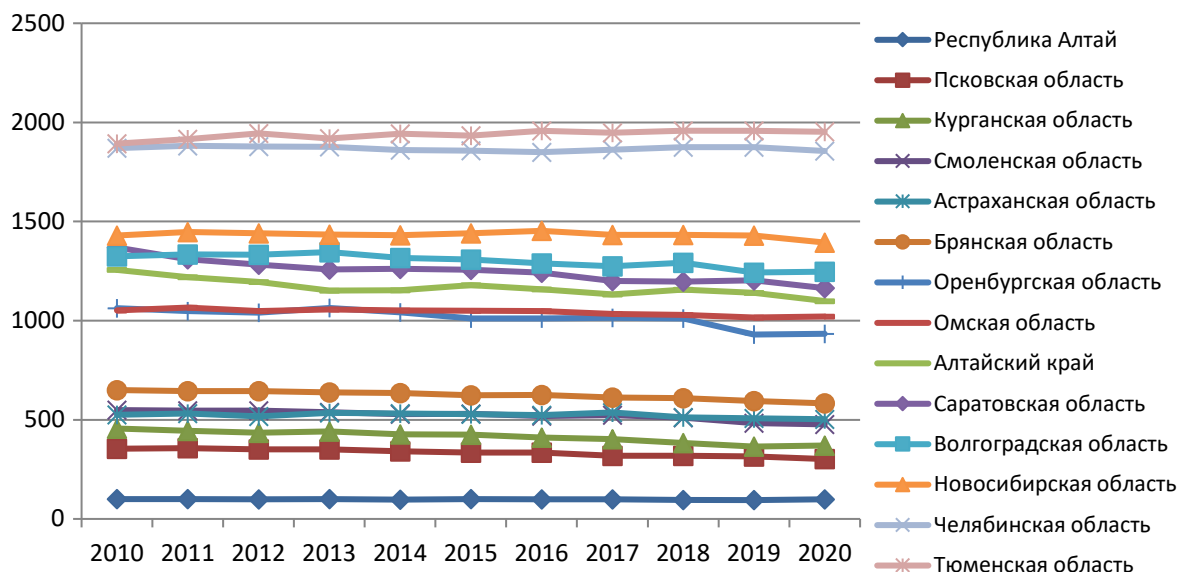

Рис. 2. Динамика экономически активного населения в приграничных регионах со странами ЕАЭС

ласть), 2) регионы со средним значением показателя численности населения (Новосибирская область, Волгоградская область, Саратовская область, Алтайский край, Оренбургская область, Омская область), 3) сравнительно малочисленные регионы (Брянская область, Астраханская область, Смоленская область, Курганская область, Псковская область, Республика Алтай).

На рис. 2 показана динамика численности экономически активного населения. Наибольший вес в структуре экономически активного населения приграничных регионов евразийского пространства занимают Тюменская и Челябинская области.

Стоит отметить, что структура распределения экономически активного населения между территориями дублирует распределение по численности населения данных территорий, с разницей в значениях. Данное обстоятельство говорит о совпадении тенденции поведения данных показателей.

Динамика численности занятых в период 2010–2020 гг., в рассматриваемых регионах показывает неодинаковый тренд (табл. 1).

Проведенный анализ численности занятых в приграничных регионах со странами евразийского интеграционного объединения показал, что максимальная численность занятых наблюдается в Тюменской области, что соответствует тенденциям численности населения и численности экономически активного населения. Важным результатом является оценка прироста показателя за исследуемый период, который показал, что в большинстве приграничных регионов не наблюдается положительной динамики численности занятых, исключение составляет Тюменская область и Новосибирская область.

Исследование процесса развития территории может определяться динамикой показателя «уровень безработицы», который позволяет определить уровень экономического благополучия в регионе. Для территориальных образований, расположенных в приграничной полосе интеграционного объединения, данный показатель является еще и индикатором эффективности механизмов, определяющих приграничное взаимодействие. Высокий уровень безработицы демонстриру-

Таблица 1

Динамика численности занятых в приграничных регионах со странами ЕАЭС

Территории	2010	2012	2014	2016	2018	2020	темп прироста 2020 к 2010
Тюменская область	2170	2201,4	2217,6	2190,8	2232,9	2196,00	1,20
Челябинская область	1730,5	1745,6	1732,4	1714	1756,2	1717,00	-0,78
Новосибирская область	1287,9	1360,5	1397,7	1338,8	1327	1288,20	0,02
Волгоградская область	1243	1238,1	1194	1147,6	1140,6	1072,60	-13,71
Саратовская область	1155,7	1166,4	1180,1	1136,9	1051,4	1009,40	-12,66
Алтайский край	1093,4	1091,8	1069,6	1017,5	1023,4	976	-10,74
Омская область	938,5	931,8	934,5	913	891,7	876,6	-6,60
Оренбургская область	960,4	998,9	959,9	935,6	920,6	832,3	-13,34
Брянская область	580,9	587,1	557,8	540,6	523	498,5	-14,18
Астраханская область	493,6	487,9	481,6	473,7	470,7	444,2	-10,01
Смоленская область	484,6	478	470	443,9	432,5	407,2	-15,97
Курганская область	383,1	376,7	367,4	348,3	326	309,8	-19,13
Псковская область	310,5	316,9	309,4	291,2	282,7	272	-12,40
Республика Алтай	88	85,4	85	85	82,8	80,6	-8,41

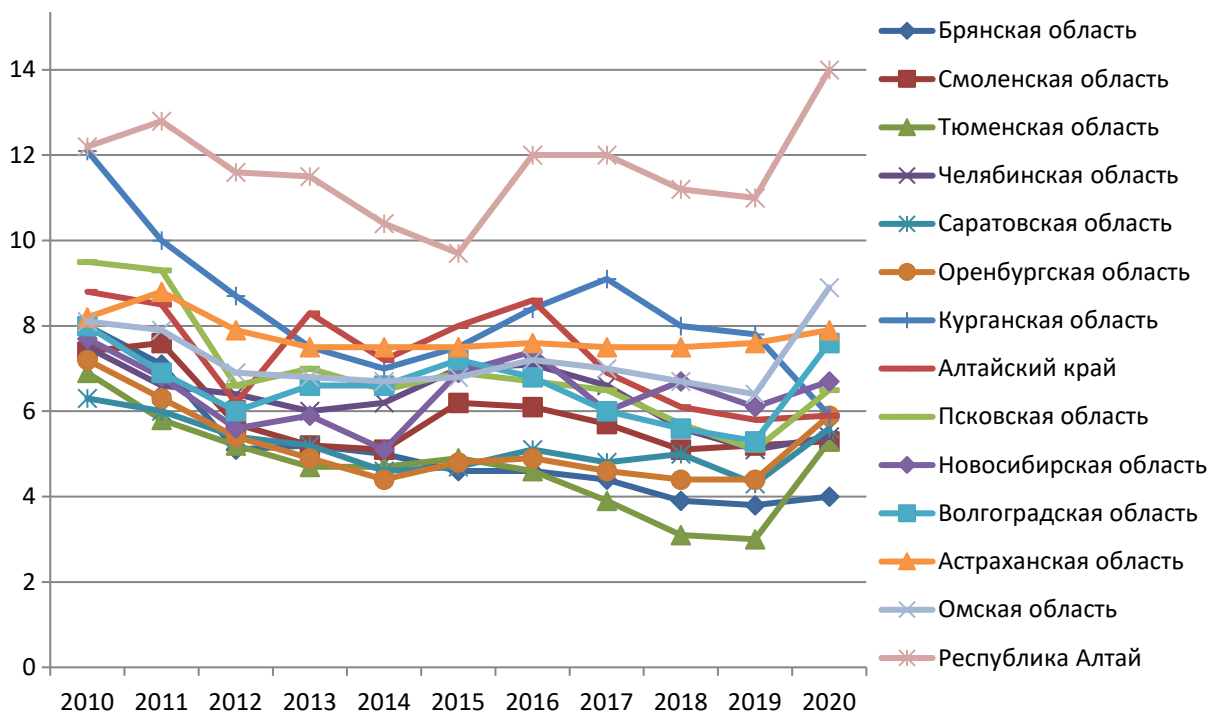
Источник: данные Росстата, составлено и рассчитано автором.

Статистические данные представлены с интервалом 2 года и проранжированы в порядке убывания по 2020 г. Серым цветом выделены территории, у которых наблюдается положительная динамика

ет низкий уровень экономической активности хозяйственной деятельности и развития производственных процессов (рис. 3).

Немаловажное значение на оценку развития территории оказывают показатели уровня доходов населения. Регионы, имеющие высокий уровень доходов населения характеризуются высоким уровнем экономической активности различных направлений хозяйственной деятельности. Оценка показателя «среднедушевая заработная плата» позволит оценить уровень благосостояния населения (рис. 4).

Исследование динамики среднедушевых денежных доходов населения определили возрастающий тренд данного показателя во всех рассматриваемых регионах. Отличительной

Рис. 3. Динамика уровня безработицы в приграничных регионах со странами ЕАЭС

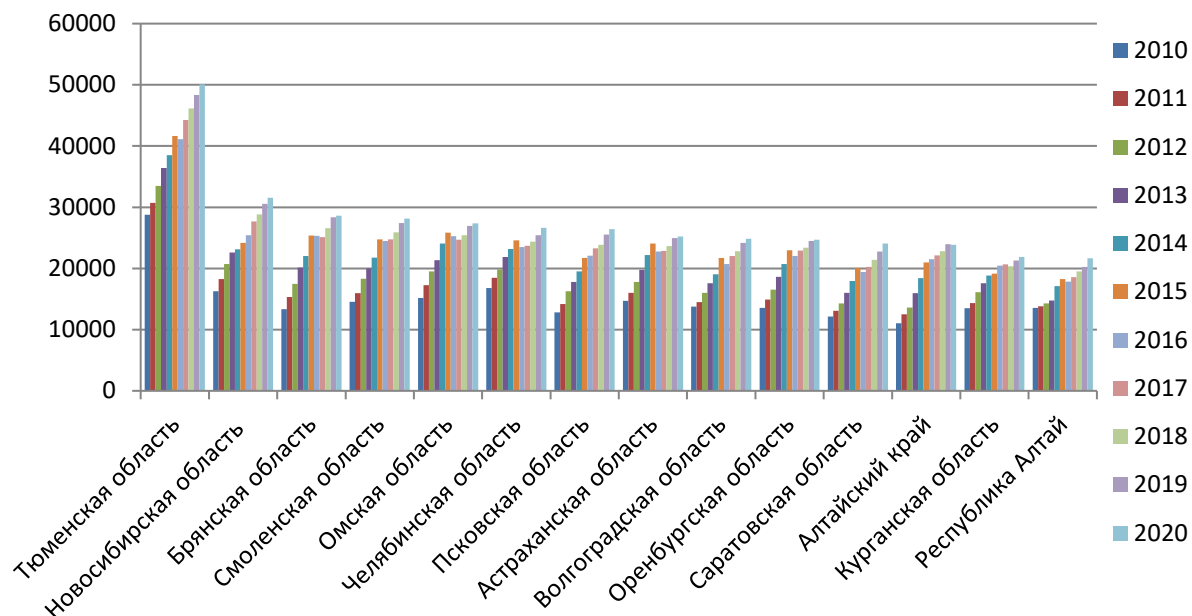

Рис. 4. Динамика среднедушевых денежных доходов населения в приграничных регионах со странами ЕАЭС

характеристикой данных территорий является одинаковый уровень исследуемого показателя в большинстве территориальных образований, исключение представляет Тюменская область, которая имеет показатели более высокие.

Выводы. Российские регионы, расположенные в приграничной доступности со странами-участниками ЕАЭС, в рамках заключенных договоров получают преимущества, которые обеспечиваются по различным направлениям заключенного договора.

Преимущества, созданные в результате образования ЕАЭС, должны стимулировать развитие ресурсного направления, производственных комплексов, экономическое развитие и улучшение многих других показателей. Проведенный анализ приграничных регионов показал, что лидирующим по большинству исследуемых индикаторов является Тюменская область, которая попадает в зону лидеров благодаря нефтедобыче. Экономическое развитие других приграничных регионов пока-

зывает, что эти регионы имеют средние характеристики роста и не показывают высоких темпов развития.

Исследование выявило, что приграничные регионы имеют различные уровни развития исследуемых индикаторов, в зависимости от экономических, социальных факторов и развития производства. Среди приграничных регионов ЕАЭС наблюдается незначительная градация по отдельным факторам, позволяющая сгруппировать их в отдельные группы. К показателям, по которым территории можно объединить в группы, относятся: численность населения, численность экономически активного населения.

Полученные результаты исследования, показали, что в контексте показателей человеческого капитала и динамики его развития, ЕАЭС на приграничные территории не оказывает значительного влияния. Следующим этапом исследования должна стать оценка влияния ЕАЭС на другие факторные рынки, влияние на которые может оказаться более значимым.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

Список использованной литературы:

1. Иванова Е.М. Евразийская интеграция: путь от СНГ к ЕАЭС // Российский внешнеэкономический вестник [Электронный ресурс]. — 2015. — № 6. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskaya-integratsiya-put-ot-sng-k-aeas>
2. Ермакова А.В. Участие Российской Федерации в Евразийском экономическом союзе: история и перспективы // Экономические исследования. — 2016. — №4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-rossiyskoy-federatsii-v-evraziyskom-ekonomicheskom-soyuze-istoriya-i-perspektivy> (дата обращения: 27.04.2020).
3. Круг Э.А. Интеграционные процессы приграничных территорий // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. — 2016. — №4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsionnye-protsessy-prigranichnyh-territoriy> (дата обращения: 09.12.2019).
4. Дружинин П.В. Особенности развития приграничных регионов // Регионоведение. — 2017. — Т. 25. — № 2. — С. 200–2017.
5. Морошкина М.В. Межрегиональная дифференциация приграничных регионов на евразийском пространстве // Вестник экономики, права и социологии. — 2021. — Т. 2. — № 4. — С. 60–63.
6. Бадарчи Х.Б., Дабиев Д.В. Типологический анализ приграничных регионов России по уровню социально-экономического развития (на примере республики Тыва). // Проблемы прогнозирования. — 2012. — №2. — С. 89–101.
7. Зубаревич Н.В. Развитие регионов в январе-ноябре 2019 г.: инерция сохраняется // Экономическое развитие России. — 2020. — № 3. — С. 66–69.
8. Михеева Н.Н. Долгосрочные прогнозы регионального развития: анализ результатов и проблемы разработки // Проблемы прогнозирования. — 2018. — №5. — С. 24–37.
9. Демидов А.В. Межрегиональные и приграничные связи во внешней политике России. Право и безопасность URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_25_7.htm. (дата обращения: 23.07.2018).
10. Вардомский Л.Б. Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в поясе новых границ России / Л.Б. Вардомский, С.В. Голунов. — М.: НОФМО. 2002 — 357 с.
11. Куприянов С.В., Стряжкова Е.А., Герасимова Н.А. Особенности экономического развития приграничных регионов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. — 2018. — № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ekonomicheskogo-razvitiya-prigranichnyh-regionov> (дата обращения: 09.12.2019).
12. Морошкина М.В. Дифференциация российских регионов по уровню экономического развития // Проблемы прогнозирования. — 2016. — №4(157). — С. 109–115.
13. Гладкий Ю.Н. Писаренко С.В. «Геополитическая конструкция» и «Геополитический потенциал» — основные понятия геополитики // Известия Российского Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2013. — №154. — С. 129–137.

ЭФФЕКТИВНАЯ АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО КАК ФАКТОР СОЗДАНИЯ ОБЩЕГО РЫНКА ТРУДА СТРАН ЕАЭС И СНГ

Р.И. Залаяв,

доцент кафедры конфликтологии Института социально-философских наук
и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат политических наук
rustemzalyaev@mail.ru

Одним из инструментов, способствующих созданию общего интегрированного рынка труда стран ЕАЭС и СНГ, является механизм адаптации и интеграции трудовых мигрантов в принимающее общество. В статье обосновывается, что механизм адаптации и интеграции мигрантов обладает многофункциональным потенциалом. Предлагаются направления деятельности, механизмы для дальнейшего эффективного осуществления процессов адаптации и интеграции трудовых мигрантов в принимающее общество.

Ключевые слова: миграция, трудовые мигранты, адаптация и интеграция трудовых мигрантов, социально-экономическая интеграция стран ЕАЭС и СНГ

УДК 316.4.06

Трудовые ресурсы являются одним из важнейших условий социально-экономического развития стран ЕАЭС и СНГ. Создание общего рынка труда стран ЕАЭС и СНГ, его эффективное управление и распределение, исходя из задач экономики стран, будет способствовать раскрытию общего потенциала трудовых ресурсов, усилению интеграционных связей и тем самым развитию экономик и более углубленной социально-экономической интеграции стран ЕАЭС и СНГ.

Одним из основных трудовых рынков для граждан стран ЕАЭС и СНГ остается Россия. В России сегодня создана и действует система адаптации и интеграции трудовых мигрантов. Работа по адаптации мигрантов в принимающее общество является одним из важных направлений деятельности миграционной политики России. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденной 31 октября 2018 г. Президентом РФ отмечается, что одной из задач миграционной политики России является «создание условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации иностранных граждан, испытывающих сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада, а также иными факторами» (п. 21) [1].

Механизм адаптации и интеграции мигрантов обладает многофункциональным потенциалом и может быть использован для решения ряда задач. Например, для получения Россией большего экономического эффекта от миграционных процессов механизм адаптации и интеграции мигрантов может быть направлен на успешную адаптацию трудоспособных, квалифицированных мигрантов в стране. Также механизм адаптации и интеграции мигрантов обладает значительным потенциалом и в деле предотвращения таких опасных для безопасности общества явлений как мигрантофобия, ксенофобия, распространение идеологий экстремизма и терроризма среди мигрантов.

Эффективное использование и интеграция трудовых ресурсов стран ЕАЭС и СНГ требует дальнейшего развития и расширения функций механизма адаптации и интеграции мигрантов. Хотелось бы остановиться более подробно на потенциале применения механизма адаптации и интеграции мигрантов на пути предотвращения распространения идеологий экстремизма и терроризма среди мигрантов, что является, в свою очередь, важнейшим условием политической и социально-экономической стабильности в пространстве стран ЕАЭС и СНГ.

Эксперты больше указывают на опасность проявлений экстремизма и терроризма в России, как и для любого другого принимающего мигрантов государства, со стороны незаконной миграции. Каналы незаконной миграции могут использовать в своих целях международные экстремистские и террористические организации. Директор ФСБ России А.В. Бортников, выступая на одном из совещаний, отметил: «Пройдя в лагерях

психологическую обработку и террористическую подготовку и получив боевой опыт в «горячих точках», бандиты, используя незаконную миграцию, расползаются по намеченным регионам. Их цель — создание законспирированных ячеек, вербовка боевиков, подрыв внутренней безопасности и территориальной целостности стран оседания» [2].

Незаконные мигранты, находясь в стране на нелегальном положении, оказываются в уязвимом правовом положении, не имеют возможности законно работать, испытывают экономические и социально-бытовые трудности, что подталкивает их к противоправной деятельности. Зачастую незаконные мигранты пополняют ряды этнической и трансграничной организованной преступности, становятся привлекательным объектом для вербовщиков международных экстремистских и террористических организаций, тем самым создают базу для формирования экстремистских и террористических организаций, что является непосредственной угрозой для национальной безопасности стран ЕАЭС и СНГ.

Незаконная миграция негативно воздействует на рынок труда, порождая на рынке труда избыток рабочей силы, способствует развитию теневой экономики, которая часто использует труд незаконных мигрантов, коррупции, что также может привести к росту социальной напряженности в обществе, обострению межнациональных и межрелигиозных отношений, провоцированию экстремистских настроений и ксенофобии.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации незаконная миграция рассматривается как одна из угроз национальной безопасности России (п. 22) [3]. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденной 31 октября 2018 г. Президентом РФ также подчеркивается, что одной из задач миграционной политики РФ является «дальнейшее развитие механизмов и средств профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации» [1].

Эффективность действия механизмов адаптации и интеграции мигрантов против формирования незаконной миграции обусловлено тем, что их действие направлено на предотвращение и устранение причин, обстоятельств, способствующих нарушению мигрантами миграционного законодательства.

Следует подчеркнуть, что не только незаконная, но и законная миграция в определенных случаях может представлять опасность проявлений идеологий экстремизма и терроризма. Во-первых, прибывающие в Россию на законных основаниях мигранты могут изначально являться сторонниками международных экстремистских и террористических организаций. Во-вторых, мигранты могут попасть под влияние идеологий экстремизма и терроризма уже на территории России. Второму могут способствовать воздействие на мигрантов ряда факторов, среди которых религиозность на фоне скудных, искажен-

ных знаний об основах исламской религии, низкий уровень образования, неустроенность на новом месте, бедственное экономическое положение, недоброжелательное отношение к мигрантам местного населения и т.д. И здесь механизмы социально-экономической и культурной адаптации и интеграции мигрантов выступают действенным средством профилактики этих негативных факторов.

На что надо обратить внимание при разработке механизмов адаптации и интеграции мигрантов в российское общество?

Существуют разные практики к решению миграционных проблем. Например, мультикультурализм как подход к решению вопросов миграции исходит из того, что различные этнические и религиозные сообщества могут жить бок о бок на одной территории, сохраняя свою культуру, и не ставя задачи обязательной взаимной интеграции культур. Однако опыт применения этого подхода к решению миграционных проблем рядом стран Европы показал, что автономные, ничем не связанные между собой культуры, в большей степени подвержены таким негативным в обществе явлениям как непонимание между этническими и религиозными группами, формирование предубеждений к представителям других культур, которые в определенных случаях могут перейти в такие крайние формы нетерпимости как ксенофобия и экстремизм.

Видится, что для предотвращения таких опасных явлений и минимизации негативных последствий миграционных процессов требуется разработка и применение в миграционной политике такой модели взаимодействия мигрантов и принимающего общества, которая могла бы обеспечить высокую степень интеграции и сплочения культур, формирование добрососедских, основанных на взаимоуважении отношений между культурами, с тем, чтобы новые культуры мигрантов могли влиться в сложившуюся веками единую общероссийскую культуру, стать одним целым с ним. При этом речь не идет об ассимиляции культур мигрантов. В такой многонациональной стране как Россия, применение механизмов ассимиляции культур невозможно и не продуктивно.

Принимающее общество должно создавать все условия для сохранения и развития культур мигрантов. В свою очередь, мигранты должны быть заинтересованы и готовы принять и добросовестно исполнять российские законы и многовековые общероссийские традиции и ценности, основанные на взаимоуважении культур. Для этого очень важно, чтобы мигранты были уверены, что они будут обладать одинаковыми с гражданами принимающего общества правами и обязанностями, иметь равный доступ к закону, принятию публичных решений. Общероссийские традиции и ценности должны быть понятны мигрантам и отражать и их мировоззрение. Другими словами, принимающее общество должно стать и обществом для мигрантов.

Какие направления деятельности, механизмы необходимы для эффективного осуществления процессов адаптации и интеграции мигрантов?

Эксперты отмечают, что для эффективного осуществления в России адаптации и интеграции мигрантов требуется применение комплекса мер, включающих правовые, организационные, экономические и другие механизмы [4, с. 6; 5, с. 15].

Что касается правовых мер, то сегодня российское законодательство содержит определенные механизмы по адаптации и интеграции мигрантов. Например, Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» содержит требования о владении мигрантами русского языка, знании истории России, основ российского законодательства (ст. 15.1) [6]. Мигрантам также вверяется в обязанность иметь полис медицинского страхования, что, несомненно, будет являться важным условием для доступа к медицинским услугам (п. 10, ст. 13) [6].

Эксперты также говорят о необходимости дальнейшей работы и по программному обеспечению адаптации и интеграции мигрантов, включающие не только перечень конкретных мероприятий, но и порядок их осуществления, объем необходимых для этого материально-финансовых ресурсов [7, с. 10].

Для успешной адаптации и интеграции мигрантов, для формирования атмосферы толерантного, доброжелательного

отношения между мигрантами и принимающим обществом очень важно привлечение государством в этот процесс широкой общественности, СМИ, общественных организаций, организаций науки, образования, гражданского общества и самих мигрантов. В этой связи, можно отметить положительный опыт выделения федеральных грантов, создания механизмов оказания субъектами Российской Федерации финансовой помощи социально ориентированным некоммерческим организациям, которые реализуют собственные проекты, направленные на социальную адаптацию и интеграцию трудовых мигрантов [8].

Для эффективного процесса адаптации и интеграции мигрантов в России органам государственной власти и органам местного самоуправления очень важно активно привлекать в этот процесс национально-культурные организации, диаспоры мигрантов, объединения национально-культурных организаций. Национально-культурные организации диаспор в России имеют большой потенциал для адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество.

Одним из важных направлений деятельности по эффективному процессу адаптации и интеграции мигрантов в России является межгосударственное сотрудничество в рамках стран ЕАЭС и СНГ, выстраивание взаимодействия между органами и ведомствами Российской Федерации и стран доноров мигрантов, в том числе по созданию в этих странах системы домиграционной подготовки потенциальных мигрантов, включающая не только профессиональную подготовку специалистов для России, но и обучение русскому языку, истории России, российским традициям.

Домиграционная работа с потенциальными мигрантами в странах донорах мигрантов позволяет проводить селективный отбор мигрантов с более качественным профессиональным потенциалом, что будет способствовать развитию социально-экономической системы стран ЕАЭС и СНГ.

При разработке программ и механизмов адаптации и интеграции мигрантов в России также следует учитывать положительный опыт по адаптации и интеграции мигрантов в других странах. Например, в перечне мероприятий нового Национального плана интеграции Германии, наряду с мероприятиями федерального правительства и земель, на муниципальном уровне важное место отводится работе по вовлечению «людей с миграционным фоном» [9] в сферу управления и в процесс подготовки и принятия решений. Данный опыт, на наш взгляд, может быть применим в России на муниципальном уровне с целью усиления процесса интеграции мигрантов [10].

Большим потенциалом для эффективного осуществления адаптации и интеграции мигрантов обладает система образования. Например, И.А. Головизнина считает, что «достижение цели интеграции мигрантов должно осуществляться в сфере образования путем решения трех основных задач:

- реализации специальных программ обучения для детей иммигрантов, характеризующихся углубленным изучением русского языка и русской культуры и основ права Российской Федерации;

- реализации среднего специального образования для граждан разных возрастных групп, с параллельным изучением русского языка, русской культуры и основ права Российской Федерации;

- реализации обязательных интеграционных образовательных программ для граждан разных возрастных групп, направленных на изучение русского языка, русской культуры и основ права Российской Федерации» [11].

Например, имеется определенный опыт реализации специальных программ обучения для детей мигрантов. В городе Москва работает сеть одногодичных «Школ русского языка» — базовых центров социально-культурной адаптации мигрантов. Эти школы решают следующие задачи:

- интенсивное обучение государственному (русскому) языку;

- знакомство детей мигрантов с основами русской культуры, историей народов России, основами российского законодательства, что способствует формированию у них российской идентичности;

- социально-психологическая поддержка детей мигрантов с учетом целесообразности работы с семьей в целом;

– информационная работа с родителями детей мигрантов, способствующая их активному участию в работе московских школ [11, с. 29].

На наш взгляд, применение предложенных направлений деятельности, механизмов по адаптации и интеграции мигрантов будет способствовать более мягкому вхождению мигрантов и членов их семей в принимающее общество, эффективной

коммуникации, налаживанию толерантных, дружественных, основанных на взаимоуважении отношений между мигрантами и принимающим обществом, мирному сосуществованию различных культур и тем самым дальнейшей, более углубленной социально-экономической и социально-культурной интеграции стран ЕАЭС и СНГ.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

Список использованных источников:

1. Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
2. Егоров И. Цель террористов — Европа [Электронный ресурс] // Российская Газета. — 2015. — 29 июля. — Режим доступа: URL: <http://www.rg.ru/2015/07/29/ekstremizm-site.html> свободный (дата обращения: 11.05.2020)
3. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
4. Андриченко Л.В. Правовые механизмы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации // Журнал российского права. — 2015. — №10. — С. 5–18.
5. Мишунина А.А. Принимающее общество и мигранты: правовые практики экономической и социально-культурной адаптации в современных условиях // Российская юстиция. — 2017. — № 9. — С. 13–16.
6. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 27.06.2018) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
7. Андриченко Л.В. Правовые механизмы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации // Журнал российского права. — 2015. — № 10. — С. 13–16.
8. Грант Президента РФ: «Апробация и тиражирование модели комплексного подхода к социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов». Протокол заседания Координационного комитета по проведению конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества от 22 ноября 2017 года № 3 [Электронный ресурс] Фонд президентских грантов — Режим доступа: <https://xn--80afcdbalict6afooklqj5o.xn--p1ai/public/home/documents4> свободный (дата обращения: 11.05.2020);
9. Statistisches Bundesamt (Федеральное статистическое ведомство Германии) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.destatis.de/Methoden> свободный (дата обращения: 11.05.2020)
10. National Action Plan on Integration Abridged press version (Национальный план действий по интеграции. Сокращенная версия для печати) [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.bundesregierung.de/Content/DE/_Anlagen/IB/2012-01-31-par-kurzfassung-presse-englisch.pdf?__blob=publicationFile свободный (дата обращения: 11.05.2020)
11. Головизнина И.А. Роль образовательной системы в предупреждении преступлений, совершаемых иммигрантами // Миграционное право. — 2011. — № 2. — С. 28–30.

ИНТЕГРАЦИЯ И ТРАНСПОРТНАЯ ДОСТУПНОСТЬ

Ю.А. Щербанин,

зав. лабораторией анализа и прогнозирования транспортно-логистических систем
Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, зав. кафедрой нефтегазотрейдинга и логистики
Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина (г. Москва),
доктор экономических наук, профессор
shcherbanin.y@gubkin.ru

В статье дан обзор транспортной доступности и мобильности населения в странах ЕАЭС и в различных регионах России, которая коррелируется с соответствующими объемами перевозок населения, деловых поездок, переброски вахт и т.д. Разрывы в доступности характерны как для отдельных стран (большие территории России, Казахстана), так и для «межстранового формата» (Западная Белоруссия и Дальний Восток России, Южный Казахстан и Киргизия — Северо-Запад России, Армения и Восточный Казахстан и т.д.). Этому сопутствуют удаленность, транспортная замкнутость, что не стимулирует рост и создание рабочих мест, социальную интеграцию. Рассматривается показатель «транспортная подвижность населения».

Ключевые слова: транспортная доступность, транспортная мобильность, интеграция и транспортная доступность

ББК У37(2)8(2Р31)

Фундаментальные вопросы развития и укрепления международной экономической интеграции (МЭИ) самым активным образом глубоко и последовательно исследовались в 1950–1980-х гг., в период становления и формирования Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), Европейских экономических сообществ (ЕЭС) и Европейского Союза (ЕС), в период острого идеологического соперничества двух систем — социалистической и капиталистической. После 1991 г. СЭВ распался и, по большому счету, государственная экономическая политика всех бывших социалистических стран переориентировалась на подходы к МЭИ, сформулированные в Европейском Союзе. Из многочисленных серьезных исследований западных экономистов можно выделить работы П. Робсона [1], К. Киндлбергер [2], Европейского центра международной политэкономии [3] и др.

Международная экономическая интеграция предполагает имплементацию т.н. пяти степеней свободы: свободы движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы и информации. Интеграционные процессы должны сопровождаться ростом транспортной мобильности не только в отношении граждан соответствующих стран, но и в отношении грузодвижения, капитала, доступности услуг, что предполагает сокращение т.н. «разрывов в доступности». Разрывы в доступности характерны как для отдельных стран (большие территории России, Казахстана), так и для «межстранового формата» (Западная Белоруссия и Дальний Восток России, Южный Казахстан и Киргизия — Северо-Запад России, Армения и Восточный Казахстан, например, и т.д.). Этому сопутствуют удаленность, транспортная замкнутость и зависимость регионов, что не стимулирует рост и создание рабочих мест, социальную интеграцию.

Относительно заявленной темы отметим, что вопросы транспортной доступности российскими авторами исследуются вполне масштабно, с привязкой к конкретным географическим регионам, с выявлением специфических черт. Среди работ по транспортной доступности можно выделить и разработки казанских исследователей применительно к Приволжскому федеральному округу [4].

Как известно, уровень транспортной доступности коррелируется с соответствующими объемами перевозок населения, деловых поездок, переброски вахт и т.д. В странах ЕАЭС в период с 2005 по 2019 гг. перевозки пассажиров всеми видами транспорта выросли в Казахстане (с 9924 млн чел. до 23 835,8 млн чел.) и в Киргизии (соответственно, 445 и 731,6 млн чел.). В Армении, Белоруссии и России отмечается падение общих пассажиропотоков (соответственно, с 204,8 до 194 млн чел, с 2540,3 до 1995 млн чел. и с 30128 до 17826,1 млн чел.). На сухопутном транспорте положение по странам соответствует общему — рост в Казахстане и Киргизии и падение объемов перевозок в Армении, Белоруссии и России на железнодорожном и автомобильном транспорте, хотя и имеются отличия по включению отдельных сегментов (такси, городской автобус) в статистику. Воздушный транспорт демонстрировал на протяжении всего периода вполне устойчивый рост пассажиропотока, но статистика ЕЭК не выделяет показатели по авиаперевозкам пассажиров между странами ЕАЭС [5], тогда как в российской статистике эти показатели указываются.

Таблица 1

**Россия: Перевозки пассажиров авиатранспортом
2015–2021 гг. [6]**

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Перевозки местные, млн пасс.	1,809	1,89	1,929	1,98	1,97	1,766	2,625
Перевозки со странами СНГ, млн пасс.	7,201	6,33	6,78	7,25	6,2	1,46	6,49

Таблица 2

**Россия: Железнодорожные пассажироперевозки
2015–2021 гг. [6]**

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Отправление всего, млн пасс.	1025	1040	1121	1160	1201	876	1053,4
В т.ч. дальним магистральным, млн пасс.	98	101,5	102	110	116,6	67,9	92
Отправлено в международном сообщении, млн пасс.	0,04	0,3	0,4	0,3	0,4	0,1	0,1

Как видно из приведенных данных, авиаперевозки пассажиров российскими авиакомпаниями в страны СНГ постепенно выходят на уровень 7 млн чел. Судя по прогнозам, в текущем году увеличится поток российских туристов в страны ЕАЭС на различные курорты. Отметим, что в 2021 г. восстановились пассажирские перевозки по железной дороге только в Белоруссию. До пандемии достаточно высокий объем перевозок приходился в сообщении с Киргизией и Таджикистаном.

Рассмотрим некоторые вопросы развития пассажироперевозок внутри России. Исходим из того, что интеграция в рамках ЕАЭС поднимает и вопросы транспортной доступности для граждан стран-членов в сообщении с Россией. Разрыв в части транспортной доступности формируется, помимо других условий, за счет таких факторов, как удаленность многих областей в странах ЕАЭС от промышленных районов с высокой концентрацией производства, затрудненный доступ к промышленным и сельскохозяйственным регионам соседних стран ЕАЭС, изолированность отдельных областей и районов (например, Магаданская область или золотые прииски Колымы).

Тезис М.В. Ломоносова «Могущество России прирастать будет Сибирью и Северным океаном» пока не подкрепляется крупными достижениями, существующие реалии не позволяют в полной мере осваивать ресурсы регионов. Различия между

европейской частью России, Уралом, Сибирью, Дальним Востоком, Арктической зоной в части транспортной инфраструктуры достигают недопустимого для нас уровня: пять субъектов Федерации не имеют железных дорог, 40 тыс. населенных пунктов (небольших по численности населения) не обеспечены постоянной круглогодичной связью с автомобильной сетью дорог общего пользования, не осваиваются более двух десятков разведанных и готовых к использованию крупных по мировым меркам месторождений природных ресурсов.

Рост автомобилизации примерно в 5,7 раза превышает увеличение протяженности автодорог общего пользования, что ощутимо сказывается в части грузодоставок конечным пользователям. Отметим также, что появляющиеся в официальных документах Минтранса России показатели о доле протяженности автодорог федерального значения, работающих в режиме перегрузки, как правило, замерялись в период сбора урожая, посевной компании или перед новогодними праздниками, т.е. в пиковые периоды. На самом деле ситуация не столь критична, НО! При нынешнем уровне производства промышленной и сельскохозяйственной продукции и объемов поставок грузов на экспорт транспортная система справляется с грузопотоками, но при ускоренном наращивании грузопотока могут возникнуть затруднения.

Выделим еще факторы внутреннего порядка — состояние имущества и технико-технологический уровень предоставления транспортных услуг в условиях имеющейся инфраструктуры. Предоставление услуг на объектах российской транспортной инфраструктуры (складирование, погрузочно-разгрузочные операции, возможность применения мультимодальных технологий, техническое состояние и т.д.) осуществляется на разном качественном уровне. Это зависит от принадлежности того или иного объекта инфраструктуры, от региона, климатических условий, объема средств, регулярно выделяемых для поддержания объекта на должном уровне, от желания компаний совершенствовать и развивать сооружения в фарватере современных технико-технологических требований.

Одним из важных для анализа использования транспортной инфраструктуры параметров является интенсивность перевозок на автомобильных дорогах общего пользования. Высокая интенсивность способствует росту мобильности. Одно дело — один рейс в неделю, другое — один раз в сутки. Этот параметр, измеряемый путем расчета соотношения грузооборота на 1 км дороги, в общем помогает сделать определенные выводы о том, насколько интенсивно используются пути сообщения, опять же, в контексте того, что подвижной состав только тогда эффективен, когда он не простаивает, а находится в движении, достигает «пунктов доступности». Транспортные средства по возможности всегда должны везти груз или пассажиров, простой дорого обходится компании-владельцу. С другой стороны, в разных странах существуют свои особенности, масштабы работы. Тем не менее, одной из ведущих стран, активно использующих автотранспорт в грузоперевозках (примерно 40% всего перевозимого в стране груза!), является Германия. Показатель интенсивности в Германии в 2019 г. составил 1,01 (протяженность всех автодорог — 229 890 км, грузооборот — 233 276 млн т-км). Тогда же в России этот показатель составлял 0,18 или более чем в 5 раз ниже. Но в России амплитуда колебания данного показателя по федеральным округам достаточно велика: в УФО — 0,216, в ЦФО — 0,144, в ДФО — 0,056 и т.д.

Транспортная доступность и транспортная связанность, как правило, оцениваются отдельно по пассажирскому и грузовому сегментам, поскольку имеются различающиеся подходы в части промышленного и гражданского строительства, конфигурации, инженерно-технологической эксплуатации и т.д.

Использование статистических данных по транспортной инфраструктуре в качестве среднего по стране показателя некорректно, поскольку имеются существенные различия (внимание! доступность!). Население России распределено в трех зонах: европейская часть страны — 109,1 млн чел., Урал (УФО) — 12,36 млн чел. и в СФО и ДФО проживает 25,29 млн чел. Соответственно, плотность населения: европейская часть — 27,3 чел./кв. км, Урал — 6,8 и Сибирь-Дальний Восток — 2,2. Плотность сухопутных путей сообщения: железные дороги (км/1000 кв. км) составляет

в европейской части — 13,63 км, на Урале — 4,67 км и в Сибири — Дальнем Востоке — 2,09 км; автомобильных дорог общего пользования (на 1000 кв. км) — соответственно, 274,29 км, 57,95 и 33,87 км. ЖД — 66%, 22,5% и 11,5%; АВТО — 75%, 15,8% и 9,2%.

По плотности сухопутных путей сообщения европейская часть России мало в чем уступает средним показателям европейских стран. Качество железнодорожных путей в России намного превышает европейские в части допустимой нагрузки на ось, что позволяет водить грузовые составы весом свыше 4 тыс. т (средний показатель по РФ), тогда как в Европе дороги «держат» состав в 1,8–2 тыс. т, а по БАМу уже начинают ходить поезда по 12 тыс. т. Российские дороги работают в грузовом сегменте на самом высоком мировом уровне.

Наиболее мобильно население европейской части России, т.к. вполне доступен пассажирский транспорт, как сухопутный, так и авиационный и речной. Хуже ситуация за Уралом. По состоянию на конец июня 2021 г. в России согласно реестру автобусных маршрутов РФ, насчитывалось 32 017 автобусных маршрутов, которые обслуживали зарегистрированные и допущенные местными органами власти компании. Согласно реестру, вполне неплохо организованы перевозки между областными и районными центрами, однако, по нашим наблюдениям по Башкирии, сравнение с расписанием движения междугородних автобусов в 1980-е гг. выявило, что число рейсов на маршруте примерно раза в два меньше, т.е. транспортная связь имеется, но пассажиропоток упал. Это связано с использованием личных автомобилей и такси. Тем не менее, можно утверждать, что транспортная связь между населенными пунктами в России на районном уровне существует, добраться на общественном транспорте возможно, но, судя по реестру, автобусные рейсы запланированы не ежедневно, либо один рейс в сутки.

Пригородный железнодорожный транспорт, после реформ 2013 г. претерпел серьезные изменения не в лучшую сторону. ОАО «РЖД» отказалось финансировать «местные электрички», передав их в ведение местных органов власти, у которых естественно не было средств на содержание. Практически сразу в России были отменены 382 пригородных поезда. Позже в ситуацию вмешался российский Президент и более-менее приемлемое решение было принято. Этим, собственно, и объясняется рост пассажиропотока на железнодорожном транспорте после 2015 г. В самый напряженный (отпускной) месяц, в августе 2021 г. железнодорожным транспортом было перевезено 84 млн чел. в пригородном сообщении и 11,4 млн чел. в дальнем следовании. В 2021 г. в пригородном сообщении перевезено 961,4 млн пассажиров.

Развитие авиационного местного значения (областные, краевые) «стопорится» низким уровнем доходов населения. По состоянию на конец 2020 г. в Государственный реестр аэродромов и вертодромов гражданской авиации России включены 241 аэродром и 6 вертодромов, из которых 91 аэропорт федерального значения, 78 аэропортов и аэродромов имеют международный статус. Для сравнения: в 1991 г. в России насчитывалось 1450 аэропортов и аэродромов гражданского назначения, еще примерно 240 — аэродромы военного назначения. Местные аэропорты работали достаточно напряженно. Например, из аэропорта г. Нефтекамск (Башкирия) в 1977 г. ежедневно вылетали 6 самолетов на Уфу (столько же прибывало), 3 — на Октябрьск, 2 — на Москву, по одному на Анапу, Сургут и Нижневартовск.

Число полетов с аэропортов гг. Октябрьск, Белорецк, Зилаир, Сибай и других райцентров республики были примерно одинаковы, а иногда и выше. В настоящее время в Башкирии только один действующий аэропорт — Уфа.

Исходя из экономической логики, полагаем, что к основным издержкам, которые затем воплощаются в стоимость авиабилета, можно отнести следующие:

- стоимость авиатоплива;
  - стоимость владения воздушным судном;
  - заработная плата экипажа;
  - техническое обслуживание техники, ее ремонт;
  - аэропортовые сборы;
  - сборы за аэронавигационное обслуживание;
  - затраты на обслуживание пассажиров, страхование и др.
- Рассмотрим вкратце данные позиции.

Стоимость авиатоплива различается в зависимости от аэропорта заправки. Согласно данным Росавиации [7], в марте 2022 г. цены на ТС-1 достаточно сильно различались. Так, в аэропорту Сыктывкара цена топлива была 63 424 руб./т, в Шереметьево — 65 980 и 70 932, в Уфе — 66 500 и 69 053 руб./т, в Петропавловске-Камчатском — 67 917 и 78 833, в Комсомольске-на-Амуре — 51 491, в Якутске — 73 227, в Хатанге — 90 156 руб./т, в Охе — 99 070, в Воронеже — 45 800 и 66 700. Таким образом, наименьшая и наибольшая цены разнятся в 2,2 раза.

К сожалению, в настоящее время стоимость авиаперелета превышает «доступный барьер» для значительного числа российских жителей, если исходить, например, из официальных показателей среднедушевых месячных доходов в регионах. Простой пример — в 2021 г. указанный показатель для Республики Тыва составлял 20 110 руб. [8], а стоимость самого дешевого авиабилета Кызыл — Москва в одну сторону в мае 2022 г. составил 18 509 руб. [9].

В различных документах достаточно часто используется показатель «транспортная подвижность населения», измеряемый в тыс. пасс-км/чел. в год. Отметим, что это весьма приблизительный показатель. Так, на одной из конференций некоторое время тому назад представитель крупной авиакомпании заявил, что авиатранспортом в России пользуется примерно 3 млн чел, хотя пассажироперевозки растут. Указанный показатель был взят по частоте перелетов по фамильно и получилось, что многие пассажиры летают в командировки очень часто, до 10–15 раз в год. Поэтому мы выражаем сомнения в точности показателя «Транспортная подвижность». Тем не менее, в 2019 г. этот показатель составил 8,6 тыс. пасс-км, чел. Прогнозируется, что в 2024 г. показатель достигнет 9,0, в 2030 г. — 13,2 и в 2035 г. — 14,2 тыс. пасс-км/чел. в год. Рассчитан и показатель «Авиационная подвижность жителей России», выраженная в числе полетов на воздушном транспорте с учетом иностранных авиакомпаний 1 пассажира в год. В 2019 г. показатель составлял 1 полет/чел. в год, прогнозируется 1 полет в 2024 г., 1,4 полета в 2030 г. и 1,6 в 2035 г. Этот же показатель для жителей удаленных и труднодоступных районов указан по годам 0,58, 0,65, 1,12 и 1,36 полетов/чел. в год. Не исключено, что эти показатели могут быть достигнуты, если будут развиваться арктические проекты, добыча нефти и газа в Сибири и на Дальнем Востоке, что потребует развития вахтового метода доставки работников в указанные регионы.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

Список использованных источников:

1. The Economics of International Integration. Academic Edition of Unwin Hyman Ltd. 1980.
2. Kindleberger C.P. Economic Integration Via External Markets and Factors. Massachusetts Institute of Technology. Palgrave Macmillan, A division of Macmillan Publishers Limited, 1973.
3. Erixon F., Georgieva R. The Five Freedoms Project. What is Wrong with the Single Market? Working paper No 1/2016. European Centre for International Political Economy. 2016.
4. Хадиуллина Г.Н., Семягин И.Н., Абдрахманова Д.Р. Разработка комплексного показателя транспортной доступности российских регионов на основе комплексного подхода (на примере Приволжского федерального округа) // Социально-экономические процессы и явления Т.13. — 2018. — № 104. — с.185–191.
5. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/transport.aspx Дата обращения: 30.05.2022.
6. Транспорт в России. 2018: Стат.сб. /Росстат, 2018. Транспорт в России. 2020: Стат.сб./Росстат 2020.
7. <http://favt.gov.ru/deyatelnost-vozdushnye-perevozki-stat-pokazately/> Дата обращения: 30.05.2022.
8. https://rtyva.ru/press_center/news/economy. Дата обращения: 30.05.2022.
9. <https://www.aviasales.ru/routes/mow/kyz>. Дата обращения: 30.05.2022.

ГИБКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫМ СОТРУДНИЧЕСТВОМ РОССИИ И КАЗАХСТАНА*

Г.А. Хмелева,

зав. кафедрой мировой экономики Самарского государственного экономического университета,
доктор экономических наук, профессор
galina.a.khmeleva@yandex.ru

М.В. Курникова,

доцент кафедры региональной экономики и управления Самарского государственного экономического университета,
кандидат экономических наук
mvkurnikova@gmail.com

Е.К. Чиркунова,

доцент кафедры региональной экономики и управления Самарского государственного экономического университета,
кандидат экономических наук
ekchirkunova@gmail.com

В статье обоснована необходимость отказа от традиционного административного вертикального управления, предложен гибкий проблемно-ориентированный подход для развития трансграничного сотрудничества России и Казахстана, охватывающий три важнейших направления: политический, экономический и социокультурный контексты. Высокая гибкость и проблемно-ориентированный подход обеспечиваются за счет предоставления проектного финансирования широкому кругу участников при котором бизнес, вузы, местные сообщества имеют возможность разработать и реализовать совместные проекты, позволяющие внести вклад в решение важных для приграничных регионов проблем.

Ключевые слова: гибкое управление, приграничные регионы, трансграничное сотрудничество, Россия, Казахстан, евразийское сотрудничество, приграничное сотрудничество

УДК 339.9; 332.1

Трансграничные регионы находятся на переднем рубеже страны и в высокой степени подвержены внешнему экономическому, политическому влиянию.

В открытой экономике любые изменения по другую сторону границы неизбежно сказываются на потоках трудовых, материальных, человеческих, инвестиционных ресурсов между соседними регионами. Некоторые изменения оказывают стимулирующее воздействие на активность трансграничного сотрудничества, оказывая положительное влияние на взаимный товарооборот и социально-экономическое развитие соседних регионов. Другие, наоборот, приводят к ослаблению взаимных связей, усиливая барьерную функцию границы. Укреплению совместных связей, повышению заинтересованности в двустороннем сотрудничестве способствует деятельность по решению общих проблем [1]. Поэтому гибкое управление трансграничным сотрудничеством, направленное на решение общих проблем, имеет важное значение для науки и практики.

В процессе реализации трансграничного сотрудничества большую роль играют интеграционные процессы [2], в которых, на наш взгляд, следует различать истинную и политическую интеграцию: если истинная интеграция осуществляется на уровне бизнеса, социально-экономического, культурного и туристского взаимодействия, то политическая интеграция определяется наличием специально созданных институтов властными структурами на уровне государства или отдельных территорий.

При этом, развитие трансграничного сотрудничества за счет синергетического эффекта от «низовой» (истинной) и политической интеграции может быть реализовано путем внедрения моделей гибкого управления, позволяющего учитывать тенденции, условия и текущие потребности соседних территорий, образующих политический, экономический и социально-культурный контекст.

Политический контекст образован состоянием взаимных политических отношений. Если политические лидеры высказывают дружественный настрой и взаимную заинтересованность, то это создает благоприятные условия для взаимного сотрудничества.

Экономический контекст образован участием стран в общих торгово-экономических союзах. Если соседние страны не являются участниками торговых союзов, барьерная функция границы сильнее, поскольку существуют сложности в пере-

мещении людей и товаров. Участие в экономических союзах, наоборот, способствует установлению благоприятных торговых режимов (низкие или нулевые пошлины на товары, безвизовый въезд, упрощенный порядок оформления документов на экспортно-импортные операции, общее техническое регулирование продукции) [3,4].

Социокультурный контекст образован состоянием социальной и культурной среды, в которой осуществляется трансграничное сотрудничество. Социокультурная среда образована комплексом ценностей, норм, правил, которые приняты в обществе и используются для коммуникаций. Немаловажным аспектом социокультурной среды является общность исторического развития, опыт взаимного сотрудничества. Если страны имеют положительный опыт взаимного сотрудничества, это создает хороший фундамент для дальнейшего развития отношений.

В исследованиях трансграничного сотрудничества широкое распространение получила модель Paasi (1999) как аналитическая структура «мы здесь», «вы там», позволяющая конструировать внутри и межрегиональную идентичность в связи с социальными различиями, сформировать понимание текущего социокультурного контекста [5].

В научной литературе отмечено, что на снятие ментальных барьеров границ положительно влияют такие факторы, как: наличие эффективных административных органов управления трансграничными передвижениями, физическая и функциональная взаимодополняемость между территориями и отсутствие культурных и политических противоречий [6].

Отсутствуют убедительные доказательства того, что на социально-экономическое развитие приграничного региона оказывает длина границы. Исследования, в которых авторы пытались найти связь между длиной границы и объемом приграничной торговли по большей части оказались безуспешными [7]. И сегодня можно считать доказанным, что не длина границы, но уникальная система отношений, сложившихся вокруг границы, может быть нагружена либо конфликтом, либо быть свободной от конфликтов, демонстрировать открытость и доверие. Движущей силой для построения, свободной от конфликтов, дружественной среды может являться только совместная системная работа над решением общих проблем [8].

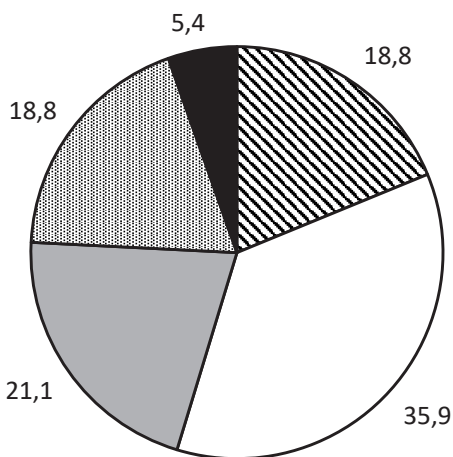
Текущий фреймворк для построения гибкой модели управления развитием приграничного сотрудничества России и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК № 21-510-23002.

Казахстана демонстрирует сильные управленческие предпосылки. Так, действует Договор о Евразийском экономическом союзе, осуществляется унификация законодательства по широкому кругу вопросов: от стандартизации продукции до единых правил торговли. Все более активно в построение международного сотрудничества вовлекаются регионы, по крайней мере на территории России.

Однако, на наш взгляд, можно констатировать серьезный пробел в сотрудничестве на уровне «низовой» интеграции. Об этом, свидетельствуют, например, результаты нашего предыдущего социологического исследования, проведенного в 2021 году [9]. В опросе приняли участие более 100 человек из 12 российских регионов, граничащих с Казахстаном, а также Западно-Казахстанской области. Основным выводом этого исследования в контексте настоящей статьи считаем вывод о том, что созданные «сверху вниз» институты евразийской интеграции не в полной мере востребованы при установлении контактов на «низовом» уровне, к которому мы относим население и бизнес приграничных территорий. Так, к примеру, более 70% опрошенных слышали о Договоре о Евразийском экономическом союзе, но не знакомы с его содержанием. В контексте приграничного сотрудничества этот факт вызывает тревогу, так как 85% опрошенных нами респондентов — это предприниматели, госслужащие, НКО. Этот Договор не вызвал интереса, поскольку никак пока не влияет на их жизнь и работу.

Невысокая значимость институтов и тенденций в развитии приграничного сотрудничества для населения и бизнеса может быть продемонстрирована и структурой ответов на вопрос о динамике сотрудничества с Казахстаном за последние 10 лет (рис. 1). Так, 54,7% опрошенных характеризуют эту динамику с явной неуверенностью (ответы: «ситуация стала лучше / хуже, но не уверен(а)»), а 21% респондентов вовсе не знают, как оценить прогресс в российско-казахстанских отношениях. И только около 19% опрошенных увидели явный прогресс в сотрудничестве России и Казахстана. Однако, внушает оптимизм тот факт, что 67% респондентов считают важным развивать сотрудничество с Казахстаном.

- Наблюдается однозначный прогресс 18,8%
- В целом ситуация стала лучше, но не уверен (а) 35,9%
- Понятия не имею, как оценить прогресс 21,1%
- Ситуация в регионе стала хуже, но не уверен (а) 18,8%
- Однозначно можно отметить охлаждение сотрудничества 5,4%

Рис. 1 Распределение ответов на вопрос «Выберите наиболее подходящее выражение относительно приграничного сотрудничества с Казахстаном за последние 10 лет», %

Тем не менее, результаты опроса показали, что 75% респондентов имели опыт приграничного сотрудничества, большинство оценивают его положительно и готовы продолжить сотрудничество. Несмотря на этот положительный факт, исследование показало, что Россия и Казахстан, имея общие границы и долгую совместную историю, тем не менее отдаляются друг от друга в установлении истинной, «низовой» интеграции.

В этой связи актуальным вопросом науки и практики становится поиск моделей управления развитием трансграничного сотрудничества, учитывающих необходимость сочетания вертикально-интегрированных структур с поддержкой установления контактов на «низовом» уровне взаимодействия между двумя странами.

На наш взгляд, существенным недостатком современной организации трансграничного сотрудничества является ее сугубо вертикальная система управления. Применяются традиционные управленческие подходы: подписывается соглашение, разрабатывается план совместных действий. Далее органы власти, ответственные за его реализацию, проводят организационную работу и отслеживают выполнение этого плана. По нашему мнению, в этом алгоритме отсутствует важнейший механизм — мотивация и стимулирование заинтересованных сторон, прежде всего местных сообществ, что лишает трансграничное сотрудничество гибкости.

Тем не менее, внедрение гибкого проблемно-ориентированного подхода в реализации трансграничного сотрудничества обусловлено рядом предпосылок. Во-первых, общий контур построения ЕАЭС можно считать сформированным. Во-вторых, стремительно меняющаяся геополитическая ситуация подталкивает к укреплению сотрудничества с нашими ближайшими соседями и, прежде всего с Казахстаном. В этой связи считаем, что в рамках ЕАЭС необходимо разработать программу трансграничного сотрудничества, пилотом которой мог бы выступить Казахстан. Необходимо, чтобы программа была направлена на получение явных выгод для населения граничащих регионов и способствовала повышению уровня и качества жизни в них. Целью такой программы может быть повышение уровня и качества жизни населения приграничных регионов на основе трансграничного сотрудничества. Программа должна быть реализована на принципах равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, уважения, суверенитета, а также поддерживать обмен и передачу опыта, реализацию инновационных подходов, взаимодействие между органами власти, бизнесом и населением. Финансирование такой программы должно осуществляться на паритетной основе, оператором финансирования выступает Евразийский банк развития (ЕАБР).

Хотя программа должна быть построена вокруг общей сквозной цели, описанной выше, в ней целесообразно определить приоритеты, согласующиеся с целями и приоритетами ЕАЭС, ключевыми стратегиями и планами стран-участниц. Это означает, что бенефициары могут сотрудничать по любым темам, имеющим общее значение, в соответствии с их региональными потребностями, если это входит в сферу политики евразийской интеграции. Так, в качестве корреспондирующих приоритетов могут выступать: развитие транспортной инфраструктуры и логистики, инновации для жизни и бизнеса, ESG-цели.

Взаимодействие участников программы может осуществляться на цифровой платформе. Это может быть либо отдельный сайт, либо раздел официального сайта Евразийского экономического союза. Для участия в программе заявитель подает заявку в форме проекта по установленной форме. Участниками могут выступить малые, средние, крупные коммерческие предприятия, некоммерческие организации, образовательные учреждения.

Поскольку программа имеет сквозной характер, управление программой имеет вертикальную структуру. Ответственными организациями должны выступать национальные, региональные и местные органы власти, а также организации в системе управления и координации деятельности ЕАЭС. Каждый регион-участник определяет область экономики,

Рис. 2. Архитектура целей и приоритетов программы трансграничного сотрудничества России и Казахстана

культуры, экологии, которые необходимо улучшить посредством сотрудничества. Для того, чтобы формально закрепить заинтересованность и ответственность органов власти, они должны быть привлечены в качестве партнеров программы. Архитектура целей и приоритетов предлагаемой программы трансграничного сотрудничества России и Казахстана представлена на рис. 2.

Общую проблематику для конкретных совместных проектов можно найти в приоритетных направлениях сотрудничества Самарской области Российской Федерации и Западно-Казахстанской области Республики Казахстан. В рамках совместного соглашения о сотрудничестве к ним отнесены следующие:

- реализация совместных инвестиционных проектов и различных форм кооперации в базовых отраслях промышленности, в т.ч. аграрной и топливно-энергетической сфере;
- развитие приграничной торговли и предпринимательства;
- развитие транспорта, связи и строительства;
- обеспечение рационального использования всего спектра природных ресурсов и принятие мер по охране окружающей среды;
- регулирование миграционных процессов и рынка труда;
- развитие научного и гуманитарного сотрудничества.

Одним из основных направлений приграничного взаимодействия Западно-Казахстанской и Самарской областей являются транспортно-логистические перевозки. Так, Самарская область занимает весьма выгодное географическое положение, располагаясь на пересечении важнейших транспортных международных коридоров «Запад-Восток» и «Север-Юг».

Транспортный узел региона является одним из наиболее крупных в России, обладающих существенным потенциалом в части логистики и направления грузопотоков между главными макроэкономическими полюсами – Азиатско-Тихоокеанского региона и странами Европейского Союза.

Самарский транспортный узел в общей структуре транспортно-логистической системы Российской Федерации представлен всеми возможными видами транспорта, исключение составляет только морской транспорт, при этом, имеет возможность обслуживать не только российские, но и международные грузопотоки как из, так и в Казахстан, Юго-Восточную и Среднюю Азию, Китай и Европу.

Еще одним перспективным направлением трансграничного сотрудничества является туризм, включая медицинский туризм. Самарская область имеет здесь высокий потенциал.

Важнейшим преимуществом предложенной программы является вовлечение заинтересованных сторон – представителей бизнеса, местных сообществ на принципах самоорганизации. Основная работа по трансграничному сотрудничеству должна быть смещена на низовой уровень, чтобы способствовать вовлечению местных сообществ в работу по решению совместных проблем.

Преимущество предложенной программы трансграничного сотрудничества на основе гибкого проблемно-ориентированного подхода заключается в том, что будет создана основа для совместной работы проектных команд – представителей бизнеса, местных сообществ для решения важных проблем регионов, городов, поселков. Как известно, ничего так не сближает, как совместная работа [10]. Местные органы власти и формально и реально выступают партнерами проектов. Еще одним важным преимуществом предложений является использование цифровой платформы, так как это позволяет установить бесшовное взаимодействие между всеми заинтересованными сторонами: государство, бизнес, местное сообщество.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

Список использованных источников:

1. Вардомский Л.Б. Тенденции и перспективы регионализации постсоветского пространства // Вестник университета. – 2010. – № 3–2. – С. 256–264.
2. Федоренко Р.В., Зайчикова Н.А., Тойменцева И.А., Хмелева Г.А. Моделирование процессов интеграции отдельных регионов в систему мирохозяйственных связей. Казань, 2022. – 112 с.
3. Бабаджанов Р.М., Алимов А.Л., Джалилов Д.Р. Социально-экономические проблемы развития регионов Таджикистана за годы независимости. – Душанбе, 2022. – 275 с. ISBN: 978–99985–8392–4
4. Вардомский Л.Б. Интеграционная миссия постсоветского пространства // Мир перемен. – 2022. – № 1. – С. 115–128.
5. Paasi, A. Territories, Boundaries, and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Chichester: John Wiley & Sons, 1996. – 376 p. ISBN: 978–0–471–96119–2
6. Hardi, T. Cities, regions and transborder mobility along and across the border. Discuss. Pap. 2010, 82, 5–27.
7. Курникова М.В. Концептуальные основы трансграничного управления // Экономика и предпринимательство. – 2022. – № 2 (139). – С. 745–749.
8. Khmeleva, G.A. Platform Approach—The Future of Cross-Border Cooperation in the Digital Era. In Digital Technologies in the New Socio-Economic Reality, Lecture Notes in Networks and Systems; Ashmarina, S.I., Mantulenko, V.V., Eds.; Springer: Cham, Switzerland, 2022; Volume 304, pp. 189–196.
9. Хмелева Г.А., Курникова М.В., Влезкова В.И. Современное состояние приграничного сотрудничества России и Казахстана: пора познакомиться поближе. В сборнике: Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов. материалы VII международной научно-практической конференции. Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»; Институт экономики Карельского научного центра РАН. – Москва, 2021. – С. 134–139.
10. Еремина И.А., Полянин А.В. Инструментарий определения специализации проектной деятельности региона в производственной сфере // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2022. – Т.10. – № 1(56). – С. 34–56.

СУД ЕАЭС И ЕГО ЗАДАЧИ ПО УСИЛЕНИЮ ЮРИСДИКЦИОННОЙ ЗАЩИТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Е.Е. Амплеева,

*зав. кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук
zeena68@mail.ru*

Евразийская интеграция имеет свои институциональные особенности, хотя и развивается на основе основных принципов международного экономического права. В статье анализируется влияние различных факторов глобализации и регионализации современной мировой экономики на усиление роли Суда ЕАЭС как особого механизма юрисдикционной защиты целей евразийской интеграции, а также рассматриваются вопросы теоретического и концептуального характера о формах и этапах взаимодействия государств и их юридических лиц по преодолению конфронтации при разрешении экономических споров.

Ключевые слова: международное право, интеграционные объединения, постсоветское пространство, Суд ЕАЭС.

УДК 341.16

Международное правосудие становится важным фактором развития современного международного права, которое постепенно начинает оказывать воздействие не только на практику самих международных судов, но и на различные аспекты межгосударственного и национального судебного разбирательства в рамках международного гражданского процесса. Однако, до сих пор в международных отношениях не сложилось единой системы международного правосудия, поэтому каждый из международных судов действует и развивается в рамках отдельных международно-правовых режимов. Международный Суд ООН, а также иные международные суды применяют общее международное право, несмотря на различие в их международно-правовом статусе. В то же время, международные суды специальной компетенции (по морскому праву, праву ВТО, международные уголовные суды и трибуналы), а также региональные международные суды, такие как Европейский суд по правам человека, Люксембургский Суд ЕС, Суд СНГ, Суд ЕАЭС применяют учредительные договоры и регламенты, определяющие их предметную компетенцию.

Для суда интеграционного объединения разрешение вопроса о его месте в интеграционном правовом порядке зачастую приобретает особое значение. Суд старается найти оптимальный баланс между решением двух задач: обеспечением соблюдения целей интеграционного объединения, соотнести нормы международного и национального права и обеспечить, где это возможно, независимый (автономный) характер наднационального правового порядка в целом. В более широком смысле важность судебного органа для интеграционного объединения обусловлена самой природой интеграционного права, например, права Европейского Союза (далее права ЕС) или права Евразийского Экономического Союза (далее — права ЕАЭС), представляющих собой правовые системы *sui generis*, отличные от международного и национального правового порядка и обладающие такими свойствами, как верховенство, прямое действие, непосредственное применение, а также владение собственной системой правовых источников.

Основной задачей судов интеграционных объединений выступает обеспечение единообразного толкования и применения норм соответствующего правового порядка, что обуславливает необходимость сохранения исключительной юрисдикции. Постановку подобной задачи зачастую связывают с «эгоистичным» [1] желанием того же Суда Европейского Союза сохранить за собой монополию на толкование положений учредительных договоров и не допустить наделение соответствующими полномочиями других судебных или квазисудебных органов Организации.

Для судов интеграционных объединений особое значение носит толкование, поскольку их правовые нормы применяются не только наднациональными институтами, но и органами государств-членов, а значит, та интерпретация нормы, которую осуществит такой суд, войдет затем в национальную практику государств-членов объединения. В этой ситуации ключевой задачей суда интеграционного объединения становится фор-

мулирование универсальных правовых позиций не только в рамках абстрактного нормоконтроля, но и при разрешении конкретных дел.

Практика международных судов демонстрирует, что зачастую используемые ими методы толкования определяют правовые подходы, которые сложились в соответствующих сферах. Методы толкования неразрывно связаны с выбором судом активистского подхода или, наоборот, следованием принципу самоограничения. Об этом свидетельствует большая часть новаторских актов Суда ЕС, принимаемых за последние 20–30 лет [2, с. 77]. Так, при рассмотрении спора Суд ЕС не только констатирует нарушение, но и обязывает государство принять все необходимые меры для его устранения. Если государство продолжает не исполнять свои обязательства, Европейская комиссия в соответствии со ст. 260 ДФЕС¹, которая была введена Маастрихтским договором, повторно обращается в Суд с целью не просто констатировать несоблюдение, а указать конкретные меры, которые государство должно реализовать, в том числе возможность финансовых взысканий. Данный иск получает неформальное название «иск о двойном неисполнении». Финансовые санкции выражаются в виде не только фиксированной суммы, но и пени, которая рассчитывается за каждый день нарушения. При определении размера штрафа Комиссия применяет сложную методику, которая базируется на трех критериях: тяжести нарушения, длительности нарушения и «способности платить» (т.е. экономическом потенциале государства) [3, с. 121]. Таким образом, межгосударственные споры в Европейском Союзе являются немногочисленными, но имеют чрезвычайный характер. Любые споры между государствами, касающиеся предмета учредительных договоров, рассматриваются в рамках процедуры нарушения при неизменном участии Европейской комиссии, которая обладает широкими дискреционными полномочиями в отношении констатации выявленных нарушений. До начала судебного спора между государствами государство-заявитель проходит значительное количество неформальных и формальных стадий в Европейской комиссии, после чего может быть открыт доступ к Суду ЕС, который не только констатирует нарушение, но и может предусмотреть необходимые меры для восстановления соблюдения права ЕС.

При этом, классическая компетенция международного судебного органа сохраняется в рамках механизма, предусмотренного ст. 273 ДФЕС, которая позволяет сторонам распространить юрисдикцию Суда ЕС на соглашения, которые не охватываются компетенцией Европейского Союза, путем подписания арбитражного соглашения. Столь сложные процедуры разрешения межгосударственных споров позволяют направить их в процессуальное русло институтов ЕС и избежать излишней политизации.

Для Евразийского экономического союза и права ЕАЭС, находящихся на начальном этапе формирования, вопрос об установлении основных характеристик «союзного права» в условиях необходимости обеспечения выполнения содержа-

щихся в нем правовых предписаний во всех государствах и с учетом отсутствия механизмов взаимодействия между Судом ЕАЭС и национальными судебными органами приобретает первостепенный характер [4, с. 126]. Подобная задача, стоящая перед Судом ЕАЭС представляется еще более сложной, учитывая, что, по сравнению с правом Европейского Союза, в ЕАЭС отсутствуют многие важные механизмы, позволяющие избежать конфликтов между собственным национальным правом и международным правом в целом. Основанием для критики послужило как содержание отдельных решений, так и статистические данные деятельности Суда ЕАЭС: в течение последних 6 лет — с сентября 2015 г. по сентябрь 2021 г. — Суд изучил 44 заявления хозяйствующих субъектов и вынес 28 решений по существу, за тот же период Суд рассмотрел 12 межгосударственных споров².

Действительно, вопрос о механизме разрешения споров оказался одним из наиболее серьезных вызовов при разработке проектов экономической интеграции на постсоветском пространстве. Несмотря на скептическое, если не отрицательное отношение СССР к международным судам, вновь образованные государства, возникшие на постсоветском пространстве, всегда делали выбор в пользу постоянно действующего международного суда, а не ad hoc арбитража [5, с. 148]. При этом странам пришлось с нуля решать вопрос об обязательности юрисдикции таких судов, порядке их создания, компетенции и функционирования, а также о различных вариантах их взаимодействия с системой национальных судов государств-участников интеграционных процессов.

Исследование конкретных методов толкования, применяемых Судом ЕАЭС, осуществляется через их разделение на традиционные методы, в числе которых грамматический, логический, систематический и телеологический, и на те методы, которые не свойственны классическим международным судам, а присущи лишь судам интеграционных объединений. Ключевым среди последних является толкование в свете правовых и, прежде всего, конституционных традиций, общих для всех государств-членов постсоветского пространства [2, с. 82].

Еще одним подходом к отправлению правосудия Судом ЕАЭС можно считать восполнение пробелов посредством установления и последующей конкретизации обязанностей Евразийской экономической комиссии, которые прямо в Договоре о ЕАЭС не прописаны. Это притом, что Договор о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 г. не налагал на Евразийскую комиссию обязанности инициировать процедуру мониторинга исполнения международных договоров, составляющих договорно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства, по обращениям хозяйствующих субъектов [6, с. 134].

Спустя четыре года Суд ЕАЭС подтвердил этот подход. В решении Суда по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» (Российская Федерация) к Евразийской экономической комиссии возник вопрос о бездействии ЕЭК в связи с невыполнением обязанности мониторинга исполнения международных договоров. В решении было указано, что итогом проведения мониторинга исполнения международных договоров является «устранение коллизий в актах права Союза, в законодательстве и правоприменительной практике государств-членов. Коллегия Суда считает, что непосредственное применение права Союза в сферах, отнесенных Договором к его юрисдикции, формирование в государствах-членах единой правоприменительной практики, исключение негативных правовых препятствий направлено на достижение интеграционных целей ЕАЭС». Это позволило сделать Суду вы-

вод о том, что «Комиссия не в полном объеме выполнила свою обязанность по осуществлению мониторинга и контролю исполнения международных договоров в рамках ЕАЭС, решений Комиссии, предусмотренных п. 4 п. 43 Положения о Комиссии, поскольку на момент обращения заявителя обладателя информацией об отсутствии единообразного применения норм решения КТС № 130 на территории Российской Федерации»³.

Таким образом, отсутствие норм, регламентирующих порядок осуществления Комиссией мониторинга и контроля исполнения международных договоров, предписывающих Комиссии инициировать процедуру мониторинга исполнения международных договоров по заявлениям хозяйствующих субъектов, не стало препятствием для формулирования Судом соответствующей обязанности ЕЭК, продиктованной в том числе необходимостью достижения интеграционных целей Союза.

По нашему мнению, вывод Суда является обоснованным. Более того, ожидается, что и в дальнейшем Суд ЕАЭС будет применять телеологическое толкование, что будет способствовать укреплению правопорядка Евразийского экономического союза и достижению целей интеграции. Посредством предоставления частным лицам максимального объема прав, вытекающих из права ЕАЭС, Суд Союза обеспечит для себя возможность осуществления максимального контроля над единообразным применением права ЕАЭС [7]. С другой стороны, удовлетворив требования хозяйствующего субъекта, Суд добился, таким образом, важных тактических результатов, но они были достигнуты за счет причинения серьезного ущерба интеллектуальной репутации Суда, его политическому статусу, основной функции, которую Суд призван осуществлять, и в более общем плане — делу евразийской интеграции [6]. Таким образом, Суд ЕАЭС одновременно показал и преимущество позиций Суда ЕвразЭС, и их адаптацию к стандартам международного права.

Изложенное демонстрирует, что Суду ЕАЭС принадлежит роль особого актора, на которого возложена функция объединить подходы общего международного права, права иных интеграционных образований, одновременно с этим соблюдение прав человека и его основных свобод, как они закреплены и реализуются на уровне государств-членов ЕАЭС. Суд все время стремится к выполнению возложенной на него задачи, в том числе через использование общепризнанных принципов и норм международного права, применение подходов Международного суда ООН, следование, когда это уместно, позициям иных специализированных и интеграционных судов [8].

В споре между государствами политический элемент весьма часто является сопутствующим фактором такого спора, равно как и проблема соотношения национального суверенитета и юрисдикции наднационального органа. Это предполагает четкую правовую регламентацию процедуры и оценки доказательств, сводящую к минимуму судебское усмотрение. Между тем, размытость такой регламентации становится серьезным препятствием для вынесения объективного решения судебного органа и подрывает его авторитет [3]. Подчеркнем, что именно третейское, арбитражное и судебное решение межгосударственных конфликтов стало установившейся практикой с давних времен, которое позволяет направить эти конфликты в правовое, т.е. мирное русло и служит важным фактором международной безопасности. При этом лишь различны процедуры и методы оценки доказательств при рассмотрении споров между государствами, но общим правилом стало согласие спорящих государств в отношении компетенции решающего спор органа, а также на договоренность об обязательном исполнении его решения.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

Список использованных источников:

1. Энтин К.В. Роль международных договоров и международного обычного права в правопорядке ЕС и ЕАЭС // Международное правосудие. — 2021. — №1. — С. 102–130.
2. Дьяченко Е.Б. Методы толкования в практике Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. — 2019. — №2. — С. 77–92.
3. Капустин А.Я., Ковлер А.И., Беялова А.М., Лебедева Я.И., Фокин Е.А. Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2020. — № 6. — С. 116–134.

4. Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС // Журнал российского права. — 2018. — №10. — С. 123–133.
5. Пименова С.Д. Обеспечительные меры в судах евразийской интеграции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 8. — С. 147–156.
6. Толстых В.Л. Невыносимая логика Суда: комментарий к решению Суда Евразийского экономического союза от 11 октября 2018 г. по делу «Ойл Марин Групп» (Российская Федерация) против Комиссии // Международное правосудие. — 2019. — №2. — С. 128–135.
7. Хачатрян Э.А. Основные подходы Суда ЕАЭС при отправлении правосудия // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — №7. — С. 134–140.
8. Чайка К.Л. Международно-правовые подходы в практике Суда Евразийского экономического союза // Журнал российского права. — 2018. — № 11. — С. 138–151.

¹ СПС КонсультантПлюс // Режим доступа: consultantplus://offline

² См.: Официальный сайт Суда ЕАЭС. Режим доступа: URL: <https://courteasion.org>

³ Документ утратил силу с 01.01.2012 г. в связи с изданием Решения Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 859, признавшего п. 8 Решения КТС от 27.11.2009 г. № 130 утратившим силу.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Р.М. Шафиев,

советник государственной гражданской службы РФ 1 класса, профессор Российской таможенной академии (г. Москва), доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН
roushafiev@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы географической и товарной структуры экспорта российских производителей в основные страны Ближнего Востока, объемы поставок, динамика и тенденции. Оцениваются возможные перспективы дальнейшего сотрудничества России в этом секторе мировой экономики.

Ключевые слова: Страны Ближнего Востока, сырьевой экспорт, поставки товаров, минеральное сырье, динамика поставок

ББК ТЗ(2)74–64(53); У43(2)–803(2Р)

Введение. Современные условия развития мировой экономики и мировой торговли поставили российскую экономику перед системным вызовом, характер и качество которого определяется сочетанием ряда системообразующих факторов. Началась структурная перестройка мирового хозяйства, связанная с изменением баланса между экономическими центрами, возрастанием роли региональных экономических союзов, ожидаемым распространением новых технологий, совершенствованием форм и методов становления конкурентоспособности хозяйствующих субъектов. Фоном для развития современной мировой торговли является сложная комбинация различных по масштабам производств — крупных с тенденцией к монопольным структурам, а также малых и средних, складывающихся под влиянием многих факторов.

В этой связи интересным представляется проведение анализа потоков сырьевого экспорта в страны Ближнего Востока (Иран, Израиль, Ливан, Кувейт, Бахрейн, Катар, Саудовская Аравия, Оман) для оценки возможных дальнейших перспектив. Для исследования применялись данные официальной статистики Федеральной таможенной службы (ФТС) России, данные Российского экспортного центра (РЭЦ). При анализе использовались методы эконометрики, экспертной оценки.

Динамика объемов сырьевого экспорта (СЭ) из России в Иран представлена в табл.1. Как видно из данных таблицы, наибольший объем сырьевого экспорта был в 2018 году (0,43

Таблица 1

Доля СЭ из России в Иран за период с 2015 по 2019 гг.

Период	Доля за период, %	Изменение, п.п.	СЭ в Иран, млрд \$	Общий экспорт, млрд \$
2015	0,075	—	0,26	343,51
2016	0,136	0,061	0,39	285,77
2017	0,120	-0,016	0,43	357,27
2018	0,046	-0,074	0,21	450,28
2019	0,018	-0,028	0,08	424,39

Составлено автором по данным ФТС России

млрд долларов США). Доля СЭ в Иран в общем объеме экспорта России оставалась незначительной (0,07, 0,046, 0,018) в 2015, 2018, 2019 годах. Некоторое увеличение наблюдается с 2016 по 2017 год.

В структуре сырьевого экспорта из России в Иран за период с 2015 по 2019 годы преобладает древесина, битуминозные вещества, минеральные воски, целлюлоза, черные металлы.

В общем же объеме российского экспорта сырьевой экспорт в Иран занимает незначительную долю: 0,08–0,14 (табл. 1). При этом с 2016 по 2017 гг. наблюдается тенденция к увеличению доли сырьевого экспорта в общем экспорте России в Иран. Затем наблюдается спад.

Анализируя экспорт сырьевых товаров России в Кувейт (табл. 2) установлено, что доля товаров СЭ в Кувейт увеличилась с 2015 по 2017 гг., с 0,07% до 0,19%. Поставки из России этих товаров сокращаются с 2018 года с 0,14% до 0,12% в 2019 году. При этом СЭ товаров в Кувейт занимает порядка 0,16–0,19% в общем экспорте России [1].

Таблица 2

Экспорт товаров СЭ из России в Кувейт за период 2015–2019 гг.

Период	Доля за период, %	Изменение, п.п.	СЭ экспорт, млрд \$	Общий экспорт, млрд \$
2015	0,07	—	0,24	343,51
2016	0,16	0,09	0,47	285,77
2017	0,19	0,03	0,67	357,27
2018	0,14	-0,05	0,61	450,28
2019	0,12	0,02	0,53	424,39

Составлено автором по данным ФТС России

По структуре товаров СЭ в Кувейт можно сказать, что в ней традиционно преобладают поставки древесины, древесного угля, черных металлов (сталь, ферросплавы, чугун). С 2015 года растут поставки из России меди и изделий из нее. Наибольший объем поставки меди отмечается в 2017 году — 0,667 млрд долл. США.

Исследуя экспорт сырьевых энергетических товаров России в Бахрейн (табл. 3) установлено, что доля товаров СЭ в общем экспорте России составляет 0,0001–0,0058%. При этом наибольшие объемы экспорта были в 2018 году (0,041 млрд долл. США).

Таблица 3

Экспорт товаров СЭ из России в Бахрейн за период 2015–2019 гг.

Период	Доля за период, %	Изменение, п.п.	СЭ экспорт, млрд \$	Общий экспорт, млрд \$
2015	0,0058	–	0,002	343,51
2016	0,0011	-0,0047	0,003	285,77
2017	0,0001	-0,001	0,002	357,27
2018	0,0091	0,0090	0,041	450,28
2019	0,0056	-0,0035	0,024	424,39

Составлено автором по данным ФТС России

Проводя анализ структуры товаров СЭ в Бахрейн можно сказать, что и в эту страну Ближнего Востока преобладают поставки товаров минеральных групп: минеральное сырье и производные из него (мазут, керосин, битум) и черные металлы (сталь, ферросплавы, чугун).

Доля товаров СЭ в общем экспорте России в Катар составляет 0,001%–0,003% (табл. 4). Некоторый рост сырьевого экспорта произошел в 2019 году, когда его доля из России увеличилась с 0,001 до 0,003%. При анализе динамики экспорта установлено, что наибольший рост товаров СЭ наблюдался в 2019 году (составил 0,003%) [1].

Таблица 4

Экспорт товаров СЭ из России в Катар за период 2015–2019 гг.

Период	Доля за период, %	Изменение, п.п.	СЭ экспорт, млрд \$	Общий экспорт, млрд \$
2015	0,001	–	0,004	343,51
2016	0,001	0,000	0,004	285,77
2017	0,001	0,000	0,004	357,27
2018	0,001	0,000	0,005	450,28
2019	0,003	0,002	0,012	424,39

Составлено автором по данным ФТС России

Анализируя объемы и долю СЭ в Саудовскую Аравию в общем экспорте России, (табл.5), установлено, что товары СЭ в общем экспорте России стабильно занимают 0,001–0,003%.

Таблица 5

Экспорт товаров СЭ из России в Саудовскую Аравию за период 2015–2019 гг.

Период	Доля за период, %	Изменение, п.п.	СЭ экспорт, млрд \$	Общий экспорт, млрд \$
2015	0,0448	–	0,154	343,51
2016	0,0258	-0,0190	0,074	285,77
2017	0,1024	0,0766	0,366	357,27
2018	0,0228	-0,0796	0,103	450,28
2019	0,0626	0,0398	0,266	424,39

Составлено автором по данным ФТС России

Проанализировав структуру товаров СЭ можно сделать следующие выводы. За период 2015–2019 гг. в структуре сырьевого экспорта в Саудовскую Аравию преобладают товары минеральной группы: минеральное сырье и производные из него (мазут, керосин, битум), тормозная жидкость, антифризы, жидкость для травления металлов, древесина и древесный уголь, бумага, картон, черные металлы (сталь, ферросплавы, чугун). В 2018 г. наблюдалось годовое снижение объема сырьевого экспорта.

Объемы сырьевого экспорта России в Оман стали увеличиваться с 2017 г. и в 2019 г. объемы увеличились вдвое [1] (табл. 6).

По структуре сырьевого экспорта в Оман из России также преобладает минеральное сырье и производные из него

(мазут, керосин, битум), руды, шлаки, зола, древесина, черные металлы (сталь, ферросплавы, чугун).

Таблица 6

Доля СЭ из России в Оман за период с 2015 по 2019 годы

Период	Доля за период, %	Изменение, п.п.	СЭ экспорт, млрд \$	Общий экспорт, млрд \$
2015	0,01	–	0,03	343,51
2016	0,02	0,01	0,07	285,77
2017	0,01	0,00	0,02	357,27
2018	0,01	0,00	0,06	450,28
2019	0,03	0,02	0,14	424,39

Составлено автором по данным ФТС России

В целом, в общем экспорте России наблюдалось увеличение с 2015 по 2019 гг. доли экспорта из России в Оман товаров СЭ. Небольшое замедление наблюдалось в 2017 г.

Динамика объемов сырьевого экспорта из России в Иорданию представлена в табл. 7. Как видно из данных таблицы, наибольший объем сырьевого экспорта был в 2019 г. (0,38 млрд долларов США). Доля СЭ в Иорданию в общем объеме экспорта России оставалась незначительной (0,03, 0,008% в 2016–2017, 2018 гг.).

Таблица 7

Доля СЭ из России в Иорданию за период с 2015 по 2019 годы

Период	Доля за период, %	Изменение, п.п.	СЭ в Иран, млрд \$	Общий экспорт, млрд \$
2015	0,014	–	0,05	343,51
2016	0,011	-0,003	0,03	285,77
2017	0,008	-0,003	0,03	357,27
2018	0,017	0,009	0,08	450,28
2019	0,088	0,061	0,375	424,39

Составлено автором по данным ФТС России

В структуре сырьевого экспорта из России в Иорданию за период с 2015 по 2019 гг. преобладает древесина, битуминозные вещества, минеральные воски, целлюлоза, черные металлы.

В общем же объеме российского экспорта сырьевой экспорт в Иорданию занимает незначительную долю: 0,03–0,38 (табл. 7). При этом с 2016 по 2017 гг. наблюдается тенденция к снижению доли сырьевого экспорта в общем экспорте России в Иорданию. Затем наблюдается некий подъем.

Доля товаров СЭ в общем экспорте России в Израиль составляет 0,2705%–0,4431% (табл. 8). Некоторый рост сырьевого экспорта наблюдался в 2016 году, когда доля экспорта из России составила 0,443%. При анализе динамики экспорта установлено, что наибольший объем товаров СЭ наблюдался в 2018 году (составил 1,601 млрд долл. США) [1].

Таблица 8

Экспорт товаров СЭ из России в Израиль за период 2015–2019 гг.

Период	Доля за период, %	Изменение, п.п.	СЭ экспорт, млрд \$	Общий экспорт, млрд \$
2015	0,3906	–	1,342	343,51
2016	0,4431	0,0525	1,266	285,77
2017	0,3868	-0,0563	1,382	357,27
2018	0,3555	-0,0313	1,601	450,28
2019	0,2705	0,0850	1,148	424,39

Составлено автором по данным ФТС России

Проводя анализ структуры товаров СЭ в Израиль можно сказать, что среди поставок в Израиль преобладают поставки товаров минеральных групп: минеральное сырье и производные из него (мазут, керосин, битум), жемчуг природный или культивированный, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы, металлы, плакированные драгоценны-

ми металлами, и изделия из них; бижутерия; монеты и черные металлы (сталь, ферросплавы, чугун).

Объемы сырьевого экспорта России в ОАЭ традиционно составили с 2015 по 2019 гг. 0,18–0,21% [1] (табл. 9). При анализе динамики экспорта установлено, что наибольший объем СЭ товаров наблюдался в 2019 году (составил 0,897 млрд долл. США) [1].

Таблица 9

Доля СЭ из России в ОАЭ за период с 2015 по 2019 гг.

Пе-риод	Доля за период, %	Измене-ние, п.п.	СЭ экспорт, млрд \$	Общий экс-порт, млрд \$
2015	0,19	–	0,65	343,51
2016	0,19	0,00	0,54	285,77
2017	0,19	0,00	0,70	357,27
2018	0,18	-0,01	0,82	450,28
2019	0,21	0,03	0,89	424,39

Составлено автором по данным ФТС России

По структуре сырьевого экспорта в ОАЭ из России также преобладает минеральное сырье и производные из него (мазут, керосин, битум), руды, шлаки, зола, древесина, черные металлы (сталь, ферросплавы, чугун), жемчуг природный или культивированный, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы, металлы, плакированные драгоценными металлами, и изделия из них.

Анализируя экспорт сырьевых энергетических товаров России в Ливан (табл.10) определено, что доля товаров СЭ в общем экспорте России составляет 0,0286–0,1467%. При этом наибольшие объемы экспорта были в 2015 году (0,504 млрд долл. США).

Проводя анализ структуры товаров СЭ в Ливан можно сказать, что в эту страну Ближнего Востока преобладают поставки товаров минеральных групп: минеральное сырье и производные из него (мазут, керосин, битум), древесина, древесный уголь и черные металлы (сталь, ферросплавы, чугун).

Список использованных источников:

1. <http://customs.gov.ru/statistic>

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С РЕСПУБЛИКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И.В. Медынская,

профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук irinamedyn@mail.ru

Н.Н. Сперанская,

профессор Военной академии связи (г. Санкт-Петербург), кандидат филологических наук, natalyasp1948@gmail.com

В статье рассматриваются проблемы сотрудничества в сфере образования и роли интеграционного процесса стран Центральной Азии и России. Проведен анализ состояния и перспектив развития основных направлений РФ в сфере образования с республиками Центральной Азии с учетом приведенных противоречий, а также возможных путей их преодоления. Отмечается, что стратегия развития международного научно-образовательного сотрудничества стран ЕАЭС, СНГ и ШОС, предложенная правительством России, и ряд политических мер будут играть важную роль в будущей экономике Центрально-Азиатского региона. Определены предпосылки для активизации сотрудничества в сфере высшего образования между РФ и странами Центральной Азии по основным направлениям. Предложены мероприятия для поднятия качества и престижа онлайн-образования в странах ЕАЭС и СНГ. Обоснована необходимость развивать сотрудничество в рамках сетевых университетов со странами СНГ и ЕАЭС и КНР. Определены ключевые тенденции, формирующие будущее Азиатского региона для более успешного сотрудничества с образовательными учреждениями.

Ключевые слова: международное научно-образовательное сотрудничество, ЕАЭС, мультикультурализм, интеграционные процессы, глобализация, процессы трансформации, мигранты, инновационно-информационное пространство, бизнес-структуры, Центральная Азия

УДК 338.4

На современном этапе взаимодействие между Россией и странами Центральной Азии характеризуется широким спек-

Таблица 10
Экспорт товаров СЭ из России в Ливан за период 2015–2019 гг.

Пе-риод	Доля за период, %	Измене-ние, п.п.	СЭ экспорт, млрд \$	Общий экс-порт, млрд \$
2015	0,1467	–	0,504	343,51
2016	0,0958	-0,0509	0,274	285,77
2017	0,0811	-0,0147	0,290	357,27
2018	0,0286	-0,0525	0,129	450,28
2019	0,0794	-0,0508	0,337	424,39

Составлено автором по данным ФТС России

Выводы. В структуре товаров СЭ из России сохраняется общая для выбранных стран Ближнего Востока тенденция — преобладание минерального сырья и производных из него (мазут, керосин, битумозные вещества), руды, шлаки, зола, древесина и древесный уголь, прочие химические товары (тормозные жидкости, антифризы, жидкость для травления металлов), медь и изделия из меди, черные металлы (сталь, ферросплавы, чугун).

Таким образом, проведя анализ географической структуры товаров сырьевого экспорта в страны Ближнего Востока, установлено, что наибольшие объемы таких товаров Россия экспортирует в Израиль (минеральное сырье и производные из него (мазут, керосин, битумозные вещества), жемчуг (природный и культивированный, драгоценные и полудрагоценные камни), Кувейт (медь и изделия из меди). На втором месте по объему импорта сырьевых товаров из России — Иран и Ливан. На третьем месте Саудовская Аравия. Далее следуют Оман, Иордания, Бахрейн и Катар. Объемы экспорта товаров СЭ в страны Ближнего Востока незначительно, но растут с 2017 года. В товарной структуре СЭ по исследуемым странам Ближнего Востока преобладает минеральное топливо, древесина и древесный уголь, драгоценные и полудрагоценные камни.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

тром областей сотрудничества, включающих интенсивные контакты на высшем уровне, торгово-экономические и гумани-

тарные связи, сотрудничество на международной арене, в том числе в Совете безопасности ООН, совместное участие в международных и региональных организациях (ШОС, БРИКС) и др.

Необходимость выработки эффективных подходов, стратегий взаимодействия в глобальном образовательном пространстве признаны во многих странах мира. Российская Федерация, стремясь интегрироваться в систему поликультурного образования, всегда создавала условия для более успешного сотрудничества с образовательными учреждениями ЕС, СНГ, ЕАЭС, ШОС.

Укрепление связей РФ с республиками Центральной Азии (в которую, как известно, входят Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Казахстан) по всем направлениям — политическим, экономическим, культурным, научным, образовательным бесспорно является задачей приоритетной. Эти республики территориально — ближайшие соседи России и, кроме того, имеют глубокие тесные связи, сформировавшиеся на протяжении 70 лет существования СССР.

В Федеральном законе от 29 января 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» с внесенными в нем изменениями на 30 декабря 2021 года и действующим уже в новой редакции с 1 января 2022 года определены цели, формы и направления международного сотрудничества. В главе 14 «Международное сотрудничество в сфере образования» (статья 105) указаны цели в этой сфере: «расширение возможностей граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства для получения доступа к образованию; координация взаимодействия Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями по развитию образования; совершенствование международных и внутригосударственных механизмов развития образования». Статья 106 «Закона» гласит о подтверждении «документов об образовании и (или) квалификации, выданных российскими организациями «в целях обеспечения надлежащего признания юридической силы таких документов в иностранном государстве» [1]. Следует отметить, что в развитии международного сотрудничества в сфере образования России и республик Центральной Азии существуют противоречивые тенденции. Эти тенденции носят разнонаправленный характер, обусловленный стремлением вхождения в единое образовательное пространство и вместе с тем желанием сохранения сформировавшихся национальных образовательных систем, и, следовательно, собственной конкурентности в этой области.

Так, например, В.В. Комлева в своей работе анализирует причины осложнений во взаимодействии образовательных организаций России и среднеазиатских республик [2]. Эти трудности, в первую очередь, связаны с появлением необходимости решения форм взаимодействия подсистем, формирующихся в результате интеграционных процессов в данной сфере. Автор выделяет следующие подсистемы, порождающие противоречия и осложняющие вхождение в единое образовательное пространство: во-первых, это сложившаяся подсистема высшего образования в национальных республиках, во-вторых, подсистема, возникающая в рамках двусторонних межгосударственных отношений, и, в-третьих, подсистема как результат потребностей взаимодействия республик в рамках международного сотрудничества.

В нашу задачу входит рассмотрение состояния и перспектив развития основных направлений РФ в сфере образования с республиками Центральной Азии с учетом приведенных противоречий, а также возможных путей их преодоления. Отметим, что Кыргызстан с населением в 6 миллионов человек и Казахстан с 18 миллионами соответственно сотрудничают с Россией в области образования по линии СНГ и ЕАЭС, Таджикистан (8,7 миллионов), Узбекистан (32,2 миллиона), Туркменистан (5 миллионов) входят в состав ЕАЭС, причем Туркмения — только в качестве ассоциированного члена [3].

Основные положения международного сотрудничества в области образования в рамках СНГ разработаны в ряде документов (в настоящее время их насчитывается более 50), в которых обозначены основные приоритеты:

— углубление сотрудничества в рамках общего образовательного пространства с учётом лучших национальных традиций, опыта и принципов, утвердившихся в мировой практике;

— содействие обеспечению права всех граждан государств-участников СНГ на получение качественного и доступного образования;

— развитие инклюзивного подхода в образовании людей с особыми возможностями здоровья;

— активизация работы и эффективное использование возможностей базовых организаций государств, входящих в СНГ;

— разработка возможности дальнейшей интернационализации образования и координации деятельности образовательных организаций.

Русский язык в Казахстане и Кыргызстане занимает особый статус. По данным переписи населения 2009 года, русский язык является одним из используемых языков в Казахской республике. Это — первый язык по числу владеющих им и второй по числу носителей в качестве родного. И хотя официальная документация ведется на казахском языке, тем не менее именно русский считается межнациональным языком общения в этой стране. В Киргизии русский язык стоит на 3-ем месте по числу носителей после киргизского и узбекского и является в определенной степени языком межнационального общения и наделен статусом официального.

А.Х. Махмутов в своем исследовании приводит статистические данные Росстата о количестве молодых людей из Кыргызстана и Казахстана, получивших образование в российских вузах, начиная с 2000 по 2017 годы. Данные наглядно демонстрируют рост этих показателей. Так, если в 2000 году в РФ обучалось 1097 человек из Казахстана и 1230 из Киргизии, то уже в 2017 году эти цифры достигли 2087 (Казахстан) и 5477 (Киргизия) [4].

Интеграционные процессы в области международного сотрудничества в сфере образования в рамках деятельности СНГ, что в равной степени относится и к ЕАЭС, значительно увеличили приток молодежи Центральной Азии в образовательные учреждения России.

Однако 2020 г. отмечен явным снижением развития сотрудничества по линии образования, прежде всего, из-за пандемии, закрытия границ, вследствие чего возникали препятствия для представителей российских вузов в возможности донести до молодых людей и их родителей информацию о существующих квотах на бюджетные места. Именно мероприятия такого рода позволили значительно увеличить, например, количество обучающихся из Киргизии в вузах РФ за период до принятия ограничительных мер против распространения ковида.

В Кыргызстане в последние годы резко вырос спрос на изучение русского языка среди молодых людей по причинам миграционного характера. Отток, прежде всего, молодежи за рубеж (чаще всего в Россию) в поисках работы объясняется падением уровня жизни населения после распада СССР. В республике возникла потребность в организации курсов русского языка и необходимости повышения профессионального уровня преподавателей-русистов.

Цели объединения 5 республик Центральной Азии и Российской Федерации в ЕАЭС сформулированы в Договоре [5]:

1) создание условий для укрепления и стабильности развития экономик стран-участниц для повышения уровня жизни населения этих стран;

2) формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в странах ЕАЭС;

3) модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальных процессов.

В документе указывается, что гражданам из стран ЕАЭС не нужно получать разрешения или патенты для работы в РФ. «Процедура их трудоустройства не отличается от приема граждан РФ, а документы об образовании признаются без специальной процедуры». В Проекте развития евразийской интеграции до 2025 года включено положение об углублении «сотрудничества по развитию проектов профессионального и университетского обучения» [5].

Тем не менее, подобного рода документы нуждаются в более тщательной проработке правовых механизмов международного сотрудничества в сфере образования в рамках

ЕАЭС. Необходимость интеграции в этой области диктуется, прежде всего, развитием экономических связей государств. В республиках Центральной Азии признают факт того, что именно русский язык в качестве языка-посредника должен способствовать успешной подготовке высококвалифицированных специалистов в различных направлениях общественной жизни.

Так, например, в Узбекистане общепризнанным является мнение о высоком качестве российского образования. И именно это порождает потребность в изучении русского языка в молодежной среде. В этом государстве функционируют 16 филиалов крупнейших образовательных учреждений мира, 11 из которых — российские. Сотрудничество в сфере образования РФ и республики Узбекистан имеет тенденцию к расширению. К наиболее приоритетному в этом направлении относят взаимодействие, способствующее реализации среднего профессионального образования. В 2020–2022 гг. намечен запуск нескольких образовательных программ, в том числе на базе филиала Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена в Ташкенте. Это касается, в первую очередь, программ переподготовки и повышения квалификации национальных педагогических кадров республики.

Сегодня Россия и Узбекистан реализуют немало совместных научно-образовательных проектов. В ближайшие годы ещё семь университетов РФ планируют открыть свои филиалы в Узбекистане.

В настоящее время в российских вузах, в том числе в их зарубежных филиалах, обучается 48,7 тыс. граждан Республики Узбекистан. В соответствии с Планом приёма иностранных граждан на 2021/22 учебный год для узбекистанских абитуриентов выделено 660 мест. По сравнению с 2020/21 учебным годом квота увеличилась на 53 места. Как правило, студенты из Узбекистана, обучающиеся в российских вузах в пределах квоты, выбирают такие направления подготовки, как экономика, менеджмент, лечебное дело, юриспруденция и педагогическое образование [6].

В Казанском федеральном университете обучаются более 2,5 тыс. граждан Республики Узбекистан. Чаще всего для получения высшего образования они выбирают такие направления подготовки, как экономика, туризм, юриспруденция, международные отношения, менеджмент и педагогическое образование.

В числе российских вузов, открывших свои филиалы в Узбекистане, Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» и другие. В одном только Ташкенте в настоящее время действует 14 филиалов российских вузов.

В Узбекистане планируется открытие ещё 7 филиалов российских университетов: Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова, Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Северо-Кавказского федерального университета, Российского государственного гуманитарного университета в городе Самарканде, Московского государственного университета геодезии и картографии, Пермского национального исследовательского политехнического университета, Московского государственного университета пищевых производств.

Многие вузы РФ связывает с образовательными учреждениями республики Узбекистан давнее плодотворное сотрудничество. Так, например, Национальный исследовательский технологический университет (НИТУ) «МИСиС» реализует широкий спектр образовательных программ: от профессиональной навигации школьников и обучения студентов до переподготовки кадров и тесного взаимодействия с академическим и бизнес-сообществом Узбекистана.

В 2021 году учёные из Республики Узбекистан участвовали также в трёх совместных с Россией проектах: комплексных астроклиматических исследованиях, медицинском проекте по разработке концепции применения фитопрепаратов антиагрегантного действия для профилактики и лечения послед-

ствий новой коронавирусной инфекции и исследовании поведения огнеупорных материалов при термоударе в условиях Большой солнечной печи (структуры, которая использует концентрированную солнечную энергию для получения высоких температур).

Таджикистан является признанным стратегическим партнером России по развитию научных, культурных и образовательных связей. Укрепление международного сотрудничества в сфере образования подтверждается увеличением количества программ по русскому языку в этой республике. В ряде городов Таджикистана действуют школы, обучение в которых ведется на русском языке.

В 2019 году подписано Соглашение о строительстве 5 новых школ, в которых образовательный процесс будет вестись в соответствии с российскими образовательными стандартами. Предполагается, что в эти школы будут направлены педагоги из Российской Федерации. Намечены перспективы заключения документов, расширяющих взаимодействие вузов государств, возможности прохождения стажировок для таджикских студентов в образовательных учреждениях РФ, а также взаимного признания документов об образовании.

Республика Туркменистан активно осуществляет международное взаимодействие со многими странами — Беларусью, Китаем, Румынией, Турцией, Китаем и Россией. Определены основные задачи в развитии международного сотрудничества в этом направлении — расширение и динамизм многоплановых международных связей, увеличение в образовательных учреждениях количества изучаемых языков.

Русский язык изучается как иностранный наряду с английским во всех школах Туркмении. Он занимает третью позицию по распространенности после узбекского и туркменского. По данным за 2020–2021 гг. количество русских классов значительно сократилось. Кроме того, в этой стране ощущается нехватка квалифицированных преподавателей-русистов. Российское посольство в связи с этим приняло решение об организации он-лайн курсов по повышению квалификации данной категории.

Наиболее востребованными среди туркменских молодых людей являются специальности по программам, связанным с цифровизацией, экономикой, менеджментом, а также с юриспруденцией. Многие из них предпочитают получать образование по этим направлениям в вузах России. Так, например, в 2020 году в Тульском государственном университете туркмены стояли на 2 месте по численности обучающихся после вьетнамцев [7].

С.М. Юн, оценивая возможности сотрудничества в сфере образования республик, входящих в ЕАЭС, справедливо отмечает, что интеграция в этом направлении нужна не ради интеграции, а в качестве поддержки «взаимодействия проектов между вузами в привязке к конкретным производственным и иным проектам» и потребностям с учетом развития различных направлений евразийских стран [8].

РФ имеет достаточно успешный опыт взаимодействия с образовательными учреждениями Евросоюза. Так, например, университеты Санкт-Петербурга и Финляндии, Швеции на протяжении ряда лет развивали программы трансграничного сотрудничества, сетевого взаимодействия в целях повышения уровня академической мобильности преподавательского и студенческого состава, «включенного» обучения, получения «двойных» дипломов, организации практик студентов и аспирантов на предприятиях и т.п. Опыт подобного рода необходимо использовать и расширять в процессе интеграции РФ и республик Центральной Азии в поликультурное образовательное пространство.

Следует отметить, что ЕС всегда выделяет значительное финансирование на подобные программы. Такого финансирования для ЕАЭС практически нет. Получение квот на бесплатное обучение молодых людей из среднеазиатских республик в вузах РФ крайне затруднено, хотя формально имеются фонды стипендий Россотрудничества.

Кроме того, по оценкам специалистов, существует важная задача согласования учебных процессов в странах-членов

ЕАЭС и СНГ. Так, проведение приемных экзаменов в вузы нередко осложняется несогласованностью сроков проведения вступительных экзаменов и подведения их итогов в республиках.

Возможности получения молодыми людьми среднеазиатских республик, так называемых, «Двойных» дипломов могли бы стать решением в преодолении таких препятствий. И сама система приема в учебные учреждения, согласование времени проведения вступительных испытаний, подведения их итогов, содержание учебных программ требуют тщательной проработки. Опыт взаимодействия вузов РФ и ЕС по сотрудничеству в области развития мобильности студентов выявил более эффективный подход к таким программам, а также существенное их финансирование со стороны Евросоюза. В России же в рамках Сетевых университетов с СНГ и ЕАЭС, хотя и существуют такие программы, однако получить финансирование на них крайне сложно [9].

В связи с растущей сложностью приёма в университеты в современных условиях, высшие учебные заведения имеют возможность сделать набор иностранных студентов лучше и эффективнее за счёт сетевого партнёрства со сторонними поставщиками. Сетевое учебное заведение и сторонний партнёр должны разделять ценности с точки зрения ожидаемых образовательных результатов для молодых людей. Университетам можно рекомендовать изучить опыт научно-инновационного сотрудничества стран Большой Евразии.

Например, разноплановое сотрудничество РФ и КНР в сфере науки и инноваций, ориентированное, в том числе, на

дальнейшее совершенствование отраслевой и технико-технологической структур китайской экономики и сферы промышленного производства. В такого рода научно-инновационной интеграции принимают активное участие российские НИИ, организации системы ВО, российские объекты инновационной инфраструктуры, например, Фонд Сколково, Иннополис (г. Казань) (в рамках последнего в 2018–2021 гг. размещаются совместные российско-китайские инновационные стартап-проекты и др.).

Ситуация санкционного давления 2022 г., обусловленная последствиями спецоперации, проводимой РФ на территории Украины, создала существенные негативные предпосылки для обеспечения эффективности функционирования национальной экономики России.

Вместе с тем, по нашему мнению, такого рода ситуация сформировала и определенные предпосылки для активизации сотрудничества в сфере высшего образования между РФ и странами Центральной Азии по следующим основным направлениям (рис. 1).

Таким образом, сформировавшиеся тенденции международного сотрудничества в значительной степени должны быть ориентированы на приоритетные предпосылки развития по следующим инновационным направлениям:

– рост стимулов к активизации научно-технического, в т.ч. инновационного сотрудничества между РФ и КНР, между странами ЕАЭС в сфере разработки современного программного и аппаратного обеспечения, ERP-систем и технологий менеджмента (в качестве замещения соответствующего сегмента,

Рис. 1. Некоторые предпосылки развития международного сотрудничества между РФ и странами Центральной Азии в сфере науки высшего образования

который был ранее занят на рынке России преимущественно IT-корпорациями, являющимися резидентами экономических систем США и государств ЕС);

– перспективное формирование новой единой интеграционной научно-образовательной сети в рамках взаимодействия РФ и странами Центральной Азии, в частности, между Россией и КНР и по линии таких международных интеграционных образований, как ШОС, ЕАЭС, СНГ (например, в форме общих бакалаврских и магистерских программ, краткосрочных научно-образовательных и учебно-производственных практик и т.п.).

Сегодня идёт процесс пересмотра традиционных форм организации методик высшего образования. Уже становится очевидным, что онлайн-обучение ведёт к расширению аудитории преподавателей и отличается своей доступностью для студентов, где бы они ни находились.

Что необходимо сделать, чтобы поднять качество и престиж онлайн-образования в странах ЕАЭС и СНГ? Первое условие — повысить функциональность существующих технологических платформ. Это то, что позволит вузам делать онлайн-курсы с обратной связью, со встроенным искусственным интеллектом. Второе условие — развитие нормативной базы: онлайн и в чистом и в смешанном формате должен быть абсолютно естественным вариантом, предусмотренным российскими нормативами. И, наконец, необходимо создание новых организационных и финансовых механизмов, более тщательный анализ структуры нормативного финансирования.

Сумма экономии от использования онлайн-курсов составляет от 50% до 250%. Это очень существенный показатель. Но надо создать экономические модели, способные хорошо работать в университетах. В нашей системе это одна из главных проблем.

Когда в 2020 году пандемия COVID-19 выявила основные проблемы высшего образования, а большинство учебных за-

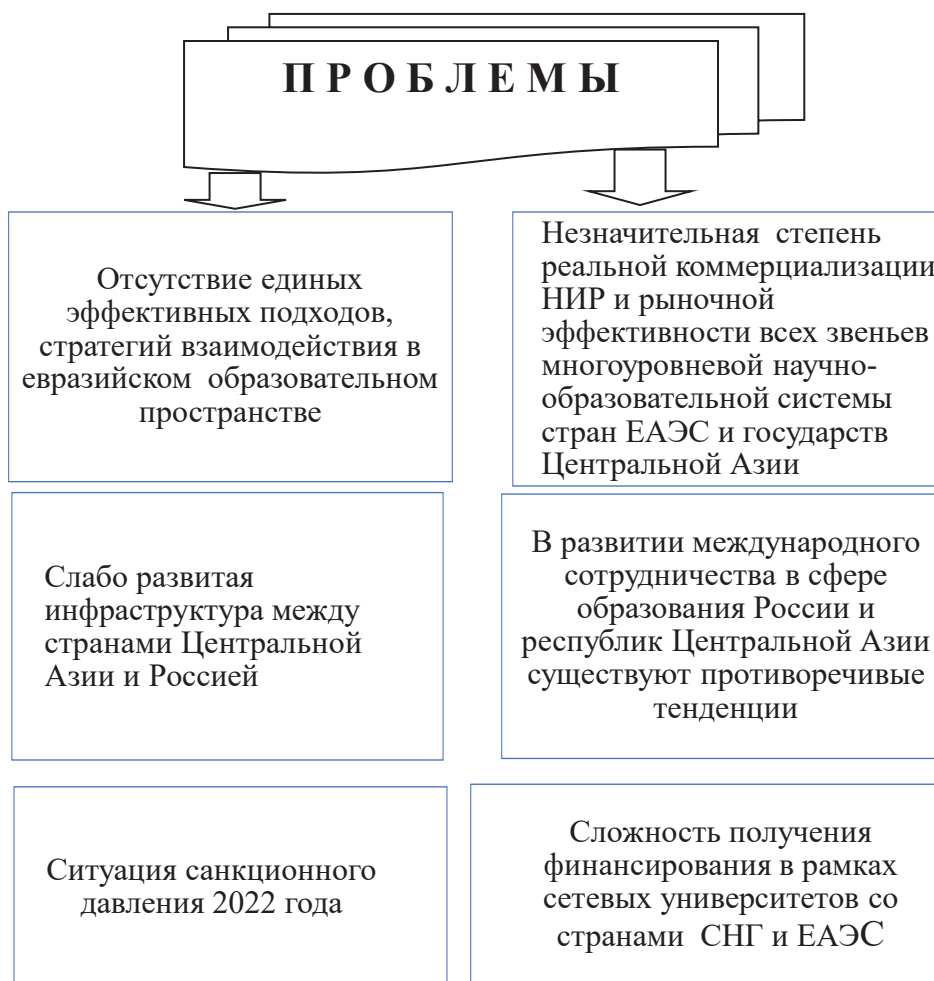
ведений прекратили свои программы обучения за рубежом, появилась возможность предложить удалённую иностранную стажировку. Многие работники, организующие международное обучение, ухватились за неё, надеясь сохранить хоть какое-то подобие обучения программированию за границей. Они спешно начали переодевать свои международные программы стажировки для удалённого предоставления.

Программы удалённой стажировки, которые разрабатываются сегодня, весьма отличаются от программ, предлагавшихся в начальный период ранней пандемии. Удалённая международная стажировка становится всё более популярной в программах современного образования за рубежом, и всё больше людей соглашаются с тем, что такой тип стажировок останется надолго.

При грамотной организации удалённая международная стажировка предоставляет жизнеспособные и значимые возможности получения образования для большего числа и более широкого разнообразия студентов. Удалённая стажировка и стажировка на рабочем месте стали двумя различными типами международных стажировок, каждая из которых имеет свои достоинства и привлекательность.

Удалённая стажировка и стажировка на месте преследуют схожие цели, поскольку обе предназначены для обеспечения изучения возможности роста, получения непосредственного опыта работы, знакомства с отраслью и навыками карьерной готовности. Такие стажировки позволяют студентам в ограниченных условиях (в течение 1 семестра) применять знания, полученные в аудитории, на практике в условиях реального рабочего места.

Эти формы стажировок призваны развить необходимые навыки в карьерном росте, но достижение целей при этом осуществляется по-разному: например, путём структурирования проектов и учебных программ, чтобы максимально адаптиро-

Рис. 2. Основные проблемы внешнеэкономического сотрудничества стран Центральной Азии и России в сфере науки высшего образования

вать обучение студентов к соответствующему формату. Следует отметить, что при прохождении таких стажировок нередко возникают и проблемы, например, такие, как управление ожиданиями результатов, управление обучением на рабочем месте и поощрение студентов думать.

Для того, чтобы гарантировать развитие и укрепление международного научно-образовательного сотрудничества университетов в рамках интеграции науки, образования и бизнеса, необходимо согласовать на уровне России и стран Центральной Азии принципы и стандарты интеграции и взаимодействия электронных научно-образовательных систем с учетом международной практики. В свою очередь, они должны содержать политику безопасности и защиты персональных данных.

Необходимо вовлекать бизнес-структуры, а также частный сектор к созданию и совместной реализации инновационных научно-образовательных услуг. Поэтому следует разработать инструменты интегрирования для эффективного функционирования в проблемных сферах, диверсификации и получения синергизма [10].

Ключ к развитию региональных научно-образовательных инновационных центров — это создание здоровой конкурентной инновационной среды. Для этого необходимо:

- разработать открытую научно-образовательную инновационную систему, которая была бы способна эффективно использовать все имеющиеся инновационные ресурсы России и стран Центральной Азии;

- усилить координацию международного сотрудничества, для чего необходимо разрушить административные барьеры между странами и устранить препятствия для потока инновационных элементов;

- укрепить сотрудничество между научно-образовательными кластерами инновационных центров.

Все вышесказанное приведет к созданию открытой международной научно-образовательной инновационной системы. Открытая система повлечёт за собой эффективное использование глобальных инновационных ресурсов, которые повысят качество и эффективность международного сотрудничества в сфере образования.

Данные предложения имеют важные практические значения, во-первых, потому, что они задействуют все имеющиеся ресурсы для создания научно-образовательного и бизнес-пространства России и стран Центральной Азии. Во-вторых, предоставляют возможность проанализировать потенциальные сценарии развития объединенного рынка образовательных услуг. В-третьих, позволяют выделить из них перспективные варианты и определить рычаги воздействия на них [10].

Несмотря на положительные тенденции развития внешнеэкономического сотрудничества стран Центральной Азии и России, существует на сегодняшний день ряд проблем (рис. 2).

Одной из главных проблем международного сотрудничества стран Центральной Азии и России является отсутствие единых эффективных подходов, стратегий взаимодействия в евразийском образовательном пространстве. В связи с тем, что нет единого подхода к процессу оказания образовательных услуг, а также отсутствие сетевой информационно-инновационной базы для организации обучения иностранных граждан и граждан стран ЕАЭС, внедрение инновационных форм и методик высшего образования на евразийской платформе является затруднительным.

Таким образом, возникает и ряд других проблем.

Во-первых, нежелание выходцев из Центральной Азии изучать русский язык, интересоваться политической, культурной жизнью страны пребывания — все это порождает националистические настроения.

Во-вторых, слабо развитая академическая мобильность между странами ЕАЭС и государств Центральной Азии связана с социокультурной адаптацией иностранных студентов, т.к. участвующий в академической мобильности, погружается в другой мир с другими традициями и культурой.

В-третьих, в рамках сетевых университетов со странами СНГ и ЕАЭС возникают сложности получения финансирования.

Необходимо исследовать новые возможности налаживания взаимодействия между научно-образовательными организациями стран Центральной Азии, а также искать новые пути к пониманию их растущего международного влияния в сфере образования.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273 ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174. (дата обращения: 01.06.2022).
2. Комлева В.В. Гуманитарное сотрудничество в Евразии: система евразийского образовательного пространства // Этносоциум. — 2019. — № 10(136). — С.138–150.
3. Департамент статистики Евразийской экономической комиссии. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/opublikovana-statistika-eaes-za-10-let/> (дата обращения: 30.05.2022).
4. Махмутов А.Х. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] — URL: <https://cyberleninka.ru//problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 25.05.2022).
5. Договор о евразийском экономическом Союзе (с изменениями на 1 октября 2019 года) (редакция, действующая с 28 октября 2021 года). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855. (дата обращения: 27.05.2022).
6. Перспективы набора узбекских студентов на обучение в российские вузы. URL: https://akvobr.ru/perspektivy_nabora_uzbekskih_studentov_na_obuchenie_v_rossiiskie_vuzy.html. (дата обращения: 30.05.2022).
7. Интернет-портал «Пространство интеграции»: «О развитии сотрудничества по формированию общего образовательного пространства Содружества Независимых Государств». URL: <https://e-cis.info/cooperation/3690/81470/> (дата обращения: 29.05.2022).
8. Юн С.М. Образование как сфера сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. История. — 2017. — № 50. DOI: 10.17223/19988613/50.13.
9. Шабеева С.В., Кекконен А.Л. Практическое исследование сотрудничества вузов. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/62366/1/UM_2017_6_93-100.pdf (дата обращения: 02.06.2022).
10. Медынская И.В., Сперанская Н.Н. Проблемы и перспективы развития идентичностей в мультикультурном обществе Европы и России // Проблемы современной экономики. — 2021. — № 4(80) 2021. — С.57–61.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РИСКИ СОТРУДНИЧЕСТВА ЕАЭС И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В СФЕРЕ КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ

Р.Р. Хуссамов,

доцент департамента менеджмента и инноваций Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации (г. Москва),
кандидат экономических наук
karabure@mail.ru

А.Р. Гараева,

магистрант факультета мировой экономики и мировой политики
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва)
ga980410@mail.ru

В статье проводится анализ стратегических рисков и вызовов, которые возникают в процессе сотрудничества между странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Республикой Корея (РК) в сфере креативной экономики. Авторы оценили уровень выделенных стратегических рисков сотрудничества и возможные направления их регулирования и снижения. Особое внимание уделяется моделированию межфирменного взаимодействия в сфере креативной экономики рассматриваемых стран.

Ключевые слова: креативная экономика, стратегические риски, Российская Федерация, Республика Корея, ЕАЭС, межфирменное взаимодействие

УДК 379.8

В настоящее время общественный прогресс характеризуется структурными изменениями в широком ряде вопросов, в частности в понимании роли творческой или креативной деятельности человека. Если в прошлом эксперты в первую очередь рассматривали его как часть механизма сохранения национальной идентичности, то сегодня это наиболее быстрорастущий сектор экономики во многих странах мира. Современные креативные индустрии обеспечивают рабочими местами примерно 2% населения земного шара. По прогнозам аналитического центра G20 Insights, к 2030 году доля креативной экономики в мировом ВВП может составить не менее 10% [2].

Современная креативная экономика генерирует разнообразную инновационную продукцию, которая реализуется на весьма конкурентном мировом рынке. По мнению экспертов, производство инновационной продукции во всем мире сосредоточено в небольшом количестве стран, обладающих необходимыми навыками, знаниями и бизнес-стратегиями, требующимися для того, чтобы извлекать стабильную прибыль от применения новых технологий [1].

Одну из лидирующих позиций в вопросах структуризации и распространения влияния креативной индустрии занимает Республика Корея. На протяжении последних 30 лет маленькое северо-восточное государство активно развивало свой творческий потенциал. Опыт РК является одним из передовых и эффективных на сегодняшний день. В связи с этим многие государства стремятся к сотрудничеству с южнокорейским бизнесом для развития своего потенциала в креативном секторе.

Прежде чем приступить к анализу потенциала и стратегических рисков бизнес-сотрудничества ЕАЭС и Республики Корея в сфере креативной экономики, авторы рассмотрят основные паттерны, которые характерны для сферы деятельности креативного бизнеса РК.

Первый паттерн (образец) — это особая деловая культура южнокорейского бизнеса. Многие эксперты указывают на уникальную деловую культуру большинства корейских фирм, которая также относится и к предприятиям, представляющим креативную индустрию [5]. Это, в первую очередь, относится к феномену «ralli ralli». Данный феномен означает то, что корейские фирмы быстро и гибко реагируют на возникающие новые технологии и находят актуальные подходы к управлению инновационными процессами в целом. При этом менеджмент корейских креативных компаний активно стимулирует разработку новых продуктов с целью сокращения времени их выхода на рынок. Стоит отметить, что повышение скорости реакции на рыночные изменения и изменения в предпочтениях потребителей является ключевым принципом корейских бизнес-стратегий.

Второй паттерн — это повсеместная и широкая государственная протекция развития национальной креативной индустрии. Это проявляется не только в формировании долгосрочной стратегии развития креативной сферы РК, но и в различных формах прямой и косвенной финансовой поддержки.

Например, проект государственного финансирования от 2022 года, направленный на инклюзивную поддержку только тех южнокорейских компаний индустрии, которые в своей деятельности активно прибегают к использованию технологий искусственного интеллекта. При этом оценивается не только умение создавать продукт в новых условиях, но и умение обучать других участников креативной индустрии. Программа рассчитана на единовременную выплату суммы до 400 тыс. долларов США. Таким образом, правительство прямо поддерживает процесс передачи рыночных знаний от более успешных компаний к менее успешным компаниям. Другими словами, при помощи государства формируются организационные основы экономики знаний в формате межфирменных отношений. Это позволяет построить не только доверительные взаимоотношения компаний креативной индустрии с правительством, но и особые, доверительные межфирменные взаимоотношения внутри неё [3].

Третий паттерн — это важная роль малого и среднего бизнеса в развитии креативной экономики РК. Эмпирические данные говорят о том, что скорость и оперативность принятия бизнес-решений являются жизненно важными для малого и среднего бизнеса (МСП) креативной экономики, поскольку им часто не хватает доминирующего положения на рынке, эффекта масштаба и узнаваемости торговых брендов, которыми в полной мере обладают многие крупные фирмы [5]. Более того, корейский МСП играют ключевую роль в корейской экономике в качестве основных поставщиков для крупных корейских конгломератов. В связи с этим их важность в креативной сфере является более очевидной для РК по сравнению с другими странами, исходя из такого критерия, как «соотношение количества предприятий к общей численности работников».

Итак, быстрое принятие решений по проектированию и производству новых товаров, тесные межфирменные связи между крупными корейскими конгломератами и малым и средним бизнесом, существенные инвестиции, агрессивная маркетинговая политика корейских конгломератов, а также всемерная поддержка со стороны государства в совокупности стали трамплином для быстрого роста креативной экономики Кореи.

Далее постараемся при помощи стратегического анализа определить наиболее существенные, т.е. стратегические риски сотрудничества компаний ЕАЭС и компаний Республики Корея в сфере креативной экономики.

Рейтинги стран ЕАЭС и Республики Корея в глобальном инновационном индексе

	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Армения	60	59	68	64	61	69
Беларусь	79	88	86	72	64	62
Казахстан	75	78	74	79	77	79
Киргизстан	н.д.	95	94	90	94	98
Российская Федерация	43	45	46	46	47	45
Среднее по ЕАЭС	64,25	73	73,6	70,2	68,6	70,6
Республика Корея	11	11	12	11	10	5

Источник: составлено авторами на основании данных Всемирной организации интеллектуальной собственности [6]

Основными элементами стратегического анализа бизнеса, характеризующего его содержание являются такие, как: 1) анализ целей и ценностей фирмы; 2) анализ ресурсов и способностей фирмы; 3) анализ организационной структуры и системы управления фирмы; 4) анализ влияния внешней среды на достижение стратегических целей бизнеса.

По нашему мнению, в качестве стратегических рисков сотрудничества компаний ЕАЭС и Республики Корея в сфере креативной экономики можно выделить следующие.

Первый риск — это отсутствие доверия между компаниями стран ЕАЭС и Республики Корея в условиях новой геополитической реальности. Такое доверие необходимо для формирования долгосрочного взаимовыгодного межфирменного сотрудничества. Современное состояние международных экономических и политических отношений в мире в целом, и в частности международные отношения между Республикой Корея и странами ЕАЭС характеризуются сложным, нестабильным характером.

По мнению авторов прикладной модели KST, важными элементами становления и формирования межфирменных отношений являются: 1) знания; 2) структура и 3) доверие [4]. Данная модель предполагает наличие трех механизмов развития управления межфирменными взаимоотношениями:

- 1) механизм управления знаниями;
- 2) механизм координации;

3) механизм формирования доверия или долгосрочной уверенности и убежденности в надежности партнеров по межфирменному взаимодействию.

С целью снижения данного риска необходимо формирование постоянно действующей ассоциации, которая будет объединять компании креативной индустрии РК и стран ЕАЭС.

Второй риск связан с высокой вероятностью установления корейской монополии в случае совместных действий в сфере креативной экономики, поскольку компании РК ранее активно скупали иностранные компании креативной экономики и устанавливали своё влияние на них. Например, такой кейс был замечен в Японии. Более того, уровень и скорость развития инновационных процессов в Республике Корея и странах ЕАЭС значительно отличаются друг от друга.

В качестве аргумента в защиту актуальности второго стратегического риска приведем таблицу 1, в которой представлены рейтинги стран ЕАЭС и Республики Корея в глобальном инновационном индексе за последние 2016–2021 годы, который рассчитывает Всемирная организация интеллектуальной собственности.

Данный риск можно нивелировать путем организации совместных научных исследований, в т.ч. в области креативной экономики. При этом ведущая роль в таком сотрудничестве может быть отведена вузам стран ЕАЭС и Республики Корея.

Третий риск — это возможные трудности и проблемы в продвижении совместной продукции или масштабирования совместного бизнеса за пределами своих национальных рынков, т.е. на другие локальные и региональные рынки. Данный риск относится к группе маркетинговых рисков и может быть снижен за счет создания совместных креативных проектов, в которых рыночная власть участников таких проектов должна быть заранее оговорена и зафиксирована в юридических документах.

В заключение следует отметить, что потенциал сотрудничества между компаниями стран ЕАЭС и Республики Корея в сфере креативной экономики достаточно высок. Однако, в таком сотрудничестве можно выделить существенные риски, описанные выше.

По нашему мнению, будущее межфирменных взаимоотношений стран ЕАЭС и Республики Корея в креативной экономике определяется следующими важными факторами: 1) поддержка со стороны государственных органов власти и управления со стороны каждой страны; 2) формирование эффективных коммуникаций между компаниями креативной экономики стран ЕАЭС и Республики Корея; 3) растущая объективная неопределенность в сфере международных экономических отношений в современных условиях; 4) наличие взаимной выгоды от выстраивания межфирменных взаимоотношений стран ЕАЭС и Республики Корея в креативной экономике. Со стороны южнокорейского креативного бизнеса — это расширение присутствия на локальных национальных рынках стран ЕАЭС. Со стороны бизнеса стран ЕАЭС — это адаптация высококонкурентных моделей южнокорейского креативного бизнеса, прошедших апробацию на мировых рынках, под собственные бизнес-стратегии. Также, в перспективе, возможен выход на национальный рынок Республики Корея.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

Список использованных источников:

1. Akhmedi, S. and Tsakalerou, M. Shades of innovation: is there an East-West cultural divide in the European Union? // International Journal of Innovation Science, Vol. ahead-of-print No. ahead-of-print, 2022. URL: <https://doi.org/10.1108/IJIS-01-2022-0019> (дата обращения: 30.05.2021)
2. Buchoud N., Eryuce O., Gebetsberger C., Newbigin J., Avogadro E., Damuri Y., Frei-Oldenburg A., Henderson M., Khor N., Larasati T. & Myasnikov I. Policy Area Global Cooperation for SDGs Financing. Creative Economy 2030: Inclusive and resilient Creative Economy for sustainable development and recovery // G20 Insights. 2021. URL: https://www.g20-insights.org/policy_briefs/creative-economy-2030-inclusive-and-resilient-creative-economy-for-sustainable-development-and-recovery/ (дата обращения: 30.05.2021).
3. Korea Creative Content Agency (KOCCA). Recruitment of Active Educational Institutions for AI Content Creator Education Project 2022, 2022. URL: <https://www.kocca.kr/cop/pims/view.do?intcNo=122D00042009&menuNo=200828&rcptSt=#none> (дата обращения: 30.05.2021). (In Korean).
4. Knop L. & Olko S. Crises in the Cluster Life-cycle // Knowledge as Business Opportunity: Proceedings of the Management, Knowledge and Learning International Conference 2011, International School for Social and Business Studies, Celje, Slovenia, 2011. URL: <http://www.issbs.si/press/ISBN/978-961-92486-3-8/papers/ML11-39.pdf> (дата обращения: 30.05.2021)
5. Shin H., Lee J., Kim D. & Rhim H. Strategic Agility of Korean small and Medium Enterprises and Its Influence on Operational and Firm Performance // International Journal of Production Economics, 2015, 168, 181–196. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2015.06.015> (дата обращения: 30.05.2021) (In English).
6. World Intellectual Property Organization (WIPO). Resources. Intellectual Property Statistics, 2021. URL: <https://www.wipo.int/members/en/> (дата обращения: 30.05.2021).

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ЕАЭС

М.Л. Вартанова,

ведущий научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС
Института демографических исследований социологического центра РАН (г. Москва),
кандидат экономических наук
m.l.vartanova@mail.ru

Вопросам развития взаимной торговли и продовольственной безопасности между странами Евразийского экономического союза стало уделяться более пристальное внимание, как в связи с началом санкционных войн и последующим курсом России на импортозамещение, так и в период пандемии коронавируса, когда между многими странами стали рушиться привычные экономические связи. И в этих сложных условиях воздействия экстремальных факторов особое значение приобретает умелая организация обеспечения продовольственной безопасности страны.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), глобальная нестабильность, интеграция, продовольственная безопасность, риски и угрозы, экономическое сотрудничество.

УДК 338

Продовольственная безопасность России определяется как состояние экономики страны, при котором обеспечивается ее продовольственная независимость, гарантируется доступность населения к пищевым продуктам и качественной питьевой воде в соответствии с физиологическими нормами питания. При этом необходимо исходить и из того, что население и специфика его продовольственного обеспечения в условиях распространения пандемии представляют собой неоднородную структуру и существует целый ряд факторов, влияющих на продовольственную безопасность и здоровье граждан.

Проблемам продовольственной безопасности стало уделяться более пристальное внимание также в связи с началом санкционных войн и последующим курсом нашей страны на импортозамещение. И здесь важно подчеркнуть значимость проблемы не только в производственном, но и в общественном отношении, поскольку сельское хозяйство, как отрасль национального хозяйства, изначально начинало развиваться в жизненном пространстве цивилизационного института. Основным документом стратегического планирования, в котором «отражены официальные взгляды на цели, задачи и основные направления государственной социально-экономической политики в области обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации» является Указ Президента РФ № 20 от 21 января 2020 года «Доктрина продовольственной безопасности» [8]. Особое значение в условиях пандемии в условиях глобальной нестабильности приобретает механизм обеспечения продовольственной безопасности населения России:

- мониторинг мер по обеспечению россиян продуктами питания и предметами первой необходимости, противовирусными и лекарственными средствами;
- анализ тенденций, влияющих на управление товарными запасами страны; экономическая целесообразность применения мер по поддержке социально незащищенных слоев населения;
- контроль за реализацией мер государственного регулирования.

Поскольку глобальная пандемия нарушает доступность рабочей силы к производству и цепочке поставок продовольствия, можно выделить ряд следующих факторов, которые оказывают влияние на ситуацию с продовольствием:

- специфика и масштабы распространения пандемии в ряде стран;
- зависимость от импорта сельскохозяйственной продукции;
- сбой поставки продовольственных товаров;
- рост цен и экономическая нестабильность;
- отсутствие возможностей социально незащищенных слоев населения по приобретению товаров первой необходимости;
- качество потребляемой населением продукции.

Решение поставленных задач невозможно без поддержки государства, включающей комплекс мер, от создания благо-

приятного инвестиционного климата и финансовой поддержки сельхозпроизводителя до защиты внутреннего рынка от проникновения сельхозпродукции из третьих стран по демпинговым ценам. В стремлении защитить продовольственную безопасность, некоторые страны могут прибегнуть к торговым ограничениям или агрессивным запасам, которые могут привести к подорожанию цен на ряд сельскохозяйственных культур. Так, среднее значение Индекса продовольственных цен ФАО (ИПЦФ) только в июле 2020 года составило 94,2 пункта, что на 1,1 пункта (1,2 процента) выше уровня июня 2020 года. Рост данного Индекса продовольственных цен ФАО с 1961 по 2020 годы продолжается, в результате чего его июльское значение оказалось почти на 1 пункт (1 процент) выше, чем в соответствующий период прошлого года.

Всемирная продовольственная программа считает, что 300 млн человек в мире страдают от голода, и эти оценки постоянно корректируются в сторону увеличения. Горькая весть такова, что человечеству грозит сильный голод со времен Второй мировой войны с миллионами погибших. Засуха, кризис, вызванный пандемией коронавируса, а также ряд других факторов грозят усугубить ситуацию с голодом во всем мире. В докладе Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН отмечается, что, по меньшей мере, около 135 миллионов человек оказались в ситуации острого продовольственного кризиса. Согласно Всемирному докладу ФАО о продовольственных кризисах (GRFC) за 2020 год, в 2019 году число людей в состоянии острого кризиса продовольствия и источников существования или хуже, в соответствии с терминами, используемыми в Классификации фаз продовольственной безопасности (IPC), достигло 135 миллионов в 55 проанализированных странах и территориях. Отмечается, что около 183 миллионов человек в 47 странах находятся в ситуации умеренной или пограничной продовольственной небезопасности (2 фаза) под угрозой перехода в 3-ю или более высокую фазу, если им придется столкнуться с дополнительными потрясениями или стрессогенными факторами. Наихудшие продовольственные кризисы с 2019 года наблюдаются в Йемене, Демократической Республике Конго, Афганистане, Венесуэле, Эфиопии, Южном Судане, Сирийской Арабской Республике, Судане, Северной Нигерии и Гаити.

Продовольственная безопасность стран Евразийского экономического союза определяется как состояние экономики стран ЕАЭС, при котором обеспечивается их продовольственная независимость и самодостаточность, гарантируется экономическая доступность населения к пищевым продуктам и качественной питьевой воде в соответствии с требуемыми физиологическими нормами питания.

История с распространением коронавируса обнажила механизмы борьбы, которую постоянно ведут власти как внутри стран, так и на международной арене. Ограничения экспорта социально значимых продуктов является в значительной сте-

пени вербальной интервенцией. Подавляющая доля экспорта российской продукции АПК — это сырьевые товары с минимальным уровнем переработки: зерно, выловленная рыба, масличные и растительные масла в цистернах наливом, то есть Россия практически не экспортирует готовые продукты питания, тем более социально значимых групп. Из всех готовых продуктов питания в достаточном объеме экспортируются только кондитерские изделия, но это не продукция первой необходимости.

Риски России в числе государств-участников Евразийского экономического союза в контексте общемировых рисков могут быть сведены к следующим:

- нарушение логистических цепочек;
- снижение и сокращение гуманитарных акций;
- обнищание населения в странах-импортерах;
- ограничительные меры экспорта в РФ;
- снижение маржи из-за снижения внешних цен (тренд на снижение цены в долларах, укрепление национальной валюты);
- нарушение миграции трудовых ресурсов.

В течение всего 2020–2021 гг. страны ЕАЭС стремились сохранить стимулирующую бюджетную политику для поддержки и достижения устойчивого восстановления экономик. Так, государствами — членами были разработаны пакеты мер поддержки экономики. Были предоставлены значительные кредитные и налоговые льготы, снижена административная нагрузка и упрощены административные процедуры на граждан и субъекты хозяйствования, снижена регуляторная и надзорная нагрузка на банки и не кредитные финансовые организации. Была оказана целевая помощь населению как посредством назначения прямых выплат наиболее уязвимым категориям граждан, а также семьям, так и сохранения занятости.

В настоящее время практически во всех государствах — членах Евразийского экономического союза отмечался опережающий рост цен на продовольственные товары. Исключение составляет Республика Беларусь, в которой наибольший рост цен зафиксирован на тарифы на платные услуги населению. Оценка существующей системы мониторинга с 2015 по 2020 годы позволила показать, что минимальное повышение потребительских цен на продовольственные товары и платные услуги населению наблюдались в Республике Армения, на непродовольственные товары — в Кыргызской Республике [1, с. 33–74]. Также ускорился рост цен в секторе услуг, за исключением России (табл.1).

Таблица 1

Индекс потребительских цен (в процентах)

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Декабрь к декабрю предыдущего года						
ЕАЭС	114,1	105,7	103,1	104,3	103,3	105,4
Армения	103,7	98,9	102,6	101,8	100,7	103,7
Беларусь	113,5	110,6	104,6	105,6	104,7	107,4
Казахстан	106,6	108,5	107,1	105,3	105,4	107,5
Кыргызстан	106,5	103,7	103,2	100,5	103,1	109,7
Россия	115,5	105,4	102,5	104,3	103,0	104,9
К предыдущему году						
ЕАЭС	114,1	104,1	103,1	104,4	103,3	103,9
Армения	103,7	98,6	101,0	102,5	101,4	101,2
Беларусь	113,5	111,8	106,0	104,9	105,6	105,5
Казахстан	106,6	114,6	107,4	106,0	105,3	106,8
Кыргызстан	106,5	100,4	103,2	101,5	101,1	106,3
Россия	115,5	107,1	103,7	102,9	104,5	103,4

Источник: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. — Москва, 2021. С. 33 [3].

Суммарный объем внешней торговли товарами государств — членов Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) с третьими странами с 2015 по 2020 годы составил 622,8 млрд долл. США, в том числе экспорт товаров — 364,4 млрд долл., импорт — 258,4 млрд долл. По сравнению с 2019 годом объем внешнеторгового оборота уменьшился на 110,3 млрд долл., экспорт — на 94,9 млрд долл., импорт — на 15,4 млрд

долл. Объемы внешней торговли товарами государств — членов ЕАЭС с третьими странами с 2015 года по декабрь 2020 года представлены в табл. 2.

Таблица 2

Объемы внешней торговли с третьими странами

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Миллиардов долларов США						
ЕАЭС						
Оборот	579,3	509,4	634,1	753,8	733,1	622,8
экспорт	373,8	308,3	386,9	490,7	459,3	364,4
импорт	205,5	201,1	247,2	263,1	273,8	258,4
сальдо	168,3	107,2	139,7	227,6	185,5	106,0
Армения						
Оборот	3,4	3,6	4,5	5,3	5,7	4,8
экспорт	1,2	1,4	1,7	1,7	1,9	1,9
импорт	2,2	2,2	2,8	3,5	3,8	2,9
сальдо	-1,0	-0,8	-1,1	-1,8	-1,9	-1,0
Беларусь						
Оборот	28,8	24,4	30,1	35,1	35,6	31,1
экспорт	15,7	12,2	15,6	19,9	18,4	15,0
импорт	13,1	12,2	14,5	15,7	17,2	16,1
сальдо	2,6	0,0	1,1	4,2	1,2	-1,1
Казахстан						
Оборот	60,2	48,3	60,3	74,6	74,8	65,3
экспорт	40,8	32,8	43,2	55,1	51,4	41,4
импорт	19,4	15,5	17,1	19,6	23,4	23,9
сальдо	21,4	17,3	26,1	35,5	28,0	17,5
Кыргызстан						
Оборот	3,1	3,5	3,8	4,3	4,2	3,2
экспорт	1,1	1,1	,2	1,2	1,3	1,4
импорт	2,0	2,4	2,6	3,1	2,9	1,8
сальдо	-0,9	-1,3	-1,4	-1,9	-1,6	-0,4
Россия						
Оборот	483,8	429,6	535,4	634,0	612,8	518,4
экспорт	315,0	260,8	325,2	412,8	386,3	304,7
импорт	168,8	168,8	210,2	221,2	226,5	213,7
сальдо	146,2	92,0	115,0	191,6	159,8	91,0

Источник: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. М., 2017. — 204 с. [6].

Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. М., 2018. — 206 с. [5].

Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. М., 2020. С. 146 [4].

Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. М., 2021. С.145 [3].

Продовольственная безопасность зависит от способности коллективного планирования и реагирования на нестабильность. Согласно предварительному прогнозу ЕЭК, увеличение стоимостных объемов торговли составит в ближайшей перспективе 19%. Основным фактором ее роста в среднесрочном периоде выступает оживление внутренней экономической активности. Возникшие риски и угрозы в условиях глобальной нестабильности предполагает естественную организационную связь экономики и политики, необходимость уяснения того, как эти экономические процессы детерминируют то, что происходит в политике и реагируют на изменения в ней.

Существующие угрозы и риски побуждают государства Евразийского экономического союза объединять усилия для принятия мер, позволяющих, с одной стороны, насытить рынок продуктами питания, а с другой — защитить его от некачественной продукции [9]. В сложившихся условиях, представляющих

риски продовольственной безопасности стран ЕАЭС, представляется целесообразным усилить контроль в области продовольственного обеспечения каждого из государств ЕАЭС.

Объединение усилий государств Евразийского экономического союза [7] может придать больше возможностей для создания и внедрения новых технологий глубокой и комплексной переработки продовольственного сырья, совершенствования методов выращивания, хранения и транспортировки сельскохозяйственной продукции, обеспечивающих ее безопасность для жизни и здоровья, в том числе будущих поколений.

Экономическая целесообразность дальнейшего развития интеграции очевидна [2, с. 128–138]. Только в условиях интеграции открываются новые возможности реализации совместных глобальных инвестиционных проектов, снимаются барьеры во взаимной торговле на основе расширения направлений поддержки развития внешнеэкономической деятельности, появляются дополнительные стимулы продвигать промышленную кооперацию, поддерживать создание высокотехнологичных производств, обеспечивать преимущественное развитие инновационных секторов экономики.

Список использованных источников:

1. Вартанова М.Л. Национальные приоритеты и перспективы развития Евразийской экономической интеграции // Экономика и право: монография / Гл. ред. Э.В. Фомин. — Чебоксары: ИД «Среда», 2021. — С. 33–74.
2. Вартанова М.Л. Экономическая целесообразность интеграции стран ЕАЭС // Вторые декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году: реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности. — М., 2020. — С. 128–138.
3. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. — М., 2021. — С. 33; 145–146; 149.
4. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. — М., 2020. — С. 146.
5. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. — М., 2018. — 206 с.
6. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. — М., 2017. — 204 с.
7. Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. Пути реализации политики импортозамещения в рамках со странами ЕАЭС // Естественно-гуманитарные исследования. — 2018. — № 21 (3). С. 114–120.
8. Указ Президента РФ № 20 от 21 января 2020 года «Доктрина продовольственной безопасности».
9. Vartanova Marina Lvovna. Food supply of the population in the conditions of the global response to the COVID-19 pandemic // Revista Inclusiones. ISSN 0719–4706 Vol. 7 — Número especial — Octubre/Diciembre, 2020. P. 122–134.

К ПРОБЛЕМЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ НА ОСНОВЕ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ДОЛГОВОГО И ФОНДОВОГО РЫНКОВ

В.Вл. Чекмарёв,

руководитель Костромского регионального отделения Петровской академии наук и искусств при администрации Костромской области, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент Российской академии образования
tcheckmar@ksu.edu.ru

В.В. Чекмарёв,

докторант Костромского государственного университета, кандидат экономических наук
tcheckmar@ksu.edu.ru

Л.Г. Чекмарёва,

с.н.с. Костромского регионального отделения Петровской академии наук и искусств при администрации Костромской области

Статья посвящена оценке ситуации в мировом экономическом пространстве, состоянию фондового рынка в результате введения санкций западных стран, которые отражаются на реализации экономических отношений Российской Федерации с иными хозяйствующими субъектами. Эта ситуация явилась катализатором совершенствования архитектуры экономической безопасности России. В основе ее совершенствования авторы предлагают процесс структурирования долгового и фондового рынков.

Ключевые слова: экономическая безопасность, фондовый рынок, долговой и фондовый рынки, экономические санкции

УДК 330 ББК У26(2)229.5–21–03(2Р)

Структура рынков, выделяемых по различным классификационным основаниям, весьма изменчива и характеризуется не только динамикой спроса и/или предложения тех или иных товаров и услуг, динамикой тех или иных потребностей и интересов хозяйствующих субъектов, но и инфляционными ожиданиями и социально-экономическими проблемами с непредсказуемым исходом [1]. При этом в рамках каждого временного периода, выбранного для проведения анализа ситуации, количество необходимо учитываемых факторов, влияющих на состояние тех или иных рынков совершенно различно.

Учитывая данные обстоятельства, определимся, что временным периодом нашего анализа является январь 2022 года, ибо именно в январе российские активы оказались в

заложенных геополитических рисков и важным событием следует считать стремительный кризис отечественных рынков, разоривший большое число россиян [2]. После переговоров в Женеве, Брюсселе и Вене российский рынок четыре дня подряд оставался во власти паники, вызванной рисками начала специальной военной операции на Украине, и не мог нащупать «дна», продолжая свободное падение, которое уже вошло в топ-4 сильнейших за последние 10 лет*. Свежую пор-

* За последние 10 лет лишь трижды рынок видел обвалы сильнее — в начале пандемии в 2020 году, на фоне введения санкций в апреле 2018 года и после присоединения Крыма в марте 2014 года.

цию «масла в огонь» подлили новости об эвакуации десятков российских дипломатов из Киева и Львова, опровергать которые МИД РФ не стал.

По итогам торгов во вторник индекс МосБиржи, включающий акции 43 крупнейших российских компаний, рухнул на 6,5%, а РТС, отражающий долларовую капитализацию бумаг, просел на 7,29 процента [3]. Панические настроения охватили как крупных продавцов, так и сотни тысяч начинающих инвесторов, которые пришли на рынок в прошлом году, вложив в российские акции 1,3 триллиона рублей в надежде заработать и спасти сбережения от инфляции^{**}. Теперь именно они, «частные инвесторы», поддались панике и активнее всех сбрасывали бумаги. Они пришли на рынок в период роста, и впервые столкнувшись с такой волатильностью, распродавали акции, чтобы забрать свои деньги. Но сделать это смогли далеко не все.

Самой популярной ценной бумагой в портфеле частного инвестора по итогам прошлого года стал «Газпром». Его доля составила 32,2%, или примерно 837 млрд рублей в денежном выражении (если ориентироваться на статистику ЦБ). С начала года бумага газовой монополии падала на 18%, что могло принести 150,6 млрд рублей убытка держателям-физлицам. Вторым по популярности эмитентом стал Сбербанк (22%). Причём в его акции вложилось рекордное число частных инвесторов — 1,1 миллиона. Из них почти 500 тысяч купили бумагу в прошлом году. Эксперты на основе статистики биржи и ЦБ утверждают, что в обыкновенные бумаги Сбера россияне могли вложить 437 млрд рублей, а убыток в январе мог составить 109 млрд рублей. Третьей по популярности бумагой стал «Норникель» — 12,5%, или 325 млрд рублей. Его котировки падали в моменте на 14%, что могло принести 45,5 млрд рублей убытка. На «ЛУКОЙЛ» пришлось 8,6% в портфеле частного инвестора, или 223 млрд рублей. Падение почти на 9% отрезало от этой суммы 20 млрд. Впрочем, бумаги крупнейшей частной нефтяной компании оказались устойчивее других к биржевой панике и практически полностью восстановились к концу торгов 19 января. На акциях ВТБ (5,4% в портфеле, или 140 млрд рублей) физлица могли потерять порядка 20 млрд рублей на пике падения, достигавшего 14,5 процента. Таким образом, только на пяти голубых фишках частные инвесторы могли понести 345 млрд рублей убытка. А с 1 октября потери смогли превысить 600 млрд рублей.

Причём не всегда «физики» продавали по своей воле: некоторые позиции принудительно закрывают брокеры из-за маржин-коллов по падающим бумагам. Практически безоткатное падение, которое началось 13 января, после переговоров Россия-НАТО и серии воинственных заявлений от российского МИДа и Кремля, отрезало 12,1% от капитализации индекса МосБиржи, «спалив» 31 млрд долларов в пересчете на капитализацию индекса РТС. И это притом, что с фундаментальной точки зрения российский рынок выглядит более чем привлекательно: цены на нефть, газ, металлы выросли, а дивиденды — самые высокие в мире.

Из этого факта следует вывод о том, что рынок втянут в воронку геополитических страхов, и что для его спасения необходимы сигналы о нормализации отношений с Западом. Риски дальнейшей эскалации грозили продолжением падения индексов, которое при худшем сценарии может измеряться десятками процентов с учетом сохраняющейся большой значимости западных денег на российском фондовом рынке. Но нужные сигналы рынок получил лишь 19 января, на пятый день паники, когда начались утечки о том, что власти блефуют, добиваясь

лишь новых переговоров с Западом, и прозвучали заверения С. Лаврова и С. Рябкова, что Россия и не помышляет о войне.

На этих утечках и заявлениях на торгах 19 января индекс МосБиржи отскочил на 3,24%, а РТС — на 3,45%. Но перспективы остаются туманными. Тем более, что российский рынок акций, как и экономика в целом, выглядят слабыми и уязвимыми. Большинство аналитиков склоняется к тому, что не только геополитический фон выглядит мрачным, но и неизвестны риски, которые несёт экономика «омикрон», а также растущие опасения в связи с окончанием периода мягкой денежной политики американской ФРС, которые заставят инвесторов избавляться от таких рискованных активов, как корпоративные бумаги.

Скептики, судя по итогам торгов, состоявшихся 20 января, оказываются пока убедительными. Рубль и государственные облигации России вновь подешевели, не сумев продолжить рост, начавшийся накануне. Хотя цена российской нефти Urals в Европе впервые с 2014 года превысила 90 долларов за баррель, рубль вновь оказался аутсайдером среди валют развивающихся стран. Все российские активы находятся в тревожащем ожидании перед встречей Э. Блинкена и С. Лаврова, а инвесторы готовы усилить продажи в любой момент. Высокие цены на нефть, рост курсов валют развивающихся стран и спрос на рубли со стороны экспортёров в преддверии налоговых выплат — всё это пока бессильно перевесит фактор геополитики.

Вслед за новым правительством Германии, занявшим более твёрдую позицию в отношении газопровода «Северный поток-2», ужесточил свою позицию в отношении России и французский президент Э. Макрон. Он с явной тревогой наблюдает за процессами в российской политике и крушением своих намерений включить Россию в европейскую архитектуру безопасности. Выступая в Европарламенте 19 января, он заявил, что Евросоюзу нужно покончить с зависимостью от нефти и газа из России. По его словам, с Россией нужно не просто вести диалог, но и иметь переговорную позицию, которую невозможно сформировать, находясь в зависимом положении, будучи уязвимым для России. Закупки российских энергоносителей, по его словам, являются одной из таких уязвимостей. Евросоюз является крупнейшим покупателем российской нефти, импортируя 48% уходящих за рубеж баррелей. Главные клиенты российских нефтяников находятся в Нидерландах (11%), Германии (11%), Польше (7%) и Финляндии (4%). В страны Европы также уходит 72% российского газового экспорта. Крупнейшим покупателем остаётся Германия (16%), за ней следуют Италия (12%) и Франция (8%).

Тем временем обвал российского фондового и долгового рынка, обошедший в 150 млрд долларов капитализации крупнейших компаний и опустивший цены долговых бумаг правительства РФ, ударил по состоянию Сбербанка, крупнейшего банка России, на котором завязано благосостояние множества россиян. «Сбер» зафиксировал отрицательную переоценку портфеля ценных бумаг на 102,4 млрд рублей. Убыток от падения котировок на рынке оказался больше чистой прибыли банка за месяц: она составила 100,2 млрд рублей. Многомиллиардная травма была нанесена и ВТБ, второму по величине госбанку России, на который приходится 16% активов сектора и 15% вкладов физлиц, и который зафиксировал падение чистой прибыли по итогам января в 11 раз. По российским стандартам бухгалтерского учета (РСБУ) ВТБ из-за валютной волатильности и проблем на фондовом рынке заработал за месяц лишь 1,3 млрд рублей против 14,5 млрд в январе 2021 года [4].

По оценке ЦБ, весь банковский сектор только на долговых бумагах потерял 200 млрд рублей в январе и 486 млрд рублей с начала 2021 года. Рынок оказался во власти «идеального шторма», благодаря тому, что к давлению на цены со стороны инфляции и повышения ставки ЦБ добавились геополитические риски. В январе цены облигаций федерального займа падали до минимума с 2016 года по индексу RGBI, а доходности коротких бумаг поднимались выше 10% годовых. Российские акции начали январь обвалом на 17% по индексу МосБиржи и 21% по РТС, оказавшись под прессом продаж иностранных инвесторов, напуганных угрозами санкций и риском российско-украинской войны. Январский кризис привёл к тому, что

^{**} По данным МосБиржи, за 2021 год количество физических лиц, имеющих брокерские счета, увеличилось почти вдвое и достигло порядка 17 миллионов. При этом активность частных инвесторов побилла все рекорды: ежемесячно сделки совершали около 2 миллионов человек. За год «частники» вложили в акции на МосБирже 532 млрд рублей, наслаждаясь ралли, которого рынок не видел много лет. Теперь очень многие из них разорены. По данным ЦБ, совокупный портфель вложений «физиков» в акции российских компаний на 1 октября достигал 2,6 триллиона рублей. В том месяце фондовые индексы установили максимумы, после чего Кремль начал звинчивать геополитические риски, и началось снижение, которое с наступлением нового года превратилось в масштабный обвал.

портфели банков обесценились больше, чем им удалось заработать на других сегментах бизнеса. Переоценка перекрыла почти всю прибыль, заработанную банками.

Несёт потери и работающий в России европейский бизнес. По данным Германно-Российской внешнеторговой палаты, число немецких компаний, работающих в России, постоянно сокращается. За последние 10 лет из России ушла почти половина «немцев». Из 6,3 тысячи юридических лиц, которые вкладывали в российскую экономику в 2011 году, к концу прошлого года осталась 3651 компания [5]. При этом только в 2021 году из России ушли ещё около 300 немецких компаний. Немецкие чиновники уверены, что в 2022 году ещё больше немецких компаний могут прекратить деятельность в России, если власти не предпримут мер по улучшению делового климата. По данным ЦБ РФ, общий объём прямых инвестиций из Германии в Россию на 1 июля 2021 года составлял 19,6 млрд долларов. Впрочем, за первую половину прошлого года объём германских вложений в реальный сектор РФ вырос на 1,6 млрд долларов. Всего за 2021 год экономика получила 30,7 млрд долларов прямых иностранных инвестиций (ПИИ) — почти в 4 раза больше, чем в 2020 году. Однако отток из России по той же статье — прямые инвестиции за рубеж — оказался больше на 70% и составил 53,6 млрд долларов. Таким образом, чистый баланс ПИИ для экономики остался отрицательным: минус 22,9 млрд долларов. Чистый отток капитала из России в 2021 году ускорился на 44% и стал рекордным за 7 лет, составив 72 млрд долларов.

Число российских игроков на рынке также сокращается, чему способствовали проблемы пандемии. В прошлом году были ликвидированы 1,2 миллиона юрлиц и ИП. Пришли на

рынок при этом около 1 млн юрлиц и индивидуальных предпринимателей. Чистый отток составил 152 тысячи компаний и ИП в прошлом году и более 750 тысяч накопленным итогом за два года. Правительство на этом фоне задумалось об упрощении процедуры самоликвидации бизнесов. Министерство экономического развития РФ обсуждает поправки в закон о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые упростят бизнесу процедуру самоликвидации. Поправки коснутся субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) и готовятся совместно с Федеральной налоговой службой (ФНС). Вместо многоэтапной процедуры, по задумке МЭР, закрыть бизнес можно будет одним заявлением. Его рассмотрит ФНС, которая сама проведёт все необходимые действия. Служба проверит наличие задолженностей, судебных запретов и незавершённых камеральных проверок. Весь процесс займёт не больше пяти дней. Чтобы воспользоваться упрощённой процедурой, юрлицо должно состоять в реестре субъектов малого и среднего предпринимательства и не являться плательщиком НДС. Помимо этого, нельзя иметь долгов по налогам, обязательным платежам и зарплатам сотрудникам; находиться в процессе реорганизации, банкротства, уменьшения уставного капитала. Требуется не иметь недвижимого имущества и транспортных средств, а также записи в ЕГРЮЛ о недостоверности сведений о юрлице.

Общий вывод. Реальная ситуация требует кроме всего прочего сосредоточения усилий исследователей проблем рынков на совершенствование архитектуры экономической безопасности России на основе структурирования долгового и фондового рынков.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

Список использованных источников:

1. Чекмарев В.В. Живильность рыночных регуляторов развития отраслевых рынков национально-регионального уровня // Актуальные проблемы развития отраслевых рынков: национальный и региональный уровень: сборник статей V Международной научно-практической конференции (г. Воронеж, 9 апреля 2021 г.) / Отв. ред. Т.Н. Гоголева. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2021. — С. 190–195.
2. Воронов Ю.М. Рыночный фундаментализм — главная причина экономической деградации России // Сильное государство — выбор России. Угрозы, ценности, приоритеты: коллективная монография / Под науч. ред. И.М. Братищева. — М.: Издат-торгов. Корпорация «Дашков и Ко», 2019. — 460 с.; с. 318–332.
3. <https://www.moex.com/> Дата обращения: 20.06.2022.
4. <https://www.vtb.ru/> Дата обращения: 20.06.2022.
5. <https://www.dw.com/ru/ahk-nemeckie-firmy-prodolzhajut-pokidat-rynok-rossii/a-60674762>. Дата обращения: 20.06.2022.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИСЛАМСКОГО БАНКИНГА В РОССИИ

Э.Э. Имамкулиева,

старший преподаватель факультета мировой экономики и мировой политики
департамента зарубежного регионоведения НИУ ВШЭ (г. Москва)
elmiracif@gmail.com

А.А. Унежева,

бакалавр НИУ ВШЭ (г. Москва)
asiyat1333tluk@gmail.com

Ю.В. Воскобойник,

студент НИУ ВШЭ (г. Москва)
yuvvoskoboynik@gmail.com

В статье проведен анализ социальных факторов, оказывающих влияние на развитие исламского банкинга в России в условиях кризисных явлений и изменяющихся экономических реалий. Эмпирической базой данного исследования стали результаты социологического опроса, проведенного в рамках международного проекта НИУ ВШЭ и Тегеранского университета «Россия и Иран: Исламские финансы и сотрудничество в области энергетики» в 2021 году.

Ключевые слова: исламские финансы, исламский банкинг, COVID-19, санкции, социологическое исследование

ББК У26(53)210; Э38–112.3

Пандемия COVID-19 и последовавшее за ней изменение мирового ландшафта заставили общество обратить пристальное внимание на социальные аспекты развития бизнеса и финансов, выявив слабые места многих экономик мира, в том числе и России. Данные Росстата показывают 3,1% падения

ВВП, что является максимальным средним показателем за последние 11 лет (предыдущее сильное падение экономики было зарегистрировано в конце 2009 года — на 7,8%) [1].

В период экономического кризиса население нуждается в дополнительном финансировании. Несмотря на то, что за

2020 г. рынок кредитования российского населения увеличился на 14% [2], вырос и объем просроченной задолженности. Согласно исследованию «РИА Новости», самая высокая доля просроченных кредитов приходится на республики Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Например, Республика Адыгея, занимает 82-е место, с долей просроченных кредитов на начало 2021 г. — 6,96% [2]. Данная статистика иллюстрирует ухудшение платежной дисциплины населения, которая является, как следствием существующих социальных проблем, так и причиной последующих сложностей для населения и экономики в целом.

Тяжелые социально-экономические условия, осложненные негативными последствиями санкционной политики в отношении России, мотивируют к пересмотру существующей структуры финансового сектора, поскольку именно она в долгосрочной перспективе определяет успешность экономического развития государства.

В этом плане *исламские финансы** являются привлекательным инструментом, как для диверсификации финансового рынка и поддержки реального сектора экономики современной России, так и для расширения торгово-экономического сотрудничества со странами Ближнего Востока, являющимися лидерами в сфере развития исламских финансов [3].

Несмотря на то, что исламская экономика, как модель ведения хозяйства, не лишена общих черт с традиционной экономикой, она не является тождественной ей. Помимо экономических и правовых ограничений, которые необходимо учитывать при имплементации исламских финансовых институтов, едва ли не самое важное значение имеют факторы социального характера.

Понимание потенциальных клиентов, их убеждений, возможностей и потребностей, а также знание социокультурных особенностей среды, в которой они проживают, позволяет лучше определить возможные риски и перспективы развития исламского банкинга на территории России, сделать процесс интеграции исламских финансовых институтов более органичным и последовательным. Целью данной статьи является рассмотрение социальных условий, ограничений и перспектив развития исламского банкинга в России.

Эмпирическая база исследования. Для достижения поставленной цели исследования был проведен социологический опрос, в котором приняли участие 216 респондентов из 29 субъектов России. Опрос преимущественно отражает мнение молодого поколения, т.е. лиц 19–35 лет, составляющих примерно 72% от общего числа участников. Конфессиональная принадлежность участников опроса была представлена в большей степени исламом (25%) и христианством (39%), в меньшей — иудаизмом (1,4%) и др. Примерно 33% респондентов отметили, что не исповедуют ни одну из религий.

Социологический опрос был разделен на несколько смысловых блоков, вопросы которых позволили определить уровень осведомленности населения, отношение к внедрению исламского банкинга и дали возможность респондентам оценить уровень финансового развития экономики России. Были представлены следующие смысловые блоки.

1. Общая информация для статистического анализа транзакционного пласта социума: пол, возраст, гражданство, место проживания, семейное положение, род деятельности, уровень образования, примерный уровень дохода.

2. Оценка современной банковской системы с точки зрения привлекательности финансовых продуктов для их потребителей.

3. Наличие знаний о концепции исламского банкинга, опыт использования исламских финансовых инструментов.

4. Отношение респондента к концепции исламского банкинга.

* Здесь и далее под исламскими (партнерскими, халяльными, этическими) финансами понимается банковская или иная финансовая деятельность, соответствующая принципам шариата и запрещающая: 1) рибха (ссудный процент); 2) майсир (случайный доход, например, выигрыш от победы в азартных играх); 3) харам (запрещенная деятельность, например, производство алкогольной продукции); 4) гарар (неопределенность в договорных отношениях).

5. Оценка перспектив внедрения исламского банкинга в России.

В представленном докладе представлены краткие результаты проведенного исследования.

Концепция исламского банкинга. Для того, чтобы приступить к описанию результатов проведенного исследования необходимо прояснить суть принципов исламского банкинга. Исламские финансовые институты обладают определенной спецификой в контексте регулирования и предоставления банковских продуктов — им необходимо строго соответствовать нормам шариата. Исламские финансовые институты находятся под надзором специальных шариатских наблюдательных советов, чья деятельность направлена на проверку соответствия самих исламских финансовых институтов и их клиентов нормам шариата, а также на осуществление сертификации новых финансовых продуктов.

Принципами функционирования исламских финансовых организаций являются: запрет ссудного процента рибха; невозможность участия в сделках, связанных с запрещенной деятельностью — харам (например, финансирование алкогольной продукции, азартных игр); деятельность должна быть свободна от майсир — получения незапланированного, случайного дохода; избегание сделок с гарар — деятельностью, имеющей чрезвычайно высокий уровень риска и неопределенности [4].

В связи с перечисленными условиями функционирования, финансовые организации сталкиваются со специфическими рисками, такими как, например, риск несоответствия нормам шариата.

Главными отличительными особенностями исламских финансовых продуктов и организаций от конвенциональных также являются следующие характеристики:

— финансовые операции, согласно нормам Шариата, всегда базируются на реальных активах, что ассоциирует развитие исламского банкинга с развитием реального сектора экономики.

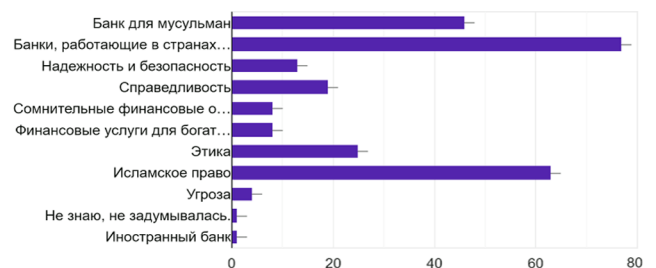
— специфичная этичность исламских финансов, которая выражается в принципе разделения рисков, прибыли и убытков между финансовой организацией и её клиентами.

— Осуществление транзакций на основе специальных форм исламского договора: мудароба, мушарака, мурабаха, иджара, истисна и др. [5].

Результаты исследования. В первую очередь нужно отметить, что 54,6% опрошенных не знакомы с понятием «Исламский банкинг» или его синонимами («партнерский банкинг», «этический банкинг») и его концепцией, что иллюстрирует низкую осведомленность населения о существовании и функционировании такой альтернативной банковской системы как исламский (партнерский, этический) банкинг.

Большая часть опрошенных (66,9%) плохо знакомы с принципами исламского банкинга, потому что «в нашей стране это непопулярно, никогда не слышал(а) об этом, 14,2% не исповедуют ислам, вследствие чего им это не представляется актуальным, а для 11,5% опрошенных сложно разобраться со специальными терминами.

Интересно убедиться в том, что по большей части исламский банкинг ассоциируется с банковской системой стран, где большинство населения исповедует ислам (65,3% ответов). «Исламское право» и «Банк для мусульман» — следующие по популярности ассоциации.

Рис. 1. Результаты ответов на вопрос «Какие ассоциации у Вас возникают, когда Вы слышите словосочетание «исламский банкинг»?».

Исходя из результатов опроса видно, что для принятия решения об использовании услуг исламских банков большей половине респондентов не хватает знаний о них.

На вопрос «Если бы в России появились исламские банки, Вы бы стали пользоваться их услугами?» были получены следующие ответы:

- мне не хватает знаний об исламских банках для принятия решения — 58,8%;
- да, но часть операций совершал бы в традиционных банках -19,9%;
- нет — 16,2%;
- остальные ответили — да, и отказался бы от традиционных банков.

Выводы. По результатам проведенного социологического исследования были сделаны следующие выводы:

Во-первых, наблюдается повышение уровня осведомленности об исламском банкинге, его основополагающих принципах и возможностях, которые он открывает. Это оказывает положительный эффект на динамику развития финансового сектора, согласно нормам Шариата в России, так как в целом спрос на исламские банковские продукты демонстрирует рост.

Во-вторых, образовательные мероприятия и программы, посвященные как обучению финансовой грамотности в целом, так и исламским финансовым принципам, могут способство-

вать увеличению спроса на исламские банковские продукты. Данные программы могут осуществляться во взаимодействии с местными средними и высшими учебными заведениями, коммерческими и некоммерческими организациями и т.д.

В-третьих, на восприятие и доверие потенциальных клиентов исламских финансовых институтов оказывает значительное влияние выбор определения «исламский», «партнерский», «халляльный», «этический» и др. Так, расширению потенциальной клиентской базы может способствовать использование таких терминов, как «партнерский банкинг», «этический банкинг». Это, в свою очередь, позволяет избежать появления ассоциаций с «банками только для мусульман» и «банками в странах с большой долей мусульманского населения», подчеркнув их универсальность и открытость для всех желающих.

Реализация указанных мер может стать важным шагом на пути к снижению негативного влияния пандемии COVID-19 и других кризисных явлений в финансовом секторе, а также нивелировать санкционный эффект, способствуя укреплению торгово-экономических связей между Россией и странами Ближнего Востока. Внедрение исламских финансовых институтов, даже в качестве «пилотных» проектов, создаст предпосылки к повышению инвестиционной привлекательности российской экономики для мусульманских стран и может иметь долгосрочный эффект укрепления внешнеэкономических связей РФ с новыми партнерами.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

Список использованных источников:

1. Падение экономики России из-за пандемии стало максимальным за 11 лет / РБК URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/02/2021/6017e1819a7947cb98f23f95> (<http://www.rbc.ru/economics/01/02/2021/6017e1819a7947cb98f23f95> (дата обращения: 21.09.2022)).
2. Рейтинг регионов по доле просроченных кредитов. 2021 / РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210301/kredit-1599357511.html> (дата обращения: 21.09.2022).
3. Имамкулиева Э.Э., Садыгзаде М.С. Проблемы развития исламского банкинга в России // Вестник Института востоковедения РАН. — 2019. — № 7.
4. Сидоренко К.Д. Исламские финансы в России: между прошлым и будущим // Ислам в современном мире. — 2019. — №15. — С. 175–194.
5. Судин Х. Исламская финансовая и банковская система: Философия, принципы и практика. 2012. — 536 с.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ. МАКРОЭКОНОМИКА

ФАКТОРЫ И МЕТАФАКТОРЫ НОРМИРОВАНИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ*

В.И. Черенков,

профессор кафедры маркетинга Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, с.н.с. экспериментальной лаборатории «Нейротехнологии в управлении» Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва), доктор экономических наук
cherenkov_47@mail.ru

С.В. Карпова,

профессор департамента логистики и маркетинга Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва), зав. экспериментальной лабораторией «Нейротехнологии в управлении», доктор экономических наук
svkarpova@fa.ru

А.В. Таничев,

доцент кафедры экономики, организации и управления производством Балтийского государственного технического университета (Военмех) им. Д.Ф. Устинова (г. Санкт-Петербург), с.н.с. экспериментальной лаборатории «Нейротехнологии в управлении» Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва), кандидат экономических наук
tanichev_alex@mail.ru

Настоящая статья посвящена проблеме расширенного понимания сущности и перспектив применения нормирования потребления населения, что традиционно вызывало ассоциации с такими геополитическими и природными катаклизмами как война и голод. Подобное вынужденное реактивное нормирование, в случае привития потребителю культуры ответственного потребления, следует заменять проактивным как экзогенной, так и эндогенной природы (директивного и индикативного характера). Предложен вариант классификации факторов нормирования потребления и систематизации его ресурсов; вводится понятие метафактор нормирования потребления. Намечены направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: метафактор нормирования потребления, ответственное потребление, потребительский суверенитет, ресурсы потребления, факторы нормирования потребления

ББК С550.355 У9(2)0–94.0

Введение. Как ни странно, но для находящегося на слуху понятия «нормирование потребления», то ли в силу своей простоты, то ли в силу обыденной социально «неудобной» коннотации с дефицитом ресурсов и принуждением потребителя к изменениям его многомерного «рациона», идущим вразрез с доминирующей в обществе потреблением концепцией потребительского суверенитета [26], нам не удалось найти в русскоязычной части Интернета формального определения, кроме разве что «Нормирование потребления ресурсов — процедура оптимального управления ресурсами техноценоза» [4], в котором, не вдаваясь в тонкости понятия «техноценоз», мы бы сделали акцент на управлении, предполагая, что последнее может соответствовать как институциональному регулированию, так и саморегулированию. Иными словами, иметь, соответственно, экзогенную или эндогенную природу, что не отрицает и их комбинации в реальной жизни. Зарубежные источники оказались в этом вопросе проще и понятнее [65], определяя нормирование (*rationing*) как «искусственный контроль над распределением дефицитных ресурсов, пищевых продуктов, ресурсов промышленного производства и т. п.», что осуществляется для «обеспечения надлежащего распределения ресурсов без каких-либо нежелательных потерь», что соответствует критическим обстоятельствам развития социально-экономических систем. Напри-

мер, постковидная ситуация в мировой экономике (негативные последствия многократных локдаунов, ограничений на международные и внутренние поездки, массового появления инфицированных людей, результатом чего явились рост вынужденной безработицы, спад экономического роста и ухудшение индекса качества жизни) [40, 48, 51], усугубившаяся непродуманным по прямому и обратному действию введением и неоднократным расширением «западных» антироссийских санкций [25, 53, 60].

Обзор релевантных проблемам нормирования источников показывает, что основная масса публикаций на эту тему связана с ограничительным нормированием периода Второй мировой войны [58, 59] и восстановительного послевоенного периода [46]. Здесь можно даже найти любопытную аллюзию с известным романом-антиутопией Дж. Оруэлла [2]. Однако такой, директивный и явно ограничительный тип нормирования потребления следует рассматривать лишь как экстраординарную меру, которая связана с ответственным потреблением лишь формальным механизмом нормирования, но не причинами и целями. Подобный вид нормирования потребления применительно к непродовольственным товарам народного потребления периодически и территориально-избирательно практиковался, например, в СССР в довоенный период. Как вынужденная мера, судя по материалам СМИ, подобное имело

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета в 2022 году.

место, например, в истории Кубы и КНДР как результат жестких финансово-экономических санкций инициированных США.

Основная цель настоящей статьи, опираясь на исторический опыт применения нормирования потребления, систематизировать факторы этого нормирования и связать их с ресурсами жизнедеятельности, а главное, показать, что нормирование потребления может и должно сыграть важную роль в переходе населения от модели потребительского суверенитета к модели ответственного потребления [26]. При этом следует разделять *количественное* и *качественное* нормирование потребления. Если *первое*, более старое, или извечное, по началу применения, нормирование было обусловлено необходимостью реакции на неблагоприятные изменения окружающей среды, то *второе* относится к так называемому осмысленному потреблению, что означает становление новых качеств экономических отношений [8]. Формально, понимая общественно-политическое значение этого процесса, *директивное* нормирование потребления (запретительные и пенитенциарные инструменты, избирательная налоговая политика и т. п.) особенно болезненно воспринимаемое населением стран так называемого «золотого миллиарда» как покушение на их потребительский суверенитет и демократию в целом, должно быть дополнено *индикативным* нормированием потребления (табл. 1), действенность которого определяется достигнутым на данный момент времени уровнем культуры устойчивого, или ответственного, потребления [36]. Эндогенное индикативное нормирование (табл. 1) может быть представлено, например, научно обоснованными нормами потребления по продуктам [16], которое превращается в армии в директивное нормирование и, по сути, не обнаруживается в быту. Более действенным выглядит соответствующее становлению вышеуказанной новой культуры потребления разумное самоограничение потребления [7], состоящее в добровольном (если это не продиктовано ограниченными финансовыми возможностями потребителя) самоограничении потребления благ как пищевой, так и непищевой природы (например, жилище, транспорт, одежда, обувь, предметы обихода, а также поставляемых в жилище ресурсов: электроэнергии, горячей и холодной воды, газа, контента Интернета). При столь очевидной постановке вопроса о новой культуре ответственного потребления как ключевой составляющей устойчивого развития его раскрытие недостаточно проработано, а начало пути должно быть связано с классификацией тех факторов, которые определяют возможности нормирования потребления как инструмента его трансформации в направлении становления модели ответственного потребления.

Гораздо больше распространено в настоящее время не *директивное* (как для военного времени или в случае геополитической напряженности как, например, в ЕС в 2022 г.), а *индикативное* нормирование потребления; например, в области питания в русле парадигмы здорового образа жизни, или «здравоцентристской парадигмы», суть которой предлагается [1] видеть в комплексном подходе к сохранению здоровья и мотивации здорового образа жизни с учетом физиологических, медицинских, психологических, педагогических и социально-философских принципов. Вместе с тем, что важно отметить, механизм нормирования (ограничения) потребления человека бывает как экзогенной директивной и индикативной природы (воздействие со стороны государственных и общественных институтов), так и эндогенной природы; например, самоограничение в силу нравственных и религиозных норм [15] или извечной «борьбы с весом», порою доходящей до абсурдно экстремального уровня «диетной аддикции» (*diet addiction*) [42] (табл. 1).

В любом случае, чем бы ни было вызвано и каким бы ни было эндогенное нормирование потребления, под этим видом нормирования, строго говоря, понимается политический/экономический контроль над распределением дефицитных или имеющих шанс стать таковыми в обозримом будущем ресурсов любого рода, необходимых для обеспечения жизнедеятельности индивидуума и его семьи. Близкими по достигаемому результату «нормирования потребления» можно считать неуправляемые, природно обусловленные факторы (специфика региональных/локальных экономгеографических характеристик [47]), а также постоянное количественное/качественное

Таблица 1

Эскизная таксономия методов нормирования потребления на B2C-рынке

НОРМИРОВАНИЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ		
	ИНДИКАТИВНОЕ	ДИРЕКТИВНОЕ
ЭЗОГЕННОЕ	<ul style="list-style-type: none"> – Применение повышенного НДС на вредные товары (например, газированная вода с повышенным содержанием сахара) – Повышенные тарифы на коммунальные услуги (вода, газ, электричество), потребляемые сверх установленной нормы – Налог на товары роскоши (автомобили, элитное жилье) – Влияние секулярных и религиозных общественных институтов 	<ul style="list-style-type: none"> – Экстраординарная карточная система распределения пищевых продуктов, норма на которые определяется по полу, возрасту и типу занятости – Ограничения поставки электричества, газа и воды по времени и объему – Запрет продажи вредных товаров (алкоголь, табак) по времени, возрасту, месту потребление
ЭНДОГЕННОЕ	<ul style="list-style-type: none"> – Ментальный конструкт устойчивости – Убеждения по соблюдению религиозных норм потребления (периоды ограничений) – Следование моде на диеты, призванные обеспечить желаемую фигуру (обычно, борьба с лишним весом) – Принудительный идеологический аскетизм [34, с. 81–87] 	<ul style="list-style-type: none"> – Воспитание ментального конструкта устойчивости – Самодисциплина устойчивости – Религиозный/психологический аскетизм – Аддиктивное ограничение потребления (нервная анорексия) — «диетная аддикция»

Источник: составлено авторами

самоограничение потребления отдельных личностей/групп в силу принятых ими религиозных [33] и/или социокультурных [12] норм, а также моды на показное, демонстративное, потребление типа вегетарианства или веганства [20].

Подходы к классификации факторов нормирования потребления. Начиная со времени Карла фон Линнея (1707–17) — автора, пожалуй, самой на то время полной системы классификации флоры/фауны, где были обобщены и существенно упорядочены актуальные на его время знания о соответствующих областях природы. Определено [14], что признак класса является модифицирующим для некоторого элемента (объекта) в том случае, если ему соответствует элемент другого класса разбиения, отличающийся от первого элемента только значением данного признака первого (базового) уровня разбиения объектов. Далее, в процессе построения системы классификации объектов, элементов, различающиеся только значениями модифицирующего признака, представляют собой разновидности предшествующей (в классификационном коде) более общей единицы (элемента), которая изменяется, оставаясь принадлежащей признаку первого уровня. Представленная кратко и формально эта задача классификации видится весьма важной и имеющей практическую ценность для исследования таких многомерных междисциплинарных объектов как потребление, поскольку требующаяся в нашем случае «перечислительная классификация» рассматривается [19] как эффективное средство свертывания информации. Известно [10], что «свертка информации» представляет собой получение пригодной для практического применения упорядоченной картины из достаточно большого информационного массива, чем, судя по нашему предварительному обзору релевантной теме статьи литературы, является множество факторов нормирования потребления в соотношении с нормируемыми ресурсами потребления, что, на наш взгляд, составляет базис для планируемого управления трансформацией модели потребления, необходимой для улучшения качества жизни в контексте реализации концепции устойчивого развития [39].

В качестве своеобразного образца для разработки системы классификации факторов нормирования потребления могла бы быть взята давно применяемая Классификация товаров в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) [9]. Разумеется, авторы не видят целесообразности

следования к получению подобия столь многоуровневой и объемной системы, состоящей из несоизмеримого множества объектов. Другим, более близким к представляемой здесь задаче образом, могла бы послужить разработка Комиссии по измерению экономических показателей и социального прогресса (*Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress* — известной также как «*Stiglitz/Sen/Fitoussi*» *Commission*) [61] — «Индикаторы качества жизни» [54], структура и содержание которых могли бы быть приняты за основу создания сокращенной классификации факторов нормирования потребления. Предвосхищая дальнейшее изложение темы, отметим, что любой из факторов нормирования может рассматриваться как соответствующий или противоречащий доминирующей социальной парадигме (ДСП) того периода времени, в который он применяется (выбор ценового [45] и неценового [56] метода распределения благ в обществе зависит от общего состояния экономики и геополитической турбулентности, уровень которой лежит в диапазоне от экономических санкций до войн), что ставит вопрос о некоем метафакторе, влияние которого предопределяет как инструментальную эффективность, так и общественное восприятие всех групп далее приводимых факторов нормирования потребления населения. Этот термин авторы предлагают по аналогии с их прежним обоснованием [38] применения приставки «мета-» для выделения в классе мегатрендов мирового развития такого особого мегатренда, который оказывает влияние на все прочие мегатренды (например, цифровая трансформация, геополитическая конфронтация, внедрение концепции устойчивого развития и их возможные комбинации).

Поскольку факторы нормирования потребления тех или иных (в нашем случае, *непроизводственных*) ресурсов рассматриваются как базис для управления трансформацией модели потребления — от модели потребительского суверенитета к модели ответственного потребления [26] — анализ действенности этих факторов видится как определение результативности продвижения населения к улучшенному качеству жизни, что должно соответствовать «рациональной модели будущего», построенного на иных, полярных обществу потребления ценностных основаниях [24]. В любом случае, классификация факторов нормирования потребления должна строиться на выявлении того, что представляет собой искомое повышенное (улучшенное), или устойчивое (ответственное), потребление и как привить его культуру населению, долгие годы формировавшему свой поведенческий конструкт под воздействием матрицы ценностей (идеологии) общества потребления [5].

В основу классификации факторов нормирования потребления может быть положен предложенный ранее подход [39] к построению таксономии инструментов для трансформации модели потребления в целях совершенствования (улучшения) качества жизни. В данной модели представлены четыре класса: (1) **F** — запретительные и пенитенциарные инструменты; (2) **R** — ограничительные инструменты; (3) **S** — заместительные инструменты (товары/услуги-субституты); и (4) **U** — воспитательные/образовательные инструменты продвижения ценностей устойчивого развития. Что касается систематизации материала по факторам нормирования, то можно было бы применить кодировку типа $[M_{u,r} - F_i - R_i - T_i]$, где: $M_{u,r}$ — один из двух метафакторов нормирования («u» — символ метафактора суверенности потребителя; «r» — символ метафактора ответственности потребителя); F_i — один из факторов нормирования потребления (рис. 1); R_i — нормируемый ресурс (рис. 1), содержание, количество и качество которого определяют качество жизни; T_i — инструмент нормирования потребления.

Факторы нормирования и ресурсы потребления населения. Толкование нормирования потребления в самом широком смысле [49] связывает его с любыми обязывающими ограничениями помимо обычных ограничений, например, диктуемых ограниченностью индивидуального или семейного бюджета. На деле потребительский суверенитет, помимо факторов материальной природы (рис. 1) также ограничивается фактором времени, пространственными и энвайронментальными факторами, а также опытом прежних решений о покупке и потреблении. Причём покупательское поведение потребителя в

Факторы нормирования и ресурсы потребления населения		Нормируемые ресурсы потребления						
		материальные					нематериальные	
		питание	вещи	жилище	здоровье	энергия	природа	знания
Факторы нормирования*	A	T	D	H	E	N	K	F
5 — социокультурные	S	S	M	S	I	M	S	M
4 — политико-правовые	W	W	M	M	S	S	M	W
3 — медицинские	M	W	M	S	W	W	W	M
2 — конфессиональные	S	W	W	W	I	M	M	M
1 — природные	M	W	W	M	S	S	N	M
Метафакторы нормирования								
U — суверенности потребителя	W	W	W	W	W	W	W	W
R — ответственности потребителя	S	S	M	M	S	S	M	M

Рис. 1. Матрица «факторы нормирования потребления» versus «нормируемые ресурсы потребления» населения

* — «нормирование» может быть как традиционно ограничивающим/запрещающим, так и стимулирующим (например, обязательное потребление молока на вредных производствах); ** — разное толкование ресурса а «время»: например, «свободное время» как важнейший ресурс развития человека, а «время ожидания» — ограничение на получение услуги в бесплатном (обязательном страховом здравоохранении) за счет ожидания своей очереди [63]; S — сильное воздействие; M — среднее воздействие; W — слабое воздействие; I — безразличие [оценка связи между факторами и ресурсами не получила пока эмпирической проверки и индексы отражают лишь наши соображения— авт.];

Источник: разработка авторов

настоящее время находится под сильным институциональным воздействием — от разрабатываемой государственной политики до складывающихся социальных норм и общественного давления (получивших новые и особо действенные формы с появлением Интернета и формированием сетевых сообществ и блогеров) — а также (что естественно для коммерческого маркетинга как выразителя идеологии общества потребления) испытывает манипулятивное давление продавца в виде рекламы и мероприятий продвижения. Предполагается, что нормирование потребления, рассматриваемое как проактивный инструмент трансформации модели потребления, должно иметь своей целью не исторически традиционное для нормирования реактивное распределение дефицитных ресурсов, а достижение улучшенного качества жизни [39], что соответствует двенадцатой цели — «Ответственное потребление и производство», суть которой «Обеспечить переход к рациональным моделям потребления и производства» [18]. Таким образом, рассмотрение факторов нормирования потребления и их связь с ресурсами потребления следует вести с учетом именно этой цели.

Эти факторы (как управляемые, так и неуправляемые) должны либо учитываться, либо (в качестве инструментов управления трансформацией модели потребления) целенаправленно активизироваться в целях изменения поведения потребителя, чтобы привить ему новую культуру ответственного потребления, порождающую улучшенное качество жизни. В таком контексте нормирование потребления, несовместимое с положениями неолиберализма, представляет собой комплекс мер *качественного* изменения содержания и способа потребления ресурсов, где *количественные* изменения должны иметь место, например, в части научно обоснованных норм потребления пищевых продуктов [16], а также в области добровольного (вне зависимости от финансовых возможностей потребителя) самоограничения потребления непищевых благ (например поставляемых в жилище ресурсов: электроэнергии, горячей и холодной воды, газа, трафика Интернета) в результате принятия потребителем

культуры ответственного потребления, прививаемой населению государственными и общественными институтами. Понимая общественное значение этого процесса, представленное выше, по существу, *индикативное нормирование*, дополняется *директивным нормированием* (запретительные и пенитенциарные инструменты, избирательная налоговая политика и т.п.).

Матрица «факторы нормирования потребления» *versus* «нормируемые ресурсы потребления» населения (рис. 1) требует сделать ряд расширенных комментариев для понимания сущности каждого классифицируемого ресурса потребления населения, а также факторов и метафакторов нормирования этого потребления, а именно:

Нормируемые ресурсы потребления населения:

— **питание — А** — научно обоснованный [11] набор пищевых продуктов (в том числе, питьевая вода), необходимых для жизнеобеспечения человека (с медицинской точки зрения) с учетом региональных/локальных особенностей (национальных, религиозных, климатических) места его обитания, а также особенностей его профессиональной деятельности (например, армия, химические и иные потенциально вредные производства);

— **вещи — Т** — одежда, обувь, аксессуары, а также прочие предметы личного и семейного обихода (мебель, домашняя техника для облегчения быта, профессиональных занятий и досуга, за исключением драгоценностей и иных предметов роскоши), обеспечивающие приемлемое обустройство быта индивидуума/семьи;

— **жилище — D** — традиционное сооружение или часть его, приспособленное для обитания человека и некоторых животных, в характеристики которого помимо эксплуатационных характеристик (индивидуальное, многоквартирное, площадь, кубатура высотность и т. п.), следует включать коммунальные услуги (за исключением поставки питьевой воды, газа и электроэнергии), охрана, а также показатели локального микроклимата и социально-инфраструктурные характеристики местоположения жилища; т.е., все то, что обеспечивает безопасность и комфорт индивидуума/его семьи в его/их жилище;

— **здоровье — H** — услуги страхового (ОМС/ДМС) и платного здравоохранения (в т. ч., дистанционная доступность медицинских учреждений), включая возможности санаторно-курортного лечения, а также доступность медикаментов и медицинского оборудования, материалов и инструментов для индивидуального домашнего использования (следует отметить два объективных фактора нормирования в этой области: соотношение дохода и расходов в сфере платной медицины и территориальная доступность и время ожидания в случае бесплатного лечения сложных заболеваний);

— **энергия — E** — электроэнергия, газ, холодная и горячая вода (вероятно, сюда следует включить и трафик Интернета в силу двух причин: (1) прямой расход электроэнергии и (2) косвенный бесполезный расход свободного времени на потребление мусорного контента — в терминах Феофраста [31] — «хронофагия»);

— **природа — N** — среда обитания, или *хабитат*, рассматриваемая как совокупность факторов (физических, химических, биологических, социальных), способных оказывать прямое или косвенное, сиюминутное или перспективное, физиологическое/психологическое воздействие на деятельность и здоровье индивидуума/его семьи, а также инфраструктурные возможности пользования близкими и удаленными (в том числе зарубежными) рекреационными зонами;

— **знания — K** — адекватное отражение объективной реальности в сознании индивидуума (представления, понятия, суждения, теории), составляющее основу критически воспринимаемой полезной информации, а также умения и навыки, офф/онлайнно приобретаемые в результате включения индивидуума в системы формального/неформального обучения, а также накапливаемые как собственный опыт; следует отметить, что потребление знания находится в прямой зависимости от так называемых [41, р. 58] «брокеров знания» (*knowledge brokers*), которые «берут на себя роль связующего звена между производителями и потребителями знаний, но при этом не могут не быть предвзятыми, что снижает качество знания» [*ibid.*] (в первую очередь, с точки зрения его полезности).

— **свободное время — F** [13, 22, 30] — время, остающееся у человека после выполнения внешней и домашней (оплачиваемой/неоплачиваемой) работы и выполнения обязательств перед семьей и обществом, расходование которого может быть как рациональным, так и иррациональным (вплоть до аддиктивного [50, 52], составляющего угрозу развития физической и ментальной деградации индивидуума и негативного воздействия на семью и общество).

Факторы нормирования потребления населения:

— **природные факторы** — эти факторы являются *неуправляемыми*, а их содержание вкратце сводится к следующему: (1) естественная ограниченность или отдаленность природного ресурса от предполагаемого места его потребления, (2) нарушения воспроизводственного цикла ресурса, (3) рост антропогенной и техногенной нагрузки на региональные и локальные экосистемы, климатические условия мест проживания населения);

— **конфессиональные факторы** — эти, пожалуй, старейшие рукотворные факторы также являются *неуправляемыми*, а их воздействие на нормирование потребления ресурсов определяется, например, принятыми в основных авраамических религиях (иудаизм, христианство, ислам) религиозными нормами разрешенного ассортимента регулярного питания (например, кошер и халяль) и регламентами постов, что может рассматриваться как наиболее старые и ригидные формы нормирования потребления, которые должны приниматься в расчет при разработке политики становления культуры ответственного потребления.

— **медицинские факторы** — эти факторы следует отнести к *управляемым* и имеющим под собой обширную как теоретическую, так и практическую базу, разрабатываемую и утверждаемую многими организациями и ведомствами (например: [23]). Одной из характеристик проявления медицинских факторов питания, связанных со здоровьем, следует считать тип занятости населения. Так, организация питания личного состава Вооруженных сил Российской Федерации имеет специфический характер, связанный с особенностями боевой и мобилизационной подготовки (специфические физические и психоэмоциональные нагрузки при выполнении боевых и других задач в различных климатогеографических условиях и т. п.). Существующие методы нормирования основаны на базисных положениях теории сбалансированного питания [27], экспертных методах, корреляционно-регрессионном анализе, квалиметрии, диагностике и некоторых других, которые не в полной мере учитывают множество новых факторов, оказывающих непосредственное влияние на нормирование питания и укрепление здоровья военнослужащих, и прежде всего, положения теории адекватного питания [29]. Помимо норм для указанных категорий военнослужащих, медицинское нормирование питания активно применяется к работникам промышленных и сельскохозяйственных предприятий с тяжелыми и потенциально вредными условиями труда, спортсменам и контингенту санаториев и пансионатов [27]. Кроме того, весьма распространёнными факторами медицинского нормирования являются хронические заболевания, требующие лечебных диет [6], а также половозрастные характеристики разных категорий индивидуумов (дети и подростки, пожилые и старые люди, беременные и кормящие женщины), попадающих в системы организованного питания [27]. Таким образом, можно сказать, что медицинские факторы следует отнести к регулируемым факторам как количественного, так и качественного (ассортиментного) потребления. Добавим, что к этим факторам следует отнести и собственное отношение индивидуума к своему здоровью. Так, установлено [43], что фактор здоровья оказывается наиболее важным мотивом для выбора органических продуктов, а это можно отнести к эндогенному качественному нормированию потребления.

— **политико-правовые факторы** — эти факторы также следует отнести к *управляемым* и имеющим исторические корни в ситуациях дефицита пищевых продуктов, а также непродуктивных товаров и услуг, вызываемого войной, военными действиями или иными социально-экономическими

потрясениями, вызывающими разрывы логистических цепочек и нарушающими рыночное равновесие. В роли этих факторов выступает как законодательство (например, регулирование потребления алкоголя и табака), так и целенаправленная политика (например, пропаганда здорового образа жизни или ценностей устойчивого развития). Интересно отметить, что в литературе был поставлен вопрос [62] о том, была ли готовность потребителей принять нормирование результатом уникального опыта войны, или можно представить себе аналогичный ход событий и опыт для целей реализации устойчивого (ответственного) потребления. Представляется, что затянувшаяся пандемия COVID-19, наряду с нынешними (2022) резким обострением геополитической турбулентности, перевели этот вопрос из умозрительной плоскости в практическую. Так, после многократных призывов о добровольном сокращении потребления ресурсов в ЕС, теперь, судя по публикации сентябрьского (2022) номера *Forbes* [3], речь зашла о необходимости принудительного нормирования потребления газа и иных энергоресурсов.

— **социокультурные факторы** — не вызывает сомнения, что эти факторы «оказывают влияние на культуру питания, выбор одежды, создание своего образа, внешности» [21]. Считается [28], что под это понятие подпадает все что связано не с непосредственной экономической деятельностью, а с ее духовными аспектами. Ссылка на социокультурные факторы присутствует в множестве как отечественных, так и зарубежных работ (*socio-cultural factors*), принадлежащих разнообразным (социология, экономика, маркетинг, медицина, психология и т. п.). Однако, ознакомление с одной исключительно обстоятельной работой [57] заставляет согласиться с заложенным в ее названии — «Концептуальные мучения термина социокультурные факторы» — отношением к концептуализации архирасширенного «понятия», которое выглядит скорее как некий зонтичный термин, под которым, в зависимости от дисциплинарной принадлежности автора, может отображать все что угодно, делая разделение «между практикой культурной и внекультурной жизни» [*ibid.*, р. 51]. Действительно, если обратиться к маркетинговой литературе [*e.g.*, 35], то в социокультурную оболочку, помимо материальных объектов как результата деятельности человека, включаются социальные институты, мировоззрение (в том числе, религия), эстетика, этика и язык. Таким образом, социокультурные факторы фактически поглощают все рассмотренные выше факторы нормирования потребления делая эту категорию факторов исключительно расширенной. Тем не менее, именно «социокультурные факторы стали рассматриваться как решающее условие гармонизации отношений между человеком и природой» [32, с. 70]. Включение социокультурных факторов в рассматриваемую матрицу (рис. 1) обусловлено тем, что они определяются исторически установившимися национальными культурными кодами, а также являются результатом текущей деятельности государственных и общественных институтов, оказывающих влияние на изменение ДСП [26] в сторону становления культуры ответственного потребления.

Метафакторы нормирования потребления населения:

Предлагаемый авторами термин «метафакторы» в контексте нормирования потребления населения требует дополнительного теоретического исследования и проверки, например, в рамках парадигмы устойчивого развития (устойчивости). В самом деле, совокупность факторов нормирования потребления (рис. 1) показывает, что при определенных условиях, как неуправляемые (например, природа), так и управляемые факторы нормирования могут иметь своим результатом как благоприятные, так и неблагоприятные условия для реализации концепции устойчивого развития. Так, природные факторы в исторических условиях примитивных обществ однозначно определяли их потребительское поведение как ответственное, поскольку безответственное поведение по отношению к природе попросту грозило вымиранием. Еще более отчетливо, проявляется дуализм социокультурных факторов, которые могут создавать такие нормы потребления для наиболее развитых стран (не будем лишним раз упоминать, что такая эксклюзивность для «золотого миллиарда» появляется исключительно за счет современного (технологического, информационного, инновационного) неокOLONIALИЗМА), которые соответствуют аб-

солютизации суверенитета потребителя, ведущего как к сверхпотреблению и чудовищному росту недопотребления (пищевых отходов и неиспользуемых вещей) в «богатых» странах, так и к недопотреблению (вплоть до недоедания и голода) в «бедных». Сказанное касается и совершенно неинклюзивного распределения благ доступных для высших, средних и низших социально-классовых слоев внутри указанных групп стран. Собственно этот феномен ставит под серьезнейшее сомнение столько времени продвигавшуюся концепцию инклюзивно-устойчивого развития — «всеобщее счастье всех народов мира».

В конечном итоге, само представленное выше изменение ДСП — то есть, переход от включенной в нее модели потребительского суверенитета в сторону модели ответственного потребления [39] — предлагается рассматривать как трансформацию метафактора нормирования потребления населения, что предполагает модификацию воздействия на потребителя всех выше представленных факторов нормирования, а именно: постепенный переход от доминирования метафактора суверенности потребителя к доминированию метафактора ответственности потребителя.

Дадим дополнительные разъяснения. Метафактор суверенности потребителя (U — от: *unsustainable*) проявляется в соблюдении в обществе принципа потребительского суверенитета, который состоит в удовлетворении личных желаний потребителей, что представляется в рамках либертарианской апологии рыночной экономики и гипертрофированной системы ценностей общества потребления, наряду с принципами свободы выбора и оптимальности по Парето, как конечная цель экономики и важнейший критерий экономического благосостояния [55]. Метафактор ответственности потребителя (R — от: *responsible*) представляет тот факт, что ответственный потребитель добровольно (в силу сформировавшегося у него ментального конструкта устойчивости) принимает во внимание последствия для общества, происходящие или могущие произойти в результате своего личного (семейного) потребления или пытается использовать свою покупательную способность для осуществления позитивных социальных изменений [64] в его сообществе (включая сетевые сообщества) или обществе в целом. Добавим, что социальная ответственность потребителя (CnSR) определяется [44] как сознательная и преднамеренная альтернатива потребителя сделать определенный выбор, основанный на личных и моральных убеждениях, которые, как предполагается, соответствуют параметрам ответственного потребления. Таким образом, представленные здесь два полярных, или антагонистических, метафактора нормирования потребления — *суверенности потребителя и ответственности потребителя* — по сути, представляют противоборствующее идеологическое влияние, соответственно, экономики и хремастики (в терминах Аристотеля [17]), концептуально имеющие корни в двойственной природе товара [37], оказывая основное влияние на культуру потребления населения в зависимости от близости их ментального конструкта потребителя к той или иной идеологии.

Заключение. Несмотря на сложнейшую геополитическую обстановку, вызванную борьбой США за сохранение однополярного мира и сохранение благополучия «золотого миллиарда», императив устойчивого развития не только не исчезает, но и приобретает решающее значение для судьбы всего человечества. Модель потребления населения, составляющее основу функционирования любой социально-экономической системы (вне зависимости от доминирующей в ней идеологии), предопределяет возможность реализации концепции устойчивого развития, а нормирование потребления является действенным инструментом для трансформации этой модели. Историческая ретроспектива применения инструментария нормирования показала его разнообразие: директивное и индикативное, эндогенное и экзогенное. Особо отмечен такой инструментарий нормирования как санкции, перспективность которого видится в непосредственном индивидуальном воздействии на потребителя, результатом которого ожидается создание у потребителя ментального конструкта устойчивости. В силу многомерности такого междисциплинарного объекта исследования как нормирование потребления населения, а также теснейшей связи потребления с качеством жизни, поставлен вопрос и даны подходы к построению классификации

факторов нормирования на основе ранее предложенных четырех классов инструментов улучшения качества жизни: запретительные/пенитенциарные, ограничительные, заместительные и воспитательные/образовательные. В ходе разработки классификации факторов нормирования потребления (социокультурные, политико-правовые, медицинские, профессиональные, природные) построена матрица связности этих факторов с категориями потребляемых ресурсов (питание, вещи, жилище, здоровье, энергия, природа, знания, свободное время), которая видится основой для организации эмпирических исследований. Особо отмечена зонтичность понятия «социокультурные факторы», фактически представленного в остальных категори-

ях факторов нормирования. В указанную матрицу включены метафактор суверенности потребителя и метафактор ответственности потребителя, совокупное действие которых определяет степень направленности вектора действия перечисленных факторов нормирования на достижение целей устойчивого развития. Авторы видят дальнейший ход исследования как уточнение классификации и связей между факторами нормирования потребления, ресурсами потребления и инструментами нормирования не только на теоретико-концептуальном, но и на эмпирическом уровне и будут благодарны читателям за критические замечания и советы.

Статья поступила в редакцию 17.09.2022.

Список использованных источников:

1. Базелюк Н.Н. Социально-философские аспекты здоровья и здорового образа жизни // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. — 2008. — №2(8). — С.99–105. URL: https://pub.asobr.org/wp-content/mag/trudy/08_2008/09.pdf
2. Вахитов Р.Р. Правильно ли мы понимаем «1984»? // Мир России. — 2021. — №30(1). — С.151–162. DOI: 10.17323/1811–038X-2021–30–1–151–162
3. В Европе энергетический кошмар может стать реальностью // Forbes, 9 сентября 2022. ИА REGNUM URL: <https://regnum.ru/news/economy/3692511.html>
4. Гнатюк В.И. Философские основания техноценологического подхода. Монография. — Калининград: Изд-во КИЦ «Техноценоз», 2014. URL: http://gnatukvi.ru/mono_pdf/text.pdf
5. Жебит В.А. Матрица: смыслы иерархизма социальной стратификации // Экономические и социально-гуманитарные исследования. — 2018. — № 2(18). — С.99–107 DOI: 10.24151/2409–1073–2018–2–99–107
6. Замбрыцкий О.Н. Лечебное (диетическое) питание — Минск: БГМУ, 2016. URL: https://www.bsmu.by/downloads/kafedri/k_obchjgig/2020–2/uch-mater-intern-8.pdf
7. Иваницкая Л.В., Соколов М.С., Глазко В.И. Безальтернативность и факторы социально-экологической коэволюции биосферы в ноосферу (в развитие биосферных идей В.И. Вернадского) // Biogeosystem Technique. — 2015. — №3(1). — С.29–49. URL: DOI: 10.13187/bgt.2015.3.29
8. Капустина Е.В. Культурология образования в контексте системного кризиса общества // Гуманитарный вектор. — 2016. — №11(2). — С.61–64. URL: <https://zabvektor.com/wp-content/uploads/190719090718-kapustina.pdf>
9. Классификация товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС (2022) Евразийская экономическая комиссия, 2022 URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/dep_tamoj_zak/Pages/KlassPotNVED_TS.aspx
10. Кожара В.Л. (2010) Феномен естественной классификации // Новые идеи в научной классификации. — Екатеринбург: Уральское отделение РАН. — 2010. — №5. — С. 161–189. URL: http://www.igg.uran.ru/sites/default/files/ezhegodnik/99991192_2013_160_344–352.pdf — С. 175.
11. Ламажапова Г.П. Физиология питания. М.: Мир науки, 2016. ISBN 978–5–9908912–4–1. URL: <https://izd-mn.com/PDF/19MNNPU16.pdf>
12. Маликова Н.Р. Социально-культурные практики «общества потребления» в эпоху глобализации // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2011. — №5(58). — С.202–209. URL: https://www.hse.ru/data/2012/03/10/1266339743/2011_5_consumption.pdf
13. Маркс К. (1969) Пролетарские противники политико-экономов, исходившие из рикардовской теории. В: Капитал. т. III. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 3. М. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/M/MARKS_Karl_ENGELS_Fridrih_Marks_K.,_Engel's_F._Sochineniya._Izd.2_.html
14. Михалкин Н.В. (2020) Значение, смысл и знаимая классификация категорий как языка науки // Язык и текст. — 2020. — №7(4). — С. 107–121. <https://doi.org/10.17759/langt.2020070409>
15. Моисеев А.В. Нравственные и религиозные санкции // Государственно-правовые исследования: научно-образовательный ежегодник. — 2018. — №1. — С.182–186. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42708129_24133584.pdf
16. Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации Методические рекомендации. — М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2021. URL: <http://web.ion.ru/files/>
17. Орлов А.И. (2017) Вперед к Аристотелю: освободить экономическую теорию от извращений // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2017. — №127. — С.478–500. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29063275_93719613.pdf
18. Ответственное потребление и производство: почему это важно (2022) URL: https://www.un.org/ru/development/devagenda/pdf/Russian_Why_it_matters_Goal_12_ResponsibileConsumptionProduction.pdf
19. Покровский М.П. О функциях классификации. ЕЖЕГОДНИК-2012 // Труды Института геологии и геохимии Уральского отделения РАН. — 2013. — №160. — С.344–352. URL: <http://www.igg.uran.ru/?q=ru/node/2134>
20. Положихина М.А. Эволюции общества потребления: от Жаклин Кеннеди до Греты Тунберг // Социальные новации и социальные науки. — 2020. — №2. — С.7–36 URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44572699_20707223.pdf
21. Полтавская М.Б., Серова К.И. (2014) Социокультурные факторы, определяющие потребительское поведение студенчества: социологический подход. (n.a.) URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/156559/1/398–401.pdf>
22. Понукалина О.В. Труд и свободное время в дискурсе потребительских практик // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2011. — №14(5). — С. 210–218. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-i-svobodnoe-vremya-v-diskurse-potrebitelskih-praktik>
23. Рациональное питание: Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации. (2008) URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200076084>
24. Стебляк В.В. Цивилизационный выбор современной России: монография. — Омск: Изд-во Омского гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского, 2014. ISBN 978–5–7779–1674–7
25. Табах А., Подругина А. (2022) Санкциномика: развилки, коридоры и выходы // Эксперт РА. — 2022. — Октябрь. — С. 1–13 URL: <https://www.raexpert.ru/docbank/221/ad9/aa3/b2aa037e6fe7bf53243ce03.pdf>
26. Таничев А.В. Внедрение модели ответственного потребления — основа улучшения качества жизни // Проблемы современной экономики. — 2022. — № 4 (принято в печать)
27. Тель Л.З., Даленов Е.Д., Абдулдаева А.А., Коман И.Э. Нутрициология. — Москва: Издательство «Литтер-ра», 2019. URL: <https://medknigaservis.ru/wp-content/uploads/2019/06/NF0014175.pdf>
28. Темницкий А.Л. Исследовательские возможности категории «социокультурность» // Социология. — 2007. — №4(24). — С.81–101. URL: <https://mgimo.ru/files/34009/34009.pdf>

29. Уголев А.М. (1991) Теория адекватного питания и трофология URL: <https://www.rulit.me/author/ugolev-aleksandr-mihajlovich/teoriya-adekvatnogo-pitaniya-i-trofologiya-pdf-download-326235.html>
30. Уоллар, Г. (2019) Устойчивое развитие. Потребители и бренды в поисках ответов. Ipsos Flair Russia. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2019-12/ipsos_flair_russia_2020_0.pdf
31. Феофраст Характеры. Серия «Литературные памятники» — Л., Изд-во «Наука», 1974.
32. Философия устойчивого развития и социальная экология. — Минск: БГУ, 2015. ISBN 978-985-566-241-0 URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/151205/1/Zelenkov_filosof.pdf
33. Фурцев Д.О. Нормирование в авраамических религиях потребления алкогольных напитков // Религиоведение. — 2019. — №2. — С.98–103. DOI: 10.22250/2072-8662.2019.2.98-103
34. Человек в экономике и других социальных средах / РАН, Ин-т философии; Отв. ред. В.Г. Федотова. — М.: ИФРАН, 2008. — ISBN 978-5-9540-0120-4. URL: https://iphra.ru/uplfile/root/biblio/2008/Chelovek%20v%20ekonomike_1.pdf
35. Черенков В.И. Глобальная маркетинговая среда. Опыт концептуальной интеграции. — М., ИНФРА-М, 2016. ISBN 978-5-16-010429-4
36. Черенков В.И., Благов Е.Ю., Старов С.А., Таничев А.В. (2021) Брендинг устойчивости и собственные торговые марки: от междисциплинарного подхода к трансдисциплинарному // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. — 2021. — №20(4). — С.471–508. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2021.401>.
37. Черенков В.И., Карпова С.В., Таничев А.В. Брендинг и модификация поведения потребителей в условиях кардинальной трансформации экономики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. — 2020. — №19(3). — С. 285–315. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2020.301>
38. Черенков В.И., Таничев А.В. Метатренд цивилизационной глобальной трансформации — инновации устойчивости // Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции «Технологическое развитие глобальной экономики», 28–29 октября 2021 — СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2021. — С. 105–115.
39. Черенков В.И., Таничев А.В. Улучшение качества жизни как результат становления культуры ответственного потребления // Проблемы современной экономики. — 2022. — №3(83).
40. Экономика и экономическая политика в условиях пандемии. — М.: Издательство Института Гайдара, 2021. URL: https://www.iep.ru/files/text/Gaidar_IEP_monographs/Еc_virus-text.pdf
41. Andersson D.E. (2008) The Double-edged Nature of the Hayekian Knowledge Problem: Systemic Tendencies in Markets and Science. *Studies in Emergent Order*, 1:51–72 URL: https://cosmosandtaxi.files.wordpress.com/2014/05/sieo_1_2008_andersson.pdf
42. Body Image and Weight Loss (2022) Orbera — managed weight loss system URL: <https://www.orbera.com/article>
43. Connolly, J., Prothero, F. (2008) Green Consumption: Life-politics, risk and contradictions. *Journal of Consumer Culture*, 117–148 DOI: 10.1177/1469540507086422
44. Devinney, T.M., Auger, P., Eckhardt, G., Birtchnell, T. (2006) The Other CSR: Consumer Social Responsibility. *Stanford Social Innovation Review*, Leeds University Business School Working Paper No. 15–04, URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.901863>
45. Dworzak, P., Kominers, S.D, Akbarpour, M. (2021) Redistribution through Markets. *Econometrica*, 89(4):1665–1698 <https://doi.org/10.3982/ECTA16671>
46. Fitzgerald, J., Kenny, S., Cermeco, A.L. (2022) Household behavior under rationing. *National Institute Economic Review*, 1–21 doi:10.1017/nie.2022.19
47. Grobler, W.C.J. (2015) Food Insecure Household Coping Strategies: The Case of a Low-Income Neighborhood in South Africa. *Book of Proceedings 4 International Conference on Humanities and Social Sciences ICHSS 2014 — May 31 and June 01, 2014, Budva — Montenegro* 1:98–106 URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.666.8794&rep=rep1&type=pdf>
48. Hossain, Sh., Rahaman, M. (2021) The Post COVID-19 Global Economy: An Econometric Analysis. *IOSR Journal of Economics and Finance*, 12(1, iy):22–43 DOI: 10.9790/5933-1201062243
49. Jackson, W.A. (1991) Generalized rationing theory. *Scottish Journal of Political Economy*, 38(4):335–342 <https://doi.org/10.1111/j.1467-9485.1991.tb00322.x>
50. James, D., Drennan, J. (2005) Exploring Addictive Consumption of Mobile Phone Technology. *ANZMAC 2005: Broadening the Boundaries: Conference Proceedings*. University of Western Australia Business School, Australia, pp. 87–96. URL: https://www.researchgate.net/publication/27482385_Exploring_Addictive_Consumption_of_Mobile_Phone_Technology
51. Jung, C., Murphy, L. (2020) Transforming the economy after COVID-19: A clean, fair and resilient recovery. *Institute for Public Policy Research* URL: <https://www.ippr.org/files/2020-07/transforming-the-economy-after-covid19-july2020.pdf>
52. Jurman, J., Boričević Maršanić, V., Paradžik, L., Karapetric Bolfan, L., Javornik, S. (2017) Internet and Video Games Addiction. *Socijalna Psihijatrija*, 45(1):36–42 DOI: 10.24869/spsih.2017.36
53. Kazantsev, S.V. (2017) Anti-Russian Sanctions: Then and Now. *Problems of Economic Transition*, 59(1–3):84–99 <https://doi.org/10.1080/10611991.2017.1319188>
54. Multidimensional measurement of the quality of life (2011) Report of the Task Force. Sponsorship Group on Measuring Progress, Well-being and Sustainable Development. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/8131721/8131772/TF3-Final-report-Quality-of-Life.pdf>
55. Norcus, Z. (2003) Consumer Sovereignty: Theory and Praxis. *Problemos*, 64:9–24 URL: https://www.researchgate.net/publication/282819824_Consumer_sovereignty_Theory_and_praxis
56. Parish, R. (2010) Economic Analysis of Non-Price Rationing with Particular Reference to Petrol. *Australian Government Publishing Service*, URL: https://www.bitre.gov.au/sites/default/files/op_044.pdf
57. Quiroz Fragoso, J., Pírez Maya, C. J., Garcha Fernández, R. (2019) The conceptual anguish of the term sociocultural factors. *Revista Conrado*, 15(67):45–53. URL: <http://conrado.ucf.edu.cu/index.php/conrado>
58. Rationing of food and clothing during the Second World War (2022) *The Australian War Memorial*, URL: <https://www.awm.gov.au/articles/encyclopedia/homefront/rationing>
59. Rothschild, K.W. (1945) Rationing and the Consumer. *Oxford Economic Papers*, 7 (Mar):67–82 URL: <https://www.jstor.org/stable/2663488>
60. Russell, M. (2022) Western sanctions and Russia. What are they? Do they work? In-Depth Analysis. *European Parliamentary Research Service* URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2022/698930/EPRS_IDA\(2022\)698930_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2022/698930/EPRS_IDA(2022)698930_EN.pdf)
61. Stiglitz, J.E., Sen, A., Fitoussi, J-P. (2009) Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/8131721/8131772/Stiglitz-Sen-Fitoussi-Commission-report.pdf>
62. Theien, I. (2009) Food rationing during World War two: a special case of sustainable consumption? *Anthropology of Food*, September, <https://doi.org/10.4000/aof.6383>
63. Varkevisser, M., Stijphanie A. van der Geest, S.A., Schut, F.T. (2010) Assessing Hospital Competition When Prices Don't Matter to Patients: The Use of Time-Elasticities. *International Journal of Health Care Finance and Economics*, 10(1):43–60. DOI 10.1007/s10754-009-9070-6
64. Webster (1975).
65. What is 'Rationing' (2022) *Economy*. *The Economic Times*. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/definition/rationing>

ПОСТАНКЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ст.А. Долматова,

старший научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (г. Москва),
кандидат экономических наук
stelladol@rambler.ru

В статье показано, что проблемы реализации человеческого потенциала, обострившиеся после ввода антироссийских санкций, возникли задолго до последнего кризиса и обусловлены неолиберальной экономической моделью, согласно которой России отводилась роль поставщика сырьевых ресурсов при торможении технологического развития. Прослеживается идея о том, что обеспечение национального благосостояния в стране должно осуществляться за счет инвестирования полученных средств в наукоемкие производства, которые обеспечат высокопроизводительные рабочие места, а не их изъятия в резервные фонды, пополнение которых приводило к обесценению национальной валюты и падению уровня жизни населения. Высказываются опасения, что предполагается сохранение политики сырьевого развития, только с вынужденной переориентацией с Запада на Восток. В данной связи обосновывается необходимость смены парадигмы развития.

Ключевые слова: человеческий потенциал, парадигма развития, регулирование трудовых отношений, уровень жизни населения, ФНБ, оплата труда, квалифицированные специалисты

УДК 330.341 ББК 65.012.3

Постсанкционный кризис в связи с украинскими событиями отчетливо проявил уязвимость российской социально-экономической системы по отношению к внешним шокам и наглядно продемонстрировал провалы экономической политики, осуществляемой в жестких рамках неолиберальной парадигмы экономического развития в условиях глобализации, оставляющей за Россией нишу поставщика энергоресурсов и других видов сырья для промышленно развитых стран. Фактически вынужденная конфронтация России со странами Запада подвела итоги 30 лет постсоветского развития и продемонстрировала, что деиндустриализация страны и отказ, по сути, от претензий на технологическое лидерство, сворачивание целых отраслей экономики привели к проблемам обеспечения национальной безопасности. Хотя в последние годы во многих официальных правительственных документах содержались положения о необходимости смены курса от сырьевого типа экономического развития к инновационной экономике, что предполагало стимулирование научно-технического прогресса и развитие человеческого потенциала, однако к конкретным результатам это не привело. По сути, за сменой инновационной риторики реальных изменений парадигмы сырьевого развития не последовало. Тем не менее, глобальные потрясения — пандемия коронавируса, санкционное давление на Россию и угроза рецессии в странах Запада — не могут не затрагивать основы экономической политики, вынуждая выйти за пределы накатанной за 30 лет «колеи» и искать нестандартные решения давно назревших проблем.

Хотя общественный запрос на отказ от неолиберальной доктрины сформировался задолго до обострения украинского кризиса, последние события выявили проблемы и противоречия постсоветской экономической системы наиболее наглядно. Чрезмерная зависимость от западных стран, очевидные потери гигантских финансовых ресурсов, включая половину золотовалютных резервов, утрата технологического суверенитета, не так очевидного, но возможно более болезненного с точки зрения перспектив развития, ставят особого рода задачи перед страной, в очередной раз, переживающий переломный момент истории. В данной связи следовало бы ожидать «работы над ошибками» не только в контексте нереализованной программы импортозамещения и провалов обеспечения финансовой безопасности, что, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения, но и, в первую очередь, относительно проблем реализации человеческого потенциала.

Отсутствие собственной технологической базы — это не только проблема выпуска продукции, но и занятости. Безусловно, уход из России зарубежных компаний, запрет прямо или косвенно использовать передовые технологии и поставки оборудования неизбежно отразится и на рынке труда, в том числе, приведет к сокращению так называемых качественных

(высокопроизводительных) рабочих мест, масштабы которого только предстоит оценить. Напрашиваются аналогии с подобными ситуациями, имевшими место в развивающихся странах, когда при изменении политической конъюнктуры ТНК меняли дислокацию производств и переносили уже запущенные линии в страны с более лояльными политическими режимами. В то же время, хотя современную Россию принято относить к группе стран с развивающимися рынками, тем не менее очевидно, что развивающейся страной нашу страну назвать нельзя, во многом благодаря советскому наследию. В России, имевшей в отличие от развивающихся стран отечественные школы самолетостроения, станкостроения, развитую систему НИОКР, не говоря уже о промышленном производстве, составлявшем в советский период по целому ряду позиций конкуренцию западным аналогам, сложилась парадоксальная ситуация, когда при переходе к рынку добровольно отказались от собственных достижений в технологическом развитии. Это произошло, так как российские власти неукоснительно следовали постулатам так называемого Вашингтонского консенсуса.

Тем не менее, в 2000-е годы были все предпосылки для преодоления негативного тренда примитивизации экономических отношений, приведших к деградации человеческого потенциала, когда рыночными методами фактически насаждались примитивные формы занятости. В начале 2000-х годов еще сохранялись условия для модернизации социально-трудовых отношений при выстраивании государством системы приоритетов для выхода на траекторию развития наукоемкой экономики и социального государства, когда специалисты, подготовленные по высоким стандартам советской системы образования, — в первую очередь, квалифицированные инженеры, — могли бы вернуться к своей профессиональной деятельности. Однако, за сменой риторики, осуждающей «лихие 90-е», изменения социально-экономической политики не последовало, и трудовой потенциал квалифицированных работников не получил должной реализации. Как было отмечено ранее, «примитивизация экономики привела не только к прямым потерям в ВВП и расходам высококвалифицированного труда, но и косвенным — невозможности формирования человеческого потенциала, адекватного прогрессивной экономике XXI века и социальному государству. Была нарушена связь науки и образования, наука перестала быть привлекательной сферой приложения труда выпускников вузов и специалистов со стажем. «Утечка умов» стала набирать обороты, приобретая массовый характер, что не могло не сказаться на качестве трудовых ресурсов». [3, с. 126]. При этом существенная доля квалифицированных работников в разных сферах деятельности либо оказалась невостребованной на рынке труда, либо занятые получали мизерное вознаграждение. По данным социологического опроса, проведенного в этот период Институтом экономики РАН, «сре-

ди работников, получающих заработную плату в размере прожиточного минимума и ниже около 30% имели высшее, а еще около 45% среднее профессиональное образование» [5, с. 42].

Хотя были сформированы определенные общественные ожидания позитивных изменений в связи так называемыми майскими (2012 года) указами Президента РФ, в полной мере они не оправдались. Исполнение указов оказалось проблематичным, стержневая задача создания до 2020 года 25 млн высокопроизводительных рабочих мест не была реализована, в том числе и по причине отсутствия необходимой технологической базы и неясных перспектив ее формирования. Очевидно, что проблемы технологического перевооружения действующих производственных мощностей и создания новых передовых предприятий, влияющих непосредственным образом на характер занятости, не могут быть решены при сырьевой ориентации российской экономики.

В то же время следует отметить, что Минтруд отчитался о выполнении майских указов ростом номинальной заработной платы, в то время как, более чем двукратная девальвация рубля 2014–2015 годов в отчетный период не могла не сказаться на реальных денежных доходах населения в связи с всплеском инфляции, обусловленной обесценением национальной валюты. Кроме того, профессиональные сообщества обнародовали методы повышения оплаты труда отдельным категориям бюджетников: врачам, учителям, преподавателям образовательных учреждений высшего образования, работникам культуры. С 2013 года по 2018 год согласно мониторингу Минтруда, рост средней заработной платы составил от 1,3 до двух раз¹, однако, как было отмечено ранее, «цена этого повышения — оптимизация численности и укрупнение организаций, когда были сокращены не только отдельные штатные единицы, подразделение, но и действующие, дома культуры, школы, больницы. Если результаты ликвидации больницы в период пандемии коронавируса, очевидны, то последствия от подобных мероприятий с учреждениями образования и культуры имеют, хотя и отложенный, но не менее значимый эффект» [3, с. 129].

В связи с сохраняющейся значительной зависимостью от импорта, как на потребительском рынке, так и на рынке средств производства, регулирование курса рубля — это не только важный инструмент денежно-кредитной политики, но и вопрос принципиальной важности как для экономической системы в целом, так и для развития человеческого потенциала. В частности, уровень жизни населения не может расти в условиях высокой инфляции, в то время как покупательная способность денежных доходов населения в нашей стране напрямую зависит от изменения курса национальной валюты, несмотря на вынужденное сокращение наличного оборота из-за санкций. Не случайно, стремительное обесценение рубля по отношению к доллару и евро в феврале-марте 2022 года более чем на 50% воспринималось как национальное бедствие, и потребовались специальные меры ограничения на движение капитала и регулирования валютных операций для стабилизации на финансовом рынке, чтобы не допустить дальнейшего обвала национальной валюты. Возвратное движение в валютной паре доллар — рубль со 120 рублей за доллар до 50 рублей во многом оказалось возможным благодаря приостановке действия бюджетного правила по пополнению средств Фонда национального благосостояния. До недавнего времени после введения бюджетного правила Минфин гарантированно выкупал на рынке валютные поступления от выручки экспортеров, превышающие уровень в 44,2 доллара за баррель нефти, так называемую цену отсечения, фактически увеличивая спрос на доллары и евро. Плавающий курс рубля в данном случае неуклонно снижался. Таким образом, курс рубля был искусственно занижен из-за упомянутого бюджетного правила задолго до последнего геополитического кризиса, что неизменно влияло на потребительскую инфляцию вследствие поддержки иностранной валюты финансовыми властями РФ.

К тому же для пополнения ФНБ, на 01.02.22 г. аккумулировавшего более 13,6 трлн рублей [9], из экономики изымались гигантские ресурсы, которые могли быть направлены на технологическую модернизацию и структурные реформы, в то

же время не получали финансирования социально значимые проекты, а отрасли, нацеленные на развитие человеческого потенциала, владели жалкое существование. Тем не менее, обеспечение национального благосостояния в стране должно осуществляться за счет инвестирования полученных средств, а не их изъятия под предлогом гипотетического «черного дня», с учетом социальных приоритетов экономики. В то же время, когда реальный «черный день» санкционного давления настал, оказалось, что весомая часть резервов, включая и средства ФНБ, более чем на \$300 млрд, заморожена.

Тем не менее, стремительное укрепление рубля, которое могло бы привести к росту реальных доходов и соответственно уровня жизни населения, как это ни парадоксально, вызвало шквал критики со стороны медийного экспертного сообщества. В данной связи вызывает опасение лоббирование многочисленными экспертами интересов сырьевиков, выступающими за ослабление рубля для увеличения своих доходов под предлогом стимулирования роста экономики. Не случайно, снятие ряда ограничений, введенных ранее на финансовом рынке, привело к откату с завоеванных рублем позиций, отражающих состояние платежного баланса, когда к началу августа 2022 года курс рубля снизился на 20% по отношению к доллару США.

Следует иметь в виду, что эффект девальвации, на который уповают сырьевики как на фактор экономического роста, не может автоматически привести к последнему. Более того угроза девальвации национальной валюты, в настоящее время является едва ли не самым серьезным вызовом не только для населения, но и для бизнеса, осуществляющего импортные операции. Вызывает опасения, что Минфин и ЦБ прорабатывают «новый механизм бюджетного правила» [8], который неизменно приведет к аналогичным последствиям изъятия ресурсов в «кубышку» и обесценения рубля, даже если недружественные доллар и евро заменить на дружественные рупии и юань. Пополнение ФНБ в рублях, о котором стали говорить в последнее время после ряда выступлений министра финансов Силуанова, вызывает множество вопросов у экспертов и оставляет впечатление недосказанности. В то же время прямое бюджетное финансирование без предварительного резервирования накопленных резервов в фонде обеспечивало бы прозрачный механизм контроля за государственными расходами.

Как отметил А.Г. Аганбегян, необходим «финансовый форсаж» для концентрации ресурсов на направлениях, которые могут обеспечить качественный прорыв для нашей экономики. «Крайне низка (всего 14%) в России доля в ВВП экономики знаний (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение), а это — главная составная часть человеческого капитала. В Китае она в полтора раза выше (22%), в Западной Европе — вдвое выше (около 30%), а в США — почти в три раза выше (40%). При таких показателях мы находимся в стагнации и сможем из неё выбраться, когда эта доля составит 20...25%. Для этого нам следовало бы незамедлительно перейти к финансовому форсажу, ежегодно (до 2025 г.) увеличивая инвестиции в основной и человеческий капитал на 10...15% в год» [1, с. 24].

Экстраординарная ситуация безусловно требует нестандартных решений, тем не менее необходим комплексный подход, учитывающий всю глубину вызовов с учетом общественных интересов. В данной связи вызывает опасение факт, что меры, предпринимаемые правительством в ответ на глобальные вызовы, не носят системный характер в расчете на длительную перспективу, а осуществляются в «пожарном порядке» в зависимости от возможностей и запросов лоббистов, претендующих на господдержку. К тому же, по всей видимости, предполагается сохранение той же политики сырьевого развития с вынужденной переориентацией с Запада на Восток. Однако перспектива стать сырьевым придатком Китая или Индии не может внушать оптимизма.

В то же время, как и в период пандемии, в условиях постсанкционной экономики сформировались общественные ожидания относительно государства, которое должно в первую очередь стимулировать рост реальных доходов населения. Однако

при сохранении текущей политики, по мнению А.Г. Аганбегяна, рост реальных доходов замедлится, «так что их максимальный уровень, отмеченный в 2012–2013 гг., может быть достигнут ближе к концу 2020-х гг.» [1, с. 24], что свидетельствует о десятилетиях нереализованных возможностей улучшения уровня жизни населения и развития человеческого потенциала.

Приоритетом политики социального государства должна быть поддержка населения, несущего на себе основное бремя инфляции, а не поддержка банков и других финансовых структур, которые нарастили капитал в условиях ковид-ограничений благодаря возможности перекладывать свои издержки на конечных потребителей. В нашей стране это также относится к строительному комплексу, значительно нарастившему капитал на буме недвижимости вследствие субсидирования государством ставки по ипотеке, не говоря уже о крупных корпорациях. Однако правительство выбрало бизнес-ориентированную стратегию развития с предоставлением первоочередных мер помощи предпринимателям², ограничившись помощью населению мерами демографического характера.

Как справедливо отметил К.А. Хубиев и И.М. Теняков, «частный бизнес, которому переданы ресурсы в результате радикальной и исторически беспрецедентной по масштабам и темпам приватизации, занял по преимуществу паразитическую компрадорскую позицию. Он не заинтересован в расходовании средств на развитие отечественной экономики. Государство, периодически инициирующее прорывное развитие, уже не обладает для этого ресурсами» [10, с. 32]. Тем не менее, хотя взят курс на дерегулирование и отказ от плановых проверок, чтобы бизнес сам искал способы адаптации к изменившимся условиям, там, где присутствуют средства государства в качестве помощи, наоборот, необходима тщательная проверка, в том числе на предмет коррупции. В данной связи в условиях экстраординарной потери финансовых ресурсов страны и жесткого бюджетного ограничения необходимо усилить контроль за государственными расходами.

Вызывает опасение дерегулирование трудовых отношений, а также распространение нестандартных форм занятости. К тому же, чтобы снизить нагрузку на бизнес, Роструд не будет проводить плановые проверки работодателей до конца 2022 года³, что является, безусловно, негативным сигналом. В то же время, если сохраняется механизм обеспечения принципов социального государства, то должен соблюдаться и баланс интересов труда и капитала при обеспечении социально-экономической защищенности работников. Тем не менее, представляет интерес точка зрения, что с усилением позиций работников — обладателей человеческого капитала может снизиться острота противостояния труда и капитала [4]. Однако в современной России стало очевидно, что в отношениях работников и работодателей произошло смещение баланса сил именно в пользу работодателей.

Особое недоумение вызывает нерешенность проблемы «работающих бедных», преимущественно бюджетников, которая создана искусственно из-за недофинансирования социально значимых отраслей при наличии значительных финансовых ресурсов [2]. Для развития человеческого потенциала необходимо повысить зарплату не на уровень инфляции, а в несколько раз, с учетом недофинансирования в предыдущие годы так называемым рядовым бюджетникам — врачам, учителям, научным работникам, работникам сферы культуры, аналогично повышению зарплаты бюджетникам «привилегированным» — работникам госкорпораций, силовых структур, чиновникам, артистам, также имеющим финансирование из российского бюджета. Также необходимо обеспечить единый стандарт оплаты труда бюджетников всех уровней, нивелировав региональные различия. Ожидалось, что получит распространение почин Д. Рогозина, объявившего о сокращении своей гигантской зарплаты (83,1 млн руб. за год) на 30% в руководимой им госкорпорации «Роскосмос»⁴, но после его отставки об этом даже перестали упоминать.

Характерно, что даже проправительственные эксперты признают, что и «до ввода санкций на рынке труда сложился ряд дисбалансов, в частности в уровне оплаты труда работников

бюджетной сферы», региональный разрыв заработных плат, доходящий до 2–3,5 раза, явно дискредитирует выполнение майских (2012 года) указов, об успехе которого рапортовали повсеместно губернаторы. В то же время для преодоления негативных тенденций в сфере науки, ставшей наиболее ярким примером, когда несоответствие уровня оплаты труда квалификации работников выглядит наиболее вопиюще, эксперты предлагают длинный временной горизонт решения давно назревших проблем. «В научной и преподавательской сфере для повышения конкурентоспособности России на мировом уровне необходимо создать конкурентные условия работы для высококвалифицированных специалистов профессорско-преподавательского состава и научных работников, привлечь талантливых студентов для продолжения обучения и исследовательской деятельности в аспирантуре и в дальнейшем в науке. Для этого в долгосрочном периоде (к 2035 г.) уровень заработной платы передовых научных работников и профессоров вузов должен быть сопоставимым с уровнем заработной платы соответствующих работников в развитых странах (5–7 тыс. долл. США в месяц, текущий уровень заработных плат в развитых странах)» [6]. Поскольку установление указанного уровня оплаты труда научных работников — это дело отдаленной перспективы, конкретные решения предложены только для сотрудников сферы информтехнологий, поддержанной правительством после начала СВО в ответ на их массовый отъезд за рубеж, причем в возрасте от 22 до 44 лет. Министр экономического развития М. Решетников конкретизировал «требования по их зарплате — от 150 тыс. рублей в месяц до вычета подоходного налога в городах-миллионниках и от 100 тыс. — в остальных населенных пунктах» [7]. Помимо оплаты труда предложена целая система льгот и привилегий, включая льготные кредиты по ипотеке. Однако при всей важности данной отрасли в эпоху цифрового развития, потребности экономики не ограничиваются исключительно ИТ-специалистами. В данной связи представляется необходимым расширить список специальностей, подлежащих стимулированию со стороны правительства.

Целесообразно было бы меры поддержки ИТ-специалистов распространить на инженерно-технических специалистов, работающих на жизненно важных предприятиях и наукоемких производствах, причем без ограничений по возрасту, стимулировать приток работающих пенсионеров, обладающих фундаментальными знаниями и квалификацией для переобучения специалистов на предприятиях, по желанию предоставив им необходимый фронт работ. Также представляется необходимым поручить профильным министерствам выявлять потребности сферы НИОКР в квалифицированных кадрах, обеспечив их приток стимулирующими выплатами и соцпакетом, увеличить в вузах объем преподаваемых естественнонаучных дисциплин, а также количество бюджетных мест для подготовки кадров с целевым распределением на производство.

В связи с экономией средств, следовало бы провести сокращение непомерно раздутого управленческого аппарата, в том числе и высшего звена, в первую очередь — структуры с дублирующими функциями. Особого внимания заслуживают беженцы, находящиеся на территории РФ, нуждающиеся как в социальной помощи, так и социальной адаптации. Необходимо по возможности задействовать их трудовой потенциал, в том числе квалифицированных специалистов привлекать на российские предприятия с обеспечением служебным жильем. Минтруд уже прорабатывает этот вопрос, однако масштабы предложенной помощи, когда «центрами занятости сформирована база вакансий из более 91 тыс. предложений о работе, с учетом разных жизненных обстоятельств приезжающих, из них около 17 тыс. — с предоставлением жилья»⁵, явно не соответствуют масштабам притока людей, поскольку только к середине августа в Россию прибыло более 3,4 млн беженцев из Донбасса и Украины⁶.

В любом случае необходима целостная концепция, разработанная на уровне правительства, как по интеграции трудовых ресурсов с данных территорий, так и в целом, по развитию человеческого потенциала исходя из новых вызовов. Уповать исключительно на бизнес, которому, по сути, дали картбланш на

вывод российской экономики из кризиса, в решении вопросов постсанкционного развития по меньшей мере неосмотрительно. Бизнес решает в первую очередь сиюминутные задачи с целью извлечения прибыли, тем более в условиях санкций, —

задачи стратегические — удел государства. В данной связи без смены парадигмы экономического развития выйти из геополитического кризиса без ущерба реализации человеческого потенциала не представляется возможным.

Список использованных источников:

1. Аганбегян А.Г. Два главных вызова, стоящих перед Россией: по сокращению катастрофически высокой смертности при восстановлении сохранности народа и переходу к устойчивому социально-экономическому росту // Экономическое возрождение России. — 2022. — № 1(71) — С.14–31.
2. Долматова Ст.А. Проблема «работающих бедных» в контексте «коронакризиса» в России». // Вопросы политической экономики. — 2021. — Вып.1. — С. 126 — 146 с.
3. Долматова Ст.А. Императив гуманизации социально-трудовых отношений в современной России в контексте научного наследия Е.И. Капустина // Труд и качество жизни населения России (к 100-летию со дня рождения Е.И. Капустина): Сборник / Отв. ред. И.В. Соболева. — М.: ИЭ РАН, 2021. — 280 с. С. 126 -140.
4. Зарецкий А.Д., Иванова Т.Е. Труд и капитал: преодоление противоречий за счет развития человеческого капитала // Проблемы современной экономики. — 2014. — № 3 (51). — С. 75–78.
5. Соболев Э.Н. Человеческий капитал в системе факторов оплаты труда квалифицированных работников // Экономика и социология — 2018. — № 3 (39). — С. 41 -45.
6. Предложения по мерам социальной политики в условиях комплексных санкций 22 марта 2022 Институт ВЭБ с.6. <http://inveb.ru/ru/articles-menu/796-predlozheniya-po-meram-sotsialnoj-politiki-v-usloviyakh-kompleksnykh-sanktsij>
7. Стенограмма доклада Максима Решетникова на заседании президиума Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций. 6 июля 2022. https://www.economy.gov.ru/material/news/stenogramma_doklada_maksimareshetnikova_na_zasedanii_prezidiuma_pravitelstvennoy_komissii_po_povysheniy_ustoychivosti_rossiyskoy_ekonomiki_v_usloviyah_sankciy.html
8. Финансовый рынок: новые задачи в современных условиях. Документ для общественного обсуждения. Москва 2022. https://cbr.ru/Content/Document/File/139354/financial_market_20220804.pdf
9. Фонд национального благосостояния. Статистика. Минфин. https://minfin.gov.ru/ru/performance/nationalwealthfund/statistics/?id_65=27068-obem_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya
10. Хубиев К.А., Теняков И.М. Надломленный вектор развития российской экономики // Вопросы политической экономики. — 2022. — № 2 (30).

¹ Минтруд. Мониторинг. <https://rosmintrud.ru/labour/salary/118>. Дата обращения: май, 2018.

² «Опора России» <https://opora.ru/news/mikhail-mishustin-ozvuchil-mery-podderzhki-rossiyskogo-biznesa-v-usloviyakh-sanktsiy.html>. Дата обращения: сентябрь 2022.

³ Роструд. Новости. https://rostrud.gov.ru/press_center/novosti/1107524/ Дата обращения: май 2022.

⁴ Роскосмос в условиях санкций сократит зарплату руководства на 30%. <https://www.interfax.ru/russia/825883> Дата обращения: апрель 2022.

⁵ https://www.rbc.ru/society/03/08/2022/62e78a549a7947b2f5ca8ced?from=column_3. Дата обращения — сентябрь, 2022.

⁶ <https://www.kommersant.ru/doc/5513880>. Дата обращения — сентябрь, 2022.

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГУМАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ В XXI СТОЛЕТИИ

Е.С. Макеева,

докторант кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
кандидат экономических наук
makeeva.e@unecon.ru

В статье уточняется значение понятия «гуманизация экономики», обосновывается положение о том, что экономика ни в теории, ни на практике не является принципиально неэтичной и аморальной, анализируются возникшие в XXI веке новые механизмы принуждения хозяйствующих субъектов к соблюдению норм общечеловеческой морали и деловой этики и формулируется вывод о том, что несмотря на существенный потенциал цифровых технологий для обличения оппортунизма и усиления эмпатии, первостепенную роль в распространении и усвоении норм порядочного поведения по-прежнему должны играть институты воспитания и обучения.

Ключевые слова: гуманизация экономики, гуманность, мораль, деловая этика

БКБ У010в; Ю252:У

Введение. Семантическая неопределенность понятия «гуманизация экономики» вызывает к нему повышенный научный интерес. В XXI веке ассоциирование гуманизации с гуманизмом, трактуемым как особое антропоцентрическое мировоззрение, культивирующее индивидуализм [2, с. 272; 5, с. 21, 24; 10, с. 127–128; 23, с. 172; 33, с. 174; 34, с. 4–5, 12], выводит на передний план вопросы о границах бытия и субъектности каждого конкретного (единичного) индивида в условиях цифровизации, все большего очеловечивания роботов, развития искусственного интеллекта (ИИ), всеохватывающей автоматизации производства, а также зарождения парадигмы трансгуманизма [8, с. 28; 12, с. 107; 18, с. 7; 35, с. 41; 65]. В то же

время, интерпретация гуманизации как стремления к гуманности — примату морально-этических ценностей [13, с. 189; 23, с. 172; 29, с. 155; 34, с. 3–4, 12] — холистична. Она подразумевает доминирование общественных устоев и институтов над индивидуальным поведением и в изучаемом экономическом контексте указывает на непреложность соблюдения норм общечеловеческой морали и профессиональной деловой этики в хозяйственной деятельности [9, с. 30, 37; 11, с. 112; 16, с. 37, 40; 22, с. 47; 37, с. 58; 38, с. 7; 63, с. 106; 65; 66, с. 10]. Бесспорно, оба подхода тесно связаны друг с другом, подчеркивая уникальный статус человека в мире: ни цифровые технологии, роботы и ИИ, ни сложные системы морально-этической регуляции не

присущи иным организмам [28, с. 109; 39, с. 755; 44, с. 53–54; 45, с. 13–14], равно как производство и потребление [19, с. 59].

В настоящей статье предпринимается попытка выявить потенциал морально-этических норм для координации и регулирования экономических взаимодействий в XXI столетии с учетом его особых технологических и социальных реалий. По содержанию сами нормы будут отождествлены с вечными ценностями — честностью, порядочностью, уважением к окружающим, хотя, как заметил еще А. Смит (Smith) (1723–1790), «различные эпохи и различные страны... оказывают влияние на нравы людей и видоизменяют их мнения о хороших или дурных свойствах того или другого душевного качества» [28, с. 203]. «Мода доходит иногда до того, что дает выход некоторым порокам и поднимает на смех некоторые добродетели» [там же, с. 200]. Попутно обратим внимание на тот факт, что весьма сложно унифицировать и юридические нормы, проникнутые высокой моралью [41, с. 33] и гарантирующие универсальные права человека. Не случайно помимо Всеобщей декларации прав человека (1948) еще существуют, например, Африканская хартия прав человека и народов (1981), Азиатско-Тихоокеанская декларация человеческих прав индивидов и народов (1988), Арабская хартия прав человека (1994, 2004) и пр. [30, с. 75].

Материалы и методы. Идея о несовместимости экономики и морали зародилась и укоренилась, главным образом, в странах Запада под влиянием подъема класса буржуазии в XVII–XVIII столетиях [62, с. 190]. Одновременно с «повышением чувства собственного достоинства у простых людей» [16, с. 40] и высвобождением духа изобретательства и предпринимательства [там же; 39, с. 755] появились так называемые «акулы капитализма», зачастую стремившиеся лишь к получению личных выгод, подчас любой ценой [49, с. 37; 61, с. 166–167; 62, с. 190–192]. В науке эти социальные сдвиги привели к упрощению толкования творческого наследия А. Смита — одного из самых видных экономистов того периода, являвшегося по образованию и основному роду занятий философом-моралистом [1, с. 16, 98; 17, с. 7; 27; 36, с. 16; 44, с. 47; 49, с. 24, 31; 59, с. 221; 64, с. 106].

По словам Д. Макклоски (McCloskey) (род. в 1942), устранение «этики из работ Смита началось сразу после его смерти, в реакционную эпоху французской революции. Возможно, для того чтобы убедить британские власти и британское общественное мнение в том, что политическая экономия не была подрывной наукой, этика была опущена. Холодная война породила аналогичные «изъятия», и вполне возможно, что во время американских завоеваний в области экономической теории страх радикализма поддерживал антиэтическое «прочтение» Смита» [15, с. 3]. Примечательно, что в конце XX столетия аргентинский экономист и дипломат (а в 2000–2004 гг. — чрезвычайный и полномочный посол Аргентинской Республики в Российской Федерации) Х. К. Санчес Арнау (Sánchez Arnao) (род. в 1941) подчеркнул схожее отношение многих национальных правительств и международных центров принятия решений к общественным наукам — социологии, социальной психологии, антропологии, этнологии — ввиду нередкой критики исследователями проектов развития, предлагаемых государствам «третьего мира» [60, с. 192].

Между тем, в работе А. Смита «Теория нравственных чувств» (1759) обозначены важные точки соприкосновения экономики и морали. Во-первых, акцентируется внимание на социальном характере человеческой природы [28, с. 31, 125, 127] и непреложности великодушия, благодарности, взаимного уважения, доброты для «процветания и благоденствия» общества [там же, с. 101]. Во-вторых, строго порицается причинение вреда окружающим во имя личной выгоды [там же, с. 44, 143], несмотря на естественность и неискоренимость эгоизма [там же, с. 98, 141, 204, 216]. Проницательность А. Смита и несводимость его идей единственно к модели *Homo economicus* подтверждают тем, что ученый предвосхитил ряд положений поведенческой экономики, ставшей особо популярной в XXI столетии. К ним можно отнести динамическую несостоятельность и различия в восприятии людьми выгод и потерь [там же, с. 190, 211; 32, с. 45–46].

Исследование морально-этических аспектов хозяйствования продолжилось и после А. Смита. Так, например, К. Поланьи

(Polanyi) (1886–1964) уделял повышенное внимание принципу реципрокности (взаимности) как форме интеграции, альтернативной рыночному обмену [25, с. 58–61; 26, с. 56, 63]. Этот принцип лег в основу концепций и практик солидарной экономики, ставящих во главу угла не прибыль, а всестороннее развитие общества, решение социальных и экологических проблем силами различных некоммерческих объединений, кооперативов и фондов [4, с. 163; 48, с. 2–3, 6–7; 51, с. 42–43, 45; 52, с. 15–16; 53, с. 215]. Д. Бьюкенен (Buchanan) (1919–2013) трактовал приверженность этике взаимности как общественное благо, стимулирующее доверие и поэтому обладающее ценностью для всех игроков рынка в условиях обезличенности сделок [41, с. 32–35]. Одновременно ученый порицал «моральную анархию» — ситуации, в которых люди обращаются друг с другом неуважительно, будто с вещами, и действуют оппортунистически [там же, с. 32, 76]. Аналогично рассуждал и У. Нисканен (Niskanen) (1933–2011), настаивая на крайней важности самоограничения в поиске выгод [57, с. 350–351]. Однако, например, М. Фриедман (Friedman) (1912–2006) и его единомышленники из Чикагского университета, наоборот, с 1970-х гг. активно педалировали индивидуалистический подход к ведению бизнеса и его ориентацию в первую очередь на высокие финансовые показатели [44, с. 29, 103; 58, с. 133]. Подобная установка неоднократно критиковалась специалистами по менеджменту, включая гуру У. Э. Деминга (Deming) (1900–1993) [21, с. 167; 44, с. 104], но в итоге к началу XXI века она прочно внедрилась в работу многих компаний и бизнес-школ по всему миру [36, с. 30–31; 44, с. 64, 104, 295; 54, с. 117; 58, с. 133–134; 62, с. 192].

В целом, экономика как наука и как практическая деятельность не представляется принципиально аморальной и неэтичной, несмотря на имманентность человеку эгоизма (существует даже мнение о том, что биологически альтруизм происходит как раз из эгоизма как стремления распространять и защищать свои гены [61, с. 135–137, 161–162]). Порядочное поведение усиливает взаимное доверие и облегчает совершение сделок. Вместе с тем, возникает вопрос, предложил ли XXI век какие-то новые эффективные механизмы принуждения к соблюдению норм морали и этики. Проанализируем данный вопрос ниже.

Результаты и их обсуждение. Мы поддерживаем точку зрения психолога С. Пинкера (Pinker) (род. в 1954) о том, что «то, что верно для технологического прогресса, может быть истиной и для прогресса нравственного. Индивиды или цивилизации, собирающие информацию из всех возможных источников, придумывают моральные инновации» [24, с. 599]. В самом деле, расцвет Интернета и «обживание» цифровой среды» [14, с. 36], появление многочисленных сервисов и сайтов для оценки работы компаний и повышение общего уровня информационной прозрачности в мире облегчают разоблачение случаев оппортунизма [58, с. 58–59, 69] и способствуют расширению «радиуса действия эмпатии» [24, с. 857]. При этом, по словам предпринимателя Д. Ричера (Richer) (род. в 1959), люди редко оставляют ложные негативные отзывы о товарах и услугах, хотя если их претензии обоснованы, то в состоянии гнева или фрустрации они могут и утрировать масштабы нанесенного им ущерба [58, с. 74]. Кроме того, отнюдь не исключен оппортунизм со стороны клиентов при совершении сделок [54, с. 117], который также нуждается в обличении.

Утверждение С. Пинкера о том, что «электронный век обновила... технологии эмпатии», касается и кинематографа [24, с. 598]. Заметим, что в XXI столетии модернизация и массовое распространение устройств, позволяющих создавать, хранить, тиражировать и транслировать видеозаписи, привели к увеличению количества выпускаемых фильмов — коротко- и полнометражных, профессиональных и любительских, демонстрируемых на различных платформах и рассыланных на самую разнообразную публику [42, с. 175; 43, с. 11, 32, 49–50, 52, 108]. Закладываемые в них послания могут иметь целью в том числе стимулирование общества к неприятию нечестного поведения (например, достижение нулевой терпимости к нарушению авторских прав путем высвечивания отрицательного влияния незаконного скачивания музыкального, визуального

и иного контента на рядовых сотрудников производящих его корпораций [54, с. 123; 55, с. 335]).

Между тем, по мнению экономиста Н. Бузу (Bouzu) (род. в 1976) и философа Ж. де Фюнес (De Funis) (род. в 1979), исследующих современные проблемы деловой этики, более активное освещение на экране сцен из жизни фирм могло бы привлечь аудиторию к критическому анализу существующих моделей менеджмента и их нередко удручающего влияния на персонал [40, с. 10]. Вероятно, решению данной задачи способствовало бы обращение к практикам «творческого соцреализма» (как антипода «казенного соцреализма»), отрефлексированным и обобщенным автором понятия «разотчуждение» [4, с. 158; 6, с. 170], философом Л.А. Булавкой-Бузгалиной. «Основанное на этом методе искусство и, прежде всего, кино... дало примеры художественного разотчуждения» [там же, с. 175]. Творческий соцреализм «привносит диалог героя кинофильма и зрителя... Это деятельностное со-переживание не/поступков героя (Другого) как своих собственных, как раз и делает зрительское с ним со-бытие фактом уже культурного события его жизни» [там же, с. 176]. В качестве дополнения отметим, что в современной художественной литературе сюжеты о сложных внутрифирменных взаимоотношениях также считаются недооцененными [40, с. 10], хотя, скорее всего, даже по данной теме можно найти книги-бестселлеры (см., например, [47]).

С институциональной и бихевиористской позиций дизайн экономического поведения при помощи художественных практик напоминает подталкивание (ввиду своей неимперативности) [31, с. 332–333, 349] и апеллирует к идентификации себя с персонажами, к самосознанию, ко внутренним стимулам к следованию морально-этическим нормам [36, с. 32–33; 54, с. 121, 123]. По утверждению философа Ф. Саватера (Savater) (род. в 1947), подобный подход типичен для стран Запада и именуется «культурой вины». В ней общественное мнение не обладает решающей силой для преодоления оппортунизма, а критерии хорошего и плохого фактически могут быть весьма гетерогенными (в т. ч. в бизнесе с точки зрения соблюдения контрактных сроков оплаты товаров, работ и услуг, возврата долгов и пр.) [61, с. 163–164, 166–167].

Вместе с тем, рост информационной прозрачности благодаря Интернету, на первый взгляд, создает предпосылки для распространения в мире «культуры стыда», изначально свойственной государствам Востока и ориентирующейся на социальное принуждение [там же] (см. также [3; 7, с. 40–41; 56, с.

29; 62, с. 192]). Она укрепляет институт деловой репутации, но одновременно таит в себе опасность увеличения количества самоубийств в случае непомерности общественного давления на индивидов [61, с. 168] (в этой связи представляется парадоксальным, что в странах Запада, которые традиционно занимают высокие строчки ряда международных индексов счастья, как раз социальное принуждение к тому, чтобы «быть и казаться счастливыми», способствует учащению нервных срывов [50, с. 230] и, предположительно, даже суицидов [46, с.89]). Все же становлению глобальной, как и сам Интернет, экономической «культуры стыда», опирающейся на непреходящие ценности, с неизбежностью будет препятствовать отсутствие у пользователей необходимого единообразия в трактовании поступков [61, с.167], «востребованность» в виртуальном пространстве как доброго имени, так и эпатажа и дурной славы [55, с. 354–356].

Очень релевантный литературный пример анализа фрустраций вины и стыда привел профессор из Уортонской школы бизнеса Университета Пенсильвании (г. Филадельфия, США) Ф. Николс (Nichols), выступавший 5–6 июня 2014 г. в СПбГЭУ на Третьей международной научной конференции «Деловая этика и национальные модели поведения». Исследователь подчеркнул, что его любимый писатель — Ф.М. Достоевский (1821–1881), и сравнил роман «Преступление и наказание» (1866) с романом Н. Готорна (Hawthorne) (1804–1864) «Алая буква» (1850): «в обоих произведениях поднимаются проблемы вины и стыда» [20, с. 188], но «при чтении «Преступления и наказания» глубже переживается все то, что чувствуют персонажи» [там же].

Заключение. Таким образом, XXI столетие открыло новые цифровые возможности для обличения оппортунизма и усиления эмпатии. Однако не подлежит сомнению, что ключевую роль в транслировании и усвоении морально-этических норм, ассоциирующихся с порядочным поведением, по-прежнему должны играть традиционные институты воспитания и обучения (семья, школа, государство и пр.), сопровождающие человека с самого юного возраста. Что касается наших дальнейших изысканий по изложенной теме, представляется весьма интересным прибегнуть к кейс-методу и сфокусировать внимание на реалиях России: провести опросы среди хозяйствующих субъектов о значении для них морали и этики; взять интервью у отечественных режиссеров, сценаристов и писателей о перспективах освещения на экране и в книгах производственных драм с глубоким нравственным посылом.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022.

Список использованных источников:

1. Абрамов М.А. Два Адама: Классики политической мысли. — М.: ИФ РАН, 2008. — 195 с.
2. Аванесов С.С. Суицид и радикальное самоопределение субъекта у Дэвида Юма // Этическая мысль. — 2012. Вып. 12. — С. 259–273.
3. Александров Ю.И., Кирдина С.Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. — 2012. — № 8. — С. 3–13.
4. Бузгалин А.В. Человек в мире отчуждения: к критике либерализма и консерватизма. Реактуализация марксистского наследия // Вопросы экономики. — 2018. — № 6. — С. 155–166.
5. Булавка-Бузгалина Л.А. Контрапункты гуманизма: Ренессанс и советская культура // Философские науки. — 2017. — № 2. — С. 19–34.
6. Булавка-Бузгалина Л.А. Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. — 2018. — № 6. — С. 167–179.
7. Елисеев В.Н., Комарова А.В. Гуманизация социально-экономического развития как системное проявление его всеобщего родового «начала». — М.: Изд-во СГУ, 2009. — 168 с.
8. Кадомцева С.В., Манахова И.В. Современная парадигма социально-экономического развития. Часть III: Гуманизация производства // Вестник СГСЭУ. — 2019. — № 1 (75). — С. 26–30.
9. Кан Е.Н., Селищева Т.А. Гуманизация экономического роста: сущность, направления, механизм регулирования. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. — 160 с.
10. Кириленко Г.Г., Шевцов Е.В. Философский словарь. — М.: Филологическое общество «СЛОВО»: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 704 с.
11. Киршин И.А. Гуманизация экономического роста // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. — 2007. — № 1. — С. 111–113.
12. Комков Н.И., Сутягин В.В., Володина Н.Н. Гуманизация российской экономики как фактор ее развития и обеспечения социально-политической безопасности // Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 14. Ч. 1. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН. 2019. С. 107–112.
13. Кравченко С.А. Почему так востребованы инновационные знания о российском обществе // Полис. Политические исследования. — 2018. — № 4. — С. 185–191.

14. Лисенкова А.А. Идентификационные стратегии и практики в пространстве социальных сетей // Российский гуманитарный журнал. — 2020. — Т. 9. — № 1. — С. 35–41.
15. Макклоски Д. Адам Смит, последний из создателей этики добродетели // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. — 2011. — Т. 3. — № 2. — С. 3–33.
16. Макклоски Д. Экономика с человеческим лицом, или гуманомика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. — 2013. — № 3. — С. 37–40.
17. Мееровский Б.В. Адам Смит как философ-моралист (вступ. ст.) // Смит А. Теория нравственных чувств. — М.: Республика, 1997. — С. 5–28.
18. Миропольский Д.Ю. Отношение экономики к неэкономике: простейшее взаимодействие продукта и человеческого тела // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. — 2010. — № 2 (62). — С. 7–14.
19. Миропольский Д.Ю. Отношение экономики к природе: качественный аспект // Проблемы современной экономики. — 2010. — № 2 (34). — С. 58–62.
20. Миэринь Л.А., Макеева Е.С. Проблема внедрения этических стандартов в деятельность хозяйствующих субъектов: взгляд научно-экспертного сообщества // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2014. — № 6 (90). — С. 185–188.
21. Миэринь Л.А., Широинин В.М., Макеева Е.С. Деловая этика и национальные модели поведения: трансформация подходов к анализу // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2015. — № 5 (95). — С. 164–168.
22. Орехова Е.А. Развитие доверительных отношений в условиях гуманизации экономического роста // Вестник СГСЭУ. — 2012. — № 1 (40). — С. 46–49.
23. Пастушкова О.В. Гуманизм и индивидуализм // Вестник Воронежского государственного технического университета. — 2011. Т. 7. — № 6. — С. 172–175.
24. Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше. — М.: Альпина Нон-Фикшн. 2021. — 952 с.
25. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. — СПб.: Алетейя, 2002. — 311 с.
26. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс: Избранные работы. — М.: Территория будущего, 2010. — С. 47–81.
27. Сен А. Адам Смит и современность // Вопросы экономики. — 2011. — № 11. — С. 25–37.
28. Смит А. Теория нравственных чувств. — М.: Республика, 1997. — 351 с.
29. Субботина Н.Д. Естественные и социальные основы гуманности // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. — 2014. — № 5. — С. 155–164.
30. Сысоев Т. Правовые угрозы постиндустриального мира // Эксперт. — 2022. — № 27. — С. 74–75.
31. Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. — М.: Изд-во «Эксмо». 2018. — 368 с.
32. Трофимов Г., Ивантер А. Бесовщинка в Homo economicus // Эксперт. — 2017. — № 43. — С. 44–46.
33. Тульчинский Г.Л. Человек всегда проблема. Интервью // Человек.RU. — 2015. — № 10. — С. 171–178.
34. Чебунин А.В. Смысл и функции гуманизма // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. — 2021. — Вып. 2. — С. 3–16.
35. Черных Ю.В. Экономическое содержание гуманизации // Вестник МГОУ. Серия: Экономика. — 2016. — № 2. — С. 38–43.
36. Bento V. *Economia, Moral e Política*. Lisboa: Fundação Francisco Manuel Dos Santos, Relógio D'Água Editores. 2011. 112 p.
37. Berthelot Y. Louis-Joseph Lebrét (1897–1966), acteur d'une économie plus humaine // Vers une économie «humaine»? Desroche, Lebrét, Lefebvre, Mounier, Perroux au prisme de notre temps / Sous la direction de L. Loty, J.-L. Perrault, R. Tortajada. Paris: Hermann Éditeurs. 2014. P. 51–59.
38. Blazevic B. Humanizing the Economy // UTMS Journal of Economics. 2019. № 10 (1). P. 1–21.
39. Boettke P. A behavioral approach to the political and economic inquiry into the nature and causes of the wealth of nations // The Journal of Socio-Economics. 2012. № 41. P. 753–756.
40. Bouzou N., De Funès J. La comédie (in)humaine: Comment les entreprises font fuir les meilleurs. Paris: Éditions de l'Observatoire / Humensis. 2018. 189 p.
41. Buchanan J. Why I, Too, Am Not a Conservative. The Normative Vision of Classical Liberalism. Cheltenham (UK), Northampton (USA): Edward Elgar. 2005. 111 p.
42. Busson A., Évrard Y. Les industries culturelles et créatives. Économie et stratégie. Paris: Vuibert. 2013. 240 p.
43. Chantepie P., Le Diberder A. Économie des industries culturelles. Paris: La Découverte. 2019. 128 p.
44. Collier P. O futuro do capitalismo. Alfragide: Dom Quixote. 2019. 324 p.
45. Damásio A. A Estranha Ordem Das Coisas. A Vida, Os Sentimentos e As Culturas Humanas. Lisboa: Temas e Debates — Círculo de Leitores. 2021. 384 p.
46. Davoine L. Économie du bonheur. Paris: La Découverte. 2020. 127 p.
47. Des Isnards A., Zuber T. L'open space m'a tué. Paris: Hachette Littératures. 2008. 224 p.
48. Draperi J.-F. L'économie sociale et solidaire: une réponse à la crise? Capitalisme, territoire, démocratie. Paris: Dunod. 2011. 284 p.
49. Dyce J. M. The rescue of capitalism: Getting Adam Smith right. Lavenham, Suffolk: Stress Publications. 1990. 120 p.
50. Felice E. Historia económica de la felicidad. Una nueva visión de la historia del mundo. Barcelona: Crítica. 2020. 352 p.
51. Gardin L. Les initiatives solidaires. La réciprocité face au marché et à l'État. Ramonville Saint-Agne: Éditions Érès. 2006. 191 p.
52. Loty L., Perrault J.-L., Tortajada R. Introduction et perspectives: l'économie, de la critique à l'utopie constituante // Vers une économie «humaine»? Desroche, Lebrét, Lefebvre, Mounier, Perroux au prisme de notre temps / Sous la direction de L. Loty, J.-L. Perrault, R. Tortajada. Paris: Hermann Éditeurs. 2014. P. 9–40.
53. Maréchal J.-P. Humaniser l'économie. Paris: Éditions Desclée de Brouwer. 2008. 276 p.
54. Mazar N., Arieli D. Dishonesty in Everyday Life and Its Policy Implications // Journal of Public Policy & Marketing. 2006. Vol. 25 (1). P. 117–126.
55. Molina C. A. ¡Qué bello será vivir sin cultura! La cultura como antídoto frente a los peligros de la idiotización. Barcelona: Ediciones Destino. 2021. 432 p.
56. Morin E. Enseigner a vivre: Manifeste pour changer l'éducation. Arles: ACTES SUD. 2020. 160 p.
57. Niskanen W. Policy Analysis and Public Choice: Selected Papers by William A. Niskanen. Cheltenham (UK), Northampton (USA): Edward Elgar. 1998. 432 p.

58. Richer J. The Ethical Capitalist. How to Make Business Work Better for Society. London: Random House Business Books. 2018. 192 p.
59. Samuels W.J., Medema S.G. Freeing Smith from the «Free Market»: On the Misperception of Adam Smith on the Economic Role of Government // History of Political Economy. 2005. № 37 (2). P. 219–226.
60. Sánchez Arnau J. C. Conclusiones et propositions // La culture, clé du développement. Paris: L'Harmattan, 1994. P. 191–195.
61. Savater F. O Conteúdo Da Felicidade. Lisboa: Relógio D'Água Editores. 2018. 184 p.
62. Stickers K. W. The great divorce: the freeing of markets from communities and from moral constraint // Humanomics. 2014. Vol. 30. № 3. P. 186–198.
63. Tongel'ová-Ivanová P. Humanization of Economy in the 21st Century. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 2014. 124 p.
64. Vilarroig Martín J., Lluch Frechina E., Sánchez Garrido P. Ética aplicada a la economía y a la empresa. Madrid: CEU Ediciones. 2018. 136 p.
65. Малашиха Г.М. Тенденции гуманизации и дегуманизации экономики. [Электронный ресурс] // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Вып. 1. Сб. философ. статей. Под ред. Маркова Б.В., Солонина Ю.Н., Парцвания В.В. СПб.: Изд-во «Петрополис». 2001. С. 157. Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/malashiya-gm/tendencii-gumanizacii-i-degumanizacii-ekonomiki> (дата обращения 19.06.2022).
66. Kemp R., Strasser T., Davidson M., Avelino F., Pel B., Dumitru A., Kunze I., Backhaus J., O'Riordan T., Haxeltine A., Weaver P. The Humanization of the Economy Through Social Innovation. [Электронный ресурс] // Paper for SPRU 50th anniversary conference. 08.08.2016. P. 1–24. Режим доступа: <https://kemp.unu-merit.nl/docs/The%20humanization%20of%20the%20economy%20-%20Kemp%20et%20al%20for%20SPRU%20conference%202016.pdf> (дата обращения 19.06.2022).

ДИНАМИКА НОМИНАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО ВВП РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В 2011–2020 ГГ.

А.В. Потапенко,

доцент кафедры экономики таможенного дела Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, кандидат экономических наук, potapenkonastya@rambler.ru

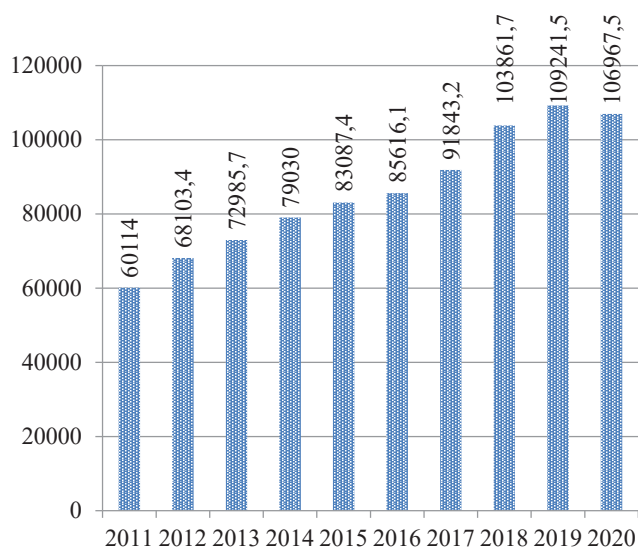
В статье показана динамика номинального и реального ВВП РФ. Проведен анализ индекса физического объема ВВП и ВВП на душу населения по паритету покупательной способности. Показаны периоды роста и спада объемов производства. Определены причины замедления экономического роста. Исследована динамика энергоёмкости ВВП России. Установлено, что доля российского ВВП в мировом валовом продукте крайне низкая. Доказана необходимость увеличения инвестиций в основной капитал определенных отраслей и важность развития третичного сектора экономики (сектор услуг, образование, туризм).

Ключевые слова: валовой внутренний продукт, экономический рост, экономический спад, пандемия Covid-19, первичный, вторичный, третичный сектора экономики, энергоёмкость ВВП, инвестиции в основной капитал.

УДК 338.1 ББК 65.051

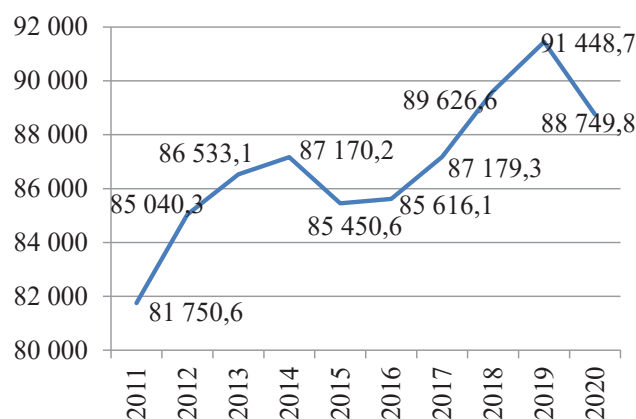
Валовой внутренний продукт (ВВП) — ключевой показатель, характеризующий развитие экономики страны, применяется для анализа показателей экономической активности, оценки роста или падения экономического состояния государства, сравнения экономик стран между собой.

Проанализируем состояние ВВП российской экономики. Последние 10 с лишним лет в России наблюдается незначительный рост номинального ВВП (см. рис. 1).

Рис. 1. Валовой внутренний продукт России, в текущих ценах, млрд руб. [1]

Однако, простого взгляда на ВВП, исчисленного в ценах базисного года, достаточно, чтобы понять далеко неположительную тенденцию в динамике валового продукта страны (см. рис. 2).

Рис. 2. Валовой внутренний продукт России, в ценах 2016 г., млрд руб. [1]

До 2014 г. наблюдался рост объемов производства. Затем последовал спад, из которого страна начала выходить только после 2016 г., и очередное снижение ВВП в период пандемии Covid-19 в 2019 г.

Теперь обратимся к анализу темпов экономического роста за этот же период (см. рис. 3).

Динамика ВВП России по годам позволяет установить, что за последние 10 лет выпуск продукции в объёме, а не в деньгах увеличивался в среднем не более чем, на 1,26% в год [рассчитано автором по 1].

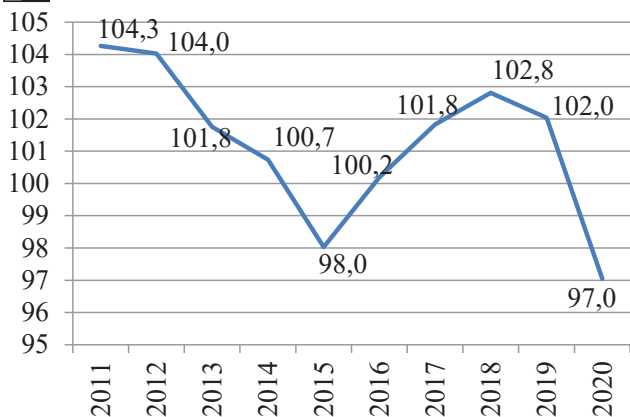

Рис. 3. Индексы физического объема ВВП России, в процентах к предыдущему году [1]

Среди причин, сдерживающих экономический рост, называют высокие процентные ставки по кредитам, неблагоприятный инвестиционный и деловой климат, проблемы с демократией и правами человека и т.д.

Отрицательно сказывается и происходящее изменение структуры ВВП, в которой увеличивается доля предоставления услуг (торговля, аренда, посредничество), снижается доля промышленного производства, и еще быстрее снижается производство высокотехнологичных товаров. До пандемии Covid-19 российский ВВП рос практически только за счет сферы обслуживания.

Отразилось на экономике страны и членство России в ВТО. С 2012 г. причинами замедления экономического роста в большей степени являются изменение внешней конъюнктуры (снижение спроса на российский экспорт) и падение инвестиционной привлекательности российской экономики. В то же время нельзя недооценивать и воздействие возросшего импорта (обусловленного снижением ввозных таможенных пошлин) на состояние отечественных товаропроизводителей и их конкурентоспособность.

Замедление экономического роста обусловлено также моделью госкапитализма, в которой драйвером инвестиций выступает государство. Во-первых, в 2012–2013 гг. сократились госинвестиции. Олимпийский центр в Сочи, «Северный поток», инфраструктура для казанской универсиады построены. Возникла инвестиционная пауза. Во-вторых, не бывает частных инвестиций в «стоящую» экономику, ибо ведущим в тандеме государственно-частного партнерства является государство [подробнее см. 2, с. 113–114].

Снижение ВВП в 2020 году на 3% связано с введенными ограничительными мерами, направленными на борьбу с коронавирусной инфекцией, и падением мирового спроса на энергоресурсы. Значительно сократилась добавленная стоимость в отраслях, ориентированных на обслуживание населения: отдых, культура, спорт, транспорт и другие услуги населению, но увеличилась добавленная стоимость в сфере финансов и страхования. На добывающей промышленности негативно сказалось снижение цен на энергоресурсы [3].

Не меньший интерес для анализа экономической безопасности представляет ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) (см. рис. 4).

ВВП на душу населения в 2020 году в России, согласно данным Российского статистического ежегодника, был равен 28220 долл. США, т.е. за 10 лет рост составил только 23,78%. Таким образом, мы наблюдаем умеренный рост в условиях обоснованной макроэкономической политики, но при наличии структурных ограничений и воздействии санкций.

Доля российского ВВП в мировом продукте также крайне незначительна: 2011 г. — 3,49%, 2017 г. — 3,2% [5], 2020 г. — 1,93% [рассчитано по 6]. В рейтинге стран мира по доле в мировом ВВП много лет лидирующие позиции занимают одни и те же державы (см. рис. 5).

Россия в 2020 г. заняла 11 позицию, потеснив Южную Корею, Австралию, Испанию. В третий десяток вошли: Польша,

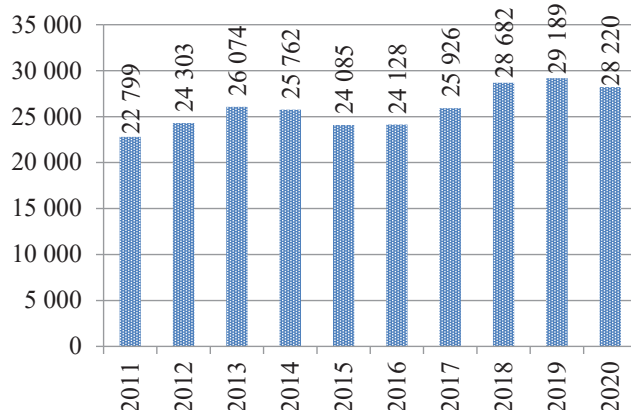

Рис. 4. ВВП России на душу населения по ППС (в текущих ценах), долл. США [4]

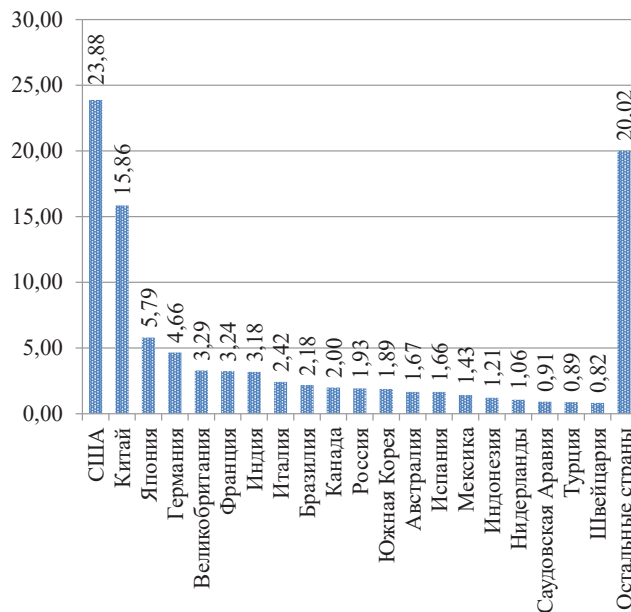

Рис. 5. Доля крупнейших 20-ти стран в общемировом ВВП (по ППС) в 2020 г.

Рассчитано по [6]

Швеция, Бельгия, Аргентина, Таиланд, Венесуэла, Австрия, Иран, Норвегия, Объединённые Арабские Эмираты. Завершают рейтинг из 207-ми стран: Палау, Маршалловы Острова, Кирибати, Науру, Тувалу.

Передовые страны обеспечивают лидирующие позиции за счет развития третичного сектора экономики (сектор услуг, образование, туризм), в то время как развивающиеся страны делают упор на первичный (сельское и лесное хозяйство, рыболовство, аквакультура), отдавая третичному и вторичному (промышленность и строительство) секторам самое незначительное внимание (см. рис. 6).

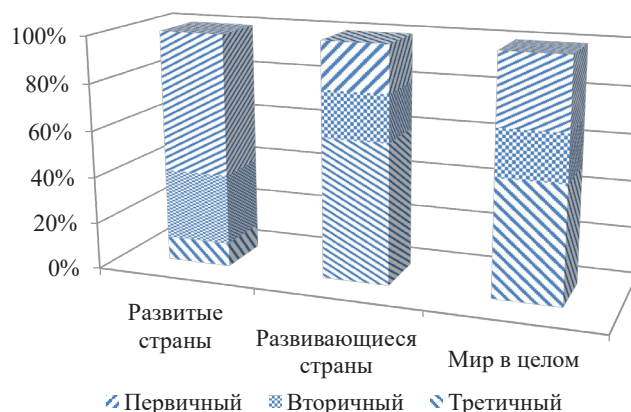

Рис. 6. Структура занятости населения по отраслям [6]

Преобладание сельского хозяйства (свыше 50%) наблюдается сегодня в Танзании — 81, Непале — 103, Камбодже — 109, Афганистане — 116, Лаосе — 118, Сомали — 159 места в рейтинге стран мира по доле в мировом ВВП [6].

Из представленных данных видно, что набирает обороты доля сферы услуг в ВВП стран мира, а это значит, что для них характерна заинтересованность в сотрудниках умственного труда. Очевидно, возрастает доля расходов на образование. Еще больший процент преобладания имеют малые государства, живущие за счет предоставления финансовых услуг и туризма. В России в 2000 год на сельское хозяйство приходилось 7%, промышленность — 39%, сферу услуг — 54% [6].

Энергоемкость ВВП снизилась после 2011 г. и колебалась в пределах достигнутого уровня как в положительную, так и в отрицательную сторону и сохранялись вплоть до 2018 г. (см. рис. 7).

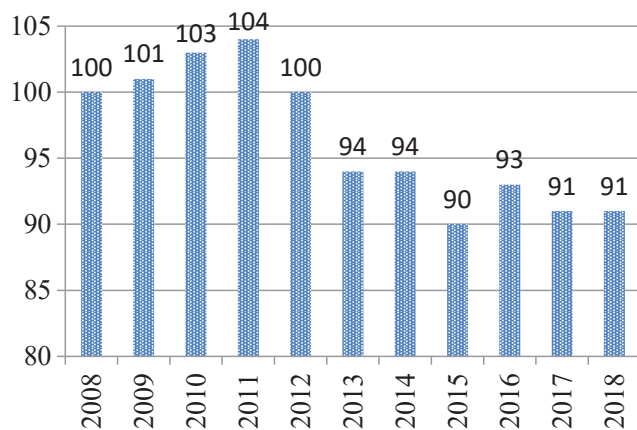

Рис. 7. Динамика энергоемкости ВВП РФ относительно уровня 2008 г., % [7, с. 18]

Энергоемкость ВВП России по итогам 2018 г. превысила мировой уровень на 46%, оказалась выше уровня США на 44% и выше уровня Канады на 17%. При сохранении текущего уровня энергоемкости достичь поставленной Указом Президента РФ от 4 июня 2008 г. №889 Правительству РФ цели снизить энергоемкость ВВП в размере не менее 40% относительно уровня 2007 г. станет возможным лишь к 2043 г. [7, С. 23].

Для снижения энергоемкости ВВП отрасли экономики должны работать на соответствующих регулярно обновляемых машинах и оборудовании. Поэтому стране необходимы инвестиции в основной капитал. Проанализируем динамику последних (см. рис. 8).

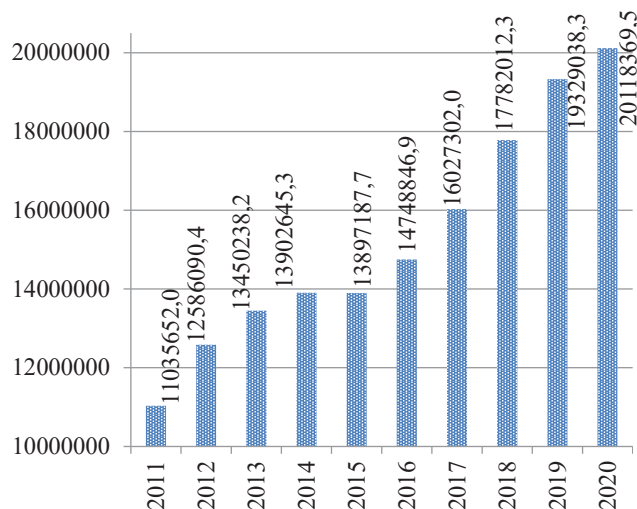

Рис. 8. Инвестиции в основной капитал в России, млн руб. (в ценах 1991 г.) [8]

Как известно, инвестиции призваны способствовать модернизации производства и повышению качества выпуска, а значит, и выходу российской продукции обрабатывающей промышленности и сферы услуг на новые зарубежные рынки. Импортозамещение также невозможно без инвестиций в создание производств и в повышение качества.

Доля инвестиций в основной капитал в ВВП России последние 10 лет колеблется от 20 до неполных 22% (см. рис. 9).

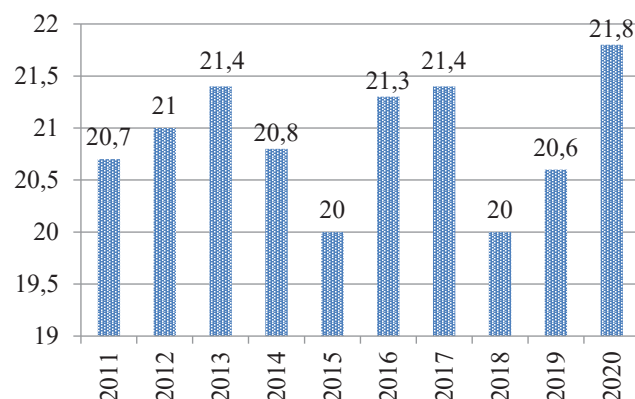

Рис. 9. Доля инвестиций в основной капитал в ВВП в России [9]

Рост инвестиций в 2012–2013 гг. объясняется масштабными инвестиционными проектами — Олимпиадой-2014 и саммитом АТЭС-2012. В ходе рецессии в 2014–2015 годах наблюдалось продолжительное снижение инвестиций в основной капитал, особенно капиталовложения в «машины и оборудование», в результате чего удельный вес инвестиций в основной капитал в ВВП по использованию снизился с 21,4% в 2013 году до 20,0% в 2015 году. В дальнейшем в 2017–2018 годах темпы роста валового накопления основного капитала начали восстанавливаться, однако в 2018 году он замедлился опять до 20,0%, а суммарный объем инвестиций в основной капитал в реальном выражении в 2020 г. составил 20,1 трлн руб.

К группе лидеров по динамике инвестиций в первом полугодии 2020 г. можно отнести деятельность в сфере здравоохранения и социальных услуг (+58,1%); пандемия COVID-19 повысила интерес к медицинским технологиям и привела к росту инвестиций в здравоохранение, оказала влияние и на сферу образования, увеличив инвестиций в эту отрасль на 23,1%; кроме того, инвестиции продемонстрировали рост в государственном управлении (+50,4%), финансовой и страховой деятельности (+20,2%), деятельности в области культуры и спорта (+13,3%), а также в сельском и лесном хозяйстве (+3,3%); напротив, сократились инвестиции в строительстве (–2,0%), деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (–8,6%), оптовой и розничной торговле (–15,3%), транспортировке и хранении (–16,5%), деятельности по операциям с недвижимым имуществом (–18,3%), а также в административной деятельности (–43,6%) [10, с. 10].

Рост инвестиций в основной капитал, в первую очередь, третичного сектора экономики (сектор услуг, образование, туризм) позволит повысить качество производственного капитала и рабочих мест и активизировать внутреннее производство. Как показывает мировой опыт, рост внутреннего производства обеспечил, например, подъем экономики США в XX в. и Китая в XXI в. России необходимо производить товары и услуги для внутреннего потребления, развивать жилищное строительство, поддерживать доходы населения, вкладывать средства в «экономику знаний». Перейти на более наукоемкие сферы выработки электроэнергии, в том числе атомной энергетики, поэтапно отказываясь от ископаемых компонентов. Приоритетным выглядит направление самолетостроения, создание благоприятных условий для ведения бизнеса.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022.

Список использованных источников:

1. Национальные счета: Валовой внутренний продукт // Российский статистический ежегодник. — URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts> Дата обращения: 01.08.2022

2. Потапенко А.В. Темп роста ВВП, как показатель экономического роста и конкурентоспособности России, и причины его замедления // Россия и Санкт-Петербург: экономика и образование в XXI веке: Научная сессия профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР за 2014 год. Апрель-май 2015 г. Факультета экономики и финансов. Отделение национальной экономики. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. — С. 112–116.

3. Национальные счета: Росстат представляет первую оценку ВВП за 2020 год // Российский статистический ежегодник. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/113015?print=1> Дата обращения: 01.08.2022

4. Национальные счета: Международные сопоставления ВВП России и других стран мира // Российский статистический ежегодник. — URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts> Дата обращения: 01.08.2022

5. Доля России в мировом ВВП // ЕМИСС. Государственная статистика. — URL: <https://fedstat.ru/indicator/40706> Дата обращения: 01.08.2022

6. Таблица: рейтинг экономик мира в 2020–2021 по данным ООН // Камни и золото. — URL: <https://stone-stream.ru/novosti/gazme-mirovogo-vvp.html> Дата обращения: 01.08.2022

7. Государственный доклад о состоянии энергосбережения и повышении энергетической эффективности в Российской Федерации // Министерство экономического развития Российской Федерации. Москва. 2019. — 85 с. — URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/d81b29821e3d3f5a8929c84d808de81d/energyefficiency2019.pdf> Дата обращения: 01.08.2022

8. Предпринимательство: Инвестиции в основной капитал // Российский статистический ежегодник. — URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial Дата обращения: 01.08.2022

9. Доля инвестиций в основной капитал в ВВП в соответствии с методологией СНС 2008 // ЕМИСС. Государственная статистика. — URL: <https://fedstat.ru/indicator/57402> Дата обращения: 01.08.2022

10. Динамика инвестиций в основной капитал на фоне пандемии COVID-19 // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Аналитический центр при Правительстве РФ. — Ноябрь 2020. — № 67. — 20 с. — URL: <https://docviewer.yandex.ru/view> Дата обращения: 01.08.2022

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Д.И. Закиров,

аспирант кафедры политической экономии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
danisizakirov@gmail.com

В статье классифицированы и структурированы различные виды инвестиций в человеческий капитал. Проанализированы инвестиции в человека, как на макро, так и на микроуровне.

Ключевые слова: человеческий капитал, инвестиции в образование, инвестиции в здравоохранение

УДК 338.1 ББК 65.01

Современное развитие России нацелено на обеспечение национального экономического суверенитета. Для решения этой сложной и многоаспектной задачи необходимо решить немало различных проблем. Среди них своей значимостью выделяется вопрос об инвестициях в человеческий капитал, в том числе их влиянии на национальный экономический рост.

В научной литературе можно найти разные подходы к определению инвестиций в человеческий капитал, что сказывается на эмпирических моделях, где экономисты используют различные показатели, характеризующие инвестиции в человека. В этой связи основная цель статьи заключается в оценке эмпирически идентифицируемых оснований классификации и структурирования существующих видов инвестиций в человеческий капитал.

Государственные инвестиции в человеческий капитал. Под государственными инвестициями в человеческий капитал понимаются *расходы государства в общедоступное образование*, которое осуществляется в школах/университетах (бюджетные места), а также расходы на национальную систему здравоохранения. Такой вид инвестиций отличается тем, что он увеличивает человеческий капитал у всех граждан страны. В этом случае, как отметил профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Молчанов, с экономической точки зрения государство выступает в роли «поставщика общественного блага» [1].

В табл. 1 приведены государственные расходы на образование в % от ВВП в развитых и развивающихся странах.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в развитых странах расходы на образование значительно превышают аналогичные расходы в развивающихся странах, не считая стран из Латинской Америки (Аргентины и Мексики). В среднем на образование в развитых странах государство расходует 5.5% ВВП, а в развивающихся — 3.8%. Больше всех в процентном соотношении к ВВП на образование тратит Норвегия: в 2016 году ее расходы составили 8% ВВП. Также заметен рост рас-

ходов России в 2016–2017 годы, который прежде всего связан со стартом национального проекта «Образование».

Таблица 1

Государственные расходы на образование (в % ВВП)

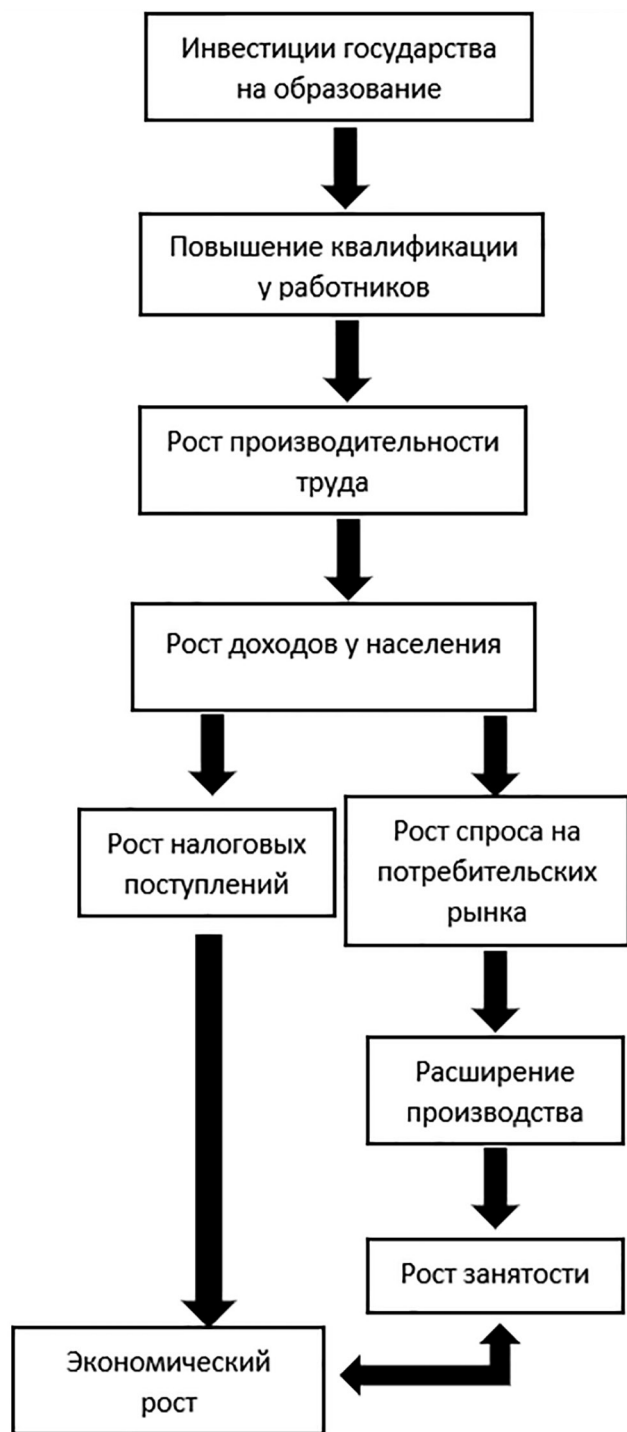
Страна	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Австралия	5,31584	5,28623	5,13681	5,12345
Норвегия	7,56933	8,03055	7,91198	7,64411
Бельгия	6,45157	6,46173	6,42534	6,38137
Великобритания	5,51411	5,37533	5,38499	5,16799
Германия	4,85515	4,83923	4,87183	4,97577
Соединенные Штаты	4,95341	4,79815	5,10922	4,91233
Франция	—	—	5,4516	5,40717
Италия	4,07363	3,81579	4,04494	4,25614
Албания	3,43797	3,96209	3,61173	—
Российская Федерация	3,83403	3,76044	4,68991	4,6782
Армения	2,80591	2,75812	2,70759	2,25587
Китай	3,82487	3,79362	3,66745	3,54249
Таиланд	3,75967	3,63752	3,35573	3,05677
Аргентина	5,77611	5,54549	5,45432	4,87774
Мексика	5,22942	4,90682	4,51822	4,25422

Источник World Bank.

URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GD.ZS?end=2021&locations=OE&start=2010&view=chart> (Дата обращения 15.09.2022).

Называя подобные расходы инвестициями, логично предположить, что государство должно получать выгоду от инвестирования. Механизм отдачи от государственных инвестиций в образование представлен на рис. 1.

Необходимо отметить, что с ростом государственных инвестиций в образование помимо прямых эффектов, меха-

Рис. 1. Отдача от государственных инвестиций в образование

Источник: составлено автором

низ которых изображен на рисунке 1, появляются внешние эффекты (экстерналии) — снижение бедности [5], безработицы [2] и преступности [6], а также рост демократизации населения [3].

Еще одним видом государственных инвестиций, которые рассматриваются как инвестиции в человека, являются *расходы на систему здравоохранения*. Наравне с образованием, здоровье рассматривается как один из ключевых факторов формирования человеческого капитала. Улучшение здоровья повышает работоспособность работников, что приводит к росту производительности труда. Также снижается количество нетрудоспособных индивидов, что ведет к увеличению количества рабочей силы. Кроме того, повышение «среднего» уровня здоровья снижает число выходов по болезни, что увеличивает продолжительность активной трудовой жизни.

В табл. 2 представлены государственные расходы на здравоохранение на душу населения в разных странах (в международных долларах¹).

Таблица 2

Государственные расходы на здравоохранение на душу населения в разных странах (в межд. долларах)

Страна	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Австралия	3174,663	3239,342	3354,059	3795,178
Норвегия	5354,154	5644,217	6007,169	6193,966
Бельгия	4050,676	4214,311	4366,028	4489,068
Соединенное Королевство	3512,146	3597,156	3834,297	4042,842
Германия	4400,764	4685,215	5041,9	5237,684
Соединенные Штаты	4965,938	5117,236	5338,818	5552,6
Франция	3704,328	3838,27	3964,392	4136,519
Италия	2590,327	2666,767	2846,733	2955,303
Албания	337,4414	341,4518	392,5254	
Российская Федерация	733,8561	802,7826	933,9314	1042,053
Армения	175,2652	166,2809	160,8151	200,4882
Китай	382,6433	400,3225	442,4138	492,7226
Таиланд	473,7903	481,883	498,6377	524,0491
Аргентина	1137,589	1561,074	1388,022	1371,24
Мексика	550,299	543,915	541,2587	547,7814

Источник: World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.GHED.PP.ZS> (Дата доступа 10.10.2022).

Из табл. 2 видно, что, как и в случае с расходами на образование, развитые страны тратят значительно больше денег на здравоохранение, чем развивающиеся страны. К примеру, США расходует в 5.3 раза больше средств чем Россия в 2019 году. Также можно отметить, что в рассмотренной выборке почти во всех странах наблюдается тенденция роста расходов.

Во многих эмпирических работах, рассматривающих экономический рост, государственные расходы используются в качестве показателя, определяющего инвестиции в человеческий капитал.

Б. Ривера и Л. Кюрре в своей работе [12] рассмотрели расширенную модель Солоу, в которой человеческий капитал определен не только как инвестиции в образование, но и как инвестиции в здравоохранение. Основная спецификации модели выглядит следующим образом: $\ln s_t - \ln(n + g + \delta)$, где s_t — затраты государства на здравоохранение и образование. С помощью этой модели авторы оценили значимость влияния расходов на образование и здравоохранение на экономический рост стран ОЭСР за период с 1960–2000 года. Авторы делят выборку, взяв медианное значение общих расходов на здравоохранение, и получают коэффициент, близкий к нулю для стран с более высоким уровнем расходов на здравоохранение и с коэффициентом 0.47 для стран с более низким уровнем ВВП на душу населения. В результате они пришли к выводу, что несмотря на отрицательную корреляцию между инвестициями на здравоохранение и ростом дохода, использование регрессии условной конвергенции расширенной модели Солоу показывает, что инвестиции в здравоохранение влияют на рост дохода положительно, причем коэффициент при показателе инвестиций является значимым.

Д. Хекман [4] рассматривал инвестиции в человеческий капитал на основе данных о китайских регионах. В качестве инвестиций в человеческий капитал Хекман использовал инвестиции китайских регионов в школьное образование. В результате автор сделал заключение о том, что несмотря на то, что в более крупных регионах реальная отдача от инвестиций в человеческий капитал превышает отдачу от вложений в физический капитал на 30–40%, государство предпочитает

¹ Международный доллар — условная денежная единица, вычисляемая и используемая для международных макроэкономических сравнений.

инвестировать в физический капитал. Также автор отметил, что китайские власти недоинвестируют в сельские регионы, вследствие чего разрыв между регионами не сокращается.

Блум, Каннинг, Севилла [10] в своей работе показали, как инвестиции в человеческий капитал влияют на увеличение продолжительности жизни и улучшение состояния здоровья у населения, что положительно влияет на экономический рост. Авторы использовали данные за 1960–1990 годы для развивающихся стран. Основная спецификация производственной функции модели выглядит следующим образом:

$$Y = AK^\alpha L^{\beta} e^{\varphi_1 s + \varphi_2 \exp + \varphi_3 \exp^2 \varphi^h},$$

где s — среднее количество лет в школе, $\exp$ — средняя продолжительность жизни, h — здоровье, которое характеризуется средней продолжительностью жизни.

Главный результат, к которому приходят авторы, заключается в том, что здоровье оказывает положительное и статистически значимое влияние на экономический рост. В частности, увеличение продолжительности жизни населения на один год способствует увеличению выпуска продукции на 4%. Это — относительно большой эффект, показывающий, что увеличение расходов на улучшение здоровья, является действенной мерой в вопросе увеличения экономического роста.

Другой работой, где авторы показывают, что увеличение затрат на образование ведет к экономическому росту, является совместная работа Набила Аннаби, Саймона Харви и Ю Лан [9]. Для исследования динамических эффектов государственных инвестиций в человеческий капитал в контексте старения населения Канады, авторы используют модель пересекающихся поколений. Результаты моделирования показывают, что увеличение государственных расходов на образование, финансируемое за счет налогов, снижает экономический рост. Тем не менее, в долгосрочной перспективе стимулы для высшего образования повышают скорость накопления человеческого капитала, что, в свою очередь, смягчает негативные последствия старения населения. Кроме того, авторы показали, что влияние инвестиций в человеческий капитал на экономику, зависит от искажений, вызванных альтернативными налоговыми инструментами, и тем, как в целом эффективно используются государственные расходы на образование.

Исследование, проведенное М. Ахмадом и Р. Кханом [8], было направлено на анализ того, как человеческий капитал и демографический переход влияют на экономический рост в развивающихся странах. В качестве инвестиций в человеческий капитал в работе использовались данные о расходах государства на образование и здравоохранения. Авторы провели эмпирический анализ, основанный на панели из 67 развивающихся стран с использованием данных с 5-летним интервалом за 1960–2014 годы. Основным методом оценивания был обобщенный метод моментов. Спецификация модели выглядит следующим образом:

$$g_{y_{it}} = \alpha_1 Y_{it-1} + \alpha_2 X_{it} + \alpha_3 Z_{it} + \alpha_4 g_{kit} + \alpha_5 g_{Nit} + \alpha_6 g_{Pit} + \alpha_7 g_{Lit} + \alpha_8 EE_{it} + \alpha_9 HE_{it} + \Delta e_{it},$$

где $g_{y_{it}}$ — темпы роста ВВП на душу населения, Y_{it-1} — логарифм лагового значения уровня ВВП на душу населения, X_{it} — логарифм лагового значения коэффициента численности населения трудоспособного возраста, Z_{it} — лаговое значения коэффициента участия в рабочей силе, используемого в качестве инструментальной переменной, g_{kit} — темп роста основного капитала, g_{Nit} — темп роста общей рабочей силы, g_{Pit} — темпы роста общей численности населения, g_{Lit} — темпы роста ожидаемой продолжительности жизни, EE_{it} — расходы на образование, HE_{it} — расходы на здравоохранение и Δe_{it} — разница удельной ошибки наблюдения, оставшийся после удаления фиксированных эффектов.

В результате авторы подтвердили гипотезу о том, что демографический переход и инвестиции в человеческий капитал являются значимыми для экономического роста развивающихся стран. Более того, включение инвестиций в человеческий капитал в форме уровней делает экономический рост более чувствительным к изменениям. Включение в регрессию по-

казателей с лагами показывает, что чем выше инвестиции в человеческий капитал в предыдущий период времени, тем выше экономический рост в текущий период времени. Таким образом, авторы делают вывод о том, что для обеспечения гибкости национального рынка требуются устойчивые инвестиции в человеческий капитал.

Однако, не все виды инвестиций в человеческий капитал можно адекватно измерить. Если государственные расходы на системы, формирующие человеческий капитал, относительно хорошо документированы, то некоторые инвестиции в человеческий капитал сложно посчитать количественно, например, *инвестиции родителей в ребенка*. К родительским инвестициям в ребенка, относят как финансовые затраты, такие как траты на обучение, здоровье и развитие детей, так и временные затраты родителей. В работе [11] Атанасио и Мегхир проанализировали важность родительских инвестиций в Индии, используя данные о 2011 детях и их семьях, опрошенных в возрасте 1, 5, 8 и 12 лет. Авторы получили ряд важных результатов: плохое здоровье в раннем возрасте вызывает дефицит в когнитивном развитии, инвестиции влияют на когнитивное развитие в любом возрасте, но больше на детей младшего возраста.

Другой вид инвестиций, который также играют важную роль в общих инвестициях в человеческий капитал являются *инвестиции компаний в свой персонал*. Цель таких инвестиций совпадает с государственными инвестициями в образование, они в значительной степени направлены на развитие навыков и компетенций работников. Но, как в случае с родительскими инвестициями, влияние корпоративных инвестиций измерить сложно в основном потому, что большая их часть не отражается в отчетности компании. Главная проблема учета инвестиций компаний в работника заключается в том, что основной объем таких инвестиций заложен в неформальном обучении, которое происходит на рабочих местах посредством структурного обучения или наставничества, организованного руководством или самими работниками. Такое занижение отчетности имеет искажающие последствия не только для политиков и экономистов, пытающихся получить точную картину общих инвестиций в человеческий капитал, но и для компаний при планировании своих инвестиционных решений.

На основе обобщения рассмотренных в статье научных работ идентифицированы следующие виды инвестиций в человеческий капитал:

- Государственные инвестиции в систему образование
- Государственные инвестиции в систему здравоохранения
- Родительские инвестиции в ребенка
- Инвестиции компаний в работника

Представляя разные виды инвестиций в человеческий капитал, можно выделить два уровня, на которых осуществляются инвестиции: макроуровень и микроуровень. На макроуровне основным субъектом является государство, которое инвестирует с целью увеличения темпов экономического роста. В то время как на микроуровне инвестиции осуществляются частными лицами или фирмами, и направлены на увеличение производительности труда отдельных индивидов.

В современной экономике происходит смена приоритетов, — накопление материальных благ уходит на второй план, основным источником экономического развития становится накопление человеческого капитала, которое осуществляется путем инвестиций в человека. Как писал, нобелевский лауреат Г. Беккер «Технологии могут быть движущей силой современной экономики, особенно ее высокотехнологичного сектора, но человеческий капитал, безусловно, топливо. Экономические успехи отдельного человека и целых экономик зависят от инвестиций в эту самую важную для современного мира форму капитала» [7]. Этот вывод вполне можно отнести и к России. Формирование нового многополярного мира и глобального экономического порядка в XXI веке еще более усиливает роль каждого человека в своей собственной судьбе, в траектории отдельной компании, в развитии национальной и мировой экономики.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022.

Список использованных источников:

1. Молчанов И.Н. Российская система образования и ее роль в подготовке кадров для цифровой экономики // Интернациональное и национальное в экономическом развитии в XXI веке (в свете экономической теории). — 2021. — С. 313–337.
2. Afolayan O.T. Reducing unemployment malaise in Nigeria: The role of electricity consumption and human capital development // 670216917. — 2019.
3. Glaeser E.L., Ponzetto G.A., Shleifer A. Why does democracy need education? // Journal of economic growth. — 2007. — Т.12, № 2. — С. 77–99.
4. Heckman J.J. China's human capital investment // China Economic Review. — 2005. — Т. 16. — №. 1. — С. 50–70.
5. Olopade B. C. et al. Human capital and poverty reduction in OPEC member-countries // Heliyon. — 2019. — Т. 5. — №8. DOI:10.1016/j.heliyon.2019.e02279
6. Lochner L. Education, work, and crime: A human capital approach // International Economic Review. — 2004. — Т. 45. — №. 3. — С. 811–843.
7. Becker G. S. et al. The age of human capital. — 2002.
8. Ahmad M., Khan R. E. A. Does demographic transition with human capital dynamics matter for economic growth? A dynamic panel data approach to GMM // Social Indicators Research. — 2019. — Т. 142. — №.2. — С. 753–772.
9. Annabi N., Harvey S., Lan Y. Public expenditures on education, human capital and growth in Canada: An OLG model analysis // Journal of Policy Modeling. — 2011. — Т. 33. — №. 6. — С. 852–865.
10. Bloom D. E., Canning D., Sevilla J. The effect of health on economic growth: a production function approach // World development. — 2004. — Т. 32. — №. 1. — С. 1–13.
11. Meghir C., Nix E., Attanasio O. Human Capital Development and Parental Investment in India. — 2015. — №. 1858–2016–152854.
12. Rivera B., Currais L. The effect of health investment on growth: a causality analysis // International Advances in Economic Research. — 2003. — Т. 9. — №. 4. — С. 312–323.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ИНКЛЮЗИВНО-УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И КОЛОНИАЛИЗМ 2.0

В.И. Черенков,

профессор кафедры маркетинга Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, с.н.с. экспериментальной лаборатории «Нейротехнологии в управлении» Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва), доктор экономических наук
cherenkov_47@mail.ru

Данная статья предназначена несколько по-новому, в контексте проблем реализации концепции устойчивого развития, обратиться к многовековой истории ресурсной обеспеченности европейских метрополий, которую в наше время в глобальном масштабе практикует географически неограниченный «коллективный Запад». Отмечается, что упорно продвигавшаяся концепция инклюзивно-устойчивого развития находится в неразрешимом противоречии с постоянно воспроизводимым деформированным разделением труда между ядром и периферией (по Валлерстайну) мир-системы капитализма. Сделано предположение, что многие постколониальные исследования в известной степени характеризуются апологетикой колониализма.

Ключевые слова: вестернизация, инклюзивно-устойчивое развитие, колониализм 2.0, постколониальные исследования, устойчивое развитие, ядро и периферия мир-системы

ББК Ф011.4я73; ТЗ(0)63–бя73

В пределах примерно двух недель (октябрь 2022) в СМИ были воспроизведены две цитаты. Одна, из выступления Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозепа Борреля, чем-то перекликающаяся с «*The White Man's Burden*» Киплинга, подобна расширенной оговорке по Фрейду с имплицитным страхом потерять сладкую жизнь «золотого миллиарда»: «Европа — это сад. Мы построили сад: все работает, это наилучшая из когда-либо созданных человеком комбинаций политической свободы, экономического процветания и социального сплочения... Остальной мир, большая часть других стран мира — это джунгли. А джунгли могут совершить вторжение в сад» [2]. Другая — выдержка из выступления Президента России Владимира Путина на церемонии подписания договоров о вхождении в состав России новых территорий, — «Запад готов переступить через все для сохранения той неоколониальной системы, которая позволяет ему паразитировать, по сути, грабить мир за счет власти доллара и технологического диктата, собирать с человечества настоящую дань, извлекать основной источник незаработанного благополучия, ренту гегемона» [14] — где четко определена колониальная природа построения [*«Мы построили сад» — Sic!*] этого «сада». Сопоставление того ЧТО (сад... процветания — Ж. Боррель) имеет и стремится сохранить коллективный Запад с тем КАК и ЗА СЧЕТ ЧЕГО (сохранение неоколониальной системы... источник незаработанного благополучия — В.В. Путин) это было получено, приводит к мысли еще раз обратиться к вопросу об осуществимости интенсивно продвигавшейся концепции «инклюзивно устойчивого развития» (*inclusive and sustainable development*) в условиях современного капитализма.

В русскоязычной литературе указанная концепция также именуется «инклюзивное устойчивое развитие» [10]. Заметим, что в указанном источнике несколько настораживает однозначный и диссонирующий с нашими сомнениями по поводу осуществимости данной инклюзии в рамках современного империализма оптимизм авторов (в частности, основанный на Йоханнесбургской декларации десятого саммита БРИКС),

которые заключают «что нас ждет инклюзивное будущее» [10, с. 33], в котором подразумеваются «равные возможности для людей, чтобы вносить свой вклад в экономический рост и пользоваться его благами» [там же]. Также обнаруживаемая в другом источнике [6] несколько сомнительно, на наш взгляд, выдвигает (хотя бы по Парето), надежда на «масштабное действие механизма перераспределения», который может обеспечить «инклюзивное устойчивое развитие». Полноты ради укажем, что в российском научном обороте эта же концепция иногда представляется еще и как «инклюзивное и устойчивое развитие» [12]. В то же время, утверждается [28], и на наш взгляд вполне резонно с точки зрения глобальной этики [8], что для реализации устойчивого развития необходимо такое развитие, которое является одновременно как инклюзивным, так и устойчивым, обеспечивая синергический эффект между действиями людей и соблюдением природных условий. Формально, даже семантически термин «инклюзивное устойчивое развитие», соответствует имеющемуся в литературе [6] и разделяемому нами утверждению, что развитие не может быть устойчивым, не будучи инклюзивным.

Действительно, по истечении почти 30 лет с момента представления *urbi et orbi* доклада «*Our Common Future*» во многих последующих обсуждениях проблем устойчивого развития приобретает силу идея *инклюзивного* социального развития, которое должно гарантировать *всем* людям материальное благосостояние, доступ к качественному здравоохранению, образованию, услугам и товарам, необходимым для достойного существования, а также такие социально-политические и культурные достижения, как чувство безопасности, человеческого достоинства и способности быть частью сообщества, в котором признаются права каждого члена и обеспечивается представительство его интересов [12]. Если обратиться к Целям устойчивого развития (ЦУР) — *Agenda 2030* [18], то можно заметить, что акцент документа *Agenda 2030* сделан на инклюзивность, что особенно четко отражается в следующих ЦУР: ЦУР 8 — содействие устойчивому, и в то же время инклюзив-

но-устойчивому росту с созданием рабочих мест; ЦУР 10 — расширение возможностей и способствование социальной, экономической и политической интеграции всех, независимо от возраста, пола, инвалидности, расы, этнической принадлежности, происхождения, религии, экономического или иного статуса; ЦУР 11 — сделать города и населенные пункты инклюзивными, более безопасными, устойчивыми и устойчивыми»; ЦУР 16 — продвижение развития мирных и инклюзивных обществ, а также инклюзивных институтов [29, р. 5]. Также в документах Международной организации труда определено [27, р. 20], что инклюзивно-устойчивое развитие требует такого управления экономическим ростом, которое обеспечивает достойную работу, иными словами, производительную, качественную работу, формализованную и социально защищенную, позволяющую преодолеть бедность и неравенство и открыть для любого региона возможности прогрессивного развития.

Стремление, как истинное, так и демагогически-спекулятивное, продвинуть в глобальном масштабе концепцию инклюзивно-устойчивого развития [25] связано с тем, что в практике глобального социально-экономического развития не все элементы общества как внутри стран, так и в сравнении между странами, оказались способны показать равные возможности развития или извлекать выгоду из тех или иных международных программ, что вызывает разочарование в подобных программах и чувство несправедливости, несмотря на активно пропагандируемые социальные инновации. Традиционно основным показателем экономического развития остается увеличение ВВП на душу населения (или душевой ВВП), отражающее рост экономической производительности и среднего уровня материального благосостояния населения страны. Понятно, что в этом показателе заложены всего лишь потенциальные возможности перехода к устойчивому развитию, но не качественная связь с ним, тем более, принимая во внимание неравномерное душевое распределение национального богатства, фактическое отсутствие таковой связи с инклюзивно-устойчивым развитием (*inclusive and sustainable development*) [26]. Макроэкономические показатели развития стран (например, душевой ВВП) часто критикуются, поскольку за усреднением как раз и теряется та самая инклюзивность в уровнях развития и качестве жизни как между разными странами, так и социальными слоями в одной стране. Тем не менее, подобные показатели отражают на макроэкономическом (региональном) уровне не только уровень экономического развития в целом, но все же характеризуют потенциал возможностей перехода к устойчивому развитию, поскольку, как это признано на международном уровне [11], собственно устойчивое развитие «включает в себя три взаимосвязанных и подпирющих друг друга основы — экономическое развитие, социальное развитие и охрану окружающей среды» [11, р. 6]. В соответствии с представлениями Валлерстайна [3] современная мировая торговля, несмотря на «свободу выбора» продавца/покупателя в рамках либерализации международной торговли, оценивается как неэквивалентный обмен (пусть не столь баснословный и очевидный, как ожерелье, бутылка рома, несколько одеял и ножей за остров Манхэттен), поскольку развитые (*developed*) страны сильнее (экономически, политически, информационно, инновационно), менее развитых (*less developed, developing, emerging, etc.*), что позволяет первым, составляющим ядро мир-системы капитализма, в условиях внешне эквивалентного и свободного обмена присваивать добавочную стоимость в ущерб более слабым странам периферии. Эта специфика отношений «ядро-периферия» сохраняющей признаки колониализма современной мир-системы капитализма была четко сформулирована в ходе анализа вышеуказанной работы Валлерстайна, где она облечена в следующую лапидарную формулу: «Ядро — это, грубо говоря, зона, приобретающая при обмене часть прибыли, а периферия — зона, теряющая её» [17].

На глобальном институциональном уровне эта центр-периферийная неравномерность капитализма, более чем полтысячи лет подпитывающая его развитие, также воспроизводится, например, через ВТО, которая имеет по отношению ко всем странам капиталистической периферии одну и ту же цель:

не допустить, чтобы эти страны стали в будущем конкурентами метрополии, и для этого отнять у государств периферии право на самостоятельное законодательство и на регулирование деятельности ТНК в этих странах [7]. Не менее интересно отметить, что воспроизводству подобной мир-системы способствует на уровне социально-экономических систем отдельных стран морфологически тождественное «межклассовое» отношение типа «центр-периферия», когда национальная компрадорская буржуазия колоний и полуколоний «играет» на стороне метрополий. Исторические корни этого явления лежат в том [20, с. 10], что внутри колониальных социумов формировались иерархии, в рамках которых выходцы из цивилизованных метрополий занимали руководящие позиции в администрации и создавали экономическую и интеллектуальную элиту. В результате Второй мировой войны и последующей поддержке национально-освободительного движения Советским Союзом, произошло то, что называлось крахом колониальной системы. Однако бывшие, ставшие формально независимым, колонии продолжают занимать место эксплуатируемой периферии в обновленной мир-системе неокониальных отношений, получивших в «модных» терминах цифрового общества название «Колониализм 2.0» [24], где «глобальная ойкумена [коллективный негеографический Запад — авт.] продолжает функционировать как капиталистическая мир-система с ее глубоким дисбалансом между центром и периферией» [17, с. 66]. В отношениях центр-периферия (звучит как некий эвфемизм для отношений «метрополия-колонии»), именуемых «Колониализм 2.0» глобальная экспансия капиталистических рынков достигается уже не военно-политическими методами, а за счет введения в действие законов и правил, гарантирующих «справедливые» взаимоотношения с глобальным капиталом [24]. Нет особой необходимости доказывать, что неокониализм XXI века, или «Колониализм 2.0» явление гораздо более изощренное и живучее, чем, скажем колониализм века семнадцатого («Колониализм 1.0»), но вопрос о несовместимости трансформированного колониализма с реализацией концепции устойчивого развития, что внешне неплохо выглядит в борьбе Западной Европы за нулевой карбоновый след в своих городах, но невольно приводит к вопросам типа «А как получить чистую электроэнергию в необходимом количестве для ожидаемой массы электромобилей? А куда девать или как перерабатывать автомобильные аккумуляторы?». Тем более, что устойчивое развитие без признака инклюзии является всего лишь вариацией традиционного выведения «грязных» производств за пределы упомянутого Ж. Боррелем «сада». В русле фактических отношений «Колониализм 2.0» находятся не только «бывшие» колонии Азии и Африки и страны Латинской Америки, где находится большинство авторов работ на эту и связанные с ней темы. Не миновала чаша сия — может быть в несколько иной форме и Россию, да и остальные вышедшие из СССР и «социалистического лагеря» страны. Поскольку отмечено [16], что вестернизация, проникающая практически во все поры современного российского общества и понимаемая как процесс перехода от традиционных обществ к современным путем прямого переноса структур, технологий и образа жизни западных обществ исторически отличалась тем, что ее инициатором обычно становился сам Запад, а формой ее осуществления была преимущественно колонизация.

Как нами определялось ранее [19] современный капитализм не снимает основное противоречие капитализма и не отменяет его основной закон. Коллективный Запад смог выстроить эффективную систему финансово-экономического господства над странами периферии мирового хозяйства, природа которой соответствует термину «Колониализм 2.0», а иногда [1] — «Колониализм 3.0», где выделяются три механизма: (1) военно-политический; (2) финансово-индустриальный; и (3) электронно-цифровой. Именно третий механизм предопределил появление пока еще не получившего широкое распространение термина «Колониализм 3.0», что соответствует современному технологическому укладу. Несколько иначе, сохранившее основные цели традиционного колониализма («Колониализм 1.0»), современное мир-устройство капитализ-

ма XXI века предлагается называть «экономический империализм» [9, с. 978], целью создания и функционирования которого является «обеспечение доступа Запада к природным, человеческим (трудовым) и интеллектуальным ресурсам остального мира и их эффективная эксплуатация в интересах элиты Запада» [9, с. 978]. Многомерность репрезентации современного империализма может быть подчеркнута и такими прилагательными как «технологический» и «информационный» [4]. Следует заметить, что понятия империализм и колониализм связаны неразрывно, поскольку империя подпитывается благами своих колоний, начиная с Древнего Рима, чему свидетельствует [13] и то, что на рубеже XIX и XX вв. понятие империализма стало употребляться в массовом сознании в качестве эквивалента колониализму. Таким образом, можно сказать, что империализм и колониализм неразрывно связаны как в политико-экономическом, так и в информационном пространстве. Представление колониализма как антитезы концепции инклюзивно-устойчивого развития выглядит довольно очевидным и в наибольшей степени присутствует во многих работах авторов из менее развитых и, так называемых, развивающихся стран.

В **заключение** представления критического подхода к возможности реализации концепции инклюзивно-устойчивого развития в условиях «Колониализма 2.0» и империалистической природы современного капитализма в целом, отметим, что существует следующая дилемма инклюзивно-устойчивого развития: либо — это средство спасения человечества от грядущих социальных, финансовых и экологических катастроф (трактовка современного неолитерализма), либо — это очередная заманивая социальная демагогия и камуфляж сущности капитализма (трактовка современного неомарксизма) [15]. Наконец, эти краткие заметки о противоречии между ко-

лонизальными признаками современной мир-системы капитализма и задачами инклюзивно-устойчивого развития были бы неполными без хотя бы упоминания о постколониализме, который иногда предлагается «рассматривать как «реакцию» на колониализм или отход от него» [21, с. 24], что, на наш взгляд, близко к многолетней дискуссии о том, что принесла европейская цивилизация в свои бывшие колонии [в свою неокOLONIAльную периферию — авт.], возможный интересный анализ которой выходит далеко за рамки этой краткой статьи. Впрочем, апологетические черты постколониальных исследований можно в известной степени заметить в географии центров таковых исследований [5], определяемых бывшими классическими метрополиями. Верно, на наш взгляд, выявлено [22], что зарубежные исследования постколониализма (или, «Колониализма 2.0») утверждают появление нового империализма как характеристики современных попыток колонизации, а также современное существование империи в рамках дискурса глобализации, выраженной в виде консолидации власти метрополии и либерально-демократического государства, и выстраивают функциональные модели взаимодействия империи и колонии. Таким образом, по своей роли постколониальные исследования (одной из своих сторон) чем-то напоминают существующий в дискурсе устойчивого развития «зеленый камуфляж» (*green washing*) [23], спекулятивно практикуемый рядом компаний и банков, а разрешение противоречия между идеями инклюзивно-устойчивого развития и сохраняющейся (несколько закамуфлированной) империалистической природой Колониализма 2.0 видится возможным лишь при кардинальной не модернизации, но трансформации мир-системы капитализма, о конкретных формах которой говорить сегодня едва ли возможно, но искать соответствующую концепцию необходимо.

Список использованных источников:

1. Беляев А. (2018) Деколониализация в ИТ. URL: https://alfadoc.ru/var/storage/wysiwyg/knowledge/20180328/post_113918.pdf
2. Боррель сравнил Европу с садом, а весь остальной мир — с джунглями. (2022) URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16043897>
3. Валлерстайн И. (2008) Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. URL: <https://crystalbook.ru/wp-content/>
4. Войцеховский С.Н. (2016) Интеграционная теория действия о сопряжении экономической подсистемы и политической подсистемы общества // Журнал научных и прикладных исследований. — 2016. — №12. — С.112–118. URL: <http://gnpi.ru/wp-content/uploads/2013/08/GNPI-12-2016.pdf>
5. Голубкина С.Е. О некоторых тенденциях развития постколониальных исследований // Вестник Минского университета. — 2016. — №1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-tendentsiyah-razvitiya-postkolonialnyh-issledovaniy/viewer>
6. Давыдов В. Устойчивое развитие как общий знаменатель // Международная жизнь, 2019. — Октябрь. — С. 32–55. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2252>
7. Ждановская А.А. (2009) ВТО. Всемирный экономический насильник и душегуб. URL: http://saint-juste.narod.ru/WTO.html#_ftn28
8. Иоселиани А.Д. (2016) Глобальная этика и моральные ценности современного общества URL: https://studref.com/631697/filosofiya/globalnaya_etika_moralnye_tsennosti_sovremennogo_obschestva
9. Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / Научный редактор О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013.
10. Лопухин А.В., Плаксенков Е.А., Сильвестров С.Н. (2022) Финтех как фактор ускорения инклюзивного устойчивого развития // Мир новой экономики. 2022. — №16(1). — С.28–44. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-1-28-44
11. От переходного периода к трансформации: устойчивое и всеобъемлющее развитие в Европе и Центральной Азии (2012) Европейская экономическая комиссия ООН и Программа развития ООН, New York and Geneva URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/publications/oes/ECE_RIO_20_RUS.pdf
12. Пряжников О.Н. Социальная и солидарная экономика: возможности для устойчивого развития. Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. — М.: ИНИОН, 2014. — № 2. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/publications/ekonomicheskie-i-sotsialnye-problemy-rossii/>
13. Рогов И.И. Империя и империализм: история понятий и современный мир // Terra Economicus. — 2010. — №8(3.2). — С.260–267. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperiya-i-imperializm-istoriya-ponyatiy-i-sovremenny-mir/viewer>
14. «Совсем спятили уже?»: антизападный манифест от Владимира Путина (2022) РИА Новости 30.09.2022 URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/565435>
15. Таничев А.В. (2021) Инновации устойчивости как ключ к проблеме реализации концепции инклюзивно-устойчивого развития. «World scientific and technical trends' 2021», (декабрь). Германия SWorld — Conference 2021
16. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. — М.: Культурная революция, 2008. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/kapitalizm_2008.pdf
17. Фурсов А. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа // Предисловие к русскому изданию книги Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. 2008. — С. 8–74 URL: <https://crystalbook.ru/wp-content/>
18. Цели в области устойчивого развития (н.а.) URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>
19. Черенков В.И., Цой Е.В. (2020) Противоречия и перспективы реализации концепции устойчивого развития // Вопросы новой экономики. — 2020. — №2.
20. Шимов В.В. Цивилизационный подход в современной политике — Минск: БГУ, 2022. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/283980/1/Shimov.pdf>

21. Эльмурадов А. (2021) Постколониальная/деколониальная критика и теория международных отношений // Вестник МГИМО-Университета. — 2021. — №14(3). — С.23–38. DOI 10.24833/2071–8160–2021–3–78–23–38
22. Язвская О.А. Гудова Ю.В. Империалистический дискурс в постколониальную эпоху: обзор концептуальных подходов // Общество: философия, история, культура. — 2018. <https://doi.org/10.24158/fik.2018.12.5>
23. De Freitas Netto, S.V., Sobral, M.F.F., Ribeiro, A.R.B., Da Luz Soares, G. R. (2020) Concepts and forms of greenwashing: A systematic review. *Environmental Sciences Europe* 32 (1): 19. <https://doi.org/10.1186/s12302–020–0300–3>
24. Foster, J. (2021) Review of Capitalism, The American Empire, and Neoliberal Globalization by Kenneth E. Bauzon. *Janus Unbound: Journal of Critical Studies*, 1(1):102–109 URL: <https://media.neliti.com/media/publications/419154-review-of-capitalism-the-american-empire-dea456d7.pdf>
25. Johnson, B., Andersen, A. D. (2012) Learning, innovation and inclusive development: New perspectives on economic development strategy and development aid. Aalborg University. Aalborg, Denmark: Aalborg University Press. URL: <https://econpapers.repec.org/bookchap/aalglotr/lics.htm>
26. Tanichev A.V. (2021) Innovation in the context of inclusive and sustainable development: Pro & Contra. In: SWorld — Conference 2021 «World scientific and technical trends' 2021», pp. 150–156 DOI: 10.21893/2709–2313.2021–07–03–037
27. Twenty-first century challenges for the Americas: full and productive employment and decent work. (2014) ILO (International Labour Organization) Report of the Director-General, Lima, October. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_300402.pdf
28. Sijabat, R. (2016) Promoting inclusive and sustainable development through social innovation and social entrepreneurship. *TECH MONITOR*, Jul-Sep: 15–30 URL: https://www.researchgate.net/publication/319122333_Promoting_inclusive_and_sustainable_development_through_social_innovation_and_social_entrepreneurship
29. van Gent, Sh. (2017) Beyond buzzwords: What is “Inclusive Development”? Synthesis report, ASC, Leiden URL: <https://includeplatform.net/wp-content/uploads/2017/09/Beyond-buzzwords.pdf>

ФИСКАЛЬНЫЙ СКРЫТЫЙ ПРОТЕКЦИОНИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПРАКТИКЕ ВЕДУЩИХ СТРАН МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

С.В. Чичилимов,

аспирант Института экономики УрО РАН (г. Екатеринбург)

sergeichichilimov@gmail.com

SPIN-код 4227–9865

В современной мировой экономике развитый фискальный институт является фундаментом для экономического роста государства. В связи с новой волной развития хозяйственного противостояния в мировой экономике появляется необходимость систематизации новых форм скрытого протекционизма. В работе рассмотрены функции фискальной системы, как части системы скрытого протекционизма. Исследованы и доказаны уникальные случаи современных фискальных практик, превратившихся в инструмент защиты национальных экономических интересов.

Ключевые слова: мировая экономика, государственное регулирование экономики, косвенные налоги в мировой экономике, протекционизм, внешнеторговая практика

УДК 339.9.01 ББК 65.5

Ученые экономисты выделяют несколько функций налоговой системы. Главными из них принято считать: фискальную; регулируемую; социальную; контрольную. Также, к началу XXI в., зародилось представление о стимулирующей функции налогов. Рассмотрим функции фискальной системы подробнее.

Основная задача, которую выполняет фискальная функция — обеспечение устойчивой доходной базы бюджетов всех уровней. Фискальная функция возникла и развивалась одновременно с первыми налоговыми системами государств и сопровождала их через всю историю мирового хозяйства. Реализация данной функции обеспечивает государственным институтам устойчивость, аккумулирует средства для реформ и работы муниципальных органов и аппаратов. Главный вопрос данной функции: на чьи плечи сложить более тяжелое налоговое бремя — физических или юридических лиц. В большинстве развитых стран этот вопрос решается в пользу предпринимателей, ведь более низкая налоговая база для предприятий формирует благоприятный инвестиционный климат, который ведет к увеличению числа компаний в стране и, как следствие, к росту занятости и оплаты труда на рынке.

Регулирующая функция изначально обеспечивала жесткую иерархичность социума через инструменты перераспределения доходов. Однако, в условиях ускоряющегося темпа развития общества (количество информации, хранимой на электронных носителях, удваивается каждые 5 лет, за последние 25 лет люди выплавали стали и чугуна больше, чем за 2500 лет до этого, а количество экономических циклов, признанных экономической наукой, насчитывает больше 1300 различных видов, длиной от нескольких часов до 750 лет) [1] регулирую-

щая функция фискальной системы приобретает все более важный характер. Ее реализация гарантирует государственному аппарату обеспечение кризис-менеджмента и устойчивость хозяйственной системы страны к колебаниям экономических циклов. Данная функция также связана с распределением налоговых платежей между юридическими и физическими лицами, сферами и отраслями экономики, государством в целом и его территориальными образованиями. Реализуется фискальное регулирование через систему налоговых льгот, платежей и сборов. В нее включены и налоговые изъятия, налоговые кредиты, налоговые каникулы, возвраты, отсрочки и замены. С помощью данных инструментов государство может влиять на финансово-хозяйственную деятельность экономических субъектов и производителей товаров и услуг, расширяя их степень вовлеченности (или наоборот сужая, например, в случае необходимости восстановления природно-экологической ситуации в регионе) в производства с целью достижения более устойчивого экономического роста.

Социальная функция, по своей сути, является частью регулирующей, но в современных развитых обществах, чье экономическое благоденствие зиждется на экономике знаний эта функция является критически важной, а потому необходимо отдельно ее рассмотреть. Данная функция обеспечивает государственную поддержку всем слоям населения, выравнивая возможности доступа к социальным лифтам (как вертикальным, так и горизонтальным) всех общественных групп в стране. Социальная функция обеспечивает хозяйственную систему страны эффективными, подготовленными, разносторонне развитыми кадрами, а также, гарантирует каждому соблюдение

пенсионных обязательств государства. Реализуется социальная функция благодаря поимущественным и подоходным налогам, которые опираются либо на фиксированную, общую для всех, либо на прогрессивную, зависящую от уровня доходов налогоплательщика, ставки. Оба подхода имеют свои минусы, так как фиксированная ставка, по своей сути, противоречит самому смыслу налогового регулирования, а прогрессивная рискует превратиться во всеобщую «уровниловку», в результате которой все могут остаться ни с чем. Однако, если найти между ними золотую середину, то можно добиться высокой эффективности человеческого потенциала. Специалисты выделяют еще две важные подфункции социального регулирования: во-первых, это функция ограничения экономически необоснованного роста прибыли монопольных производителей на рынке товаров и услуг, а также социально неоправданных доходов граждан. То есть, во-первых, пресечение сверхдоходов, а также, в каком-то смысле, борьба с серым и теневым секторами экономики; во-вторых, это антиинфляционная функция — ограничение роста цен и доходов при поддержании сбалансированности стоимости ВВП и поступающих в распоряжение государства и предприятий финансовых ресурсов, используемых на потребление и накопление.

Контрольную функцию можно назвать самой «молодой» из всех. Ее реализация обеспечивает соблюдение стоимостных пропорций в процессе образования и распределения доходов разных субъектов экономики. Благодаря ей оценивается эффективность каждого налогового канала и «налогового пресса» в целом, выявляется необходимость внесения изменений в налоговую систему и налоговую политику. Для реализации этой функции необходимо, во-первых, грамотно выстроенная фискальная политика государства и выполнение предыдущих функций, а, во-вторых, штат опытных, высокопрофессиональных экспертов, которые смогут дать максимально объективную оценку происходящему. Впрочем, оба этих условия полностью зависят от успеха реализации государством фискальной, регулирующей и социальной функций.

Существует еще ряд функций налогов, которые выделяются и признаются в зависимости от точки зрения эксперта. Например, выделяется стимулирующая функция. Так как научно-технический прогресс становится все более и более важным фактором производства, а критическая масса знаний уже готова продавить очередную стену на пути экономической революции, стимулирование НТР становится одной из важнейших задач государства. Стимулирование технического прогресса с помощью налогов проявляется, прежде всего, в том, что сумма прибыли, направленная на техническое перевооружение, реконструкцию, расширение производства товаров народного потребления, оборудование для производства продуктов питания и ряда других, освобождается от налогообложения. Во многих развитых странах освобождаются от налогообложения затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. В ФРГ, например, данные издержки включаются в себестоимость продукции и, таким образом, автоматически освобождаются от уплаты налогов.

Конечно, следует понимать, что чем выше налоги, тем меньше мотивации у экономических субъектов к производству. Эту ситуацию хорошо иллюстрирует кривая Лаффера: графическое и устойчивое отображение зависимости между налоговыми поступлениями и налоговыми ставками. Основная идея данной кривой в наличии оптимального уровня ставки налогообложения, при которой поступления в бюджет максимальны. Все последующие повышения приводят лишь к краткосрочному увеличению поступлений, а в дальнейшем к стагнации и падению, так как у производителей теряется всякий смысл и мотивация к своей деятельности. Хорошим примером из жизни может служить Китайская Народная Республика, которая сначала благодаря низкой налоговой ставке и дешевому труду приманила к себе иностранных инвесторов, а сегодня страдает от высокого налогового бремени, входя в ТОП-20 стран мира по данному показателю на 2021 г. [2]. Другой пример — Скандинавские страны. Шведский социализм, или всеобщая «уровниловка» (вплоть до того, что даже штрафы за нарушение

ПДД имеют градацию в зависимости от доходов), обеспечивает всех примерно равными социальными возможностями, но отбивает желание у самых креативных, инновативных и успешных предпринимателей работать. Как итог — технологическая пауза в Скандинавии и бегство бизнеса и капиталов в США [3].

Кроме того, налоговая система является одним из основных элементов государственного регулирования внешнеэкономической деятельности. Так, например, один из самых первых инструментов защиты отечественного рынка — таможенная пошлина. Это обязательный платеж, взимаемый таможенными органами при ввозе товаров на таможенную территорию страны или при их вывозе с этой территории и являющийся неотъемлемым условием такого ввоза или вывоза. Уплата таможенной пошлины носит обязательный характер и обеспечивается мерами государственного принуждения. Таможенные пошлины в мировой практике разделяются на две группы: импортные и экспортные — которые взимаются либо при ввозе, либо при вывозе товаров. Основная функция пошлин — защита внутреннего рынка. В случае с импортными от конкурентного товара из-за рубежа, а в случае экспортных от дефицита и излишнего вывоза национального богатства. В разных странах мира доля таможенных платежей в бюджете совершенно разная. Закономерно, что чем более развито государство, тем ниже доля таможенных платежей в казне). Например, в США в доходах федерального бюджета она составляет 1%, в Великобритании — 1%, в Германии — около 4%. К этой же когорте относятся и Китай — в бюджете поднебесной доля таможенных пошлин колеблется от 4% до 7%. Чуть выше показатели у Индии — 12–15%, Филиппин — 21% и Непала — 25% [4]. В России же доля таможенных пошлин в бюджете — 37% [5]. Для сравнения, похожая цифра имеется у Содружества Багам и Сьерре-Леоне.

К началу XXI в. фискальные системы также стали тесно связаны с развитием скрытого протекционизма. В принципе, скрытый протекционизм — одна из форм защитной политики. Под ним нами понимаются механизмы защиты государствами национальной экономики, находящиеся в «серой зоне» контроля ВТО.

Так, например, Инициированный ЕС проект трансуглеродного регулирования (ТУР) приобретает форму специальной защитной меры для поддержки европейской промышленности и принуждения к использованию определенных технологических регламентов. Схема ТУР включает в себя установление дополнительных тарифных барьеров для углеродоемкого импорта, которые должны уравнивать регуляторную нагрузку для внутренних производителей и экспортеров и, таким образом, минимизировать риск «утечки углерода». К высокоуглеродным товарам отнесены нефть, природный газ (в том числе сжиженный), уголь (энергетический и металлургический), цветные металлы (алюминий, никель, медь) и изделия из них, продукция черной металлургии (окатыши, полуфабрикаты и прокат), нефтехимия, минеральные удобрения (азотные и калийные), электроэнергия и другие [6]. Исходя из определения высокоуглеродных товаров, становится ясно, что одна из ключевых целей нововведения — защита добавленной стоимости, производимой в интеграционном объединении, а также стимулирование появления глобальных цепочек создания стоимости внутри ЕС без привлечения сторонних импортеров. По оценкам экспертов, потери российских компаний, продукция которых является одной из самых высокоуглеродных в импорте ЕС, могут составить от 4 до 6 млрд евро в год. Более того, европейские регуляторы не скрывают и того, что введение ТУР поможет наполнить евроказану дополнительными поступлениями в период 2021–2027 гг. в объеме от 5 до 14 млрд евро [7].

Еще один пример фискального инструмента, являющегося, по своей сути, элементом скрытого протекционизма — единый корпоративный налог. Корпоративная ставка налога в разных странах мира снижается, начиная с 1980-х гг. Согласно данным аналитического агентства Bloomberg в 1980–2020 гг. средняя ставка в мире снизилась в два раза — с 40% до 20% [8]. Снижение корпоративной ставки стало для некоторых стран целенаправленной политикой, цель которой — привлечение дополнительных бюджетных доходов через размещение офисов

крупных ТНК. Так, Ирландия, в которой ставка колеблется от 12,5 до 0%, перетянула к себе офисы Google, Microsoft, Amazon, Apple, Facebook и многих других крупных компаний [9].

Примечательно, что Microsoft в 2020 г. заплатила в Ирландии нулевой корпоративный налог с прибыли в 315 млрд долл. [10] благодаря налоговому резидентству на Бермудских островах. Попытки развитых стран вернуть упущенный налоговый доход в судебном порядке, чаще всего, оказывались безрезультативны. В 2020 г. корпорации Apple удалось выиграть суды и с регуляторами из США, откуда компания вывела практически половину прибыли, созданной в стране, и с Еврокомиссией.

Больше всего от потерь, связанных с перетоком налоговой базы в офшор, на сегодня, страдает США — страна физического базирования крупнейших корпораций, а также лидер по количеству технологических компаний. Первые попытки вернуть контроль над ситуацией предпринял президент Д. Трамп в 2017 г., снизив ставку национального корпоративного налога с 35 до 21%. Следующий президент США Д. Байден в 2021 г. выступил инициатором процесса перекраивания глобальной фискальной системы для того, чтобы дать правительству США шанс на победу в нарастающей конкуренции с ТНК и установить реальный контроль над сектором виртуальной экономики.

После ряда переговоров, 8 октября 2021 г., 136 стран мира, чей совокупный ВВП составляет 90% от мирового, согласовали крупнейшую налоговую реформу в истории — введение единого корпоративного налога. Согласно официальной позиции ОЭСР, цель введения налога — борьба со странами-офшорами, предоставляющими выгодные налоговые условия для ТНК и, тем самым, лишая бюджетных доходов другие государства. Для работоспособности системы странам придется ввести соответствующее законодательство, что планируется сделать к 2023 г.

Реализации плана «...обеспечения того, чтобы крупные корпорации платили налоги там, где они работают, и получали прибыль, добавляя при этом столь необходимую определенность и стабильность международной налоговой системе...» — согласно сообщению ОЭСР состоит из двух частей: первая — справедливое распределение прибыли и налогов между странами в отношении корпораций; во-вторых — введение глобальной минимальной ставки налога на корпорации. Первая часть плана позволит перераспределять более чем 100 млрд долл.

США каждый год, вторая — получить около 150 млрд долл. США дополнительных налоговых поступлений. Минимальной ставкой нового налога предложено сделать отсечку в «не менее 15%» [11].

Важно отметить, что фискальная реформа не ограничивается установлением глобального минимального налога — это часть проекта по глобальной гармонизации мировой налоговой системы. В рамках введения корпоративного налога планируется создать новые правила для цифрового сектора экономики. Технологические гиганты, такие как Amazon, Meta, Netflix и другие крупные глобальные цифровые компании, будут обязаны платить налоги в странах, где продаются их товары или услуги, даже если они не имеют там физического присутствия.

В РФ ставка налога на прибыль компаний установлена на уровне 20%, а для поддержки некоторых регионов (Арктическая зона) или отраслей (сельское хозяйство) — применяются льготы по корпоративному налогу. Кроме того, в РФ иницируются крупные налоговые проекты для стимулирования бизнеса, как, например, «налоговый маневр» в IT-отрасли, стартовавший в июне 2020 г., который, по решению президента В. Путина, включает бессрочное снижение ставки налога на прибыль для компаний сферы информтехнологий с 20% до 3%. На данный момент главным инструментом повышения доходов бюджета РФ является рост собираемости существующих налогов, всестороннее принуждение бизнеса к прозрачности и выходу из серых экономических зон.

В связи с этим, по мнению экспертов, «для российских предприятий введение единых мировых ставок ничего не изменит... пока не заставит обелиться весь бизнес, какой только можно, изменением налоговых ставок» заниматься нет смысла. Введение единого налога выгодно, по большей части, развитым западным странам во главе с США, так как их средняя ставка по корпоративному налогу ниже, чем в развивающихся. Кроме того, высокую рентабельность показывают либо предприятия технического сектора, либо сырьевые компании, крупные представители которых распространены (не говоря о прибыли) также не во всех странах, особенно развивающихся. Так что в случае Российской Федерации, введение единого налога, скорее, стало бы льготой для крупных иностранных компаний, осуществляющих деятельность на территории страны.

Список использованных источников:

1. Марш П. Новая промышленная революция. — Москва: Издательство института Гайдара, 2015. — 419 с.
2. List of Countries by Personal Income Tax Rate // Trading economics. URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/personal-income-tax-rate>
3. Палаева Т Бегство из Европы // Коммерсант. — 2022. — 28 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5315473>
4. Statistics Times URL: <http://statisticstimes.com/index.php>
5. Банзатов Б.В. Таможенные платежи как источник формирования доходов Федерального бюджета Российской Федерации URL: https://esstu.ru/library/free/Konf/TD_2015/6_%D0%91%D0%B0%D0%BD%D0%B7%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2_%D0%91%D0%92.pdf
6. Лукин В. Углеродный гамбит. URL: <https://mustread.kpmg.ru/articles/uglerodnyy-gambit/>
7. Щербакова А. Углеродное регулирование в ЕС и РФ: обзор текущего законодательства URL: <http://www.nsplaw.com/ru/ri/press-centr/novosti-i-sobytiya/uglerodnoe-regulirovanie-v-es-i-rf-obzor-tekushego-zakonodatelst/>
8. Смирнов Г. Налоги корпораций достанутся не всем // Коммерсантъ. — 2022. — № 66. — С. 2.
9. Едовина Т. Туда же и Дублин // Коммерсантъ. — 2021. — № 184/П. — С.1.
10. Microsoft's Irish subsidiary posted £220bn profit in single year // The Guardian. 2021. 3 June. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/jun/03/microsoft-irish-subsidiary-paid-zero-corporate-tax-on-220bn-profit-last-year>
11. Гришина Т., Вислогуз В. Корпорации натянули на глобус // Коммерсантъ. — 2021. — №114. — С.1.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КАК ФАКТОР СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ**О.В. Панфилова,***доцент кафедры финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
кандидат экономических наук
ov27vp8@yandex.ru*

В статье рассмотрена взаимосвязь инновационного потенциала промышленных предприятий и экономического суверенитета национальной экономики, проанализирована зарубежная практика. Сформулированы подходы и предложен инструментальный финансовый механизм развития инновационного потенциала отечественных промышленных предприятий.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, военно-промышленный комплекс, ОПК, ВПК, инновации, сбалансированное развитие, финансирование, государственно-частное партнерство, спин-офф компании, зарубежный опыт инновационной активности

УДК 332.012 ББК 65.263

Россия присоединилась к борьбе за военно-техническое превосходство между крупными державами, движимая пониманием того, что продолжающаяся конкуренция в военной сфере имеет серьезные последствия как для безопасности России, так и для международной системы в целом. Особую важность это приобретает в понимании необходимости сохранения промышленного и экономического суверенитета. При этом существенное значение приобретает сбалансированность научно-технического и инновационного развития национальной экономики.

Этот период можно назвать революционным для промышленности, поскольку его движущей силой выступают современные технологии, такие как искусственный интеллект (ИИ), цифровизация, роботизация и другие, способствуя значительному ускорению темпов развития индустрии. Современный этап отличается от предшествующих политическими, стратегическими, технологическими и операционными путями и моделями распространения.

Согласно данным официальной статистики¹, большая часть затрат на инновации связана с выполнением исследований и разработок (44,3%) и обновлением материально-технической базы — приобретением машин и оборудования и прочих основных средств (33,4%). Оценка уровня инновационной активности предприятий в национальных экономиках представлена на рис. 1.

Как видно из рис. 1, Россия в рейтинге инновационно активных стран занимает пока далеко не лидирующие позиции. В условиях санкционного давления, сопровождающегося ограничением доступа к рынкам капитала, для российской экономики особенно актуальным является поиск механизмов, источников и инструментов для расширения инвестирования в инновационное развитие. Вместе с тем, в настоящее время наблюдается рост объемов расходов на инновации. Рост масштабов расходов на инновации привел к повышению их интенсивности до 2,3% (в 2019 г. — 2,1%). Значения данного показателя сопоставимы с Индией (2,4%), Францией (2,3%), Австрией (2,1%) и Италией (2%).

США, впервые за десятилетия, столкнулись со стратегически равным конкурентом, который способен свести на нет стратегические и оперативные преимущества американской военной промышленности. Опасности со стороны других стран, создающих новые угрозы безопасности России с помощью технологических достижений, являются основными движущими силами стремления к новым, не только прорывным, но и подрывным технологиям.

В целях обеспечения сбалансированного развития, для формирования и реализации системы финансового управления инновациями промышленного комплекса в нашей стране, интересным будет изучение опыта реализации подобной системы основным стратегическим конкурентом — Соединенными Штатами Америки и другими странами.

В отличие от других развитых промышленных стран, опустошенных Первой и Второй мировыми войнами, Соединенные Штаты существенно выиграли от войн, которые способствовали накоплению капитала и росту их экономики. В период с июня 1940 по 1944 год экономика США росла самыми высокими темпами за всю историю: реальный ВВП подскочил на 54% с 1939 по 1944 г., а безработица достигла исторического минимума. В этот период, когда большой военный бюджет выступил капиталобразующим фактором, обеспечил высокую занятость населения и динамичное технологическое развитие и появилось экономическое течение, известное как военное кейнсианство. Именно через выявление этого теоретического аспекта можно отразить приоритеты развития западной экономики. При этом его основа — взаимовлияние научно-технического потенциала военной промышленности и инновационного развития отраслей национальной экономики [15].

В 1950-х и 60-х гг. в США был выработан принцип объединения гражданских экономических целей с обширными военными программами. А теория технологических инноваций стала развитием кейнсианской теории.

В целом постоянный рост как военных расходов, так и ВВП до начала 1970-х годов был отмечен всплеском финансируемых государством военных исследований и разработок, которые вызвали серьезные изменения в структуре производства, особенно после начала периода цифровизации, которое было положено растущим сектором высоких технологий в Силиконовой долине в конце 1970-х и начале 80-х годов.

После того, как пузырь «доткомов» вызвал рецессию в начале 2001 года, трагедия 11 сентября способствовала развитию следующего этапа военного кейнсианства в заокеанской экономической теории. Послевоенный милитаризм в США был основан на идее о том, что увеличение военных расходов окажет более чем позитивное влияние на решение проблемы занятости населения, инвестиции и ВВП, то есть реализуется знаменитый кейнсианский эффект мультипликатора. В 2019 году американское Национальное бюро экономических исследований опубликовало данные анализа, показывающего, что оборонные контракты в период с 1990 по 2015 гг. не «вытесняли» другую экономическую деятельность, но вызвали сильный мультипликативный эффект: потраченный 1 миллиард долларов поднял экономику на 1,5 миллиарда долларов [14]. Основываясь на этих данных, можно говорить о том, что общие военные расходы в размере 1,614 трлн долл. в 2022 году (с учетом мультипликатора и сопутствующих эффектов) вполне могут дать более 10,5% ВВП США — или примерно в 2,8 раза больше, чем запланировано.

Во время Второй мировой войны в США зародился и корпоративный милитаризм — получение сверхприбылей, дополнительных доходов от инноваций, передачи патентных прав и субсидируемых государством производственных мощностей. Новые производственные предприятия, полностью финансируемые государством, прямо или косвенно увеличили показатель основного капитала США на 65%. Когда война закончилась, около 77% этих сверхсовременных заводов и оборудования

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» «Индикаторы инновационной деятельности: 2022». [Электронный ресурс]: <https://issek.hse.ru/news/589979747.html>

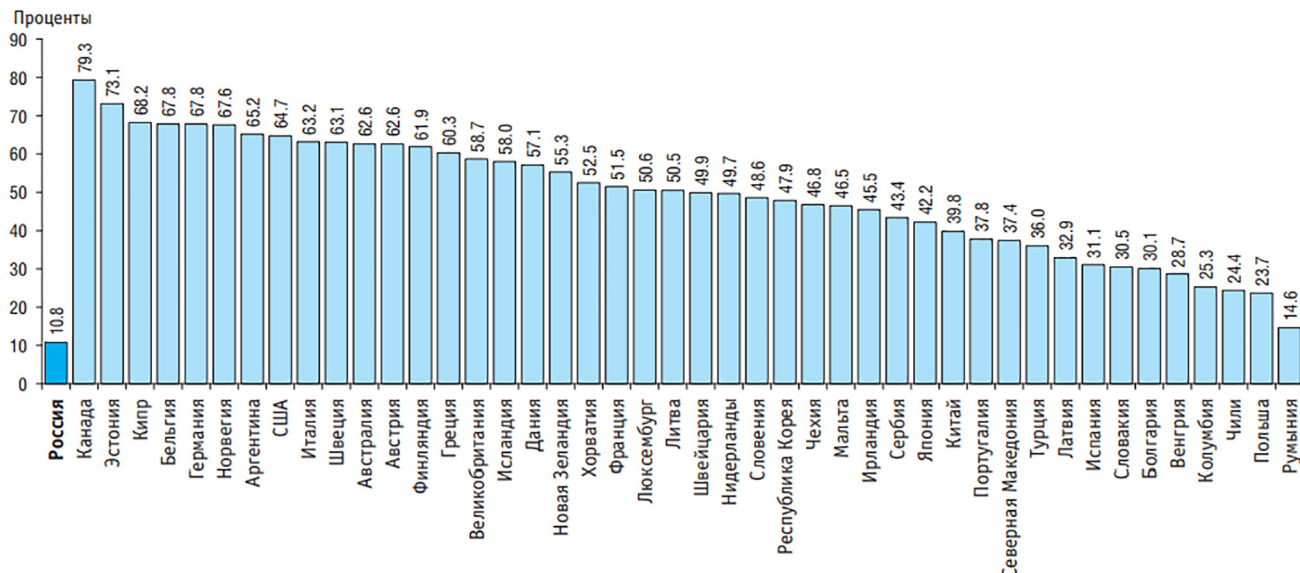

Рис. 1. Оценка уровня инновационной активности в разных странах

Источник: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» «Индикаторы инновационной деятельности: 2022». [Электронный ресурс]: <https://issek.hse.ru/news/589979747.html>

было передано крупнейшим корпорациям США за очень небольшие деньги или даром. Так, например, государственные активы на сумму 1,3 млрд долларов (или 20,8 млрд долларов в ценах 2021 г.), состоящие из двадцати двух государственных заводов, в том числе восьми алюминиевых заводов, десяти заводов по производству алюминия, двух глиноземных заводов и двух заводов по переработке низкоуглеродистой стали— были просто «отданы» корпорации «Аlcoa» в 1943 г. [15].

К 2012 году акцент в США делался на адаптации к системе вооружений технологических инноваций, включая новые приложения искусственного интеллекта, разработку нового набора управления оружиемными комплексами, контроля, связи, разведки, системы «доставки», а также, всех видов космического оружия и оборудования для наблюдения.

Этот вектор развития был формализован в заявлении министерства обороны о стратегии национальной безопасности США от 2018 года². В системе новых мер бросалось в глаза полное соответствие между тем, что американские военные стратеги назвали прорывными технологиями и старыми, апробированными для гражданского потребления разработками Силиконовой долины.

По мнению американских экономистов, калифорнийский бум высоких технологий того периода, включая Интернет, был вызван предпринимателями, а декларируемая культура «стартапов» была на самом деле тем же старым подходом военных подрядчиков. При этом стоит понимать, что такой же схемы ведения бизнеса придерживается и известный предприниматель-миллиардер Илон Маск. В его случае место Министерства обороны занимает NASA.

Так компания Varian³ (которая отпраздновала свое пятидесятилетие в 1998 году, на тот период в ней работало семь тысяч человек в девяти странах), в дальнейшем распространила свою деятельность на системы здравоохранения и производство полупроводников. При этом ею было зарегистрировано десять тысяч патентов во всех отраслях. Министерство же обороны почти никогда патенты не регистрирует. Вместо этого, используя средства налогоплательщиков, оно обеспечивает за подрядчиками авторство исследований, финансируемых государством, через патенты на интеллектуальный капитал сроком до двадцати одного года, тем самым создавая экономическую ренту и EVA (Economic Value Added — экономическая добавленная стоимость). К 2020 году продажи Varian превысили 3 млрд долларов.

² Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United State of [Электронный ресурс]: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>

³ <https://www.varian.com/>

В настоящее время, в рамках процессов управления строительством новых кораблей, ВМС «отслеживают примерно 22 000 подрядчиков, которые наиболее важны для модернизации и готовности», но это лишь небольшая часть от общего числа подрядчиков, выполняющих заказы Пентагона⁴. Текущая производственная мощность семи американских верфей намного ниже той, которая необходима для реализации тридцатилетнего стратегического плана, предусматривающего производство 377 пилотируемых кораблей, а также ряда беспилотных надводных и подводных аппаратов. Расширение мощностей верфи приведет к резкому скачку затрат, в том числе особенно за счет привлечения дополнительной рабочей силы, которой потребуется обучение для достижения необходимого высокого уровня производительности труда в течение нескольких лет. К повышению удельных затрат приведут также доходы подрядчиков, состоящие из спреда к прибыли ко всему спектру производимой продукции как самими подрядчиками, так и субподрядными организациями.

Можно представить себе контракт на 1 млрд долларов, где генеральный подрядчик получает с Пентагона 1 млрд долларов, при этом 8% помечены как «прибыль» — или 80 млн долларов. Предположительно, стоимость товаров, работ и услуг составляет 920 млн долларов. Однако субподрядчик первого уровня взимал 500 млн долларов в качестве затрат (при 40 млн долларов прибыли), а компания второго уровня взимала 300 млн долларов в качестве затрат (при 24 млн долларов прибыли). Общая прибыль на 1 млрд долларов означает 80 + 40 + 24 млн долларов = 144 млн долларов, или 14,4% окончательной цены контракта. Но в сметах обычно фигурирует только «разумная» цифра в 8%, а не общая 14,4-процентная норма прибыли, включая подрядные компании. Такая пирамида обычно не афишируется и отчет показывает только последнюю маржу, полученную генеральным подрядчиком.

Так, например, корпоративный отчет General Dynamics⁵ показывает, что его чистая прибыль за 2020 год достигла почти 10% выручки от продаж, что составляет 40 млрд долларов, причем примерно 70% приходится на продажи в США (большая часть остальных приходится на продажи за рубежом). При этом, текущая совокупная норма чистой прибыли для генеральных

⁴ Ronald O' Rourke Report on Navy Large Unmanned Surface and Undersea Vehicles: Background and Issues of Congress // Congressional Research Service, p. 27, Washington, DC, August 3, 2021. <https://news.usni.org/2021/08/03/report-on-navy-large-unmanned-surface-and-undersea-vehicles-4>

⁵ <https://investorrelations.gd.com/financial-reports/annual-report-and-proxy-statement/default.aspx>

подрячков составляет в среднем 14,3% (на основе 113 контрактов с 2000 по 2015 гг.), в то время как субподрядчики в официальной отчетности показывают в среднем около 14,6% [11]. Это гораздо более высокие цифры чистой прибыли (примерно вдвое), чем в среднем для гражданского производства, но на их основании можно судить о возможном уровне показателя рентабельности капитала в отрасли. Это свидетельствует и о том, что ни при каких обстоятельствах конечные бенефициары бизнеса в США не откажутся от военных заказов и внедрения инноваций, максимизирующих прибыль корпораций. Поскольку конкурентные преимущества инновационных продуктов создают спрос на военную продукцию, а дополнительные рабочие места стимулируют рост потребления и вслед за этим рост гражданского производства.

Таким образом, учитывая опыт США, современная модель должна использовать преимущества, достигнутые военным и гражданским секторами, создавая синергию между ними в целях ускорить межотраслевое экономическое обновление и повысить конкурентоспособность отечественных товаров, при этом обеспечив сбалансированное научно-техническое и инновационное развитие национальной экономики. Вместе с тем, одним из факторов успеха инновационного развития на любом уровне является необходимое и достаточное финансирование.

Одним из базовых инструментов финансирования инноваций, в том числе повышающий прозрачность использования и контроля за расходованием средств государственного бюджета, является государственно-частное партнерство (ГЧП). При этом такой подход как нельзя эффективнее реализует инновационный потенциал отрасли.

ГЧП — один из известных методов, используемый, например, для развития общественной инфраструктуры, однако слабо реализуется в промышленности [6]. Основан на долгосрочном взаимодействии государства и бизнеса, при котором частная сторона участвует не только в проектировании, финансировании, строительстве или реконструкции объекта инфраструктуры, но и в его последующей эксплуатации, оказании услуг на созданном объекте и его техническом обслуживании [4][5], таким образом генерируя доходы на каждом этапе цепочки создания стоимости в бизнес-процессе.

Поэтому неудивительно, что использование столь перспективного инструмента для разработки крупных высокочрезвычайных проектов представляется целесообразным и предпочтительным во многих сферах экономики, в том числе в наукоемких [3].

В табл.1 представлен обзор показателей реализации проектов ГЧП в различных странах.

В настоящее время механизм взаимодействия государства и частного бизнеса представлен инструментарием госконтрактов и методов точечной приватизации. При этом в России уже сложилась «традиционная философия» госзаказа и его ценообразования [2]: как правило, это поставка оборудования и технологий на 1–3 года, в течение которых частное предприятие только производит поставку, но не поддерживает его, при этом подход нельзя оценить, как полностью эффективный. В свою очередь, эта форма приватизации была задумана как способ дальнейшего развития, модернизации и повышения качества предоставляемых услуг и продукции, при котором государство должно передать собственность частному предприятию и получать только дивиденды.

Тем не менее, описанные формы представляются недостаточными для вовлечения частного предпринимательства в создание инновационных производств, проистекающих из оборонной сферы. Такой вывод следует из того, что доля частных предприятий в ОПК в зарубежных странах достигает 60%, а в России этот показатель планируется довести лишь до 30–35%. Механизм государственно-частного партнерства (ГЧП), основанный на сотрудничестве и разделении рисков между государством и бизнесом, является инструментом, способным кардинально изменить ситуацию, обеспечив эффективное сочетание государственных и частных, коммерческих интересов в организации инновационной деятельности в оборонной промышленности [13].

Мировая статистика реализации проектов ГЧП

Страна	Основные характеристики ГЧП (количество проектов, секторы реализации)
Филиппины	С 2010 года успешно профинансировано 16 проектов ГЧП на общую сумму 6,4 млрд долларов США, включая аэропорты, платные дороги, школы, университеты и водоканалы.
Франция	На конец 2018 года в стране реализовывалось 183 проекта ГЧП на общую сумму 38,5 млрд евро. Большинство проектов было в транспортном секторе (45 проектов) и образовании (43 проекта). В ОПК разработано пять проектов.
Испания	К концу 2018 года в Испании был 161 проект ГЧП на общую сумму 35,2 млрд евро. Проекты были реализованы в транспортном секторе (подавляющее большинство — 93), а также в сфере охраны окружающей среды (24), здравоохранения (20), охраны правопорядка (17), образования (5), культуры (2) и коммунальных услуг (1).
Германия	По состоянию на 2018 год в стране реализуется 125 проектов ГЧП на общую сумму 16,1 млрд евро. Проекты были сконцентрированы в сфере образования (48), транспорта (27) и коммунальных услуг (15).
Индия	Количество проектов ГЧП в Индии увеличилось за последние 15 лет. В 2014г. их было 758, а сумма привлеченных инвестиций составила 3,8 трлн индийских рупий.
Бразилия	В настоящее время в стране реализуется около 860 проектов с общей инвестиционной стоимостью более 500 млрд долларов США. Наибольшее количество проектов реализуется в сферах распределения и производства электроэнергии (473), водоснабжения (117), транспорта (64), строительства и развития дорог (58) и информационных технологий (36). Крупнейшим сектором с точки зрения инвестиций являются ИТ.

Источник: составлено автором на основе [4, 9, 10].

Реализация проектов ГЧП в настоящее время становится достаточно распространенным явлением, тем самым определяя эффективность взаимодействия государства и бизнеса в различных отраслях экономики. Хотя количество проектов ГЧП в оборонном секторе все еще значительно меньше, чем в других секторах, механизм, безусловно, имеет потенциал для реализации. В условиях бюджетных ограничений именно проекты ГЧП позволяют в полной мере реализовать задачи общегосударственного масштаба в области национальной обороны и безопасности, в том числе развивать инновационный потенциал гражданского производства. В целях повышения привлекательности ГЧП при реализации гособоронзаказа (ГОЗ) представляется целесообразным сформулировать ряд рекомендаций.

Перспективным методом решения проблемы низкой привлекательности проектов ГЧП для частных партнеров является также включение в договор гарантии государственных закупок, осуществляемых с использованием созданного объекта, и реализация принципа «бери или плати», предусматривающего для партнера гарантию осуществления платежей в установленном порядке, даже в случае, если предусмотренные товары, работы или услуги не выбраны в согласованных объемах.

Из косвенных мер наиболее важными, учитывая высокую степень специализации и монополизации, а также капиталоемкость, было бы поощрение частной инициативы и упрощение процедуры торгов, включая прямые переговоры.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Об успехе модели ГЧП свидетельствует неуклонный рост числа реализованных проектов, объемов инвестиций и расширения сферы применения ГЧП в различных странах и отраслях.

Анализ нормативно-правовой базы, регулирующей взаимодействие государственного и частного партнеров по соглашению о ГЧП, в том числе Федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13 июля 2015 г., № 224-ФЗ, Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях», Федераль-

ный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» и другие сопутствующие законодательные акты Российской Федерации, а также Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ требуют дополнительной детализации и проработки в части системы стимулов для повышения заинтересованности в механизме ГЧП при реализации оборонных заказов.

Комплекс мер, направленных на минимизацию выявленных рисков частных партнеров при реализации соглашений о ГЧП, в том числе с учетом специфики сферы выполнения государственного оборонного заказа, предполагает включение их в систему управления проектами ГЧП.

Учитывая характер, масштабы и сроки реализации проектов ГЧП в промышленности, можно констатировать, что отрасль продолжает развиваться. Привлечение бизнеса позволяет реализовать множество стратегически важных проектов и программ, финансирование которых не предусмотрено в государственном бюджете. Внедрение системы ГЧП в ОПК позволит эффективно развивать как приоритетные направления оборонно-промышленного комплекса, так и оказывать поддержку предприятиям отрасли в рамках реструктуризации их хозяйственной деятельности и, вместе с тем, использовать научно-технический потенциал военных разработок в гражданском производстве. Таким образом, ГЧП является одним из возможных инструментов реализации эффективной экономической и инновационной политики государства в целом усиливая потенциал ОПК и гражданского производства. При этом этот механизм становится выходом для решения важных государственных задач.

В настоящее время различные страны в качестве механизма привлечения инвестиций для развития инноваций создают, так называемые, акселераторы — инфраструктуру, способствующую интеграции финансовых и технологических ресурсов.

С помощью стратегии Defense and Security Industrial Strategy (DSIS) — это стратегия, которую реализует, например, Defense and Security Accelerator (DASA)⁶, правительство Великобритании намерено обеспечить конкурентоспособность страны в области как военных, так и гражданских инноваций, протолкнуть развитие военной отрасли, посредством стимулирования притока инвестиций. Отметим, что DSIS признает важность малого и среднего бизнеса, поскольку они способствуют диверсификации инновационных рисков, а также формируют высокооплачиваемые рабочие места и развивают систему обучения и получения практических навыков по всему Соединенному Королевству.

Далее приведем несколько примеров проектов, реализованных DASA, представленных в годовых отчетах:

Cervus Defense — инновации на основе обработки больших данных для повышения качества обучения стрелков и контроля за сроками исполнения проектов. В рамках контракта на сумму 240 000 фунтов стерлингов система Cervus Defence была разработана система ведения огня и испытана парашютным полком в Кении. Директор Cervus Алан Роан сказал: «Благодаря финансированию DASA и доступу к конечному пользователю мы смогли за один год добиться того, на что в противном случае у нас ушло бы три года и несколько раундов сбора средств».

Oxford Space Systems — DASA инвестировала 1 млн фунтов стерлингов в новое поколение новаторских британских развертываемых спутниковых антенн. Рёберная антенна с оберткой легче, менее сложна и более конкурентоспособна по цене, чем имеющиеся в настоящее время коммерческие антенны. Это сделало Великобританию первой европейской страной, которая сможет использовать испытанную в полете параболическую развертываемую антенну.

SimCentric — это опытная технологическая компания, ориентированная на преобразование обучения, безопасности и принятия оперативных решений с помощью инноваций. В 2020 году DASA выделило компании 300 000 фунтов стерлингов в рамках открытого конкурса инноваций на улучшение

качества обучения персонала, сделав его более практико-ориентированным и интуитивно понятным при одновременном снижении затрат. Испытания прошли с парашютным полком, полком Королевских ВВС и Королевской морской пехотой. Эти тесты доказали, что технологии иммерсивной реальности могут трансформировать процессы обучения, делая их более доступными и эффективными.

Одним из основных факторов, определяющих размах и масштабы экономических изменений в Индии, является внедрение современной стартап-экосистемы.

Инициатива Innovation for Defense Excellence, запущенная Министерством обороны Индии в 2018 году, является ярким примером того, как индийские стартапы используются для национальной безопасности. Эта система призвана осуществлять поиск ученых и инновационные предприятия в различных отраслях, чьи разработки могут способствовать преодолению сформировавшегося в стране разрыва между потребительскими и военными технологиями.

Заметим, что Индия базируется на концепции, разработанной инновационным отделом Министерства обороны США в 1990 гг., которая имела целью рационализацию использования ресурсов и повышение эффективности финансирования разработки военных технологий.

При этом программа Defense India Start-up Challenge предлагает гранты стартапам оборонной промышленности Индии в размере порядка 200000 долларов США. Такой размер грантов предполагает развитие в системе финансирования и процессе закупок Министерства обороны военно-гражданского сотрудничества.

В то время как Великобритания расширяет систему акселераторов для финансирования инноваций, а Индия пытается эффективно использовать свою растущую индустрию стартапов, Китай скопировал модель быстрых инвестиций Силиконовой долины для разработки собственного оружия и успешно ее реализует, используя принцип повышения терпимости к риску, который может стимулировать инновации, создавая среду, способствующую их развитию. Такая модель базируется на синергии развития инновационной системы оборонных исследований и разработок в гражданской инфраструктуре.

Перспективной представляется еще одна, модель, применяемая в качестве инструмента инвестирования в инновации и механизма повышения их эффективности — компании spin-off. Целями создания компаний spin-off является повышение эффективности деятельности, за счет упрощения организационной структуры, повышения скорости принятия решения, маневренности бизнеса и экономии на издержках.

В отличие от них спин-аут компании являются подконтрольными в части финансовых связей материнской компании, в лице которой часто выступают научные организации, получая помимо финансовой помощи, льготные условия аренды помещений и оборудования [5].

Таким образом, реализация модели спин-офф осуществляется компанией в период, когда у нее существует возможность вывести часть свободных материальных, нематериальных и финансовых активов для реализации стратегии формирования или сохранения долгосрочного конкурентного преимущества, а также привлечения дополнительного финансирования в развитие инновационного направления.

В модели создания спин-офф компаний важнейшую роль играют инвестиции, поскольку инвесторы в первую очередь оценивают навыки специалистов в команде спин-офф компании, их опыт инновационных разработок.

В связи с тем, что взаимодействие между гражданским и оборонным секторами в части исследований и инноваций в России начало развиваться в период приватизации и массового перепрофилирования промышленных предприятий, в первую очередь в целях конверсии, системного преобразования не произошло — инновационная система оборонной промышленности была утрачена [1]. Этому процессу способствовали как смена способа базисного процесса воспроизводства капитала,

⁶ Информационный портал правительства Великобритании [Электронный ресурс]: <https://www.gov.uk/government/organisations/defence-and-security-accelerator>

так и разрыв цепочек поставок и, несомненно, технологический подход к созданию социалистической производственно-технической базы, утратившей из-за издержек эксплуатации свою конкурентоспособность. Поэтому последние несколько десятилетий потребовали значительных инвестиций в ее трансформацию и реновацию [7].

Как видно из проведенного исследования, за рубежом в последние десятилетия наблюдается значительный рост использования цифровых и инновационных технологий (например, робототехники, искусственного интеллекта и т. д.) в различных отраслях, в том числе в оборонном секторе.

На основании изучения зарубежного опыта статистически доказано, что инвестиции в инновации оборонно-промышленного комплекса приводят к значительному позитивному эффекту в части роста ВВП страны. Инновационная активность предприятий базируется на модернизации бизнес-процессов за счет привлечения дополнительного инвестирования. Эффективности таких преобразований способствует синергия

между гражданским и военными секторами, формируя вектор развития на основании использования широкого инструментария инвестирования.

Учитывая текущую геополитическую ситуацию и бюджетные ограничения, имеет смысл в дальнейшем использовать в программе инновационного развития мероприятия, обеспечивающие лучшую связь между гражданскими, космическими и оборонными программами за счет синергии и взаимного обогащения, чтобы обеспечить наиболее эффективное использование наших ресурсов и избежать дублирования процессов в исследовательских проектах. Это, однако, не должно означать перенаправления на нужды обороны средств, предназначенных на гражданские исследования.

Таким образом, основываясь на зарубежном опыте продвижения инноваций, а также реализуя в этом ключе передовые инструменты финансирования, национальная экономика может обеспечить сбалансированное научно-техническое и инновационное развитие.

Список использованных источников:

1. Бакулина А. Создание продукции двойного назначения на предприятиях оборонно-промышленного комплекса: проблемы и инструменты // *Фундаментальные исследования*. — 2020. — Т. 1. — С. 5–9.
2. Бакулина А., Карпова С. Проблемы ценообразования системы государственных закупок в условиях стимулирования конкуренции // *Практический маркетинг*. — 2020. — № 7(281). — С. 3–9. <https://doi.org/10.24411/2071-3762-2020-10032>. EDN: DVZXJD
3. Горгола Е.В., Воронцова Ю.В., Звягинцева С.А. Роль государственно-частного партнерства в обеспечении военно-инновационной сферы финансовыми ресурсами // *Экономика, предпринимательство и право* — 2020. — Т.10. — №1. — С. 125–136. <https://doi.org/10.18334/epp.10.1.41471>. EDN: GLFSBQ
4. Казьмина И., Титова А.А. Механизм реализации государственно-частного партнерства на предприятиях оборонно-промышленного комплекса // *Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий*. — 2019. — Т.81. — №1(79). — С. 412–419. <https://doi.org/10.20914/2310-1202-2019-1-412-419>. EDN: DNTIKX
5. Котельников В.Ю. *Тен3: Новые бизнес-модели для новой эпохи быстрых перемен, движимых инновациями*. — Москва: Эксмо-Песс, 2007. — 96 с. EDN: QSCPFN
6. Наугольнова И.А. Проблемы привлечения инвестиций в проекты ГЧП и МЧП в промышленности // *Экономические отношения*. — 2019. — Т.9. — №3. — С. 2061–2078. <https://doi.org/10.18334/eo.9.3.41050>. EDN: ADVVWTW
7. Панфилова О.В. *Воспроизводство капитала в национальной экономике: монография* — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. — 101 с.
8. Сергеева И.Г., Третьякова И.А. Использование спин-офф компаний в схеме финансирования инновационной деятельности промышленных предприятий // *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: экономика и экологический менеджмент*. — 2018. — № 4 (35) — С. 46–51. <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2018-11-4-46-51>. EDN: YSUQBV
9. Харчилава Х.П. Зарубежный опыт реализации механизмов государственно-частного партнерства // *Самоуправление*. — 2020. — Т.2. — №1(119). — С.606–610. EDN: MDIUBZ
10. Хрустова Л., Пухова М. Определение отраслевых факторов развития государственно-частного партнерства // *Экономические науки*. — 2020. — №187. — С. 99–107. <https://doi.org/10.14451/1.187.99>. EDN: YUOEJE
11. Alan J. Auerbach Yuriy Gorodnichenko Daniel Murphy Multipliers and Fiscal Spillovers in the United States // *National Bureau of Economic Research, Working Paper 25457 1050 Massachusetts Avenue Cambridge, MA 02138 January 2019, pp. 4,14*. <http://www.nber.org/papers/w25457>
12. Aron Rea Comparison of Profit Margin Percentages Between Prime Contractors and Subcontractors for Aircraft, Missiles, and Unmanned Aerial Vehicles (Technical Information Center of the Ministry of Defense) — Fort Belvoir, Virginia: 2017, pp. 30–31, 38. <https://www.semanticscholar.org/paper/Comparison-of-Profit-Margin-Percentages-Between-and-Rhea>
13. Mohan Phuyal Study on India's Public-Private Partnerships (PPPS) in Infrastructure: Opportunities, Trends and Challenges // *International Journal of Advanced Studies in Management and Social Sciences* 9–2020.: 1–24. https://www.researchgate.net/publication/343064899_study_on_india%27s_publicprivate_partnerships_ppps_in_infrastructure_opportunities_trends_and_challenges
14. Ronald O' Rourke Report on Navy Large Unmanned Surface and Undersea Vehicles: Background and Issues of Congress // *Congressional Research Service*, p. 27, Washington, DC, August 3, 2021. <https://news.usni.org/2021/08/03/report-on-navy-large-unmanned-surface-and-undersea-vehicles-4>
15. *Economic Concentration and World War II.: Report of the Smaller War Plants Corporation to the Special Committee to Study Problems of American Small Business United States Senate* // *United States Government Printing Office*, p. 359, Washington, 1946. https://books.google.ru/books?id=zVcEAAAMA AJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

ЭКОНОМИКА, УПРАВЛЕНИЕ И УЧЕТ НА ПРЕДПРИЯТИИ

ПРЕДПРИЯТИЕ КАК ОСОБЫЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Е.В. Бирюков,

*доцент кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности
Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета,
кандидат экономических наук
ebiryukov@yandex.ru
SPIN 1785–0246*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением предприятия как особого института развития современной экономики. Показано своеобразие альтернативных подходов к разработке теорий предприятия и их когнитивная ограниченность, обусловленная опорой на эклектичную методологию. Предложен ценностно-ориентированный подход, позволяющий более реалистично анализировать деятельность современного предприятия на основе признания ее intersубъективной природы и учитывающий многообразие экономических мотивов поведения субъектов.

Ключевые слова: теории предприятия, неортодоксальный институционализм, экономические институты, экономические ценности, управление предприятием

УДК 330.8 ББК 65.291

Происходящие радикальные перемены в современной экономике приводят к тому, что у российских предприятий возникает настоятельная необходимость удовлетворительно решить качественно новые проблемы. Фундаментальные сдвиги в деловой среде сегодня сопровождаются существенными подвижками в экономической науке, затрагивающими ее различные разделы. При этом обращается внимание на важность пересмотра устаревших подходов к анализу экономической деятельности предприятия как особого института развития современной экономики и разработки соответствующей усложняющейся экономической реальности исследовательской программы.

Смена стратегии исследования механизмов роста производительности современного предприятия и развития его конкурентных преимуществ сегодня все чаще связывается с необходимостью опоры на реалистичную трактовку предприятия (фирмы). Сложившиеся разнообразные концептуальные подходы, как пишет Г.Б. Клейнер, не позволяют получить удовлетворительного видения предприятия как экономического института. В связи с этим важное значение приобретает правильное понимание институциональной парадигмы, которая помогает рассматривать предприятие как организационно-имущественный комплекс, позволяющий регулировать конфликты экономических интересов различных акторов [5, с. 8]. Вместе с тем, возникающие сегодня когнитивные проблемы, связанные с исследованием предприятия, как экономического института, во многом определяются тем, что происходящее в последние десятилетия значительное увеличение количества институциональных исследований сопровождается и ростом в последние годы числа критических работ, в которых обращается внимание на эклектичность создаваемых теорий, их фрагментарность и скромную практическую ценность [13].

Поиск ответов на возникающие принципиальные вопросы при построении теории современного предприятия в русле институциональной парадигмы предполагает решение нетривиальной научной задачи. В настоящее время в исследованиях предприятия как ключевой формы организации эконо-

мической деятельности, определяющей успешность развития национальной экономики, сформировался своеобразный экономический мейнстрим, основанный на использовании неоклассического, неоинституционального и эволюционного подходов, а также сложился альтернативный неортодоксальный подход. Однако вне должного внимания остаются вопросы, связанные с особенностями конструирования этих направлений изучения деятельности предприятия. Вместе с тем, для разработки адекватных реалиям концептуальных основ изучения институциональной природы и процессов формирования институциональных механизмов развития современного предприятия важным представляется прояснение данных вопросов и перспектив перехода к более глубокому уровню понимания предприятия как сложной саморазвивающейся системы.

Изучение поведения фирмы (предприятия) на протяжении большей части прошлого века осуществлялось на основе неоклассического подхода, который весьма упрощенно описывал фирму в виде «черного ящика» с непознаваемой внутренней структурой [8]. Использование неоклассического подхода способствовало распространению обманчивого представления о возможности описания поведения фирмы, игнорируя влияние институтов. Однако в неоклассической версии теорий фирмы неизбежно присутствуют структурные параметры рынка, которые выражают своеобразие влияния состояния институциональной среды и обуславливают особенности ее поведения как субъекта рынка.

В неоклассической модели часто внимание сфокусировано на рассмотрении поведения фирмы исходя из ее целевой ориентации, которая представляется в виде некоторого критерия, зависящего от концептуального видения деятельности фирмы как специфического экономического института. Данный критерий может отражать в той или иной комбинации интересы различных заинтересованных групп (собственников, менеджеров, работников и др.). Правила конструирования этого критерия определяются особенностями понимания значимости роли авторов в формировании результатов экономической деятельности фирмы. Так, в дополнение к традиционной версии капи-

талистической фирмы, целью деятельности которой является максимизация прибыли, были разработаны управленческая версия теории фирмы и версия самоуправляемой фирмы, а также кооперативно-игровая модель фирмы, целевая функция которой отражает интересы акционеров, рабочих, служащих и менеджеров.

Пересмотр упрощенных неоклассических теорий вызвал под влиянием методологического поворота в конце прошлого века широкое распространение неинституционального и эволюционного подходов к изучению предприятия как экономического института. На основе данных подходов сегодня активно разрабатываются различные концептуальные интерпретации предприятия с учетом существования разнообразных отклонений от неоклассической версии поведения субъектов (неопределенности изменений деловой среды, ограниченности знаний, креативных способностей и др.).

Неоклассические теории предприятия не способны объяснить происходящие в реальной экономике процессы сознательного формирования институциональных связей в целях обеспечения успеха коммерческой деятельности. В связи с этим в неинституциональной версии теорий предприятия в категориальной сетке в явном виде используется понятие институты. Данные теории обычно интерпретируются как альтернатива неоклассическим теориям, однако они разрабатываются в рамках неоклассической традиции и выступают расширением традиционной неоклассики [4]. В неинституциональных теориях рекомендации по формированию институциональных связей создаются исходя из описания противоречивого взаимодействия принципала с агентом, стремящегося максимизировать личные выгоды. При этом выбор экономических форм внутренних и внешних связей предприятия осуществляется в соответствии со структуралистской логикой на основе анализа влияния различных институциональных правил на появление возможных вариантов оппортунистического поведения агента, а потом сопоставляются полученные результаты [12, с. 49]. В связи с этим сохраняется монокаузальная логика описания поведения предприятия: структура-поведение-результат.

Неинституциональный подход опирается во многом на идеи Дж. Коммонса, Р. Коуза и Ф. Хайека. С позиции неинституционального подхода формирование внутренних и внешних связей предприятия происходит с помощью разных типов контрактов, поэтому предприятие выступает как пучок контрактов. Конструирование контрактных связей определяется особенностями агентских отношений и формирования трансакционных издержек, возникающих в процессе взаимодействий субъектов при управлении бизнес-деятельностью в рамках предприятия и при осуществлении рыночных сделок. Основы теории агентских отношений были разработаны А. Берли и Г. Минзом еще в 1930-х гг. Свое значительное развитие неинституциональный подход к изучению деятельности предприятия получил в работах О. Уильямсона, А. Алчиана, Г. Демсетца и др.

В рамках неинституционального подхода к анализу предприятия интерпретируются конфликты интересов менеджеров и сотрудников, менеджеров и акционеров, акционеров и держателей долгов. При этом менеджеры подразделений предприятия рассматриваются как склонные предоставлять неадекватную информацию, что приводит к принятию неэффективных управленческих решений. Поиск оптимальных решений с помощью агентских моделей происходит с учетом агентских (трансакционных) расходов, включающих расходы на мониторинг и управленческий контроль. В теории Гроссмана-Харта-Мура указывается на особую значимость в формировании институциональных связей структуры собственности, влияющей на стимулы предприятия к инвестированию в совместную деятельность, которая характерна для систем многозвенного производства в цепочках формирования добавленной стоимости. На основе неинституционального подхода разрабатываются объяснительные схемы описания процессов разделения организаций на более мелкие, слияния и поглощения с учетом особенностей проявления эффекта масштабов производства. При этом сопоставляются бюрократические издержки, возникающие при проведении интеграционных из-

менений, и возможные издержки оппортунистического пересмотра рыночных контрактов, связанные с задействованием в производстве специфических активов.

В российских экономических исследованиях предпринимаются попытки использовать неинституциональную теорию фирмы в качестве объединительной площадки для построения новой исследовательской программы. Однако проблема состоит в том, что неинституциональная версия, как отмечает Д. Тисс, выражает неоклассический взгляд на поведение фирмы и имеет множество недостатков с точки зрения понимания реальной природы фирмы, процессов формирования институциональных связей устойчивого конкурентоспособного развития и осуществления структурных изменений. В современных неинституциональных моделях фирмы вне внимания оказывается то обстоятельство, что производственные издержки зависят от методов управления ее бизнес-деятельностью, кроме того, она противоречит логике экономического анализа, поскольку экономический выбор происходит только на основе определения затрат и без учета ожидаемых доходов или выгод [20].

Разработка реалистичной версии теории предприятия предполагает выявление закономерностей формирования механизмов стратегически значимых институциональных связей в его внешней и внутренней среде. В связи с этим в настоящее время все большее распространение получают теории предприятия, которые основываются на использовании различных интерпретаций эволюционного подхода к анализу предприятия как экономического института, предложенного Р. Нельсоном и С. Уинтером [9]. Согласно данному подходу, развитие предприятия происходит в ходе конкурентного отбора в результате институционализации привычек и рутин, меняющихся в ходе накопления знаний и появления новых организационных способностей. Экономический выбор из имеющихся альтернатив складывается в процессе поиска новых рутин, которые позволяют создавать внутренние и внешние связи с учетом перемен в деловой среде, что порождает инновационно-технологические изменения. Сторонники эволюционной версии теорий предприятия отвергают неинституциональный подход, поскольку он статичен и исходит из того, что ресурсы, технология и продукция являются данными, а задача состоит только в поиске способа, минимизирующего трансакционные издержки.

Альтернативный взгляд на фирму с позиции эволюционной модели фирмы стал активно складываться в середине 1980-х годов на основе ресурсного подхода благодаря работам Дж. Барни, Р. Гранта, М. Петерафа, Р. Рамелта, Д. Тиса и др. В рамках ресурсного подхода было обращено внимание на то, что наличие уникальных ресурсов и их воспроизводство создает предприятию устойчивые конкурентные преимущества и позволяет получать экономическую ренту. При этом ресурсы трактуются широко, включая организационные способности, как все, что определяет силу или слабость предприятия. В настоящее время идеи ресурсного подхода получили свое развитие в различных современных теориях — динамических возможностей, предпринимательской фирмы, основанной на знаниях компании, управления интеллектуальным капиталом и других. Сторонники данных теорий исходят из того, что для создания устойчивых конкурентных преимуществ в условиях динамично меняющейся деловой среды важно обладать как уникальными ресурсами, так и уникальными организационными способностями, позволяющими формировать и реализовать возможности успешного развития.

Сегодня одним из ведущих направлений исследования механизмов развития предприятия становится теория динамических возможностей, возникшая во многом в результате развития идеи концепции динамических способностей. Ее применение, как утверждает Д. Тисс, позволяет преодолеть интеллектуальные барьеры, выработать более глубокое концептуальное понимание природы коммерческого предприятия и представление о процессах распределения ресурсов на уровне фирмы и производительности в соответствии с эволюционной и поведенческой экономикой. Подход, основанный на возможностях, только начинает привлекать внимание ученых. В доминирующих теориях фирмы акцент делался на

обычных возможностях, имеющих отношение к поддержанию и повышению производительности. Динамические соображения в значительной степени отсутствуют в этом дискурсе. Экономистам еще предстоит в полной мере принять реальность гетерогенных предпринимательских фирм, создающих рынки, разрабатывающих уникальные и дифференцирующие знания, преследующих различные стратегии и преобразующих внутреннюю структуру и бизнес-модели для управления разрушительной конкуренцией [20].

В разрабатываемых эволюционных теориях предприятия в соответствии с неоклассической традицией экономические субъекты адаптируются к меняющейся институциональной среде, ориентируясь на максимизацию полезности (личной выгоды), и дополнительно учитывается наличие институциональных форм, регулирующих экономическое поведение и взаимодействия субъектов, в том числе рутин [4]. При этом многие вопросы остаются без ответа. Так, возникают методологические трудности при объяснении ключевых категорий эволюционного подхода — репликация (наследие) и селекция (отбор). Как отмечают Т. Фелин и Н. Фосс, в рамках предложенного подхода Нельсон, Уинтер и их сторонники не могут обосновать причины появления в экономической организации действий разнородных субъектов в виде упорядоченной и повторяющейся последовательности [19]. Поэтому в рамках эволюционного подхода используется структуралистская интерпретация современного предприятия как экономического института, порождающая одностороннее описание механизмов его развития.

Доминирующие исследования предприятия как особого института в соответствии с неопозитивистским подходом ориентированы на ценностно-нейтральную интерпретацию его деятельности. В отличие от данного направления исследований сегодня наблюдается рост числа работ, в которых акцентируется значимость ценностей и этических норм в конструировании моделей поведения субъектов экономики и механизмов развития предприятий. Этическая традиция, связанная с признанием ключевой роли ценностных мотиваций людей в формировании устойчивых форм организации экономической жизни, была заложена еще в трудах выдающихся мыслителей античности и классической политической экономии и получила свое развитие в теориях неортодоксального институционализма, а также в различных ценностно-ориентированных теориях.

В неортодоксальных теориях обращается внимание на сложность институционального устройства современной экономики и институциональных связей макро- и микроуровня, а также на важность изучения изменений власти, институтов и технологий. При этом указывается на конфликтность системы властных отношений, складывающихся на разных уровнях экономики в связи с борьбой субъектов за распределение ресурсов и результатов экономической деятельности, но признается и значимость отношений сотрудничества. Ключевое микроэкономическое положение неортодоксального институционализма заключается в том, что распределение ресурсов и доходов является не функцией рынка, а проявлением власти в экономических взаимодействиях и процессах. Исходя из этого изучаются особенности реализации экономических интересов различных акторов при организации экономической деятельности предприятия [14].

Сегодня во многих теориях утверждается, что институты функционируют только при их поддержке культурными ценностями. Многочисленные эмпирические исследования указывают на наличие существенного влияния ценностных представлений людей на индивидуальную и коллективную экономическую деятельность и ее результаты, а также наличие сложной взаимосвязи культурных и институциональных переменных [17].

Исследование роли ценностей в организации бизнес-деятельности предприятия существенно активизировались в последние десятилетия в связи со сдвигом от традиционных методов управления к более эффективным, которые способствуют созданию более гибких моделей развития предприятия в результате использования децентрализованных структур [3]. В ценностно-ориентированных исследованиях предпри-

ятий особая роль ценностных предпочтений объясняется тем, что на их основе осуществляется оценивание экономических ситуаций и принимаются экономические решения. В данных исследованиях, наряду с личными ценностями, признается наличие организационных ценностей, а также фокусируется внимание на важности поддержания соответствия организационных и индивидуальных ценностей для проведения успешных структурных преобразований и устойчивого повышения производительности бизнес-деятельности предприятия. Проведенные исследования убедительно свидетельствуют о том, что инкорпорирование ценностно-нормативных регуляторов в экономическую деятельность предприятий способствует достижению коммерческого успеха [2].

В настоящее время значительно нарастает поток ценностно-ориентированных исследований, направленных на изучение взаимосвязи процессов конструирования ценностных ориентаций субъектов экономики и траектории социально-экономической трансформации [7]. Данное направление исследований предприятия как экономического института часто опирается на идеи предложенной К. Грейвзом во второй половине XX века теории эмерджентных циклических уровней, в которой развитие социально-экономической системы интерпретируется как процесс движения от одного уровня к другому, сопровождающийся сменой в обществе и на предприятии системы ценностных предпочтений, трансформацией организационной культуры и структурно-организационными изменениями.

Идеи Грейвза сегодня получают свое развитие при разработке ценностно-ориентированных теорий, в которых описываются особенности эволюции современных моделей предприятий. Так, Д. Бек и его коллеги на основе разработанного ценностно-спирального подхода предлагают рассматривать каждую систему ценностей в качестве ценностного мема. В связи с этим формируется новая организационная модель предприятия, которая способствует вовлечению в экономическую деятельность предприятия дополнительных резервов его повышения производительности и конкурентоспособности [1]. В рамках ценностно-ориентированного направления исследований Г.Б. Клейнером обосновывается формирование новой организационной модели в виде перламутровых предприятий [6]. Она рассматривается как складывающаяся в современных условиях высшая форма организации экономической деятельности предприятия, выражающая в наибольшей степени две тенденции организационных изменений: гуманизации и цифровизации.

Используемый неортодоксальными экономистами ценностно-ориентированный подход в противоположность распространенным теориям предприятия позволяет рассматривать его деятельность под другим углом зрения, изучать более широкий круг проблем и предлагать иные методы их решения. Вместе с тем, для конструирования адекватно усложняющейся экономической реальности исследовательского подхода к анализу современного предприятия, как сложной системы, возникает необходимость переосмысления конкурирующих сегодня теорий. Следует принимать во внимание, что решение задач, обеспечивающих формирование механизмов устойчивого развития предприятия, требует создания адекватно меняющихся деловой среде экономических форм коллективной деятельности. Однако создаваемые подходы не позволяют преодолеть трудности интеграции коллективных феноменов (ценностей, институтов и др.) в концепции и модели, в них культурные и институциональные переменные принимаются как феномены внешней социокультурной среды, которые оказывают экзогенное воздействие на экономическое поведение индивидуальных и коллективных субъектов [16; 18]. В связи с этим теории предприятия, разрабатываемые в рамках сложившихся исследовательских подходов, неизбежно остаются ограниченными и фрагментарными.

Для конструирования соответствующих современным реалиям процессов развития предприятий, необходимо их изучение на основе анализа экономической культуры и поведения людей с учетом интерсубъективной природы экономической реальности, а также опираясь на позитивные результаты, по-

лученные при исследовании экономической деятельности предприятий. Признание intersубъективной природы экономической реальности ориентирует на анализ процессов формирования сложной системы внутренних и внешних отношений и связей современного предприятия исходя из того, что данные процессы складываются в ходе противоречивых экономических взаимодействий людей, обладающих сложившейся экономической культурой и ценностно-экономическими предпочтениями.

В настоящее время, как подчеркивает И. ван Ставерен, в распространенных экономических теориях «игнорируется бесконечное многообразие способов, которыми в экономическое оценивание можно ввести ценностную составляющую» [11, с.59]. Для выхода на новый уровень понимания механизмов развития предприятия важно учитывать, что происходящие на различных уровнях экономики экономические процессы конструируются в ходе экономико-коммуникативных практик людей, которые осуществляют свои действия на основе осмысления деловой среды с помощью экономической ценности, составляющих ядро их экономической культуры, и в рамках интеллектуальных способностей, меняющихся под влиянием возникающих угроз и вызовов деловой среды. Исходя из сложившихся экономико-ценностных представлений субъекты определяют издержки и выгоды различных вариантов экономических решений, а также выбирают предпочтительную модель экономического поведения, экономической организации деятельности предприятия и его структурных подразделений.

Для формирования реалистичного видения механизмов развития предприятия требуется отказаться от эгоистической интерпретации их экономических мотивов в русле утилитаристской этики, поскольку на практике создаются институциональные формы экономических связей взаимодействия субъектов, обладающих разнообразными экономическими мотивами и соответствующими разнообразными экономико-ценностными предпочтениями. Предлагаемый исследовательский подход предусматривает изучение механизмов развития предприятия как сложной неравновесной системы на основе преодоления интеллектуальных трудностей, связанных с экзогенной интерпретацией институциональных форм экономических связей. Он исходит из того, что в процессе экономической деятельности люди формируют совместные знания, обмениваются идеями и на основе диалога достигают согласия об организационно-экономических ценностях. В связи с этим создание институциональных форм связей опосредствуется процессами легитимации, связанными с оценением доверия к ним как желательным, справедливым и эффективным. От уровня доверия к создаваемым формам организации бизнес-деятельности предприятия зависит их дееспособность, что сказывается на результатах экономической деятельности людей и предприятия в целом.

Степень согласования организационно-экономических ценностей, проявляющаяся в возникающем балансе частных и общих экономических интересов, выступает основополагающим фактором, определяющим рост производительности экономической деятельности предприятия и развитие его конкурентных преимуществ. Поэтому для достижения успешных результатов управления бизнес-деятельностью предприятия важно формировать соответствующие реалиям разделяемые экономические ценности и на их основе осуществлять конструирование неформальных норм и формальных правил экономической деятельности, а также необходимых побудительных и принудительных инструментов.

Используемая в рамках предложенного подхода трактовка экономических мотивов и ценностно-экономических ориентаций людей соответствует этической традиции, заложенной в трудах выдающихся мыслителей античности и классической политической экономии. Хотя в категориальной сетке классической школы практически не использовался термин институты, но описание развития экономики и механизмов повышения ее производительности в рамках классической теории осуществлялось в контексте соответствующей институциональной среды. В связи с этим важно учитывать, что, как

писал Нобелевский лауреат Д. Норт, К. Маркс был одним из первых, кто предпринял усилия, направленные на объяснение связи технологических и институциональных изменений [10, с. 168]. Он рассмотрел эволюцию капиталистического предприятия как специфического экономического института, позволяющего получать синергетический эффект за счет изменения производственно-технологических и институционально-организационных систем.

Смена парадигмы исследования механизмов развития предприятия предполагает рассмотрение его как саморазвивающейся и неравновесной системы, движение которой происходит в условиях трансформирующейся среды, многовариантности и неопределенности будущего. Неоклассическая парадигма исходит из наличия в экономике равновесных процессов, что порождает парадокс исчезновения прибыли. Маркс показал появление инновационной ренты как результата создания кооперационного эффекта в процессе совместного труда работников, что приводит к повышению производительности их совокупного труда, снижению индивидуальной стоимости и производству дополнительной прибавочной стоимости. Эти его идеи фактически получили развитие во многих работах по изучению процессов развития предприятий на основе проведения инновационных изменений. Так, Й. Шумпетер показал возникновение инновационной ренты при использовании предпринимателями радикальных инноваций, а И. Кирцнер установил важную роль предпринимательской деятельности, связанной с применением имитационных инноваций. Переход к новым моделям развития предприятий, обусловленных превращением инновационной конкуренции в основной тип рыночной конкуренции, приводит к тому, что современным типом менеджмента становится инновационный менеджмент или, по мнению Д. Тиса, — предпринимательский менеджмент. Для достижения коммерческого успеха и крупным, и мелким организациям следует опираться на принципы предпринимательского менеджмента. Кроме того, предпринимательские менеджеры должны играть важную роль за пределами организации, решая задачу формирования экосистемы [15, с.102–103].

Происходящие парадигмальные перемены в деловой среде российских предприятий порождают потребность трансформации ценностно-нормативных основ построения организации бизнес-деятельности, пересмотра ценностно-смыслового восприятия усложняющейся экономической реальности и на данной основе распознавания проблем, направления ресурсов, изменения корпоративной культуры и институциональных структур для реализации технологических возможностей удовлетворения рыночного спроса. Складывающаяся в настоящее время качественно новая экономическая реальность приводит к тому, что бизнес-среда предприятия становится пространством кооперационно-конкурентных форм взаимодействий, в границах которого поведение субъектов формируется на основе измененных и усложненных требований к характеру их участия в бизнес-процессах и интерактивных коммуникациях, что связано с приобщением к новым нормам и стандартам поведения, к новым ценностям, знаниям и механизмам доступа к ресурсам и их использования. Кардинальное изменение методов обеспечения выживаемости и успешной бизнес-деятельности предприятия предполагает проведение анализа процессов формирования различных моделей развития предприятий с учетом происходящих ценностно-нормативных перемен, а также выявления важнейших факторов, которые способствуют и препятствуют построению успешных моделей, соответствующих особенностям условий бизнес-деятельности.

Создание эффективной модели развития предприятия важно осуществлять в соответствии со складывающимися сегодня процессами смены технико-экономической парадигмы, предполагающей активное использование информационных систем и ресурсосберегающих производств. Формирование конкурентных преимуществ предприятия за счет инноваций усиливает потребность определения не статической оценки эффективности разрабатываемых мероприятий, а динамической оценки, учитывающей, что предприятие будет развивать

ся, учиться и взаимодействовать со всеми заинтересованными сторонами. При этом для поддержания рационального соотношения элементов централизации и децентрализации в организации бизнес-деятельности важным становится мониторинг и корректировка формальных и неформальных связей внутренней и внешней деловой среды. Усложнение взаимодействия рыночных и нерыночных факторов, рост разнообразия используемых технологических и организационно-экономических методов ведения бизнеса вызывает необходимость существенного расширения пространства осмысления ценностных ориентиров действий российских предприятий и выбора траектории развития исходя из новых вызовов и формирования нового коридора возможностей с учетом освободившихся рынков после ухода зарубежных фирм.

Таким образом, разрабатываемые сегодня теоретические описания предприятия, как особого института развития современной экономики, выступают отражением сложившихся альтернативных представлений о предприятии и методах его экономического анализа. При этом конкурирующие подходы к изучению предприятия не позволяют получить его системно-целостное видение в связи использованием эклектической методологии. Предлагаемый исследовательский подход ориентирует на расширение проблемного поля и разработку более реалистичного описания экономической деятельности предприятия на основе признания ее интересубъективной природы. При этом используемые подходы к анализу предприятия с определенным уточнением и корректировкой могут привлекаться для выработки принципиально новой теории.

Список использованных источников:

1. Бек Д., Ларсен Т., Солонин С., Вильезн Р., Джонс Т. Спиральная динамика на практике. Модель развития личности, организации и человечества. — М.: ООО «Альпина Паблишер», 2019. — 410 с.
2. Долан С., Гарсия С. Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке. — М.: Претекст, 2008. — 320 с.
3. Кабалина В.И., Решетникова К.В. Ценности российских менеджеров и корпоративные ценности // Российский журнал менеджмента. — 2014. — №2 (12). — С. 37 — 66.
4. Кирдина С. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. — 2013. — № 10. — С. 66–89.
5. Клейнер Г.Б., Пресняков В.Ф., Карпинская В.А. Поведение предприятия в моделях теории фирмы. Часть 1 // Экономическая наука современной России. — 2018. — № 2 (81). — С. 7–23.
6. Клейнер Г.Б. Спиральная динамика, системные циклы и новые организационные модели: перламутровые предприятия // Российский журнал менеджмента. — 2020. — № 4 (18). — С. 27 — 33.
7. Лебедева Н.Ю., Широина Л.М. Критический обзор зарубежных исследований роли ценностей в организационных изменениях // Вестник университета. — 2019. — № 5. — С. 27–33.
8. Махлуп Ф. Теории фирмы: маргиналистские, бихевиористские и управленческие // Вехи экономической мысли. Т. Теория фирмы. — СПб.: Экономическая школа, 1995. — С. 82–84.
9. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. — М.: Дело, 2002. — 536 с.
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Изд-во Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 190 с.
11. Ставерен И. ван. Этика эффективности // Вопросы экономики. — 2009. — № 12. — С. 38–71.
12. Сторчевой М. Экономическая теория фирмы: систематизация // Вопросы экономики. — 2012. — № 9. — С. 41 — 63.
13. Сухарев О.С. Институционализм: расцвет или упадок? // Общество и экономика. — 2021. — № 11. — С. 18–43.
14. Сэмюэлс У. Институциональная экономическая теория // Панорама экономической мысли в конце 20 века. Т.1. — СПб.: Экономическая школа, 2002. — С. 125 — 141.
15. Тис Д. Дж. Выявление динамических способностей: природа и микрооснования (устойчивых) результатов компании // Российский журнал менеджмента. — 2009. — № 4 (7). — С. 59 — 108.
16. Фролов Д. Методологический институционализм 2.0: от институтов к институциональным конфигурациям // Вопросы экономики. — 2016. — № 7. — С.147–160.
17. Alesina A., Giuliano P. Culture and Institutions. *Journal of Economic Literature*. — 2015. — Vol. 53, no 4. — P. 898 — 944.
18. Boyer P., Petersen M. B. The naturalness of (many) social institutions: Evolved cognition as their foundation. *Journal of Institutional Economics*. — 2012. — Vol. 8, no. 1. — P. 1–25.
19. Felin T., Foss N.J. Strategic organization: A field in search of micro-foundations. *Strategic Organization*. — 2005. — Vol. 3, no 4. — P. 441–455.
20. Teece D. J. A capability theory of the firm: an economics and (Strategic) management perspective. *New Zealand Economic Papers*. — 2019. — Vol. 53, no 1. — P. 1–43.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ФОРСАЙТ-ТЕХНОЛОГИЙ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

А.Г. Назаров,

Премьер-министр Правительства Республики Башкортостан,
кандидат политических наук
andrey.g.nazarov@gmail.com

В статье представлено описание форсайтной методологии применительно к организации и проведению стратегического планирования в управлении развитием промышленных предприятий. Дана характеристика форсайт-процесса и форсайтных инструментов, которые могут быть использованы для исследования перспектив и направлений развития промышленных предприятий на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: форсайт-технологии, стратегическое планирование, промышленные предприятия

УДК 338.24.01

Промышленные предприятия играют огромную роль в формировании национального ВВП и в обеспечении устойчиво повышательной динамики роста национальной экономики. По итогам 2021 года валовая добавленная стоимость, созданная в российском секторе промышленности (обрабатывающие производства), показала прирост сразу на 31% относительно 2020 года, но среднегодовой темп роста этого показателя в промышленности меньше, чем в целом по экономике (10,6% против 14,1%), рис. 1.

Рис. 1. Динамика создания валовой добавленной стоимости (ВДС) в РФ [1]

Низкие среднегодовые темпы роста НДС промышленности (обрабатывающие производства) в текущих ценах обусловлены падением деловой активности в секторе в 2016 году, а также в 2020 году. Но вместе с тем следует отметить, что доля обрабатывающих производств существенно выше в валовой добавленной стоимости, созданной в российской экономике, чем аналогичная доля по добывающему сектору (рис.2). Кроме того, следует обратить внимание на то, что в период с 2011

Рис. 2. Доля добывающей и обрабатывающей промышленности в ВДС РФ [1]

по 2021 гг. включительно доля обрабатывающих производств в валовой добавленной стоимости (расчет в текущих ценах) увеличилась почти на 3%, т.е. с 13,3% в 2011 году до 16,1% в 2021 году. Очевидно, что промышленность в целом, и в частности обрабатывающие производства, играют значимую роль в социально-экономическом развитии Российской Федерации.

Однако, если мы обратим внимание на динамику, то увидим, что если в 2017 году доля быстрорастущих промышленных предприятий в сфере обрабатывающих производств составляла 17% от всех быстрорастущих предприятий (оценка роста дана по обороту) в российской экономике, то уже в 2021 году этот показатель несколько снизился — до 16,4% (рис. 3).

Рис. 3. Показатели предпринимательской активности в промышленности (обрабатывающие производства) [2]

Но если в 2017 году в промышленности (обрабатывающие производства) доля угасающих предприятий составляла 11,5% от общей численности всех угасающих предприятий в российской экономике, то уже в 2021 году удельный вес таких предприятий увеличился почти в 2,5 раза. Иными словами, почти треть от угасающих предприятий в российской экономике локализованы в промышленном секторе, а это может означать, что потенциал роста и развития российских промышленных предприятий вероятно является исчерпанным. Безусловно, столь стремительное увеличение доли угасающих промышленных предприятий связано с влиянием эпидемии COVID-19, когда в результате локдаунов многие хозяйствующие субъекты были вынуждены снизить свою деловую активность, а некоторые — полностью прекратить свою экономическую деятельность в результате форс-мажорных обстоятельств. Вероятно, можно было увидеть рост деловой активности в промышленном секторе в 2022 году, но теперь это вряд ли будет возможным из-за геополитических обстоятельств.

Однако и российские, и зарубежные научные исследования показывают, что оптимальная адаптация к форс-мажорным

обстоятельствам и предвидение смены трендов, что позволяет проводить проактивную политику управления промышленным предприятием, напрямую зависят от того, насколько прогрессивные управленческие технологии вовлечены в систему стратегического планирования [3, 4, 5]. И одной из таких прогрессивных управленческих технологий является технология форсайта (от англ.: foresight — предвидение).

Форсайтные технологии, появившиеся относительно недавно в арсенале методов, средств и инструментов стратегического планирования в управлении деятельностью промышленных предприятий, первоначально были предназначены для решения задач макроэкономического прогнозирования и исследования будущего больших социально-экономических систем. В частности, впервые методология форсайт-технологий была использована в 1950-х годах в США для определения глобальных технологических трендов. В 1970-х методология форсайт-технологий использовалась для разработки долгосрочных программ научно-технологического развития Японии.

Но уже начиная с 90-х годов прошлого века, форсайт-технологии используются в стратегическом планировании и в стратегическом управлении крупными корпорациями, включая промышленные предприятия, которые осуществляют высокотехнологичные виды экономической деятельности. Согласно определению, которое было дано термину «форсайт», адаптированного для макроэкономического и микроэкономического уровня, в 2003 году, под этим стоит понимать: «... процесс, включающий в себя интенсивные повторяющиеся этапы открытого размышления налаживания связей (между акторами), консультаций и дискуссий, ведущих к уточнению и совместной выработке будущего видения (относительно объекта исследования) и общей ответственности за стратегии» [6].

Кроме этого форсайт, как форма коллективной работы над стратегиями и планами развития корпораций, компаний, предприятий, организаций, предполагает создание общего пространства для открытых организационных, финансовых, производственных, маркетинговых и иных инноваций, а также для инкубации (выращивания) идей для будущих стратегических решений и планов [3] в рамках управления развитием хозяйствующих субъектов, включая современные промышленные предприятия. Процесс форсайта, как стратегического поиска, исследования и выбора направлений развития промышленного предприятия, включает пять основных фаз (рис. 4).

Как видно из рис. 4, стратегический поиск начинается с предвидения, т.е. определения тех конъюнктурных и безальтернативных технологических и иных трендов, в контексте которых будет осуществляться экономическая деятельность и происходить развитие промышленного предприятия. Предвидение — это фаза, которая позволяет создать перечень ключевых направлений, по которым будет работать команда форсайта, создаваемая во второй фазе.

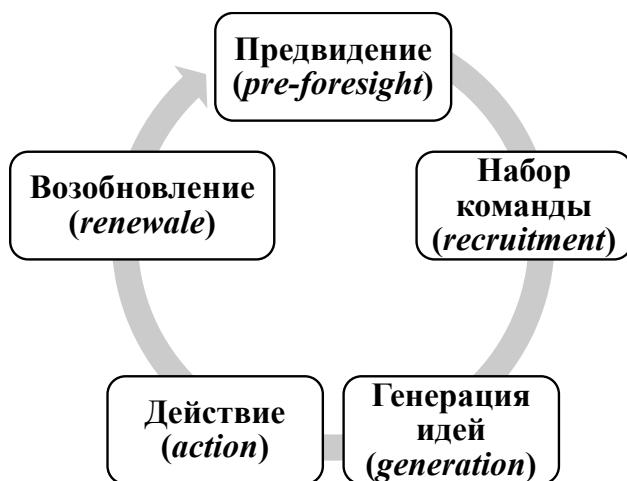

Рис. 4. Основные фазы форсайт-процесса в стратегическом планировании промышленных предприятий [3, 7, 8]

Команда форсайта должна состоять из аналитико-прогностического ядра и исполнителей. В аналитико-прогностическое ядро следует включать: учёных, исследователей, инженеров и разработчиков, а также администраторов, которые будут осуществлять координацию внутри аналитико-прогностического ядра, между этим ядром и исполнителями. При этом координация взаимодействий должна быть чётко структурированной во избежание дублирования функций, задач, а также во избежание излишней бюрократической нагрузки на всю команду или отдельных её членов. Поэтому следует выделить:

- 1) главные исследовательские сектора, в которых будет осуществляться генерация идей в третьей фазе;
- 2) тематическое и предметное наполнение каждого исследовательского сектора;
- 3) методологию, с помощью которой будут осуществляться исследования и проводиться их экспертиза, а также отбор данных и информации для генерации идей.

Соответственно, в третьей фазе форсайт-процесса команда осуществляет генерацию научно-технологических, инновационных и иных идей, которые должны будут трансформироваться в стратегию развития промышленного предприятия и в стратегические планы по осуществлению тех или иных видов экономической деятельности. Для того, чтобы генерация идей была успешной команда должна иметь доступ к большому массиву данных, первичной, вторичной информации, что предполагает обеспечение команды форсайта современными интеллектуально-цифровыми поисковыми технологиями.

Стратегия развития и стратегический план деятельности промышленного предприятия, предложенный командой форсайта, подлежит первоначально системному осмыслению, возможно с привлечением акционеров, собственников, заинтересованных сторон и представителей групп влияния. Только после этого происходит переход к четвертой фазе, которая предполагает принятие и реализацию стратегии развития, а также стратегического плана осуществления экономических видов деятельности промышленным предприятием. После чего команда форсайта может быть полностью упразднена или временно распущена.

Реализация стратегического плана деятельности промышленного предприятия предполагает мониторинг достижения целевых ориентиров, установленных в стратегии, а также сбор, анализ, обобщение и структурирование данных относительно эффективности и результативности реализации стратегического плана. Полученные данные и информация передаются на пятую фазу, где происходит возобновление форсайт-процесса, но уже с новыми исходными данными и новым их осмыслением в контексте трансформации внешних технологических и иных конъюнктурных и безальтернативных трендов.

Для каждого из пяти фаз форсайт-процесса стратегического планирования в управлении развитием промышленного предприятия свойственны определённые исследовательские инструменты, методы стратегического поиска и способы стратегически ориентированных разработок (рис. 5).

В фазе предвидения форсайт-процесса обычно осуществляется сканирование внутренней среды на предмет проблем, ограничивающих развитие промышленного предприятия, а также на предмет готовности сотрудников предприятия к изменениям, включая его руководство. Сканирование внешней среды и горизонтов стратегического планирования осуществляется в контексте выявленных внутрисредовых проблем, а также в контексте тех возможностей, которые имеются или могут быть открыты во внешней среде. Это позволяет в явном формализованном виде или в неявном виде определить будущие исследовательские поля, направления и их внутреннюю тематику, по которым будет работать команда форсайта и на основе которых будут формулироваться цели стратегии и разрабатываться стратегические планы.

Команда форсайта обычно формируется с использованием экспертных панелей, которые, как правило, уже существуют во внутренней и во внешней среде промышленного предприятия. Но кроме экспертов (учёные, исследователи, разработчики, инженеры, т.д.) в команду форсайта следует включить пред-

Рис. 5. Основные методы, способы и инструменты, применяемые в форсайт-процессе стратегического планирования промышленных предприятий [7, 8]

ставителей заинтересованных сторон, а также представителей групп влияния. Это повысит релевантность и обеспечит необходимую полноту аналитической и прогностической компоненты информационной базы, на основе которой команда форсайта будет осуществлять генерацию идей.

В свою очередь генерация идей командой форсайта осуществляется с использованием:

1) структурирования информационной базы, для чего проводится анализ данных, синтез вероятных проблем и возможных решений в контексте выделенных исследовательских полей и их внутреннего тематического содержания. После чего целесообразно провести слияние знаний по исследовательским полям и осуществить предварительные тематические прогнозы;

2) стратегического целеполагания, для чего осуществляется мозговой штурм, используется бенчмаркинг, а также проводится статистическое и математическое моделирование по целям стратегии развития промышленного предприятия с учётом выбранного горизонта стратегического планирования его деятельности;

3) проектирования будущего промышленного предприятия, для чего осуществляется сценарный анализ (как правило в парадигме «внутренний потенциал и внешние возможности»), для каждого сценарного варианта могут быть разработаны укрупненные сценарные планы, практическая применимость которых исследуется и с помощью моделирования, и с помощью симуляции в играх.

На основе вышеперечисленных трёх пунктов команда форсайта формулирует базовый и, по крайней мере, один альтернативный вариант стратегии развития и стратегического плана деятельности промышленного предприятия на определённую перспективу. В стратегии и стратегическом плане устанавливаются целевые ориентиры или индикаторы, которые будут характеризовать эффективность реализации стратегии и результаты воплощения на практике стратегического плана деятельности промышленного предприятия.

После этого используется инструментарий имплементации стратегии развития и стратегических планов деятельности промышленного предприятия посредством издания локальных (корпоративных) нормативных актов и ознакомления с ними всех сотрудников этого предприятия. В свою очередь

мониторинг, контроль и оценка реализации стратегии развития и исполнения стратегических планов может использовать инструменты сплошного, выборочного или иного наблюдения и анализа достижения целевых ориентиров промышленного предприятия. Отклонения как в положительную, так и в отрицательную сторону следует включать в информационную базу, которая формируется в целях возобновления форсайт-процесса стратегического планирования в управлении развитием промышленного предприятия.

Следует отдельно упомянуть и об ограничениях использования форсайт-технологий в стратегическом планировании и управлении развитием промышленных предприятий:

– во-первых, это неготовность акционеров, инвесторов, руководителей, сотрудников предприятия, а также заинтересованных сторон к изменениям, которые последуют за внедрением форсайтных технологий в практику стратегического планирования и управления;

– во-вторых, это невозможность применять форсайтные технологии в полном объёме в стратегическом планировании и управлении развитием малых и средних промышленных предприятий, в том числе и по причине высоких транзакционных издержек форсайта;

Рис. 6. Динамика Индекса предпринимательской уверенности в российском промышленном секторе [9]

– в-третьих, это наличие высокой неопределенности в российской экономике, которая возникла на фоне COVID-19 и в 2022 году на фоне геополитических трансформаций, в результате чего до 2021 года существовал большой разброс между уровнем предпринимательской уверенности в двух ключевых секторах промышленности: добывающем и обрабатывающем (рис. 6).

Очевидно, что Индекс предпринимательской уверенности по обрабатывающим производствам все последние десять лет находился в отрицательной зоне. Напротив, индекс предпринимательской уверенности по добывающим производствам в некоторые годы имел положительное значение, а в 2018 году положительное значение предпринимательской уверенности в сфере промышленной добычи сопровождалось очередным падением предпринимательской уверенности в обрабатывающей сфере.

Этот критически значимый момент необходимо принимать во внимание при разработке стратегических планов промышленных предприятий, поскольку российская обрабатывающая промышленность характеризуется высокой энергоемкостью, а ожидаемый спад в сфере добычи полезных ископаемых заставляет акцентировать внимание на замещении топливных энергетических ресурсов возобновляемыми энергетическими ресурсами.

Таким образом, можно резюмировать, что форсайтные технологии — это прогрессивный и одновременно сбалансированный подход к разработке стратегических планов деятельности и одновременно стратегий развития современных промышленных предприятий.

Статья поступила в редакцию 28.09.2022.

Список использованных источников:

1. Росстат. Национальные счета (2022). URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения 15.09.2022).
2. Росстат. Институциональные преобразования в экономике (2022). URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics#> (дата обращения 15.09.2022).
3. Popper R. Foresight methodology // The handbook of technology foresight. — 2008. — С. 44–88.
4. Тронина И.А., Семенихина А.В., Морозова О.И. Инструменты стратегического управления инновационными процессами в промышленности: современные региональные вызовы // Друкерский вестник. — 2019. — № 3. — С. 304–318.
5. Харламова Т.Л., Зирченко Л.А. Управление развитием предпринимательских структур в условиях нестабильности и рисков // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3 Экономические, Гуманитарные и Общественные науки. — 2018. — № 3. — С. 37–41.
6. Harper C.J. The Internationalization of Science and Technology Policy: Malta Case Study // Innovation Policies in Europe and the US. The New Agenda» Ashgate Publishers. — 2003.
7. Miles I.C. Appraisal of alternative methods and procedures for producing Regional Foresight // European Commission's DG Research Funded STRATA-ETAN Expert Group Action. — 2002.
8. Малиновская О.В., Скобелева И.П. Форсайт как технология стратегического планирования и управления // Дайджест-финансы. — 2014. — № 4. — С. 44–55.
9. Росстат. Предпринимательство. Промышленное производство (2022). URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения 15.09.2022).

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ: ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Л.И. Донец,

*профессор кафедры экономики предприятия и управления персоналом
Донецкого национального университета экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского (г. Донецк),
доктор экономических наук
lubovdonets@gmail.com*

А.В. Сергеева,

*доцент кафедры экономики предприятия и управления персоналом
Донецкого национального университета экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского (г. Донецк),
кандидат экономических наук
alexa_sergeeva@bk.ru*

В статье рассмотрен экосистемный подход к формированию стратегического партнерства. Доказана необходимость развития партнерских отношений предпринимательских структур на основе цифровых экосистем. Предложена модель экосистемного подхода к формированию и развитию стратегического партнерства предпринимательских структур.

Ключевые слова: экосистемный подход, экосистемное стратегическое партнерство, партнерские отношения, цифровая экосистема

УДК 334.021:338.12.017 ББК 65.012.4

Современный этап развития предпринимательской среды характеризуется радикальными изменениями бизнес-пространства, бизнес-моделей и бизнес-процессов предпринимательских структур на основе внедрения цифровых технологий, синхронизации данных и информации во всех каналах взаимодействия стейкхолдеров потребительского рынка. Такие изменения способствуют возникновению необходимости развития партнерских отношений в рамках функционирования цифровых экосистем, ориентированных на создание дополнительной ценности для клиентов/потребителей путем объединения и совместного использования возможностей предпринимательских структур, оптимизации сервисов и бизнес-процессов. Поэтому каждую предпринимательскую структуру целесообразно рассматривать не как элемент отрасли, а как концепт бизнес-экосистемы, охватывающей несколько отраслей и ориентированной на удовлетворение потребностей рынка.

Проблемам трансформации форм партнерских отношений, формированию и развитию экосистемного подхода к организации бизнеса под воздействием цифровизации бизнес-пространства посвящены научные исследования Г.И. Абдрахмановой, К.О. Вишневецкого, Л.М. Гохберга, А.С. Кислякова, А.Д. Ищенко, О.Е. Пудовкиной, М.В. Сафрончука, В.В. Акбердиной, Л.В. Лапидуса и др. При этом следует отметить, что в опубликованных научных трудах рассматриваются отдельные направления изменений форм стратегического взаимодействия различных субъектов в условиях цифровизации экономики, которые требуют систематизации и разработки научно-методического инструментария развития стратегического партнерства на основе цифровых экосистем.

Целью статьи является: *на теоретическом уровне* — научно-методологическое обоснование экосистемного подхода к стратегическому партнерству предпринимательских структур; *на методологическом уровне* — разработать модель экосистемного подхода к стратегическому партнерству предпринимательских структур в условиях цифровизации экономики.

Результаты цифровых трансформаций бизнеса и общества в целом определяют ключевые тренды развития мировой экономики, к которым целесообразно отнести следующие:

- трансформация традиционных отраслей и секторов экономики, их конвергенция;
- появление новых рынков и ниш;
- стремительное развитие сектора информационно-коммуникационных технологий и технологических инноваций;
- появление цифровых технологий нового поколения («сквозных» технологий);
- трансформация и развитие новых бизнес-моделей;
- формирование новых цепочек создания ценностей, появление новых источников их создания;
- изменение спроса на факторы производства;
- фундаментальные преобразования в сфере потребностей и ожиданий потребителей, их поведении во всех сферах жизнедеятельности человека и общества в целом.

Перечисленные тренды оказывают значительное влияние на углубление партнерских отношений предпринимательских структур, приводят к более синхронизированной интеграции их продуктов, услуг и бизнес-процессов, стимулируют формирование и развитие экосистемного стратегического партнерства участников рынка. Экосистема рассматривается как «... комплекс агентов, организаций, связанных общностью местоположения, функциональными взаимоотношениями и участием в создании единых социально-экономических ценностей» [7, с. 42]. Экосистемный подход позволяет выстраивать новые бизнес-модели и форматы стратегического партнерства, отличительной особенностью которых является уход от бизнеса, который строится вокруг конкретных продуктов или услуг, в сторону построения экосистем и платформ, которые, по сути, выполняют функции посредников, сводящих друг с другом разные группы пользователей [7; 21; 30; 31].

Контент-анализ понятия экосистемы, как модели организации бизнеса, позволил авторам выделить три научно-методо-

Рис. 1. Триада научно-методологических контентов стратегического партнерства на основе экосистемного подхода
Систематизировано, обобщено и дополнено авторами по источникам [9; 10; 21; 23; 29, 31]

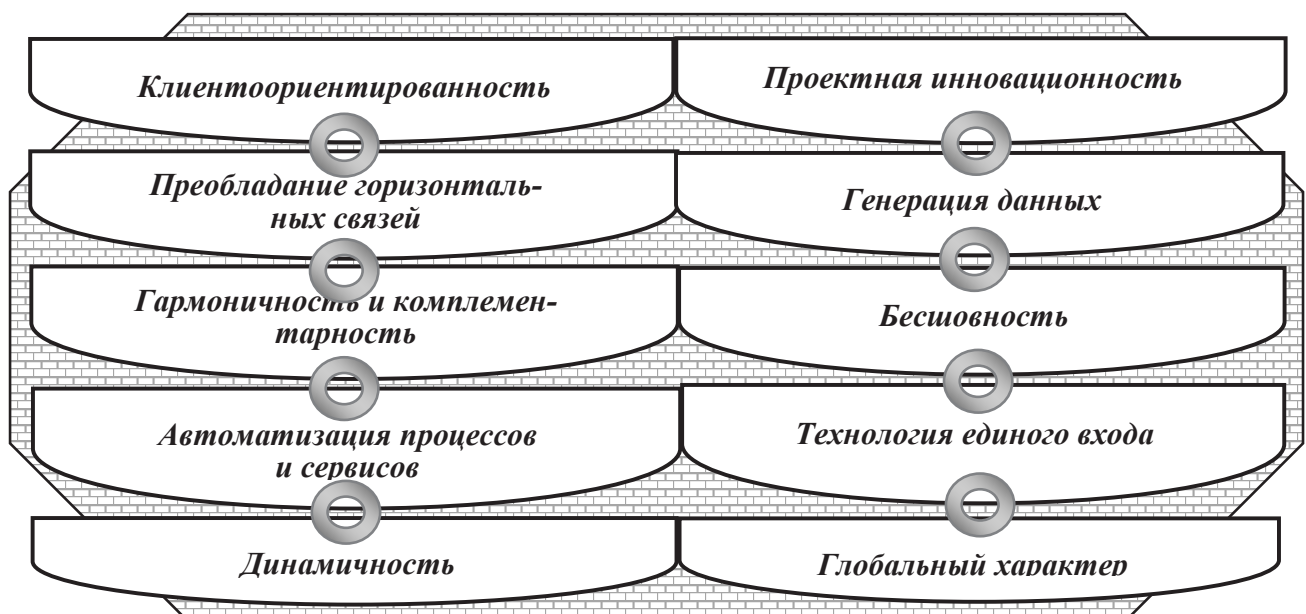
логического контента, определяющих стратегическое партнерство предпринимательских структур на основе экосистемного подхода (рис. 1).

Интеграционный контент стратегического партнерства на основе экосистемного подхода представляет объединение деятельности совокупности предпринимательских структур в экономическое сообщество, взаимное влияние которых формирует отдельный рынок или отрасль. При этом следует обратить внимание на то, что «...эффективность отдельных элементов экосистемного партнерства напрямую зависит от эффективности взаимодействия всей совокупности предпринимательских структур» [23, с. 255].

Технологический контент раскрывает стратегическое партнерство как технологическую платформу для выстраивания взаимоотношений между ее владельцем и пользователями-

поставщиками дополнений, которые являются ценностью для конечного потребителя. Однако, такая технологическая платформа сама не производит ценность, ее производят другие участники экосистемы, а технологическая платформа обеспечивает их взаимодействие. Это является ключевым отличием от традиционного бизнеса [9; 10; 23; 26].

Синергетический контент стратегического партнерства на основе экосистемного подхода выступает механизмом сотрудничества, на основе которого предпринимательские структуры объединяют и синхронизируют свои товары и услуги с целью получения совокупного инновационного продукта и экосистемной синергии. При этом в рамках общего предложения ценность совокупного продукта гораздо выше, чем ценность товаров и услуг каждого партнера по отдельности [21; 28].

Рис. 2. Доминанты экосистемного стратегического партнерства предпринимательских структур

Систематизировано, обобщено и дополнено авторами по источникам [1; 3; 14; 18].

Квинтэссенцией рассмотренных научно-методологических контентов стратегического партнерства на основе экосистемного подхода [7; 21; 30; 31] стало авторское понимание сущности экосистемного стратегического партнерства как определенно-формата взаимодействия предпринимательских структур и потребителей на базе технологической платформы, в рамках которой объединяются, дополняются и синхронизируются партнерские товары и услуги с целью создания экосистемного совокупного продукта и получения экосистемной синергии.

На рис. 2 представлены доминанты экосистемного стратегического партнерства предпринимательских структур.

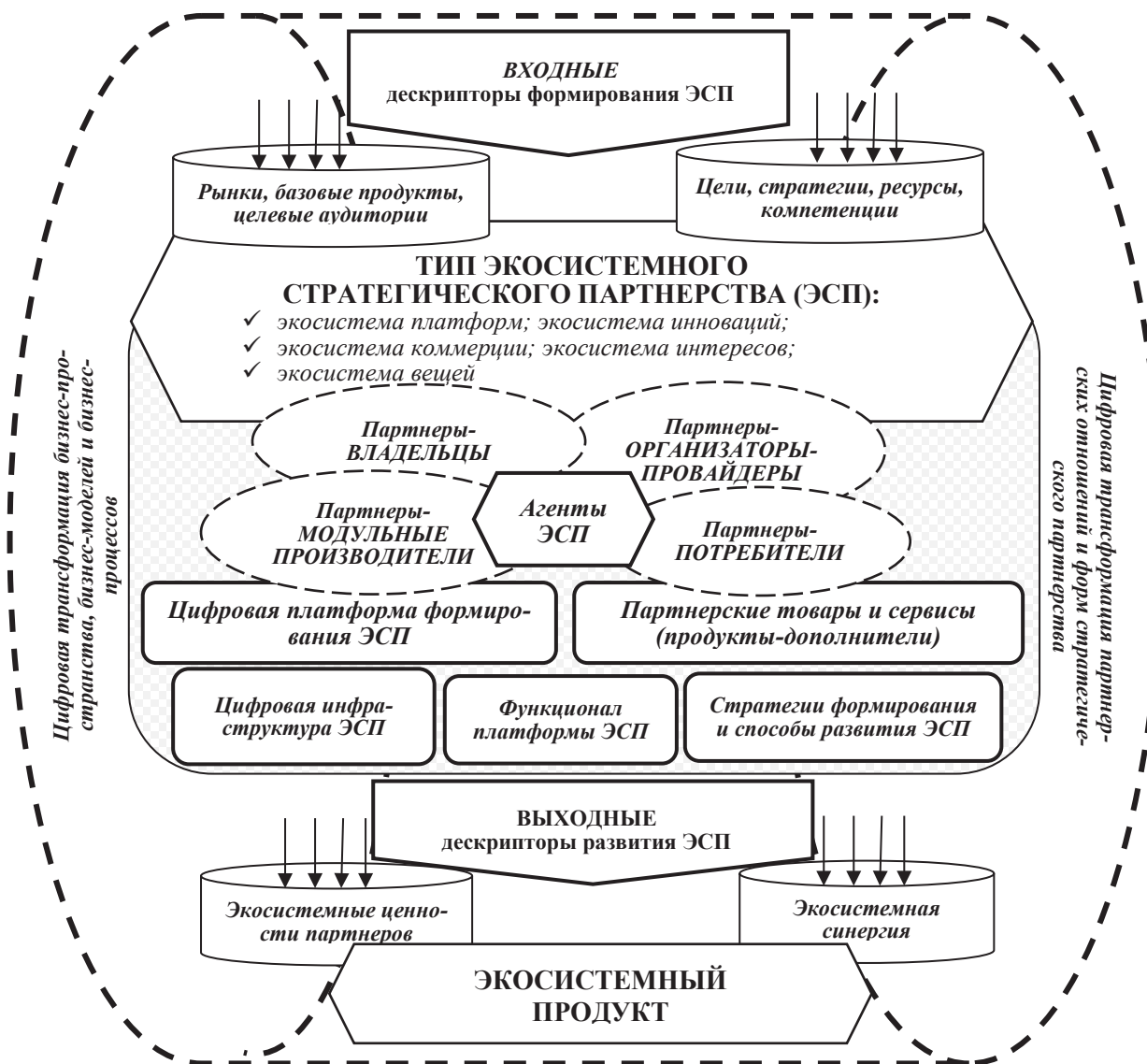
Клиентоориентированность экосистемного стратегического партнерства проявляется в ориентации на создание дополнительной стоимости (совокупного продукта) для клиентов на основе консолидации ресурсов и компетенций разных агентов экосистемы, синхронизации их продуктов, услуг, технологий, а также организации целостной операционной деятельности для обеспечения синергии между проектами и сервисами на базе общей инфраструктуры.

Инновационность партнерских отношений в рамках экосистемы предполагает реализацию проектов по созданию инновационной совокупной ценности для потребителей, которая формирует общую философию единого продукта через бренд и повышает ценность товаров и услуг каждого партнера за счёт совместного их использования, повышения лояльности потребителей и т.д. Для этого формируются новые правила про-

движения продукта, бренда, взаимодействия с потребителем, согласования элементов и взаимоотношений с поставщиками и контрагентами разных отраслей.

Экосистемное стратегическое партнерство строится преимущественно по горизонтальному принципу, объединяя предпринимательские структуры разных отраслей и специализации, которые в рамках экосистемы остаются относительно самостоятельными и независимыми в принятии решений. Гармоничность и комплементарность стратегического партнерства подразумевает наличие налаженных органичных связей, внешних и внутренних коммуникаций и функциональной взаимодополняемости между структурными составляющими экосистемы. Наличие у потребителей экосистемы возможности беспрепятственного перехода от одного продукта или сервиса экосистемы к другому характеризует «бесшовность» экосистемного стратегического партнерства.

Генерация данных в рамках экосистемы дает возможность сбора дополнительной информации о процессах, клиентах, сделках, которая позволяет предложить лучшие услуги, программное обеспечение, технологии и инструменты для работы клиента, а технология единого входа (Single Sign-On) — работать во множестве цифровых сервисов под единой учетной записью. Ключевым фактором повышения удовлетворенности клиентов в экосистемах, предложения новых продуктов, услуг для увеличения потока ценности является автоматизация процессов и сервисов.

Рис. 3. Модель экосистемного подхода к формированию и развитию стратегического партнерства предпринимательских структур

Экосистемы обеспечивают возможность сотрудничества между разными отраслями, регионами, странами, языками, культурами, что свидетельствует о глобальном характере экосистемного стратегического партнерства. Способность экосистем быстро адаптироваться и реагировать на изменения рынка на основе бизнес-интеллекта, быстрого принятия решений, а также использования новых технологий и бизнес-моделей обеспечивает динамичность партнерских отношений. Реализация экосистемного подхода в стратегическом партнерстве предпринимательских структур способствует образованию цепочек создания стоимости, которые значительно расширяют бизнес-границы между разными географическими регионами, рыночными сегментами и отраслями. Это дает возможность на межотраслевом уровне использовать клиентские базы, инфраструктуру и технологии. Развитие цифровых платформ позволяет также расширить ценностное предложение для потребителя через партнерство с другими поставщиками. Дополнительным источником прибыли становится ценность партнерского опыта, который одновременно в сегменте межфирменных партнерских отношений выступает приобретаемым благом.

Необходимо отметить, что экосистемное стратегическое партнерство, объединяющее производителей и потребителей, конкурентов-партнеров на базе цифровых экосистем и платформ, видоизменяет конкуренцию, меняет структуру межотраслевого взаимодействия, формирует новые правила на рынке, создает «голубые океаны». При этом происходит трансформация характера самой деятельности предпринимательских структур: от традиционного использования ресурсов к их координации (синхронизации, интеграции, комплементаризации), от оптимизации внутренних процессов к упрощению внешних контактов, от повышения потребительской ценности к максимизации ценности партнерского взаимодействия.

Стратегическое партнерство предпринимательских структур на основе экосистемного подхода предполагает рассмотрение структурных составляющих такого сотрудничества, которые, с авторской точки зрения, можно представить в виде модели на рис. 3. Входными дескрипторами формирования экосистемного стратегического партнерства (ЭСП) выступают рынки, целевые аудитории, базовые продукты, цели, стратегии, ресурсы и компетенции предпринимательских структур, которые определяют целевой вектор, специализацию, направления диверсификации профильного бизнеса, тип и структуру будущего сотрудничества в рамках цифровой экосистемы.

На практике основной целью формирования экосистемных стратегических партнерств является развитие профильного бизнеса ключевого партнера экосистемы (владельца бренда или центра принятия решений) посредством диверсификации его базового продукта (профильной совокупности товаров и услуг) на основе дополнения партнерскими продуктами и расширения сферы деятельности. Это подтверждается ключевыми принципами экосистемных продуктов, выделенных Дж. Тобиасом: «...в любой экосистеме есть базовый продукт и каждый продукт экосистемы взаимодействует с другими» [32, с.184]. Для формирования полноценной экосистемы именно сильный бренд должен стать основой создания совокупного продукта в глазах потребителя и передать ему те положительные качества, которыми ранее был наделён базовый продукт. Кроме того, по мнению А.А. Кобылко, «...экосистема только тогда сможет считаться полноценной, когда её наименование перестанет ассоциироваться у потребителей, в первую очередь, с базовым продуктом» [9, с.128]. К примеру, многие крупные компании, которые ассоциируются у потребителей с профильным бизнесом, такие как Apple (производство смартфонов и компьютеров), Google и «Яндекс» (поисковые системы), Сбербанк, Тинькофф и ВТБ (банковские услуги), «МТС» и «МегаФон» (операторы связи), VK и Facebook (социальные сети) в определенной степени развивают собственные финансовые, телекоммуникационные, развлекательные, медиа-, образовательные и прочие сервисы на основе экосистемного стратегического партнерства. Однако объединение нескольких компаний и их продуктов само по себе не формирует экосистему. Для этого должен проявиться образ, который позволит создать у потребителя философию

единого продукта через бренд. Соответственно, построение экосистемы связано с повышением силы бренда.

В современном цифровом мире предпринимательские структуры могут формировать и развивать экосистемное стратегическое партнерство в рамках пяти типов экосистем (платформ, инноваций, интересов, коммерции и вещей), которые предложили представители консалтинговой компании Gartner [17]. Компаративный анализ данных типов представлен в табл.1, из которой видно, что каждый тип экосистемного стратегического партнерства имеет свой фокус партнерских отношений и целевой вектор.

Таблица 1

Компаративный анализ типов экосистемного стратегического партнерства предпринимательских структур

№ п/п	Тип ЭСП	Фокус партнерских отношений	Целевой вектор ЭСП	Примеры ЭСП
1	Экосистема платформ	Программная платформа	рост (расширение) количества сервисов и услуг, в рамках платформы; увеличение комплементарности совокупного продукта	Apple, Google, Facebook, Dropbox, Airbnb, Uber, General Electric
2	Экосистема инноваций	Концепция «Открытых инноваций»	ускорение разработки новых продуктов и услуг; сокращение затрат на исследования; сокращение времени вывода на рынок новых продуктов и услуг	P&G Connect and Develop, Kraft Foods, GE Open Innovation, Samsung, Riversimple
3	Экосистема коммерции	Цепочки поставок	оптимизация взаимоотношений между участниками; координация участников для достижения индивидуальной или коллективной эффективности	ИТ-рынок, логистические цепочки поставок
4	Экосистема интересов	Сообщества по интересам	продвижение собственных продуктов и сервисов; развития инноваций	Reddit, Renren, Edmodo, Cyworld
5	Экосистема вещей	Интернет-Вещей (IoT)	доступа в реальном времени к информации об использовании продуктов и услуг; доступ к большим данным	Индустриальный интернет, логистические цепочки поставок, здравоохранение

Систематизировано, обобщено и дополнено авторами по источникам [12; 17]

Структурный каркас экосистемного стратегического партнерства предпринимательских структур составляют его участники — агенты-партнеры и роли, которые они исполняют. Авторами предлагается выделять четыре группы агентов ЭСП:

- партнеры-владельцы экосистемы — собственники профильного бизнеса, которые управляют экосистемой;
- партнеры-организаторы-провайдеры экосистемы — предпринимательские структуры, которые организуют весь процесс построения экосистемы, осуществляют взаимодействие с контрагентами, позволяют другим участвовать в экосистеме, продавать продукты и услуги через определенную платформу, осуществляют ее функционирование;
- партнеры — модульные производители экосистемы — предпринимательские структуры, которые вносят свой вклад в развитие экосистемы путем добавления своих товаров и сервисов к базовому продукту и участия в создании совокупного продукта;
- партнеры-потребители экосистемы — клиенты (люди), предпринимательские и другие структуры, которые извлекают

выгоду от участия в экосистеме и потребляют экосистемный продукт.

При условии, когда границы между участниками экосистемного стратегического партнерства размываются, они могут одновременно организовывать, использовать и потреблять сервисы экосистем, а также участвовать в нескольких экосистемах. Технично-технологической составляющей экосистемного стратегического партнерства выступает цифровая платформа и цифровая инфраструктура, с помощью которых осуществляются и поддерживаются технологические процессы в экосистеме. Продуктовую основу экосистемы составляют партнерские товары и сервисы (продукты-дополнители), которые дополняют и синхронизируют базовый продукт, создают его комплементарность и формируют экосистемный продукт. Важное значение в каждой экосистеме имеет функционал цифровой платформы, который позволяет остальным составляющим эффективно работать и совершенствовать свои товары и услуги. Функционал экосистемного стратегического партнерства составляет базис для дальнейшего развития экосистемы и её продукта, реализуя следующие функции:

- разработка концепции экосистемного продукта и контроль за реализацией ее отдельных элементов или в целом;
- разработка комплексной стратегии развития экосистемы;
- формирование задач и целевых показателей развития экосистемы;
- формирование порядка и правил выстраивания партнерских отношений в экосистеме и их развитие;
- генерация управленческих воздействий каждого партнера в экосистеме;
- выстраивание механизмов коммуникации между агентами ЭСП;
- формирование общей среды и взаимодействие с другими экосистемами, фирмами, государством, обществом;
- разработка проектов инновационного развития товаров и услуг внутри экосистемного продукта;
- отбор новых агентов-партнеров ЭСП;
- управление уровнем риска экосистемы и др.

Развитие экосистемного стратегического партнерства зависит от выбранной стратегии формирования и способов развития предпринимательских структур в рамках цифровых экосистем, вариативность которых представлена в табл. 2.

Рассмотренные составляющие формирования экосистемного стратегического партнерства предпринимательских структур определяют выходные дескрипторы для дальнейшего развития партнерских отношений, к которым относятся экосистемный продукт, экосистемные ценности партнеров и экосистемная синергия.

Каждый участник экосистемного стратегического партнерства получает свою ценность от партнерского взаимодействия в рамках экосистемы. Партнеры-владельцы снижают издержки на ресурсы для оказания услуг, получают возможность диверсификации и развития базового продукта, расширяют площадки посредством выхода в другие отрасли и на другие рынки. Партнеры-организаторы увеличивают клиентскую базу по использованию своих цифровых технологий и сервисов. Партнеры-модульные производители получают доступ к узким сегментам потребителей, у которых есть сформированная потребность, дополнительные цифровые сервисы для своей работы, возможности быстрого роста, диверсификации и снижения рисков, возможность изучать информацию по взаимодействию участников рынка и принимать решения по оптимизации этих взаимодействий, возможность давать более полный сервис потребителю, кардинально снижают расходы на маркетинг и продвижение своих товаров и услуг и др. Партнеры-потребители получают экосистемный (совокупный) продукт, который представляет собой результат взаимодействия агентов экосистемы в виде набора товаров, услуг и работ, объединённых единым зонтичным брендом.

Ценности партнеров в целом образуют экосистемную синергию стратегического партнерства, которая проявляется в превышении эффективности совместной работы агентов в рамках экосистемы над эффективностью их работы по отдельности. Стратегическое партнерство, на основе экосистемного

Вариативность стратегий формирования и способов развития экосистемного стратегического партнерства предпринимательских структур

№ п/п	Стратегии формирования ЭСП	Ключевые положения стратегии формирования ЭСП	Способы развития ЭСП
1	Стратегия ориентации на клиентов	Привлечение трафика (клиентских заказов), передача их партнерам-исполнителям и координация работы по заказам	Равноправное привлечение партнеровских ресурсов и компетенций
2	Стратегия ориентации на партнеров-исполнителей	Привлечение партнеров-исполнителей и организация их взаимодействия с клиентами в рамках платформы	Преобладание собственных ресурсов и компетенций с привлечением партнерских
3	Стратегия ключевого партнера-исполнителя	Создание собственной партнерской площадки и постепенное привлечение в нее других партнеров-исполнителей по мере роста количества заказов	Преобладание собственных ресурсов и компетенций с привлечением партнерских
4	Стратегия обслуживания рынка собственного продукта	Привлечение партнеров для обслуживания рынка, который формируется вокруг собственного (базового) продукта	Преобладание собственных ресурсов и компетенций с привлечением партнерских

Систематизировано, обобщено и дополнено авторами по источникам [15; 19]

подхода, все большую популярность приобретает в следующих отраслях и сферах предпринимательской деятельности: в электронной коммерции, e-grocery, образовательных онлайн-сервисах, услугах по доставке продуктов питания и готовой еды, предоставления услуг мобильной связи, финансовых и банковских услуг, облачных технологий, развлечений, оплаты услуг населения, транспортных и логистических услуг, туристической индустрии, государственных услугах и т.д.

Участие в цифровой экосистеме — необходимый этап развития предпринимательских структур. К числу наиболее известных мировых компаний, использующих экосистемный подход в стратегическом партнерстве, относятся следующие: Apple, Google, Microsoft, Facebook, Amazon, Alibaba, Tencent, Uber, Airbnb, Samsung, Dropbox, General Electric, P&G Connect and Develop, Kraft Foods, Riversimple, Edmodo и др. [12; 13].

На российском рынке яркими примерами экосистемного стратегического партнерства предпринимательских структур, которые активно развиваются в последние годы, являются следующие экосистемы: в банковской сфере — Сбер, ВТБ, Тинькофф; в сфере ИТ и телекоммуникаций — Яндекс, Mail.ru Group, VK, МТС, МегаФон; в сфере ритейла и классифайды — X5 Retail Group («Магнит»), Avito, Ozon, Wildberries; в сфере государственного управления — Госуслуги [9]. Эти компании фокусируются на экосистемном развитии партнерских отношений, формируют стратегию на 5–10 лет, постоянно добавляют в свои экосистемы новые сервисы, тем самым обеспечивая различные формы стратегического партнерства с бизнесом и клиентами, с целью более полного удовлетворения потребностей всех.

Необходимо отметить, что стратегическое партнерство является новым перспективным способом создания российских экосистем. Первые экосистемы на российском рынке, такие как Сбер и Яндекс, создавались и развиваются на основе диверсификации и дополнения собственных продуктов партнерскими сервисами. Другие компании — «Огонь» («Сеть партнерств»), Тинькофф, МегаФон, ВТБ, VK, Avito — развивают свои экосистемы на основе альтернативного способа — равноправного партнерства с другими компаниями путем привлечения их ресурсов и компетенций. Первый подход позволяет обеспечить полный контроль над всеми процессами экосистемы и сосредоточить данные в ее контуре, но требует значительных ресурсов. В свою очередь, развитие равноправного партнерского подхода позволяет быстро охватить большее число потребностей пользователя и одновременно избежать затрат на разработку собственных продуктов или приобретение других компаний.

Ярким примером модели полноценного равноправного стратегического партнерства на основе экосистемного подхода является российская компания «Сеть партнерств», которая в 2021 г. запустила в тестовом режиме экосистему «Огонь» — сервис единой подписки, который дает пользователям возможность получить скидки на товары и услуги различных компаний-партнеров, а также бонусы или привилегии от различных брендов. Прямыми конкурентами «Огня» являются существующие сервисы подписки «Яндекс.Плюс» и «Сберпрайм», но аналогичных по бизнес-модели сервисов в России пока не существует. Отличительной особенностью такой экосистемы является то, что партнеры равноудалены и не могут получить данные о клиентах друг друга [4; 5].

Также одним из самых ярких трендов 2021 г. стало наращивание финансовой вертикали в экосистемах ритейлеров за счет покупки небольших банков. Свои банки появились у Ozon («ОНЕИ БАНК», переименован в «ОЗОН Банк») и Wildberries (банк «Стандарт-кредит» переименован в «Вайлдберриз Банк»), а X5 Retail Group создал партнерский сервис с Альфа-Банком, встраивая его в экосистему как «X5 банк» [6].

В последние годы активное формирование и развитие стратегического партнерства посредством построения цифровых экосистем происходит в системе государственного управления. Создание комплексной инфраструктуры для предоставления госуслуг населению, предпринимательским структурам, некоммерческим организациям в рамках цифровых платформ позволяет значительно снизить транзакционные издержки и риски, повысить производительность труда, качество обслуживания и уровень удовлетворенности потребителей. Государство берет на себя функции создания и управления экосистемой, в которой взаимодействуют все участники платформы. Например, в европейских странах к 2025 году планируется полностью перевести в цифровой формат все государственные сервисы для граждан (открытие компании, поиск работы, запись в школу и детский сад и т.п.) [19]. В России сейчас активно развивается Единый портал госуслуг «Госуслуги», который по результатам

опросов, проведенных среди жителей городов с населением свыше 10 тысяч человек, имеет самый высокий индекс заметности и занимает вторую позицию в рейтинге по уровню доверия у населения [20].

На основании вышеизложенного, в качестве приоритетных направлений развития экосистемного стратегического партнерства авторами выделены следующие:

- стремительное развитие e-commerce на основе гибридных форматов партнерского взаимодействия офлайн- и онлайн торговли товарами и услугами, развития мобильных приложений для онлайн-продаж, активного внедрения элементов электронной коммерции в социальные сети, персонализации процессов продажи и др.;

- увеличение конкуренции цифровых экосистем в области финансов, заказов, доставки, покупок, развлечений, мобильности, здравоохранения;

- увеличение тренда на инвестиции в так называемые Tech-сектора, например, FoodTech, EdTech, HealthTech, MediaTech и пр., а также в системы анализа больших данных, облачные технологии, удаленные коммуникации, кибербезопасность, электронный документооборот, виртуальную защиту сетей (VPN), беспилотные автомобили, 5G, интернет-вещей (IoT) с целью внедрения их в состав экосистем;

- интенсивное увеличение структурных элементов существующих цифровых экосистем путем размытия границ между секторами и отраслями экономики, между конкурентами, их активное сближение;

- активное развитие модели равноправного стратегического партнерства в рамках цифровых экосистем в сегменте b2c-сервисов (бизнес-потребитель) компаниями-партнерами с развитой технологической платформой, хорошо интегрированными сервисами и бесшовным пользовательским опытом;

- введение государственных механизмов регулирования и поддержки цифровых экосистем.

Статья поступила в редакцию 05.10.2022.

Список использованных источников:

1. Аренков И.А. Цифровая трансформация: направления исследований и цифровые риски / И.А. Аренков, Я.Ю. Салихова, А.А. Сайфутдинов // Креативная экономика. — 2021. — Том 15. — № 7. — С. 2757–2776.
2. Андросова И.В. Стратегические партнерства как современная форма интеграции бизнеса в промышленности / И.А. Андросова, О.В. Согачева // Вестник университета. — 2020. — №10. — С.10–14.
3. Барчук И. Что такое цифровая экосистема? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://rb.ru/opinion/what-is-digital-ecosystem>. Дата обращения: 10.09.2022.
4. В России запустили первую экосистему, объединяющую независимые друг от друга компании // https://tass.ru/ekonomika/11996665?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com Дата обращения: 10.09.2022.
5. В России появился новый конкурент «Сберпрайма» и «Яндекс.Плюса» // <https://www.vedomosti.ru/business/news/2021/07/27/879742-v-rossii-poyavilsya-novii-konkurent-sberpraima-i-yandeksplyusa> Дата обращения: 10.09.2022.
6. Как российские компании развивают экосистемы — 2022 // <https://vc.ru/u/163530-nikolay-sedashov/349623-kak-rossiyskie-kompanii-razvivayut-ekosistemy-2022> Дата обращения: 10.09.2022.
7. Клейнер Г.Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. — 2019. — № 1. — С. 40–45.
8. Клейнер Г.Б. Социально-экономические экосистемы в свете системной парадигмы // Системный анализ в экономике-2018: материалы V Международной научно-практической конференции — биеннале (г. Москва, 21–23 ноября 2018 г.) / Под общ. ред. Г.Б. Клейнера, С.Е. Щепетовой. — М.: Прометей, 2018. — С. 5–14.
9. Кобылко А.А. Функции управления в бизнес-экосистемах // ЭКО. — 2021. — № 8. — С. 127–150.
10. Константиныди Х.А., Грибок Н.Н., Воробьева М.А., Артюшкова А.Ю., Зинченко Н.В. Компания как экосистема: актуальные инструменты управления. Коллективная монография. — Краснодар: Краснодарский ЦНТИ, 2020. — с.146.
11. Лучшие примеры цифровых экосистем и суперпаппов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://vc.ru/services/181804-luchshie-primery-cifrovyyh-ekosistem-i-superappov>. Дата обращения: 10.09.2022.
12. Лучшие примеры цифровых экосистем и суперпаппов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://vc.ru/services/181804-luchshie-primery-cifrovyyh-ekosistem-i-superappov> Дата обращения: 10.09.2022.
13. Макаркин Н.П. Цифровизация бизнеса в условиях пандемии / Н.П. Макаркин, А.П. Горина, О.Н. Алферина, Н.В. Корнеева // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2020. — №11. — С. 80–85.
14. Мишина К.А. Преимущества экосистемного подхода в менеджменте организации / К.А. Мишина, А.А. Юссуф // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Сер.1. Экономика и управление. — 2021. — №1(36). — С.65–70.
15. Раянов Р. Что такое платформенный бизнес, создание платформы маркетплейса для отрасли. Бизнес-модель Платформа // <https://falconspace.ru/blog/chto-takoe-platformenny-biznes-sozдание-platformy-marketpleysa-dlya-otrasli-biznes-model-platforma> Дата обращения: 10.09.2022.
16. Сафрончук М.В. Влияние цифровой трансформации на бизнес и деловую среду // Цифровая экономика. — 2018. — № 2. Т.3. — С. 38–44.
17. 5 Стратегий построения Бизнес Экосистем // <https://denreymer.com/digital-ecosystem>. Дата обращения: 10.09.2022.

18. Тер-Григорьянц А.А., Деньщик М.Н. Механизм управления формированием и развитием инновационной экосистемы при переходе к новому технологическому укладу // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — 2019. — №3 (72). — С. 101–109.
19. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 82, [2] с.
20. Эксперты назвали «Госуслуги» самой заметной экосистемой в России // <https://rg.ru/2022/02/21/eksperty-nazvali-gosuslugi-samoj-zametnoj-ekosistemoj-v-rossii.html>. Дата обращения: 10.09.2022.
21. Adner R. Ecosystem as Structure: An Actionable Construct for Strategy. *Journal of Management*, 2017, Vol. 43, No. 1, January, pp. 39–58.
22. Alstyne M., Parker G., Choudary S. Pipelines, Platforms, and the New Rules of Strategy. *Harvard Business Review*. April 2016 Issue. Pp. 54–60 [Эл. ресурс]. URL: <https://hbr.org/2016/04/pipelines-platforms-and-the-new-rules-of-strategy> (дата обращения: 15.09.2022).
23. Ceccagnoli M., Forman C., Huang P., Wu D. J. Co-creation of Value in a Platform Ecosystem: The case of enterprise software. *MIS Quarterly*. 2012. Vol. 36. No. 1. Pp. 263–290.
24. Ecosystem as Structure: An Actionable Construct for Strategy. *Journal of Management*, 2017, Vol. 43, No. 1, January, pp. 39–58.
25. Gawer A. Bridging Differing Perspectives on Technological Platforms: Toward an Integrative Framework. *Research Policy*. 2014. Vol. 43. No. 7. Pp. 1239–1249.
26. Iansiti M., Levien R. *The Keystone Advantage: What the New Dynamics of Business Ecosystems Mean for Strategy, Innovation, and Sustainability*. Harvard Business School, 2004, Press: Boston, MA. Teece D. Explicating dynamic capabilities: the nature and microfoundations of (sustainable) enterprise performance. *Strategic Management Journal*, 2007, Vol. 28, No. 13, pp. 1319–1350.
27. Jacobides M. G., Cennamo C., Gawer A. Towards a theory of ecosystems. *Strategic Management Journal*. 2018. Vol. 39. No. 8. Pp. 2255–2276.
28. Kapoor R., Lee J. M. Coordinating and competing in ecosystems: How organizational forms shape new technology investments. *Strategic Management Journal*. 2013. Vol. 34. No. 3. Pp. 274–296.
29. Kapoor R., Lee J. M. Coordinating and competing in ecosystems: How organizational forms shape new technology investments. *Strategic Management Journal*. 2013. Vol. 34. No. 3. Pp. 274–296.
30. Moore J. F. Predators and Prey: A New Ecology of Competition. *Harvard Business Review*, 1993, May/June, pp. 75–86.
31. Teece D. Explicating dynamic capabilities: the nature and microfoundations of (sustainable) enterprise performance. *Strategic Management Journal*, 2007, Vol. 28, No. 13, pp. 1319–1350.
32. Tobias J. Accessibility and Product Ecosystems. *The Information Society*. 2007. Vol. 23. No. 3. Pp. 183–186.

ПОКАЗАТЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

И.Ю. Чуракова,

доцент департамента финансов Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург),
кандидат экономических наук
iychurakova@hse.ru
SPIN-код: 3981–7948

Ю.Р. Ичкитидзе,

руководитель департамента финансов Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург),
кандидат экономических наук
yichkitidze@hse.ru
SPIN-код: 1901–4945

К.С. Зорина,

магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)
kszorina@bk.ru

Роль небольших предприятий (МСП) в развитых и развивающихся странах значительна, а их «рождаемость» и «смертность» является важным индикатором делового климата. Большинство отечественных исследований сосредоточено на изучении МСП в целом по стране, однако, в России существует существенное расслоение малого бизнеса по уровням эффективности использования ресурсов. Данная работа сосредоточена на выявлении факторов устойчивого развития малых (и микро) предприятий в Санкт-Петербурге. Этот сектор обладает существенным своеобразием: быстрое изменение показателей объема полученной выручки (например, в среднем доля микро-предприятий в полученной выручке выросла за изучаемый период, с минимальной доли 8% в 2008 г. до максимальной доли 28% в 2021 г.), замещение значительного числа рабочих мест и рентабельность, существенно превышающая аналогичный показатель для крупных и средних компаний. Авторы считают, что одним из самых важных факторов роста данного сектора является существование специальных налоговых режимов.

Ключевые слова: малое предпринимательство, малый и средний бизнес (МСП), региональная экономика, Санкт-Петербург, факторы роста рентабельности МСП

УДК 334.72 ББК 65.290.31

Введение. Субъектами предпринимательской деятельности в России являются, в том числе, предприятия малого и среднего бизнеса (МСП). Проблемам малого предпринимательства,

его месту и роли в экономике посвящено большое количество исследований как отечественных [1; 2], так и зарубежных авторов [10]. Роль небольших предприятий в развитых и развиваю-

щихся странах значительна, а их «рождаемость» и «смертность» является важным индикатором делового климата. Например, в Индии малый бизнес производит 90% единиц промышленной продукции и 40% валовой добавленной стоимости в стране, создавая 6.7 млн. рабочих мест [10]. По данным Росстата, в последние годы 10–20% ВВП России создается предприятиями малого и среднего бизнеса. Развитие этого сектора является важным направлением, так как в определенной степени может стимулировать экономику. В разных странах МСП определяются по-разному с точки зрения капитала, выручки и других показателей (характеристики по российскому законодательству будут рассмотрены ниже), но для всех МСП характерны одни и те же типичные моменты, лежащие в области структуры, собственности и управления, культуры труда, процедур [9]. Процессы и процедуры в МСП обычно характеризуются неформальными и даже неясными правилами и процедурами и низкой степенью стандартизации и формализации. Если говорить о деловой культуре, то она обычно находится под влиянием менеджеров, органична и изменчива [5]. Это позволяет малому бизнесу быстро перемещаться из невыгодных ниш в более прибыльные, но и представляет немалую угрозу выживаемости самих компаний. Малые и средние предприятия имеют решающее значение для большинства развитых и развивающихся экономик. Они представляют собой основной генератор экономической активности и крупнейшую группу работодателей в частном секторе [6]. В то же время все они сталкиваются с растущим давлением, требующим повышения эффективности их деятельности и способности противостоять глобальной конкуренции. Именно поэтому развитие МСП является важным индикатором развития экономики страны.

Большинство отечественных исследований сосредоточено на изучении МСП в целом по стране, однако, в России имеется существенное расслоение малого бизнеса по уровням эффективности использования ресурсов, в первую очередь, капитала и труда [3]. Данное исследование было проведено на основе изучения количественных показателей деятельности МСП в Санкт-Петербурге, а также факторов, характеризующих особенности данного региона.

Целью настоящей работы стало выявление характеристик МСП Санкт-Петербурга, являющихся качественными драйверами увеличения численности МСП в регионе (как косвенная характеристика оживления делового климата). Исследование выполнено с опорой на методы статистического анализа данных официальной статистики (Росстат, Федеральная нало-

говая служба) и данных альтернативной (бизнес) статистики (СПАРК-Интерфакс), проведенного авторами исследования в формате фокус-группы, современных методов обработки и прогнозирования данных, методов кабинетного анализа научной литературы.

Развитие малого бизнеса в России и г. Санкт-Петербурге. В разных странах действуют различные границы малого предпринимательства, основанные на численности работающих и объеме выручки. Классификация предприятий в России установлена Федеральным законом 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (табл. 1).

Таблица 1

Классификация предприятий по размеру выручки и численности работников

Индикатор	Микро-предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия
Средняя численность работников	до 15 человек включительно	до 100 человек включительно	от 100 до 250 человек включительно
Выручка от реализации товаров и услуг за предшествующий год без учета НДС (после 2016 года)*	не более 120 млн рублей	не более 800 млн рублей	не более 2 млрд рублей
Выручка от реализации товаров и услуг за предшествующий год без учета НДС (до 2015 года)	не более 60 млн рублей	не более 400 млн рублей	не более 1 млрд рублей

* Предельные значения полученного дохода были изменены постановлением Правительства РФ от 4 апреля 2016 года № 265

Источник: официальный сайт ФНС.

Рассмотрим некоторые итоги деятельности малых предприятий в регионе за период с 2008 по 2021 гг. по данным отечественной статистики. Структура МСП в разрезе размеров позволит оценить общий тренд и предпочтительность в ведении предприятий. Каждый из существующих размеров (микро, малые и средние) обладает своими преимуществами. Согласно данным, распределение МСП по количеству менялась с течением времени следующим образом (рис. 1).

Динамика структуры микро, малых и средних предприятий

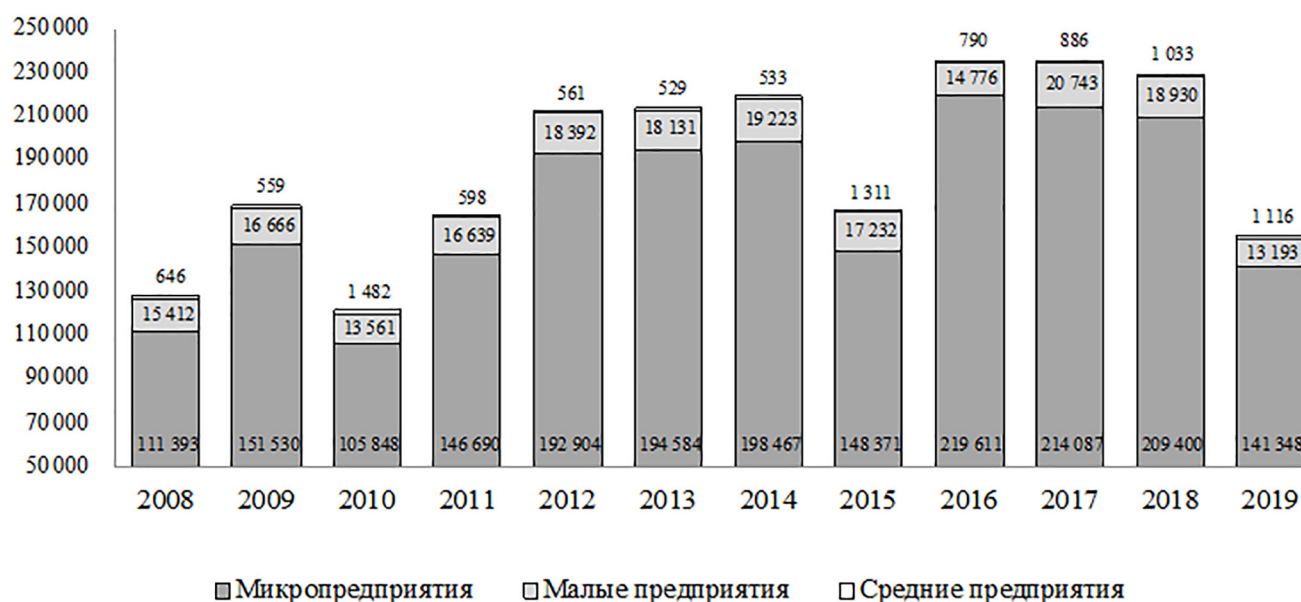

Рис. 1. Структура МСП по размерам в динамике

Источник: Сборник «Малое и среднее предпринимательство в России», ФНС, 2021.

Объем продукции (млрд. руб.)

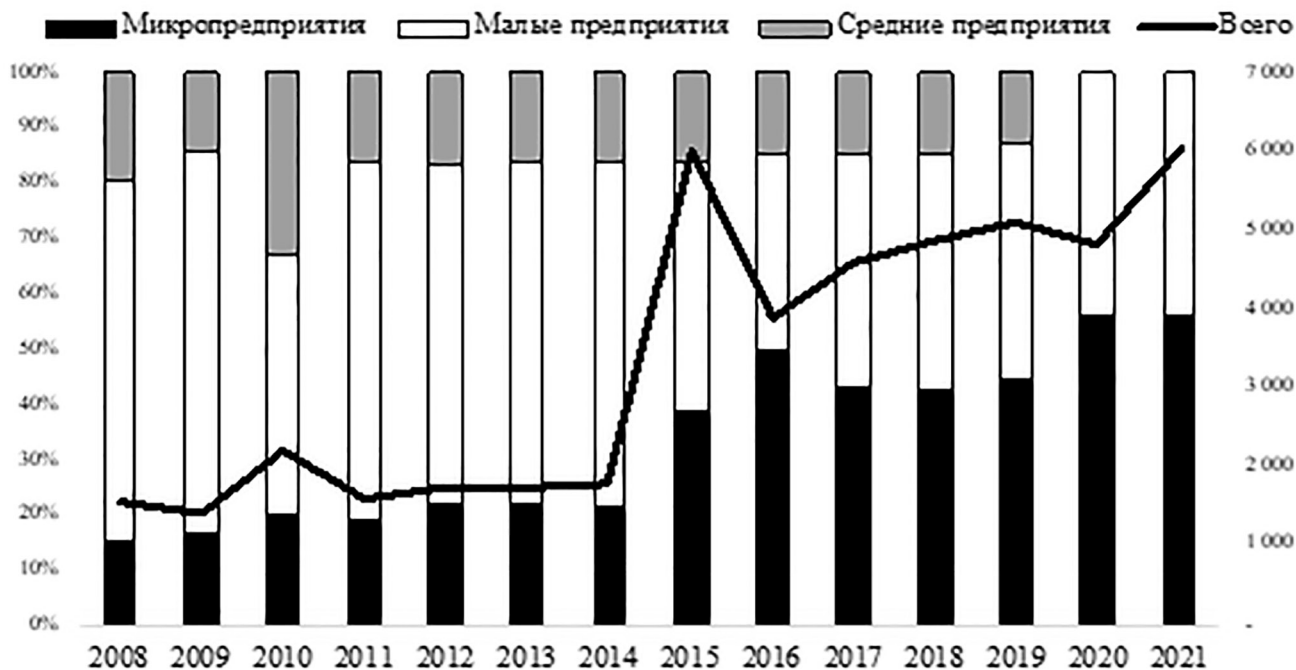

Рис. 2. Структура МСП по объему выпускаемой продукции, млрд. руб.

Источник: Сборник «Малое и среднее предпринимательство в России», ФНС, 2021.

На протяжении всего анализируемого периода, с 2008 по 2019 гг., по количеству микропредприятия составляли значительную часть от общего числа всех МСП. В среднем их доля составляла 90,2%, минимальная доля была 87,4%, а максимальная 93,4%. Максимальное число пришлось на 2016 год и составило 219 611, минимальное число существующих малых предприятий пришлось на 2010 год (105 848 предприятий). Однако, явные отклонения от общей тенденции, которые наблюдаются в 2010 и 2015 годах могут быть связаны с проведением в те же годы сплошного наблюдения, поэтому данные предоставляются не по фактическим сведениям, а рассчитываются примерно.

Также, согласно данным Росстата, в течение анализируемого периода малые предприятия занимали вторую по величине долю, которая составляла от 6,3% до 12,1%, в среднем микропредприятия по количеству составляли 9,3%. Минимальное

значение было достигнуто в 2019 г. - 13193 микропредприятия, а максимальное число в 2017 году. Используемые данные также свидетельствуют об отклонениях от общего тренда в 2010 и в 2015 гг., что, как и в случае микропредприятий, может быть вызвано проведением сплошного исследования в те же годы.

На основе данных, доступных на портале Росстат, была также построена динамика структуры МСП по объему выпускаемой продукции. Показатель включает в себя стоимость отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, а также выручка от продажи приобретенных на стороне товаров (без налога на добавленную стоимость, акцизов и аналогичных обязательных платежей). На графике (рис.2) изображена структура предприятий согласно выпускаемому объему, добавлены значения суммарного объема выпускаемой продукции.

Среднесписочная численность работников (тыс. чел.)

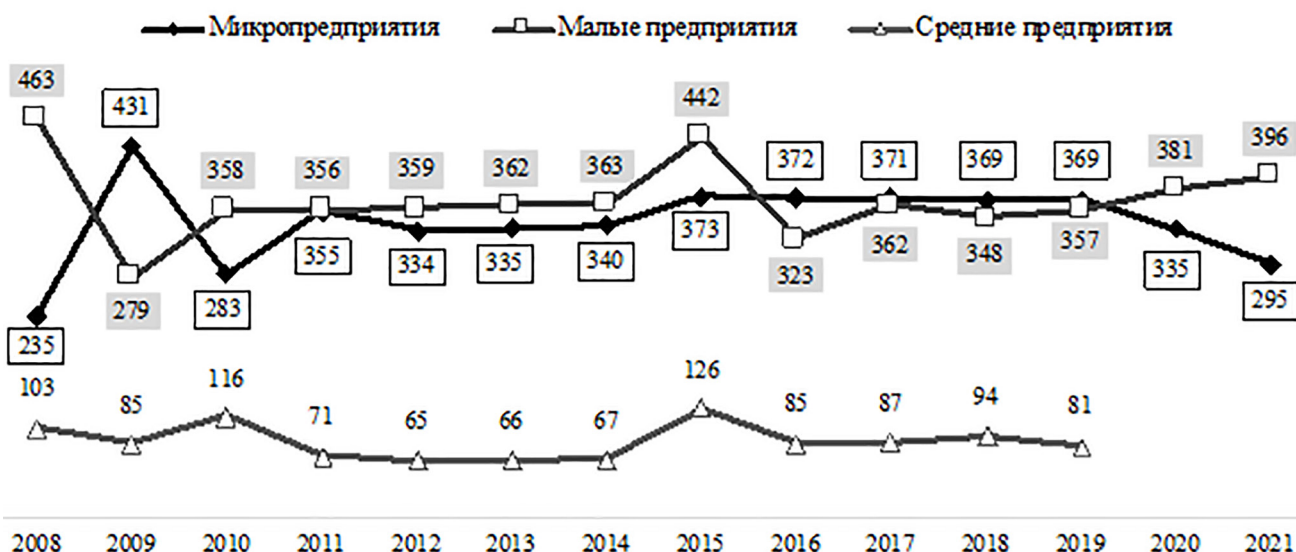

Рис. 3. Динамика среднесписочной численности сотрудников МСП

Источник: Сборник «Малое и среднее предпринимательство в России», ФНС, 2021.

Суммарная численность работников в разрезе видов деятельности

Виды деятельности	2021, Численность сотрудников, чел.			
	Крупные предприятия	Средние предприятия	Малые предприятия	Микропредприятия
Услуги	110 526	54 407	140 819	98 304
Логистика, транспорт	13 335	10 944	6 308	2 823
Геологоразведка	2 173		638	195
Производство	69 252	53 297	85 924	33 543
Строительство	32 220	16 506	33 013	27 468
Сельское, лесное, рыбное хозяйство			416	341
Торговля	65 478	28 355	45 447	15 481
Итого	292 984	163 509	312 565	178 155

При анализе размерной структуры МСП на основе выпускаемого объема продукции были сделаны следующие выводы относительно существующих трендов и показателей.

Во-первых, доля малых предприятий в случае анализа структуры выпускаемой продукции составляет наибольшую долю из всех изучаемых предприятий. Их часть от общего объема составляла в разные годы от 19% в 2016 г. до 37% в 2009 г. Однако, в денежном выражении наибольший и наименьший результаты были достигнуты в другие годы, наименьший показатель был в 2009 г., объем продукции, произведенной малыми предприятиями, составил 971 300 млн. руб., наибольший показатель, 2 731 209 млн. руб., был зафиксирован в 2015 г.

Во-вторых, в среднем доля микро-предприятий выросла, за изучаемый период, с минимальной доли 8% в 2008 г. до максимальной доли 28% в 2021 г. В денежном выражении тенденция аналогична. В 2008 году объем составлял 234 500 млн. руб., в 2021 г. 3 368 960 млн. руб.

На графике (рис. 3) представлена суммарная численность сотрудников, которые заняты в МСП разных размеров. Лидерами по числу занятых в разные годы являлись малые и микропредприятия. Однако, в последние изучаемые годы - с 2016 г. малые предприятия имеют положительный тренд, с каждым годом число занятых в малых предприятиях возрастает, за 5 лет рост составил 23%. Микропредприятия, наоборот, имеют явный нисходящий тренд, с 2015 г. количество занятых в таких предприятиях сокращается с каждым годом, общее сокращение составляет 21%.

Среднее значение заработной платы сотрудников малого бизнеса по всем отраслям в 2019 г. составляло 37 240 руб., оно увеличилось на 40% с 2017 г. Более того, работники микропредприятий имели наименьшую среднемесячную начисленную заработную плату.

В 2019 г. наибольшая среднемесячная зарплата была начислена работникам компаний, занимающимся обеспечением электрической энергией (50 358 руб.). Наименьшая среднемесячная зарплата была начислена в отрасли сельского и лесного хозяйства (28 070 руб.). В 2017 г. наблюдался резкий рост показателя в микропредприятиях, занимающихся добычей полезных ископаемых (62 838 руб.) и водоснабжением (54 012 руб.), в последующие годы значения были снижены.

Данные СПАРК по среднесписочной численности показывают, что в 2021 г. на микропредприятиях в среднем было занято по 31 человеку, на малых 58 и на средних — 142 человека (табл.1). При анализе общей численности сотрудников стоит отметить, что наибольшее число занятых всё же на малых предприятиях, наименьшее в средних предприятиях, что объясняется их немногочисленностью.

Таблица 2

Среднесписочная, средняя и суммарная численность работников в разрезе размеров компаний

Показатель	2021, Среднесписочная численность работников			
	Крупные предприятия	Средние предприятия	Малые предприятия	Микропредприятия
Число предприятий	718	1 155	5 415	5 681
Среднее значение в расчете на 1 предприятие	408	142	58	31
Итого	292 984	163 509	312 565	178 155

В разрезе видов деятельности малый бизнес (малые предприятия) лидируют по численности сотрудников в услугах и производстве, в строительстве и торговле их чуть меньше, чем сотрудников крупных предприятий (табл. 3). Микропредприятия занимают важное место по числу сотрудников в сфере услуг.

Таким образом, говоря о российской экономике и роли в ней малого бизнеса, можно сделать следующие выводы:

1. появление новых небольших предприятий, которые впоследствии могут развиваться в серьезный бизнес, в перспективе означает оздоровление предпринимательского климата,

однако в России за период с 2008 по 2019 гг. средний темп прироста составил 12.6% в год, а темп прироста по сравнению с 2016 г. (максимальная в этот период численность) составил - 20% в год от численности малых предприятий. Высокая волатильность показателя говорит о том, что малые предприятия быстро реагируют на изменения внешней среды, а регуляторных механизмов, поддерживающих нужный уровень деловой активности МСП не имеется;

2. сотрудники МСП замещают большое количество рабочих мест в 2019 г. Оно составило 753 тыс. человек. Здесь следует заметить, что с этого же года началось сокращение среднесписочной численности микропредприятий и рост численности сотрудников малых предприятий;

3. малый бизнес реализует также социальную функцию, она проявляется в их способности в больших масштабах поглощать незанятую рабочую силу, снижать социальную напряженность, давать возможность людям, имеющим задатки предпринимателя, реализовать себя в самых разных отраслях и областях деятельности. Зачастую будущих владельцев небольших компаний привлекает возможность сочетать работу и хобби, работу и воспитание детей, поддержать семейные традиции или застраховать себя от возможного увольнения, особенно в ситуации повышения границ пенсионного возраста;

4. формируется среда для развития малого бизнеса. По данным Глобального мониторинга предпринимательства, в 2020 г. Россия поднялась на несколько пунктов вверх в рейтинге оценки возможностей для создания бизнеса, заняв 43 строчку из 50 стран-участниц, что может быть связано с ростом сектора МСП в течение нескольких предыдущих периодов, но требует проведения отдельных детальных исследований [8].

Рентабельность и деловая активности МСП как фактор устойчивого развития

В последнее время утверждается, что процесс целенаправленного стимулирования роста МСП положительно влияет на благосостояние страны в целом, создавая новые рабочие места и богатство в целом. Кроме того, такой рост ведет к дальнейшему постоянному развитию и совершенствованию [7]. И в мире теоретиков, и в мире практиков МСП рассматриваются как движущая сила бизнес-среды. Несмотря на свои иногда недостаточные размеры, вместе взятые МСП оказывают огромное влияние на соответствующие отрасли. Так как базовым показателем, характеризующим результативность деятельности бизнеса, является рентабельность, то оценим различия между средними показателями рентабельности МСП и других участников рынка.

По данным СПАРК по уровню валовой рентабельности компании (отношение прибыли к выручке) по размеру надежно отличаются друг от друга, опираясь как на результаты дисперсионного анализа, так и на непараметрический тест Краскала-Уоллиса (табл.4). По результатам апостериорного теста статистически нет различий в средних и медианах по

рентабельности между средними и крупными компаниями, все остальные группы надежно отличаются друг от друга.

Самым высоким показателем рентабельности отличаются микропредприятия (но у них и самый большой разброс этого показателя), немного ниже показатель средней рентабельности у малых предприятий, но в целом у малых и микропредприятий рентабельность значительно превышает аналогичную характеристику для средних и крупных предприятий.

Таблица 4

Средние показатели рентабельности в разрезе размеров компаний

Размер компании	Средняя величина показателя рентабельности	Стандартное отклонение	Число компаний
Крупные предприятия	0.180	0.156	716
Малые предприятия	0.250	0.239	3179
Микропредприятия	0.303	0.682	1941
Средние предприятия	0.199	0.166	1098
Тест	Значение теста	p-значение	
F-test (ANOVA)	24.15***	0.0000	
Тест Краскала-Уоллиса	23,9***	0.0000	

Источник: расчеты авторов по СПАРК ИНТЕРФАКС (<https://spark-interfax.ru/>) дата обращения 22/07/2022.

Отчасти причина различий показателей рентабельности лежит в плоскости налоговых режимов, а не только размеров предприятий (табл.5). Показатели рентабельности выше для предприятий на УСН, а это в основном малые и микро-предприятия. Между видом налогового режима и размером предприятия наблюдается значительная ассоциация (Хи-квадрат равен 905.6415, Pr = 0.000). Таким образом, можно сказать, что действующая практика налогообложения малого бизнеса обеспечивает условия для его развития и повышения уровня рентабельности.

Таблица 5

Средние показатели рентабельности в разрезе налоговых режимов

Налоговый режим	Средняя величина показателя рентабельности	Стандартное отклонение	Число компаний
Общий	0.227	0.408	5851
ЕНВД	0.228	0.341	145
ЕСХН	0.111	0.525	3
УСН, ЕНВД	0.264	0.418	149
УСН	0.425	0.349	786
Тест	Значение теста	p-значение	
F-test (ANOVA)	42.68***	0.0000	
Тест Краскала-Уоллиса	216,0***	0.0000	

Источник: расчеты авторов по СПАРК ИНТЕРФАКС (<https://spark-interfax.ru/>) дата обращения 22/07/2022.

Для оценки показателей среднемесячной номинальной начисленной заработной платы Росстат дает следующие разрезы: по полному кругу организаций (данные есть начиная с 2000 г.), по организациям без малого предпринимательства (данные с 2012 г.), по малым, микро и средним предприятиям (данные Петростата есть только с 2017 по 2019 гг.). На Витрине статистических данных имеются данные по зарплате малых предприятий (без микро) с 2008 г. Именно они и были использованы для реконструкции исторической динамики зарплат на малых и микропредприятиях. Видна общая закономерность: чем меньше размер предприятия, тем меньше уровень выплачиваемых зарплат. Однако в 2019–2020 гг. наметилась тенденция к конвергенции зарплат на малых и микропредприятиях и зарплат по полному кругу организаций.

Видно, что, с одной стороны, есть взаимосвязь налоговых режимов и величины рентабельности компаний, в частности, относящихся к микропредприятиям и к малым предприятиям. Есть взаимосвязь между размером компании и ее рентабельностью. С другой стороны, сами предприниматели отмечают [4], что воспользоваться в полной мере этими возможностями трудно. Представители бизнеса отмечают, что существует слишком большое количество документов и разъяснений к ним по налоговым режимам и льготам, требуется значительное время, затрачиваемое на регулярной основе на мониторинг изменений и адаптацию к ним. В связи с этим многие микропредприятия и многие малые предприятия передают бухгалтерию на аутсорсинг (например, в обслуживающий банк) и даже не имеют быстрого доступа к собственной отчетности, что затрудняет процесс принятия решений и роста рентабельности.

Введение самозанятости также должно было упростить МСП процесс поиска специалиста для выполнения работ, но сложность трактовки законодательства в сфере взаимодействия МСП с самозанятыми и большое число проверок, связанных с договорными отношениями с самозанятыми значительно сокращают возможность использования новых форм занятости в деятельности МСП.

Снижают рентабельность и большое количество запросов на предоставление документов из контролирующих органов, зачастую дублирование пакета документов для одного и того же органа, но в связи с разными запросами, высокая трудоемкость сбора и предоставления бумажных документов, заверенных подписями и печатями вынуждает руководителей и собственников МСП собирать документы, теряя время, которое могло быть потрачено на принятие решений и развитие бизнес-среды.

Заключение. Малые предприятия создают благоприятные условия для оздоровления экономики: развивается конкурентная среда; идет насыщение рынка товарами и услугами; создаются дополнительные рабочие места; расширяется потребительский сектор; лучше используются местные сырьевые ресурсы. Поэтому развитие малых предприятий — это основа экономики любой развитой в экономическом отношении страны. По уровню развития малого предпринимательства можно судить о способности государства приспосабливаться к быстро меняющейся экономической ситуации.

Однако, мы видим, что показатели развития МСП в России и, в частности, в Санкт-Петербурге, не такие обнадеживающие, какими они могли бы быть. Основная проблема — это восприятие бизнеса как быстрой возможности обогатиться за счет использования экономической или политической конъюнктуры. К сожалению, у нас практически отсутствуют традиции семейного дела, передаваемого из поколения в поколение, которые так характерны для европейских стран. Для российских предпринимателей, относящихся к МСП характерна краткосрочная нацеленность на быстрый результат, ведь неизвестно, какие законы и изменения к ним будут приняты завтра, а также потребительский характер использования результата: прибыль тратится на себя, а бизнес подпитывается с помощью бесконечной череды кредитов. Молодые предприниматели часто не хотят развиваться, не видят перспектив ввиду отсутствия ясной политики государства и субъектов РФ в этой области. Кроме того, законы о поддержке предпринимательства номинально имеются, но большинство предпринимателей даже не знают о них, а власть ориентируется на крупные компании, определяющие тренды на рынке, с которыми проще договариваться, чем со множеством конкурирующих мелких компаний; производство укрупняется, монополизация растет. Для малого бизнеса просто не остается места, особенно в период потрясений и кризисов.

Эксперты данного научного проекта отмечают, что разрабатываемые планы по поддержке малого бизнеса ориентированы абстрактно на весь данный сектор. При этом совершенно не учитываются ни сферы экономической деятельности, ни социально-организационные различия в среде малых и микропредприятий. Многочисленные фонды поддержки малого предпринимательства озабочены в первую очередь своими проблемами и реальной помощи малым предприятиям не оказывают.

Меж тем, имеются потенциальные возможности для увеличения доходов от малых и микропредприятий на уровне

региона Санкт-Петербурга, так как рентабельность данных компаний существенно превосходит аналогичный показатель для крупных и средних компаний, одним из факторов этого различия авторы видят использование льготных налоговых режимов для данных компаний. Данная практика, несомненно, должна быть продолжена и поддержана снижением количества отчетов, требуемых от МСП, упрощения налогового законодательства в части трактовки законов и изменений к ним, а также реальной, а не номинальной помощи бизнесу в части доступа к финансовым ресурсам, закупочной и патентной системам.

Европейская ассоциация института политики МСП (<http://www.e-sme.eu/en/>) предложила программу развития и возрождения предпринимательства как чистого бизнеса, исторически способного производить товары и услуги без отходов или с ис-

пользованием переработки. Их предложение «Сначала думай о малом» направлено на смещение фокуса регуляторов в сторону МСП, чтобы глобальная экономика смогла достичь чистого нуля к 2050 году. Чтобы добиться этой цели, малые и средние предприятия, которые являются основой любой экономики, должны получить поддержку на своем собственном пути к Net Zero. Санкт-Петербург может и должен стремиться к тому, чтобы развить деловую среду бизнеса, поддерживая тех, кто стремится не к сиюминутному заработку, одноразовой прибыли, а тех, кто готов вкладывать силы и ресурсы в сотрудничество с природой, городской средой и людьми, в которых видит не «ресурс» или «среднестатистического потребителя», а полноценного партнера в сфере создания комфортной жизни для каждого.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022 г.

Список использованных источников:

1. Аношина Ю.Ф. Особенности применения специальных налоговых режимов для субъектов малого предпринимательства в России // Russian Journal of Management. Том 7. — 2019. — №2. — С. 21–25. https://doi.org/10.29039/article_5d4846be6331b5.96258406
2. Ермакова Д.Ф. Предпринимательские риски: есть ли лишние деньги у малого и среднего бизнеса? // Управление корпоративными финансами. — 2013. — №4. — с. 234–237.
3. Серова Л.С., Чуракова И.Ю. Роль микропредприятий в инновационном развитии регионов РФ // Инновации. — 2017. — №4 (222). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-mikropredpriyatij-v-innovatsionnom-razviti-regionov-rf> (дата обращения: 20.10.2022).
4. Отчет 1 этапа научно-исследовательских работ по теме: «Выявление факторов, определяющих рост реальных доходов населения, занятости и его влияние на увеличение доходов бюджета Санкт-Петербурга», Санкт-Петербург, 2022.
5. Ates, A., Garengo, P., Cocca, P. and Bititci, U. (2013), "The development of SME managerial practice for effective performance management", Journal of Small Business and Enterprise Development, Vol. 20 No. 1, pp. 28–54.
6. Carey P.J., (2015) «External accountants' business advice and SME performance», Pacific Accounting Review, Vol. 27 Issue: 2, pp.166–188
7. Carter, S. J.-E. (2006). Enterprise and small business: Principles, practice and policy. Harlow, England: Pearson Education.
8. Global Entrepreneurship monitoring, 2020. <https://www.gemconsortium.org/economy-profiles/russia> (Дата обращения 10.10.2022)
9. Larsson C., Syberfeldt A., Sdfsten K., (2017) «How to visualize performance measures in a manufacturing SME», Measuring Business Excellence, Vol. 21 Issue: 4, pp.337–350
10. Manikandan (2021) Performance Indicators and Trends of Small and Medium Enterprises of Economic Development in India, Zien Journal of Social Sciences and Humanities Zien Journal of Social Sciences and Humanities. Volume 1 Issue 1, p. 104–110.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНТРОЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПРИ ИНТЕРНЕТ ПРОДВИЖЕНИИ МАЛОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕСА

Н.Е. Лугерт,

аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
nally@mail.ru

Цифровизация, применение компьютерных программ, таких как CRM, CMS, CAS и т.д. справляются с глобальными задачами управления и развития бизнеса и мало уделяют внимания возможному алогичному принятию решений. Так называемый «человеческий фактор» способен разрушить налаженную систему. В данной работе произведен анализ процесса интернет продвижения с точки зрения ситуации возникновения препятствий из-за человеческого фактора. Выделены проблемные участки в бизнес-процессе, которые не могут быть автоматизированы и требуется участие сотрудников. Разработаны критерии оценки работы персонала с помощью концепции лингвистической переменной нечеткой логики. Составлен алгоритм оценки работы сотрудников, который можно использовать для совершенствования программ, используемых для управления на предприятиях, а также при создании цифрового двойника процесса управления.

Ключевые слова: управленческие решения при интернет продвижении, критерии оценки работы персонала, анализ работы сотрудников, цифровизация процесса продвижения, человеческий фактор

УДК 338.2 ББК 65.291.2

В современных реалиях разрабатываются алгоритмы выбора стратегии, создаются методы оценки эффективности, прогнозирования интернет-продвижения [1–3] в контексте цифровой трансформации бизнеса. Описана методика формирования цифрового двойника для малого предпринимательства и использования искусственного интеллекта для улучшения процесса прогнозирования при интернет продвижении [4]. Создание приложений для облегчения и улучшения менеджмента внутри компаний способствует росту контроля, выявлению проблемных зон [5]. Одной из внутрикорпоративных проблем является недоверие работников к своему руководству, а также тот факт, что большинство считает, что ставятся невыполнимые задачи — это показали независимые опросы сотрудников крупных и мелких компаний [6]. Более того, у малого предприятия,

например, часто импровизированный менеджмент заменяет традиционный (то есть зачастую управление процессами происходит по внутренним убеждениям работников, которые не совпадают с директивами руководства). Поэтому в малом предпринимательстве требуется анализировать бизнес процессы, оптимальность интернет продвижения через призму импровизированного менеджмента. Для этого необходим более серьезный контроль работников со стороны директора и убедительная аргументация, чтобы добиться выполнения поставленных задач.

На рынке цифровых приложений предложены различные программы для контроля приема входящих звонков, ведения бухгалтерского учета, маршрутизация заказов и т.д. Большинство компьютерных программ для оптимизации бизнес-процессов адаптируются конкретно под определенную организацию,

что финансово не доступно для малого предприятия. Автором статьи проанализированы и выделены программы для бизнеса с точки зрения полезности и финансовой доступности для малого бизнеса. В табл.1 перечислены эти программы, обозначены затраты на их обслуживание и отображены основные функции для оценки качества процесса интернет продвижения. Из табл. 1 следует, что за 2500 рублей в месяц можно иметь доступ к статистике, способствующей определить качество работы колл-центра по записям звонков, получить сведения для расчета стоимости развозки (доставки) и потраченного времени на логистику, а также оценить качество настройки рекламной интернет компании.

Таблица 1

Доступные компьютерные программы для анализа деятельности сотрудников

п/п	Название	Функции	Стоимость
1.	В А Т С (виртуальная АТС)	1. Распределение звонков по сотрудникам — сотовая связь, а также переадресация с корпоративного единого номера 2. Сбор общей статистики звонков — принятые \ пропущенные \ исходящие 3. Процентное соотношение по сотрудникам — сколько/какие звонки приняты. 4. Запись звонков. 5. Автоответчик	2500 руб. в месяц
2.	Навигатор. Яндекс	1. Маршрутизация по адресам — доступно до 50 адресов. 2. Подсчет общего километража. 3. Подсчет времени маршрута с учетом пробок на дорогах.	Бесплатно
3.	Метрика. Яндекс	Статистика отказов, количество посетителей, глубина просмотра, вебвизор и т.д.	Бесплатно

То есть с помощью вышеперечисленных программ можно изучать и контролировать следующие характеристики:

1. Качество рекламной кампании.
2. Качество приема заявок.
3. Логистика.
4. Оплата услуг.

Основным, часто используемым критерием эффективности интернет продвижения является количество посещений сайта, количество звонков на корпоративный номер, количество обработанных заказов и, в конечном счете, величина прибыли. В данной работе сделан акцент на определение параметров качества обслуживания звонков, клиентов. При настроенной работе интернет рекламной компании, но не с качественной обработкой входящих звонков — число заказов не увеличится, прибыль не вырастет. Предыдущие исследования в этой области [3] давали рекомендации при отсутствии увеличения количества заказов пересмотреть стратегию, ценообразование и/или перенастроить рекламную компанию — человеческий фактор не рассматривался. Автором статьи составлена таблица критериев оценки работников, участвующих в проведении рекламной интернет компании, назначены ответственные лица (см. табл.2). За основу взяты характеристики задач обработки заказов, которые чаще всего используются, а также те, которые больше всего вызывали нарекания со стороны клиентов. Это качество приема заявок (количество необработанных входящих звонков, процентное соотношение звонков к принятым заказам в работу), качество логистики — насколько оперативно производится выезд и прибытие к клиенту, своевременность оплаты услуг.

Выделенные критерии для оценки работы сотрудников были опробованы для анализа эффективности интернет рекламной компании, проводимой на предприятии ООО «Аврора». Оценка качества осуществления обработки заказов на этом микропредприятии необходима была из-за факта, что при увеличении количества звонков не было увеличения заказов, показатели эффективности рекламной компании были в норме. Анализ записей звонков с помощью приложения для ВАТС выявил:

1. Колл-центр в основном успевает принимать входящие звонки, но есть и пропущенные.
2. Менеджеры не берут в обработку некоторые заказы из-за кажущейся низкой маржинальности.

3. Клиентам сообщают уменьшенные часы работы.
4. Производится несвоевременная оплата услуг, необходимых для обслуживания клиента, что портит имидж компании.

Таблица 2

Критерии для оценки работы сотрудников, участвующих в рекламной компании

п/п	Задачи (бизнес-процесса)	Плохо	Удовлетворительно	Хорошо	Ответственные
1.	Настройка интернет рекламной компании	время на сайте <= 30 сек число отказов > 35%	45 сек > время на сайте > 30 сек 35% >= число отказов >= 25%	время на сайте >= 45 сек число отказов < 25%	специалист по рекламе
2.	Прием заявок	необработанные звонки >= 3шт заявок в работе < 25%	необработанные звонки < 3 шт заявок в работе >= 25%	необработанные звонки = 0 шт заявок в работе > 45%	колл-центр менеджер
3.	Логистика (выезды к клиентам)	не вовремя > 5 шт	не вовремя < 5 шт	не вовремя < 2 шт	водитель
4.	Оплата услуг	> 20 час	> 8 час	< 8 час	бухгалтер

Детальный разбор с сотрудниками выявленных проблем с входящими заявками показал:

1. Пропущенные звонки были отработаны — клиентам операторы колл-центра перезванивали. Поэтому критерием оценки колл-центра является количество «необработанных звонков», а не пропущенных. В программе ВАТС количество пропущенных звонков не изменяется, даже если клиентам потом перезванивали.

2. Понятие «маржинальности» менеджеры неправильно трактуют и расчет идет по неподтвержденным данным. Также были выявлены: завышение расхода бензина грузовой ГАЗели, километража маршрута и времени исполнения доставки. В итоге менеджеры были обучены составлению маршрутов для грузовиков в Яндекс-Навигаторе, а также определению этой программой километража маршрута (для подсчета расхода бензина) и расчета примерного времени развозки.

3. Запрещено уменьшение времени работы предприятия.

4. Обнаружилось нарушение коммуникаций менеджеров с бухгалтерией по финансовым вопросам. Работники бухгалтерии откладывали оплату на следующий день, считая это не срочным делом. После разъяснения и включения критериев оценки для бухгалтерии — выплаты стали своевременными.

Цифровизация бизнеса способствует уменьшению времени для определения проблемных участков в бизнес процессах и в управлении предприятием. В рассмотренном выше примере осуществления обработки заказов ООО «Аврора» выявлено, что каждый ответственный имел свое ошибочное убеждение из-за которого была не получена прибыль и потрачен впустую бюджет рекламной интернет компании.

Критерии для оценки деятельности сотрудников предприятия можно запрограммировать в виде отдельного программного блока. Автором статьи предлагается алгоритм этого блока построить на принципе нечеткой логики и определять качество работы сотрудников с помощью введения лингвистических переменных (методика применения лингвистических переменных ранее была описана [7, 8]):

1. Время на сайте с терминами {плохо [0, 30] , удовлетворительно [30, 45], хорошо(45, ∞)}
2. Число отказов {плохо [35, ∞), удовлетворительно [25, 35], хорошо [0, 25]}
3. Необработанные звонки {плохо [3, ∞) , удовлетворительно [1, 2], хорошо =0}
4. Заявок в работе {плохо [0, 25], удовлетворительно [25, 45], хорошо (45, ∞)}
5. Доставка не вовремя {плохо [5, ∞), удовлетворительно [2, 5], хорошо (0, 2)}

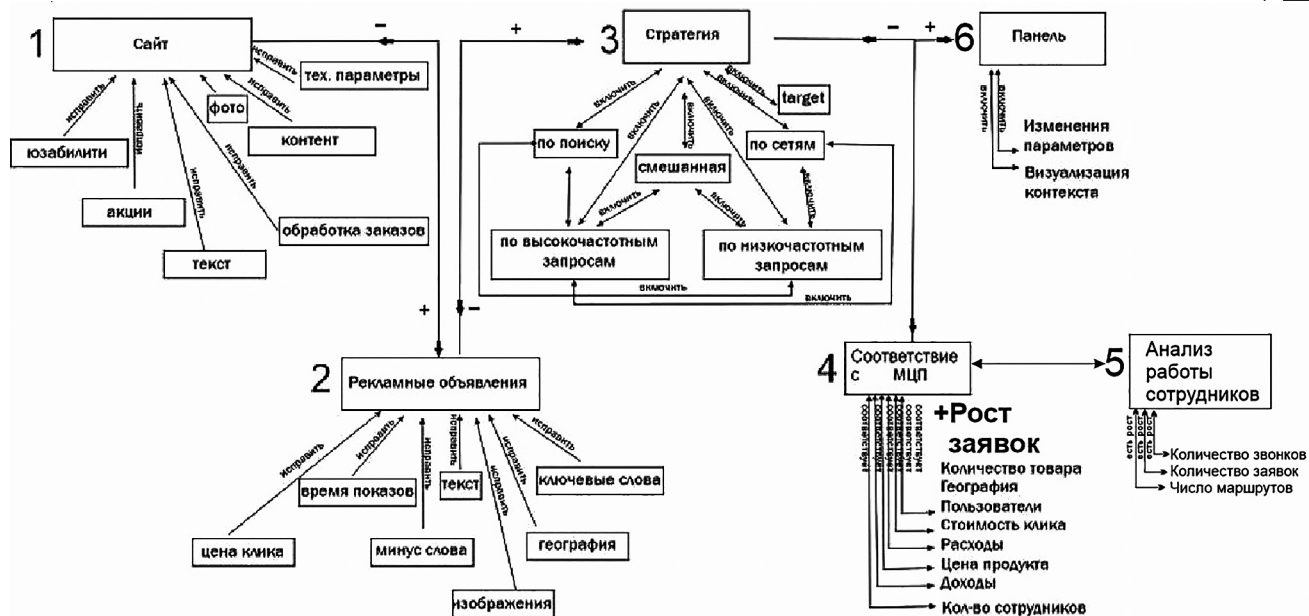

Рис. 1. Преобразованная концептуальная модель интернет продвижения

6. Оплата услуг {плохо [20, ∞), удовлетворительно [8, 20), хорошо (0, 8)}

Устанавливаем правило:

Если IF хоть одна лингвистическая переменная «Плохая» ТО/Then Требуется анализ, оценка осуществления рекламной кампании

Таким образом, установлено правило применения вышеперечисленных лингвистических переменных, которое может быть запрограммировано, как самостоятельный модуль, и может быть использован для внедрения в уже существующие цифровые модели управления предприятием. Например, в концепцию создания цифрового двойника процесса интернет продвижения, ранее описанную [6]. Тогда в концептуальную модель процесса интернет-продвижения, которая лежит в основе формирования цифрового двойника, необходимо добавить еще один пункт: «Анализ работы сотрудников» (см. рис. 1). В зависимости от оценки работы сотрудников по обработке заказов, будут предприняты следующие шаги: либо (при положительной оценке) вывод результатов, статистики с последующим предложением ввести новые, расширенные цели; либо (при отрицательной оценке) вернуться к исправлению ошибок.

В данной работе предложено два способа совершенствования контроля и анализа процесса интернет продвижения для малого предприятия. Первый вариант — это использовать существующие, доступные программные средства. Второй вариант —

формирование цифрового двойника процесса управления интернет продвижения. Первый вариант способствует выявлению некорректной работы команды без применения особых затрат на цифровизацию компании, что является доступным решением для микропредприятий. Второй вариант — создание цифрового двойника — это формат будущей ступени программного развития бизнеса. Несомненно, цифровой двойник по своим характеристикам масштабный проект и может быть применен, как на малом предприятии, так и в большом бизнесе.

Наличие импровизированного менеджмента в малом предпринимательстве подразумевает дополнительные временные затраты на разъяснения, приведение аргументации для четкого восприятия поставленных задач. Цифровые технологии можно использовать для визуализации целесообразности задач, посильности их исполнения, что стимулирует сотрудников к более активному, четкому исполнению своих обязанностей и улучшает понимание происходящих бизнес-процессов. Адекватное управление влияет на рост прибыли, рентабельность продаж и конкурентоспособность хозяйствующего субъекта [9].

Применение цифровых технологий ведет к переосмыслению внутриорганизационных отношений. Программные средства обеспечивают прозрачность выполнения задач, что позволяет улучшить контроль и реализацию управленческих решений.

Статья поступила в редакцию 14.09.2022.

Список использованных источников:

1. Мухтасаров А.Ф. Классификация и продвижение различных видов информационных продуктов методами интернет-маркетинга в малом и среднем бизнесе // Вестник Московского финансово-юридического университета. — 2017. — № 2. — С. 112–127.
2. Назаров А.Д. Модель эффективности технологии E-маркетинга на примере веб-студии IT-сферы // Вестник Академии знаний. — 2019. — № 4 (33). — С. 184–187.
3. Савельева И.П., Никулин Д.Н. Оценка эффективности интернет-рекламы с использованием систем веб-аналитики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. — 2014. Т.8. — № 3. — С. 99–105.
4. Lugert N.E. Creating a Digital Twin to the Online Promotion Process for Small Businesses // Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference «Digital Economy and Finances» (ISPC-DEF 2020) Published by Atlantis Press, 2020 Advances in Economics, Business and Management Research, volume 137, p.17–21. doi.org/10.2991/aebmr.k.200423.004
5. Кадилов Н.Т., Меркушова Н.И. Влияние программного обеспечения на практику и эффективность организационных коммуникаций // Креативная экономика. — 2015. — № 9(12). — С. 1561–1578.
6. Воронов А.С., Гапонова С.Н. Совершенствование организации управления как одна из составляющих повышения производительности труда для формирования инновационной устойчивости // Региональная экономика: теория и практика. — 2015. — № 15(390).
7. Чертина Е.В., Аминул Л.Б., Еременко О.О. Принятие решений по инвестированию ИТ-инноваций на основе нечеткой экспертной информации // Вестн. Астрахан. гос. техн. ун-та. Сер. управление, вычисл. техн. информ. — 2018. — №1. — С. 103–111. doi.org/10.24143/2072–9502–2018–1–103–111
8. Коханова В.С. Аппарат нечеткой логики как инструмент оценки эффективности цифровизации компании // Вестник университета. — 2021. — № 2. — С. 36–41. doi 10.26425/1816–4277–2021–2–36–41
9. Нунин В.А., Лугерт Н.Е. Инновационный подход к прогнозированию влияния факторов интернет-продвижения на ключевые показатели конкурентоспособности хозяйствующих субъектов // Экономика и управление. — 2022. — №28(6). — С. 595–605. doi.org/10.35854/1998–1627–2022–6–595–605.

ПРОБЛЕМЫ МАРКЕТИНГА. ЛОГИСТИКА

ВНЕДРЕНИЕ МОДЕЛИ ОТВЕТСТВЕННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ — ОСНОВА УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

А.В. Таничев,

доцент кафедры экономики, организации и управления производством
Балтийского государственного технического университета (Военмех) им. Д.Ф. Устинова (г. Санкт-Петербург),
кандидат экономических наук
tanichev_alex@mail.ru

Статья посвящена вопросам улучшения качества жизни в период глобального осознания и принятия императива устойчивого развития. Потребление рассматривается как исходная категория в диалектической паре «потребление-производство», целенаправленное управление которым, с учетом примата непроектного потребления, может быть достигнуто за счет перехода от доминирующей в обществе потребления модели потребительского суверенитета к модели ответственного потребления. Отмечено, что указанному переходу должны способствовать государственные и общественные институты, осуществляющие воздействие через как директивные инструменты (нормирование потребления), так и индикативные инструменты (воспитание ответственного потребителя или потребителя-гражданина) эндогенной и экзогенной природы. Показана роль анализа доминирующей социальной парадигмы в критической оценке состояния общества.

Ключевые слова: социальная парадигма, императив устойчивого развития, ментальный конструкт устойчивости, ответственное потребление, модель потребительского суверенитета, потребитель-гражданин, качество жизни

ББК С550.355; У9(2)0–94.0

Введение. Несомненно, общепринятая к реализации «мировым сообществом» (если таковое в настоящее время существует, кроме как в отражении документов ООН) концепция устойчивого развития, в основе которой, как минимум, сохранение материального баланса в отношениях с окружающей средой и социально-темпорального баланса относительно благополучия будущих поколений не может быть реализована без систем целенаправленных мероприятий. Основной принцип устойчивого развития для менее развитых стран, как можно заключить из [71, р. 1] состоит в том, «чтобы обеспечить производительную работу и лучшее качество жизни для всех людей». Трудно возразить, что это положение о качестве жизни не касается всех жителей Земли, а не только менее развитых стран. Качество жизни с каких бы методологических позиций его не определяли, непременно входит в парадигму устойчивого развития [7], где одним из центральных и определяющих концептов, на наш взгляд, следует считать «устойчивое потребление» («*sustainable consumption*» -- это термин, соответствующий первоначальной формулировке двенадцатой Цели устойчивого развития, ЦУР12, «*sustainable production and consumption*» [48]), которое часто определяется [78, р. 470] как *использование* [потребление — **авт.**] товаров и услуг, отвечающих основным потребностям и обеспечивающим лучшее качество жизни, при минимизации объема использования природных ресурсов, минимизации выбросов токсичных материалов и отходов и загрязняющих веществ на протяжении всего жизненного цикла *потребляемых товаров* и услуг, с тем, чтобы не ставить под угрозу удовлетворение *потребностей* будущих поколений [весь курсив наш — **авт.**].

Здесь нетрудно обнаружить ведущую роль потребления для устойчивости, что может быть подчеркнуто весьма лаконичным и верным положением [54, р.1]: «Ключевым элементом идеи устойчивого развития является переосмысление потребления». Интересно обратиться к следующему определению редко

рассматриваемой в России французской школы [64, р. 52], где ответственное потребление (*consommation responsable*) определяется [59, р. 72] как «совокупность осознанных действий в сфере потребления, осуществляемых исходя из осведомленности о последствиях, оцениваемых как негативные результаты потребления во внешнем мире относительно себя самого, причем эти последствия не соотносятся ни с функциональностью покупок, ни с непосредственными личными интересами». В этом определении можно заметить, что ответственное потребление толкуется таким образом, что предполагает одновременное противопоставление индивидуализма потребителя как возможным негативным изменениям состояния внешнего мира, так и необходимости оценивать функциональность покупок и/или их соответствие рациональным личным интересам (явное выражение крайних форм иррационального потребления [22, с. 291–292]).

Заметим, что сказанному соответствует основная идея настоящей статьи, а именно: «качество жизни» в итоге определяется «структурой потребления» (потребления в широком смысле, как материального, так и нематериального, а особо *интеллектуального*), а ассортимент (структура) и стиль потребления в данном случае адекватно вписываются в парадигму устойчивого развития. Принимая во внимание, что идеология общества потребления [16] способствует постоянному воспроизводству адекватной модели потребления, являющейся коренным механизмом развития этого «неустойчивого» общества, можно сделать вывод о необходимости трансформации этой модели потребления в интересах изменения общества в целом [22]. Сохранение и воспроизводство современной модели неустойчивого потребления определяется как «достаточно существенное негативное воздействие нынешнего неустойчивого развития на процесс перехода к устойчивому развитию» [6, с. 118], что «становится серьезным препятствием реализации заявленных целей и принципов устойчивого развития»

[там же]. Развитие неустойчивого потребления представляет собой присущий капитализму автоматический процесс, соответствующий логике причинно-следственных связей в системе «потребление-производство» капиталистического общества, которая, как и перспектива ее изменения, приводятся ниже:

Исходя из известного эффекта масштаба производства, или экономии масштаба (*economies of scale*), производитель заинтересован *производить как можно больше* (разумеется при гарантии постоянного спроса, который в настоящее время обеспечивается исключительно агрессивным коммерческим маркетингом, манипулирующим покупательским поведением потребителя [23], а также потребительским кредитом [27]), что также усиливается стремлением как можно скорее перенести стоимость средств производства на выпускаемую продукцию и произвести обновление технологий производства для повышения собственной конкурентоспособности.

Жизненный цикл товара в настоящее время сокращается не столько в силу физического, но морального износа, где воспринимаемый потребителем уровень последнего практически не связан с относительным снижением ценности потребительских (функциональных, вкусовых, *etc.*) характеристик товара, сколько спекулятивным повышением воспринимаемой потребителем ценности вновь выпускаемых товаров (характерный пример — череда моделей *iPhone* вплоть до недавнего выпуска 14-ой модели на момент написания данной статьи), что (наряду с интенсивной рекламой и системой *trade-in*) приводит к ускоренному прямому/опосредованному расходованию природных ресурсов, жизненных сил и свободного времени потребителя, вырабатывая новый спрос и заставляя потребителя в ускоренном порядке покупать новый товар для удовлетворения старых потребностей или для удовлетворения новых индуцированных (часто, сетевых) рекламным дискурсом, мягко говоря, не самых необходимых потребностей [18] (например, появление в России последних лет спроса на электросамокаты и вайперы).

В итоге можно принять следующий довольно банальный вывод: «Устойчивое потребление может быть реализовано только в том случае, если изменится поведение потребителей и производителей [77, р. 130]», в основе которого изменение структуры спроса и, следовательно, структуры и модели потребления. Как верно утверждается [53, р. 409], «в условиях рыночной экономики основная ответственность за ухудшение состояния окружающей среды лежит на потребителе», что ставит вопрос об ответственном потребителе [51], или потребителе-гражданине [66].

Таким образом, несмотря на *диалектическую* взаимосвязь в системе «производство-потребление», именно потребитель как носитель (по Котлеру-Келлеру [10, с. 51]) потребностей, желаний и спроса, как раз и является тем *управляемым* (несмотря на положения теории потребительского суверенитета, опирающейся на воспринимаемые ныне как наивные положения о рынке свободной конкуренции [50]) *регулятором*, который определяет структуру и модель потребления в зависимости от воздействия на него [повторимся: вопреки идее потребительского суверенитета] противоречивых сил со стороны производителя/продавца, государственных и общественных институтов [24], финансовых институтов [8] и (теперь со все большей силой) со стороны бренд-сообществ [21] и иных сетевых сил.

Следовательно, задача улучшения качества жизни, которую угрожает дальнейшее развитие неустойчивого потребления, состоит в трансформации модели потребления в направлении становления ответственного потребления, что соответствует положениям заключительного документа Всемирного саммита (1992) [75], где подчеркивается необходимость «поощрения изменений в неустойчивых моделях потребления» [*ibid.*, 4.1.b], чтобы обратить вспять «продолжающееся ухудшение глобальной окружающей среды», ведущее к глобальной катастрофе.

Однако, с чем, на наш взгляд, следует согласиться, реализация подобных изменений в модели потребления наталкивается на *два мифа*, которые негативно влияют на эффективность и результативность политики устойчивого развития [61]:

Первый миф — Решение проблем, корнем которых является неустойчивое потребление, якобы может быть найдено в

повсеместной и интенсивной организации и продвижении порою критически оцениваемого [40] устойчивого «зеленого потребления» (*green consumption*), в силу которого производство и продажа экологически чистых (эко-продуктов, органических продуктов, *etc.*) продуктов должны приводить к значительному улучшению состояния окружающей среды, что способно компенсировать и преодолеть негативные воздействия, связанные с достигнутым высоким и всевозрастающим уровнем потребления. Однако, как показал, например, опыт скандинавских стран [61, pp. 23–32] этому *технологически зеленому* подходу должны способствовать другие шаги, направленные на снижение объемов избыточного и ненужного потребления и поиск альтернативных способов более ресурсно эффективного удовлетворения потребностей.

Второй миф — Считается [*ibid.*, p. 34], что потребители должны взять на себя инициативу в переходе к устойчивому развитию, поскольку потребители несут ответственность за складывание ситуации на рынках. Однако, несмотря на утвердившееся в литературе определение [51] ответственного потребителя (*responsible consumer*) как лица, также часто именуемого потребителем-гражданин (*consumer citizen*) [66], которое учитывает в своей деятельности различные этические вопросы, касающиеся защиты окружающей среды, занятости и прав человека, а также оказания поддержки сообществу, обнаруживается [28] все больше свидетельств о том, что сам потребитель не является наиболее заметным сторонником становления устойчивого потребления. Следовательно, надежда на трансформацию модели потребления в сторону устойчивого (ответственного) потребления за счет развития зеленого консьюмеризма сомнительна [61, p. 34].

Резюме состоит в том, что эффективное улучшение качества жизни на основе перехода к модели ответственного потребления с меньшей нагрузкой на окружающую среду не может быть достигнуто исключительно за счет внедрения идеологии зеленого консьюмеризма и так называемых чистых технологий и товаров, но требует институционального вмешательства, которое, как показала история, достаточно эффективно осуществлялось за счет нормирования потребления. Сразу же оговоримся, что нормирование потребления в данном случае не сводится исключительно к директивным и индикативным методам [25] *ограничения* (или, мягче, коррекции) объемов потребления на B2C рынках, но не отрицая эти методы, скорее предполагает качественное изменение структуры потребления с возможной оценкой последствий как для окружающей среды, так и для потребителя.

О примате потребления и потребительском суверенитете. Сделаем еще раз (возможно для многих ненужное) пояснение, почему в статье делается акцент именно на потребление, причем потребление непроизводственное. Ощущаемое не только аналитиками современное движение нашей цивилизации к глобальной катастрофе заставляет принять следующий вывод [19, с. 13]: «будущее человечества в самой существенной степени зависит от того, будет ли императив устойчивого развития воспринят и реализован». Осознание и принятие этого императива привело к необходимой кодификации (*Agenda 2030*) целей устойчивого развития (ЦУР) [4], где ЦУР12 «Ответственное потребление и производство» суть которой, кратко говоря, «Обеспечить переход к рациональным моделям потребления и производства» [14]. Не можем не отметить одно лексическое изменение («устойчивое» заменено на «ответственное», чтобы избежать давно известного семантического конфуза с прилагательным «*sustainable*» [3]) и одно, казалось бы, незначительное синтаксическое изменение по сравнению с первоначальной формулой — «Устойчивое производство и потребление» — где «потребление» перешло на первое место (см. выше — **авт.**). Это отражает тот факт, который был уже отмечен во введении настоящей статьи, что на современном, в хрестоматийных терминах Ф. Котлера, «рынке покупателя» именно «потребление» представляет особый интерес в социально-экономическом пространстве [«потребление» — «обращение» —> «производство»], или (в более современных

терминах) [«потребление»→входящая/исходящая логистика/дистрибуция»→производство]. Кроме того, с учетом известного положения о понимании транспортировки/складирования как продолжения производства в сфере обращения формулу этого пространства можно редуцировать до [«потребление»→«производство»], где «потребление» находится на первом месте в силу того, что «потребление» следует считать исходной и конечной точкой любого маркетингового цикла (разумеется, при исключении манипулятивной роли коммерческого маркетинга, обеспечивающего инверсию этого соотношения). В этом противоречии между проповедуемым неолиберальными экономистами и кажущимся потребительским суверенитетом, и реальным суверенитетом производителя, который замещает потребительский суверенитет (суверенитет потребителя) [63], пожалуй, и можно найти главное противоречие в системе «производство-потребление». Добавим, что «альтернатива «суверенитета производителя» Гэлбрейта воплощает в себе фундаментальный конфликт между экономической элитой и бесправным населением» [47, р. 270]. В итоге потребительский суверенитет номинируется как миф, а более эмоционально как «очаровательный миф о потребительском суверенитете» [58, р. 580], с чем автор полностью согласен. На взгляд автора, марксовы положения о капитализме можно найти в следующей трактовке американского социолога и публициста, создателя теории постиндустриального общества, профессора Гарвардского университета Даниела Белла о сущности капитализма — «социально-экономическая система, ориентированная на производство товаров путем рационального исчисления издержек и цен, а также на последовательное накопление капитала для целей реинвестирования.» [34, р. xvi] — и истинного положения потребителя в нем, где «Соблазнение потребителя стало тотальным» [ibid., р. 70]. Миф о потребительском суверенитете разрушается пониманием истинной роли маркетинга в современном капиталистическом обществе, где последний, фактически манипулируя покупательским поведением потребителя, выступает не столько выразителем потребительского суверенитета, сколько суверенитета производителя, что Наум Хомский — американский лингвист, политический публицист, философ, профессор Массачусетского технологического института, — сравнивая потребителей в монополизированном рыночном обществе с «подопытными животными» (*experimental subjects*), сформулировал кратко и ярко «Производитель правит, а потребители должны лишь как-то защищаться» [39]. Заметим, что если ранее суверенитет производителя трактовался как характеристика экономических систем Советского Союза, а также стран Центральной и Восточной Европы в состоянии до 1990 г. [52], то теперь основная причина суверенитета производителя и его фактического примата над потребительским суверенитетом состоит в олигополизации рынка потребительских товаров и доминировании брендов над покупательским поведением.

Дело в том, доминирующий в капиталистических экономиках любого уровня развития/зрелости коммерческий маркетинг, он же микромаркетинг, или просто маркетинг (как он обычно именуется во всех современных российских учебниках и учебных программах), традиционно понимаемый как философия (идеология) и технология бизнеса, в конечном итоге имеет следующий алгоритм маркетингового цикла [22]: (1) изучение потребителя; (2) разработка или адаптация товара под выявленные (навязанные) потребности, желания и ожидания потребителя; (3) сделать маркетинговое предложение (реклама, продвижение и иные компоненты интегрированной маркетинговой коммуникации); (4) выполнить выигрышный маркетинговый обмен (ср.: классическое марксово $D - T - D'$); (5) вновь перейти к п. (1), то есть, возобновить на новом (в силу конкуренции) уровне рекуррентный маркетинговый (воспроизводственный) цикл. Отметим полноты ради, что в нашем представлении этого цикла не представлены стадии выделения и распределения чистой прибыли между соответствующими стейкхолдерами, т.е. то главное, ради чего и существует капиталистическое производство. Таким образом, в современном рыночном мире именно потребление играет решающую роль, а также таит в

себе, что соответствует идеологии общества потребления [9], потенциал того, что «материальное потребление превышающее реальные потребности может на самом деле снизить общее благополучие [32, р. 2487] как раз соответствующее реальному состоянию качества жизни населения.

Заметим, что именно о такой роли сферы потребления, задолго до попыток концептуализации маркетинга как науки (что произошло лишь в самом начале XX века) писал Адам Смит: «Потребление является конечной точкой и целью всякого производства, а о благосостоянии производителя следует заботиться лишь в той мере, в какой это может быть необходимо для повышения благосостояния потребителя» [70]. Впрочем, о реализации второй части этой сентенции классика можно лишь мечтать во времена доминирования коммерческого маркетинга, выполняющего помимо экономической еще и идеологическую роль, что заметно в подсознательной маскировке прибыли (место которой не определено в представленном цикле), поскольку маркетинг (являясь в стороне его исследовательский инструментарий) является в сущности идеологией общества потребления, обеспечивая манипуляцию покупательским поведением на основе следующей когнитивной инверсии: «Потребление ради жизни => жизнь ради потребления» [22].

Таким образом, в сложившейся системе отношений «потребление — производство», коммерческий маркетинг со все большей интенсивностью будет постоянно и расширенно воспроизводить ту модель потребления, которую именуют «неустойчивое потребление» (*unsustainable consumption*) [72]. Это приводит к тому, что доминирующий образ жизни, отражающий идеологию общества потребления, никак не может быть устойчивым, а потребление как индивидуумов, так и домохозяйств, выражаемое в его структуре и уровне и, помимо маркетинговой деятельности безгранично стимулируемое возможностями потребительского кредита [27], прямо или косвенно составляет большую и постоянно растущую антропогенную нагрузку на окружающую среду (в некоторых моментах соизмеримую и даже превышающую техногенную). Неустойчивое потребление является прямым результатом доминирования потребительского суверенитета (*consumer sovereignty*) [62] в развитых странах и стремления к нему в странах менее развитых. Да и наше российское общество, попав в минувшее тридцатилетие под агрессивное влияние невиданного до того агрессивного маркетинга, пошло по этому же пути. Поэтому, можно сказать, что движение общества в сторону реализации концепции устойчивого развития, мерилom которого является совершенствование (улучшение) качества жизни населения в сильнейшей степени, зависит от доминирующей в обществе модели потребления: потребительского суверенитета или ответственного потребления.

Об антагонистических моделях потребления и доминирующей социальной парадигме. Понимая, что выбор/разработку и применение инструментов нормирования потребления (в условиях относительно стабильного развития социально-экономических систем) следует, в первую очередь, рассматривать с точки зрения достижения определенного результата их дальнейшего развития на макроуровне, в рамках которого в настоящее время, с учетом императива устойчивого развития [19], видится переход к модели ответственного потребления [12] (также известного в отечественной литературе как «социально-ответственное потребление» [20]) от модели потребительского суверенитета, воспроизводящей неустойчивое потребление. Известно, что в крайне либеральном контексте неоклассическая идея потребительского суверенитета выражается следующим образом: «В условиях свободной рыночной экономики потребители [якобы — **авт.**] диктуют свои вкусы и предпочтения фирмам посредством принятия решений о структуре их спроса. Считается, что каждое выражение потребительских предпочтений представляется в виде некоего голоса в избирательной урне потребительской демократии и дает мандат на экономическую деятельность» [73]. Понятно, что эта упрощенческая идея о том, что только потребители контролируют происходящее в экономике, игнорирует альтернативные взгляды на потребительское поведение, где каждый потребитель рас-

смачивается не как суверенный агент, а как некий «подчиненный» в своих решениях и их исполнении, одновременно и в разной степени зависимый от поведения/интересов других потребителей, фирм и общества в целом, где он находится. Тем не менее, повторим, идеология потребительского суверенитета вполне соответствует системе ценностей общества потребления, продвижение которых успешно осуществляется за счет маркетинговой деятельности продавцов/производителей, манипулирующих покупательским поведением потребителя [22], ключевые принципы которого приводятся ниже [29]:

– Улучшение качества жизни людей настоящего поколения без ущерба для удовлетворения потребностей последующих поколений, что определяется возможностями доступа и получения необходимых ресурсов.

– Отделение задач обеспечения экономического роста от проблем, существующих при неустойчивом потреблении и соответствующих последствий, вызывающих деградацию окружающей среды.

– Повсеместное применение подхода жизненного цикла (*life cycle approach*), который состоит в идентификации как возможностей, так и рисков, связанных с потреблением/пользованием продуктами/технологиями на всем их «жизненном пути», что, в свою очередь, предполагает рассмотрение континуума подходов жизненного цикла: от качественных (мышление в рамках парадигмы жизненного цикла) до количественных (исследования по оценке возможностей и рисков с точки зрения устойчивости на всех фазах жизненного цикла) [74].

Защита от «эффекта отскока» (*re-bound effect*), который проявляется как парадокс и заключается в том, что благодаря вторичным эффектам повышение эффективности использования ресурсов приводит к уменьшению сокращения потребления энергии и/или материальных ресурсов, чем это могло бы ожидаться, или даже приводит к общему чистому увеличению объема использования ресурсов, что составляет проблему снижения негативного техногенного воздействия на окружающую среду и означает ухудшение результата мероприятий по ожидаемому резкому уменьшению потребления в результате повышения эффективности его потребления [46].

Следует обратить внимание на то, что улучшение качества жизни находится на первом месте среди перспективных задач внедрения культуры ответственного потребления. Благодаря влиянию экологического движения в США (1960–1970-е гг.), знаменем которого явилась книга Рэйчел Карсон — американского биолога, активиста охраны природы, писательницы — «Безмолвная весна» (*Silent Spring*) [37], утвердилась новая экологическая парадигма, НЭП (*New Ecological Paradigm*, NEP), вводящая меру одобрения «проэкологического» мировоззрения [30]. Основное содержание НЭП можно определить [11] как следующую совокупность ментальных установок: (1) человек как *homo sapiens* — лишь один из многих взаимозависимых биологических видов в биотических сообществах Земли; (2) земной мир имеет жесткие физические и биологические пределы [развития и потребления — **авт.**]; (3) человек не способен предусмотреть все нежелательные последствия своих действий [или даже не задумывается о них — **авт.**]; (4) другие виды живых существ [равно как и природа в целом — **авт.**] имеют такие же «экологические права», как и люди; (5) природный баланс хрупок и может быть нарушено столь необходимое для равновесия биоразнообразия; (6) существует ощущение реальности угрозы глобальной эсхатологической антропогенной/техногенной экологической катастрофы.

В 1980-е гг. была введена в научный оборот более реалистичная по сравнению с «мечтами» НЭП концепция «доминирующая социальная парадигма» — ДСП (*Dominant Social Paradigm* — DSP), определяющая мнения и убеждения существующие в обществе, на основании которых воспринимается, интерпретируется и оценивается функционирование окружающей социально-политической и экономической действительности [60] (то есть, картина мира, соответствующая доминирующей на данный период времени идеологии), будучи представлена в какой-то степени в контрпозиции к НЭП. Позже было критически определено [57], что ДСП современных развитых западных индустриальных обществ имеет непосредствен-

ное отношение к ухудшению состояния окружающей среды, а исследования ДСП должны проводиться в контексте идеологии и технологии макромаркетинга [56] или в одной из его поздних версий, известной как макросоциальный маркетинг [2]. Анализ ДСП представляет несомненный интерес для понимания вектора современного развития сообществ Запада, где именно *качество жизни* было номинировано как генеральная цель устойчивого развития и, несмотря на извечную проблему соотношения качественных и количественных исследований в социологии и маркетинге, все же именно *улучшение* качества жизни (а не количественное *повышение* уровня жизни) представляет собой главную целевую функцию устойчивого развития. Не единожды достаточно убедительно показано, что улучшение качества жизни и движение в направлении устойчивого развития являются однонаправленными [25, 41].

В свете сказанного нормирование потребления, обычно рассматриваемое как чуждое неолиберальной модели потребительского суверенитета и как бы нетипичное для демократии явление (практически вне зависимости от категории товара/услуги), в случае модели ответственного потребления вовсе не отождествляется во всех случаях с ограничениями и запретами, а, напротив, выглядит как рекомендательная (воспитательная) функция, а в ряде случаев и как стимулятор повышения или снижения потребления отдельных категорий товаров/услуг. Четкость фокусировки на тех или иных инструментах нормирования потребления и их действенности для смены моделей потребления определяется системами индикаторов качества жизни [1].

Понимая в настоящих условиях актуальным (по меньшей мере для развитых и особо развитых стран) для обеспечения условий устойчивого развития (устойчивости обществ) анализ ДСП (возможно в свете реализации положений НЭП), необходимо дать более развернутую характеристику указанным парадигмам и связать их с определяемой нами генеральной целью и интегральной многомерной метрикой устойчивости — качеством жизни. Кроме того, нелишне сделать уточнение по поводу собственно социальной парадигмы (*social paradigm*), поскольку замечена некоторая путаница в применении этого столь популярного сегодня термина. В конце прошлого века, чтобы анализировать более широкие социальные и культурные преобразования в обществе, было предложено [36, Introduction] обобщить (генерализовать) данное Томасом Куном определение научной парадигмы до социальной парадигмы, определив последнюю как совокупность понятий, ценностей, восприятий и практик, разделяемых сообществом на определенный период времени, посредством чего образуется особое видение реальности, лежащее в основе того, как общество самоорганизуется. Поэтому смена социальных парадигм, во многом происходящая за счет деятельности государственных и общественных институтов, как *экзогенный фактор*, оказывает внешнее воздействие на культуру потребления, тогда как ментальный конструкт потребительского поведения [15], как *эндогенный фактор*, создаваемый воспитанием потребителя (основной вклад в которое обеспечивает семья наряду с упомянутыми институтами), создает условия притяжения или отторжения культуры потребления, соответствующей доминирующей социальной парадигме.

Любая доминирующая социальная парадигма, как было отмечено выше, структурирует убеждения и восприятие мира обществом [57] или большей частью сообществ (включая сетевые) и, в соответствии с самой лаконичной формулировкой [35], устанавливает, как общество относится к природе и экологическим проблемам, представляя собой коллективный (принятый большинством в данный период времени — **авт.**) взгляд общества на социальные, экономические, политические и экологические проблемы. Эта, в целом нейтральная относительно проблем устойчивого развития и качества жизни формулировка, приобретает более сфокусированный на задаче обеспечения устойчивости общества вид в следующем виде «индустриализированная доминирующая социальная парадигма» (*industrialized dominant social paradigm*) [ibid.]. С точки зрения понимания потребления не только как средства жизнеобеспечения, но и средства выражения идентичности потребителя, что становит-

ся очевидным в обществах со смещением на верхние уровни пирамиды Маслоу, особый интерес приобретает толкование потребления как коммуникации, поскольку коммуникативная и социальная функция потребления как раз связана с идеей построения идентичности потребителей через потребление [68]. Вероятно, именно поэтому выдвинулись бренды как симулякры [38], представляющие в информационном поле мир товаров, подчиняющих своей воле действия потребителей, вовлекая их в неустойчивое потребление (модель потребительского суверенитета). Движение к модели ответственного потребления отображается в вытеснении из ДСП элементов неустойчивого потребления и ее пополнении элементами устойчивости [49].

О ментальном конструкте устойчивости. Разумеется, реализация концепции устойчивого развития зависит не только от потребителя, хотя его ментальный конструкт устойчивости [26] и занимает ключевую позицию в этом вопросе, а отсутствие или искаженность (показная кажимость) этого конструкта порождает многочисленные формы иллюзорной устойчивости, или «зеленого камуфляжа» (*greenwashing*) [42], но и от множества других стейкхолдеров устойчивого развития [45], среди которых особое место при обновлении понимания устойчивого развития занимают университеты [44], рассматриваемые нами одновременно как высшая точка и источник концептуальных и операционных решений в области образования для устойчивого развития, лежащего в основе формирования у потребителя необходимости перехода к модели ответственного потребления. Переход к этой модели не конфликтующей, но солидарной с задачей улучшения (совершенствования) качества жизни, не может быть автоматически осуществлен в рамках господства ценностей общества потребления, где рост потребления (в денежном выражении) рассматривается как источник прибыли агентов производства/дистрибуции и, следовательно, стимулируется все совершенствующимся арсеналом интегрированных маркетинговых коммуникаций. Вероятность такого перехода вполне соответствует достоверности рассказа одного барона о собственном спасении из болота, где он вытаскивает себя за собственные волосы.

В одной из весьма близких и далее расширенно комментируемой данной теме статье [17] под качеством жизни понимается результат целенаправленной деятельности органов управления [реализация законов и подзаконных актов так или иначе связанных с нормированием потребления — **авт.**], институтов гражданского общества [в первую очередь системы образования для устойчивости [6] — **авт.**], бизнеса [соблюдение корпоративной социальной ответственности и развитие менеджмента устойчивости [33], или менеджмента корпоративной устойчивости [69], а также принципов различных видов ESG-инвестирования [5] — **авт.**] и ответственных действий каждого человека [на наш взгляд, наделенного ментальным конструктом устойчивости [55] — **авт.**]. Все перечисленное оказывает влияние на становление модели ответственного потребления, но, на наш взгляд, важнейшим для этого должно быть появление социально ответственного потребителя (*socially responsible consumer*), определяемого как «тот, кто покупает продукты и услуги, которые, как считается, оказывают положительное (или менее негативное) влияние на окружающую среду, или кто благовоит предприятиям, которые пытаются произвести соответствующие положительные социальные изменения.» [67, р. 140]. Переход к ответственному потреблению требует определенного (порой немалого) усилия, которое на ранних этапах поддерживалось самой природой вкпе с инстинктом

выживания, далее эту роль играли патриархальные обычаи (сохранившиеся в известной степени и сейчас; например, среди народов Крайнего Севера в России) и религия. В условиях давно завершившейся индустриализации и современной тотальной и глобальной цифровизации эта роль переходит к институту образования, который «с социологических позиций ... рассматривается как социальный институт, выполняющий функцию социализации, приобщения к культуре данного общества» [13, с. 165]. Существенную часть этой культуры составляет культура ответственного потребления, рассматриваемая нами как базисная составляющая улучшенного качества жизни.

Понимая, что место и роль институтов образования в реализации концепции устойчивого развития заслуживают отдельных статей и монографии, все же сделаем несколько замечаний на эту завершающую статью тему. Устойчивое развитие, как отмечено выше, приняло императивный характер на всех уровнях государственных и социальных иерархий. Оно предполагает всеобъемлющие и далеко идущие трансформации и фундаментальные сдвиги во всех обществах. В академических кругах, как показал наш аналитический обзор, имеет место фактический консенсус в отношении того, что эти сдвиги могут быть вызваны только радикальными изменениями в образе жизни и доминирующих моделях потребления и производства. В результате, все такое движение ко всеобщему доминированию устойчивости как основы улучшенного качества жизни может быть достигнуто лишь при понимании и принятии положений о том, что образование (как синтез обучения и воспитания устойчивости) является неотъемлемым компонентом всех процессов устойчивого развития [43], а вовлечение населения в устойчивое развитие невозможно без изменения содержания и методов процессов обучения [76], целевая функция которых не должна ограничиваться передачей профессионального знания, но создавать ментальный конструкт устойчивости.

Заключение. Представленный в настоящей статье результат теоретического исследования (в значительной части имеющего базой зарубежные источники) вкратце сводится к следующему: (1) понимание примата (в первую очередь) непроизводственного потребления в диалектической паре «потребление-производство» обуславливает определяющую роль модели потребления в улучшении качества жизни; (2) движению общества в направлении реализации концепции устойчивого развития должен соответствовать переход в сфере потребления от модели потребительского суверенитета к модели ответственного потребления и, соответственно, воспитание его агентов — ответственных потребителей, или потребителей-граждан, активно участвующих в улучшении качества жизни; (3) необходимой для становления качества жизни, соответствующего ценностям устойчивого развития трансформации модели потребления соответствует становление новой доминирующей социальной парадигмы, основными чертами которой являются критическое отношение к ценностям общества потребления и принятия ценностей устойчивого развития; (4) особый интерес представляет пока еще недостаточно исследованный ментальный конструкт устойчивости, оцениваемый как важнейший эндогенный фактор становления ответственного потребления; (5) подчеркивается ключевая роль института образования для устойчивости, где должны быть, наряду с передачей обучаемым профессионального знания, интегрированы, релевантные устойчивости, функции обучения и воспитания, что должно (в идеале) осуществляться на всех уровнях этого института — от дошкольного до послевузовского образования — что является одной из важнейших составляющих качества жизни; и (6) в заметках по тексту (без выделения специального раздела) отмечается необходимость упорядочивания терминологической парадигмы устойчивости, что особенно важно для повышения эффективности и результативности системы образования для устойчивости.

Статья поступила в редакцию 02.10.2022 г.

Список использованных источников:

1. Аванесов Е.К. Качество жизни и стандартизация индикаторов устойчивого развития // Экономика качества. — 2014. — №1(5). — 6/н URL: <http://eq-journal.ru/pdf/05/%D0%90%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%BE%D0%B2.pdf>

2. Багиев Г.Л., Черенков В.И., Таничев А.В. Макромаркетинг как фактор обеспечения устойчивости экономики: генезис и диалектика развития // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. — 2020. — №3(123). — С.7–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/makromarketing-kak-faktor-obespecheniya-ustoychivosti-ekonomiki-genezis-i-dialektika-razvitiya>
3. Багиев Г.Л., Черенков В.И., Черенкова Н.И. Маркетинг для реализации концепции устойчивого развития: сущность и терминологическая парадигма // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. — 2018. — №4. — С.139–153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marketing-dlya-realizatsii-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya-suschnost-i-terminologicheskaya-paradigma>
4. База знания по ЦУР (2022) Организация Объединенных Наций. Департамент по экономическим и социальным вопросам. Устойчивое развитие. URL: <https://sdgs.un.org/ru/goals>
5. Вострикова Е.О., Мешкова А.П. (2020) ESG-критерии в инвестировании: зарубежный и отечественный опыт // *Финансовый журнал*. — 2020. — №12(4). — С.117–129. DOI: 10.31107/2075–1990–2020–4–117–129
6. Грачев В.А., Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А., Андреев А.И. Образование для устойчивого развития в России: проблемы и перспективы (Экспертно-аналитический доклад). — М.: Издательство Московского университета, 2017. URL: <http://fgp.msu.ru/wp-content/uploads/2017/10/ead.pdf>
7. Гузей В.А. (2021) Становление парадигмы устойчивого развития // *Финансовые исследования*. — 2021. — №4(73). — С.56–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-paradigmy-ustoychivogo-razvitiya/viewer>
8. Довбий И.П., Коврижжина Л.Н. Социальная ответственность бизнеса в контексте ESG-трансформации // *Управление в современных системах*. — 2022. — №2(34). — С.20–32. DOI: 10.24412/2311–1313–34–20–32
9. Коблева Э.А., Скаляхо З.Ч. Идеология потребления в духовной жизни современного общества // *Манускрипт*. — 2017. — № 1 (75). — С. 115–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-potrebleniya-v-duhovnoy-zhizni-sovremennogo-obschestva>
10. Котлер Ф., Келлер К.Л. *Маркетинг-Менеджмент*. — СПб: изд-во «Питер», 2007.
11. Кряж И. В. (2013) Роль экологической позиции личности в регуляции экологически значимых действий. Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАПН України. 7(33): 268–277 URL: https://datospdf.com/queue/kryazh2013ecological-positionpdf_5ae5b719b7d7bcf338e84a22_pdf?queue_id=1
12. Митина Э.А. Теоретические подходы к пониманию сущности ответственного потребления // *Теоретическая экономика*. — 2020. — №1, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-ponimaniyu-suschnosti-otvetstvennogo-potrebleniya>
13. Назаренко К.С. Образование как тип социальности и инструмент сохранения и развития общества // *Вестник Воронежского государственного технического университета. Серия. Философия*. — 2017. — №3. — С.164–170. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2017/03/2017–03–15.pdf>
14. Ответственное потребление и производство: почему это важно URL: https://www.un.org/ru/development/devagenda/pdf/Russian_Why_it_matters_Goal_12_ResponsibleConsumptionProduction.pdf
15. Романюха С. Влияние ментальной принадлежности на потребительские предпочтения и поведение // *Лаборатория мозга*. — 2010. — 13 марта. URL: <https://www.neiromarketing.ru/articles/11.htm>
16. Рязанов А.В., Сальшин А.А. (2018) Функции идеологии в обществе потребления. Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 7(6A):117–123. <http://publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2018–6/14-ryazanov-salshin.pdf>
17. Третьякова Л.А., Целютина Т.В., Подвигайло А.А., Сапрыка В.А. Институты гражданского общества как инструмент устойчивого регионального развития // *Региональная экономика: теория и практика*. — 2015. — №32. — С.18–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-grazhdanskogo-obschestva-kak-instrument-ustoychivogo-regionalnogo-razvitiya>
18. Тюрина С.Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст // *Вестник Ивановского государственного энергетического университета*. — 2011. — №4(37). — С.1–3. URL: <http://ispu.ru/files/75–77.pdf>
19. Устойчивое развитие: Новые вызовы / Под общ. ред. В.И. Данилова-Данильяна, Н.А. Пискуловой. — М.: Издательство «Аспект Пресс, 2015.
20. Хмелькова Н.В., Кушнарера А.А., Перевозчиков К.И. Теоретические аспекты и эмпирические исследования социально-ответственного потребления // *Практический маркетинг*. — 2015. — №10(224). — С.3–12. URL: https://www.bci-marketing.ru/2015/pm15_10.pdf
21. Черенков В.И., Благов Е.Ю., Старов С.А., Таничев А.В. (2021) Брендинг устойчивости и собственные торговые марки: от междисциплинарного подхода к трансдисциплинарному // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. — 2021. — №20(4). — С. 471–508. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2021.401>
22. Черенков В.И., Карпова С.В., Таничев А.В. Брендинг и модификация поведения потребителей в условиях кардинальной трансформации экономики // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. — 2020. — №19 (3). — С.285–315. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2020.301>
23. Черенков В.И., Карпова С.В., Таничев А.В. Маркетинг устойчивости и теория культуры потребления // *Маркетинг и маркетинговые исследования*. — 2020. — №3. — С.172–183. URL: <https://grebennikon.ru/article-drsl.html>
24. Черенков В.И., Старов С.А., Гладких И.В., Кирюков С.И., Назаренко Е.А. Превращение собственной торговой марки производителя экопродуктов в бренд устойчивости — путь к ответственному потреблению // *Маркетинг и маркетинговые исследования*. — 2021. — №3. — С.194–207. URL: <https://grebennikon.ru/article-ukvf.html>
25. Черенков В.И., Таничев А.В. Улучшение качества жизни как результат становления культуры ответственного потребления // *Проблемы современной экономики*. — 2022. — №3(83) URL: <http://www.m-economy.ru/index.php?nMiscNum=9>
26. Черенков В.И., Цой Е.В. Дилемма глобальной диффузии инноваций и осуществимость всеобщего устойчивого развития // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. — 2019. — №5(119). — С.15–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dilemma-globalnoy-diffuzii-innovatsiy-i-osuschestvимость-vseobshchego-ustoychivogo-razvitiya>
27. Ahlstrøm, R., Gdrling, T., Thøgersen, J. (2020) Affluence and Unsustainable Consumption Levels: The Role of Consumer Credit, Cleaner and Responsible Consumption, <https://doi.org/10.1016/j.clrc.2020.100003>.
28. Akenji, L. (2012) Consumer Scapegoatism and Limits to Green Consumerism. Global Research Forum on SCP workshop — “Global and Regional Research on Sustainable Consumption and Production Systems: Achievements, Challenges and Dialogues” June 13–15, 2012, Rio de Janeiro — Brazil URL: https://www.iges.or.jp/en/publication_documents/pub/workingpaper/en/3411/akenji_consumer_scapegoatism_GRF_Rio.pdf
29. Andersen, E.G. (2019) Responsible Consumption and Production: White Paper. Storebrand Asset Management, URL: https://globalfundsearch.com/wp-content/uploads/2019/09/Responsible_Consumption_and_production_white-paper.pdf
30. Anderson, M. (2012) New Ecological Paradigm (NEP) Scale. Project: Learning Outcomes Assessment, URL: https://www.researchgate.net/publication/264858463_New_Ecological_Paradigm_NEP_Scale
31. Armitage, C., Conner, M. (2001). Efficacy of the Theory of Planned Behaviour: A Meta-Analytic Review. *British Journal of Social Psychology*, 40:471- 499 <https://doi.org/10.1348/0144666011164939>

32. Beddoea, R., Costanza, R., Farleya, J., Garza, E., Kent, J., Kubiszewski, I., Luz Martinez, L., McCowen, T., Murphy, K., Myers, N., Ogden, Z., Stapleton, K., Woodward, J. (2009) Overcoming systemic roadblocks to sustainability: The evolutionary redesign of worldviews, institutions, and technologies. *Perspective*, 106(8):2483–2489 URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2650289/pdf/zpq2483.pdf>
33. Beckmann, M., Schaltegger, S., Landrum, N.E. (2020) Sustainability management from a responsible management perspective. In: O. Laasch, R. Suddaby, R. E. Freeman, & D. Jamli (Eds.), *The Research Handbook of Responsible Management*. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 122–137 ISBN: 978 1 78897 195 9
34. Bell, D. (1976) *The cultural contradictions of capitalism*. Basic Books, Inc., Publishers, New York, URL: <https://voidnetwork.gr/wp-content/uploads/2016/08/The-Cultural-Contradictions-of-Capitalism-by-Daniel-Bell.-Book.pdf>
35. Bogert, J. M., J. Ellers, S. Lewandowsky, M. M. Balgopal, Harvey, J. A. (2022) Reviewing the relationship between neoliberal societies and nature: implications of the industrialized dominant social paradigm for a sustainable future. *Ecology and Society*, 27(2):7. <https://doi.org/10.5751/ES-13134-270207>
36. Capra, F., Luisi, P.-L. (2014) *The Systems View of Life: A Unifying Vision*. Cambridge University Press URL: <https://www.capracourse.net/wp-content/uploads/2015/12/Introduction.pdf> — Introduction
37. Carson, S. (1962) *Silent Spring*. Houghton Mifflin Company, ISBN-10: 0618249060 URL: <http://www.rachelcarson.org/SilentSpring.aspx>
38. Cherenkov, V.I., Starov, S.A., Gladkikh, I.V. (2020) Brand imitation in the modern simulacrum market versus marketing ethics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Management* 19 (2): 203–226. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2020.204>
39. Chomsky, N. (2000) Taking Control of Our Lives: Freedom, Sovereignty, and Other Endangered Species (IRC 20th Anniversary Speech) URL: <https://chomsky.info/20000226/>
40. Connolly, J., Prothero, A. (2008) Green Consumption: Life-politics, risk and contradictions. *Journal of Consumer Culture*, 8(1):117–145 1469–5405 DOI: 10.1177/1469540507086422
41. Cusack, Ch. (2019) Quality of Life and Sustainable Development. In: *Multidimensional Approach to Quality of Life Issues: A Spatial Analysis* B.R.K. Sinha, Springer URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-981-13-6958-2.pdf> <https://doi.org/10.1007/978-981-13-6958-2>
42. de Freitas Netto, S.V., Sobral, M.F.F., Ribeiro, A.R.B., Da Luz Soares, G. R. (2020) Concepts and forms of greenwashing: A systematic review. *Environmental Sciences Europe*, 32 (1): 19. <https://doi.org/10.1186/s12302-020-0300-3>
43. de Haan, G. (2004). Politische Bildung für Nachhaltigkeit. Aus *Politik und Zeitgeschichte*, (7–8):39–46. URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/28524/politische-bildung-fuer-nachhaltigkeit/>
44. Downs, T.J., Golowko, N. (2016) An Integrative Framework for Re-thinking 2nd Generation Sustainable Development (SD2.0) Projects, Education and the University as Catalyst. In: *Engaging Stakeholders in Education for Sustainable Development at University Level*, W. L. Filho, L. Brandli (eds.), *World Sustainability Series*, Springer International Publishing Switzerland, pp. 335–342 DOI 10.1007/978-3-319-26734-0_21
45. Filho, W.L., Brandli, L. (2016) Engaging Stakeholders for Sustainable Development. In: *Engaging Stakeholders in Education for Sustainable Development at University Level*, W. L. Filho, L. Brandli (eds.), *World Sustainability Series*, Springer International Publishing Switzerland, pp. 335–342 DOI 10.1007/978-3-319-26734-0_2
46. Freeman, R. (2018) A Theory on the Future of the Rebound Effect in a Resource-Constrained World. *Frontiers in Energy Research*. <https://doi.org/10.3389/fenrg.2018.00081>
47. Gintis, H. (1972) Consumer Behavior and the Concept of Sovereignty: Explanations of Social Decay. *The American Economic Review*, 62(1/2):267–278 URL: <http://www.umass.edu/preferen/gintis/GintisAER72.pdf>
48. GOAL 12: Sustainable consumption and production (n.a.) UN environment programme URL: <https://www.unep.org/explore-topics/sustainable-development-goals/why-do-sustainable-development-goals-matter/goal-12>
49. Gollnhöfer, J., Schouten, J. (2017) Complementing the Dominant Social Paradigm with Sustainability. *Journal of Macromarketing* 37(2):027614671769689 <http://dx.doi.org/10.1177/0276146717696892>
50. Hall, F. (1939) The Education of Consumers. *Public Affairs*, 3(1):5–8 URL: https://dalspace.library.dal.ca/bitstream/handle/10222/76066/Hall_vol3_no1.pdf?sequence=1&isAllowed=y
51. Hana, T-I., Stoelb, L. (2017) Explaining Socially Responsible Consumer Behavior: A Meta-Analytic Review of Theory of Planned Behavior. *Journal of International Consumer Marketing*, 29(2): 91–103 <http://dx.doi.org/10.1080/08961530.2016.1251870>
52. Harris, N. (2001) *Business Economics: Theory and application*. Butterworth-Heinemann. ISBN 0 7506 4454 0 URL: [http://mis.kp.ac.rw/admin/admin_panel/kp_lms/files/digital/SelectiveBooks/Business/Business%20economics.%20%20Harris,%20Neil\].pdf](http://mis.kp.ac.rw/admin/admin_panel/kp_lms/files/digital/SelectiveBooks/Business/Business%20economics.%20%20Harris,%20Neil].pdf)
53. Heiskanen, E., Pantzar, M. (1997) Toward Sustainable Consumption: Two New Perspectives. *Journal of Consumer Policy*, 20(4):409–442, DOI: 10.1023/A:1006862631698
54. Hofmeister-Tyth, A., Kata Kelemen, K., Piskyti, M. (2009) Environmentally conscious consumption patterns in Hungarian households. *Society and Economy*, 33(1):51–68. <https://doi.org/10.1556/socec.33.2011.1.6>
55. Karpova, S.V., Cherenkov, V.I., Cherenkova, N.I. (2019) A sustainable consumers' consumption in the context of Arctic circular economy. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering* 940 (2020) 012125 IOP Publishing doi:10.1088/1757-899X/940/1/012125
56. Kilbourne, W.E., Carlson, L. (2008) The Dominant Social Paradigm, Consumption, and Environmental Attitudes: Can Macromarketing Education Help? *Journal of Macromarketing* 28(2):106–121 https://www.researchgate.net/publication/247739398_The_Dominant_Social_Paradigm_Consumption_and_Environmental_Attitudes_Can_Macromarketing_Education_Help#:~:text=DOI%3A%2010.1177/0276146708314586
57. Kilbourne, W.E., McDonagh, P., Prothero, A. (1997) Sustainable Consumption and the Quality of Life: A Macromarketing Challenge to the Dominant Social Paradigm. *Journal of Macromarketing*, 17 (1): 4–24. <https://doi.org/10.1177/027614679701700103>
58. Korczynski, M., Ott, U. (2004) When Production and Consumption Meet: Cultural Contradictions and the Enchanting Myth of Customer Sovereignty. *Journal of Management Studies*, 41(4):575–599 URL: <https://proxy.library.spbu.ru:4767/eds/pdfviewer/pdfviewer?vid=5&sid=a7db081b-60a3-4398-aa0e-e590694f5394%40redis>
59. Lim, W.M. (2017) Inside the sustainable consumption theoretical toolbox: Critical concepts for sustainability, consumption, and marketing. *Journal of Business Research*, 78(2017):69–80 <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbusres.2017.05.001>
60. Milbrath L.W., Fisher, (1984) *Environmentalists: Vanguard for a New Society*. Albany: State University of New York Press. URL: https://archive.org/details/environmentalist00milb_0/page/n9/mode/2up
61. Mont, O., Heiskanen, E., Power, K., Kuusi, H. (2013) Improving Nordic policymaking by dispelling myths on sustainable consumption. *Nordic Council of Ministers*, ISBN 978–92–893–2589–9 <http://dx.doi.org/10.6027/TN2013-553>
62. Norkus, Z. (2003). Consumer sovereignty: Theory and praxis. *Problemos* 64:9–24 URL: https://www.researchgate.net/publication/282819824_Consumer_sovereignty_Theory_and_praxis

63. Oglethorpe, M.K. (1983) Aspects of the economic evolution of Malta since independence in 1964. PhD thesis, URL: <https://theses.gla.ac.uk/6623/7/1983Oglethorpephd.pdf>
64. Ozcaglar-Toulouse, N. (2005) Apport du concept d'identité à la compréhension du comportement du consommateur responsable: une application à la consommation des produits issus du commerce équitable. Gestion et management. Université du Droit et de la Santé – Lille II, Français. URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00300664/document>
65. Rationing of food and clothing during the Second World War (2022) The Australian War Memorial, URL: <https://www.awm.gov.au/articles/encyclopedia/homefront/rationing>
66. Ricci, C., Marinelli, N., Puliti, L. (2016) The Consumer as Citizen: The Role of Ethics for a Sustainable Consumption. Agriculture and Agricultural Science Procedia, 8:395–401 <https://doi.org/10.1016/j.aaspro.2016.02.035>
67. Roberts, J. A. (1993). Sex Differences in Socially Responsible Consumers' Behaviour. Psychological Reports, 73(1):139–148 <https://doi.org/10.2466/pr0.1993.73.1.139>
68. Schaefer, A., Crane, A. (2005) Addressing Sustainability and Consumption. Journal of Macromarketing, 25(1):76–92 DOI: 10.1177/0276146705274987
69. Sheehy, D., Farneti, F. (2021) Corporate Social Responsibility, Sustainability, Sustainable Development and Corporate Sustainability: What Is the Difference, and Does It Matter? Sustainability, 13, 5965. <https://doi.org/10.3390/su13115965>
70. Smith, A. (1976). An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations (first edition 1776), edited by R. H. Campbell & A. A. Skinner. Oxford: Oxford University Press URL: http://files.libertyfund.org/files/220/0141-02_Bk.pdf
71. Sustainable Development in a Dynamic World: Transforming Institutions, Growth, and Quality of Life (2003) A copublication of the World Bank and Oxford University Press URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/5985/WDR%202003%20-%20English.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
72. Thøgersen, J. (2014). Unsustainable consumption: Basic causes and implications for policy. European Psychologist, 19(2):84–95. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000176>
73. Trigg, A. (2002) Consumer Sovereignty. in: Microeconomics: Neoclassical and Institutionalist Perspectives on Economic Behavior, (eds.) S. Himmelweit, R. Simonetti, A. Trigg, London: Cengage, pp. 27–58. URL: <http://cws.cengage.co.uk/himmelweit/ch02.pdf>
74. UNEP (2004) Why Take A Life Cycle Approach? Life Cycle Initiative, URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/846Why_take_a_life_cycle_approach_EN.pdf
75. United Nations Conference on Environment and Development (UNCED) (1993) Agenda 21: Programme of action for sustainable development, Rio declaration on environment and development, 3–14 June 1992, Rio de Janeiro, Brazil. New York: UN Department of Public Inf URL: <https://www.un.org/en/conferences/environment/rio1992>
76. Vare, P., Scott, W. R. (2007) Learning for a Change: Exploring the Relationship Between Education and Sustainable Development. Journal of Education for Sustainable Development, 1(2):191–198. <https://doi.org/10.1177/097340820700100209>
77. Zitkiene, R., Kunska, S. (2020) A Theoretical Approach to the Impact of Sustainable Development Components on Sustainable Consumption. Regional Formation and Development Studies, 31(2):126–136 DOI: 10.15181/rfds.v31i2.2104
78. Žabkar, V., Kos Koklič, M., McDonald, S., Abosag, I. (2018) Guest editorial, In Search of Sustainable and Responsible Consumption. European Journal of Marketing, 52(3/4):470–475. URL: <https://doi.org/10.1108/EJM-04-2018-891>

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ СИСТЕМЫ НА ОСНОВЕ РАСПРЕДЕЛЕННОГО РЕЕСТРА В ОТРАСЛИ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ

Г.Л. Багиев,

генеральный директор ООО «Юбиквоут» (г. Санкт-Петербург),
заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор
bagievgl@mail.com

А.В. Пинчук,

генеральный директор ООО «ВидиГайд» (г. Санкт-Петербург),
кандидат экономических наук
spinchuks@mail.ru

В статье приводится методический подход организации и дизайна архитектуры данных распределительного реестра децентрализованной системы интернета вещей.

Ключевые слова: Интернет вещей, блок-чейн, дизайн архитектуры данных, архитектура данных, распределительный реестр

ББК У5–13в612

В данной работе предлагается практическая реализация автоматизированного информационного обмена предприятия за счет использования данных от IoT-устройств, обрабатываемых или хранящихся в децентрализованной среде, с последующим исполнением управленческих воздействий на основе универсальных производственных самоисполняющихся программ, которые носят название «смарт-контракты».

Архитектура системы по стандартизации данных для импорта в распределенный реестр, предлагаемая в данной работе, построена с использованием гибридного взаимодействия следующих компонентов (рис.1):

1. Файловая система децентрализованного типа (IPFS).
2. Глобальный блокчейн (Ethereum).

3. Среда исполнения смарт-контрактов (EVM Solidity)

4. Протокол консенсуса сети (PoW и PoV)

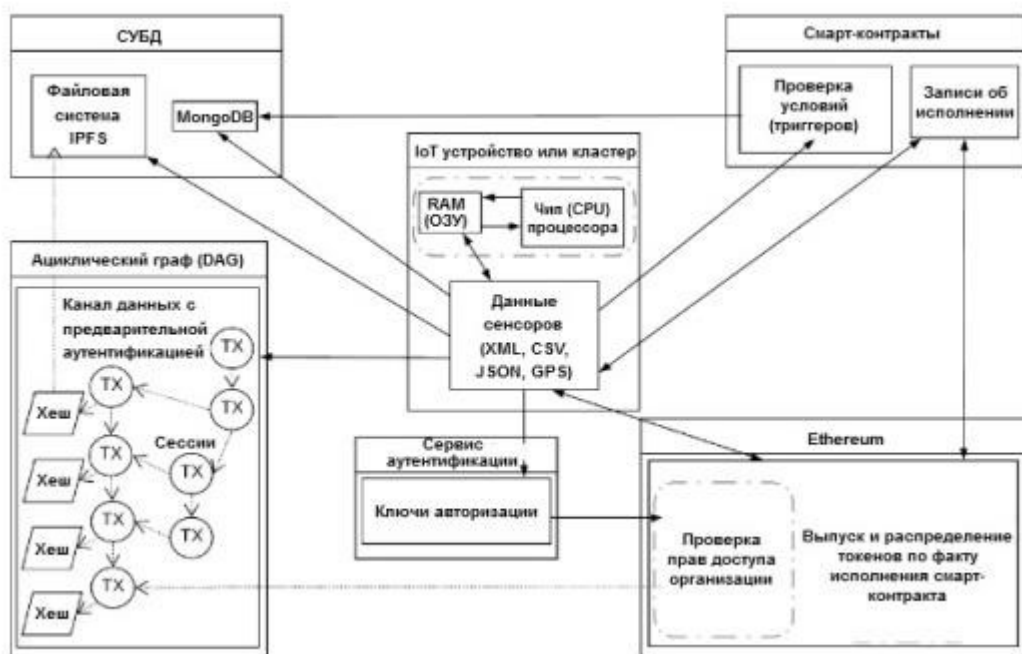
5. Ациклический направленный граф (DAG).

6. Нереляционная СУБД (MongoDB).

Опишем подробнее выбор каждого из элементов системы и принципы их работы. Для начала поясним, почему среди всего многообразия блокчейн платформ был выбран Ethereum.

Дело в том, что контекст работы с IoT устройствами предполагает обязательное наличие следующих блокчейн-системы:

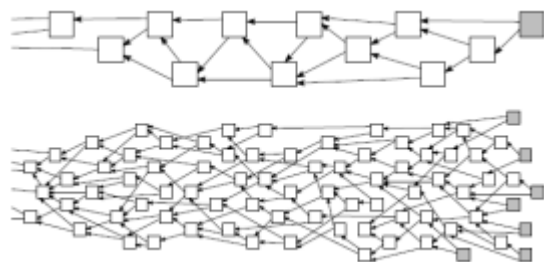
- Возможность исполнять смарт-контракты на базе условных функций;

Рис. 1. Архитектура гибридной системы для подготовки и стандартизации данных для импорта в систему распределенного реестра

- Эффективность использования ограниченной вычислительной мощности и памяти малых устройств;
- Возможность выпуска токенов для организационного управления;
- Корректность работы протокола сетевого консенсуса, определяющая степень надежности и достоверности данных распределенного реестра.

Поток данных устройств IoT при подготовке и стандартизации данных для импорта структурируется в виде направленного ациклического графа (рис. 2): вершины в нем представляют транзакции, а ребра — операции подтверждения достоверности. Когда создается новая транзакция, она должна быть подтверждена двумя предыдущими транзакциями, а результат представлен в виде направленных ребер.

Рис. 2. Направленный ациклический граф транзакций данных IoT

Направленный граф работает по принципу дерева «Меркла»: в его основе лежит криптографический принцип одноразовых блокнотов (one-time pads) с использованием шифра Вернама. Каждая запись в цепочке передается в виде зашифрованного маски потока данных (masked stream). Потоки данных имеют форму каналов, образованных связанным списком транзакций в хронологическом порядке, и содержат три идентификационных элемента:

- Идентификатор канала и ключ авторизации;
- Хеш-ключ корня (основания) дерева «Меркла», позволяющий произвести проверочные преобразования с помощью односторонней функции Лампорта;
- Порядковый номер записи, реализующий принцип Винтерница, для защиты данных от подмены в форме двоичного кода.

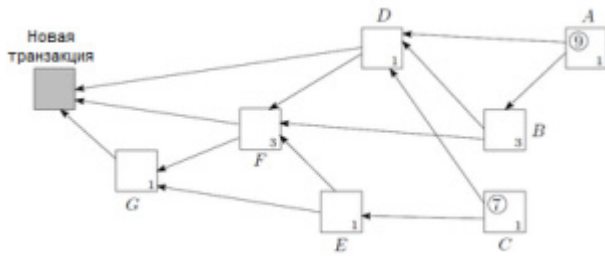
Другими словами, такая система авторизации позволяет пользователям подписываться (при наличии ключа) и следить

за потоком данных, генерируемым каким-либо устройством. Без ключа информация останется просто набором символов, поэтому поток данных не сможет прочитать тот, кому это не предназначалось. Главным аргументом в сторону использования именно ациклического графа, а не линейного блокчейн, является вычислительная эффективность, которую придает системе принцип дерева Меркла. Дело в том, что в обычном блокчейн каждая транзакция последовательно объединяется в цепочку блоков, и необходимо дождаться обработки хеш-функций всего набора, прежде чем достоверность будет подтверждена. То есть в гипотетическом примере для 10 транзакций понадобится 10 хеш-записей. Дерево Меркла позволяет сократить вычисления для тех же 10 транзакций: потребуется хеш корня, одной из родительских ветвей, и ключ дочернего «листка» (транзакции) — остальное вычисляется за счет зеркального отображения (и добавления пустых значений, если число записей нечетное), так как система основана на двоичном коде. Вместо 15 отдельных ключей, дереву Меркла достаточно всего 5 ключей для полной дешифровки. При этом на масштабе данная экономия становится еще более ощутимой. Это простое и оригинальное решение было предложено Ральфом Мерклом в 1979 г. в работе, посвященной созданию системы сертифицируемых цифровых подписей, используемой по сей день.

Данные преобразуются в JSON и записываются в реестр на основе файловой системы IPFS (межпланетная файловая система). IPFS создает устойчивую систему хранения и совместного использования файлов без единой точки отказа, в которой узлам не нужно доверять друг другу. Эта технология полезна для хранения данных, которые неудобно размещать в дорогостоящем блокчейн.

Проверка достоверности данных при записи производится на основе подписи двух предыдущих транзакций узлами, с использованием системы весов (рис. 3).

Принцип валидации при использовании ациклического графа предполагает необходимость действий по обработке утверждением других транзакций пользователей, что способствует обеспечению безопасности сети. Узлы проверяют, не являются ли одобренные транзакции конфликтующими, и не одобряют (прямо или косвенно) конфликтующие транзакции. По мере получения транзакцией числа одобрений (прямых или косвенных) одобрений, она становится все более принимаемой системой. Другими словами, будет сложнее (или даже практически невозможно) заставить систему принимать ложную

Рис. 3. Пример схемы расчета весов при валидации и стандартизации данных в ациклическом графе

или повторяющуюся транзакцию (с двойным расходом одной суммы). Большое количество узлов (узлы представляют собой микросхемы устройств с предустановленной прошивкой) следует данному правилу и выполняет следующие действия:

1. Узел выбирает для утверждения две другие транзакции. Он проверяет, не конфликтуют ли эти две транзакции, и не утверждает конфликтующие транзакции. Чтобы транзакция была признана действительной, узел должен решить криптографическую головоломку (требующую вычислительных ресурсов), аналогичную той, что используется при майнинге в блокчейн.

2. Вычисляется вероятность достоверности транзакции. Важно понимать, что возможны перерывы при работе сети, и

узлам может быть доступна различная выборка транзакций. Поэтому узел выполняет вычисление хеш-функции несколько раз и проверяет, какая транзакция с большей вероятностью будет одобрена. Если после 100 запусков алгоритма транзакция была утверждена 98 раз, мы говорим, что она подтверждена с достоверностью 98%.

3. Вычисляется совокупный вес транзакции: он определяется как сумма всех транзакций, которые одобряют эту транзакцию прямо или косвенно, плюс ее собственный вес.

Предлагаемое в работе использование глобальной сети блокчейн в сочетании с нестандартным подходом к процессу обработки потока IoT-данных на основе направленного ациклического графа позволяет получить ряд значительных преимуществ:

- обеспечить надежность хранения и защиту данных;
- снизить экономические затраты на сопровождение информационного обмена и транзакции по подтверждению в сравнении с полным хранением информации в реестре блокчейн;
- реализовать управляемую открытость и проверяемость данных с любого цифрового устройства, подключенного к сети Интернет;
- достигнуть нового уровня отказоустойчивости посредством распределенного хранения данных и устранения единого уязвимого центра обработки данных.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022 г.

Список использованных источников:

1. Багиев Г.Л. К вопросу разработки и функционирования комплексных систем децентрализованного управления на основе блокчейн-технологии с интеграцией данных среды «Интернета вещей» // Общество. Среда. Развитие. — 2020. — № 3 (56). URL <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-razrabotki-i-funktsionirovaniya-sistem>
2. Мартин Фаулер, Прамодукмар Дж. Садаладж. NoSQL: новая методология разработки нереляционных баз данных. NoSQL Distilled. — М.: «Вильямс», 2013. — 192 с. — ISBN 978–5–8459–1829–1.
3. Perrin M. Distributed Systems: Concurrency and Consistency. 1st Edition, ISTE Press — Elsevier, March 2017.
4. Wood G. Ethereum: a secure decentralized generalized transaction ledger, 2018. URL <https://ethereum.github.io/yellowpaper/paper.pdf>
5. Dwork C., Naor M. Pricing via processing or combatting junk mail // 12th Annual International Cryptology Conference, 1992. — p. 139–147. URL <http://www.wisdom.weizmann.ac.il/~naor/PAPERS/pvp.pdf>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ И ОТРАСЛЕВЫХ КОМПЛЕКСОВ

ДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КАК ДРАЙВЕР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕГИОНОВ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

А.Н. Васильев,

слушатель программы DBA-19 Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва), кандидат экономических наук
anvasilev2020@gmail.com

В статье рассмотрена сфера дорожного строительства (особенное внимание уделено автодорожному строительству) с позиций ее вклада в стратегическую трансформацию территориального расположения основных фондов экономики в условиях перехода к шестому технологическому укладу. Доказывается связь регионального экономического роста с плотностью дорожной сети, в частности, определяется рост коэффициента корреляции этих показателей с лагом 10 лет. Определены пределы экономического роста при выполнении стратегических показателей Комплексного пятилетнего плана дорожной деятельности на 2023-2027 гг., где плотность дорожной сети выступает ограничителем экономического роста. Сделан вывод о продолжающемся асинхронизме показателей государственного стратегического планирования на разных уровнях и в отраслевом разрезе. Рассмотрено инновационное для России строительство бетонных дорог как механизм, позволяющий сократить размер простого воспроизводства за счет более долгого срока.

Ключевые слова: государственное стратегическое планирование, пределы экономического роста, дорожное строительство, мезоэкономика

УДК 332.132 ББК 65.37

Введение. Государство предприняло в последнее время ряд шагов для формализации процессов стратегического планирования, выстраивания иерархической системы сопряженных стратегий. По оценкам экспертов, сейчас существует более 54 000 документов стратегического планирования (включая уровень муниципалитетов) и они, к сожалению, абсолютно не взаимосвязаны по ресурсам, срокам, а, зачастую, и целям. Ранее автором (см. [2]) была произведена оценка степени сопряженности документов государственного стратегического планирования, в т.ч. и по наличию в них системы сопряженных иерархически выстроенных критериев и показателей.

Приведем простой пример, демонстрирующий глубину проблемы. Очень важным является опережающее воспроизводство основных фондов всех отраслей экономики для реализации стратегических задач социально-экономического развития. Задача стратегического целеполагания в сфере строительства, шире – стройиндустрии, имеет первоочередную важность решения. Исследование государственных программ, действующих на январь 2022 года, показал, что индикаторы объема ввода основных фондов по годам планового периода заложены только в программу «Экономическое развитие и инновационная экономика» и то частично – в ее подпрограмму «Туризм».

Однако с 2014 года появилась законодательная база для создания именно взаимосвязанной иерархической системы планов¹. Отрасли, которые обеспечивают воспроизводственные процессы в экономике – строительство, в первую очередь, должны создать стратегии развития, которые в полной мере согласуются с государственным видением целей, задач и ресурсного обеспечения, их пространственного членения.

Особенное место здесь должно быть уделено дорожному строительству. Дорожное строительство как драйвер эконо-

мики регионов активно исследовалось именно в 2010–2014 гг. Тогда российские ученые (см. [1]) подвергли верификации идею о том, что «существует устойчивая корреляционная зависимость между плотностью автомобильных дорог и валовым региональным продуктом на душу населения, а развитие сети автодорог в значительной мере обеспечивает рост социально-экономических показателей региона» [1]. Тогда же были рассчитаны определены величины плотности автомобильных дорог по регионам (на примере Центрального федерального округа – ЦФО), необходимые для достижения стратегических задач роста региональных экономических систем.

Летом этого года появился комплексный пятилетний план дорожной деятельности на 2023-2027 гг. (утвержденный Распоряжением Правительства РФ 20 июня 2022 г. №1601-р). В данной статье предпринята попытка повторной, через 10 лет (последние данные предыдущего исследования относились к 2012 году), проверки наличия устойчивой корреляционной зависимости между плотностью автомобильных дорог и валовым региональным продуктом (также, на примере ЦФО), а также определение достаточности заложенного в документе роста плотности дорожной сети по регионам, для достижения стратегических целей социально-экономического развития России к концу планового периода.

При проведении исследования, в качестве исходных данных были использованы основные индикаторы, заложенные в группу документов, получивших общее название «Комплексный пятилетний план дорожной деятельности на 2023-2027 годы» (состоит из трех перечней мероприятий для автомобильных дорог Росавтодора с выделением отдельно дорог, находящихся у него в доверительном управлении и, отдельно, дорог, находящихся в оперативном управлении у подведомственных Росавтодору казенных учреждений – первые два перечня; последний перечень – это мероприятия для дорог регионального, межмуниципаль-

¹ Имеется в виду принятие федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [3]

ного или местного значения). Также использовались данные Росстата, Государственной компании «Российские автомобильные дороги», иные данные о дорожной сети России из открытых источников, например, Roads.Ru². В основу сравнения положено исследование Саралидзе А.М. и Доничева О.А. 2014 года [1].

Ранее в работе [1] Саралидзе А.М., Доничева О.А. была подвергнута верификации гипотеза о наличии зависимости между плотностью автомобильных дорог и уровнем развития экономики регионов. Период после распада СССР и плановой экономики, с ее территориальной структурой, к моменту исследования составлял 21 год, но данные по структуре и плотности сети дорог брались авторами за 2006 год, для создания временного лага получения эффекта в региональной экономике. Иными словами, они исследовали дорожную сеть, созданную еще в «старой» экономике и трансформируемую только 15 лет.

Думается, что при верности гипотезы, коэффициент парной корреляции за прошедшие 10 лет должен возрасти за счет приближения дорожной сети к структуре, потребной новой рыночной экономике России.

Исследование проводилось на данных 16 из 18 субъектов Центрального федерального округа (в указанной статье авторы подробно поясняют причины исключения из выборки города Москвы и Московской области). Расчет корреляции проводят по формуле коэффициента корреляции рангов Спирмена [4]:

$$\eta_{R_{xi}, R_{yi}} = 1 - \frac{6 \times \sum (d^2)}{n \times (n^2 - 1)}$$

где η – коэффициент корреляции рангов; x_i – показатель плотности как соотношение протяженности и территории в 1000 квадратных километров для автодорог; y_i – показатель валового регионального продукта, рассчитанный в стоимостных единицах на душу населения, тыс. руб./чел; R_{xi} , R_{yi} – номера рангов, указанных выше показателей, в их общей совокупности; d – обеспечивающий расчеты показатель разности между рангами; n – число взаимосвязанных значений x_i , y_i . [4]

В результате для 2012 года было получено расчетное значение коэффициента:

$$\eta_{R_{xi}, R_{yi}}^{2012} = 1 - \frac{6 \times 317}{16 \times (16^2 - 1)} = 1 - 0,46 = 0,54$$

На основании таблицы критических значений коэффициента Спирмена для 16 показателей, следует, что «незначимость» корреляции заканчивается значением 0,5. Далее, до 0,64, зона «неопределенности» и зона «значимости» начинается с 0,64.

Полученное значение коэффициента говорит о наличии прямой зависимости, но в 2012 году ее можно было отнести к спорному результату, находящемуся в диапазоне «зоны неопределенности», причем почти на ее нижней границе – ближе к зоне «незначимости» результатов ($\eta = +0,54$).

В табл.1 представлены собранные автором данные и предварительные промежуточные расчеты, необходимые для определения коэффициента парной корреляции Спирмена. Данные первого столбца получены автором на основании форм Росстата № 1-ДГ и № 3-ДГ(мо) для 2016 года и данных о площадях территории соответствующих субъектов [5]. Данные второго столбца получены, за отсутствием данных Росстата, из региональных источников и докладов официальных лиц региона за исключением данных, отмеченных (*) – это данные Росстата за 2020 год скорректированные на индекс роста ВРП, полученный из источников, указанных выше.

Для 2022 года результат расчета:

$$\eta_{R_{xi}, R_{yi}}^{2022} = 1 - \frac{6 \times 230}{16 \times (16^2 - 1)} = 1 - 0,338 = 0,662$$

Расчеты показали, что между плотностью и валовым региональным продуктом существует значимая прямая связь $\eta = +0,662$: она стала более явной, значение «перешагнуло» верхнюю границу зоны «неопределенности» и находится в зоне «значимости». Следовательно, выдвинутая нами гипотеза о на-

личии корреляционной зависимости между плотностью автодорог и развитостью экономики региона, которая была недостаточно выражена 10 лет назад, из-за несоответствия дорожной сети задачам «новой» экономики – дорожные сети в большей части оставались от прежней плановой экономики Советского Союза, верна. Корреляция есть, она устойчива и значима.

Таблица 1

Показатели для определения коэффициента корреляции рангов

Субъекты Центрального федерального округа (без Москвы и МО)	Плотность автодорог, км/тыс. км ² , 2016 г. X_i	ВРП, тыс. руб./чел, 2021 г. (лаг 5 лет) Y_i	R_x	R_y	$d = R_x - R_y$	d^2
Белгородская	803,5092	824,4152	1	1	0	0
Липецкая	688,8631	616,677	2	2	0	0
Орловская	634,5911	433,8538	3	9	-6	36
Курская	575,755	487,0307*	4	6	-2	4
Тамбовская	566,8892	378,4558*	5	14	-9	81
Воронежская	554,1088	476,4396	6	7	-1	1
Калужская	537,6522	555,0031	7	3	4	16
Тульская	534,2802	496,275*	8	5	3	9
Владимирская	510,4172	458,5598	9	8	1	1
Ярославская	508,4753	501,539*	10	4	6	36
Смоленская	483,4538	386,2748*	11	12	-1	1
Брянская	479,9857	383,0952	12	13	-1	1
Ивановская	474,9749	273,8215*	13	16	-3	9
Тверская	403,6908	391,7222*	14	11	3	9
Рязанская	399,8838	412,8451*	15	10	5	25
Костромская	229,8053	339,501*	16	15	1	1
Сумма Σ	–	–	–	–	–	230

Стратегия социально-экономического развития РФ, которую Минэкономразвития представляло в 2021 году, не была принята из-за целого ряда объективных недоработок и методологического несоответствия документа, заявленной форме – стратегии. В итоге, на данный момент, верхний уровень в системе государственного стратегического планирования занимает, утвержденный тогда же, Перечень инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года [6].

Появившийся летом этого года Комплексный пятилетний план дорожной деятельности на 2023-2027 гг. позволяет нам верифицировать основные идеи, заложенные в Перечне на предмет их достижимости с точки зрения формальных ограничителей. Один из самых понятных и, доказано, значимых – плотность дорожной сети.

Зная плотность дорожной сети, которая будет в 2025 году (закладывая тот же временной лаг – 5 лет), можно предположить максимальный рост экономики региона, который мы сравним с запланированным в «Перечне инициатив...».

Выявление функции зависимости переменных производилось путем аппроксимации методом наименьших квадратов, в качестве функции аппроксимации был выбран (как и в предыдущем исследовании, см. [1]), полином.

В 2012 году функция приняла вид [1]:
 $Y = 0,6443X - 69,97743$

В 2022 году функция выглядит следующим образом:
 $Y = 0,769X + 60,394$

Результаты расчетов представлены в табл. 2.

Зная текущее значение объема ВРП областей Центрального федерального округа и расчетные значения возможного прироста ВРП к 2030 году (табл.2), можно определить прирост ВРП по 16 областям в среднем в % к 2021 году.

Расчеты показали: ВРО ЦФО в 2030 году (без учета Москвы и Московской области), исходя из роста плотности дорожной сети, может увеличиться только на 8,79%.

В «Перечне...» явно не спланировано ресурсное обеспечение стратегических инициатив, иными словами – объем ВВРП к

² Специализированный информационно-аналитический портал о дорогах России. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://roads.ru>

³ Суть значений X и Y описана ранее.

Прогнозирование возможного прироста ВРП из-за увеличения плотности дорог в регионах (с временным лагом 5 лет)

Субъекты Центрального федерального округа (без Москвы и МО)	Плотность автодорог, км/тыс. км ² , 2016 г. X ₁₁	Плотность автодорог, км/тыс. км ² , 2025 г. X ₁₂	ВРП, тыс. руб./чел, 2021 г. (лаг 5 лет) Y ₁₁	Расчетный ВРП, тыс. руб./чел, 2030 г. (лаг 5 лет), Y ₁₂	Возможный прирост ВРП	
					тыс. руб.	в % к 2021 году
Ивановская	474,9749	490,2887	273,8215*	437,426	163,61	59,75
Орловская	634,5911	699,9393	433,8538	598,6473	164,79	37,98
Тамбовская	566,8892	573,0233	378,4558*	501,0489	122,59	32,4
Смоленская	483,4538	518,8012	386,2748*	459,3521	73,07	18,92
Брянская	479,9857	488,7249	383,0952	436,2235	53,13	13,87
Воронежская	554,1088	582,3721	476,4396	508,2382	31,8	6,67
Курская	575,755	589,4463	487,0307*	513,6782	26,65	5,47
Тульская	534,2802	599,2918	496,275*	521,2494	24,97	5,03
Липецкая	688,8631	743,4689	616,677	632,1216	15,44	2,5
Владимирская	510,4172	526,0379	458,5598	464,9172	6,36	1,39
Тверская	403,6908	432,7907	391,7222*	393,2101	1,49	0,38
Белгородская	803,5092	829,7823	824,4152	698,4966	-125,92	0
Калужская	537,6522	574,1739	555,0031	501,9337	-53,07	0
Костромская	229,8053	242,401	339,501*	246,8004	-92,7	0
Рязанская	399,8838	437,0884	412,8451*	396,515	-16,33	0
Ярославская	508,4753	519,3159	501,539*	459,748	-41,791	0

2030 году не задан. Тем более, что прогнозы корректируются с учетом современной экономической ситуации в мире. В июне 2022 года на вводной стратегической сессии в Минэкономразвития России была озвучена прогнозная величина в 8,5% (рост ВВП к 2030 году по сравнению с 2021 годом). Однако, уже в сентябре 2022 года на итоговой стратегической сессии по основным направлениям экономической политики в условиях санкций, министр экономического развития Решетников М.Г. сделал более оптимистический прогноз – 17% при реализации сценария «ускоренной адаптации экономики России».

Если говорить о 8,5%, то план дорожного строительства можно считать сопряженным по объемам ввода с обеспечивающими рост экономики России задачами. Как быть с 17%?

Очевидно, что необходимо либо увеличивать затраты на строительство дорожной сети, либо снижать издержки простого воспроизводства и за счет этого – увеличивать возможности по строительству новых дорог.

По данным статистического исследования World Factbook (ЦРУ, США) средняя доля дорог с твердым покрытием в общей протяженности дорог в мире (а она – 64 млн. км) – 39,06%. В

России эта доля выше – 71,63% (по данным Росстата на 2018 год). При этом значения по Федеральным Округам сильно не разнятся – от 66,5% в Дальневосточном ФО до 77,9 в Северо-Кавказском ФО. По плотности автомобильных дорог (км/1000 кв. км территории) Россия занимает 13 место в мире, но разница в показателях России и стран-лидеров значительная: Россия – 87, Япония – 3215, Франция – 1935.

Если обратиться к рис. 1, то очевидна диспропорция в объеме строительства и росте дорожной сети. Эксперты отмечают, что протяженность дорог с твердым покрытием после 2010 года определяется в максимальной степени изменением способа учета и отнесения, а не строительством новых дорог. Так, часть региональных дорог переведена в федеральные – за последние 10 лет первые уменьшились на 4%, а вторые – настолько же увеличились. К местным дорогам стали относить объекты благоустройства, ранее не входившие в статистику по дорожной сети – улицы, проезды, площади, набережные в населенных пунктах – и сеть местных увеличилась в 3,4 раза (с 248,8 тыс. км до 842,2 тыс. км). Вводится же в РФ в год по-прежнему около 0,1% новых дорог от общего размера дорожной сети. В

Рис. 1. Строительство автодорог с твердым покрытием в 1985-2018 гг., тыс. км

2020 году введено в эксплуатацию 33 дорожных объекта общей протяженностью 238,6 км. Ремонт произведен на участках дорог общей протяженностью 7 381 км.

В 2020 году объем выделенных Росавтодору бюджетных ассигнований составил 738,4 млрд. руб. За последние 5 лет объем финансирования вырос почти на 40% (в части предоставления трансфертов субъектам РФ – на 87%, финансирование ремонта и содержания федеральных автодорог – на 46%). В 2021 г. на реализацию дорожных работ предусмотрены федеральные средства в размере 131 млрд. руб., 70,5 млрд. руб. – распределение в рамках разблокировки средств, 10,5 млрд. руб. выделено Республике Крым из Резервного фонда [7].

Очевидно, что основной объем работ – это работы по ремонту дорожной сети.

Асфальтовые дороги требуют ремонта раз в 5-7 лет (частота восстановления слоя износа (верхнего слоя автомобильной дороги)). Это связано, в том числе, с низким качеством дорог. Кроме того, сами строительные нормы для автомобильных дорог, даже с учетом модернизации нормативной базы в последние годы, отстают от развития как автомобильной техники (она становится тяжелее (самый тяжелый грузовик в 1956 – ЗИЛ-130 грузоподъемностью в 6 тонн; сейчас фуры везут от 12,5 до 24 тонн грузов), а шины дают большее сцепление с покрытием) и не учитывают интенсивности потока (в 1990 году в РФ было 58,5 автомобилей на 1000 человек населения; в 2020 году – 308 автомобилей). Например, в США норма частоты восстановления слоя износа 12 лет. Постановлением Правительства РФ №658 от 30 мая 2017 г. нормативные межремонтные сроки эксплуатации автомобильных дорог должны быть увеличены: до капитального ремонта – 24 года, ремонт – через 12 лет.

Есть ли выход из ситуации? Да, бетонные дороги. Бетонные дороги служат до 30 лет без необходимости капитального ремонта или шлифовки. 100% дорожной сети Индии; 60% США, 50% Китая, 30% Германии – бетонные магистрали. Сцепные свойства шин на бетоне стабильнее, чем на асфальте. Из-за меньшего трения качения автомобиля на таких дорогах расходуют меньше топлива (на 3–6%). Бетон отражает свет, и, следовательно, на неосвещенных участках водителям ехать комфортнее и безопаснее. Используя продольное шлифование полотна, можно минимизировать риск аквапланирования [8].

В чем недостатки:

- Плохо подходит для ремонта существующих дорог. Чтобы бетон набрал 70% своей прочности, требуется 28 суток. Появился высокопрочный бетон, чтобы реконструированные дороги открывались быстрее - он может обеспечить прочность проема проезжей части за 12 часов или меньше.
- Стоимость строительства на 20-25% выше. Данное правило действует в случае низкой стоимости нефти и продуктов ее переработки и не учитывают более низкие эксплуатационные затраты.
- Особенности климата России, использование противогололедных реагентов и шипованной резины, которые вызывают износ покрытия.
- Бетон шумнее, однако, современные технологии позволяют снизить разницу до минимальных 2–4 дБ.

В России пока 2,6% дорожной сети – бетонные дороги. В апреле 2016 г. премьер-министр РФ Д. Медведев подписал постановление, обязывающее к 2030 году довести долю цементобетонных дорог в новом строительстве до 50%. За последние 2 года Федеральное дорожное агентство ввело в эксплуатацию несколько участков автомобильных дорог с бетонным покрытием общей протяженностью 116 км, а в данный момент возводит еще 72 км цементобетонных трасс.

Для пропаганды идей цементных дорог, создания пула компаний, воспринимающих и поддерживающих идеи развития сети цементных дорог, создания массива данных по теории и практике автодорожного строительства цементных дорог в России и аккумулирования мирового опыта четыре года назад была создана российская ассоциация – Ассоциация бетонных дорог России.

Кроме того, в РФ продолжается реализация двух нацпроектов – «Безопасные и качественные автомобильные дороги» и «Комплексный план модернизации и расширения магистральной транспортной инфраструктуры до 2024 г.».

Первый направлен на устранение региональных проблем дорожной сети – регионального значения дороги имеют протяженность 511 тыс. км, и только 44% из них находятся в нормативном состоянии, а по прочностным показателям – 50% построены 20-30 лет назад, когда действовали нагрузки до 6,5 т. Также в нацпроект вошло 104 городских агломерации с численностью населения свыше 200 тыс. человек, и к 2024 г. 85% местных дорог должны соответствовать требованиям [7].

Второй же нацпроект направлен на развитие сети магистральных трасс за счет строительства и реконструкции объектов.

Интересный факт: по результатам опроса РБК «Нужны ли цементобетонные дороги в России?» 68,75% респондентов ответили, что да, 6,25% – нет, т.к. они не подходят нам по климатическим условиям, а 22,92% вообще не знают, что это такое.

В заключение отметим, что в строительстве во всем мире очень низкая производительность труда. Она растет, в среднем на 1% в год (причем в развитых странах она не росла вообще, например, в США – она сейчас на уровне 1968 года) последние 15 лет, при общем росте производительности в мире на 2,8% (в промышленности – 3,6%) в год.

В России после 2016 года производительность труда устойчиво растет на 2% в год в целом по экономике. При этом в строительстве в 2017 году она снизилась на 2,4% к предыдущему году; в 2018 году 100,7% к 2017 году; в 2019 году – опять упала на 1,3%.

Общий вывод таков: дорожное строительство является значимым фактором, обуславливающим рост экономики региона, ему уделяется внимание со стороны государства и объемы роста плотности дорожной сети, заложенные в документах государственного стратегического планирования, на минимальном уровне достаточны для выполнения ключевых инициатив по развитию экономики России. Однако, отсутствие сквозной иерархической системы плановых показателей государственного стратегического планирования приводит к рассогласованности действий и отсутствию концентрации финансов на значимых приоритетных сферах экономического развития и повышения безопасности государства.

Статья поступила в редакцию 24.09.2022 г.

Список использованных источников:

1. Саралидзе А.М., Доничев О.А. Формирование автодорожной инфраструктуры как инструмента межрегиональной экономической интеграции // Вестник финансового университета. – 2014. – №1. – С. 36-47.
2. Васильев А.Н. Государственное стратегическое целеполагание в сфере стройиндустрии в рамках новой промышленной политики // Экономика строительства. – 2022. - № 9. – С. 52-66.
3. Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» //Российская газета. – 02.07.2014.
4. Елисеева И.И., Юзбашев М.М. Общая теория статистики. – М.: Финансы и статистика, 1996.
5. Российский статистический ежегодник (2016, 2020, 2021 гг.) // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210>
6. Перечень инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года: Утвержден распоряжением Правительства РФ от 06.10.21 г. № 2816-п / Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110070028>
7. Стройиндустрия России: прогнозы и тенденции // РИА «Стандарты и качество». – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria-stk.ru/news/detail.php?ID=175760&SECTION_ID=2048
8. Строительство и отрасль строительных материалов России 2020 года. Итоги 2019 года и перспективы развития до 2022 // INFOLine. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://marketing.rbc.ru/research/43370/>

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ АВТОМОБИЛЬНОЙ ОТРАСЛИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

К.А. Грачева,

аспирант кафедры управления и планирования социально-экономических процессов экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
st069963@student.spbu.ru

В статье показаны направления воздействия кризиса на процессы цифровой трансформации в мире и в России. Дана характеристика текущего состояния автомобильной отрасли, описаны присущие ей современные тенденции цифровизации. Установлено отсутствие единого подхода к проведению цифровой трансформации предприятий и выявлены возможные причины данной проблемы. Полученные результаты исследования определяют направления дальнейших теоретических разработок в области цифровизации, вносят вклад в развитие антикризисного менеджмента и могут быть использованы любыми предприятиями российского автопрома, имеющими в качестве основных целей повышение устойчивости в неблагоприятных внешних условиях, а также цифровую трансформацию бизнеса.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая трансформация, цифровизация, антикризисный инструментарий, автомобильная отрасль

УДК 338.24 ББК 65.29

Цифровая революция, охватившая мировую экономику, впечатляет масштабами, темпами и географией. Зародившись в 1960 году, на волне постоянно изменяющихся потребностей людей, преимущественно сетевом характере взаимодействия бизнеса и важности компетентностного подхода в оценке достижений, проектов и обучения, цифровые технологии явились отправными точками в развитии понятий цифровая экономика и цифровая трансформация. Их активное распространение и интенсивное развитие в последние годы в значительной степени изменили облик ключевых отраслей экономики и социальной сферы. Сегодня всё большая часть предприятий, так или иначе осознав необходимость цифровой трансформации, участвует в соответствующих процессах: стремится перенести бизнес-процессы в цифровую среду, тем самым существенно снижая транзакционные издержки и значительно увеличивая объемы экономической деятельности.

2020 год ознаменовался рядом шоковых событий: мир столкнулся с пандемией ранее неизвестной коронавирусной инфекции (COVID-19). Наступивший кризис привел к существенному падению экономической активности: большая часть бизнеса традиционных секторов экономики оказалась в критическом положении и одновременно выступил акселератором процессов цифровизации и цифровой трансформации почти всех хозяйствующих субъектов, став по-настоящему массовым явлением.

На протяжении 2021 года отечественная и мировая экономика адаптировались к новым реалиям. Шок, который был вызван острой эпидемиологической обстановкой, в целом был преодолен. Появились новые направления, а технологии, которые раньше находились в зачаточном состоянии, стали в ускоренном режиме набирать обороты и раскрывать свой потенциал. Однако в тот момент сложившаяся ситуация показала, что практическое развитие цифровой трансформации как инструмента управления бизнесом в условиях цифровой экономики требует ее теоретического осмысления, формирования научного базиса и соответствующего инструментария для точного определения сущности цифровой трансформации компаний.

В 2022 году мир столкнулся с новым вызовом: начатая Россией 24 февраля 2022 года специальная военная операция (СВО) на территории Украины привела к увеличению санкционного давления Запада на российскую экономику, оказав как прямое, так и опосредованное воздействие на предприятия всех без исключения отраслей. Как отметил в своем выступлении на Петербургском экономическом форуме — 2022 Президент России В.В. Путин, «мы еще столкнемся со многими вызовами, и с рисками, и с факторами, которые сегодня даже трудно предсказать и предугадать» [7]. Ограничительные меры дали России не только возможность снизить зависимость от импортной продукции и найти новые источники доходов от

экспорта, но и привели к разрушительным последствиям в ряде отраслей. Несмотря на то, что автомобильные концерны, будучи высокотехнологичным сектором, всегда находились на передовой линии цифрового развития: занимались формированием и внедрением цифровых инструментов, в значительной степени от введенных санкций пострадал именно российский автомобильный рынок производства и продажи. В современных условиях стратегические факторы устойчивости необходимые и достаточные предприятию могут быть дополнены уровнем импортозамещения и локализации производства, устойчивостью цепочек поставок и взаимоотношений с поставщиками. Также необходимо отметить уровень цифровизации как фактор, определяющий возможности внедрения и развития собственных инноваций для замещения выпадающих технологий и отвечающих запросам пользователей.

Таким образом, гипотеза данного исследования состоит в предположении, что между цифровыми тенденциями и подходами к цифровой трансформации предприятий и изменении внешней среды есть зависимость. Цель исследования — изучение влияния цифровых технологий на структуру мирового и российского рынков автомобилестроения, определение современных трендов, а также анализ подходов к цифровой трансформации в условиях пандемии и кризиса.

На основе статистических данных The International Organization of Motor Vehicle Manufacturers, основанной в 1919 году в Париже, и известной как The Organisation Internationale des Constructeurs d'Automobiles (OICA), проведена оценка динамики и структуры мирового рынка [2]. По итогам 2018 года объем мировых продаж снизился на 0,5% по сравнению с 2017 годом и составил 95 млн 791 тыс. легковых и коммерческих автомобилей: негативная динамика была зафиксирована впервые с 2009 года (рис. 1).

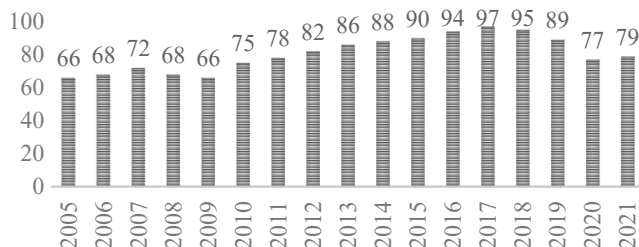

Рис. 1. Динамика продаж новых автомобилей в мире за 2005–2021 гг., млн ед.

Источник: составлено автором по данным OICA [2]

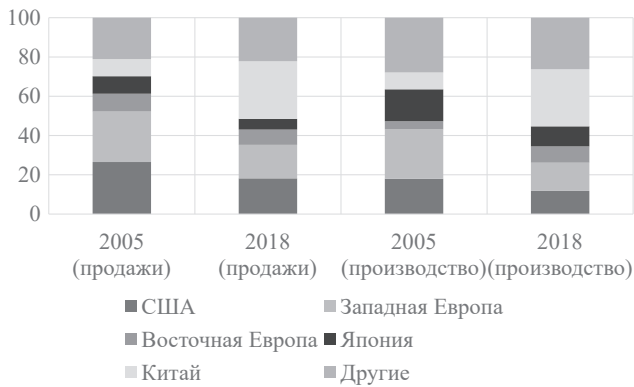
За 2021 год мировой авторынок вырос на 2,6%: количество продаж составило около 79 млн единиц. Такой прирост случился, прежде всего, из-за низких стартовых показателей в первом и во втором кварталах: в аналогичный период 2020

года из-за пандемии были закрыты многие автосалоны, следовательно, и продажи были низкими. Трудности, с которыми в последние несколько лет сталкивается мировая автомобильная промышленность, обусловлены рядом факторов, среди которых: затянувшийся глобальный финансово-экономический кризис, всё более активно проявляющийся кризис перепроизводства, постепенное перенасыщение мирового рынка, а также снижение темпов прироста спроса на автомобили в развитых странах и падение индекса потребительского доверия на фоне геополитической напряженности на международной арене и торговых войн.

По 2022 году эксперты придерживаются «нейтрального» прогноза, ситуация на глобальном рынке может улучшиться: ожидается, что доступность полупроводников для автомобильной отрасли будет умеренно расти, однако из-за пандемии риски сохраняются [8].

На примере 2005 и 2018 годов отчетливо прослеживается тенденция уменьшения господства традиционных рынков развитых стран (США, ЕС и Япония), автомобильные концерны которых больше не демонстрируют устойчивого роста производства и продаж автомобилей, в то время как объемы за тот же период в Китае выросли почти в 5 раз, превратив его в мирового лидера (рис. 2). Соответственно, за период 2005–2018 гг. доля США в мировых продажах автомобилей снизилась с 26,5% до 18,2%, Западной Европы — с 25,7 до 17%, Японии с 8,9% до 5,5%, доля Китая выросла с 8,7% до 29,3%.

Рис. 2. Динамика структуры мировых продаж и производства автомобилей по странам / регионам, %
 Источник: составлено автором по данным OICA [2], [3]

Изменение структуры глобального спроса на автомобили в сторону существенного роста доли Азиатско-Тихоокеанского региона предопределили, в свою очередь, изменение в размещении автомобильных производств, которые, как правило, основываются на близости к рынкам сбыта, а также кластерам поставщиков и регионам с низкой стоимостью ресурсов, что позволяет им сокращать издержки и получать конкурентные преимущества. Например, если доля затрат на труд в отпускной цене автомобиля в Китае составляет 5%, в России — 6%, то в Европе — 13%, в США — 14%, а в Японии — 19% [5]. На географическую структуру автомобильного производства повлияли следующие факторы: медленные или отрицательные темпы роста на основных рынках, ужесточение экологических стандартов в развитых странах, с одной стороны, и высокий потенциал рынков, относительно низкая стоимость ресурсов, возможность получения льготных условий на развивающихся рынках — с другой стороны.

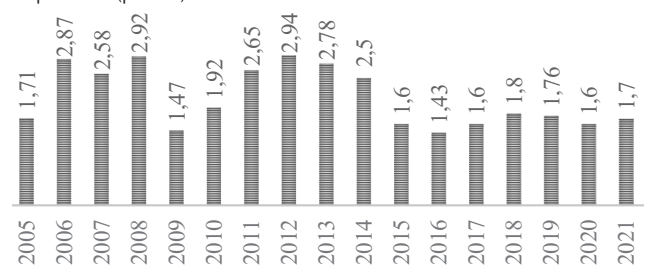
В результате, в мировом производстве автомобилей в настоящее время уверенно лидирует Китай, на который сегодня приходится практически каждый третий произведенный в мире автомобиль, его доля в мировом объеме производства с 2005 года увеличилась в 3,5 раза и составила 29,0% в 2018 году. Соответственно, за период 2005–2018 гг. вдвое снизилась доля западноевропейских производителей до 14,4%, на треть уменьшилась доля американских до 11,8% и японских до 10,2% автоконцернов.

Самым востребованным брендом и крупнейшим автопроизводителем в мире, по данным агентства JATO Dynamics,

остается Toyota. За прошедший год Toyota выпустила 10,5 млн машин, включая марки Lexus, Daihatsu и Hino, что на 10% больше, чем в 2020 году. По всему миру компания продала 7,35 млн легковых автомобилей [8].

Согласно прогнозам аналитического объединения, S&P Global Mobility, в 2022 и 2023 гг. ожидается сокращение мирового производства на 2,6–4 млн легковых машин из-за экономических проблем, связанных с ухудшением геополитической ситуации [1]. При оптимистичном раскладе Европа потеряет 1,7 млн единиц, миллиона из которых рынок лишится из-за пониженного спроса и ограниченного экспорта на рынках России и Украины. Оставшиеся потери в 700 тыс. эксперты связывают с недопоставками важных комплектующих. При пессимистичном раскладе производство снизится на 4 млн автомобилей, а за период с 2022 по 2030 гг. — на 25 млн. Из-за санкций рвутся цепочки поставок, что ведет к сокращению или остановке производства многих брендов. Кроме того, следует ожидать роста цен на энергоносители и сырье.

Начиная с 2005 года автомобильный рынок в России развивается наподобие американских горок с очень резкими поворотами (рис. 3).

Рис. 3. Динамика продаж новых автомобилей в России за 2005–2021 гг., млн ед.

Источник: составлено автором по данным АЕБ, «Автостат» [9], [10]

Если в 2012–2014 гг. делался упор преимущественно на диверсификацию выручки и развитие экспорта в страны Европы, США, Южную Африку и Австралию, то сегодня ввиду разрыва дипломатических отношений с большинством государств, Россия вынужденно осваивает рынки Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Во время Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) И. Коровкин — исполнительный директор Ассоциации «Объединение автопроизводителей России» предположил, что по итогам 2022 года автопроизводство в России может сократиться на 35–40% относительно предыдущего года [1]. Что касается объемов продаж, то по этому показателю игроки рынка ожидают более сильного падения.

Сегодня, в рамках исследуемой отрасли, можно выделить две основные проблемы: 1) российским потребителям не на что покупать автомобили из-за постоянно повышающихся цен; 2) российским потребителям нечего покупать. С этой точки зрения хочется обратить внимание на то, что санкции будут не вечными, но долгими. Сейчас важно определить те технологии или те компоненты, которые с наибольшей вероятностью под санкциями останутся и в ближайшие два-три года, сделать акцент на развитие производства этих компонентов, так как всё освоить невозможно и нет смысла. Что касается поддержки потребительского спроса, то бизнесу совместно с правительством стоит разработать программы, которые будут стимулировать спрос, в том числе это можно делать с помощью стимулирования кредитования. Обострившаяся геополитическая ситуация может также способствовать увеличению доли китайских автомобилей на российском рынке, которая и так росла последние годы. Китайские автопромышленные компании могут извлечь максимальную выгоду из ситуации, когда на Россию накладываются санкции и, следовательно, европейские, японские и американские бренды уходят с российского рынка. В свою очередь, некоторые эксперты предполагают, что российский автопром и авторынок могут пойти по иранскому пути. В отношении Ирана были введены массовые санкции в 2012 году: объем иранского авторынка 2011 года (1,59 млн

машин) сопоставим с объемом российского рынка накануне санкций (1,54 млн в 2021 году); оба государства в экономическом плане сильно зависят от нефти, а также и Россия, и Иран стремятся создать масштабный собственный автопром. Если Россия все-таки повторит путь Ирана, тогда в следующем году (2023) стоит ждать уменьшения рынка примерно в два раза по сравнению с показателями 2021 года. По данным Автостата, в марте 2022 российский авторынок просел на 43% по сравнению с мартом прошлого года [10]. А согласно информации АЕБ, реализация автомобилей сократилась на 63%. Разница в 20% выходит из-за различий в данных, которые анализируются: Автостат сравнивает конечные продажи, а АЕБ — данные об отгрузке автомобилей.

Для зарубежных производителей автомобилей и мототехники из стран, не наложивших ограничения на торговлю с Россией, сейчас может быть целесообразен, как минимум, анализ потенциала российского рынка и его емкости. Шоковое состояние населения и бизнеса сходит на нет, предприниматели и граждане приспособляются к санкционным условиям, а значит, восстанавливается и спрос, в том числе на автомобили. В ситуации, когда большинство брендов, плотно занимавших рынок последние десятилетия, вынуждены были уйти по тем или иным причинам, высвобождаются привлекательные ниши, заняв которые производитель сможет через несколько лет значительно увеличить свою долю российского рынка.

По прогнозам экспертов, к 2023 году мировой объем ВВП более чем наполовину будет обеспечиваться компаниями, осуществившими цифровую трансформацию [3]. Это свидетельствует о масштабе вклада цифровой трансформации в повышение эффективности деятельности компаний и, соответственно, обеспечение экономического роста. В таких условиях цифровая трансформация бизнеса становится одним из ключевых факторов выхода из кризисного положения: по оценкам экспертов, 60% предприятий в мире уже внедряют стратегии, основанные на цифровизации и цифровой трансформации [3]. В то же время в условиях перехода к цифровой экономике, который начался задолго до пандемии коронавируса, бизнес и государства не могут добиться успеха без цифровой трансформации, лишь просто корректируя традиционные методы и модели управления.

Таким образом, ключевыми особенностями цифровой трансформации компаний в современной экономике в условиях так называемого корона- и геополитического кризиса являются следующие.

1. Наступивший кризис экономики, обусловленный пандемией коронавируса, привел к повсеместному распространению цифрового базиса. Если до пандемии и кризиса в цифровой трансформации участвовали только крупнейшие промышленные компании доцифровой эпохи в целях адаптации к условиям новой технологической цифровой революции, то сегодня цифровой трансформацией охвачены практически все хозяйствующие субъекты.

2. Цифровая трансформация компаний носит вынужденный характер и обусловлена внешними факторами — кризисным развитием экономики. До пандемии коронавируса цифровая трансформация в большинстве случаев была инициативной, как ответ компании либо на кризисные факторы внутри нее самой, либо на технологические вызовы и изменения условий внешней среды.

3. Из рассмотренных особенностей следует антикризисный характер цифровой трансформации компаний. Еще до кризиса экономики из-за пандемии коронавируса многие нецифровые компании уже применяли цифровую трансформацию как инструмент преодоления кризисного положения, обусловленного несоответствием бизнес-модели компании изменяющимся технологическим условиям цифровой экономики.

4. Кризис, вызванный последствиями пандемии COVID-19, показал, что архаичные бизнес-модели не выдерживают столь масштабных и столь скорых изменений на рынке, в то время как активно вкладывающиеся в цифровизацию своего бизнеса компании оказались наиболее подготовленными к мировому кризису.

В автомобильной отрасли можно выделить несколько ключевых тенденций, которые будут влиять на нее как сейчас, так и в долгосрочной перспективе. Все они связаны с типами транспортных средств, особенностями управления ими, а также с процессами покупки и продажи: увеличение производства электромобилей и расширение использования цифровых технологий; рост онлайн-продаж автомобилей; рост продаж автомобилей с пробегом; увеличение производства автомобилей, подключенных к интернету; обновление и внедрение компаниями цифровых стратегий; рост интереса к автомобилям на топливных элементах; развитие общей мобильности, «владение автомобилем по подписке»; покупка и тестирование самоуправляемых транспортных средств; сотрудничество автопроизводителей с технологическими компаниями.

Изменяющийся ландшафт авторынка заставляет производителей адаптироваться к обостряющейся борьбе за покупателя. Успех Китая в мировом автомобилестроении во многом объясняется не только высокими темпами роста национальной экономики и низкой стоимостью ресурсов в стране, но также значительными инвестициями в исследования и разработки, внедрением передовых производственных технологий, привлечением лучших зарубежных специалистов в сфере компьютерного инжиниринга, которые способны разрабатывать конкурентоспособную на рынке продукцию. Таким образом, технологические инновации становятся решающим фактором для будущего любой автомобильной компании. Лидерами отрасли становятся компании, которые осуществляют собственные исследования и разработки, выпуская на рынок принципиально новые технологические решения и продукты.

Несмотря на значительный опыт практического применения, цифровая трансформация не всегда оказывалась успешной — кризисные факторы в развитии компании не преодолелись. Исследования утверждают, что 70% всех цифровых трансформаций компаний заканчиваются неудачей [6]. С одной стороны, вроде бы достигаются установленные показатели цифровой трансформации, с другой — компании все равно остаются в кризисном положении.

Сегодня в научном сообществе и практической сфере существует множество подходов к определению процесса цифровой трансформации. Однако, как правило, они ориентированы исключительно на новые компании, изначально создающиеся с акцентом на цифровые технологии и, зачастую, не учитывают специфики предприятий традиционных отраслей экономики, как в данном случае, которые обладают состоявшейся инфраструктурой, бизнес-процессами, набором сотрудников и корпоративной культурой, либо представляют собой размытые формулировки, представленные в виде общих шагов, направлений действий, хаотично изложенных и не отвечающих должным требованиям. Данная проблема имеет научно-практический характер и является одной из ключевых в этой научной области, поскольку ее решение позволит теоретически обосновать применяемый инструментарий в ходе цифровой трансформации, выстроить на практике процесс реализации такой трансформации с учетом интересов стейкхолдеров и определить критерии оценки эффективности. В соответствии с этим, путём анализа, систематизации и обобщения исследований, российских и зарубежных авторов, а также отчетов международных консалтинговых компаний предлагается подход, основанный на общепринятых принципах к построению и разработке стратегии и дополненный новыми этапами (рис. 4).

Следование данным этапам, составляющим процесс цифровой трансформации, основанный на глубоком анализе внешней и внутренней сред, в т. ч. оценки цифровой зрелости, позволяет предприятию быть гибким и осуществить своевременный цифровой переход, направленный на успешную реализацию цифровой стратегии и достижение реальных эффектов цифровой трансформации. Использование данного инструмента при исследовании и планировании будущей деятельности предприятия, принятия решений с учётом тренда на переход к цифровой экономике поможет создать дополнительные конкурентные преимущества. В конечном итоге информационная

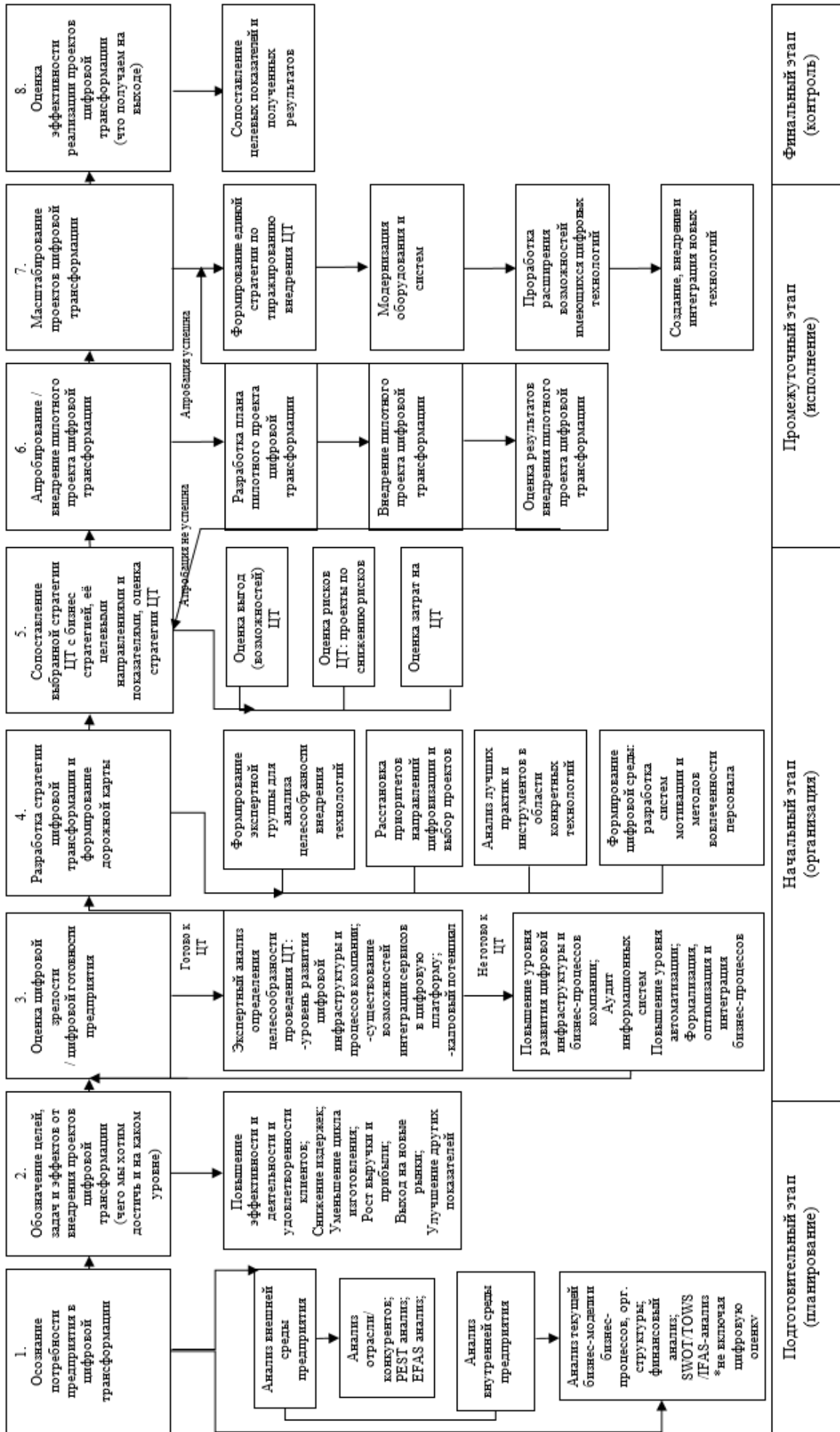

Рис. 4. Процесс цифровой трансформации предприятия

Составлено автором

система предприятия должна стать единым организующим, регламентирующим и контролирующим механизмом.

Таким образом, стремительные изменения факторов внешней среды приводят к глубокой модификации глобальных рынков, характера и структуры современного промышленного производства, экономики и социальной сферы, диктуют предприятиям необходимость использования новых методов и подходов к управлению. Знание современных тенденций и подходов к цифровой трансформации позволит предприятиям противостоять кризису, повысить качество реализации цифровых стратегий и вывести бизнес на новый уровень, оставаясь конкурентоспособными.

Основными результатами исследования стали обоснование зависимости цифровых тенденций от внешних факторов, а также предложенный подход к построению процесса цифровой трансформации. Это позволит менеджерам, принимающим решения в области повышения стратегической устойчивости, управлять одним из ее факторов — цифровизацией бизнеса, а также формировать стратегию цифровой трансформации с использованием традиционной и цифровой бизнес-модели. В статье также сделан акцент на изменяющийся ландшафт рынка, который заставляет производителей адаптироваться к обостряющейся борьбе за покупателя.

Статья поступила в редакцию 21.09.2022.

Список использованных источников:

1. S&P Global Mobility URL: <https://www.spglobal.com/mobility/en/>
2. Sales Statistics 2005–2018. OICA. URL: <http://www.oica.net/category/sales-statistics>.
3. Statista. Digital Economy Compass 2020. URL: [tps://www.statista.com/study/83121/digital-economy-compass/](https://www.statista.com/study/83121/digital-economy-compass/)
4. Production Statistics 2005–2018.OICA. URL: <http://www.oica.net/category/production-statistics/2018-statistics>.
5. Verevka T.V. (2020) Transformatsiya rynka avtomobilestroeniya na osnove tsifrovyyh innovatsiy [The transformation of the automotive market based on digital innovations]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*. 10. (1). — 173–188. doi: 10.18334/vinec.10.1.100478
6. Завтрашний день автомобильной отрасли, PwC. URL: <https://www.pwc.ru/publications/autotech-russian.pdf>
7. Выступление Президента России В.В. Путина на Петербургском экономическом форуме: https://www.ng.ru/economics/2022-06-17/100_p17062022.html
8. «Начинаем переживать»: ситуация в автопроме и прогнозы на осень: https://www.rbc.ru/spb_sz/15/06/2022/62a9e8c79a79475042f78b03
9. Официальный сайт Association of European Business URL: <https://aebus.ru/ru/>
10. Официальный сайт Аналитического агентства «Автостат» URL: <https://www.autostat.ru/>
11. Пасько А.В. П199 «Цифровая трансформация Мирового автомобилестроения». — Новосибирск: Изд. ООО «СибАК», 2021. — 136 с.
12. Фомина А.В., Авдонин Б.Н., Батьковский А.М., Батьковский М.А. Управление развитием высокотехнологичных предприятий наукоемких отраслей промышленности / Под ред. А.В. Фоминой. — М.: Креативная экономика, 2014. — 400 с.

ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИЙ СЕКТОР РОССИИ: УРОКИ ПАНДЕМИИ COVID-19

В.К. Онищук,

*аспирант кафедры макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
onishchukvk@gmail.com*

Целью данного исследования является выявление ключевых проблем транспортно-логистического сектора России, ограничивающих его развитие в постковидную эпоху, а также установление наиболее актуальных мер их решения. В рамках исследования устанавливается специфика функционирования транспортно-логистического сектора РФ в 2020–2021 гг., выявляются возможности и ограничения его развития. На основе полученных данных определяются наиболее перспективные направления политики государства в транспортно-логистическом секторе, в том числе в области строительства и модернизации транспортной инфраструктуры страны, в целях обеспечения наиболее быстрого его восстановления и экономического роста. Делается вывод о необходимости ускоренного развития дальневосточной железнодорожной и портовой инфраструктуры, а также синхронизации процессов реализации соответствующих проектов для достижения синергетического эффекта.

Ключевые слова: транспортно-логистический сектор, грузовые перевозки, транспортная инфраструктура, Российская Федерация, пандемия COVID-19

УДК 338.012 ББК 65.37

Введение. Пандемия COVID-19 нанесла серьезный ущерб мировой транспортно-логистической системе, что было связано с закрытием государственных границ, введением ограничений на передвижение людей и товаров, работу производственных, торговых объектов, объектов транспортной инфраструктуры, а также падением покупательной способности, снижением спроса и изменением его структуры. Негативному влиянию данных факторов оказались подвержены все виды пассажирских и грузовых перевозок, пусть и не в равной степени.

Транспортно-логистический сектор Российской Федерации также значительно пострадал от пандемии COVID-19. Так, в 2020–2021 гг. наблюдалось общее снижение объемов как внутренних, так и международных грузоперевозок (примерно на 6%, что в целом представляется достаточно неплохим результатом в контексте глобальной динамики) [19]. При этом

наибольшему негативному влиянию в сегменте грузоперевозок оказались подвержены именно международные грузоперевозки [28].

Помимо снижения объемов грузоперевозок, Россия и другие страны мира столкнулись с такими явлениями, как вынужденная перестройка транспортно-логистических цепочек и необходимость адаптации объектов инфраструктуры к обслуживанию в условиях жестких противоэпидемических мер, что не только обнажило, но и во многом усугубило проблемы развития транспортно-логистических систем. Так, например, многие порты оказались не в состоянии справиться с возросшим трафиком, железнодорожные сети не смогли обеспечить перевозку всего требуемого объема грузов, инфраструктура оказалась не подготовлена к увеличению объемов мультимодальных перевозок и так далее [14].

Несмотря на постепенное восстановление глобальных цепочек поставок, перемены, произошедшие в них в связи с пандемией, оказались не только бесповоротными, но и во многом продолжили усиливаться в период относительной стабилизации ситуации в 2021 г., что связано со стремлением экономических субъектов обеспечить их большую устойчивость в контексте негативного опыта 2020 г. В связи с этим высокую актуальность приобретает исследование возможностей наиболее эффективной адаптации национальных транспортно-логистических систем (в первую очередь российской системы) к новым условиям, что требует детального изучения ограничений в период пандемии COVID-19.

Состояние различных видов грузоперевозок и транспортной инфраструктуры в период пандемии.

Морские грузоперевозки в период пандемии COVID-19 оказались подвержены значительному негативному влиянию. Так, для сегмента были характерны такие черты, как увеличение сроков доставки грузов из-за замедления работы портов и таможи, сокращение провозных возможностей в связи с падением спроса на перевозимую продукцию, изменение маршрутов перевозки по причине полного или частичного закрытия ряда портов и увеличения времени ожидания на обслуживание во многих из них. Важно, что в связи с неравноценностью мер, вводимых различными государствами, и асинхронностью волн заболеваемости наблюдался также значимый дисбаланс свободного оборудования и контейнеров между странами: для одних стран были характерны избыток контейнерных мощностей, оборудования и судов, а для других — острая их нехватка [13].

Дисбаланс оборудования совокупно с невозможностью обработки судовых партий в ряде крупных портов по причине действия противоэпидемических мер, в свою очередь, привели к возникновению больших различий в цене использования транспортных коридоров и, соответственно, пересмотру большей части маршрутов [27]. При этом ситуация в 2020–2021 гг. не была стабильной, что провоцировало высокую волатильность цен на морской фрахт в рамках практически всех маршрутов. В целом же цена морского фрахта в период пандемии COVID-19 значительно возросла [26]. Так, индекс WCI в середине 2021 г. достиг значения 9330 долл. США за перевозку стандартного контейнера (1 СФЭ), что стало максимумом за пятилетний период (для сравнения — в марте 2016 г. индекс WCI составлял всего 701 долл. США) [18]. При этом на некоторых направлениях в 2020–2021 гг. значительно опередила средние показатели. Например, по маршрутам Deep Sea из Азии в Европу цена фрахта в определённые периоды времени достигала 20000 долл. США за 1 СФЭ [21].

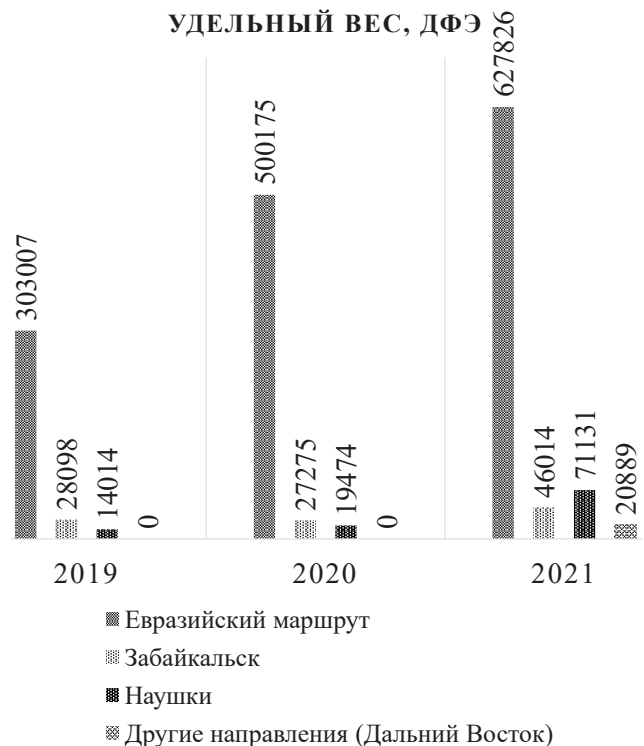
Важно, что постепенное восстановление объемов морских грузоперевозок сталкивается с узкими местами в логистических системах (напр., Суэцкий канал, дальневосточные порты), которые в сочетании с вызванными пандемией ограничениями приводят к усугублению дисбаланса оборудования и контейнеров, увеличению сроков транспортировки грузов, перегруженности портов и увлечению простоев судов [24].

Авиаперевозки оказались подвержены наиболее сильному негативному влиянию пандемии COVID-19, что было связано с закрытием границ для передвижения людей и, соответственно, общим сокращением рейсов. На грузовые перевозки данные факторы оказали влияние в том числе в силу того, что традиционно для перевозки 40–50% коммерческих грузов используются багажные отсеки пассажирских самолетов [6]. В таком контексте произошло резкое сокращение доступных транспортно-перевозочных мощностей, что в совокупности с ажиотажным спросом на быструю доставку средств индивидуальной защиты привело к резкому возрастанию стоимости воздушного фрахта и увеличению сроков доставки. Так, цена фрахта через Тихий океан, например, в 2020 г. в некоторые периоды времени достигала пятикратного размера [6], в то время как в среднем индекс Drewry World Container Index для данного направления в 2020–2021 гг. вырос в 3,5 раза и превысил 5 тыс. долл. США [16]. Аналогичная ситуация наблюдалась и со ставками фрахта из Азии в Европу (так, например, ставки в направлении Шанхай-Роттердам стали превышать 6,5 тыс. долл. США).

Значительное возрастание стоимости морского и воздушного фрахта при приемлемом изменении стоимости железнодорожного (напр., стоимость железнодорожного фрахта в 2020–2021 гг. не превышала 6–10 тыс. долл. США за СФЭ по направлению Азия-Европа) [21], а также снижение уровня предсказуемости сроков доставки товаров ими привели к расширению практики использования железнодорожного транспорта для транспортировки различной номенклатуры грузов. Особенно явно данная тенденция проявилась на Евразийском континенте в отношении внешней торговли Китая. Так, летом 2020 г. объемы перевозки экспортных товаров КНР железнодорожным транспортом достигли рекордных значений [6]. Более того, многие импортные товары также стали поставаться в КНР железнодорожным транспортом. При этом Российская Федерация оказалась глубоко интегрирована в данные процессы — российские железные дороги стали путями транзита многих китайских товаров в Европу, более того, Россия значительно расширила экспорт товаров в Китай по железной дороге.

Всего за 2020 год объем контейнерных перевозок из Китая в Европу через Россию железнодорожным транспортом составил 561400 ДФЭ [25]. За первые 9 месяцев 2021 г. перевозки контейнеров по направлению Китай-Европа-Китай российским железнодорожным транспортом достигли значения 568700 ДФЭ, что на 47% превысило значение показателей за аналогичный период 2020 г. [15]. По сравнению с 2019 г. объемы транзитных контейнерных перевозок в рамках указанного маршрута возросли на 130% [15]. При этом важно, что по данному маршруту перевозились в основном различного рода оборудование и техника, аппаратура связи, электроприборы, мебель, пластмассы, изделия из черных металлов, одежда [25].

На рис. 1 представлен удельный вес ключевых транзитных маршрутов железнодорожных контейнерных перевозок в направлении Китай-Европа-Китай.

Рис. 1. Удельный вес ключевых транзитных маршрутов железнодорожных контейнерных перевозок в направлении Китай-Европа-Китай

Источник: ERAI. Контейнерные железнодорожные перевозки на евразийском пространстве в 2021 г. // ERAI: офиц. сайт. — 2022. URL: <https://index1520.com/analytics/konteynerye-zheleznodorozhnye-perevozki-na-evraziyskom-prostranstve-v-2021-godu/>

Устойчивость сектора автотранспортных международных перевозок в период пандемии COVID-19 также оказалась во

Перевалка и импорт грузов в контейнерах в российских морских портах в 2020 г.

Бассейн	Перевалка грузов в контейнерах		Импорт грузов в контейнерах	
	Объем в 2020 г., млн тонн	Изменение к уровню 2019 г.	Объем в 2020 г., млн тонн	Изменение к уровню 2019 г.
Балтийский	28,4	-3%	13,3	-6,4%
Арктический	2,0	-5,3%	—	—
Азово-Черноморский	9,2	+1,6%	4,3	-0,9%
Дальневосточный	18,0	+12,7%	6,7	+11%

Источник: Обзор отрасли грузоперевозок в России 2020 год. ООО «Эрнст энд Янг — оценка и консультационные услуги», 2021.

многим под угрозой, что было связано с закрытием ряда сухопутных границ даже для движения товаров, а также введением строгих санитарных проверок и карантинных мер на границах многих государств, в то время как внутренние автотранспортные перевозки были достаточно стабильны. Тем не менее, в рамках международных перевозок в 2020–2021 гг. наблюдались такие тенденции, как значительное увеличение сроков перевозок товаров, падение оборачиваемости автотранспорта, вынужденное изменение маршрутов.

Необходимо отметить, что пандемия COVID-19 привела не только к нарушению логистических потоков, но и приостановке многих проектов развития транспортной инфраструктуры в различных странах мира [1]. Причиной заморозки проектов стали негативные экономические прогнозы и неопределённые перспективы финансового состояния инициаторов проектов (как частных, так и государственных структур). Важно, что несмотря на неочевидность последствий снижения объемов инвестиционных вложений в создание и обновление транспортной инфраструктуры в краткосрочной перспективе, в средне- и долгосрочной перспективе оно может значительно повлиять на состояние транспортно-логистического сектора целых регионов.

Состояние транспортно-логистического сектора РФ в период пандемии.

Пандемия COVID-19 оказала достаточно противоречивое влияние на транспортно-логистический сектор РФ. Так, с одной стороны, в связи с тем, что динамика российских грузовых перевозок определяется, в первую очередь, внешней торговлей, что связано с высокой долей внешнеторговых (экспортных, импортных и транзитных) грузов в структуре грузооборота, в 2020 г. можно было наблюдать снижение общих объемов грузоперевозок на 7,8 млрд тонн, что соответствует снижению объемов грузоперевозок по сравнению с 2019 г. примерно на 6% [19]. С другой стороны, за счет последствий пандемии COVID-19 транспортно-логистический сектор России в 2020–2021 гг. получил широкие возможности для естественного развития в связи с пересмотром многих цепочек поставок товаров из Азии в Европу и построения их с опорой на российские транспортные узлы и сети, а также российских логистических операторов, что было обусловлено низкой волатильностью российских цен на соответствующие услуги и в целом их большей привлекательностью в сравнении с традиционными альтернативами [7]. Более того, значительные перспективы для развития российского транспортно-логистического сектора были открыты за счет увеличения экспортного потока в азиатском направлении (преимущественно уголь и металлы), что стало особенно актуальным в контексте санкционной политики западных государств на фоне специальной военной операции РФ на Украине.

Тем не менее, восстановление международной торговли при сохранении ценовых преимуществ российской транспортно-логистической системы в 2021 г. привело к ее перегрузке, вызванной во многом некорректной системой управления и значительным недофинансированием в предыдущие периоды. Для того чтобы выявить ключевые возникшие проблемы и определить оптимальные пути их решения для обеспечения интенсивного развития системы в постковидный период, необходимо подробнее рассмотреть динамику различных видов перевозок в России в 2020–2021 гг.

Положительная динамика в этот период наблюдалась в сегменте контейнерных перевозок (как морским, так и железнодорожным транспортом). Так, в 2020 г. рост данного сегмента составил 16%, при этом наибольшая часть прироста пришлась на транзитное сообщение (38%) и, более того, преимущественно на одно направление — Китай-Европа-Китай [16]. Важно, что значительное увеличение перевалки грузов в контейнерах наблюдалось в портах Дальневосточного и Азово-Черноморского бассейнов. В целом динамика перевалки и импорта грузов в контейнерах в морских портах в 2020 г. представлена в табл. 1.

Важно, что рост фрахтовых ставок и необходимость обеспечения более быстрой доставки грузов в целом привели к перетоку большого объема широкой номенклатуры грузов с маршрутов Deep Sea в порты Дальнего Востока для их даль-

нейшей транспортировки железнодорожным транспортом. Расширение российского экспорта в страны Азиатско-Тихоокеанского региона привело к еще большему приросту грузовой базы дальневосточных портов [17].

Интенсификация международной торговли в 2021 г. при сохранении нарушений в общей оборачиваемости контейнеров спровоцировала всемирный контейнерный кризис в категории морских перевозок, в том числе в российских портах. Однако тарифы на морские грузоперевозки в 2021 г. в России все также оставались относительно низкими (в 2021 г. в среднем цена доставки контейнерных грузов из Азии в Европу через дальневосточные порты была примерно на 30% ниже, чем через Суэцкий канал, при этом скорость транспортировки через российские порты была выше в 2 раза) [9]. Это вызвало еще больший спрос на доставку грузов через Россию, в результате чего транзит через дальневосточные порты в 2021 г. стал быстро увеличиваться.

Во многом, именно в связи с этим, осенью 2021 г. в портах Дальнего Востока случился логистический коллапс, спровоцированный невозможностью инфраструктурных объектов обслужить столь значительный объемы контейнеров из Китая. Так, уже к концу сентября транзит только через порт Восточный вырос на 75%, а через Владивосток — на 39% [14]. Вследствие столь значительно возросшей загрузки, в дальневосточных портах РФ стали образовываться более чем недельные очереди (до 15 дней) на разгрузку. В целом сроки транзитной доставки грузов через порты Дальневосточного региона в среднем увеличились от 2 до 4 недель, а сроки перевозки с перевалкой в ряде дальневосточных портов (напр. порт Пусан) и вовсе стали достигать 6–8 недель [11], что было связано с низким уровнем развития в них инфраструктуры, обеспечивающей реализацию стивидорных услуг.

Рост цен на уголь при общем возрастании спроса на него в 2021 г. привел к увеличению российского экспорта. Так, за первые 9 месяцев 2021 г. перевалка угля в морских портах РФ выросла на 12,8% (в среднем в портах Балтийского, Азово-черноморского и Дальневосточного бассейнов) по сравнению с аналогичными показателями 2020 г. [12]. При этом наибольшее увеличение грузопотока наблюдалась на южном направлении, а наименьшее — на восточном, что было связано с наличием серьезных инфраструктурных ограничений на Дальнем Востоке [12]. Так, например, 8 из 19 дальневосточных портов вовсе не имеют железнодорожных подходов, что значительно ограничивает возможности перевозки через них сырья и продуктов первичной переработки [5]. Для остальных портов дальневосточного бассейна актуальной проблемой является значительное расхождение портовых и железнодорожных мощностей. Так, согласно последним данным, реальная мощность портов дальневосточного бассейна составляет 291 млн т., а объем реальной перевалки — 223 млн т., что соответствует 75% загрузки мощностей. Железнодорожный транспорт обеспечивает 58% их грузооборота, что соответствует всего лишь

45% от текущей доступной мощности портов [5]. В целом же по России на сегодняшний день загрузка портовых мощностей составляет порядка 65–67% [5], железные дороги же обеспечивают загрузку чуть более 25% портовых мощностей (без учета грузов, перевезенных трубопроводным транспортом, — 53,5% мощности и 72% от существующего грузооборота) [22].

Тем не менее, даже несмотря на неполную загрузку портовых мощностей, большие объемы экспортных грузов также оказались заблокированы в российских портах и на подходах к ним. Так, с одной стороны, только из-за слабого развития железнодорожной инфраструктуры на подходах к портам только в ДФО в 2020 г. не удалось вывезти порядка 15 млн т. грузов, а в первые 9 месяцев 2021 г. — порядка 7 млн т. [23] С другой стороны, чрезмерное количество груженого импорта в 2021 г. также не позволило отправлять вовремя через региональные порты уже доставленные в них экспортные грузы [21].

Все это стало свидетельством неготовности России к более глубокому включению в международные логистические процессы по причине ограниченных инфраструктурных возможностей.

Железнодорожные грузоперевозки в России в первый год пандемии, как указывают аналитики ЕУ, несколько пострадали (наблюдалось снижение погрузки на 2,7%), однако быстро восстановились во второй год (так, уже к октябрю 2021 г. рост погрузки достиг доковидного периода, увеличившись на 3,7% к уровню 2020 г.) [16]. При этом объем контейнерных перевозок железнодорожным транспортом в 2020–2021 гг. продемонстрировал интенсивный рост: объем только транзитных контейнерных перевозок еще в 2020 г. вырос на 38% [16], а за первые 9 месяцев 2021 г. объемы перевозки контейнеров железными дорогами увеличились на 13,2% по сравнению с показателями аналогичного периода 2020 г. [21]. В целом груженный транзит к концу 2021 г. вырос на 40% (преимущественно за счет контейнерных перевозок по маршруту Китай-Европа-Китай), импорт — на 25%, экспорт — на 9% (преимущественно за счет угля — +7,7% к уровню 2020 г., черных металлов — +4,3%, химических и минеральных удобрений — +6,6%, нефтеналивных грузов — +0,5%) по сравнению с показателями 2019 г. [21]. При этом в направлении восточных портов РФ рост погрузки экспортных грузов достиг 3,7%, в набавлении южных портов — 13,7%, западных — 6,3% [10].

Важно, что, несмотря на относительную стабильность железнодорожных перевозок в России, инфраструктура на многих станциях стала не справляться со столь возросшей нагрузкой, что также привело к возникновению задержек и сбоев. Особенно очевидной стала недостаточность мощностей в целом на Транссибирской и Байкало-Амурской магистралях, железнодорожных подходах к большинству портов дальневосточного бассейна (стык портовой и железнодорожной инфраструктуры), перевалочных станциях Центрального Федерального округа, а также на сухопутных погранпереходах на стыке российской и европейской железнодорожной колеи (особенно на польском участке железнодорожного транзита Азия-Европа). Причинами недостаточного развития указанных зон стали в первую очередь общая ограниченность доступного капитала для их развития и модернизации в предыдущие периоды при общей сложности и длительности реализации соответствующих проектов. При этом в отношении дальневосточного полигона большое значение имела наблюдавшаяся длительный период времени нестабильность планов портовых инвесторов по объемам перевалки и срокам строительства новых портов [4] при отсутствии взаимных обязательств между инвесторами транспортной инфраструктуры по соблюдению целевых параметров проектов [20], ограничивающая возможности долгосрочного планирования РЖД и масштабного инвестирования (государственного и частного) в проекты железнодорожной инфраструктуры в регионе в связи с высокими рисками необеспечения капитальных вложений будущими доходами. Все это привело к еще большей рассинхронизации развития портовой и железнодорожной инфраструктуры регионов и, соответственно, увеличению потерь инвесторов, а также бизнеса, пользующегося соответствующими услугами.

Более того, в определенном момент возник риск дефицита подвижного состава, реализации которого, тем не менее, удалось избежать за счет принятия операторами своевременных мер по размещению заказов на строительство новых вагонов [17].

Показатели грузовых авиаперевозок в России на фоне пандемии COVID-19 также возросли. Так, в 2020 г. грузопоток, обрабатываемый российскими авиакомпаниями, увеличился на 4%.

На автомобильные же грузоперевозки в России пандемия оказала негативное влияние: они в 2020 г. суммарно упали на 5,9% [19], это максимальное снижение более, чем за десятилетний период. В 2021 г. эта тенденция продолжилась.

Рассматривая развитие транспортной инфраструктуры России в период пандемии, следует отметить значительное смещение сроков реализации многих инвестиционных проектов [1], а также общее снижение интереса частных инвесторов к участию в строительстве инфраструктурных объектов [8], что представляется логичным следствием экономического кризиса. В целом в 2020 г. в зоне риска находилось 54 проекта в транспортной сфере [2].

Однако подобная ситуация, особенно в контексте ряда рассмотренных проблем, приводит к возрастанию отраслевых рисков и неполной реализации потенциального мультипликативного эффекта для России от изменения международной рыночной конъюнктуры в транспортно-логистическом секторе. Так, например, очевидно, что транзит грузов в направлении Китай-Европа и экспорт грузов (преимущественно уголь и металлы) в направлении стран Азиатско-Тихоокеанского региона могли бы принести стране значительные доходы, однако неготовность портовой и железнодорожной инфраструктуры на сегодняшний день эффективно связано обслуживать весь потенциальный объем грузопотока, ограничивает такие возможности.

Как подчеркивают эксперты ЕУ, обеспечение сбалансированного роста транспортно-логистического сектора России и полномасштабная реализация ее потенциала в сфере транзита грузов требует первоочередного развития таких направлений, как железнодорожные грузоперевозки и перевалка в морских портах, в первую очередь за счет создания соответствующей емкости инфраструктуры [16]. Учитывая наибольший потенциал восточного направления, приоритетный характер приобретают проекты расширения железнодорожного Восточного полигона и увеличения перевалочных мощностей портов Дальнего Востока. При этом государству важно обеспечить не просто разработку и запуск наиболее актуальных из них, но и синхронизировать процессы их реализации. Как показывает практика, асинхронность сроков строительства железнодорожной и портовой инфраструктуры приводит к значительной недогрузке портовых или железнодорожных мощностей.

Уроки пандемии для транспортного сектора России. В целом пандемия COVID-19 продемонстрировала, что Россия имеет значимый потенциал роста в секторе транспортно-логистических услуг. При этом наиболее перспективными являются именно международные мультимодальные (морские и железнодорожные) грузоперевозки в восточном направлении (экспорт) и в западном направлении (транзитные перевозки товаров из КНР). Однако существующая инфраструктурная база не позволяет России на сегодняшний день в полной мере использовать открывающиеся возможности, приводя к увеличению сроков и уменьшению объемов допустимых поставок из-за сбоев в обработке грузопотоков.

В таком контексте наибольшую актуальность приобретают такие направления развития транспортно-логистического сектора и транспортной инфраструктуры России, как:

1. Развитие портовой и железнодорожной инфраструктуры Дальнего Востока, а также в целом осуществление общей модернизации железнодорожной инфраструктуры на конечных пунктах следования составов для обеспечения бесперебойности потоков экспортных грузов из европейской части РФ, а также Западной и Восточной Сибири в страны АТР через порты Приморского края, в т.ч. с перевалкой на суда до портов Чукот-

ки, Магадана, Камчатки, Курильских островов, Сахалина и Восточного сектора Северного морского пути. Здесь особое значение имеет создание необходимой инфраструктуры именно для мультимодальных перевозок экспортных грузов (в первую очередь уголь и металлы) с бесшовным сервисом, т.к. потребители из азиатского региона (в первую очередь КНР и Индия) в целом способны обеспечить значительный спрос на российские энергоресурсы. При этом здесь важно понимать, что если портовая инфраструктура Дальнего Востока в целом готова к интенсивной переориентации грузопотоков (избыточные мощности постоянно растут — так, только с 2019 по 2021 гг. профицит портовой инфраструктуры в среднем по стране увеличился в 1,5 раза [22]), то железнодорожная инфраструктура — нет, даже с учетом планов Минтранса по увеличению провозной способности Восточного полигона (особенно в ближайшей перспективе). Это обуславливает необходимость приоритизации именно железнодорожных инфраструктурных проектов на современном этапе. Актуальными здесь являются, в первую очередь, такие меры, как увеличение государственных инвестиций в развитие Восточного полигона и подходов к дальневосточным портам и создание дополнительных механизмов повышения их привлекательности для частных инвесторов (напр., за счет расширения практики заключения договоров take-or-pay для снижения рисков капитальных вложений в развитие железнодорожной инфраструктуры). Акцентуация внимания на транзите контейнерных грузов по направлению Китай-Европа на сегодняшний день нерациональна в связи с санкциями, введенными западными государствами в отношении России;

2. Синхронизация проектов развития портовой и железнодорожной инфраструктуры за счет совершенствования механизмов управления ими на государственном уровне.

При этом необходимо отметить, что, учитывая все существующие инфраструктурные ограничения на железнодорожном транспорте, крайне актуальным становится также поиск альтернативных путей перевозки грузов из Западной части страны в Восточном направлении (внутренние и международ-

ные грузоперевозки). Здесь потенциально крайне эффективным решением может быть интенсификация развития СМП [3], который сможет обеспечить как значительное повышение транспортно-логистической связанности территорий страны, так и стать наилучшим маршрутом прямого вывоза ряда экспортных товаров в азиатском направлении (в первую очередь нефтеналивных грузов).

Заключение. Таким образом, в рамках данного исследования было установлено, что пандемия COVID-19 обнажила такие проблемы функционирования транспортно-логистического сектора РФ, как:

1. Неравномерность и недостаточность развития портовых и железнодорожных мощностей, их низкую пропускную возможность на восточных территориях;

2. Асинхронность развития транспортной инфраструктуры, обеспечивающей реализацию стивидорных услуг.

Учитывая тот факт, что пандемия COVID-19 еще раз подчеркнула наибольшую перспективность развития именно транзитных перевозок между Азией и Европой (после событий февраля 2022 г. направление потеряло актуальность) и переориентации собственного экспорта России на страны Азиатско-Тихоокеанского региона, указанные проблемы представляют значимую угрозу реализации национального потенциала в транспортно-логистической области. В таком контексте их решение превращается в первоочередную задачу государства, что обуславливает приоритетность на ближайшие годы таких мер, как ускорение реализации морских и железнодорожных транспортно-инфраструктурных проектов (особенно на Дальнем Востоке и в Арктической Зоне РФ), пересмотр практики управления реализацией проектов строительства и модернизации транспортной инфраструктуры в направлении внедрения механизмов управления программами и портфелями, а не отдельными проектами на этапах планирования и контроля с целью достижения синхронизации процессов реализации проектов.

Статья поступила в редакцию 22.08.2022.

Список использованных источников:

1. АНО «Национальный Центр ГЧП». Инвестиции в инфраструктуру и ГЧП. 2021. Аналитический обзор. — Москва, 2021.
2. АНО «Национальный Центр ГЧП». Инвестиции в инфраструктуру и ГЧП 2020. Аналитический обзор. — Москва, 2020.
3. Варкентина А. Транспортная доступность Дальнего Востока: вызовы и возможности // Морские порты. — 2021. — №7. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.morvesti.ru/analitika/1691/92799/>
4. Владимирская А. Узких мест на подходах к портам становится меньше // Российская газета. Спецвыпуск: Железнодорожный транспорт. — 2021. — №247(8598) (28 окт.) [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/10/27/uzkih-mest-na-podhodah-k-portam-standovitsia-menshe.html>
5. Гусаченко Н. Загрузка портовых мощностей в стране не превышает 65–67%. // Информационное агентство «РЖД-Партнер.РУ»: офиц. сайт. — 2021. URL: <https://www.rzd-partner.ru/wate-transport/news/zagruzka-portovykh-moshchnostey-v-strane-ne-prevyshayet-65-67/>
6. Департамент международного и регионального сотрудничества Счетной палаты РФ. Дайджест. Транспортная сфера в контексте COVID-19. Счетная палата Российской Федерации, 2020.
7. Дробышева И. Почему дальневосточные порты оказались в коллапсе // Российская газета: офиц. сайт. — 2021. URL: <https://rg.ru/2021/11/06/reg-dfo/pochemu-dalnevostochnye-porty-okazalis-v-kollapse.html>
8. Жундриков А. Инвестиции в инфраструктуру: как кризис сказался на рынке концессий и ГЧП в 2020 году? / А. Жундриков, Е. Якунина, Г. Барцева, М. Фомина // InfraOne Research Weekly. — 2021—№1(49).
9. Злобин А. Транзит грузов из Китая в Европу по железной дороге через Россию вырос почти на 50% // Forbes: офиц. сайт. — 2021. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/443349-tranzit-gruzov-iz-kitaa-v-evropu-po-zeleznoj-doroge-cerez-rossiu-vyros-pochti-na-50>
10. Информационное агентство «РЖД-Партнер.РУ». Погрузка экспортных грузов на сети РЖД в 2021 году выросла на 3,2%, до рекордных 490 млн т // Информационное агентство «РЖД-Партнер.РУ»: офиц. сайт. — 2021. URL: <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/pogruzka-eksportnykh-gruzov-na-seti-rzd-v-2021-godu-vyros-la-na-3-2-do-rekordnykh-490-mln-t/>
11. Ипатов Р. Дальневосточный логистический кризис будет продолжаться как минимум до середины 2022 года. // Информационное агентство «РЖД-Партнер.РУ»: офиц. сайт. — 2021. URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/opinions/dalnevostochnyy-logisticheskyy-krizis-budet-prodolzhatsya-kak-minimum-do-serediny-2022-goda/>
12. Квитень Л. Инвестиции в угольные мощности обнулили провозные возможности железных дорог // Морские порты. — 2021. — №8. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.morvesti.ru/analitika/1685/93328/>
13. Киреева В. Логистические тренды 2020–2021 года: влияние пандемии COVID-19 на перевозки / В. Киреева, О. Пирогова, Е. Мясникова. // Retail.ru: офиц. сайт. — 2020. URL: <https://www.retail.ru/articles/logisticheskie-trendy-2020-2021-goda-vliyanie-pandemii-covid-19-na-perevozki/>
14. Насибуллина И. «Главными трендами в логистическом секторе стали e-commerce, рост цен и нарушение глобальных цепей поставок» // Интернет-газета «Реальное время», 2022, 3 января. [Электронный ресурс]. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/236725-chto-vliyalo-v-2021-godu-na-transportno-logisticheskyy-sektor>
15. ОАО «РЖД». Транзит контейнеров по сети РЖД в сообщении Китай — Европа — Китай за 9 месяцев превысил показатель за весь 2020 год // ОАО «РЖД»: офиц. сайт. — 2021. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9397/page/104069?id=267583>

16. Обзор отрасли грузоперевозок в России 2020 год. ООО «Эрнст энд Янг — оценка и консультационные услуги», 2021.
17. ПАО «Дальневосточное морское пароходство». Итоги 2020 года // FESCO: офиц. сайт. — 2021. URL: <https://www.fesco.ru/ru/press-center/blog/itogi-2020-goda/>
18. Потаева К. Стоимость морских перевозок достигла пятилетнего максимума / К. Потаева, В. Кузьмина, Е. Бурлакова, Т. Исакова // Ведомости. — 2021. — 1 авг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/08/01/880372-stoimost-perevozok>
19. Потаева К., Львова А. Транспортный сектор может выйти на доковидный уровень ближе к 2024 году // Ведомости. — 2021. — 19 окт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/10/19/891804-passazhirskii-transport>
20. Потаева К., Милькин В. 15 млн тонн угля застряло на подходах к дальневосточным портам // Ведомости. — 2021. — 20 окт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/10/19/892016-15-uglya>
21. Разина Е. Через Россию дешевле // Коммерсант. — 2021. — №208 (17 нояб.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5076667>
22. Скорлыгина Н. Рельсы не тянет в море // Коммерсант. — 2021. — № 208 (17 нояб.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5078830>
23. ТАСС. В Минвостокразвития рассказали, что сдерживает развитие регионов Дальнего Востока. // ТАСС: офиц. сайт. — 2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12729455>
24. ЮНКТАД. Обзор морского транспорта 2021 год. Общий обзор. ООН, 2021.
25. ERAI. Контейнерные железнодорожные перевозки на евразийском пространстве в 2021 году. // ERAI: офиц. сайт. — 2022. URL: <https://index1520.com/analytics/konteynerye-zheleznodorozhnye-perevozki-na-evraziyskom-prostranstve-v-2021-godu/>
26. Freightos Ltd. Freightos data: офиц. сайт. — 2022. URL: <https://fbx.freightos.com/>
27. UNCTAD. Review of Maritime Transport 2021. United Nations, 2021.
28. UNICEF Supply Division. COVID-19 Impact Assessment on Global logistics and Supplies. UNICEF, 2021.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛЬНОЙ ОТРАСЛИ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Н.А. Рязанцева,

*профессор кафедры экономической кибернетики и прикладной статистики
Луганского государственного университета им. Владимира Даля,
доктор экономических наук
Nataly414@mail.ru*

А.А. Лофиченко,

*аспирант кафедры экономической кибернетики и прикладной статистики
Луганского государственного университета им. Владимира Даля
canych21@yandex.ru*

В статье рассмотрены пять ключевых аспектов текущего этапа цифровой трансформации экономики: Описаны экономические и социальные преимущества цифровой трансформации хозяйственных комплексов, а также отмечены риски, связанные дигитализацией экономики. Отмечены отличительные особенности программы «Индустрия-4.0», основной курс которой направлен на цифровое моделирование, а также представлены ключевые тенденции её исполнения в угольной отрасли. Делается акцент на использовании производственных киберфизических систем и представлена типовая архитектура киберфизической системы угледобывающего предприятия. Проанализирована траектория эволюционирования угольной отрасли ЛНР. Разработана архитектура киберсоциофизической экосистемы для угольной отрасли Луганской Народной Республики.

Ключевые слова: цифровая трансформация, угольная отрасль, киберфизические системы, киберсоциофизические экосистемы

УДК 332.1 ББК 65.2/4

В наши дни наблюдается быстрое приближение новой цифровой технологической революции, которая связана с масштабной трансформацией существующих социально-экономических институтов, а иногда, возможно, и с созданием новых. Текущие технологические трансформации создают новые вызовы для экономической науки, в то время как прежние теоретические концепции, определенные в доцифровую эпоху, прекращают работать.

Весомой проблемой с позиции изучения феномена цифровой трансформации экономики выступает отсутствие единой теоретической основы цифровой экономики. На данный момент существуют единичные попытки теоретического осмысления данного феномена с точки зрения новой институциональной и неоклассической экономической теории [1, 2]. С точки зрения экономической теории присутствует ряд проблем, носящих методологический характер: отсутствие единой терминологии в сфере цифровой трансформации экономики и вариантов периодизации и определения сути технологических революций. Это находит отражение в том, что на данный момент нет понимания того, выступает ли нынешняя цифровая

трансформация экономики новой технологической революцией или это пик развития информационно-телекоммуникационной технологической революции.

Однако цифровая трансформация экономики — это уже действительность, и для результативного функционирования хозяйственного комплекса государства в новых условиях требуется перенастройка теоретических концепций менеджмента, его инструментария. Следовательно, необходимо определить содержание, основные направления и вызовы цифровой трансформации в эпоху цифровой экономики.

В статье под цифровой трансформацией предлагается понимать качественные преобразования бизнес-процессов или способов реализации экономической деятельности (бизнес-моделей) за счет внедрения цифровых технологий, которые приводят к существенным социально-экономическим эффектам.

За последние десятилетия многие отрасли хозяйственного комплекса уже преодолели некоторые этапы, относящиеся к развитию новых технологий. Среди таких этапов можно выделить:

- расширение использования ЭВМ;
- первую волну автоматизации производства;
- появление персональных компьютеров;
- развитие Интернет.

Для текущего этапа цифровой трансформации характерна определенная специфика. Рассмотрим пять ее ключевых аспектов:

1. Новый виток развития технологий.

Прогрессивные технологические направления (блокчейн, искусственный интеллект, робототехника, технологии дополненной и виртуальной реальности) становятся ключевыми ускорителями нового этапа цифровой трансформации. Они обеспечивают уникальные возможности для решения разнообразных задач. Это обуславливает рост инвестиций в технологии нового поколения.

2. Небывалый спрос на цифровые технологии.

На данный момент свыше 40% руководителей компаний в РФ планируют расширение использования цифровых технологий, около 30% — в течение ближайших пяти лет. В мире следуют данной тенденции, в соответствии с данными 2021 г., более половины топ-менеджеров крупных компаний [3].

3. Уменьшение продолжительности жизненного цикла технологий.

Рост спроса приводит к сокращению сроков «выхода прогрессивных технологий из лабораторий». Один из примеров — заметный прогресс в области квантовых технологий. По прогнозам в течение 3–5 лет их развитие позволит выйти на качественно новый уровень в надёжности, скорости и защищённости в передаче и обработке данных.

4. Новые всплески цифровизации, обусловленные пандемией.

Одним из основных факторов являются трансформировавшиеся потребности населения и отраслей на фоне распространения коронавирусной инфекции. За считанные месяцы пандемии произошел скачок в уровне цифровизации продуктовых линеек и внутренних процессов в различных секторах экономики, сравнимый со схожими изменениями в течение предыдущих 3–4 лет.

5. Рост технологических и социальных рисков.

Цифровая трансформация приносит как позитивные эффекты, так и совокупность рисков. Основная проблема — кибербезопасность. При переходе на удаленную работу на 40% увеличилось количество личных устройств, используемых в обмене корпоративными данными и обладающих недостаточным уровнем защиты. Еще один риск — уменьшение количества рабочих мест, связанное с цифровизацией, роботизацией различных трудовых процессов, а также риск алгоритмической

дискриминации — например, процессы сбора данных, контроля за движениями сотрудников и т.п.

Проанализировав текущее состояние цифровой трансформации экономики в мире, можно выделить следующие экономические и социальные преимущества цифровизации экономики (рис. 1).

Наряду с положительными эффектами, к сожалению, цифровая трансформация экономики обладает также и негативными последствиями и рисками:

- рост киберпреступности;
- технологическая уязвимость построенной цифровой инфраструктуры;
- стремительное устаревание техники, что обуславливает проблемы ее утилизации;

– увеличение технологической зависимости от иностранных поставщиков, что влечет за собой снижение уровня экономической и технологической безопасности как на уровне государства в целом, так и на уровне конкретных отраслей и предприятий;

- рост безработицы как следствие автоматизации процессов предприятий.

Происходящая на данный момент в различных государствах технологическая революция нуждается во внедрении программы «Индустрия-4.0» (Industry 4.0), которая бы охватила всю промышленность, в том числе и угольную [4,5]. Цифровое моделирование, выступающее одним из ключевых курсов воплощения программы «Индустрия-4.0», будет повсеместно применяться в производственных процессах. Максимальный прогресс в применении цифровых технологий ожидается в машиностроении, электронной промышленности, автомобилестроении, компьютерных технологиях.

Отличительной особенностью программы «Индустрия-4.0» выступает применение в промышленности потенциалов «Интернета вещей» (IoT — Internet of Things) и использование в процессах производства «киберфизических систем» (CPS — Cyber-Physical System). Программой «Индустрия-4.0» предлагается реализация следующих направлений:

- использование Интернета вещей в промышленном производстве;
- применение дополненной реальности;
- бизнес-аналитика и большие данные (Big Data);
- внедрение «облачных технологий»;
- разработка и использование автономных роботов;
- горизонтальная и вертикальная интеграция систем;
- повышение информационной безопасности;
- использование 3D-печати;
- использование цифрового моделирования [6].

Рис. 1. Экономические и социальные преимущества цифровой трансформации экономики

Рассмотрим основные тенденции цифровой трансформации угольной отрасли. Программа «Индустрия-4.0» является исходной точкой для последующих технологических прорывных новшеств в угольной отрасли. Исследование используемых угольной отраслью технологий позволяет сделать вывод о потребности в создании «Интеллектуальной платформы», которая учитывает ключевые тенденции исполнения проекта «Индустрия-4.0» и соответственные цифровые технологии. Создание данной платформы в угольной отрасли следует базировать на проведении научно-исследовательских опытно-конструкторских работ:

- по созданию производственных киберфизических систем;
- реализации концепции «Интернета вещей» в процессах производства на предприятиях отрасли.

В рамках вышеописанной платформы необходимо организовать создание и непрерывное обновление банка инновационных разработок по технологиям, которые обеспечивают формирование производственных киберфизических систем в угольной отрасли. Этот банк должен включать в себя эффективные технологии добычи угля, использующие гибкие роботизированные системы 2-го и 3-го поколений, снабженные искусственным интеллектом. Новейшие технологии, которые позволяют построение полностью автоматизированных предприятий, способны объединить небольшие производственные блоки, базирующиеся на применении автономных киберфизических систем. Перспективные технологии и тенденции, которые соответствуют исполнению программы «Индустрия-4.0» в угольной отрасли, приведены в табл. 1

Таблица 1

Ключевые тенденции исполнения «Индустрия-4.0» в угольной отрасли

Направления горного производства	Передовые тенденции и технологии
Разведка запасов угольных месторождений	Виртуализация разведочных и поисковых работ
	Дистанционное зондирование участков
	Улучшение геоинформационных систем с помощью трехмерного моделирования геологических условий
Добыча угля и подготовка запасов	Автоматизация и использование роботов при проведении горных работ и формировании подземного пространства
	Выемка угля без непосредственного участия человека (безлюдная выемка)
	Геоинформационное обеспечение, базирующееся на цифровом моделировании механических процессов
	Совершенствование технологий добычи угля без участия человека
Переработка угля и угольных отходов	«Интернет вещей», который охватывает процесс добычи угля и является основой комплекса «Интеллектуальная шахта»
	«Интернет вещей», используемый в процессах переработки и обогащения угля и отходов, является основой формирования комплекса «Интеллектуальная обогатительная фабрика»
	Получение продуктов со значительной добавленной стоимостью
Транспорт	Применение био- и нанотехнологий
	Использование автоматизированных транспортных средств
	«Интернет вещей», используемый в качестве основы для комплекса «Интеллектуальный транспорт и центры управления»

Базируясь на использовании производственных киберфизических систем и иных вариантов технологического развития, которые обусловлены исполнением программы «Индустрия-4.0», выделены направления цифровой трансформации угольной отрасли, включающие следующие составляющие горного производства:

- разведка залежей и планирование работ;
- добыча угля;
- переработка угля и угольных отходов;
- транспортировка угля и иных грузов.

Представленные составляющие являются основой формирования передовых производственных единиц: «Интеллектуальная шахта», «Интеллектуальный транспорт», «Интеллектуальная фабрика».

Центральным элементом цифровой трансформации выступает использование киберфизических производственных систем при добыче и подготовке запасов, а также в процессе транспортирования и переработки угля. Функционирование данных систем базируется на использовании интеллектуальных роботизированных комплексов в изолированных производственных блоках малой мощности. Так, в блоках для подземной угледобычи могут использоваться спроектированные и испытанные еще в 80-х гг. прошлого века, так называемые, фронтальные агрегаты, призванные осуществлять одновременную обработку всей плоскости очистного забоя без непосредственного участия человека. Это приводит к многократному увеличению производительности добычи угля.

Использование киберфизических систем делает возможным широкое использование технологий добычи угля без непосредственного участия человека, в т.ч. скважинных. Это подготовит базис для дальнейшего расширения производственных объектов, которые в работе используют принципы «Интеллектуальной шахты» и являют собой целостные информационно-управляющие структуры, допускающие проведение мониторинга и управление техническим оборудованием на шахте в процессе осуществления добычных и горно-подготовительных работ.

Роботизация и автоматизация горных работ представляет возможность создания новой группы горнопроходческих машин — геолодов. Расширение сектора безлюдной добычи угля также возможно благодаря использованию роботизированных систем бурошнечковой и скреперо-струговой выемки угля. Подготовка и добыча угля должна поддерживаться цифровым моделированием всевозможных геомеханических процессов, которые реализуются при разработке месторождений угля.

Деятельность производственных киберфизических систем (в особенности при проведении горных выработок и добыче угля) должна подкрепляться системой самодиагностики узлов и деталей применяемых агрегатов и машин, предоставляющей возможность не только подавать сигналы о потребности замены или ремонта определенных частей оборудования, но и непосредственно участвовать в практической реализации данных процессов. Озвученные производственно-технологические системы угольной добычи, подготовки запасов, а также осуществления горных работ должны быть функционально интегрируемы с IT-системой. Данная интеграция должна реализовываться при помощи специальных датчиков, систем производственного контроля, видеокамер, собирающих и управляющих информацией в центр контроля и управления с целью краткосрочного планирования ключевых показателей производства. Это сделает возможным осуществление прямой связи и взаимодействия работников предприятий.

Производственные решения необходимо принимать на основе технологий «Больших данных», которые представляют собой обработку информации огромных объемов и многообразного состава, часто обновляемой и расположенной в различных источниках для увеличения эффективности работы. В то же время доставка и обработка информационных потоков должна осуществляться с применением «облачных технологий». «Облачные технологии» — это комфортная среда для обработки информации, которая объединяет в себе совокупность аппаратных средств, программного обеспечения, каналов связи и технической поддержки осуществляемых производственных процессов.

Важную роль в процессах разведки залежей и подготовки горных работ играют моделирование, цифровое проектирование и симуляция. Они базируются на использовании 3D-моделей для повседневного управления производством.

Эти системы призваны моделировать месторождение, планировать выработку запасов, исследовать другие варианты горных работ и находить их наилучший вариант в реальном времени.

Внедрение передовых цифровых технологий раскрывает новые возможности проведения разведочных и поисковых работ. Открываются возможности повсеместного 3D-моделирования геологических условий в процессе разведки месторождений. Широкое применение получают технологии удаленного зондирования земли, базирующиеся на использовании лазерного сканирования и спутниковой геодезии, а также применение дронов и навигации. Потенциал виртуализации разведочных и поисковых работ создает базис для интерактивного проектирования скважин и оперативного управления геологическими изысканиями.

Представленные технологические решения по угольной отрасли, позволят сформировать интеллектуальную технологическую платформу, которая включает потребность реализации проекта «Виртуальная шахта будущего». Предложенные рекомендации по реализации элементов программы «Индустрия-4.0» в практику угольной отрасли являются основой формирования и развития новой интеллектуальной угольной отрасли.

В Луганской Народной Республике в 2020 г. стартовала реорганизация угольной отрасли, одной из главных задач которой являлось обеспечение безубыточного функционирования отрасли [7]. Однако сама по себе реорганизация отрасли является первым шагом на пути к обеспечению стабильного функционирования предприятий, в основе которого лежит использование передовых достижений научно-технического прогресса (рис. 2).

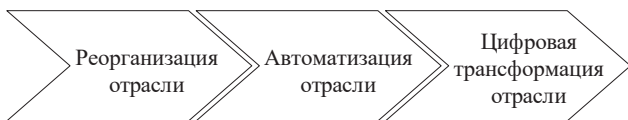

Рис. 2. Траектория эволюционирования угольной отрасли

Итогом автоматизации угольной отрасли должно стать построение киберфизических систем угледобывающих предприятий. Для создания таких систем необходимо внедрение в производственные процессы передовых технологий: роботизированные агрегаты для добычи угля, «Интернет вещей», цифровые двойники, анализ больших данных, облачные техно-

логии. Несмотря на непростое политическое и экономическое положение Луганской Народной Республики, реализация пилотных проектов по созданию киберфизических систем угльных предприятий возможно уже сейчас. Типовая архитектура киберфизической системы угледобывающего предприятия представлена на рис. 3.

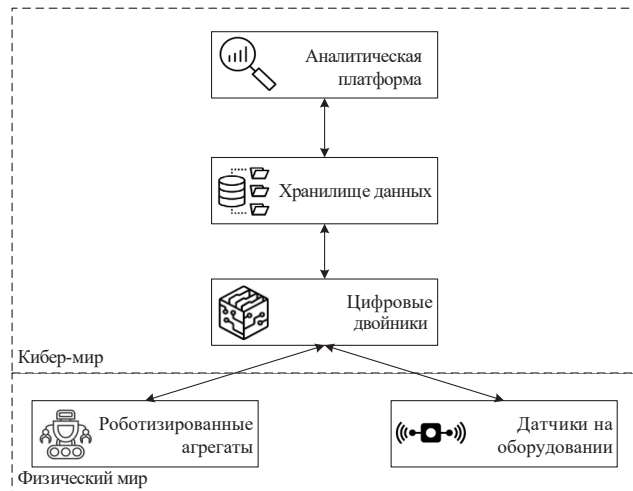

Рис. 3. Типовая архитектура киберфизической системы угледобывающего предприятия

Завершающим этапом эволюционирования угольной отрасли должна стать ее цифровая трансформация. В рамках данного этапа необходимо создание киберсоциофизической экосистемы угольной отрасли. В состав киберсоциофизической экосистемы входят три взаимосвязанные подсистемы [8], базирующиеся на:

- 1) человеку — представляет социальную систему, которая содержит человеческие субъекты, а также неразрывно связанные с ними агенты / устройства и / или социальные платформы, которые представляют услуги людям;
- 2) программном обеспечении — представляет кибер-мир, который оказывает услуги на базе программного обеспечения, которое включает основные платформы и инфраструктуры, как локальные, так и облачные;

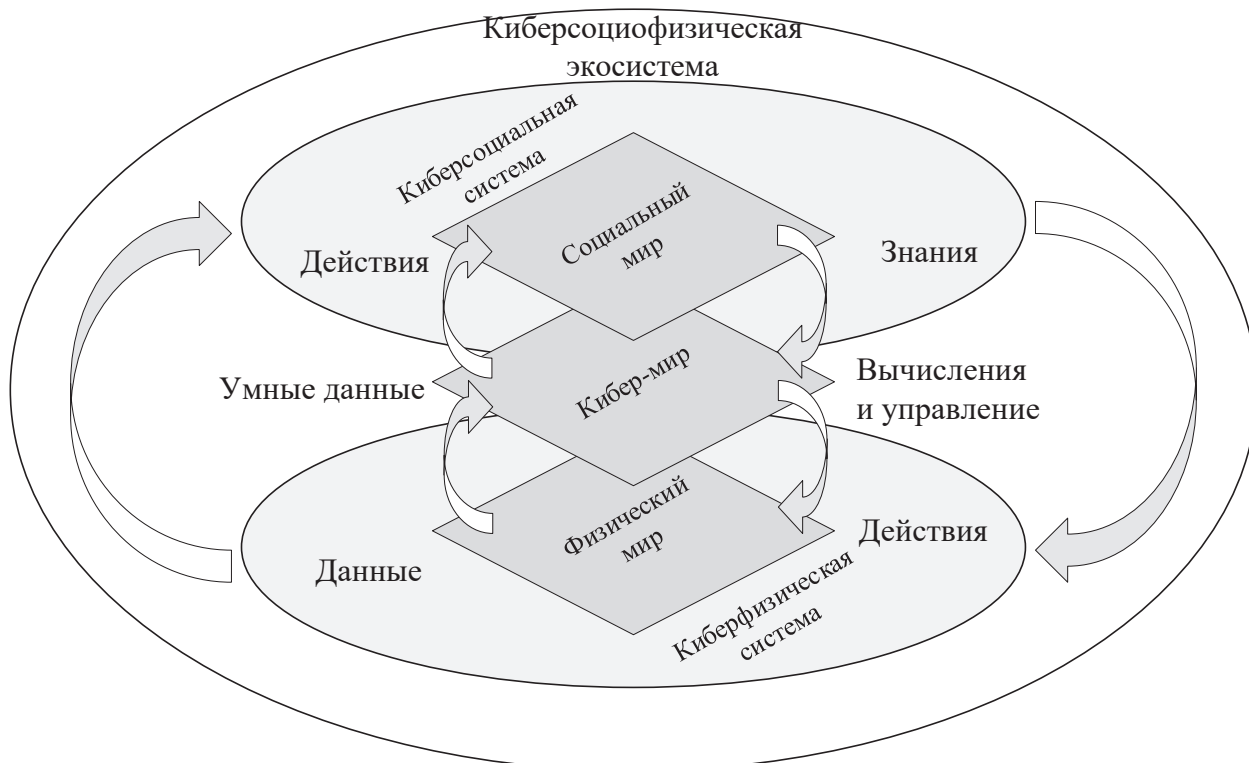

Рис. 4. Киберсоциофизическая экосистема

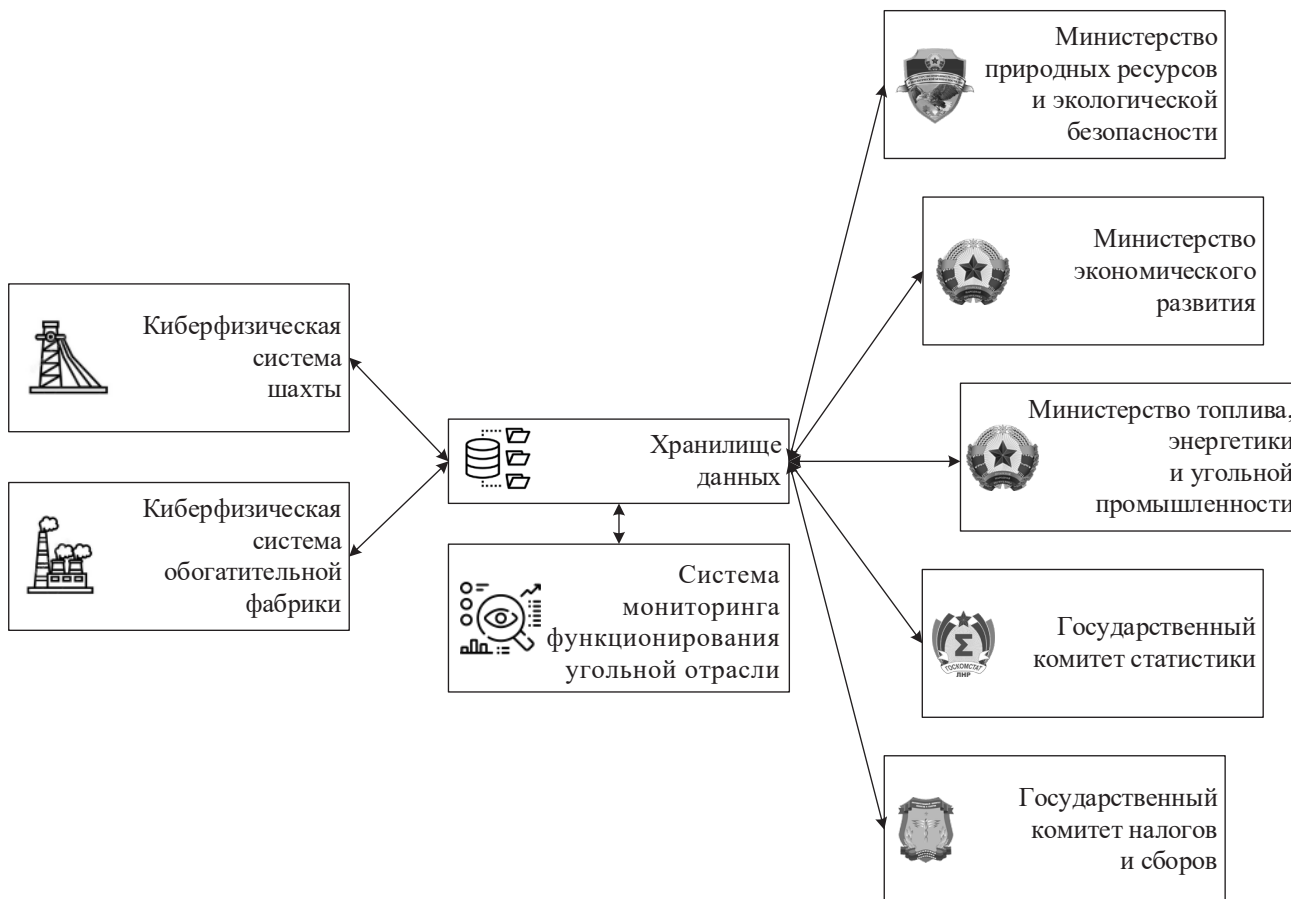

Рис. 5. Архитектура киберсоциофизической экосистемы угольной отрасли ЛНР

3) вещах — представляют физический мир, включающий различные датчики, шлюзы, исполнительные механизмы, а также базовые инфраструктуры.

Киберсоциофизическая экосистема служит развитием концепций Интернета вещей и киберфизических систем, полученным с помощью включения социальной составляющей (человека); содействует синергетическому содействию человеческого опыта и компьютерных вычислений. Проанализировав текущее состояние киберсоциофизических экосистем, можно сделать вывод о существовании двух основных точек зрения на роль человека в них:

1. Человек в роли датчика: относительно ранняя точка зрения на, возникшую в связи с более широким использованием людьми интеллектуальных устройств с датчиками. С этой точки зрения социальный аспект был привнесен путем рассмотрения людей как источников информации для киберфизических систем (то есть датчиков) [9]. Эта концептуализация в первую очередь сосредоточена на объединении различной информации, поступающей из социального пространства (люди и их наблюдения), с кибер-системами и физическими системами для удовлетворения различных потребностей приложений.

2. Человек в роли системного компонента. В последнее время большинство исследователей склонны рассматривать человека не только как социальный сенсор, но и как сотворца, являющегося неотъемлемой частью системы [10]. Люди рассматриваются в качестве членов киберсоциальной экосистемы, включая наблюдения, опыт, фоновые знания, общество, культуру и восприятие для совместного создания продуктов и услуг вместе с киберфизической системой. Здесь люди выступают в роли ресурсов, т.к. они предоставляют информацию, знания, услуги и т.д., которые в то же время потребляют, становясь, таким образом, пользователями киберсоциальной экосистемы (рис. 4).

На рис. 5 представлена архитектура киберсоциофизической экосистемы для угольной отрасли Луганской Народной Республики. Ядром предлагаемой экосистемы является хранилище данных, содержащее информацию о функционировании

киберфизических систем шахт и обогатительных фабрик и обеспечивающее информационное взаимодействие предприятий угольной отрасли и ведомств, регулирующих функционирование отрасли. Знания, сформированные на основе данных из хранилища, могут быть использованы как в процессе управления отраслью, так и, например, при обучении рабочих. Основываясь на данных из хранилища, производится оценка функционирования угольной отрасли при помощи системы мониторинга.

Среди преимуществ создания киберсоциофизической экосистемы угольной отрасли можно выделить следующие:

- формирование единой платформы, которая объединяет различные системы управления предприятиями отрасли;
- возможность оптимизации плановых ремонтов оборудования;
- регламентирование обмена внутриотраслевой информацией;
- грамотное управление кадрами, возможность их быстрого перераспределения;
- использование технологий виртуальной и дополненной реальности, позволяющих моделировать конкретные производственные условия, при подготовке кадров;
- применение накопленных данных при проведении разведочных и добычных работ.

Завершающим этапом цифровой трансформации угольной отрасли Луганской Народной Республики станет включение в киберсоциофизическую экосистему предприятий металлургической отрасли, являющейся основным потребителем продукции угольной отрасли, и машиностроения — основного поставщика оборудования для угледобывающих предприятий.

Таким образом, учитывая, что для Республики угольная отрасль является одной из ведущих, сформированная киберсоциофизическая экосистема должна стать основой для её цифровой трансформации, а также остальных отраслей промышленности, связанных с ней. Такая система станет драйвером развития всего хозяйственного комплекса Луганской Народной Республики.

Статья поступила в редакцию 23.09.2022.

Список использованных источников:

1. Макафи Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее / Э. Макафи, Э. Бриньолфсон. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
2. Moazed A. Modern monopolies: what it takes to dominate in 21st-century economy / A. Moazed, N.L. Johnson. — New York: St. Martin's Press, 2016.
3. Цифровая трансформация. Изменения экономики и социальной сферы под влиянием технологий [Электронный ресурс] // Научно-образовательный портал IQ — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/465484100.html>.
4. Плакиткин Ю.А. Анализ базовых направлений реализации Программ «Индустрия-4.0» и «Цифровая экономика Российской Федерации» / Ю.А. Плакиткин, Л.С. Плакиткина // Горная промышленность. — 2018. — № 1. — С. 22–28.
5. Уэмура Н. «Общество 5.0: взгляд «Mitsubishi Electric» // Экономические стратегии. — 2017. — № 4.
6. Лофиченко А.А. Цифровизация экономики на примере угольной отрасли Российской Федерации // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. — 2022 — №1(55). — С. 120–126.
7. О программе по реорганизации угольной отрасли [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Луганской Народной Республики. — Режим доступа: <https://sovminlr.ru/novosti/21405-o-programme-po-reorganizacii-ugolnoy-otrasli.html>.
8. Smirnov, A. Ontology for cyber-physical-social systems self-organisation / A. Smirnov, T. Levashova, N. Shilov, K. Sandkuhl // In Proceedings of 16th Conference of Open Innovations Association FRUCT. — 2014. — pp. 101–107.
9. Yilma, B.A. Systemic formalisation of Cyber-Physical-Social System (CPSS): A systematic literature review [Электронный ресурс] / B.A. Yilma, H. Panetto.
10. Sheth, A. Physical-Cyber-Social Computing: An Early 21st Century Approach to Computing for Human Experience / A. Sheth // IEEE Internet Computing. — 2010. — № 14 (1). — pp. 88–91.

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕОИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ «УМНОГО ГОРОДА»

А.В. Пинчук,

генеральный директор ООО «ВидиГайд» (г. Санкт-Петербург), кандидат экономических наук
spinchuks@gmail.com

В статье рассматриваются проблемы и особенности формирования инфраструктуры для децентрализованного хранения данных геоинформационной системы «умного города» на базе файлового протокола IPFS. Основное внимание уделяется вопросам, связанным с обеспечением масштабируемости системы доставки контента. Обосновывается архитектура программного продукта, обеспечивающего контроль прав доступа к контенту на основе распределённого хранения данных и целевой подачи контента. Сформулированы методические основы создания серверной компоненты для отображения пространственных данных системы «умного города».

Ключевые слова: геопозиционирование, дополненная реальность, беспроводные технологии, умный город, целевая доставка контента, BYOD.

УДК 002:330.163; 025.4.03

Определения, обозначения и сокращения

В настоящей статье применяются следующие определения, обозначения и сокращения:

IPFS — InterPlanetary File System — распределенная система для хранения и доступа к файлам, веб-сайтам, приложениям и данным.

BYOD — «Bring Your Own Device» — принцип, предполагающий использование владельцем пространства устройств посетителей с автоматической настройкой специальной конфигурации операционной системы и контролем функций смартфона.

GPS — Global Positioning System — система глобального позиционирования — спутниковая система навигации, обеспечивающая измерение расстояния, времени и определяющая местоположение во всемирной системе координат.

Введение. Отрасль цифрового маркетинга «умного города» (digital marketing, proximity marketing, которые включают работу с пользователями в музейных социокультурных пространствах и сфере мобильного ритейла) переживает процесс трансформации, в котором основное внимание уделяется задаче формирования функционала бесшовной подачи контента на устройства пользователей в рамках полного цикла. Становится необходимым обеспечить эффективное взаимодействие с пользователем на всех этапах: от доставки сообщения на смартфоны с удаленной установкой приложения, временным контролем функций устройства вплоть до системы вовлечения посредством push-сообщений и показа объектов дополненной реальности при перемещении в масштабах города или здания. В результате создается индустриальный запрос на комплекс-

ную систему управления и интерактивной подачи цифрового контента на основе контекста и местоположения пользователя.

При этом процесс цифровизации взаимодействий бизнеса и потребителей предъявляет строгие требования к обеспечению безопасных и универсальных способов доставки контента на устройства пользователей. Концепция «умных городов», «умных пространств», наполненных Интернетом вещей, получившая возможность интенсивного развития за счет колоссальных инвестиций в техническую инфраструктуру, не может быть самодостаточной без образования стандартных методов и процедур интерактивности с устройствами. В результате меняется традиционный подход к вовлечению пользователей в точке продаж или в мобильных гидах по экспозиции (сейчас для запуска интерактивных взаимодействий предприятиям приходится покупать и обслуживать постоянно устаревающее оборудование или поддерживать мобильное приложение).

На сегодняшний день ключевая роль отводится способам информационного обмена с учетом непрерывности пользовательского опыта. Автор исследования ставит перед собой цель создать универсальную многоуровневую систему бесконтактного взаимодействия, позволяющую в едином программном решении интегрировать всю совокупность ситуационных возможностей в экосистеме контекстной подачи информации, пригодной для работы в сегменте цифрового маркетинга.

Основная часть. Дополненная реальность (Augmented reality — AR) ознаменовала цифровую трансформацию способа работы с информацией в переплетении с нашим опытом в реальном мире. В последние годы дополненная реальность стала заметной технологией в потребительском пространстве

в двух основных форматах: в носимых дисплеях, а также в более широкодоступных приложениях для мобильных устройств.

Приложения на базе системы браузерной дополненной реальности получают широкое распространение в среде компаний, нацеленных на повышение информационной культуры внутри и вне организации. Поскольку мы постоянно находимся в окружении мобильных устройств, возникает острая необходимость оперативно управлять и контролировать внутренние и внешние взаимодействия. Очевидно, что крайне затруднительно с практической точки зрения настраивать конфигурацию каждого отдельного устройства, имеющего разные версии операционных систем, разные уровни разрешений, а также модули беспроводного доступа. Именно поэтому создание среды дистанционного взаимодействия на базе дополненной реальности с устройствами пользователей выступает сложной и требующей решения научно-практической задачей.

По этой причине на первый план, в последние несколько лет, выходят проблемы, связанные с разработкой решений для быстрой интеграции собственного смарт-устройства пользователя в информационный контекст. Данный класс программных продуктов получил название BYOD (Bring Your Own Device) и предполагает автоматизацию пакетного обмена данными с дистанционным управлением функциями смартфона на базе защищенных сертификатов.

Единая информационная инфраструктура цифрового маркетинга в городах призвана обеспечить коммерциализацию взаимодействий между локальными бизнесами и перемещающимися по городу потенциальными потребителями товаров и услуг. Анализ и эффективное использование пространственного аспекта позволит снизить транзакционные издержки в сбытовой политике и оптимизировать продвижение актуальных товаров и услуг. Предлагаемый механизм алгоритмизации взаимодействия на новом уровне также будет защищен с помощью децентрализации хранения данных и платежных транзакций на основе криптографии блокчейн. Массовое вовлечение участников в рамках единой информационной среды позволит максимизировать выгоду от пользования геоинформационным сервисом:

- местные бизнесы рекламируют себя в пространстве не как это делалось ранее (не надо покупать текстовые объявления в поисковиках) и тратят на продвижение средства более эффективно, так как их объявления показывают актуально и уместно;
- пользователи поднимают голову от смартфона и ищут нужные услуги и товары не поисковыми запросами, а наглядно с помощью дополненной реальности;
- платформа получает средства от продажи рекламы и коммиссию от продаж, точно подтверждая, что удалось привести новых клиентов «за руку».

В свете вышесказанного, представляются высокоперспективными научные и прикладные разработки, повышающие потенциал маркетинговых эффектов на основе технологий целевой контекстной доставки информации с помощью геопозиционирования.

Новизна описываемого автором подхода заключается в создании для отрасли цифрового маркетинга «умного города» системы, которая функционально реализуется в платформе дополненной реальности национального масштаба на основе простого браузерного доступа для генерации иммерсивных 3D, 2D изображений и видео-объектов с сохранением узнаваемости.

Такая цифровая платформа работает как контентно-активная сеть продвижения и продажи товаров и услуг как онлайн, так и в масштабах «умного» города. Смартфон пользователя получает функцию дополненной реальности в браузере, с точной геолокацией (при необходимости) и децентрализацией нагрузочных процессов.

В этой связи особую сложность представляет соединение двух ключевых компонентов системы:

1. Технологии децентрализованного хранения контента, с защитой авторских прав и уровней доступа к содержанию.

2. Технология полноценного функционирования приложений дополненной реальности на базе полученных геоданных и установочных конфигураций.

Автор полагает, что основное внимание необходимо уделить вопросам, связанным с:

1. Сравнением имеющихся технологий децентрализованного хранения данных (IPFS, Swarm) и обоснованием выбора протокола, обеспечивающего масштабируемую систему доставки контента.

2. Изучением основ работы децентрализованной системы с использованием контентной адресации и ациклического направленного графа (на базе дерева Меркла).

3. Формированием архитектуры программного продукта, обеспечивающего контроль прав доступа к контенту на основе публичных и частных хеш-ключей.

4. Разработкой серверной компоненты для децентрализованного хранения данных геоинформационной системы «умного города» на базе файлового протокола IPFS.

5. Разработкой графического пользовательского интерфейса для отображения пространственных данных из сети узлов блокчейн.

6. Разработкой клиентской части для графического представления объектов дополненной реальности «умного города» с использованием структурной компоненты A-frame.

7. Разработкой программного модуля корректировки геолокационных данных устройств «Интернета вещей» с использованием корректирующего механизма на базе одноранговой сети клиентских устройств (mesh network).

8. Применением алгоритмов сглаживания шумов при обработке геолокационных данных от устройств в одноранговой сети.

9. Формированием механизмов географической привязки данных с улучшенной точностью в масштабах городской среды.

10. Разработкой аналитического модуля для обработки массива данных перемещений пользователей в среде пространственно-распределенных объектов «умного города».

11. Созданием графического интерфейса отображения аналитических данных перемещений пользователей и параметрами их взаимодействий с объектами дополненной реальности.

12. Разработкой системы автоматической установки и браузерного отображения объектов дополненной реальности (BYOD).

13. Разработкой платежного модуля для обеспечения транзакций сети «умного города» в среде блокчейн в форме криптографического токена на базе стандарта ERC20.

Разработка серверной компоненты для децентрализованного хранения данных геоинформационной системы «умного города» на базе файлового протокола IPFS предполагает переход к так называемой модели «нового Интернета» (Web 2.0), с учетом накопленного опыта и объема имеющихся проблем, связанных с существованием классической модели Всемирной сети. Дело в том, что Интернет исторически развивался на базе парадигмы «клиент-сервер», что предопределило основные протоколы и способы сетевого взаимодействия. Будучи построенным на концепции децентрализации, Интернет, тем не менее, долгое время шел по пути хранения информации на крупных и мощных вычислительных узлах, регулирующих доступ к контенту.

Предлагаемая автором сетевая децентрализованная архитектура обеспечивает надёжную, быструю и отказоустойчивую систему, снижая стоимость поддержания серверной инфраструктуры для разработчиков. Для пользователей децентрализованное хранение данных повышает безопасность и позволяет гарантировать аутентичность демонстрируемого контента, без возможности его подмены. Учитывая актуальность заявленной проблемы, перейдем к описанию ключевых принципов реализации географической привязки данных децентрализованного хранения данных геоинформационной системы «умного города».

Трансформация сети Интернет в распределенное хранилище документов предполагает создание системы со следующими новыми свойствами:

- Получение файлов с малой задержкой (low latency);
- Эффективное масштабирование и кэширование контента;
- Надежная, отказоустойчивая работа, устойчивость к отключениям узлов;
- Нулевое время простоя;
- Устойчивость к цензуре;
- Версионное хранение файлов.

Хранение данных геоинформационной системы «умного города» рекомендуется осуществлять на базе файлового протокола IPFS. В IPFS адрес-ссылка к файлу является зашифрованным представлением его содержимого. Единжды сохраненный файл после невозможно переименовать, а при сохранении новой версии она получает новый адрес. То есть внести изменения в файл без смены адреса невозможно! Эта уникальная особенность очень актуальна для борьбы со злоумышленниками: в гипотетическом сценарии использования дополненной реальности с обычным HTTP-протоколом и единым сервером кибер-преступник может подменить всплывающий у реальных объектов контент, нанеся репутационные и экономические ущербы. Сделать это с IPFS не получится — это гарантирует неприкосновенность авторского опубликованного контента. Для обеспечения удобства обновления файлов (чтобы не передавать постоянно новые ссылки) легитимным автором используется привязка постоянных адресов (IPNS, DNS).

Опубликованные файлы фрагментарно хранятся на устройствах участников, постоянно обменивающихся данными между пирами, отдающими информацию по кусочкам в несколько потоков. Это делает IPFS похожим на torrent-системы, в которых после загрузки автоматически начинается раздача файла.

Результаты и выводы. Подведем итоги обзора ключевых принципов разработки серверной компоненты для децентрализованного хранения данных геоинформационной системы «умного города» на базе файлового протокола IPFS. Как уже отмечалось, переход от архитектуры «клиент-сервер» к децентрализованной модели хранения с контентом решает следующие проблемы:

- Децентрализация снижает риски утечек, отказа в обслуживании и злоупотреблений как со стороны злоумышленников, так и крупных информационных корпораций;
- Распределенные веб-приложения не могут быть подвергнуты цензуре путем блокирования, поскольку контент хранится «везде и нигде».
- Практически исключаются риски потери данных, так как всегда присутствует копия файла и его местонахождение не определяется ссылкой на IP-адрес;
- Одноранговое хранение файлов отвечает высоким запросам на масштабирование, так как не используются ресурсы лишь одного сервера или дорогостоящие CDN-сети, требующие дополнительной настройки;
- Также было показано, что использование децентрализованной архитектуры системы для хранения файлов имеет высокую экономическую целесообразность, при сравнении с затратами на обеспечение традиционной архитектуры.

Предлагаемая автором децентрализованная система для работы с пространственными данными делает возможным построение целой информационной среды вокруг задач любого уровня сложности. Это касается и задач по предоставлению контента в дополненной реальности, и более сложных роботизированных систем «умной» логистики.

Статья поступила в редакцию 03.09.2022.

Список использованных источников:

1. Nyberg H., Craig S., Magnusson S., Edgren, E. Collision properties of GSM hopping sequences/The 11th IEEE International Symposium on Personal, Indoor and Mobile Radio Communications (PIMRC), 2000, pp. 1004–1008.
2. Sauter, M. From GSM to LTE: An Introduction to Mobile Networks and Mobile Broadband. — Wiley, 2010. — 480 p. — ISBN 9780470978221.
3. <https://blog.beaconstac.com/2018/07/proximity-marketing-in-2018-and-the-market-forecast-for-2022/>
4. <https://www.thinkwithgoogle.com/marketing-resources/online-research-driving-offline-purchase-for-gortz/>
5. <https://www.element14.com/community/groups/wireless/blog/2013/08/23/bluetooth-low-energy>
6. <http://blog.passkit.com/ibeacon-101-proximity-services-infographic/>
7. <https://www.pubnub.com/blog/2015-02-03-building-smarter-beacons-bidirectional-beacon-communication/#>
8. <https://alm.axiell.com/wp-content/uploads/2016/07/Axiell-ALM-Digitise-Museums-Report.pdf>
9. <http://www.museumsassociation.org/about/8359>
10. <https://vc.ru/future/99226-rynok-vr-ar-cto-bylo-v-2019-godu-i-chego-zhdut-ot-2020-go>
11. <https://developers.google.com/web/progressive-web-apps/>
12. <https://www.tadviser.ru/index.php/Рынок промышленных VR/AR-решений в России>

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИИ И ДРУГИХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК МОЩНЫЙ ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ*

Сюй Цзяньго,

аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета
victor.syuy@yandex.ru
SPIN-код: 6112–5587

Т.А. Селищева,

профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
доктор экономических наук
selishcheva@list.ru
SPIN-код: 1204–7251

В статье описана взаимосвязь между модернизацией экономики и прогрессом технологий. Исследуется развитие цифровой экономики на современном этапе. Анализируется уровень и потенциал развития цифровых экономик Китая и России.

Ключевые слова: модернизация экономики, прогресс технологий, цифровая экономика, цифровая индустриализация, цифровая трансформация промышленности, Китай

УДК 334.021.1 ББК 65.305

Введение. Новый виток технологической революции привел к трансформации промышленности, постоянному обновлению мобильных интернет-технологий, взрывному росту массивов данных и все более активному применению искусственного интеллекта, что свидетельствует о новом формате экономического развития. Когда в научной среде стали формироваться представления о четвертой промышленной революции (индустрия 4.0), то понятие «цифровая экономика» часто стало употребляться как процесс перехода к четвертой промышленной революции. Последняя предполагает новый тип производства, посредством внедрения киберфизических систем [1]. Цифровая экономика представляет собой не только новый вид бизнеса, но и проникает во все сферы и звенья общественного развития, а порождаемые ею новые отрасли и новые бизнес-модели влияют и на процесс экономической эволюции. Обеспечение надлежащего функционирования цифровой экономики в основном зависит от различных информационных технологий и средств, таких как большие данные, Интернет вещей, виртуальная реальность и метаматериалы. Цифровая экономика не только породила новые элементы производства, но и коренным образом изменила тип мышления, методы работы и организационную структуру, дополнительно внедрив инновационные бизнес-модели, оптимизировав организационные структуры и перестроив бизнес-концепции, тем самым создав новую цифровую экосистему и бизнес. Основным производственным фактором цифровой экономики являются цифровые знания и информация, а ведущей технической поддержкой является интеллектуальная аппаратно-программная инфраструктура. Цифровая экономика обобщает применение новых цифровых технологий в различных сферах общества и отраслях производства, повышая тем самым эффективность рыночных операций, оптимизируя социальную структуру и увеличивая объем производства.

Цифровая экономика как фактор экономической модернизации. В настоящее время, когда развитые страны мира перешли к экономике знаний, Китай и Россия, как догоняющие страны, стремятся догонять их в сфере индустрии знаний.

Поэтому цифровая индустрия стала областью, где страны соревнуются в новом витке международной конкуренции. Модернизация экономики — исторический процесс. Для того, чтобы провести более научный, точный и конкретный анализ модернизации, следует определить ее сущность как экономической категории.

В экономической литературе выделяют четыре значения экономической модернизации:

- модернизация как исторический процесс;
- модернизация как экономическая трансформация;
- модернизация как экономическое развитие;
- модернизация как международная конкуренция.

Модернизация как экономическая трансформация в основном включает в себя изменения: экономической формы, способа производства, основной технологии, ведущих отраслей, экономической структуры, экономической системы в целом и концепции развития экономики. Основными общепринятыми показателями экономического развития являются: рост производительности труда и национального дохода, а также повышение экономического благосостояния и социальной справедливости. Международная конкуренция предполагает стремление к достижению и сохранению лидирующего положения в мировой экономике и повышение международного статуса страны. Экономическая модернизация представляет собой совокупность изменений экономических факторов, поэтому концептуальное описание этого исторического процесса можно выразить следующим образом:

$Me = \{Mp, Mt, Mind, Mes, Mein, Meid, Ef, Lp, Ni, Ew, Ed, Gr\}$

где Me — экономическая модернизация, Mp — модернизация способа производства, Mt — модернизация основных технологий, Mind — модернизация ведущих отраслей, Mes — модернизация экономической структуры, Mein — модернизация экономической системы, Meid — модернизации экономической концепций, Ef — преобразование экономической формы, Lp — повышение производительности труда, Ni — рост национального дохода, Ew — улучшение экономического благосостояния,

* Статья выполнена при финансовой поддержке Китайского Комитета по Стипендиям (CSC) и грантовой поддержке РФФИ, проект № 20-010-00674.

Ed — улучшение экономической справедливости, а Gr — изменение международного экономического статуса страны.

В концепции экономической модернизации некоторые из вышеперечисленных показателей могут быть описаны количественно, такие как: структура экономики, ведущие отрасли, производительность труда, национальный доход, экономическое благосостояние, экономическая справедливость и международный статус. Но есть некоторые показатели, которые можно описать только с помощью качественного анализа, такие как: способ производства, основная технология, экономическая система, экономическая концепция и экономическая форма. Экономические показатели, поддающиеся количественному анализу, можно смоделировать с помощью количественных моделей. Среди переменных экономической модернизации — повышение производительности труда и национального дохода — являются ключевыми показателями экономического развития и повышения экономического благосостояния, а изменение экономической структуры является ключевым показателем экономических преобразований. Экономическая модернизация представляет собой пересечение экономического развития, экономических преобразований и изменений в международном экономическом статусе, что может быть выражено как:

$$Meq = \{Lp, Ni\} \cap \{Mes\} \cap \{Gr\}$$

где Meq — количественное изменение экономической модернизации, $\cap$ — пересечение, Lp — повышение производительности труда, Ni — рост национального дохода, Mes — модернизация экономической структуры, Gr — изменение международного экономического статуса.

Очевидно, что в экономической модернизации в значительной степени доминируют способ производства, основная технология и ведущие отрасли. Цифровая экономика в основном реализует трансформацию и модернизацию экономической структуры за счет оптимизации факторов производства и содействия модернизации производственной структуры.

Чтобы подготовиться к переходу от индустриального общества к обществу знаний Китай и Россия за последние годы добились успехов во многих отраслях, основанных на знаниях и цифровых технологиях. Цифровая экономика основана на цифровых знаниях и информации как ключевых факторах производства, цифровых технологиях как основной движущей силе, современных информационных сетях как важном носителе. Безусловно, ядро цифровой экономики составляет цифровой сектор и все компании, связанные с IT-сектором, оказывающие информационные услуги. Однако, цифровую экономику составляют не только компании цифрового сектора. Благодаря глубокой интеграции цифровых технологий и реальной экономики постоянно повышается уровень цифровизации, сетей и интеллекта, а также ускоряется трансформация новых бизнес-форматов и моделей управления для экономического развития. Цифровая индустриализация, или информационно-коммуникационная индустрия, конкретно включает в себя индустрию производства электронной информации, телекоммуникационную индустрию, индустрию программного обеспечения и информационных технологий, интернет-индустрию и т.д.

Цифровое преобразование промышленности — есть увеличение объема производства и повышение его эффективности, вызванные применением цифровых технологий в традиционных отраслях, но не ограничивается только этим. Оно включает также промышленный Интернет, интеллектуальное производство, Интернет транспортных средств, платформенную экономику и другие интегрированные новые отрасли, новые модели и новые форматы. Это неизбежно будет способствовать трансформации методов производства. Цифровая экономика — это хозяйственная деятельность, использующая цифровые технологии [10]. Данная экономика может быть тем, что избавит наш мир от тяжелого физического труда, поможет открыть широкие возможности для развития науки, искусства и творчества, откроет неограниченный доступ к информации [2]. Большая часть исследований, в которых анализируется взаимосвязь между развитием цифровой экономики и изменениями в структуре экономики, основана на элементной структуре, структуре промышленности и распределении доходов [10].

Динамика развития цифровой экономики в Китае и России на современном этапе.

Цифровая экономика может оптимизировать различные сферы бизнеса и производственные связи традиционных отраслей, а также способствовать модернизации и трансформации промышленных технологий, интеллекта, информатизации и автоматизации [11]. В отчете 19-го всекитайского съезда КПК отмечается, что необходимо осуществить глубокую интеграцию Интернета, больших данных, искусственного интеллекта и реальной экономики [13].

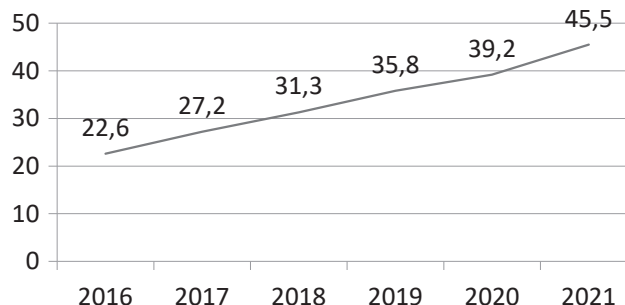

Рис. 1. Масштабы цифровой экономики Китая (трлн юаней) [9]

В 2021 году цифровое экономическое развитие Китая совершило новый прорыв, а масштабы цифровой экономики достигли 45,5 трлн юаней. Масштабы цифровой экономики составляют 39,8% от общего объема ВВП [9]. Китайское правительство придает большое значение развитию цифровой экономики, а огромный потенциал развития цифровой экономики станет новой движущей силой модернизации экономической структуры Китая и качественного экономического развития. В областях среднего и высокого уровня потребления, экономики совместного потребления, современной цепочки поставок и услуг человеческого капитала были исследованы новые точки экономического роста и сформирован новый экономический импульс.

Благодаря инновациям, использованию цифровых технологий, глубокой интеграции с Интернетом, развитию больших данных, искусственного интеллекта и реальной экономики цифровая индустриализация и цифровое преобразование промышленности стали более заметными в качестве основного двигателя цифрового экономического роста.

В 2021 году масштаб цифровой индустриализации Китая составил 8,3 трлн юаней. Произошло номинальное увеличение на 11,9% в годовом исчислении, что составит 18,3% всей цифровой экономики и 7,3% общего ВВП. В 2021 году масштабы цифрового преобразования промышленности достигли 37,2 трлн юаней, номинальное увеличение в годовом исчислении составило 17,2%, что составило 81,7% цифровой экономики и 32,5% ВВП. Цифровое экономическое развитие Китая превосходит трансформацию от количественного расширения к качественному улучшению [8; 9].

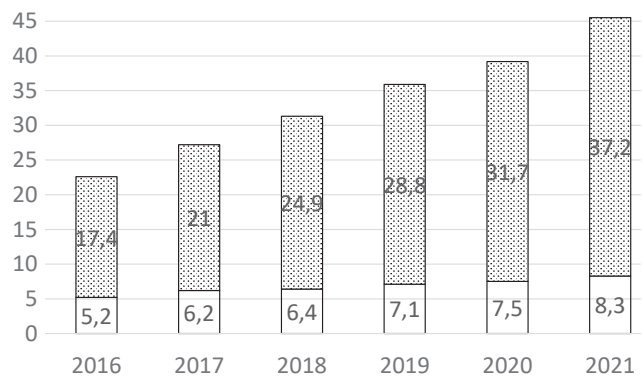

Рис. 2. Масштаб цифровой индустриализации и цифрового преобразования промышленности Китая [8]

В рамках реализации Указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21.07.2020 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в том числе с целью решения задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере, Правительством Российской Федерации сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. №7. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» включает в себя 8 направлений: 1) нормативное регулирование цифровой среды; 2) кадры для цифровой экономики; 3) информационная инфраструктура; 4) информационная безопасность; 5) цифровые технологии; 6) цифровое государственное управление; 7) искусственный интеллект; 8) обеспечение доступа в интернет за счет развития спутниковой связи. 24 января 2022 года Минцифры России сообщило о том, что три новых федеральных проекта были включены в национальную программу «Цифровая экономика»: «Цифровые услуги и сервисы онлайн»; «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли»; «Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи» [12].

Цифровизация России происходит с целью цифровой трансформации экономики и общества. Национальная программа будет реализована до конца 2024 года. Бюджет на программу составляет 1052 млрд рублей. Программа направлена на достижение следующих задач: доступ в интернет, новые навыки и цифровые профессии, безопасность цифровых данных, новые цифровые решения и технологии, цифровые госуслуги и создание правового поля для реализации проектов цифровизации.

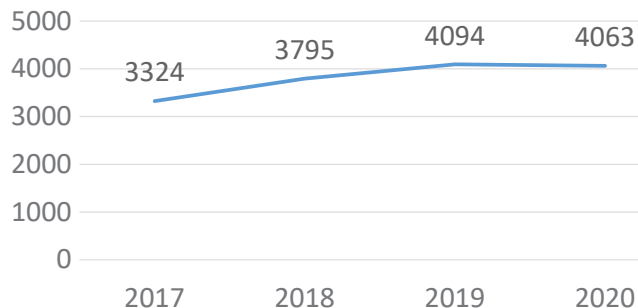

Рис. 3. Затраты на развитие цифровой экономики (млрд руб.) [5]

С 2017 по 2020 гг. в России масштаб затрат на развитие цифровой экономики стабильно растет. Доля инвестиций в развитие цифровой экономики в процентах к ВВП составила: в 2017 г. — 3,6%; в 2018 г. — 3,6; в 2019 г. — 3,7; в 2020 г. — 3,8%. В 2021 г. нацпроект «Цифровая экономика» исполнен на 95,8% в рамках выделенных расходов федерального бюджета России. К 1 января 2022 года затраты бюджета РФ на все нацпроекты составили 2,549 трлн руб. от плановых показателей. На 2022–2024 гг. на реализацию национального проекта «Цифровая экономика» будет выделено 342,1 млрд рублей в 2022 г., 321,9 млрд рублей — в 2023-м году и 314,6 млрд рублей — в 2024-м году [6; 7].

Повышение доступа в интернет — это совершенствование интернет-инфраструктуры. До 2024 года школы будут иметь полное покрытие сетью, учителя получают планшеты с российской операционной системой, небольшие населенные пункты с населением от 100 до 500 человек будут обеспечены инфраструктурой доступа в интернет. Новые навыки и цифровые профессии — это совершенствование системы образования, особенно по специальностям, связанным с цифровыми компетенциями для всех отраслей экономики. Для этого будет расширяться количество бюджетных мест по ИТ-специальностям в ВУЗах и повышаться квалификация преподавателей ВУЗов.

Очень важна безопасность цифровых данных: борьба с мошенничеством и киберпреступлениями с целью защиты персональных данных граждан, защищенность государственных информационных систем от киберугроз и т. д. Новые цифровые решения и технологии — это развитие отечественных ИТ-разработок, создание новых рабочих мест по цифровой технологии. Для того, чтобы поддержать и выполнить поставленные в нацпроекте задачи, государство предоставит гранты и венчурные инвестиции, налоговые льготы, льготное кредитование и другие льготы. Цифровые госуслуги станут удобнее и будут доступны в электронном виде быстрее.

На современном этапе страны и даже целые регионы мира могут воспользоваться очередным этапом развития знаний для создания и продвижения новых конкурентных преимуществ в глобальной конкуренции. Применение технологий больших данных и облачных вычислений может в полной мере использовать потенциальную ценность, на которую не обращали внимания в эпоху индустриальной экономики, и способствовать исследованию неизвестных областей, тем самым расширяя существующий объем и содержание знаний.

Цифровая экономика может способствовать модернизации и трансформации традиционных отраслей путем внедрения новых технологий, искусственного интеллекта, информатизации и автоматизации. Развитие цифровой экономики модернизирует исходную экстенсивную модель производства. С помощью технического прогресса и удаленного управления можно улучшить производственные мощности различных промышленных организаций, а также повысить эффективность первоначального распределения ресурсов и их использования.

Функционирование цифровой экономики породило ряд новых отраслей в рыночной системе, что открыло новые возможности для развития цифровой индустрии. Цифровизация способствует ускоренному прогрессу науки и техники, развитию новых отраслей и трансформации традиционных отраслей в ходе цифровизации, а данные становятся ключевым фактором производства. Большие данные, облачные вычисления и Интернет — три столпа, три ключевых направления, поддерживающие цифровую экономику. Большие данные, как столпы цифровой экономики, облачные вычисления и Интернет тесно связаны, взаимозависимы и взаимодействуют друг с другом. Большие данные предоставляют огромное количество ресурсов данных, облачные вычисления предоставляют методы использования ресурсов данных, а Интернет обеспечивает пути передачи ресурсов данных. Все три направления действуют вместе и формируют цифровую экономическую систему. Именно поэтому развитие цифровой экономики должно идти в этих трех областях одновременно, продвигаться согласованно и дополнять друг друга.

Развитие цифровой экономики может существенно способствовать трансформации и модернизации экономической структуры. Поскольку цифровая экономика может значительно способствовать трансформации и модернизации экономической структуры, темпы развития цифровой экономики должны быть ускорены. Надо увеличить количество объектов инфраструктуры и предоставления услуг общественной информации, ускорить темпы строительства базовых станций связи и больших центров обработки данных, увеличить уровень проникновения Интернета, увеличить скорость широкополосного доступа в глобальный Интернет и в полной мере использовать уникальные преимущества соединения всего, что есть в мобильных сетях. Правительство должно сформулировать и реализовать долгосрочный план цифрового экономического развития, чтобы использовать возможности цифровых технологий для создания новых рабочих мест и возможностей трудоустройства, повышения уровня занятости всего общества и увеличения общего дохода общества.

Закключение. Исследование взаимосвязи между модернизацией экономики и цифровой экономикой показало, что существует большой потенциал для интеграции цифровой экономики с промышленностью. Цифровая экономика является ключевым фактором экономической модернизации, поскольку цифровая индустриализация и цифровое преобразование про-

мышленности способствуют модернизации промышленности и оптимизации экономической структуры. Цифровая экономика — это новый виток международной конкуренции. Цифровая

экономика является основой для перехода от индустриального общества к обществу знаний.

Статья поступила в редакцию 23.07.2022.

Список использованных источников:

1. Караман О.В., Амирова Н.Р. Цифровая экономика: её роль в экономике, особенности и риски развития // Сборник научных трудов VI Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. — 2018. — С. 161–165.
2. Турко Л.В. Сущность феномена цифровой экономики, анализ определений понятия «цифровая экономика» // Российский экономический интернет-журнал. — 2019. — №2. — С.88.
3. Селищева Т.А. Проблемы устойчивого развития экономики в странах Евразийского экономического союза // Проблемы современной экономики. — 2018. — №2(66). — С.15–21.
4. Цифровая экономика РФ // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации URL <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/#section-description> (дата обращения: 20.08.2022)
5. Цифровая экономика: 2022: краткий статистический сборник // Публикации ВШЭ URL <https://publications.hse.ru/books/553808522> (дата обращения: 15.09.2022)
6. Финансирование национального проекта Цифровая экономика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Финансирование_программы_Цифровая_экономика#_2A.D0.91.D1.8E.D0.B4.D0.B6.D0.B5.D1.82_.C2.AB.D0.A6.D0.B8.D1.84.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.BE.D0.B9_.D1.8D.D0.BA.D0.BE.D0.BD.D0.BE.D0.BC.D0.B8.D0.BA.D0.B8.C2.BB_.D0.B2_.2021_.D0.B3.D0.BE.D0.B4.D1.83_.D0.B8.D1.81.D0.BF.D0.BE.D0.BB.D0.BD.D0.B5.D0.BD_.D0.BD.D0.B0_95.2C8.25 (дата обращения: 15.09.2022)
7. Цифровая экономика России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровая_экономика_России#_D0.A6.D0.B8.D1.84.D1.80.D0.BE.D0.B2.D1.8B.D0.B5_.D1.8D.D0.BA.D0.BE.D1.81.D0.B8.D1.81.D1.82.D0.B5.D0.BC.D1.8B_.D0.B2_.D0.A0.D0.BE.D1.81.D1.81.D0.B8.D0.B8 (дата обращения: 15.09.2022)
8. 中国数字经济发展白皮书 (2022) (Белая книга по цифровому экономическому развитию Китая 2022) (дата обращения: 30.08.2022).
9. 中国信通院 (Китайская академия информационных и коммуникационных технологий (CAICT)) URL <http://www.caict.ac.cn> (дата обращения: 15.08.2022)
10. Дятлов С.А., Марьяненко В.П., Селищева Т.А. Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование. — Москва: ИНФРА-М, 2022. — 414 с.
11. Чжан Ваньтин, Селищева Т.А., Дятлов С.А. Цифровой Шелковый путь как форма сопряжения Евразийского экономического союза и проекта «Один пояс-Один путь» // Проблемы современной экономики. — 2021. — № 1(77). — С. 14–20.
12. В нацпрограмму «Цифровая экономика» включены три федеральных проекта. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/41415/> (дата обращения: 22.09.2022).
13. 建设现代化经济体系的基石: 数字经济与实体经济深度融合 (Краеугольный камень построения современной экономической системы: глубокая интеграция цифровой экономики и реального сектора экономики) // 人民网 (Жэньминь Жибао онлайн) URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2017/1103/c1003-29625285.html> (дата обращения: 19.08.2022).

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ РОССИИ НА МИРОВОМ РЫНКЕ СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ

М.Г. Никитина,

зав. кафедрой мировой экономики Института экономики и управления
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь),
доктор географических наук, доктор экономических наук
nikitina_crimea@mail.ru

Р.В. Друзин,

доцент кафедры мировой экономики Института экономики и управления
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь),
кандидат экономических наук
druzinrv@internet.ru

Е.А. Федуличева,

травматолог-ортопед Медицинского центра «A2MED» (г. Симферополь)

В статье рассмотрено позиционирование российского сегмента на мировом рынке страхования жизни, определены тенденции развития мирового рынка страхования жизни, выявлены корреляции основных показателей мирового и отечественного рынков страхования жизни.

Ключевые слова: страховой рынок, рынок страхования жизни, мировой рынок страхования, российский рынок страхования

УДК 339:368.91 (470) ББК 65.271

В условиях пандемии, нарастания кризисных процессов и нестабильности в мировой экономике, особую роль приобретает деятельность страховых организаций, направленная на защиту от рисков личных и имущественных интересов граждан и организаций.

Страхование в мировом финансовом масштабе занимает существенное место как собственно система финансовых институтов, так и как источник инвестиций (в рамках привлекаемых средств по долгосрочному страхованию жизни). Мировые

финансовые кризисы существенно влияют на устойчивость страховых компаний, на их инвестиционные возможности, а, следовательно, на мировой добавочный продукт.

Россия в течение последних 20 лет активно интегрировалась в мировые страховые процессы, что привело к появлению внутри экономики страны страховых компаний с иностранным участием, интенсивному сотрудничеству с мировыми перестраховочными компаниями, заключению договоров с зарубежными страховыми компаниями в международной деятельности рос-

сийских организаций. Однако с 2014 г. вектор ориентированности страховых услуг начал смещаться в направлении услуг, оказываемых силами отечественных страховых организаций. Пандемия в 2020 г., СВО в 2022 г. актуализировали процессы минимизации роли зарубежных страховых организаций в РФ.

Рынок страхования жизни является особым сегментом рынка страхования, являющимся основным источником долгосрочных инвестиционных ресурсов в современных экономиках, что определило востребованность результатов исследования. Страхование, как элемент системы экономической безопасности, изучала в своих работах Э.А. Русецкая [1]. М.Н. Степанова рассматривала мировые тенденции на рынке страхования, выявила значительную роль стартапов и, как следствие, инноваций в трансформации страховых рынков [2]. Прогунова Л.В., Майорова Ю.М. выявили тенденции развития международного бизнеса на рынке медицинского страхования, а именно устойчивый спрос на данный вид страхования, укрупнение организаций, увеличение роли финансовых технологий в деятельности компаний [3]. Г. Оласехинди, В.М. Балцилар, исследуя влияние глобализации на рынки страховых услуг, установили, что такие аспекты как экономическая, политическая и социальная стороны глобализации оказывают положительное влияние на плотность страхования и жизни и другие виды страхования [4]. Ю. Юнг, Ч. Трен обосновывали связь потребительских привычек, выбора портфеля и приобретения страхования жизни / аннуитета, в частности, что формирование привычки в сочетании с социальным обеспечением приводит к низкому спросу как на страхование жизни, так и на аннуитет [5].

Вопросы киберстрахования на мировом рынке страхования рассмотрены в работе М. Малаваси, Г.В. Питерса, П.В. Шевченко, С. Трака, Дж. Янга, Дж. Софронова [6], которые предложили использование регрессионных моделей основанных на классе обобщенных аддитивных моделей формы и масштаба местоположения (GAMLSS) и классе порядковых регрессий для анализа причин киберпотерь и факторов киберриска. Проблемы агрострахования исследованы в работе Э. Лихтенберга, Е. Иглесиас, которые рассматривали использование индексного страхования в аграрных сферах развивающихся стран сквозь призму базового риска [7].

Несмотря на ряд секторальных исследований, динамичное развитие страхового рынка обуславливает потребность в расширенном анализе такого сегмента как страхование жизни. Цель настоящего исследования заключается в определении роли России на мировом рынке страхования жизни в контексте выявления возможных трансформаций мирового и отечественного страхового рынка жизни в современных условиях.

Страховая отрасль в мире в последние годы подверглась значительным испытаниям вследствие пандемии коронавирусной инфекции, продолжающейся до сих пор. В 2020 г. рост страховых премий сократился до 1,2% (в сравнении в период 2010–2020 гг. рост составлял 4% в год). Прибыль упала примерно на 15% по сравнению с 2019 г. Наибольшее снижение произошло в Азиатско-Тихоокеанском регионе (на 36%), в том числе за счет падения доходов населения. Предварительные данные за 2021 г. показывают восстановление страховых премий и прибыли, особенно в регионах, где проводилась активная вакцинация населения, что позволило снять ряд ранее введенных ограничений [8].

Современная страховая среда на мировом рынке определяется рядом мегатрендов, усилившихся во время пандемии, оказавших влияние и на Россию:

1. Сегментирование макроэкономической среды между Азией, Европой и Северной Америкой (из-за повышенной геополитической и торговой напряженности или различных тенденций процентных ставок между регионами).

2. Дихотомия между «победителями» и «проигравшими», усиленная кризисом.

3. Потенциальное закрепление моделей удаленного взаимодействия с клиентами.

4. Повышение осведомленности об устойчивости, изменении климата и в вопросах разнообразия, равенства и инклюзивности.

5. Новые вызовы, цели и актуальность страховщиков.

6. Переосмысление мобильности.

7. Возобновленное внимание к здоровью и благополучию, больший интерес к домоводству.

8. Рост и распространение новых способов работы [8].

Среди основных проблем, выделяемых в страховой отрасли, отметим:

1. Препятствия для роста доходов (низкие процентные ставки, ценовое давление, медленно растущий органический спрос).

2. Продолжающаяся «борьба за клиента».

3. Смещение цепочки создания стоимости в сторону посредников.

4. Слабый эффект экономии на масштабе.

5. Ограниченное повышение производительности [8].

Статистика по основным показателям страхования, собираемая мировыми финансовыми организациями, представлена узко. В Мировом банке и Международном валютном фонде есть общие данные по экспорту и импорту страховых услуг, социальному страхованию, технических страховых резервах в разных организационных единицах, без выделения показателей по страхованию жизни. Более подробная международная статистика по страхованию жизни ведется Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Она включает статистические показатели суммарно по 69 странам: 38 стран-членов ОЭСР и 31 страна, не входящая в ОЭСР.

Для сравнительного анализа используем основные показатели, собираемые и учитываемые ОЭСР в сфере статистики страхования (табл. 1–4) [9].

1. По величине страховых взносов по страхованию жизни за 2020 г. (табл. 1) лидируют США (1242993,90 млн долл. США), в 4,5 раза превышая значения Японии (276257,67 млн долл. США). Также высокие значения показателя наблюдаются в Великобритании (268533,58 млн долл. США), Бермудах (198853,59 млн долл. США), Франции (150513,20 млн долл. США), Германии (116212,78 млн долл. США), Италии (115896,26 млн долл. США). Россия в 2020 г. находится на 25 месте со значением 5970,71 млн долл. США страховых взносов (рост на 60,46% за 5 лет). Однако данный рост является незначительным в мировом масштабе (0,2% от общего объема собранных премий в ОЭСР). Низкий уровень страховых премий в данном сегменте в России связан со слабым проникновением страхования в целом (низкая культура страхования, слабое доверие к финансовым институтам, доходы населения).

В 2020 г. значительно снизился объем страховых премий в странах Европы (кроме Германии, Дании, Италии), Японии, Великобритании, Южной Кореи, что отражает общее снижение темпов развития экономик данных стран.

Общая величина страховых взносов по страхованию жизни в странах-членах ОЭСР с 2016 г. по 2020 г. выросла на 3,96% с 2424161,13 млн долл. США до 2520219,95 млн долл. США. Среди стран-лидеров наибольший рост показателя за 5 лет отмечен у Сингапура (на 63,59%), США (на 28,08%), Германии (на 19,01%), а наибольшее снижение — у Франции (на 17,49%), Японии (на 15,83%), Ирландии (на 7,17%).

2. Страхование жизни (табл. 2) является преобладающим (по доле страховых премий) в 22 странах (по имеющимся данным), в том числе в Финляндии (100% в 2020 г.), Китайском Тайване (93,64%), Люксембурге (88,37%), ЮАР (77,05%), Ирландии (76,58%), Сингапуре (76,07%). В целом по странам ОЭСР доля страхования жизни составила 48,23% в 2020 г., увеличившись с 2016 г. на 3,76%.

В 43 исследуемых странах (по имеющимся данным) страхование жизни уступает другим видам страхования по доле в страховых взносах. Наименьшую долю в 2020 г. страхование жизни занимает в Исландии (8,95%), Болгарии (12,48%), Аргентине (12,97%), Коста-Рике (14,91%), Словении (19,1%), России (26,89%). Таким образом, Россия занимает 43 место в 2020 г. по доле страхования жизни в общем страховании.

Из представленных стран наибольший рост удельного веса страхования жизни за 5 лет отмечен в Финляндии (на 97,75%), Турции (на 34,32%), России (на 31,64%), Ирландии (на 11,76%), а наибольшее снижение — в Аргентине (на 18,93%),

Словении (на 15,27%), Японии (на 4,96%).

Среди стран-членов ОЭСР абсолютным лидером по доле на рынке страхования жизни за весь период (рис. 1) являются США с показателем в 49,32 % в 2020 г. (рост на 23% с 2016 г.)

Значительную долю на рынке страхования жизни в ОЭСР также занимают: Япония (10,96%), Великобритания (10,66%), Франция (5,97%), Германия (4,61%), Италия (4,6%).

Наибольший рост показателя с 2016 г. по 2020 г. в топ-15 произошел у Дании (на 24,76%), США (на 23,19%), Германии (на 14,47%), Люксембурга (на 10,7%), Мексики (на 9,68%), а снижение — у Австралии (на 50,35%), Испании (на 26,35%), Франции (на 20,64%), Японии (на 19,03%), Швейцарии (на 18,99%).

Страховые взносы по страхованию жизни, млн долл. США

Таблица 1

№ п/п	Страна	2016	2017	2018	2019	2020	Прирост 2016/2020 г., %
1	США	970503,00	1009291,22	1139512,88	1180619,00	1242993,90	28,1
2	Япония	328210,23	293005,50	302965,75	292247,36	276257,67	-15,8
3	Великобритания	277703,12	272460,57	339318,98	304009,58	268533,58	-3,3
4	Бермуды	—	—	—	80400,34	198853,59	—
5	Франция	182413,72	173605,59	186966,74	185389,59	150513,20	-17,5
6	Германия	97650,76	99769,02	106802,48	112711,34	116212,78	19,0
7	Италия	114778,65	112984,22	122310,05	118872,01	115896,26	1,0
8	Китайский Тайвань	—	—	201387,87	197954,55	107232,65	—
9	Республика Корея	104530,11	102220,56	102538,30	-	101326,15	-3,1
10	Сингапур	23738,80	27592,87	-	30926,01	38834,61	63,6
...	...	...	...	...	...	...	...
25	Россия	3721,08	6170,64	7783,78	6323,62	5970,71	60,5
	ОЭСР — Всего	2424161,13	2428379,88	2669702,90	2515618,18	2520219,95	...

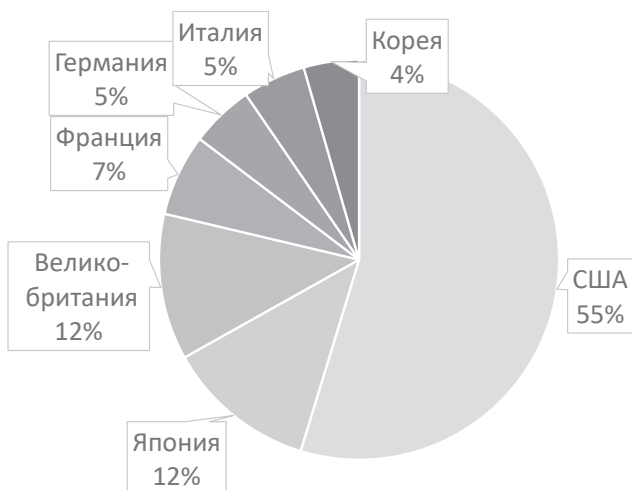
*Примечание: «-» — данные отсутствуют

Таблица 2

Доля страхования жизни по объему страховых взносов, %

Рейтинг в 2020 г.	Страна	2016	2017	2018	2019	2020	Прирост 2016/2020 г., %
1	Финляндия	50,57	50,73	100,00	100,00	100,00	97,8
2	Китайский Тайвань	—	—	97,00	96,80	93,64	—
3	Люксембург	91,52	91,79	91,78	90,69	88,37	-3,4
4	ЮАР	79,75	—	—	—	77,05	-3,4
5	Ирландия	68,52	79,52	75,36	71,96	76,58	11,8
6	Сингапур	71,59	74,92	—	68,83	76,07	6,3
7	Италия	75,80	74,96	74,68	75,12	74,41	-1,8
8	Дания	68,66	69,10	69,95	71,31	72,76	6,0
9	Бермуды	—	—	—	53,10	71,87	—
10	Япония	75,50	75,11	75,22	73,23	71,75	-5,0
...	...	...	...	...	...	...	...
43	Россия	20,43	27,40	32,03	26,71	26,89	31,6
	ОЭСР — Всего	46,48	45,42	50,26	50,00	48,23	3,7

*Примечание: «-» — данные отсутствуют

Рис. 1. Доля основных стран на рынке в ОЭСР по страхованию жизни

Россия в таблице данных ОЭСР по данному показателю не представлена.

3. Показатель плотности рынка определяется как отношение страховых взносов к численности населения. Показатель плотности рынка страхования жизни в ОЭСР в целом в 2020 г. равен 1733,82 долл. США/чел. (рост на 9,01% за 5 лет). Наибольшая плотность рынка страхования жизни в течение всего рассматриваемого периода за счет меньшей численности населения отмечается в Люксембурге (32 103,78 долл. США/чел. в 2020 г.).

Также высокие показатели отмечаются в следующих, в основном развитых, странах: Ирландия — 6885,88 долл. США/чел., Сингапур — 5276,61 долл. США/чел., Дания — 5098,31 долл. США/чел., Китайский Тайвань — 4528,56 долл. США/чел., Швеция — 4087,46 долл. США/чел.

Россия находится на 46 месте по плотности рынка страхования жизни с показателем в 40,67 долл. США/чел. (рост на 60,45 % за 5 лет).

Стоит отметить, что рынок страхования жизни в РФ недостаточно насыщен, данный сегмент частично выполняет функции негосударственного пенсионного страхования. Таким образом, рост экономики в дальнейшем приведет и к росту спроса на данный вид страхования.

4. Следующим показателем эффективности страхования является показатель проникновения на рынок, определяемый через соотношение страховых взносов к ВВП. Величина показателя проникновения на рынок страхования жизни по странам ОЭСР равна 4,55% (рост на 3,81% за 5 лет). Лидером по данному показателю в течение 2016–2020 гг. также является Люксембург (27,43% в 2020 г., снижение на 9,96% с 2016 г.).

Высокие значения показателя проникновения на рынок страхования жизни также отмечаются в Китайском Тайване (16% в 2020 г.), ЮАР (11,13%), Сингапуре (8,96%), Великобритании (8,39%), Дании (8,34%).

Россия находится на 49 месте по проникновению на рынок страхования жизни с показателем, равным 0,4% (рост на 38,83% с 2016 по 2020 гг.). Данный показатель отражает тенденцию, указанную в табл. 3.

5. Коэффициент удержания клиентов в страховании определяется как отношение числа возобновленных договоров страхования к числу договоров страхования с истекшим сроком. По сути, он отражает лояльность клиентов к услугам страхования и страховым компаниям. Значение коэффициента удержания клиентов по страхованию жизни (табл.3) в 2020 г. в ОЭСР равно 83,31% (снижение на 3,9% за 5 лет).

Наибольшие значения показателя в 2020 г. отмечаются у следующих стран: Китайский Тайвань (99,9%), Дания (99,88%), Россия (99,65%), Бразилия (99,62%), Италия (99,6%), Швейца-

Таблица 3

Коэффициент удержания клиентов по страхованию жизни, %

Рейтинг в 2020 г.	Страна	2016	2017	2018	2019	2020
1	Китайский Тайвань	–	–	99,67	99,65	99,90
2	Дания	99,80	99,82	99,86	99,85	99,88
3	Россия	98,84	99,17	99,29	99,68	99,65
4	Бразилия	99,59	99,50	99,56	99,59	99,62
5	Италия	99,07	99,09	99,12	99,52	99,60
6	Швейцария	99,28	99,27	98,85	99,44	99,36
7	Норвегия	98,87	98,94	99,09	99,29	99,26
8	Финляндия	99,32	99,40	99,45	99,47	99,23
9	Латвия	99,80	99,84	99,82	99,23	99,22
10	Венгрия	97,33	98,70	99,10	99,12	99,06
	ОЭСР – Всего	86,70	87,64	84,91	85,07	83,31

*Примечание: «-» — данные отсутствуют

рия (99,36%), Норвегия (99,26%), Финляндия (99,23%), Латвия (99,22%), Венгрия (99,06%). Россия занимает 3 место среди рассматриваемых стран в 2020 г. Наименьшие значения коэффициента удержания присущи Гондурасу (59,42%), Египту (61,96%), Никарагуа (62,22%), Бермудам (64,12%), Австралии (67,06%). Из данных стран наибольшее снижение показателя с 2016 г. по 2020 г. наблюдается у Австралии (на 24,9%), а рост — у Никарагуа (на 6,93%) и Венгрии (на 1,78%).

Высокое место России объясняется тем, что страхование жизни чаще используется как инструмент компаний по мотивации сотрудников (соц. пакет), а также несклонностью потребителей к смене страховщика при незначительных изменениях условий.

6. Показатель рыночной доли «компаний, контролируемых иностранными компаниями» и «филиалов/агентств иностранных компаний» в общем внутреннем бизнесе по страхованию жизни определяется как отношение «компаний, контролируемых иностранными компаниями» и «филиалов/агентств иностранных компаний» к общему количеству компаний на рынке. 100% страховых компаний, осуществляющих страхование жизни, в Эстонии за период 2016–2020 гг. (табл.4) контролируются иностранными компаниями. Высокие значения рыночной доли «компаний, контролируемых иностранными компаниями» и «филиалов/агентств иностранных компаний» на рынке страхования жизни также отмечаются в других европейских странах: Литва (97,24% в 2020 г.), Болгария (96,68%), Чехия (96,49%), Венгрия (96,2%), Португалия (91,25%), Словакия (91,05%), Латвия (90,03%). Россия занимает в данном рейтинге 40 место с показателем в 6,93% (снижение на 56,02% за 5 лет). Наибольший рост показателя с 2016 по 2020 гг. произошел в Дании (в 4,5 раза) и Австралии (в 3,7 раза).

Выход иностранных компаний из участия в капитале отечественных страховщиков шел параллельно с выходом из банковского капитала и связан как с общей политикой (санкционное давление), так и проблемами «головных» компаний (оптимизация издержек).

7. Данные по филиалам (агентствам) иностранных компаний по страхованию жизни в 2020 г. были только в 16 странах. При этом рыночная доля «филиалов/агентств иностранных компаний» по страхованию жизни наивысшая в Литве (62,73% в 2020 г.), Гондурасе (57,64%), Латвии (47,34%), Сингапуре (19,81%), Словакии (17,8%). В России филиалы иностранных компаний по страхованию жизни за период 2016–2020 гг. отсутствуют, что связано с особенностями правового регулирования данного сегмента рынка.

Наибольший рост показателя за 5 лет произошел у Люксембурга (в 58 раз), Эстонии (в 4,9 раза), Швейцарии (в 3,8 раза), Коста-Рики (в 3,5 раза), а наибольшее снижение — у Японии (на 95,97%), Норвегии (на 55,62%), Сингапура (на 38,59%), Латвии (на 22,91%), Эль-Сальвадора (на 15,53%).

Основными лидерами по рассмотренным показателям страхования жизни являются развитые (США, Япония, Вели-

Таблица 4

Рыночная доля «компаний, контролируемых иностранными компаниями» и «филиалов/агентств иностранных компаний» в общем внутреннем бизнесе по страхованию жизни, %

Рейтинг в 2020 г.	Страна	2016	2017	2018	2019	2020	Прирост 2016/2020, %
1	Эстония	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	0,0
2	Литва	97,49	97,14	97,29	97,22	97,24	-0,3
3	Болгария	–	–	97,22	97,19	96,68	–
4	Чехия	96,81	96,36	95,92	97,13	96,49	-0,3
5	Венгрия	96,92	96,55	96,29	96,36	96,20	-0,7
6	Португалия	77,47	93,79	90,81	85,24	91,25	17,8
7	Словакия	–	5,57	–	87,84	91,05	–
8	Латвия	90,80	91,33	91,56	91,84	90,03	-0,9
9	Дания	18,78	19,86	19,76	13,79	84,75	351,4
10	Австралия	20,76	25,45	29,77	37,45	76,74	269,7
...	...	...	...	...	...	...	...
40	Россия	15,46	10,19	10,40	9,59	6,93	-56,0

*Примечание: «-» — данные отсутствуют

кобритания, Франция, Германия, Италия, Республика Корея, Сингапур, Ирландия, Дания, Швейцария, Швеция, Финляндия, Люксембург, Норвегия, Бельгия) и развивающиеся страны (ЮАР, Бразилия, Китайский Тайвань, Бермудские острова).

Завершение проведенного анализа связано с определением корреляционных зависимостей в целях выявления причинно-следственных связей на данном сегменте страхового рынка. С целью выявления зависимостей между рассматриваемыми статистическими данными построены 30 корреляционных пар.

Наивысшие значения коэффициента корреляции (свыше 0,7), подразумевающие наличие прямой тесной связи, отмечены в следующих парах показателей:

- 1) страховые премии по страхованию жизни — мир и плотность рынка по страхованию жизни — ОЭСР: 0,9757;
- 2) проникновение на рынок по страхованию жизни — РФ и плотность рынка по страхованию жизни — РФ: 0,9676;
- 3) страховые премии по страхованию жизни — мир и доля страхования жизни — ОЭСР: 0,9118;
- 4) доля страхования жизни — ОЭСР и страховые премии по страхованию жизни — ОЭСР: 0,8441;
- 5) страховые премии по страхованию жизни — мир и коэффициент удержания по страхованию жизни — РФ: 0,8352;
- 6) страховые премии по страхованию жизни — мир и страховые премии по страхованию жизни — ОЭСР: 0,8209;
- 7) плотность рынка по страхованию жизни — РФ и количество договоров страхования — РФ: 0,8145;
- 8) страховые премии по страхованию жизни — РФ и количество договоров страхования — РФ: 0,8141;
- 9) страховые премии по страхованию жизни — ОЭСР и страховые премии по страхованию жизни — РФ: 0,8058.

Тесные отрицательные значения выявлены в следующих парах:

- 1) коэффициент удержания по страхованию жизни — РФ и количество страховщиков — РФ: -0,9789;
- 2) страховые премии всего — мир и количество страховщиков — РФ: -0,8982;
- 3) плотность рынка по страхованию жизни — ОЭСР и количество страховщиков — РФ: -0,8762;
- 4) страховые премии по страхованию жизни — мир и коэффициент удержания по страхованию жизни — ОЭСР: -0,8368.

Таким образом, страховые премии по страхованию жизни и доля страхования жизни в странах-членах ОЭСР подвержены взаимному влиянию, а также изменению величины страховых премий по страхованию жизни в мире.

Коэффициент удержания по страхованию жизни в странах ОЭСР обратно пропорционален страховым премиям в мире, в том числе по страхованию жизни.

Плотность рынка и проникновение на рынок по страхованию жизни в ОЭСР, как и в России, взаимозависимы, а также тесно связаны с изменением страховых премий в мире, в том числе по страхованию жизни.

Количество договоров страхования в России зависит от плотности рынка и величины страховых премий по страхованию жизни, а количество страховщиков обратно пропорционально коэффициенту удержания клиентов по страхованию жизни в России; плотности рынка и проникновению на рынок страхования жизни в странах ОЭСР; мировой величине страховых премий, в том числе по страхованию жизни.

Результаты авторского анализа статистических данных позволили выявить тенденции, определяющие перспективные трансформации рынка страхования жизни и прийти к следующим основным выводам.

1. По большинству рассматриваемых показателей рынка страхования жизни Россия значительно уступает странам, как из числа членов ОЭСР, так и не входящим в данную организацию, занимая при этом 3 место по коэффициенту удержания клиентов по страхованию жизни.

2. Россия практически не зависит от иностранного контроля в сфере страхования жизни, в том числе и по юридическим лицам с долей иностранного капитала (7% капитала).

3. Россия не оказывает влияния на мировой рынок страхования жизни, но общие тенденции развития мирового рынка страхования так или иначе влияют на отечественный страховой рынок.

4. Рынок страхования жизни в России далек от насыщения, что открывает перспективы как для отечественных страховых компаний, так и отечественных финансовых экосистем.

5. Рост отечественного рынка страхования жизни может привлечь страховые компании из дружественных стран, в том числе стран-членов БРИКС (путем вхождения в капитал отечественных компаний через допэмиссию или выкуп долей, создания новых юридических лиц).

Дальнейшее исследование в сфере рынка страхования жизни позволит определить перспективы изменения страхового рынка России с учетом новых ограничений, возможности сотрудничества со страховыми организациями в рамках интеграционных объединений БРИКС, ШОС.

Статья поступила в редакцию 05.10.2022.

Список использованных источников:

1. Русецкая Э.А. Страхование в Системе Экономической Безопасности России: Монография. Директ-Медиа, 2014. — 171 с.
2. Прогунова Л.В., Майорова Ю.М. Тенденции развития международного бизнеса на рынке медицинского страхования // Международная торговля и торговая политика. — 2020. — №1(21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-mezhdunarodnogo-biznesa-na-rynke-meditsinskogo-strahovaniya> (дата обращения: 01.09.2022).
3. Godwin Olasehinde-Williams, Mehmet Balcilar Examining the Effect of Globalization on Insurance Activities in Large Emerging Market Economies // Research in International Business and Finance. — Vol. 53. — 2020. — <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0275531919304465>
4. Juergen Jung, Chung Tran Social health insurance: A quantitative exploration // Journal of Economic Dynamics and Control. — 2022. — vol. 139. — <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0165188922000781>
5. Matteo Malavasi, Gareth W. Peters, Pavel V. Shevchenko, Stefan Trьck, Jiwook Jang, Georgy Sofronov Cyber risk frequency, severity and insurance viability // Insurance: Mathematics and Economics. — 2022. — vol. 106. — pp. 90–114.
6. Erik Lichtenberg, Eva Iglesias Index insurance and basis risk: A reconsideration // Journal of Development Economics. — 2022. — vol. 158. — <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0304387822000505>
7. Степанова М.Н. Инновации в страховании: основные мировые тенденции // АНИ: экономика и управление. — 2020. — №3(32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsii-v-strahovanii-osnovnye-mirovye-tendentsii> (дата обращения: 01.09.2022).
8. Creating value, finding focus: Global Insurance Report 2022 [Электронный ресурс] // Mckinsey. — Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/creating-value-finding-focus-global-insurance-report-2022>
9. Insurance statistics database [Электронный ресурс] // OECD Insurance Statistics. — Режим доступа: <https://www.oecd.org/finance/insurance/oecdinsurancestatistics.htm>

ПРОБЛЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Л.Н. Хазраткулова,

*доцент кафедры финансов и бизнес-аналитики Ташкентского государственного экономического университета,
PhD по экономическим наукам
lola130844@mail.ru*

Статья посвящена актуальной во всем мире проблеме формирования и использования государственных финансов, вопросам повышения открытости бюджетных показателей и внедрения инициативного бюджетирования, призванному усилить ответственность органов власти за результаты осуществления государственных расходов и снизить уровень коррупции, вопросам структуры государственного долга и управления им, что позволит добиться сбалансированности государственных финансов и, в конечном итоге, повысить качество жизни населения. Основной период исследования — с 2017 по 2021 гг. В процессе исследования использованы общенаучные методы анализа и обработки статистических данных. Информационной базой исследования послужили материалы отечественных и зарубежных научно-исследовательских учреждений, международных организаций.

Ключевые слова: государственные финансы, устойчивость местных бюджетов, бюджетный дефицит, государственный долг, экономический рост, уровень жизни

УДК 336.146 ББК 65.9(4/8)

Ведущим звеном финансовой системы выступает государственный бюджет, как главный финансовый план государства, предназначенный для решения государством и местным самоуправлением своих задач и функций. Бюджет — важный финансовый источник государства, основной рычаг реализации социально-экономической политики. По мнению экспертов, по-

вышение эффективности использования бюджетных средств призвано привести к росту устойчивости и конкурентоспособности национальной экономики, а также позволит улучшить жизненное благосостояние населения страны [1].

В настоящее время перед ответственными организациями Узбекистана поставлены конкретные стратегические задачи

в рамках утверждения государственного бюджета и осуществления контроля за его исполнением, внедряется практика направления запроса по их результатам [2]. В частности, запланировано сокращение дефицита государственного бюджета с обеспечением его размера с 2023 года на уровне не более 3% к ВВП, как предусматривалось в Маастрихтском договоре, подписанном в 1992 году. В целом, перед правительством Узбекистана стоит задача приложить все усилия для обеспечения сбалансированности государственного бюджета на всех уровнях с сохранением социальной направленности расходов.

Важнейшим показателем, характеризующим уровень развития экономики, выступает производство товаров, работ, услуг, отражающийся в сводном макроэкономическом показателе — ВВП. Объем ВВП в Узбекистане в 2021 г. превысил \$69,2 млрд долл. США, составив на душу населения около 2 тыс. долл. США, что на 500 долларов меньше, чем нижняя граница показателя подушевого ВВП, принятого для развивающихся стран. Следует отметить, что экономический рост в Узбекистане за период с 2017 по 2021 гг. имел тенденцию замедления и экстенсивный характер, поскольку он происходил не за счет совершенствования технологий, освоения достижений науки и техники, инвестиций в инновационный бизнес.

Еще одним важным макроэкономическим показателем выступает соотношение государственных расходов с величиной ВВП государства. Считается, что чем выше социально-экономическое развитие государства, тем больше доля государственных расходов в ВВП, хотя, как показывают исследования, большое государственное бремя приводит к ненужному вмешательству в рыночную экономику, затрудняет процесс развития бизнеса, не дает возможности привлечь предпринимателей к организации нового дела и, тем самым, значительно замедляет темпы роста экономики.

Исследования показывают, что развитые страны мира, поддерживающие высокий уровень жизни своих граждан, перераспределяют через бюджетную систему значительную долю ВВП, в этих странах отношение бюджетных расходов к ВВП составляет в среднем 50–60%. В Республике Узбекистан на данное время вышеназванный индикатор едва достигает 30% (рис. 1).

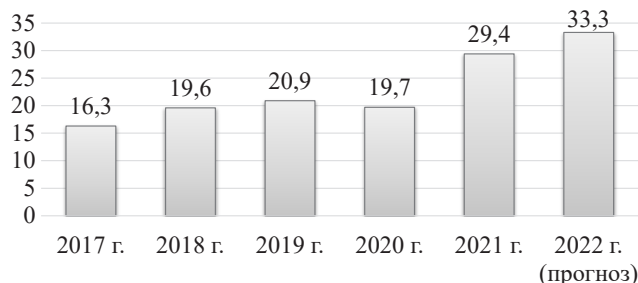

Рис. 1. Доля государственных расходов в ВВП Узбекистана в 2017–2022 гг., % [3, 4]

Налоговая система Узбекистана по соотношению прямых и косвенных налогов схожа с латиноамериканской моделью налогообложения, которая в большой степени основывается на косвенном налогообложении, считающемся социально несправедливым и сдерживающим фактором экономического роста (рис. 2).

В последнее время во всем мире наблюдается снижение доверия общественности к правительству, отчасти из-за случаев, связанных с коррупцией, а также из-за резкого увеличения неравенства среди населения, в связи с чем привлечение широких масс к управлению государственными финансами можно считать на сегодняшний день требованием времени. Сегодня в Узбекистане повышению открытости и прозрачности бюджетного процесса также уделяется большое внимание, несмотря на то, что Узбекистан не принимает участия в рейтинге по открытости бюджета. Проводимые зарубежными экспертами исследования показывают, что республика приступает к осуществлению комплексной программы реформ по укреплению управления государственными финансами и обеспечению прозрачности в бюджетно-налоговой сфере и в

этом направлении уже достигнут определенный прогресс [5]. Важное значение имеет принятие ряда нормативно-правовых актов, направленных на обеспечение открытости бюджетных данных и активного участия граждан в бюджетном процессе. Начиная с 2020 г. внедрен новый порядок формирования и исполнения Государственного бюджета, запущен информационный портал «Открытый бюджет», благодаря которому можно подать заявку и затем отследить распределение дополнительных средств местных бюджетов Узбекистана. В Стратегии развития нового Узбекистана, рассчитанной на 2022–2026 гг., подчеркивается целесообразность направления не менее 5% бюджета каждого района на решение наиболее актуальных проблем, выявленных на основе предложения населения в рамках программы «Бюджет граждан» [2].

Рис. 2 Структура доходов госбюджета Узбекистана в 2017–2022 г. [4]

Однако, следует отметить, что, начиная с 2020 г. в бюджетной системе Узбекистана был осуществлен переход от функциональной классификации, отражающей направление бюджетных средств на выполнение основных функций государства, к ведомственной, в соответствии с которой возможно отследить лишь распределение государственных средств на бюджетополучателей первого уровня (Министерства и ведомства), которые в дальнейшем самостоятельно распределяют их на бюджетополучателей второго уровня. На наш взгляд, в целях повышения транспарентности государственного бюджета в Узбекистане следует перейти к использованию двойной бюджетной классификации, то есть отражать в официальных публичных источниках информации как ведомственную, так и функциональную классификации, а также освещать в них более детализированные данные по доходам и расходам государства. Данные меры, а также внедрение партисипаторного бюджетирования в форме непосредственного участия граждан в выборе приоритетных направлений расходования части бюджетных средств на решение вопросов местного значения позволят выявлять и пресекать нарушения бюджетной дисциплины, повысят доверие граждан к действиям правительства и, тем самым, будут способствовать повышению эффективности образования и распределения общественных финансовых ресурсов.

Важным звеном государственной финансовой системы выступают финансы местного самоуправления, так называемые местные бюджеты — именно они выступают одним из главных каналов доведения до населения конечных результатов производства. Удовлетворение ряда потребностей граждан, в частности таких, как потребность в общественных благах, наиболее приближено к местному уровню, что обуславливает значимость местных финансов в распределении финансовых ресурсов общества.

В современной системе местных бюджетов Узбекистана главной проблемой выступает низкий уровень бюджетной обеспеченности и финансовой самостоятельности вследствие отсутствия стабильных источников дохода на территории административного образования. В соответствии с прогнозными

показателями государственного бюджета Узбекистана на 2022 год всего лишь две области — Навоийская и Ташкентская, а также город Ташкент являются финансово автономными от республиканского бюджета. Наиболее финансово зависимыми оказались Сурхандарьинская область и Республика Каракалпакстан. В целом, около 80% административно-территориальных образований республики являются финансово зависимыми от республиканского бюджета, кроме того, наблюдается высокий уровень дифференциации регионов в обеспеченности гарантированными государством услугами (табл. 1).

Таблица 1

Показатели финансовой устойчивости местных бюджетов Республики Узбекистан в 2022 г. (прогноз) [4]

Регионы	Кликв = Д/Р	Кф.лев = БП/ДП	Крез = Д/Ч	Кобесп = Р/Ч
Республика Каракалпакстан	0,61	0,39	1,21	1,99
Андижанская область	0,65	0,35	0,94	1,46
Бухарская область	0,87	0,13	1,47	1,69
Джизакская область	0,68	0,32	1,20	1,77
Кашкадарьинская область	0,63	0,37	1,02	1,62
Навоийская область	1,00	0,00	2,11	2,11
Наманганская область	0,63	0,37	0,99	1,57
Самаркандская область	0,80	0,20	0,98	1,23
Сурхандарьинская область	0,55	0,45	0,90	1,62
Сырдарьинская область	0,62	0,38	1,26	2,02
Ташкентская область	1,00	0,00	1,49	1,49
Ферганская область	0,75	0,25	1,09	1,44
Хорезмская область	0,72	0,28	1,15	1,59
г. Ташкент	1,00	0,00	2,11	2,11

Кликв — коэффициент ликвидности; Кф.лев — коэффициент финансового левериджа; Крез — коэффициент бюджетной результативности; Кобесп — коэффициент бюджетной обеспеченности; Д, Р, БП, ДП — доходы, расходы, безвозмездные поступления, доходы местного бюджета (соответственно), Ч — численность населения региона.

Исследования доказывают, что система межбюджетного выравнивания не способна решить все проблемы финансового обеспечения территорий. В целях повышения стабильности и финансовой устойчивости регионов важное значение имеет усиление их собственной доходной базы, что призвано привести к качественным изменениям в социально-экономическом развитии территориальных образований.

С точки зрения перспектив достижения роста национальной экономики, а также поддержания республикой своих позиций в мировой экономической системе важное значение имеет управление внешним долгом. Основной целью политики, проводимой в последние годы правительством Узбекистана в области управления внешней задолженностью, выступает упорядочение отношений с внешними кредиторами и установление новых графиков платежей по долгам с учетом реальных возможностей обслуживания этих обязательств. Хотя Узбекистан и не относится к странам с исключительно высоким уровнем внешней задолженности, нынешний уровень долга отнюдь не является приемлемым.

За последние пять лет государственный долг Узбекистана увеличился почти в 2,5 раза — с \$11,6 млрд (2017 г.) до \$26,3 млрд (2021 г.). К концу 2022 г. прогнозируется рост госдолга до \$33,5 млрд, что составляет 45% от ВВП (рис. 3).

В соответствии с официальными данными к началу 2022 г. внешний долг составил \$23,6 млрд, из них \$17 млрд приходится на обязательства правительства, \$6,6 млрд — на привлеченный под государственные гарантии. Внутренний долг составил \$2,7 млрд [7].

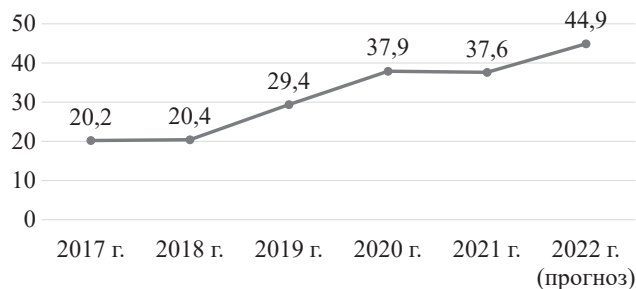

Рис. 3. Государственный долг Узбекистана в 2017–2022 гг., % к ВВП [6]

Объемы государственного долга (включая внутренний) не превышают допустимые пределы совокупного государственного долга в размере 60% ВВП в соответствии с Маастрихтским соглашением 1992 г. [8].

В 2021 году на расходы бюджета было направлено \$1,8 млрд внешнего долга. Сумма внешнего долга перед бюджетом составила \$5,9 млрд в 2020 г. на обслуживание внешнего долга было направлено \$2,2 млрд. Его поступления в бюджет составили \$917,6 млн (в 2020 г. стоимость услуг — \$1,8 млрд, доходы бюджета — \$315,9 млн) (рис. 4).

Рис. 4. Структура государственного долга Узбекистана в 2017–2021 гг. [4]

Большая часть внешнего долга Узбекистана по итогам 2021 года была направлена на поддержку государственного бюджета, а также энергетических и других отраслей экономики (рис. 5).

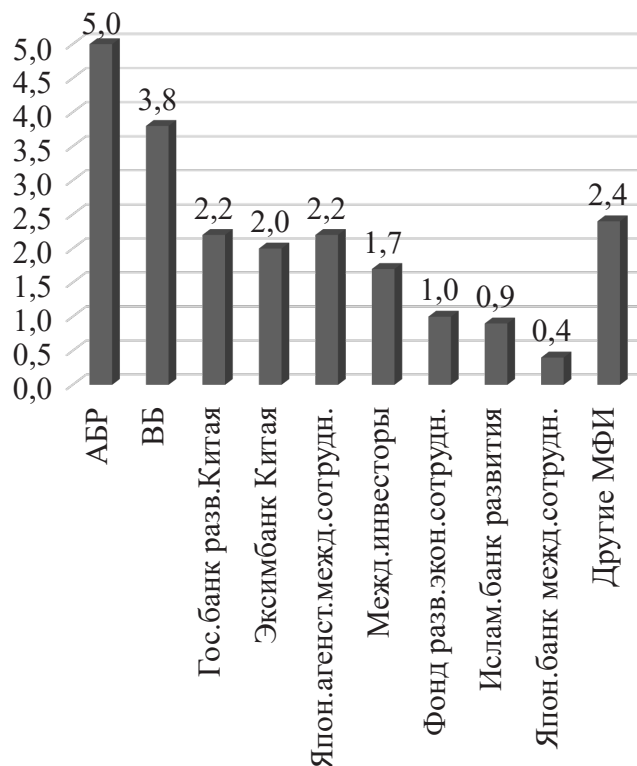

Рис. 5. Государственный внешний долг Узбекистана в разрезе секторов экономики по итогам 2021 г., млрд долл. США [4]

Самым большим кредитором Узбекистана стал Азиатский банк развития, сумма кредитов которого составляет 32% от общей суммы всех кредитов. Среди стран-кредиторов первое место принадлежит Китаю. Около 50% государственного долга Узбекистана приходится на иностранные государственные

финансовые учреждения, что может означать низкую диверсификацию источников государственного внешнего долга.

Самым большим кредитором Узбекистана стал Азиатский банк развития, сумма кредитов которого составляет 32% от общей суммы всех кредитов. Среди стран-кредиторов первое место принадлежит Китаю (рис. 6).

Рис. 6. Государственный внешний долг Республики Узбекистан в разрезе кредиторов на 1 марта 2022 г., млрд долл. США [4]

Одним из показателей государственного долга выступает валютная структура долга, которая отражает фактический риск для экономики, связанный с изменениями валютного курса. Около 70% государственного долга Республики Узбекистан выражена в долларах США, более 11% — в евро, почти 10% — в Южной корейской воне, остальные 9% приходятся на дирхам ОАЭ, Японскую иену, Китайский юань, Саудовский риал, СДР и Кувейтский динар [4].

По данным Министерства финансов Республики Узбекистан, по итогам первого полугодия 2021 г. расходы на обслуживание госдолга (за счёт средств госбюджета и госпредприятий) выросли и составили 1,1 млрд долларов. Из них 569,4 млн долларов — государственный внешний долг (\$343,7 млн — выплаты по основному долгу, \$225,7 млн — проценты), а также государственный внутренний долг — 551 млн долларов (\$472 млн — основной долг, \$79 млн — проценты) [4].

По данным Центрального банка на 1 июля 2021 года совокупный внешний долг Узбекистана, то есть долг государства и частного сектора, составлял 35,9 млрд долларов США — около 57% к ВВП. С начала года он вырос на 6%, или на 2 млрд долларов США [9]. При этом, несмотря на то, что 45,1% государственного долга Узбекистана приходится на иностранные государственные финансовые учреждения, в Министерстве финансов считают, что источники государственного внешнего долга достаточно диверсифицированы.

В декабре 2021 г. прошло заседание Законодательной палаты Олий Мажлисаё на котором был рассмотрен законопроект «О государственном долге». Законопроект предусматривает, что максимальный размер государственного долга к ВВП не должен превышать 60%, и только государственные и инфраструктурные проекты могут финансироваться из государственного долга. Также определены полномочия Президента Республики Узбекистан, палат Олий Мажлиса, Счетной

палаты, Кабинета Министров, Центрального банка и Министерства финансов в области управления государственным долгом.

В частности, для повышения роли парламента в управлении государственным долгом Олий Мажлис уполномочен устанавливать ограниченную сумму государственного долга, проверять реализацию стратегии управления государственным долгом и заслушивать отчеты о целевом использовании заемных средств. Ожидается, что Кабинет министров утвердит трехлетнюю стратегию управления государственным долгом.

В законопроекте «О государственном долге» также отражены правила обеспечения прозрачности информации о государственном долге. В то же время министерства финансов, инвестиций и внешней торговли обязаны предоставлять информацию в палаты Олий Мажлиса, а министерства и ведомства обязаны публиковать информацию о государственном долге в средствах массовой информации и на официальных сайтах. Кроме того, вводится практика ограничения гарантий, предоставляемых частному партнеру по договору государственно-частного партнерства. Законопроект принят депутатами в первом чтении.

Счетная палата опубликовала заключение по проекту закона «О государственном бюджете Республики Узбекистан на 2022 год» и бюджетному посланию на следующий год. Согласно последним документам, ограниченный объем новых соглашений, которые будут подписываться ежегодно от имени Узбекистана и под его гарантии в 2022 году для привлечения внутреннего и внешнего долга, установлен в размере 4,5 млрд долларов. Из этих средств 2 млрд долларов будут направлены на поддержку госбюджета и финансирование непроектных мероприятий и 2,5 млрд долларов будут направлены на финансирование инвестиционных проектов [10].

Законопроект также оговаривает правила совершенствования системы государственных гарантий и комплекс действий по управлению рисками государственного долга. Цель проекта — предотвратить фрагментацию процесса управления госдолгом и поддерживать долг на стабильном уровне. Он должен повысить уверенность иностранных кредиторов и инвесторов в том, что страна сможет выплатить задолженность, а для Узбекистана обеспечить выгодные условия заимствований.

В Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 гг. поставлена цель эффективного управления государственным долгом с сохранением размера вновь привлеченного внешнего долга на уровне, не превышающем 4,5 млрд долларов США в год [2].

В связи с полученными результатами были сделаны следующие выводы и определены основные направления по повышению сбалансированности государственного бюджета в Узбекистане.

В целях повышения эффективности использования государственных средств и транспарентности государственного бюджета следует перейти к использованию двойной бюджетной классификации, то есть отражать в официальных публичных источниках информации как ведомственную, так и функциональную классификации. Данная мера, а также внедрение партисипаторного бюджетирования в форме непосредственного участия граждан в выборе приоритетных направлений расходования части бюджетных средств на решение вопросов местного значения позволит выявлять и пресекать нарушения бюджетной дисциплины, повысить доверие граждан к действиям правительства и, тем самым, будет способствовать повышению эффективности образования и распределения общественных финансовых ресурсов.

В современной системе местных бюджетов Узбекистана важной проблемой выступает низкий уровень бюджетной обеспеченности и финансовой самостоятельности вследствие отсутствия стабильных источников дохода на территории административного образования. При этом система межбюджетного выравнивания не способна решить все проблемы финансового обеспечения территорий. В целях повышения стабильности и финансовой устойчивости регионов важное значение имеет усиление их собственной доходной базы, для чего, на наш взгляд, необходимо пересмотреть принципы рас-

пределения доходных полномочий и доходов между уровнями бюджетной системы:

во-первых, полномочия по установлению и регулированию определенных доходов должны принадлежать тем органам власти, от экономической политики которых зависит величина налоговой базы этих доходов;

во-вторых, необходимо обеспечить заинтересованность органов местного самоуправления в формировании благоприятных условий для социально-экономического развития территорий;

в-третьих, собственные доходы бюджетов каждого уровня должны быть основой для реализации закрепленных за органами местного самоуправления расходных полномочий, повышения стойкости финансового обеспечения административно-территориальных единиц.

Повышение бюджетной устойчивости даст возможность ставить и решать стратегические задачи экономического и социального развития административно-территориальной единицы, включая привлечение инвестиций, развитие и модернизацию инфраструктуры, социальные и экономические программы, поддержку значимых для региона отраслей.

Пандемия коронавируса привела к значительному росту внешнего долга многих стран мира. Узбекистан в этом ряду не исключение. Привлеченные в 2020–2021 гг. внешние заимствования были направлены на реализацию различных проектов, самые масштабные из которых — борьба с коронавирусом, а

также модернизация и диверсификация сферы сельского хозяйства. За последние три года государственный долг Узбекистана вырос в три раза, что связано, помимо пандемии, с тем, что в настоящее время республика взяла курс на открытую рыночную экономику и пытается реформировать отрасли, которые долгое время находились в состоянии застоя. Вот на эти трансформации и идет львиная доля заемных средств.

В целях повышения эффективности процесса управления государственным долгом в Узбекистане необходимо, на наш взгляд, вести учет в разрезе видов заимствований по операциям привлечения, погашения и обслуживания, систематизировать данные, довести статистическую отчетность до уровня мировых стандартов и посредством расчета общепризнанных индикаторов государственного долга следить за динамикой объемов и факторов, на него влияющих. Кроме того, важное значение имеет развитие национального рынка государственных ценных бумаг, сокращение стоимости обслуживания государственного долга и обеспечение исполнения обязательств государства в полном объеме.

Осуществление вышеназванных мер ориентировано на оптимизацию доходов, расходов, формирование и использование бюджетных резервов, управление государственным долгом, что призвано повысить эффективность проводимой государством политики и обеспечить сбалансированность доходов и расходов государства.

Статья поступила в редакцию 2.07.2022.

Список использованных источников:

1. Чен И.А. Государственный бюджет и его значение в условиях рыночной экономики // Экономика и финансы (Узбекистан). — 2012. — №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-byudzhety-i-ego-znachenie-v-usloviyah-rynochnoy-ekonomiki>
2. Указ Президента Республики Узбекистан №УП-60 от 28.01.2022 «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 гг.» <https://lex.uz/ru/docs/5841077>
3. По данным Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/national-accounts>
4. По данным информационно-аналитического сайта <https://www.gazeta.uz/ru/2021/09/07/gov-debt/#!>
5. Проект оценки прозрачности в бюджетно-налоговой сфере Республики Узбекистан. — Ташкент, 2018. — С. 9. <https://review.uz/post/minfin-opublikoval-otchet-o-prozrachnosti-v-byudjetno-nalogovoy-sfere>
6. По данным информационно-аналитического сайта <https://svspb.net/danmark/gosdolg.php?!=uzbekistan>
7. По данным информационно-аналитического сайта <https://review.uz/post/ozbekistonning-davlat-qarzi-yaimga-nisbatibarqarorlashdi>
8. По данным информационно-аналитического сайта <https://xs.uz/ru/post/gosudarstvennyj-dolg-kak-faktor-razvitiya>
9. По данным Центрального банка Республики Узбекистан <https://cbu.uz/ru/statistics/bop/75797/>
10. По данным информационно-аналитического сайта <http://www.ach.gov.uz/ru/lists/view/176>

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНСКОЙ СТОЛИЦЫ*

Д.Т. Умарова,

ведущий научный сотрудник Института экономики Комитета науки МОН Республики Казахстан (г. Астана),

кандидат экономических наук

udt.dinara@mail.ru

Статья посвящена вопросам развития казахстанской столицы — городу Астана. Дана авторская оценка развития столицы в контексте показателей экономического роста. Даны сравнительные характеристики развития Астаны и других зарубежных городов. Показано, что в условиях города-столицы показатели социально-экономического положения населения лучше, а столичный статус г. Астана обеспечивает его конкурентоспособность на региональном и национальном уровнях.

Ключевые слова: *Астана, Казахстан, город, международный опыт развития городов, экономический рост, конкурентоспособность, агломерация*

УДК 339.92

В развитии учения экономики городов выделяют четыре периода [1]. Четвертый период, начавшийся в 1980-х гг., связан с изучением природы экономического роста. Исследователи экономического роста выступают за ускорение процесса урбанизации и появления крупных мега городов, поскольку считают, что большие агломерации способствуют становлению сильной экономики. В обзоре ОЭСР отмечается, что в странах ОЭСР

мегаполисы с населением не менее полумиллиона человек в 2018 году генерировали 52% ВВП [2]. И в 2001–2018 гг. во всех мегаполисах, за исключением Греции, наблюдался рост ВВП. Более того, столичные агломерации являются самыми богатыми агломерациями в 18 из 30 стран ОЭСР. К примеру, в 2000–2012 гг. доля столицы Колумбии в ВВП страны составляла 24% [3].

* Статья подготовлена в рамках исследования, проведенного в рамках Программы целевого финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан ИРН OR11465433 «Разработка концепции и механизмов сбалансированного территориального развития экономики и общества Казахстана»

Сосредоточие человеческого, социального и интеллектуального капиталов, финансовых ресурсов обеспечивают лидерство городов на национальном и региональном уровнях [4; 5]. Развитие городов характеризуется положительной взаимосвязью между уровнем урбанизации и доходами на душу населения, развитием предпринимательства и инновациями [6; 7]. К примеру, три основных города Колумбии генерируют более 70% инноваций страны [8]. Исследования также подтверждают взаимосвязь между размерами города и уровнем производительности [1]. Исследования, проведенные в Германии, показали, что 10% увеличения размера города увеличивают производительность на 0,2% [9]. Развитие городов сопровождается развитием инфраструктуры. В свою очередь, опыт исследования городов Индии и Нигерии показывает значительное влияние инфраструктуры на развитие городских отраслей экономики [10; 11]. Отдельное внимание уделяется транспортной инфраструктуре. Мобильность рассматривают как ключевой аспект устойчивого городского развития [12]. К примеру, неадекватная транспортная инфраструктура указывается основной причиной сужения рынка труда в Колумбии [3].

Вместе с тем, исследование городов Западной Европы с населением более 200000 человек выявило, что с 1960 года не была установлена прямая связь между размером города и темпами его роста [13]. Более того, урбанизация в Зимбабве и Демократической Республике Конго является прямым следствием конфликтов и ухудшения условий жизни в сельской местности, а не экономического развития [14]. Другой фактор, снижающий взаимосвязь между развитием городов и экономическим ростом является плотность населения. Согласно данным ОЭСР, города в странах с низким уровнем доходов имеют самую высокую плотность населения в мире — 10 000 жителей/км², а страны с высоким уровнем доходов имеют самую низкую плотность населения — 2800 жителей/км² [2]. Кроме того, урбанизация в развивающихся странах привела к росту городской бедности [15]. И отсутствие жилья определено одним из индикаторов городской бедности. Жилье является фундаментом безопасности, наличие которого облегчает решение других социально-экономических проблем. В более широком социальном аспекте, собственность на жилье дает возможность его использования в качестве производственного актива и развития предпринимательских инициатив на дому. Таким образом, жилье способствует решению проблем трудоустройства и сокращения бедности населения в целом.

Территориальное развитие Казахстана характеризуется неравномерным и редким заселением регионов [4]. Урбанизация в Казахстане характеризуется ростом городского населения за счет переезда из сельских местностей и малых депрессивных городов [16]. Другое исследование утверждает, что урбанизация в постсоветских республиках была связана с природными и территориально-пространственными аспектами распределения экономической деятельности [14]. Население столицы Казахстана г. Астана на 1 января 2022 года составило 1239,89 тыс. человек, и по классификации ООН столица относится к городам среднего размера [14]. Развитие г. Астана предусмотрено в Концепции вхождения столицы в рейтинг 10-ти лучших городов мира до 2050 года¹. Однако, в настоящее время Астана не входит в десятку лучших городов мира по уровню качества жизни ни по версии Mercer, ни по версии the Economist². Тем не менее, отдельные зарубежные исследователи считают, что Астана является процветающей столицей и что переезд столицы из г. Алматы в г. Астана был символическим ресурсом, предлагающим альтернативное видение государственности [17].

В структуре валового регионального продукта (ВРП) столицы наибольшую долю занимают торговля (оптовая, розничная) и операции с недвижимым имуществом (табл. 1). В связи с реализацией проектов по цифровизации растет удельный вес сферы информации и связи. Несмотря на незначительное снижение доли строительства, в сравнении с 2018 г., эта отрасль динамично развивается с момента переезда столицы в г. Астана, а объем выполненных строительных работ в 2003–2020 гг. увеличился в 9 раз³. Изменения в удельном весе деятельности отрасли «Транспорт и складирование» в том числе связаны с планами по строительству легко рельсового транспорта (LRT). В международной практике строительство систем LRT были

основаны не на социально-экономической отдаче и окупаемости затрат, а в целях создания положительного имиджа общественного транспорта и обновления города [18].

Таблица 1

Структура валового регионального продукта г. Астана

	2018	2019	2020
Всего	100	100	100
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	16,55	18,51	20,1
Операции с недвижимым имуществом	14,02	13,47	10,56
Профессиональная, научная и техническая деятельность	11,43	10,4	10,18
Промышленность	5,24	6,2	7,37
Информация и связь	5,27	5,43	7,02
Строительство	7,11	6,43	6,88
Обрабатывающая промышленность	4,47	5,45	6,67
Финансовая и страховая деятельность	5,29	4,73	4,78
Транспорт и складирование	6,48	5,82	4,01

Примечание: составлено по данным Бюро национальной статистики РК. Режим доступа: www.stat.gov.kz

Социально-экономические показатели развития столицы в динамике подтверждают конкурентоспособность г. Астана на национальном уровне (табл. 2). В частности, показатели ВРП на душу населения, заработной платы, продолжительности жизни и цифровой грамотности выше среднереспубликанских значений. В столице больше возможностей трудоустройства. При этом, высокие цены на жилье подтверждают утверждения, что урбанизация неизбежно сопровождается ростом спроса на жилье и проблемами обеспечения доступного жилья.

Таблица 2

Сравнительные показатели развития г. Астана

Показатели	2018	2019	2020
ВРП на душу населения, тыс. тенге ⁴			
Республика Казахстан	3 382,5	3 755,7	3 766,8
г. Астана	6 359,5	7 075,8	6 873,6
Среднемесячная заработная плата, тенге ⁵			
Республика Казахстан	162 673	186 815	213 003
г. Астана	240 320	266 796	302 504
Уровень безработицы, % ⁶			
Республика Казахстан	4,9	4,8	4,9
г. Астана	4,5	4,4	4,6
Доля малого и среднего предпринимательства (МСП) в ВРП, % ⁷			
Республика Казахстан	28,4	31,7	32,8
г. Астана	48,6	55,1	56,8
Производительность труда на субъектах МСП, тыс. тенге/человек			
Республика Казахстан	5 304,2	6 387,6	6 677,7
г. Астана	8 699,3	11 132	11 376
Ожидаемая продолжительность жизни, лет ⁸			
Республика Казахстан	73,1	73,2	71,4
г. Астана	76,2	76,7	73,5
Уровень цифровой грамотности населения (6–74 лет), % ⁹			
Республика Казахстан	79,6	82,1	84,1
г. Астана	85,4	88,7	91,3
Средние цены на новое жилье, тенге/м ² ¹⁰			
Республика Казахстан	266 863	293 518	307 600
г. Астана	340 706	373 656	392 682

Примечание: составлено по данным Бюро национальной статистики РК. Режим доступа: www.stat.gov.kz

Следующим шагом в исследовании является оценка конкурентоспособности г. Астана на региональном уровне. Для этой цели расчет индекса конкурентоспособности был произведен по следующей формуле [5]:

$$I = (I_{economic} + I_{socio-demographic})/2,$$

где $I_{economic}$ — среднее арифметическое значение суммы стандартизированных индексов экономических факторов; $I_{socio-demographic}$ — среднее арифметическое значение суммы стандартизированных индексов социально-демографических факторов.

Для расчета индекса конкурентоспособности г. Астана был выбран ряд экономических и социально-демографических факторов, согласно табл. 3. Для сравнения были выбраны следующие города: г. Астана, г. Алматы (крупнейший город Казахстана), г. Шымкент (юг Казахстана) и г. Актобе (запад Казахстана), которые определены региональными центрами экономического роста.

Стандартизированные индексы по каждому удельному показателю (на душу населения и долям) экономических и социально-демографических факторов (табл.4) были определены по следующей формуле:

$$X_i = (X_{if} - X_{min}) / (X_{max} - X_{min}),$$

где X_i — стандартизированный i показатель города; X_{if} — фактический i показатель города; X_{min} — минимальное значение i показателя в выборке городов; X_{max} — максимальное значение i показателя в выборке городов.

Таблица 3

Экономические и социально-демографические факторы в 2020 году

	г. Астана	г. Алматы	г. Шымкент	г. Актобе
Экономические факторы				
Численность населения, чел	1 184 469	1 977 011	1 074 167	513 004
ВРП на душу населения, тыс. тенге	6 873,6	6 913	2 360,3	3 329,8
Уровень активности в области продуктовых и процессных инноваций, %	12,6	13	7,1	10,1
Затраты на инновации на душу населения, тыс. тенге	70,9	48,2	7,8	89,3
Доля занятых в МСП, %	67,4	63,5	39,8	66,2
Объем розничной торговли на душу населения, тыс. тенге	1156,2	1735,8	461,7	1049,1
Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, тыс. тенге	949,97	494,08	259,49	460,33
Объем обрабатывающей промышленности на душу населения, тыс. тенге*	912,50	449,36	542,85	1110,50
Социально-демографические факторы				
Коэффициент естественного прироста	23,4	10,38	23,64	8,6
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	73,49	74,02	71,0	71,69
Доля бедных в регионе к общему числу бедных в республике, %*	1,8	9,6	5,4	3,1
Уровень безработицы	4,6	5,2	5,1	4,6
Объем основных видов услуг здравоохранения на душу населения, тыс. тенге	70,1	45,3	30,9	94,0
Объем основных видов услуг образования на душу населения, тыс. тенге	231,4	190,3	142,7	131,7
Доля занятых с высшим образованием, %	69,7	74,4	65,9	47,0

* данные приведены не по г. Актобе, а по области

Составлено по данным Бюро национальной статистики РК. Режим доступа: www.stat.gov.kz

Расчет индекса конкурентоспособности столицы, равный 0,87, подтверждает конкурентоспособность столицы и на региональном уровне. При этом нельзя не отметить, что конкурентоспособность новой столицы обеспечивается поддержкой государства.

Таблица 4

Расчет индекса конкурентоспособности

	г. Астана	г. Алматы	г. Шымкент	г. Актобе
Индекс ВРП на душу населения	0,99	1	0	0,21
Индекс уровня активности в области продуктовых и процессных инноваций	0,93	1	0	0,51
Индекс затрат на инновации на душу населения	0,77	0,50	0	1
Индекс доли занятых в МСП	1	0,86	0	0,95
Индекс объема розничной торговли на душу населения	0,55	1	0	0,46
Индекс объема инвестиций в основной капитал на душу населения	1	0,34	0	0,29
Индекс объема обрабатывающей промышленности на душу населения	0,70	0	0,14	1
Средний индекс экономических факторов	0,85	0,67	0,02	0,63
Индекс доли бедных в регионе к общему числу бедных в республике*	1	0	0,54	0,83
Индекс уровня безработицы*	1	0	1	1
Индекс ожидаемой продолжительности жизни при рождении	0,82	1	0	0,23
Индекс естественного прироста населения	0,98	0,12	1	0
Индекс объема основных видов услуг здравоохранения на душу населения	0,62	0,23	0	1
Индекс объема основных видов услуг образования на душу населения	1	0,59	0,11	0
Индекс доли занятых с высшим образованием	0,83	1	0,69	0
Средний индекс социально-демографических факторов	0,9	0,4	0,5	0,4
Индекс конкурентоспособности	0,87	0,54	0,25	0,53

Примечание: рассчитано автором.

* показатели индексов доли бедных в регионе к общему числу бедных в республике и уровня безработицы были рассчитаны иначе чем другие индексы по следующей формуле:

$$X_i = (X_{max} - X_{if}) / (X_{max} - X_{min})$$

Поскольку в структуре ВРП Астаны преобладают сфера услуг, дальнейшее поступательное развитие экономики города, в том числе, будет зависеть от численности населения. В этой связи, посредством статистического метода «Тенденция» и на основании статистических данных движения численности столицы в период с 1991 по 2021 гг.¹¹ был рассчитан прогноз жителей столицы на период до 2030 года. Согласно прогнозу, к 2030 г. население столицы увеличится на 17,6% и составит 1 458 300 тыс. человек.

Развитие казахстанской столицы в средне- и долгосрочной перспективе отражено в соответствующих программах. Программа развития г. Астана до 2025 года ставит задачи обеспечения доступного жилья, мест в школьных и дошкольных учреждениях и растущие расходы на продовольственные товары¹². Доля расходов на продовольственные товары составила: 44% в 2018 году; 46,7% в 2019 году и 51% в 2020 году¹³. Программа развития г. Астана до 2050 года предусматривает решение следующих задач: развитие МСП и доведение его доли до 74% в ВРП; развитие

умных и технологичных производств, которые в настоящее время занимают 1% от общей валовой добавленной стоимости и 1,5% от общего числа занятых¹⁴; обеспечение доступности жилья, которое является главной проблемой для 49,4% жителей города.

Оценка развития казахстанской столицы подтверждает, что статус города и столицы обеспечивают г. Астана конкурентоспособность на региональном и национальном уровнях. В средне- и долгосрочной перспективе развития г. Астана актуальными останутся вопросы обеспечения населения столицы

доступным жильем и продовольствием. В этой связи, рекомендуется внесение изменений и дополнений в Программу развития г. Астана до 2050 г. в части включения вопросов развития Астанинской агломерации в целях обеспечения столицы продуктами питания и строительными материалами. Кроме того, необходимо внести изменения в Программу в части обеспечения жителей доступным жильем с учетом успешных международных практик.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022.

Список использованных источников:

1. Quigley John M. (1998). Urban Diversity and Economic Growth // Journal of Economic Perspectives, Volume 12(2), 127–138. DOI: 10.1257/jep.12.2.127 (дата обращения: весна 1998).
2. OECD REGIONS AND CITIES AT A GLANCE (2020). Доступ из официального сайта ОЭСР. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/>.
3. Sanchez-Serra Daniel (2016). Functional Urban Areas in Colombia // OECD Regional Development Working Papers 2016/08. [Электронный ресурс]. URL: <https://dx.doi.org/10.1787/5jln4pn1zqq5-en> (дата обращения: 24 ноября 2016).
4. Кошанов А.К. Урбанизация и социальные проблемы территориального развития // Общество и экономика. — 2019. — №2. — С. 64–82. DOI: 10.31857/S020736760004136–8.
5. Манаева И.В. (2021). Территориально-отраслевое развитие городской системы региона: методика оценки // Проблемы развития территории. Т.25. — 2021. — №5. — С.21–36. DOI: 10.15838/ptd.2021.5.115.2.
6. Glaeser, Edward L. (2010). Agglomeration Economics. University of Chicago Press, April 15, 376.
7. Коновалова Ю.А. (2020). Регионализация инноваций: современные тенденции // Вестник МИРБИС. — 2020. — №4(24). — С. 24–33. DOI:10.25634/MIRBIS.2020.4.;
8. Duranton, G. (2015). Growing Through Cities in Developing Countries. World Bank Research Observer, 30 (1), 39–73. <http://dx.doi.org/10.1093/wbro/lku006>.
9. Ahrend Rudiger, Lembcke A. C. (2016). Does It Pay to Live in Big(ger) Cities? The Role of Agglomeration Benefits, Local Amenities, and Costs of Living // OECD Regional Development Working Papers 2016/09, 1–39. DOI: <https://dx.doi.org/10.1787/e0490ba8-en>.
10. Ghani Ejaz, Arti Grover Goswami, William R. Kerr (2016). Spatial Development and Agglomeration Economies in Services. Lessons from India // Policy Research Working Paper 7741. DOI:10.1596/1813–9450–7741 (дата обращения: 2016–06).
11. Osabohien R., Osabuohien E. and Ese Urhie (2018). Food Security, Institutional Framework and Technology: Examining the Nexus in Nigeria Using ARDL Approach/ Current Nutrition & Food Science, 14, 154–163. DOI: 10.2174/1573401313666170525133853 (дата обращения: 07, 2017).
12. Borges, L. A.; Nilsson, K.; Tunström, M.; Dis, A. T.; Perjo, L.; Berlina, A.; Costa, S. O.; Fredricsson, C.; Grunfelder, J.; Johnsen, I.; Kristensen, I.; Randall, L.; Smas, L.; Weber, R. (2017). White Paper on Nordic Sustainable Cities / Nordic and European research centre for regional development and planning, p. 76. DOI: <http://doi.org/10.30689/R2017:3.1403–2503> (дата обращения: 12 ноября 2017).
13. Boussauw, K., Van Meeteren, M., Sansen, J., Meijers, E., Storme, T., Louw, E., Derudder, B. & Witlox, F. (2018). Planning for agglomeration economies in a polycentric region: Envisioning an efficient metropolitan core area in Flanders // European Journal of Spatial Development, 69, 1–26. DOI: <http://doi.org/10.30689/EJSD2018:69.1650–9544>.
14. Nallari Raj, Griffith B. and Shahid Yusuf (2012). Geography of Growth Spatial Economics and Competitiveness // World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <http://hdl.handle.net/10986/6020> (дата обращения: 20 апреля 2012).
15. MD. ASHIQ-UR-RAHMAN «Housing the Urban Poor in Bangladesh: A Study of Housing Conditions, Policies and Organizations» // October 2012, PhD Thesis. [Electronic source]. URL: <https://www.ros.hw.ac.uk/handle/10399/2600>.
16. Нурланова Н.К. Города как точки роста экономического пространства Казахстана: тенденции и перспективы развития // Проблемы развития территорий. — 2016. — Вып. 5(85). — С. 201–216.
17. Alwehab Abdelwehab (2018). Planning and Design Attributes of Preplanned Postmodern Capital Cities: A Comparative Study // Urban Planning Iraq, 208–224. DOI 10.18502/keg.v3i4.2170.
18. Nicolaisen Morten Skou, Olesen M. and Olesen K. (2017). Vision vs. Evaluation — Case Studies of Light Rail Planning in Denmark // The European Journal of Spatial Development, 65, 1–26. [Электронный ресурс]. URL: <https://nordregio.org/publications/vision-vs-evaluation-case-studies-of-light-rail-planning-in-denmark/> (дата обращения: 25 октября 2017).

¹ «Об утверждении Концепции вхождения столицы в рейтинг 10-ти лучших городов мира до 2050 года», постановление Правительства Республики Казахстан от 29.12.2014 года № 1394. [Электронный ресурс]. Доступ из Информационно-правовой системы «Әділет».

² Рейтинг городов мира по уровню качества жизни. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

³ Статистика строительства. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.gov.kz/official/industry/162/statistic/7>

⁴ Статистика труда и занятости. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.gov.kz/official/industry/25/statistic/5>

⁵ Статистика труда и занятости. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.gov.kz/official/industry/25/statistic/8>

⁶ Динамика социально-экономических показателей. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.gov.kz/region/268012/dynamic>

⁷ Малое и среднее предпринимательство. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.gov.kz/official/industry/139/statistic/7>

⁸ Рейтинг стран мира по уровню продолжительности жизни. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index>

⁹ Статистика информационно-коммуникационных технологий. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.gov.kz/official/industry/29/statistic/7>

¹⁰ Статистика цен. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.gov.kz/official/industry/26/statistic/7>

¹¹ Демографическая статистика. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/5>

¹² Программа развития города Нур-Султан на 2021–2025 годы. Решение маслихата г.Нур-Султан от 30 декабря 2021 года № 129/18-VII «О плане развития города Нур-Султан на 2021–2025 годы». [Электронный ресурс]. Доступ из Информационно-правовой системы «Әділет».

¹³ Мониторинг уровня жизни населения в Республике Казахстан, 2020 год, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.gov.kz/official/industry/64/statistic/6>

¹⁴ Стратегия развития г. Нур-Султана до 2050 года (г. Нур-Султан, Решение маслихата г. Нур-Султан от 15 ноября 2019 года № 450/57-VI «О стратегии развития города Нур-Султан до 2050 года»). [Электронный ресурс]. Доступ из Информационно-правовой системы «Әділет».

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Лю Жуй,

аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета
lr2570087770@outlook.com

В статье рассматриваются проблемы изменения стратегического курса России и экономической интеграции стран Северо-Восточной Азии. Отмечается, что изменение денежно-кредитной политики США оказало огромное влияние на мировую экономику. Крупнейшим геополитическим событием этого периода стал «российско-украинский конфликт». Показано, что влияние этого геополитического кризиса на мировую геоэкономическую ситуацию является колоссальным и трудно оцениваемым. Отмечается, что ожидаемое в будущем направление экономического развития России направлено на Восток, в основном в Китай.

Ключевые слова: геоэкономическая турбулентность, интеграция стран Юго-Восточной Азии, китайско-российская торговля, энергетический трубопровод, соревнование великих держав

УДК 338.4

Углубление экономического сотрудничества со странами Востока во главе с Китаем — единственный путь трансформации внешней политики России в современных условиях, о чем свидетельствует быстрая экономическая интеграция со странами Северо-Восточной Азии.

Возникновение «российско-украинского конфликта» имеет присущие ему структурные противоречия. Разгоревшийся конфликт поставил Россию и Запад в противостояние, при этом Россия полностью избавилась от иллюзий в отношении Запада. Будущий геополитический порядок Европы, вероятно, станет биполярной конфронтацией, при этом НАТО и Европа будут строить региональную структуру безопасности, исключая Россию. Россия создала на постсоветском пространстве интегрированную евразийскую структуру безопасности с ОДКБ и ШОС. В экономической сфере Россия и дальше будет стремиться к углублению экономического и торгового сотрудничества в рамках Евразийского союза и содействовать соединению ЕАЭС с национальными проектами под руководством азиатских стран, такими как «Пояс и путь» и БРИКС [1].

Последствия такого изменения стратегического курса России для экономической интеграции в Северо-Восточной Азии разнообразны:

1) Дальний Восток, который изначально играл второстепенную роль в российской экономике, в будущем будет играть более важную роль, в том числе в экономике Северо-Восточной Азии. Китай, Россия и Монголия добились определенных успехов в углублении стратегического взаимного доверия и углублении внутренних экономических и торговых связей. Влияние западных энергетических санкций на российскую экономику было самым сильным в этом конфликте, и вместе с наложенными на Россию санкциями со стороны западных страховых и транспортных компаний, значительно затруднило экспорт нефти и газа по морю. Нормальное функционирование российско-китайского нефтегазопровода обеспечило нормальную работу российской нефтегазовой торговли. Работы по долгожданному удлинению газопровода «Сила Сибири-2» в Китай и Монголию не прекратились и после завершения строительства китайского участка газопровода он будет поставлять в Китай около 50 млрд кубометров газа в год. Между Россией и Китаем будут проложены четыре нитки газопровода и один нефтепровод. Российско-китайская торговля нефтью имеет стратегическое значение, и, будучи стратегическим конкурентом США [2], глубокое российско-китайское сотрудничество в энергетическом секторе может быть использовано для достижения стратегической автономии в обеспечении энергетической и финансовой безопасности обеих стран в экстремальных условиях.

Именно осознание того, что сдерживание Китая и России со стороны США является долгосрочным и необратимым, заставило Китай и Россию в последнее десятилетие укреплять сотрудничество в области энергетической безопасности. В 2014 году 9% импорта нефти и 1% импорта газа в Китай поступало из России [3]. В 2020 году Китай импортировал 540 млн тонн сырой нефти, из которых 83,57 млн тонн поступало из Рос-

сии, что составило приблизительно 15,4% от общего объема импорта. Совокупный импорт трубопроводного газа и СПГ из России уже составляет 7,6% от общего объема импорта газа в Китай [4]. В настоящее время Россия занимает второе место среди крупнейших источников импорта нефти в Китай, и Китай сознательно увеличивает долю трубопроводной нефти и газа в общем объеме импорта в качестве средства обеспечения своей будущей энергетической безопасности.

Строительство нефте- и газопроводов имеет стратегическое значение, как с точки зрения экономики, так и безопасности. Строительство трубопроводов характеризуется крупными инвестициями, длительными сроками и большим количеством участвующих и взаимосвязанных российских и китайских компаний. Поэтому все участники, строящие трубопроводы, должны учитывать не только экономическую ценность трубопровода, но и стабильность международных отношений на ближайшие десять лет, прежде чем приступать к реализации проекта, иначе строительство трубопровода будет завершено, но не введено в эксплуатацию, что приведет к огромным потерям для двух сторон [5]. Напротив, в условиях глобальной геополитической нестабильности тот факт, что Россия и Китай решили открыть несколько нефте- и газопроводов, означает, что стратегическое доверие между двумя странами достигло беспрецедентного уровня, а успешное сотрудничество двух стран в энергетическом секторе заложит прочный фундамент для будущего инфраструктурного сотрудничества между двумя странами, в конечном итоге, сформировав многоканальную структуру торговли трубопроводами, автомобильными и железными дорогами.

2) «Эффект сплочения»* на Западе, вызванный современной политической ситуацией, также очень очевиден, поскольку среди стран Северо-Восточной Азии Япония и Южная Корея являются союзниками США в силу сложных исторических причин после Второй мировой войны, и США не только имеют военное присутствие в обеих странах, но и способны влиять на внутреннюю и внешнюю политику обеих стран. Начало «российско-украинского конфликта» привело к изменению отношения Японии и Южной Кореи к России: обе страны в отношении России решили подчиниться политике США, несмотря на экономические последствия для их экономик. Следуя политической позиции США в отношении России, Япония и Южная Корея заплатили огромную цену. Япония и Южная Корея, как ведущие

* The term was first used by John Mueller in 1970 to explain why an international war would have a massing effect, and the concept has since been widely used in the analysis of other international events. See: John Mueller "Presidential Popularity from Truman to Johnson" American Political Science Review, Vol. 64, No. 1, 1970, pp. 18-34; Terrence L. Champ am and Dan Renter "The United Nations Security Council and the Rally "Round the Flag Effect" The Journal of Conflict Resolution, Vol. 48, No. 6, 2004, pp. 886-909; William D. Baker and John R. Oneal. "Patriotism or Opinion Leadership? The Nature and Origins of the 'Rally' Round the Flag Effect" The Journal of Conflict Resolution, Vol. 45, No. 5, 2001, pp. 661-687.

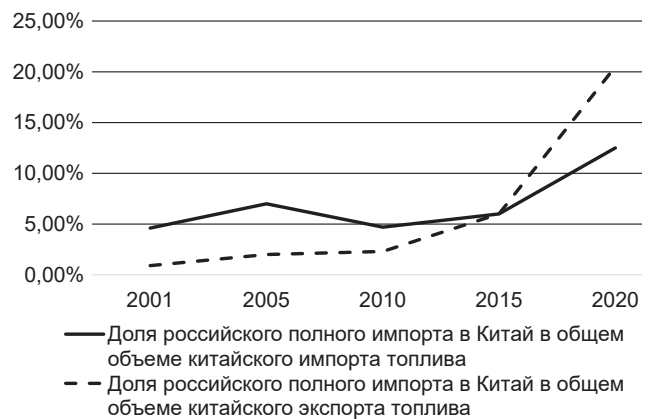

Объем и прогнозы внешней торговли РФ с КНР, млрд долларов

	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2024
Импорт	48	52,2	54,1	54,9	72,7	79,3	107
Экспорт	38,9	56,1	56,8	49,1	68	80,7	93
Товарооборот	86,9	108,3	110,9	104	140,7	160	200

Составлено по источникам: <https://journal.tinkoff.ru/china-partnership/>, <https://www.rbc.ru/economics/05/02/2022/61fd2b419a7947752427d700>

На рис. 1 представлены данные по торговле минеральным топливом между Россией и Китаем.

Рис. 1. Торговля минеральным топливом между Россией и Китаем [8]

Укрепление экономического сотрудничества с «незападными» странами, такими как Китай, стало основным содержанием экономической политики России, в результате чего российско-китайские отношения с 2014 года имеют устойчивую тенденцию к росту. Россия планирует активно развивать территориальное сотрудничество для привлечения китайских инвестиций и технологий, и расширения глобальных транспортных и торговых маршрутов. Российская сторона приступила к модернизации и обновлению Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и Транссибирской магистрали. К 2024 году его пропускная способность будет увеличена в 1,5 раза за счет увеличения объемов транзитных грузооборотов и сокращения времени транспортировки. Кроме того, на Дальнем Востоке России развивается инфраструктура портов. Все это еще больше усилит взаимодополняемость российской и китайской экономики.

Таким образом, Россия играет ведущую роль на рынке импорта Китая. В связи с этим, отметим некоторые преимущества торговли Китая с Россией (рис. 2):

1. Россия является крупнейшим в мире экспортером нефти и природными минералами в целом, 15% всего импорта приходится на Китай;
2. Глобальные цепочки поставок через Россию играют важную роль, и Китай будучи центром азиатской сети распределения продукции, может многое потерять из-за этой раздробленной глобальной цепочки поставок;
3. Снижение доступности российского сырья, такого как алюминий и сталь для производства и строительства приведет к росту цен и спорадическому закрытию заводов в Китае;
4. Глобальная продовольственная безопасность также частично зависит от России, так как Россия является крупным экспортером пшеницы и кукурузы в Китай.

Рис. 2. Некоторые преимущества, оказывающие влияние на торговлю Китая с Россией

В то время как экономика Японии и Кореи находится под давлением, китайские компании быстро накапливают капитал и завершают технологическое обновление, ускоряя процесс промышленной модернизации китайского производства, и доля рынка японских и корейских компаний в мировой высокотехнологичной обрабатывающей промышленности будет постепенно сокращаться. По мере того, как Китай будет сокращать технологический разрыв с Японией и Южной Кореей, его

мировые экспортеры автомобилей, ежегодно экспортировали в Россию большое количество автомобилей и автозапчастей, но после санкций они потеряли обширный российский рынок. Таким образом, санкции оказали значительное негативное влияние на экономику Японии и Южной Кореи в контексте повышения процентной ставки доллара США в 2022 году [6]. Как страны, ориентированные на экспорт, Япония и Южная Корея чрезвычайно зависимы от международного рынка импорта энергоносителей и сырья. До конфликта Япония и Южная Корея могли импортировать дешевые российские нефть и газ через российские порты на Дальнем Востоке, но после начала конфликта, из-за санкций, наложенных Западом на российский финансовый и энергетический секторы, международные цены на энергоносители резко выросли, повысив производственные затраты Японии и Южной Кореи, что привело к резкому дефициту торгового баланса между Японией и Южной Кореей, который проявился на международных рынках капитала в виде снижения курса иностранной валюты, оттока национального капитала, падения фондовых рынков и подорожания доходности государственных облигаций.

В политическом плане нестабильность геополитического порядка в Северо-Восточной Азии усилилась. После того, как Япония и Южная Корея последовали за санкциями США против России, Россия также ввела ряд контрмер, внеся Японию и Южную Корею в список недружественных стран, что означает, что переговоры Японии с Россией вокруг четырех северных островов отложены на неопределенный срок, а попытки Японии и Южной Кореи принять участие в строительстве северной магистрали были объявлены несостоятельными. После конфликта Япония и Южная Корея вновь станут для США передовой позицией для сдерживания России, Китая, Северной Кореи и других стран. Следовательно, будущая геополитическая конфронтация станет обычным состоянием в Северо-Восточной Азии. В краткосрочной перспективе начало «российско-украинского конфликта» оказало значительное влияние на процесс интеграции в Северо-Восточной Азии, а в долгосрочной перспективе в сочетании с повышением процентной ставки Федерального резерва США серьезно повлияет и на экономику Японии и Кореи. Рост цен на сырье и сокращение внешних рынков снижают прибыли японских и корейских транснациональных корпораций, что, в свою очередь, влияет на технологическую модернизацию отечественных предприятий.

Напротив, не участвуя в санкциях против России, Китай смог не только импортировать российские энергоносители по более низким ценам, но и поставлять в Россию большое количество товаров, чтобы заполнить пустоту на рынке, образовавшуюся в результате ухода западных компаний [4], и после кратковременного падения объема российско-китайской импортно-экспортной торговли он быстро восстановился.

По данным Китайской таможенной службы, товарооборот России и Китая за три квартала 2022 г. вырос на 32,5% до 136,1 млрд долл. США. Из этого объема 71,5% приходится на товарооборот между двумя странами во 2–3 кварталах 2022 г., который вырос почти на треть по сравнению с периодом с апреля по сентябрь 2021 г. Импорт товаров из России в апреле-сентябре 2022 г. составил 61,4 млрд долл. США, что в 1,6 раза больше, чем за аналогичный период 2021 года. При этом в 2019–2021 гг. таких значительных скачков показателей экспорта из России в Китай не наблюдалось, что дает основания полагать, что столь значимый рост в 2022 году вызван именно переключением «на восток» [7].

Россия и Китай планируют увеличить общий объем товарооборота до 200 млрд долларов к 2024 году (табл. 1). Китай намеревается нарастить экспорт текстиля, одежды, обуви, мебели и игрушек, а также сельскохозяйственной продукции. Россия — увеличить поставки нефти, газа, зерновых, а также расширить экспорт металлов, летательных аппаратов и турбореактивных двигателей.

Экспорт из России в Китай растет более высокими темпами, чем импорт. Основу экспорта составляют энергоносители, в то время как в структуре импорта преобладает промышленное оборудование.

Рис. 3. Основные проблемы развития внешнеэкономического сотрудничества стран Северо-Восточной Азии в условиях экономической интеграции

огромный рынок будет оказывать «поглощающее» воздействие на экономику Японии и Южной Кореи, таким образом, получая доминирующее положение в экономической интеграции стран Северо-Восточной Азии, поскольку влияние США продолжает ослабевать.

3) Сложившаяся современная ситуация на политической арене привела к накаленной, всесторонней и долгосрочной конфронтации между Россией и Западом, и глобальный порядок вступил в эпоху, когда геополитическая конкуренция является основным фоном международных отношений. Разница в том, что внешняя политика США изменилась с момента вступления в должность президента Байдена — от ориентации на Китай, как на своего крупнейшего соперника к максимальному сдерживанию развития торговых отношений и переходом к открытой конфронтации. Однако, бывший советник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский, в свое время, предупредил политиков США, что союз между Китаем и Россией будет самой большой угрозой для геополитики США. Для США китайско-российский союз означает, что США придется столкнуться с двумя мощными соперниками одновременно, нажив себе врагов с обеих сторон и ведя борьбу на два фронта.

«Российско-украинский конфликт» привел к реструктуризации «треугольника Китай-США-Россия», что стало серьезным геополитическим вызовом для администрации Байдена. Хотя США пытались использовать экономическую изолированность в качестве метода давления, чтобы принудить Китай к участию в санкциях против России на ранних этапах войны, факт заключается в том, что Китай не только не участвовал в санкциях против России, но вместо этого неуклонно выполнял соглашения, достигнутые между Россией и Китаем до начала «российско-украинского конфликта», увеличивая закупки российской сырой нефти, природного газа и угля. Можно сказать, что этот конфликт проверил решимость Китая и России определить отношения между ними как стратегических партнеров и ликвидировал барьер к более решительному присоединению к евразийской интеграции [9].

4) Взаимозависимость Японии с Китаем является балластом, поддерживающим общие отношения на плаву в периоды интенсивных политических конфликтов. Япония, как и другие крупные экономики, изо всех сил пытается восстановить свою экономику, пострадавшую от коронавируса. По мере того, как экономика Китая росла в размерах и усложнялась, торговый дефицит Японии с ней также уменьшался, отражая растущее значение китайского рынка как направления экспорта. На самом деле, состояние китайской экономики оказало значительное влияние на общий профиль торговли Японии.

Преимущества торговли Японии с Китаем:

1. Поскольку Япония погрязла в рецессии, а Китай быстро восстанавливается, экономическое влияние последнего будет только расти. До пандемии коронавируса Япония уже страдала

от вялого экономического роста, прочные экономические связи Японии с Китаем в торговых отношениях будут иметь решающее значение для восстановления ее экономики;

2. Китай является основным направлением для японских инвесторов и, поскольку Китай превращается в огромный потребительский рынок мирового класса, многие японские фирмы, производящие в Китае, теперь также производят продукцию для китайского рынка;

3. Растущий средний класс Китая обеспечивает желанный рынок для Японии, погрязшей в демографической стагнации.

Преимущества торговли Китая с Японией: во-первых, укрепление экономических связей с третьей экономикой мира. Приглашение о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (далее ВРЭП) способствует снижению тарифов между странами. ВРЭП имеет большое экономическое значение, поскольку это первое всеобъемлющее экономическое партнерство в Восточной Азии, в которое входят три основные страны региона: Китай, Япония и Южная Корея. С помощью ВРЭП Китай сможет дешевле импортировать японские автомобили. Во-вторых, передовые технологии Японии предлагают много преимуществ Китаю, включая основные компоненты для таких компаний, как Huawei, и продукты, которые Китай собирает по поручению таких компаний, как Apple. В-третьих, это пополнение бюджета страны.

Сложная геополитическая обстановка в мире, вызванная политико-экономической взаимозависимостью, которая не обеспечивает дружественных, комфортных отношений стран Северо-Восточной Азии определила на сегодняшний день ряд проблем (рис. 3).

В связи с этим, одной из главных проблем внешнеторговых отношений в настоящее время в странах Азиатско-Тихоокеанского региона является напряженность, вызванная торговым конфликтом между США и Китаем.

В настоящее время мир столкнулся с невиданными за столетие изменениями. Глобальная политическая и экономическая ситуация вышла из-под контроля, а тенденция регионализации и фрагментации экономической антиглобализации становится очевидной. Экономическая структура старого мира уже не функционирует должным образом, а экономическая структура, соответствующая новой эпохе, еще не сформировалась. Углубление сотрудничества между Россией и Китаем в экономической сфере в период великой трансформации мировой экономики обеспечит определенность и многополярность в мире и начало нового типа отношений между большими державами.

Изменение тенденции экономической глобализации: Россия и Китай ускорят объединение «Пояса и пути» и Евразийского экономического союза, тем самым завершая евразийскую интеграцию. Регион Северо-Восточной Азии будет иметь большое экономическое значение, поскольку это всеобъемлющее

торгово-экономическое партнерство способствует развитию международных отношений между странами. Необходимость скорейшего восстановления мира, новая конфигурация миро-

вой экономики формирует новую архитектуру внешнеторговых отношений в Северо-Восточной Азии.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022.

Список использованных источников:

1. Hong L I, Wei Y, Quanlong X U, et al. Progress in Geo-Economic Cooperation Research from China's Perspective: A Case Study of the Cooperation between China and ASEAN[J]. Tropical Geography, 2015.
2. Fingar T. Alternate Trajectories of the Roles and Influence of China and the United States in Northeast Asia and the Implications for Future Power Configurations [J]. 1998.
3. Russia Trade Statistics [Электронный ресурс] / ОЕС. Режим доступа: URL: <https://oec.world/en/profile/country/rus?latestTrendsFlowSelectorNonSubnat=flow1>, свободный (дата обращения: 28.10.2022).
4. WEO Data: April 2022 Edition [Электронный ресурс] / International Monetary Fund. Режим доступа: URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>, свободный (дата обращения: 29.10.2022).
5. Yuan CC. Preliminary research on problems of northeast China's participation in the northeast Asian economic cooperation [J]. Journal of Chinese Geography, 1999(04):410–414.
6. Kowata S. The Process of Economic Integration in the Northeast Asia: a short Review of Chinese Discussion [J]. journal of the japan sea rim studies, 1997:86–99.
7. Товарооборот России и Китая [Электронный ресурс] / Исследования Направления компетенций Режим доступа: URL: <https://www.csr.ru/ru/blogs/tovarooborot-rossii-i-kitaya/> (дата обращения: 19.10.2022).
8. Global Asia. The Growing Risk for Japan in the US-China Rivalry. By Sheila A. Smith. [Электронный ресурс] URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/729349/EPRS_BRI\(2022\)729349_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/729349/EPRS_BRI(2022)729349_EN.pdf) (дата обращения: 19.10.2022).
9. Cai C., Wang L. Impact of the Changing Situation of Geo-political and Geo-economic Structures of Northeast Asia & Development of the Out-oriented Economy of Border Areas in Northeast China[J]. WORLD REGIONAL STUDIES, 1998.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ УСЛУГ

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОДОВ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ, БРЕНДЫ И ГЛОБАЛЬНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ

Н.А. Пашкус,

профессор кафедры отраслевой экономики и финансов
Российского государственного педагогического университета им А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург),
доктор экономических наук
nat_pashkus@mail.ru

В.Ю. Пашкус,

профессор кафедры экономической теории и экономической политики
Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор экономических наук
v.pashkus@spbu.ru

Ю.М. Мальцева,

доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат философских наук

Д.А. Куликова,

младший научный сотрудник-хранитель Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматривается проблема формирования культурной идентичности города, достижение которой позволяет развить сильный бренд города и обеспечить его глобальную конкурентоспособность. Проанализированы основные концептуальные подходы к выявлению культурной идентичности города и сделан вывод о том, что достижение уровня имперского и глобального города позволяет оказать влияние на развитие его культурной идентичности и будет способствовать росту ценности его бренда. Показано, что имперская сущность и глобальная ориентация могут быть присущи городам не на всем протяжении их истории, а на определенный период истории города, но при изменении культурного контекста и ослабевании его влияния в культурном, экономическом и социальном пространстве, город утрачивал и свой имперский или глобальный статус. Выявлены новые закономерности формирования ключевых атрибутов бренда города и развития его культурной идентичности. Выявленные закономерности применены в системе оценки глобальной конкурентоспособности города при реализации им стратегии прорывного позиционирования на рынке территорий. В соответствии с предложенной системой оценки разработана модель конкурентоспособности городов. Модель апробирована на четырех городах, имеющих сильные бренды, выраженную культурную идентичность и применяющих стратегию прорывного позиционирования. Получены новые рекомендации по реализации прорывного позиционирования брендов городов на основе их культурной идентичности, включающей имперскую сущность и глобальный охват города.

Ключевые слова: бренд территории, культурный бренд, культурная идентичность, имперский город, позиционирование территории

УДК 338.48; 339.138 ББК 65.433, 65.050

В современном мире постоянно растет роль неоощутимых активов, что проявляется как в цене товаров и услуг, так и в «инвестиционном капитале» таких специфических объектов, как территории. Информационная экономика и интеллектуальный капитал становятся все более важными факторами экономического роста [1; 2]. В современном медийном мире уровень представленности территории в сети, сформированное вокруг нее информационное поле и отраженные в общественном сознании образы формируют миф, лежащий в основе бренда территории.

Проблематика развития неоощутимых активов территорий и формирования их брендов становится все более привлекательной. Действительно, сформированный позитивный имидж и развитый бренд могут обеспечить приток на территорию различных групп посетителей, включая туристов и деловых посетителей, привести к росту инвестиционной привлекательности территории, создать условия для комфортного проживания и

ведения бизнеса. Следовательно, брендированная территория имеет шансы быть высоко узнаваемой и привлекательной, а отсутствие бренда может привести к отсутствию территории в «списке выбора» у потребителей.

Понятие бренда территории трактуется очень по-разному. В частности, разные авторы, такие как Ари-Векко Антироко [3], Мигелис Каваратзис и Мэри Йо Хатч [4], Элина Норванен, Кристина Голдинг [5], Кевин Лайн Келлер [6], Саския Сассен [7] предлагают рассматривать четыре понятия, связанных с лидерством: имперский город, глобальный город, сильный бренд территории, прорывная территория. В данной работе будем рассматривать взаимосвязанность и пересечения этих понятий. Рассмотрим все эти четыре подхода в разрезе смысловых доминант территории.

Теоретическая база: культурная идентичность имперского и глобального города. Итак, начнем анализ с концепции имперского города.

Имперский город представляет собой:

- Город с имперской архитектурой и имперским имиджем;
- Город с имперской ментальностью, которую разделяют жители и все его стейкхолдеры;
- Город с развитой институциональной инфраструктурой, знаковыми и символическими структурами, скрепляющими империю.

Можно сказать, что имперский город задает в культурной, социальной и других плоскостях своеобразную меру, в соответствии с которой и создается, развивается, изменяется культура империи [8]. Имперский город может развиваться по данному типу в определенный период истории, но многие города не способны удерживать имперский тип развития в долгосрочной перспективе или утрачивают свое влияние из-за распада империи [9; 10]. В результате, такие города теряют не только своё сильное влияние на мировую историю, но и отдельные компоненты имперского стиля, инфраструктуры или восприятия.

Афины долгое время были центром греческого мира, а благодаря военным походам и политике Александра Македонского стали сосредоточием общественного порядка и знакового восприятия имперского мироустройства. В то же время, с распадом империи Александра Македонского, погружением в хаос преобразованных империей территорий и разделом нового интегрированного пространства, Афины утратили не только мировой контроль, но и свой имперский дух. И, несмотря на то, что остатки имперской архитектуры древних Афин до сих пор остаются невероятно притягательными для различных типов потребителей, а имидж города многократно усилен его бесплатным продвижением в учебниках истории древнего мира и эпосе «Легенды и мифы древней Греции». Свою имперскую функцию этот город давно утерять.

Аналогичная ситуация характерна была и для Константинополя. Город, ставший центром Византийской империи и принявший на себя функции Афин и Рима, потерянные ими после распада греческой и римской империй, будучи захваченным, в один момент утерять и роль имперского города. Однако, в дальнейшем этот город снова приобрел свой имперский облик, стиль и инфраструктуру, но уже в приложении к новой империи, центром и сосредоточием которой он стал уже под современным названием Стамбул.

Сила турецкого влияния в мире определялась передовыми военными технологиями, принятием культурных функций утратившей свое мировое влияние Персии, но и в имперской сущности Стамбула. Однако, в результате революционных процессов и турецкая империя пошатнулась. На длительное время Стамбул утерять свою имперскую ментальность, столица Турции переместилась в Анкару, маргинальные явления негативно отразились на имидже города и его имперской сущности. В середине XX века мир ужаснулся Стамбулу после выхода в прокат фильма «Полуночный экспресс», показавшего жестокое обращение с заключенными в стамбульских тюрьмах и тяготы жизни города. Город на долгое время приобрел криминальную славу.

Сегодня Стамбул снова смог восстановить свой привлекающий имидж и вернуть себе в какой-то степени имперскую ментальность (вернув себе глобальное влияние). Значительную роль в этом новом имперском представлении города сыграли местные жители, влюбленные в свой город и донесшие эту любовь до всех потребительских аудиторий и стейкхолдеров. Новым бестселлером для имиджа Стамбула стал фильм «Город кошек», отразивший отношение горожан к пушистым жителям города, составляющим одну из знаковых символических структур современного имперского Стамбула.

Теперь обратимся к концепции *глобального города*, берущего свое начало в трудах Саски Сассен [11]. Под глобальным городом надо понимать:

- Город, который непосредственно влияет на экономический, политический, социальный, технологический или культурный аспекты существования глобальной экономики;
- Город, активно формирующий и изменяющий мировую историю.

Тем самым, это понятие совмещает в себе, как экономическую структуру, определяющую на определенный момент вре-

мени форму глобальной централизации и полюс притяжения в системе действующего на данный момент времени мироустройства, так и историко-культурный спектр глобализационных процессов. Рим — типичный глобальный город. Несмотря на то, что Рим давно перестал быть центром империи, утерять рычаги влияния и зачастую не может продемонстрировать высокую эффективность хозяйственной жизни и реализуемых проектов, он все-равно остается и глобальным, и имперским городом.

В значительной степени глобальная ориентация города связана с наличием в центре Рима государства Ватикан, являющегося центром притяжения католического мира. Кроме того, Рим и Ватикан являются сосредоточием такого количества объектов культурного наследия мирового масштаба, которое делает город центром культурной жизни мира и своеобразным архитипом культурного города. Огромное количество стереотипированных образов города и сильных атрибутов его культурного бренда поддерживает высокую лояльность потребителей, широкую известность концепта города через художественное творчество, обаяние городской среды и широкое разнообразие городских доминант, реализует свое глобальное позиционирование и восприятие. [12; 13]

Причем Рим — живой, динамично развивающийся город и не является мемориалом. Город активно живет в глобальной экономике, он меняется и меняет окружающее. Город привлекает не только туристов и ценителей искусства, он постоянно формирует новые концепты в сфере искусства, моды, дизайна, технологий: он силен, как в формировании инфраструктуры, так и в создании новых смыслов, зачастую вступающих в спор с насаждаемыми всему миру американскими бизнес-моделями и связанными с ними принципами мироустройства.

Глобальным городом однозначно может считаться Лондон. Этот город долгое время являлся также имперским, сосредотачивая вокруг себя не только подчиненные Великобритании колонии, но и огромные экономические ресурсы. Город с максимально обособленной экономической и, тем более, социальной системой, по многим направлениям проводил экстернальную политику. Город выступал проводником с миром Востока, активно инициировал исследовательские экспедиции различного профиля. Фактически с начала XIX в., а иногда и ранее, город проводил мировой трансферт технологий и своего культурно-социального мироустройства.

Несмотря на то, что на современной экономической арене, казалось бы, сильное глобальное влияние США и, прежде всего, еще одного глобального города — Нью-Йорка, Лондон активно двигал «в мир» свои арт-программы и аукционные дома, формировал элитарные, как сам город бренды своих университетов, своих фэшн-компаний, рейтинговых структур и самих рейтингов в разных сферах. Еще одним важным ресурсом глобального влияния стало продвижение английского языка на роль языка мирового общения, которое реализовалось в полной мере только в XX веке. В результате, даже когда технологическое превосходство Лондона начало затормаживаться, город еще имеет значительный политический и экономический ресурс для мирового влияния.

И, несмотря на то, что смысловые структуры Лондона на сегодняшний день сильно смещены, при всем огромном вложении капиталов в продвижение, город реализует довольно противоречивую концепцию брендинга и неоднократно пытался осуществлять ребрендинговые проекты, показавшие свою несостоятельность [14].

Теоретическая база: сильный бренд и понятие прорывной территории. Теперь остановимся на понятии *сильного бренда территории*, который представляет собой [15; 16]:

- Сумму всех смыслов и образов территории, определяющих поведения игроков рынка территорий, и оказывающих давление на потребительское поведение;
- Бренд, формирующий список выбора потребителя, зачастую даже ассоциирующийся с категорией территорий (городов);
- Бренд, обеспечивающий высокую лояльность потребителей и развитие крепких связей со всеми игроками рынка

территорий, которые зачастую сами становятся маркетологами по совместительству, продвигая брендированную территорию через свое восприятие бренда.

Однозначно, все перечисленные города имеют сильные бренды, и во всех этих брендах культурная доминанта является определяющей. Самым слабым брендом из всех перечисленных ранее городов обладают Афины, что и отражается на недостаточно высокой лояльности городу разных потребительских аудиторий, неадекватной инфраструктуре города и его неспособности удержать актуализацию бренда, его однозначное толкование и соответствие обещаниям [17]. Необходимо отметить, что сильным брендом может обладать город, никогда не бывший имперским и не оказывающий существенного глобального влияния (например, Страсбург, Сен-Поль-де-Ванс, Канны, Сан-Ремо). Ни один из этих городов не является ни имперским, ни глобальным, и даже несмотря на значительную известность, популярность и влияние на мировые процессы, например, посредством Страсбургского суда, ключевой роли в глобальном мире они не играют. При этом бренд этих городов хоть и уступает, например, Стамбулу, Лондону или Риму, но однозначно перекрывает силу бренда Афин.

Самая сильная и продуманная маркетинговая стратегия, реализуемая из всех упомянутых ранее городов, принадлежит Нью-Йорку [18]. Нью-Йорк, также как и Лондон, широко использует привязку бренда к деятельности на арт-рынке, в культуре и в искусстве. Город стал пионером брендинга территории, а реализовав успешный проект брендирования еще в 70-х гг. XX века, позднее неоднократно дорабатывал свою концепцию бренда. Бренд Нью-Йорка оказался столь удачным, а его символика и знаковые элементы послужили образцом для концепций брендов многих городов мира [19].

И последнее понятие из заявленных в качестве лейтмотива данной статьи, это понятие *прорывного позиционирования территории*. В соответствии с данной концепцией, прорывная территория — это:

- территория, обладающая уникальным сочетанием атрибутов, отражающих представленность стратегии развития территории в технологическом и стилистическом пространстве;
- территория, обеспечивающая уникальный способ решения социальных проблем, реализующая перспективные технологические концепты развития и способная сформировать эффективные экономические условия, предоставляющие всем потребителям и стейкхолдерам территории комфортную среду для проживания, пребывания, осуществления хозяйственной деятельности, а также формирующая высокую инвестиционную привлекательность территориальных проектов;
- территория, являющаяся своеобразным генератором дополнительной ценности, которая правда не всегда носит исключительно монетарный характер, но обеспечивает потребителям территориального продукта высокую удовлетворенность и отсутствие когнитивного диссонанса от процесса потребления;
- территория, целенаправленно формирующая потребительское поведение и направляющая развитие территориального рынка.

Прорывная территория в случае реализации удачной концепции позиционирования способна развить сильный бренд и получить значительный прирост ценности территории для всех типов целевых потребителей [20; 21]. Прорыв может строиться на разных технологических и стилистических доминантах развития территории, использовать разные эмоциональные и мотивационные механизмы воздействия на восприятие территории целевыми потребителями. Также как и в отношении концепции формирования бренда территории, прорывные проекты могут быть направлены, как на глобальные и/или имперские города, так и на незначительные в мировой истории и политике города [22; 23].

Например, концепция была успешно реализована в отношении сравнительно небольшого города Вологодской области — Великого Устюга. Город стал продвигаться за счет идеи создания легенды о родине Деда Мороза, собирательного образа славянских верований, народных сказок, героя литературных

произведений и художественных образов, ставшего главным символом новогодних праздников. Идея позиционирования легла на существующую социальную потребность в олицетворении этого важного новогоднего персонажа с конкретным местом в России. Великий Устюг стал российской альтернативой финской Лапландии, где около деревни Рованиеми живет Йоулулуки, для всего мира ассоциирующийся с Санта-Клаусом. Концепция прорывного позиционирования Великого Устюга буквально легла на социальную потребность, технологии продвижения территорий в тот период стали активно использоваться в мире, а для России это было абсолютно новое явление.

В результате же экономической поддержки проекта государством он смог быстро выйти на высокий уровень отдачи. В настоящее время, в сравнении с периодом запуска проекта в 1998 г., Великий Устюг увеличил свою потребительскую аудиторию в 74 раза, причем успеху города не помешала даже пандемия COVID-19. В городе развита современная туристическая инфраструктура, которая способствует расширению привлекательности территории еще и на летнее время. Количество занятых в туристическом бизнесе в городе составляет 2,8 тыс. человек, а в ближайшие периоды прогнозируется рост этой цифры до 3,9 тыс. человек. При этом уже сейчас, в соответствии с прогнозируемым ростом туристического потока преобразуется и адаптируется туристическая инфраструктура города [24].

Великий Устюг никогда не был ни глобальным, ни имперским, да и скорее всего никогда таким не станет. В то же время, он уже сейчас имеет сильный локальный территориальный бренд, шансы на дальнейшее развитие и глобализацию бренда при дальнейшем продвижении русской культуры, мифологии и формировании новых смысловых ориентиров мировой культуры.

Методология: оценка конкурентного потенциала городов.

Оценка конкурентного потенциала города строится на авторской модели [21], сочетающей механизмы прорывного позиционирования, матричные стратегические модели оценки, такие как McKinsey [25], метод анализа иерархий (МАИ) [26] и рейтинговые процедуры. В рамках процедуры оценки выделяются две группы критериев оценки города. Первая группа критериев определяет силу конкурентного статуса города и откладывается по горизонтальной оси. Эта группа включает критерии:

1. Имиджевое позиционирование и его глобальный охват;
2. Инвестиционная привлекательность;
3. Конкурентное доминирование в привлечении инвестиций, получение приоритета на размещение объектов, реализацию проектов, а также внимание потребителей всех типов;
4. Сила инновационного или технологического атрибута развития бренда города;
5. Сила культурного атрибута города;
6. Сила влияния арт-рынка и его связей с атрибутами бренда города;
7. Приоритетность стратегии продвижения города, выраженность его смысловых концептов.

Вторая группа критериев откладывается по вертикали и дает интегральную оценку привлекательности рынка города в целом:

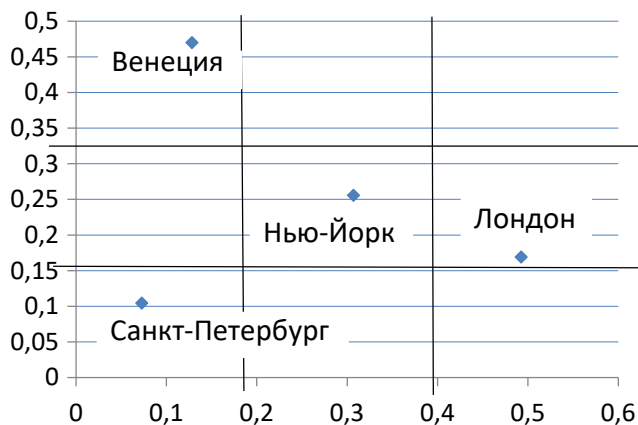
1. Уникальность в географическом пространстве;
2. Уникальность среды города, влияющей на доминантность выбора города любой потребительской аудиторией;
3. Уникальность и привлекательность в историческом и культурном контексте, включая глобальные и имперские атрибуты;
4. Барьеры потребления при ведении деятельности на территории;
5. Инвестиционное доминирование;
6. Выраженность атрибута стабильности и безопасности.

По каждой системе критериев, отражающей внутренние возможности города, его имперскую сущность, глобальную ориентацию и выбранный способ прорывного позиционирования бренда, а также привлекательность рынка территорий данного типа в глобальном пространстве, проводилась оценка маргинальных коэффициентов замещения критериев, т.е. показателей значимости, и каждый анализируемый город оценивался в системе заданных показателей по авторской

модификации процедуры МАИ. Результаты оценок городов по каждой из групп критериев наносятся на плоскость авторской модификации матрицы McKinsey для случая прорывной стратегии позиционирования городов. Надо отметить, что этот тип позиционирования наиболее привлекателен с точки зрения достижения успешной конкурентной позиции, но и наиболее опасный с точки зрения возможных стратегических недочётов.

Результаты. Приведем результаты исследования, проведенного авторами, в рамках которого изучались конкурентные позиции четырех, имеющих сходные атрибуты позиционирования городов, объединяющих в себе все из анализируемых в данной работе концепций. Лондон, являясь глобальным городом, утратил свою имперскую сущность. Венеция, являясь имперским городом, теряет свою роль в глобальной экономике. Нью-Йорк и Санкт-Петербург сочетают в себе признаки глобального и имперского города. Все города в разной степени и в разные периоды применяли концепцию прорывного позиционирования и имеют сформированный сильный глобальный бренд.

Результаты применения модели оценки конкурентоспособности города приведены на следующей диаграмме (рис. 1).

Рис. 1. Матрица стратегической конкурентоспособности брендов городов

Ни один из исследуемых городов не обладает приоритетным прорывным лидерством. Наиболее выгодные конкурентные позиции занимает Лондон, позиционируемый в области «Псевдо-дойной коровы». «Псевдодойная корова» — это город, достигший лидерства на определенный период времени, а затем из-за ослабления внимания к важным атрибутам или выбора неверной стратегии развития бренда начавший терять лидерскую позицию. В отличие от типичной «дойной коровы», период лидерства бренда был слишком кратковременным, бренд города еще не наработал высокую лояльность потребителей и устойчивые ассоциации, в результате те дополнительные финансовые активы, которые приносит городу бренд будут скорее всего неустойчивыми. Конкурентная позиция Венеции, позиционируемой в области «Латентных (несостоявшихся прорывных)» тоже не столь уж плоха. «Латентный (несостоявшийся прорывной)» — это город, который обладал всеми предпосылками для закрытия SET-разрыва (социальные, экономические и технологические составляющие бренда), но так и не смог это сделать, выбрал неверные атрибуты или еще не успел реализовать эффективную стратегию продвижения. Нью-Йорк оказался проигравшим №1, а Санкт-Петербург — проигравшим №4. Необходимо обратить внимание, что полученные позиции не означают упадка или несостоятельности городов на глобальной арене территорий, но определяют возможности и слабости выбранных ими атрибутов позиционирования, необходимость новых подходов к городскому развитию [27, 28].

Так, конкурентные позиции Лондона ослабли в силу ослабления его имперской сущности, смешанности смыслов, роста нерешенных экономических проблем города (в том числе, проблем с электричеством, отоплением и снабжением продуктами), усиления его политической и социальной нестабильности. В последние годы Лондон все более теряет и свою позицию технологического лидерства (и не способен закрыть SET-разрыв).

В то же время его доминирование определяется глобальным влиянием на мировом арт-рынке и в культурной сфере в целом.

Венеция, несмотря на свою огромную туристическую привлекательность, теряет позиции и не способна поддержать рыночный прорыв из-за нерешенных экономических проблем и неадекватного продвижения города. Основные проблемы продвижения связаны с отсутствием системности проводимых мероприятий, их противоречивости и ростом барьеров рынка. При правильном использовании имперских и глобальных атрибутов, а также развитии более тесной связи с культурными доминантами и арт-рынком, город имеет шансы на второй прорывной рывок.

Нью-Йорк утерял свои позиции в силу стирания уникальных смыслов имперского влияния и глобальной ориентации города. Более того, он стал заложником политической экспансии США, которая вызвала по всему миру волну недоверия и негативной реакции. Технологическое лидерство, как в культурном пространстве, так и в целом города значительно просело.

Позиции Санкт-Петербурга в прорывном лидерстве наиболее шаткие, так как город позже других стал реализовывать эту стратегию. Связи города с арт-рынком и сферой культуры хоть и очевидны, но в силу слабости российского арт-рынка в целом, позиции города довольно невысоки. С другой стороны, эта позиция для старта может быть перспективной, ибо город может выбрать правильные атрибуты развития, используя свое глобальное влияние, имперскую сущность, сложившийся бренд, а также положение второй (менее противоречивой из-за десантирования от власти) столицы России. Однако это возможно только при скоординированном участии всех городских комитетов, всех стейкхолдеров города и активизации всех его потенциалов позиционирования, в том числе и на уровне экономической политики государства [29, 30].

Заключение. Результаты исследования показывают, что наличие как минимум трех позиций (имперского и глобального города с сильным брендом) дает отличную возможность реализовать четвертую (прорывное позиционирование). На самом деле, ситуация не так проста, как может показаться.

Во-первых, каждая из приведенных концепций достаточно молода (как и сам брендинг территорий), что не позволяет сформировать полную картину ее применения на практике. Тем более, что сами концепции гораздо шире, чем рассмотрено в статье и на данный момент подвергаются критике (критические замечания в статье не рассматриваются, ибо в противном случае можно было бы только на одних критических замечаниях к концепциям глобального и имперского города написать монографию).

Во-вторых, каждая из концепций ставит во главу угла свой фокус (город как процесс и поток; город как пространство смыслов взаимодействия с миром; город как миф; город как стержневая компетенция) и не всегда эти фокусы не противоречат друг другу.

В-третьих, качественный анализ в обсуждаемых концепциях не очень-то и соотносится с необходимостью количественно определенных мероприятий, направленных на повышение конкурентоспособности, что является проблемой для государственной политики и анализа ее эффективности.

Таким образом, культурная ориентация бренда города, его связи с арт-рынком, выраженность имперских смыслов, глобальная ориентация города, его культурная доминанта и выбор правильных атрибутов позиционирования способны вывести город на более привлекательные конкурентные позиции на мировом рынке территорий. Сочетание же всех четырех концептов в городе позволит сформировать устойчивое конкурентное преимущество на глобальном рынке территорий в долгосрочной перспективе.

Необходимо постоянно уделять внимание реализуемой стратегии брендинга города, грамотно осуществлять его продвижение и проводить комплексную политику по закрытию SET-разрывов. Данные вопросы должны получить ответы в будущем, что позволит лучше проработать концепции и обеспечить их применение на практике.

Статья поступила в редакцию 05.09.2022.

Список использованных источников:

1. Kamenica, E. Information economics // *Journal of Political Economy*. — 2017. — Vol. 125(6). — Pp. 1885–1890.
2. Segerstrom, P. Innovation, imitation, and economic growth // *Journal of Political Economy*. — 1991. — Vol. 99(4). — Pp. 807–827.
3. Anttiroiko, A.-V. *The Political Economy of City Branding*. — London: Routledge, 2014. — 228 p.
4. Kavaratzis, M., Hatch, M.J. The dynamics of place branding: an identity-based approach to place branding Theory // *Marketing Theory*. — 2013. — Vol. 13(1). — Pp. 69–86. doi: 10.1177/1470593112467268
5. Ндрвдпен, Е., Goulding, Ch. Sociocultural brand revitalization: The role of consumer collectives in bringing brands back to life. *European Journal of Marketing*. — 2016. — Vol. 50 (7/8). — Pp. 1521–1546. <https://doi.org/10.1108/EJM-05-2014-0328>
6. Keller, K.L. Economic and behavioral perspectives on brand extension // *Marketing Science*. — 2012. — Vol. 31(Sept.-Oct.). — Pp. 772–775.
7. Sassen, S. When National Territory is Home to the Global: Old Borders to Novel Borderings // *New Political Economy*. — 2005. — Vol. 10(4). — Pp. 523–41.
8. Mirzoeff, N. *How to see the world*. — London: Pelican, 2015. — 256 p.
9. Социально-культурная сфера в новой экономике: от развития образования до арт-рынка. Коллективная монография / Под ред. Н.М. Старобинской. — СПб.: КультИнформПресс, 2019. — 164 с.
10. Rogov, M., Rozenblat, C. Urban Resilience Discourse Analysis: Towards a Multi-Level Approach to Cities // *Sustainability*. — 2018. — Vol. 10(12). — P. 4431. <https://doi.org/10.3390/su10124431>
11. Sassen, S. The Global City: Introducing a Concept // *Brown Journal of World Affairs*. — 2005. — Vol. 11(2). — Pp. 27–43.
12. Baumgarth, C., O'Reilly, D. Brands in the arts and culture sector // *Arts Marketing: An International Journal*. — 2014. — Vol. 4(1/2). — Pp. 2–9. <https://doi.org/10.1108/AM-08-2014-0028>
13. Kotler, P., Gertner, D. Country as brand, product, and beyond: a place marketing and brand management perspective // *Journal of Brand Management*. 2002. Vol. 9 (4–5). Pp. 249–261. doi: <http://dx.doi.org/10.1057/palgrave.bm.2540076>
14. Epstein D., Jackson R., Braithwaite P. Delivering London 2012: Sustainability Strategy // *Civil Engineering*. — 2011. — Vol. 164(5). — Pp. 27–33.
15. Pashkus, N.A., Pashkus, V.Y., Pashkus, M.V. Evaluation of City Brand in the Global Economy: Techniques and Perspectives // *Globalization and its Socio-Economic Consequences. 16th International Scientific Conference Proceedings. ZU — University of Zilina, 5th–6th October 2016, Rajecke Teplice*. — Zilina, Slovakia, 2016. Pp. 1635–1641
16. Keller, K.L. Building Rich Brand Relationships: Research Dialogue on Brands As Intentional Agents // *Journal of Consumer Psychology*. — 2012. — Vol. 22(2). — Pp. 186–190.
17. Dinnie, K. *City Branding: Theory and Cases*. Palgrave Macmillan, 2011. — 269 p.
18. Greenberg, M. *Branding New York: How a City in Crisis Was Sold to the World*. — Routledge Taylor & Francis Group, 2008. — 358 p.
19. Anholt, S., Hildreth, J. *Brand America: The Making, Unmaking and Remaking of the Greatest National Image of All Time*. — London: Marshall Cavendish Corporation, 2010. — 192 p.
20. Cagan, J., Vogel, C.M. *Creating Breakthrough Products. Innovation from Product Planning to Program Approval*. London: FT Press, 2001. — 302 p.
21. Pashkus, V., Pashkus, N., Pashkus, M. Strategic positioning of territories in the global economy: brand development in accordance with the matrix of competitiveness of territories // *Globalization and its Socio-Economic Consequences. 18th International Scientific Conference Proceedings*. — Zilina, Rajecke Teplice, Slovak Republic, 2018. — Pp. 2727–2734.
22. Foroudi, P. et al. A framework of place branding, place image, and place reputation: Antecedents and moderators // *Qualitative Market Research: An International Journal*. — 2016. — Vol. 19(2). — Pp. 241–264 <https://doi.org/10.1108/QMR-02-2016-0020>
23. Medway, D., Warnaby, G. Alternative perspectives on marketing and the place brand // *European Journal of Marketing*. — 2008. — Vol. 42(5/6). — Pp. 641–653
24. Черевичко Т.В. Бренд туристской территории как конкурентное преимущество // *Вестник Саратовского национального исследовательского государственного университета*. — 2018. — № 5. — С. 118–121
25. Стратегический маркетинг: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Н.А.Пашкус, В.Ю.Пашкус и др. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 225 с.
26. Saaty Th. L. Relative Measurement and its Generalization in Decision Making: Why Pairwise Comparisons are Central in Mathematics for the Measurement of Intangible Factors — *The Analytic Hierarchy/Network Process // Review of the Royal Spanish Academy of Sciences. Series A: Mathematics*. — 2008. — Vol. 102, Iss 2. — Pp. 251–318.
27. Волкова А.В., Алмакучуков К.М., Старобинская Н.М. Новые технологии городского развития и управление арт-рынком: опыт Санкт-Петербурга // *Проблемы современной экономики*. — 2020. — № 1. — С. 173–176.
28. Кошкин А.В. Политика правительства города, направленная на развитие креативных индустрий (на примере Санкт-Петербурга) // *Маркетинг MBA. Маркетинговое управление предприятием*. — 2022. — Т. 13, № 2. — С. 28–38.
29. Кольцова А.А. Налоговое стимулирование развития интеллектуального капитала // *Бизнес. Образование. Право*. — 2019. — № 1. — С. 181–186.
30. Алиаскарова Ж.А. Эволюция промышленной политики современной России // *Маркетинг MBA. Маркетинговое управление предприятием*. — 2021. — Т. 11, № 4. — С. 4–21.

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ КАК ВИДА УСЛУГ

С.Н. Гамидуллаев,

проректор-директор Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, доктор экономических наук, профессор siradzh@yandex.ru

Т.Б. Толстихина,

зав.кафедрой таможенных доходов и тарифного регулирования Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, кандидат экономических наук, доцент ttb_amur@inbox.ru

В статье анализируется текущее состояние трансграничной электронной торговли как вида розничной торговли сферы услуг. Рассматриваются основные последствия вызовов, отразившихся на текущем состоянии и перспективах развития трансграничной электронной торговли, особенности ее таможенного регулирования.

Ключевые слова: сфера услуг, розничная торговля, трансграничная электронная торговля, таможенное регулирование, таможенные платежи, бондовые склады

УДК 338.46 ББК 65.428

Сфера услуг розничной торговли трансформируется согласно вызовам времени, путем перехода от традиционной модели розничной торговли к электронной как на внутреннем рынке, так и внешнем — в рамках трансграничной электронной торговли. Трансграничная электронная торговля занимает существенную долю в сфере услуг розничной торговли с 2011 года (рис. 1).

Рис. 1. Российский рынок розничной электронной трансграничной торговли в 2010–2021 годах

Составлено и рассчитано авторами по данным [1]

При этом, несмотря на постоянный рост денежного объема рынка трансграничной электронной розничной торговли, вплоть до 2019 года, его доля, достигнув максимального значения в 2017 году (порядка 36% общего объема розничной интернет торговли), с 2018 года начала снижаться, составив 13,24% в 2021 году. Оценка темпов прироста российского рынка розничной электронной торговли представлена на рис. 2.

Опережающие темпы прироста внешней трансграничной розничной торговли по сравнению с внутренней наблюдались до 2017 года включительно. В дальнейшем 2018–2021 гг. характеризуются нестабильной динамикой прироста рынка розничной электронной торговли, он замедляется вплоть до отрицательного его значения в 2020 году (порядка 25%) и выходом в положительный прирост в 2021 году почти на девять процентов. Однако в этом периоде, за исключением 2018 года, объем таможенных платежей, взимаемых с товаров, доставляемых в рамках электронной трансграничной торговли перевозчиком в адрес физических лиц и товаров, пересылаемых в между-

народных почтовых отправлениях (МПО) имел положительные цепные темпы прироста: в 2019 году — 165,2%, в 2020 году — 58%, в 2021 году — 80,4% (рассчитано авторами по данным [2]).

Рис. 2. Темпы прироста российского рынка электронной розничной торговли, %

Рассчитано авторами по данным [1]

Основными причинами снижения доли и замедления темпов прироста розничной трансграничной торговли в общем объеме розничной торговли при положительном приросте таможенных платежей являются:

- изменение нормы беспошлинного ввоза товаров для физических лиц, приобретающих товары для личного пользования;
- пандемия COVID-19;
- геополитические барьеры;
- становление нормативно-правовой базы регулирования рынка трансграничной электронной розничной торговли на уровне Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

На протяжении 2018–2021 гг. и по настоящее время ввоз товаров для личного пользования на территорию Евразийского экономического союза, таможенное регулирование осуществляется на наднациональном уровне Договором о ЕАЭС [3], Таможенным кодексом ЕАЭС (ТК ЕАЭС) [4], Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 20.12.2017 №107 [5], Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 №12 [6].

Нормы беспошлинного ввоза товаров для личного пользования, доставляемых перевозчиком и пересылаемых в международных почтовых отправлениях на таможенную территорию ЕАЭС в 2018 году составляли 1000 евро, и (или) вес 31 кг в течение одного календарного месяца в адрес одного физического лица, в 2019 году величина стоимостного порога снизилась до 500 евро в течение одного календарного месяца в адрес одного

физического лица при неизменном весовом пороге, а в 2020 г. стоимостной порог составил 200 евро при неизменном весовом пороге и уже без фиксации периода получения товаров [5]. Однако, если в 2018 и 2019 гг. единая ставка при превышении нормы беспошлинного ввоза составляла 30%, но не менее 4 евро за один кг сверх установленного лимита, но при этом учитывался общий вес и стоимость товаров, полученных физическим лицом в течение календарного месяца, то с 2020 г. установленные нормы стали применяться по отношению к каждому отдельному отправлению при снижении единой ставки, взимаемой при превышении нормы беспошлинного ввоза до 15%, но не менее 2 евро за один кг сверх нормы. В 2021 г. изменений в части норм беспошлинного ввоза и единых ставок в части превышения установленных норм ввоза товаров в рамках электронной трансграничной торговли по отношению к 2020 г. не наблюдалось, они были стабильны вплоть до весны 2022 г. С 28.04.2022 г. в качестве стабилизирующих мер в ответ на обострение геополитической обстановки, норма беспошлинного ввоза товаров, доставляемых перевозчиком и товаров, пересылаемых в международных почтовых отправлениях, была увеличена до 1000 евро при сохранении весовой нормы на уровне 31 кг и единой ставки, взимаемой при превышении нормы беспошлинного ввоза, на уровне 15%, но не менее 2 евро за один кг в части превышения весовых норм. Эта мера будет действовать до 1 апреля 2023 года [7].

Пандемия COVID-19 первоначально стала катализатором развития рынка внутренней, а не трансграничной розничной электронной торговли. В 2020 году она стала сдерживающим фактором для внешнего рынка электронной розничной торговли из-за жестких карантинных мер, санитарных правил, нарушения логистических схем доставки товаров, ограничений на передвижения, закрытие пунктов доставки. Отмена множества пассажирских международных рейсов, которые традиционно использовались для перевозки почтовых отправок и небольших партий грузов, значительно затруднила их доставку и повысила цены на перевозку, что отразилось на стоимости заказов, существенно возросло число отказов и отмен заказов [8].

На этом фоне еще более остро стала ощущаться необходимость совершенствования нормативно-правового регулирования взаимодействия участников рынка трансграничной электронной розничной торговли (табл. 1) с учетом реакции на международные вызовы и особенностей данного рынка.

Таблица 1

Участники рынка трансграничной розничной электронной торговли

Поставщики товаров	Посредники	Регулирующие органы
цифровые торговые платформы	операторы связи	ЕЭК
коммерческие иностранные организации, реализующие товары через собственные интернет-магазины, веб-сайты	операторы агрегированных данных (маркетплейсы)	Федеральная таможенная служба
	логистические компании	
иностранцы частные лица, реализующие товары через собственный веб-сайт	компании, оказывающие услуги по хранению товаров	Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор)
	электронные платежные системы	
	Почта России	
потребители розничного рынка трансграничной торговли — физические лица		

Составлено авторами

Согласно действующим нормативно-правовым актам национального уровня ЕАЭС [3, 4, 5, 6], а также исходя из сути трансграничной электронной розничной торговли, под которой авторы понимают перемещение товаров на территорию ЕАЭС с территории иностранного государства на основании заказа физического лица — гражданина стран-участниц ЕАЭС (в рамках данного исследования — Российской Федерации), сделанного посредством сети интернет на цифровых торговых площадках

поставщиков товаров иностранного государства, включая посредников (см. табл. 1), товары электронной розничной трансграничной торговли перемещаются как товары для личного пользования (за исключением этилового спирта, алкогольных напитков, пива), доставляемые перевозчиком или как товары, пересылаемые в международных почтовых отправлениях (МПО) в адрес физического лица. На современном этапе отсутствует действующий механизм регулирования трансграничной электронной торговли как вида розничной торговли сферы услуг, учитывающего ее особенности и интересы всех участников данного рынка, что также сдерживает его развитие.

При этом со стороны регулирующих органов особо остро стоят вопросы контроля перемещаемых товаров для обеспечения национальной безопасности, обеспечения полноты и своевременности взимания таможенных платежей с одной стороны, обеспечения гарантии защиты прав потребителей и их персональных данных — с другой. Со стороны поставщиков, посредников и потребителей отсутствие базовых унифицированных правил взаимодействия в рамках трансграничной электронной розничной торговли, как отдельного направления сферы международной торговли, приводит к высоким материальным затратам и затратам времени на подготовку сопроводительных документов, двойному налогообложению, сложностям в обеспечении гарантийного обслуживания приобретенных товаров, их возврата, защиты персональных данных, уплаты таможенных платежей.

В настоящее время нормативно-правовое регулирование трансграничной электронной торговли в ЕАЭС находится в стадии разработки на принципах гармонизации и унификации. Согласно Решения Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 №12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» приоритет проработки и реализации инициатив и проектов в рамках цифровой торговли имеет вторую позицию после цифровой прослеживаемости движения продукции, товаров, услуг и цифровых активов в ЕАЭС [5]. К концу 2022 года завершится второй этап реализации цифровой повестки, предшествующий завершающему, третьему этапу (до 2025 года) — реализация проектов цифровых экосистем и цифрового сотрудничества на глобальном, региональном, национальном и отраслевом уровнях. В рамках второго этапа подготовлен и одобрен Распоряжением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16 августа 2022 г. N 132 Проект Протокола о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года (далее — Проект Протокола), касающийся регулирования рынка электронной трансграничной розничной торговли [9]. Согласно данному документу, находящемуся на момент написания статьи в процессе проведения внутрисударственного согласования странами ЕАЭС, в случае его принятия всеми странами ЕАЭС в ТК ЕАЭС будет закреплено понятие товаров электронной торговли и реализован ряд принципиально важных изменений регулирования трансграничной электронной торговли, основные из которых приведены в табл. 2.

Принципиально важным является разделение в Проекте Протокола понятия «товары электронной торговли» на товары электронной торговли, предназначенные для реализации физическим лицам, и на товары электронной торговли, приобретенные физическими лицами, причем физическим лицом может являться гражданин, достигший возраста 16 лет; введение нового вида таможенного платежа — «таможенная пошлина, взимаемая по единой ставке», применяемая при уплате таможенных платежей физическими лицами, которые приобрели товары электронной торговли для личного пользования; введение нового вида таможенной декларации — «декларации на товары электронной торговли»; введение запрета на использование товаров электронной торговли, приобретенных физическими лицами, после их выпуска в коммерческой деятельности; введен новый участник рынка — оператор электронной торговли.

Особенности порядка и условий перемещения через таможенную границу Союза товаров электронной торговли с учетом Проекта Протокола, кроме тех, что обозначены в табл. 2, сводятся к тому, что ряд функций таможенного органа переходит на оператора электронной торговли, который свою деятельность

Основные новеллы Проекта Протокола о внесении изменений в ТК ЕАЭС в части трансграничной электронной торговли

ТОВАРЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ	
предназначенные для реализации физическим лицам	приобретенные физическими лицами
ввозимые на таможенную территорию Союза товары, предназначенные для реализации физическим лицам на электронных торговых площадках с использованием ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в рамках сделки, одной из сторон которой является физическое лицо.	товары, приобретенные физическими лицами на электронных торговых площадках с использованием ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в рамках сделки между физическим лицом, постоянно или временно проживающим (временно пребывающим) на территории государства-члена, и иностранным лицом либо сделки между физическим лицом, постоянно или временно проживающим (временно пребывающим) на территории государства, не являющегося членом Союза, и лицом государства-члена, перемещаемые через таможенную границу Союза в международных почтовых отправлениях или перевозчиком в адрес физических лиц, являющихся получателями таких товаров
к указанным сделкам не относится сделка между физическими лицами	
Декларантом товаров электронной торговли, помещаемых под таможенную процедуру таможенного склада и иные таможенные процедуры для завершения действия таможенной процедуры таможенного склада может выступать оператор электронной торговли	Декларантом при ввозе товаров электронной торговли на территорию ЕАЭС может выступать физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста — получатель такого товара или оператор электронной торговли
подлежат уплате до выпуска товаров электронной торговли в соответствии с таможенной процедурой	
таможенного склада — таможенные сборы за таможенные операции; выпуска для внутреннего потребления для завершения таможенной процедуры таможенного склада — таможенные платежи (сбор за таможенные операции, пошлины и налоги), специальные, антидемпинговые, компенсационные пошлины, исчисленные в декларации на товары электронной торговли в отношении товаров электронной торговли, предназначенных для реализации физическим лицам. Для исчисления ввозных таможенных пошлин применяются ставки Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза [10]	выпуска для внутреннего потребления — таможенная пошлина, взимаемая по единой ставке, и в случае, если это предусмотрено законодательством государства-члена, — налоги и таможенные сборы за таможенные операции. Для целей исчисления таможенной пошлины, взимаемой по единой ставке, базой для ее исчисления в зависимости от категорий товаров электронной торговли, приобретенных физическими лицами, ввозимых на таможенную территорию Союза, и применяемых видов ставок являются стоимость таких товаров и (или) их физическая характеристика в натуральном выражении (количество, масса, в том числе с учетом первичной упаковки товара, которая неотделима от товара до его потребления и (или) в которой товар представляется для розничной продажи, объем или иные характеристики товара)
таможенное декларирование производится с использованием декларации на товары электронной торговли	
предназначенные для реализации физическим лицам	приобретенные физическими лицами
при помещении под таможенную процедуру таможенного склада оператором электронной торговли с последующим помещением товаров электронной торговли, предназначенных для реализации физическим лицам, под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления после приобретения физическими лицами на электронных торговых площадках с использованием ресурсов сети Интернет или помещением товаров электронной торговли, предназначенных для реализации физическим лицам, под таможенную процедуру таможенного транзита, если такие товары помещены под эту таможенную процедуру для перевозки с территории государства-члена, таможенным органом которого произведен выпуск товаров при их помещении под таможенную процедуру таможенного склада, на территорию другого государства-члена для помещения под таможенную процедуру таможенного склада оператором электронной торговли с последующим помещением под таможенную процедуру ВВП, или реэкспорта до истечения срока действия таможенной процедуры таможенного склада (до 3-х лет)	при помещении товаров электронной торговли под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления

Составлено авторами по [9]

будет строить на основе использования бондовых складов. Понятие бондового склада введено для обозначения зон хранения и распределения товаров электронной торговли, находящихся под таможенным контролем, но без уплаты таможенных и иных платежей до момента продажи товара конечному потребителю — физическому лицу. Кроме того, невостребованные товары смогут быть реэкспортированы с территории такого склада без уплаты таможенных платежей. В рамках решения вопроса возврата товара потребителем при ненадлежащем качестве товара и (или) по иной причине (не тот цвет, размер, ...), по мнению авторов, можно использовать выпуск товаров электронной торговли на условиях выпуска до подачи декларации на товары. При этом срок уплаты таможенных платежей необходимо установить на основе срока исполнения обязанности по уплате таможенных и иных платежей, администрируемых ФТС России для уполномоченного экономического оператора — не позднее 15 числа месяца, следующего за месяцем получения товара физическим лицом.

Для отработки взаимодействия и выстраивания оптимальных бизнес-процессов взаимодействия участников рынка электронной трансграничной торговли с учетом особенностей его регулирования в рамках «регулятивной песочницы» (понятие введено [6]) оператором электронной торговли назначена АО «Почта России».

АО «Почта России» в условиях реализации пилотного проекта регулирования электронной торговли ЕЭК реализует

схему хранения и распределения товаров электронной торговли на собственных складах, получивших статус бондовых на основе договоров с поставщиками таких товаров, включая посредников. При этом исключается контакт физических лиц с таможенными органами, так как оформление товаров электронной торговли и уплату таможенных и иных платежей от имени конечного потребителя берет на себя АО «Почта России» [11].

Создание бондовых складов наряду с совершенствованием нормативно-правовой базы, регулирующей перемещение товаров электронной торговли через границу ЕАЭС, увеличит как объемы импорта товаров электронной торговли, так и их транзита через Россию. Интернет магазины смогут отказаться от срочной и дорогой авиа доставки, а потребители получат заказанные товары в сроки до 1–4 суток по всей стране [1], что благоприятно отразится на объемах трансграничной интернет торговли. Кроме того, откроются новые возможности для экспорта товаров электронной торговли с территории ЕАЭС и Российской Федерации в частности.

Таким образом, проведенное исследование показало, что рынок трансграничной электронной торговли на современном этапе действительно идентифицируется как отдельный вид розничной торговли сферы услуг, более того, с развитием электронной трансграничной торговли, по сути, происходит смена каналов продвижения товаров розничной торговли. Те-

кущее состояние рынка трансграничной электронной торговли определяется в большей мере геополитическими барьерами, которые сдерживают его развитие. В ответ на вызовы внешней среды и с учетом внутренних возможностей таможенные органы ЕАЭС реализуют плановый переход функционирования трансграничной электронной торговли от сформированного на уровне ЕАЭС нормативно-правового поля для товаров для личного потребления к регулированию данного рынка с учетом

особенностей его функционирования и развития в рамках пилотного проекта с участием АО «Почта России», получившего статус оператора электронной торговли. В перспективе это обеспечит плавный переход на отработанные и унифицированные бизнес-процессы участников рынка электронной трансграничной торговли за счет развития института оператора электронной торговли при соблюдении интересов государства, бизнес-сообщества и конечных потребителей — физических лиц.

Список использованных источников:

1. Ассоциация компаний интернет торговли [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akit.ru/analytics/analyt-data> (дата обращения 01.10.2022).
2. Таможенная служба Российской Федерации в 2018, 2019, 2020, 2021 годах. Официальный сайт Федеральной таможенной службы [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczi> (дата обращения 01.10.2022).
3. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.04.2022)
4. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.10.2022).
5. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20.12.2017 № 107 (ред. от 23.09.2022) «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.10.2022).
6. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 №12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.10.2022).
7. Решения Совета Евразийской экономической комиссии «О внесении изменения в Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 № 107» от 23.09.2022 № 151 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 08.10.2022).
8. Пульс мирового рынка электронной коммерции в условиях пандемии COVID-19. — М.: НИУ ВШЭ, 2020. — 20 с. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/382906227.pdf> (дата обращения 08.10.2022).
9. Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16 августа 2022 г. № 132 «О проекте Протокола о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года» [Электронный ресурс]. URL: www.alt.ru (дата обращения 01.10.2022).
10. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14.09.2021 № 80 (ред. от 22.03.2022) «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых решений Совета Евразийской экономической комиссии» [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.10.2022).
11. Газета «Ведомости». Власти запускают эксперимент с бондовыми складами — комментарий Руслана Давыдова [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/press/aktual-no/document/299517> (дата обращения 08.10.2022).

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ И ОБЪЕКТОВ УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ВНЕДРЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ РОБОТОВ В СФЕРЕ УСЛУГ

А.В. Кучумов,

доцент кафедры экономики и управления в сфере услуг
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
кандидат экономических наук
arturspb1@yandex.ru

Е.В. Печерица,

доцент кафедры экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
кандидат социологических наук
helene8@yandex.ru

М.В. Волошинова,

доцент кафедры экономики и управления в сфере услуг
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
кандидат экономических наук
voloshinova@unecon.ru

В статье рассматриваются возможности внедрения социальных роботов в деятельность предприятий сферы услуг. Целью данного исследования является анализ современной научной литературы, посвященной проблемам понимания намерений и ожиданий пользователей роботизированных технологий в сфере услуг. Сделан вывод о том, что в большинстве современных научных исследований признается, что при использовании социальных роботов в сфере услуг между ними и другими субъектами (пенсионерами, детьми, маломобильными гражданами и т.д.) происходит некое совместное создание потребительской ценности, хотя потенциальный риск совместного уничтожения потребительской ценности в значительной степени игнорируется.

Ключевые слова: сфера услуг, робототехника, социальные роботы, эмоциональный интеллект, эмпатия, компетенции

УДК 316.422.42 ББК 60.54

Социальные роботы, то есть специализированные на взаимодействии с человеком, представляют собой полностью или

частично автоматизированные технологии, которые вместе с людьми создают ценность благодаря своим социальным

функциям, представляют собой быстро растущий элемент сферы услуг, где они выполняют передовые задачи. В настоящее время роботы переместились из промышленных условий (например, заводов и фабрик) в общественные (например, розничную торговлю, гостиничный бизнес и здравоохранение) и частные дома. Современные роботы больше не изолированы в контролируемой среде и должны работать в хаотических, потенциально сложных человеческих взаимодействиях, часто с несколькими заинтересованными сторонами. Социальный робот, подтип роботов, предназначенный для различных интерактивных услуг для человека, который должен обеспечивать превосходный пользовательский опыт, выражая похожее на человека социальное поведение или обслуживание и эмоциональную чувствительность.

Внедрение в практику социальных роботов происходит в связи с попытками обеспечения высокого качества обслуживания клиентов [1, 2], но эйфорические прогнозы в отраслевых отчетах [3] противоречат разочарованиям, возникающим в реальной жизни [4].

Использование социальных роботов происходит в различных видах сферы услуг, в том числе в услугах, оказываемых на дому [5], гостеприимстве [6, 7], развлечениях [8], здравоохранении [9] и др.

Большинство стран сталкиваются с проблемами, связанными со старением населения [10], и ожидается, что к 2070 году потребительский сегмент людей в возрасте 60 лет и старше увеличится более чем вдвое [11]. Рост в этом сегменте имеет серьезные последствия для здравоохранения, рынка труда и финансовых рынков. Социальные роботы могут помочь решить некоторые проблемы в этих условиях обслуживания, такие как нехватка персонала по уходу за пожилыми людьми, особенно если роботы могут поддерживать и демонстрировать поведение, подобное человеческому, в результате разработки и проектирования сложных систем, которые могут выражать эмоциональную чувствительность и участвовать в обучении на основе искусственного интеллекта (ИИ) [3, 12]. Например, в разрабатываемых сценариях ухода за пожилыми людьми ожидается, что социальные роботы будут взаимодействовать с пациентами, родственниками и опекунами по-человечески, используя определенные сервисные функции, включая обнаружение падений, когнитивные игры, личные чаты и осуществлять мотивацию пожилых людей и маломобильных групп населения. Таким образом, разработка технологий будущего, которые позволят социальным роботам повышать качество жизни потребителей, представляет собой один из приоритетов в развитии робототехники [13].

Изобилие социальных роботов в сфере услуг создает потребность в поиске способов совместного созидания [14], например, путем проведения исследований взаимодействий между субъектами услуг и социальными роботами [15], т.е. разработчики услуг должны понимать намерения и ожидания пользователей роботизированных технологий.

Анализ социального познания может показать, как субъекты сферы услуг воспринимают своих человекоподобных помощников с точки зрения двух всеобъемлющих аспектов, возникающих во время социальных взаимодействий: компетентность (т.е. умение или эффективность) и теплота человеческого общения [16].

Во взаимодействиях между людьми интерпретация психологических состояний других (например, намерений, аффективных состояний, убеждений и потребностей) позволяет людям существовать как социальным агентам [17]. Ментализация или определение психологических состояний других людей для интерпретации и предвосхищения их действий [18] является важнейшим компонентом социальной жизни. Различные элементы и процессы социального взаимодействия (например, речь, мимика, взгляд и положение тела) позволяют людям делать выводы и формируют их социальное познание [19]. Согласно [20], люди понимают механизм объяснения причин поведения другого человека, оценивая способность других ощущать и чувствовать, планировать и действовать. Взаимодействуя друг с другом, люди стремятся определить, является

ли другой человек «другом или врагом» (измерение теплоты) и способен ли другой человек действовать в соответствии с его дружественными или враждебными намерениями (измерение компетентности). Способности чувствовать и поступать таким образом являются универсальными измерениями социального познания. Люди обычно приписывают разум другим людям, обнаруживая социальные сигналы, указывающие на способность другого человека воспринимать, чувствовать и намереваться [16].

В настоящее время все больше ученых считают, что разум также может быть приписан компьютерам, гаджетам и роботам [21, 22], особенно если их характеристики вызывают восприятие интенциональности. Еще в 1996 году ученые Ривз и Насс в своем исследовании [23] обнаружили, что люди автоматически относятся к компьютерам как к социальным существам. Более того, передовые технологии, имитирующие внешность и поведение человека, позволяют таким нечеловеческим агентам демонстрировать убедительную смесь компетентности, теплоты и интенциональности.

Повышенное ощущение того, что технологии обладают «собственным разумом», имеет важные последствия для проектирования роботов, указывая на актуальность роботов, демонстрирующих человеческий разум в дополнение к человеческой внешности. Исследования взаимодействия человека и робота также предполагают, что человекоподобные сервисные роботы предлагают потенциально значимый контекст для изучения человеческого социального познания [24, 25, 37]. То есть механизмы социального познания могут активироваться, когда люди сталкиваются с когнитивно и аффективно одаренными социальными роботами, так что они оценивают этих социальных партнеров, несмотря на их статус нечеловеческих акторов, по их теплоте (дружелюбию, доброте и заботе) и компетенции (эффективность, навыки и уверенность) [38].

Первоначально в литературе по робототехнике особое внимание уделялось развитию черт компетентности путем модернизации когнитивных ресурсов роботов и улучшения их функциональных возможностей. В последнее время исследования робототехники все чаще признают важность «теплоты», возникающей в результате в том числе зрительных контактов или общения. Как минимум два сегмента пользователей (дети и пожилые люди) могут иметь более сильную тенденцию к антропоморфизации социальных роботов, что имеет важные последствия для будущих разработок роботов. Поэтому неудивительно, что в описаниях конструкций роботов особое внимание уделяется их применению в здравоохранении и уходе за пожилыми людьми.

В литературе по социальной робототехнике чаще всего встречаются четыре характеристики конструкции роботов.

Воплощение. Основное внимание уделяется физически воплощенным роботам с трехмерными физическими телами, а не виртуальным аватарам или агентам искусственного интеллекта (ИИ), видимым только на экране [26].

Морфология. Физические тела социальных роботов могут принимать различные формы, от машиноподобных до человекоподобных [27]. 20 лет назад ученые [28] предложили четыре типа морфологии роботов, а именно:

- антропоморфный (човекоподобный),
- зооморфный (животноподобный),
- карикатурный (мультишный)
- функциональный (внешний вид, указывающий на основную функциональность робота).

Морфология тесно связана с реализмом. В работе [26] доказано, что чем более человекоподобным является робот (внешний вид, выражения и движения), тем сильнее близость человека-наблюдателя к этому роботу, но до определенного момента, после которого, когда сходство робота с человеком становится слишком большим, люди-наблюдатели ощущают зловещее и сильное отвращение к роботу.

Автономия. Измеряет степень человеческого вмешательства и поддержки, необходимой для правильного функционирования робота. Уровни автономии могут варьироваться от нулевой, например, когда люди дистанционно управляют

роботом посредством телеопераций, до полной автономии, когда роботы функционируют без какого-либо прямого участия человека. Автономные роботы должны быть наделены возможностями навигации, восприятия, речи, принятия решений, самообслуживания и ремонта. Но пока такого уровня автономии трудно достичь с помощью современных технологий. Социальные роботы в сфере услуг должны функционировать

полностью автономно, чтобы полностью раскрыть потенциал своих аффективных и когнитивных ценностных предложений.

Вспомогательная роль. Относится к назначению и основным задачам сервисного робота. В контексте ухода за пожилыми людьми широкий спектр потенциальных ролей роботов в широком смысле относится к физической, психосоциальной и когнитивной помощи. Роботы, оказывающие физическую

Таблица 1

Основные вопросы, рассматриваемые в современной научной литературе, посвященной социальным роботам в сфере услуг

Научное исследование	концентрация внимания на эмоциональном интеллекте социальных роботов	концентрация внимания на компетенциях социальных роботов	ценность	угрозы
Зильберман Н.Н. (2013) [39]	социальный робот должен быть максимально приближен по своему поведению к человеку	бытовые роботы не могут быть отнесены к социальным группам роботов–ассистентов, выполняющих узкопрофессиональные функции роботов- компаньонов или роботов-аниматоров		
Fan, A., Wu, L. and Mattila, A.S. (2016) [6]	роботы могут обладать человеческими чертами, такими как тепло, в результате антропоморфизма			
Khaksar, S.M.S., Shahmehri, F.S., Khosla, R. and Chu, M.T. (2017) [35]	роботы, созданные для эмоционального взаимодействия		пожилые люди воспринимают ценность совместного творчества с социальными роботами	
Marinova, D., de Ruyter, K., Huang, M.H., Meuter, M.L. and Challagalla, G. (2017) [36]	роботы, которые могут избежать личных колебаний настроения и улучшают социальное взаимодействие	у роботов в перспективе хорошая эпистемология, то есть более точные суждения о внешнем мире и меньше ошибок	роботы заменяют или дополняют рядовых сотрудников, чтобы совместно производить добавленную стоимость как для сотрудников, так и для клиентов	
Rafaeli, A., Altman, D., Gremier, D.D., Huang, M.H., Grewal, D., Iyer, B., Parasuraman, A. and de Ruyter, K. (2017) [7]	эмоциональные компетенции роботов выше, чем у персонала, например, роботы не реагируют на плохие новости	роботы, заменяющие рядовых сотрудников, могут обладать как теплотой, так и компетенциями	последующие исследования нуждаются в разработке психологических механизмов, которые способствовали бы переносу технологической функциональности на привлекательность для покупателей	
Bolton, R.N., McColl-Kennedy, J.R., Cheung, L., Gallan, A., Orsingher, C., Witell, L. and Zaki, M. (2018), [32]	роботы, способные продемонстрировать естественные социальные качества, такие как объятия; роботы не могут продемонстрировать эмпатию, но можно сделать отображение эмпатии на дисплее	приведен пример Икеи, где предлагаются роботы для сборки мебели без участия человека	роботы рассматриваются как сервисная инновация, которая приносит добавленную стоимость услуги, существует необходимость для интеграции теоретических знаний в сфере психологии, социологии и цифровизации	существуют противоречия, которые, если их не устранить, могут препятствовать созданию условий, необходимых для совместного создания ценности между роботами и другими участниками сети.
Čaić, M., Odekerken-Schröder, G. and Mahr, D. (2018) [12]	роботы могут выполнять функции психологической поддержки	роботы помогают с помощью своих компетенций	роботы имеют созидательный потенциал (облегчают работу)	роботы имеют деструктивный потенциал (лишают людей работы)
Huang, M.H. and Rust, R.T. (2018) [33]	у роботов есть потенциал к обладанию эмоциональным интеллектом	у роботов есть потенциал к обладанию аналитическим интеллектом		
Keating, B.W., McColl-Kennedy, J.R. and Solnet, D. (2018) [34]	у роботов нет эмоционального интеллекта, только искусственные запрограммированные эмоции		исследования в сфере сервиса в основном сосредоточены на гуманистическом подходе и практически не уделяют внимания технологиям	
Гасумова С.Е., Портер Л. (2019) [40]	робот-тюлень, оказывающий успокоительный эффект; робот-младенец, не умеющий ходить для того, чтобы вызывать умиление; робот-промоутер – администратор зала, рассказывающий посетителям про услуги компании			влияние роботов на рынок труда, невозможность полностью удовлетворить эмоциональные потребности человека роботами, кто должен нести ответственность за потенциальный вред, нанесенный роботами
Брындин Е.Г. (2019). [41]	если человек известен роботу, то система робота настраивается на речевой словарь собеседника.	робот имеет систему распознавания собеседника, речевого ввода информационных потребностей, реализации информационных потребностей	робот-гид, робот-администратор отеля, робот-продавец аптек, робот-бармен, робот-охранник	

Источник: составлено авторами на базе [6, 7, 12, 32, 33, 34, 35, 36, 39, 40, 41, 42]

помощь, включают реабилитационных роботов и экзоскелеты (устройство, предназначенное для восполнения утраченных функций, увеличения силы мышц человека и расширения амплитуды движений). Например, робот-медведь поднимает и переносит лежащих или физически слабых пациентов [29]. Роботы, предлагающие психосоциальную помощь, в первую очередь удовлетворяют эмоциональные, психологические и социальные потребности пациентов в роли компаньона или общительного партнера, предлагая связь на более эмоциональном уровне. Робот-тюлень-компаньон Паро может помочь облегчить симптомы одиночества и депрессии благодаря своей эмоциональной поддержке [30]. Наконец, роботы, которые обеспечивают когнитивную помощь, напоминают пожилым пациентам о повседневной деятельности, лекарствах и запланированных встречах, а также следят за их общим состоянием здоровья, например, социальный робот Райан заботится о нуждах пожилых людей с деменцией или когнитивными нарушениями [31].

Существующие типологии социальных роботов определяют позиционирование социальных роботов по отношению к человеку.

В табл. 1 представлен обзор существующей литературы по социальным роботам в сфере услуг.

В табл. 1 указано, в каких статьях авторы уделяли внимание социальным познаниям в области эмоционального интеллекта роботов и их компетенциям. Кроме того, в таблице показано, в каких статьях авторы рассматривали внедрение социальных роботов с точки зрения создания ими дополнительной ценности для клиентов и владельцев предприятий сферы услуг, а также с точки зрения создания социальными роботами возможных угроз, как для клиентов, так и для работников.

Из данных табл.1 видно, что тематика внедрения социальных роботов в сфере услуг является новой темой в научной литера-

туре, так как первое исследование, по данной теме появилось в 2013 году. С тех пор социальные роботы все чаще появляются в научной литературе, посвященной теме сферы услуг, чтобы проиллюстрировать роль искусственного интеллекта [33] или определить направления исследований [7, 40]. Интересно отметить, что большинство исследований носят концептуальный характер. Относительно мало представленных эмпирических данных, что типично для новой темы. В большинстве статей подчеркивались достижения в области робототехники для использования социальных роботов в качестве рядовых сотрудников, но лишь в нескольких исследованиях явно подчеркивалась необходимость в использовании социальных роботов в уходе за пожилыми и маломобильными людьми [12, 35].

Анализ таблицы показывает, что 7 из 11 исследований касаются роли социальных роботов в создании потребительской ценности или в совместном с людьми создании потребительской ценности. Только в трех исследованиях признается потенциальная угроза от внедрения роботов в сфере услуг.

В работах [7, 32] авторы признали, что необходимы дальнейшие исследования для комплексного теоретического взгляда на то, как совместное создание потребительской ценности происходит внутри и за пределами цифровой, физической и социальной сфер.

Подводя итог, можно утверждать, что проанализированные исследования признали роль аффективных и функциональных способностей робота, не ссылаясь явно на теорию социального познания. Кроме того, обзор литературы показывает, что в большинстве этих исследований признается, что при использовании социальных роботов в сфере услуг между ними и другими субъектами (пенсионерами, детьми, маломобильными гражданами и т.д.) происходит совместное создание потребительской ценности.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022 г.

Список использованных источников:

1. Mende, M., Scott, M.L., van Doorn, J., Shanks, I. and Grewal, D. (2017), "Service robots rising: how humanoid robots influence service experiences and food consumption", Marketing Science Institute Working Paper Series 2017, Report No. 17–125.
2. Van Doorn, J., Mende, M., Noble, S.M., Hulland, J., Ostrom, A.L., Grewal, D. and Petersen, J.A. (2017), "Domo arigato Mr Roboto: emergence of automated social presence in organizational frontlines and customers' service experiences", Journal of Service Research, Vol. 20 No. 1, pp. 43–58.
3. KPMG (2016), Social Robots: 2016's New Breed of Social Robots Is Ready to Enter Your World, KPMG Advisory N.V, Arnhem.
4. Интеллектуальные системы в науке и технике. Искусственный интеллект в решении актуальных социальных и экономических проблем XXI века: сб. ст. по материалам Междунар. конф. «Интеллектуальные системы в науке и технике» и Шестой всерос. науч.-практ. конф. «Искусственный интеллект в решении актуальных социальных и экономических проблем XXI века», Пермь, 12–18 окт. 2020 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т [и др.]; ред. Л.Н. Ясницкий. — Электрон. дан. (16,7 Мб). — Пермь: ПГНИУ, 2020. — 654 с.
5. Young, J.E., Hawkins, R., Sharlin, E. and Igarashi, T. (2009), "Toward acceptable domestic robots: applying insights from social psychology", International Journal of Social Robotics, Vol. 1 No. 1, pp. 95–108.
6. Fan, A., Wu, L. and Mattila, A.S. (2016), "Does anthropomorphism influence customers' switching intentions in the self-service technology failure context?", Journal of Services Marketing, Vol. 30 No. 7, pp. 713–723.
7. Rafaeli, A., Altman, D., Gremler, D.D., Huang, M.H., Grewal, D., Iyer, B., Parasuraman, A. and de Ruyter, K. (2017), "The future of frontline research: invited commentaries", Journal of Service Research, Vol. 20 No. 1, pp. 91–99.
8. Green, T., Hartley, N. and Gillespie, N. (2016), "Service provider's experiences of service separation: the case of telehealth", Journal of Service Research, Vol. 19 No. 4, pp. 477–494.
9. Robinson, H., MacDonald, B. and Broadbent, E. (2014), "The role of healthcare robots for older people at home: a review", International Journal of Social Robotics, Vol. 6 No. 4, pp. 575–591.
10. United Nations (2017), "World population prospects: key findings & advance tables", available at: https://esa.un.org/unpd/wpp/publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf (дата обращения 29.10.2022).
11. European Commission (2018), "The 2018 ageing report: underlying assumptions & projections", available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/ip065_en.pdf (дата обращения 29.10.2022).
12. Čaić, M., Odekerken-Schröder, G. and Mahr, D. (2018), "Service robots: value co-creation and co-destruction in elderly care networks", Journal of Service Management, Vol. 29 No. 2, pp. 178–205.
13. Ransbotham, S., Kiron, D., Gerbert, P. and Reeves, M. (2017), "Reshaping business with artificial intelligence: closing the gap between ambition and action", MIT Sloan Management Review, available at: <http://sloanreview.mit.edu/projects/reshaping-business-with-artificial-intelligence/> (дата обращения 07.11.2022).
14. Marketing Science Institute (2018), "Research priorities 2018–2020", Marketing Science Institute, Cambridge, available at: www.msi.org/uploads/articles/MSI_RP18–20.pdf (дата обращения 07.11.2022).
15. Grönroos, C. and Gummerus, J. (2014), "The service revolution and its marketing implications: service logic vs service-dominant logic", Managing Service Quality: An International Journal, Vol. 24 No. 3, pp. 206–229.
16. Meltzoff, A.N. (2007), "Like me': a foundation for social cognition", Developmental Science, Vol. 10 No. 1, pp. 126–134.
17. Frith, C.D. and Frith, U. (2007), "Social cognition in humans", Current Biology, Vol. 17 No. 16, pp. R724–R732.
18. Frith, C.D. and Frith, U. (2012), "Mechanisms of social cognition", Annual Review of Psychology, Vol. 63, pp. 287–313.
19. Adolphs, R. (1999), "Social cognition and the human brain", Trends in Cognitive Sciences, Vol. 3 No. 12, pp. 469–479.
20. Gray, H.M., Gray, K. and Wegner, D.M. (2007), "Dimensions of mind perception", Science (New York, N.Y.), Vol. 315 No. 5812, p. 619.

21. Abubshait, A. and Wiese, E. (2017), "You look human, but act like a machine: agent appearance and behavior modulate different aspects of human–robot interaction", *Frontiers in Psychology*, Vol. 8, pp. 1393, doi: 10.3389/fpsyg.2017.01393. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.01393/full> (дата обращения 07.11.2022).
22. Waytz, A., Heafner, J. and Epley, N. (2014), "The mind in the machine: anthropomorphism increases trust in an autonomous vehicle", *Journal of Experimental Social Psychology*, Vol. 52, pp. 113–117.
23. Reeves, B. and Nass, C.I. (1996), *The Media Equation: How People Treat Computers, Television, and New Media like Real People and Places*, Cambridge university press, New York, NY.
24. Wiese, E., Metta, G. and Wykowska, A. (2017), "Robots as intentional agents: using neuroscientific methods to make robots appear more social", *Frontiers in Psychology*, Vol. 8, Article 1663. URL: https://www.researchgate.net/publication/320198276_Robots_As_Intentional_Agents_Using_Neuroscientific_Methods_to_Make_Robots_Appear_More_Social (дата обращения 07.11.2022).
25. Wykowska, A., Chaminade, T. and Cheng, G. (2016), "Embodied artificial agents for understanding human social cognition", *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, Vol. 371 No. 1693. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/full/10.1098/rstb.2015.0375> (дата обращения 07.11.2022).
26. Paauwe, R.A., Hoorn, J.F., Konijn, E.A. and Keyson, D.V. (2015), "Designing robot embodiments for social interaction: affordances topple realism and aesthetics", *International Journal of Social Robotics*, Vol. 7 No. 5, pp. 697–708.
27. Lee, H.R., Šabanović, S. and Stolterman, E. (2016), "How humanlike should a social robot be: a user-centered exploration", 2016 AAAI Spring Symposium Series. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/How-Humanlike-Should-a-Social-Robot-Be%3A-A-Lee-%C5%A0abanovi%C4%87/e73e96c523c983189e04fdf18ae7f0119f4f8885> (дата обращения 07.11.2022).
28. Fong, T., Nourbakhsh, I. and Dautenhahn, K. (2003), "A survey of socially interactive robots", *Robotics and Autonomous Systems*, Vol. 42 Nos 3/4, pp. 143–166.
29. Валагин А.В. В Японии создан робот-медведь для переноски стариков. URL: <https://rg.ru/2015/02/27/robear-site.html> (дата обращения 07.11.2022).
30. Знакомьтесь, Паро — робот, разработанный для помощи пожилым людям. URL: <https://robogeek.ru/bytovye-roboty/paro-robot-razrabotannyi-dlya-pomoschi-pozhilym-lyudyam#> (дата обращения 07.11.2022).
31. Робот с эмоциональным интеллектом поработал сиделкой. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/robot-s-emocionalnym-intellektom-porabotal-sidelkoi-id717619/?ysclid=la6nt14ku7805490401> (дата обращения 07.11.2022).
32. Bolton, R.N., McColl-Kennedy, J.R., Cheung, L., Gallan, A., Orsingher, C., Witell, L. and Zaki, M. (2018), "Customer experience challenges: bringing together digital, physical and social realms", *Journal of Service Management*, Vol. 29 No. 5, pp. 776–808.
33. Huang, M.H. and Rust, R.T. (2018), "Artificial intelligence in service", *Journal of Service Research*, Vol. 21 No. 2, pp. 155–172.
34. Keating, B.W., McColl-Kennedy, J.R. and Solnet, D. (2018), "Theorizing beyond the horizon: service research in 2050", *Journal of Service Management*, Vol. 29 No. 5, pp. 766–775.
35. Khaksar, S.M.S., Shahmehri, F.S., Khosla, R. and Chu, M.T. (2017) [35], "Dynamic capabilities in aged care service innovation: the role of social assistive technologies and consumer-directed care strategy", *Journal of Services Marketing*, Vol. 31 No. 7, pp. 745–759.
36. Marinova, D., de Ruyter, K., Huang, M.H., Meuter, M.L. and Challagalla, G. (2017), "Getting smart: learning from technology-empowered frontline interactions", *Journal of Service Research*, Vol. 20 No. 1, pp. 29–42.
37. Singh, J., Brady, M., Arnold, T. and Brown, T. (2017), "The emergent field of organizational frontlines", *Journal of Service Research*, Vol. 20 No. 1, pp. 3–11.
38. Wirtz, J., Patterson, P., Kunz, W., Gruber, T., Lu, V.N., Paluch, S. and Martins, A. (2018), "Brave new world: service robots in the frontline", *Journal of Service Management*, Vol. 29. No. 5, pp. 907–931.
39. Зильберман Н.Н. Социальные роботы-помощники на производстве // Гуманитарная информатика. — 2013. — №7. — С. 66–71.
40. Гасумова С.Е., Портер Л. Роботизация социальной сферы. Социология науки и технологий. — 2019. Т.10. — №1. — С. 79–94.
41. Брындин Е.Г. (2019) Умные когнитивные мобильные социальные роботы для развития регионального сервиса // Россия: Тенденции и перспективы развития: Ежегодник / Институт научной информации по общественным наукам РАН, Отдел научного сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. 2019. — С. 399–407.
42. Čaić, M., Mahr, D. and Oederkerken-Schröder, G. (2019), «Value of social robots in services: social cognition perspective», *Journal of Services Marketing*, Vol. 33 No. 4, pp. 463–478.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБСЕРВАТОРИИ УСТОЙЧИВОГО ТУРИЗМА В САМАРКАНДЕ

Н.А. Рахимова,

докторант Вестминстерского международного университета в городе Ташкенте
nrahimova@wiut.uz

В данной статье представлен анализ социально-экономических изменений, сформировавшихся на международном уровне в ходе развития туризма, первые шаги, сделанные на пути к устойчивому туризму и создание «обсерватории устойчивого туризма» в отдельных регионах многих стран. Путем внедрения отдельных элементов зарубежного опыта выявлена важность создания Обсерватории устойчивого туризма в Самаркандской области. Предлагается набор индикаторов для решения проблем, которые должна исследовать обсерватория.

Ключевые слова: устойчивое развитие, устойчивый туризм, экология, социальные факторы, охрана окружающей среды, обсерватория устойчивого туризма, комплекс показателей, участники туристической индустрии, мониторинг.

УДК38.48 ББК 65.43

Туризм является одним из самых быстрорастущих секторов экономики в мире, тесно связанным с социальным, экономическим и экологическим благополучием многих стран, особенно развивающихся, и важным источником валютных поступлений и занятости населения. Туризм был широко признан чистой и возобновляемой отраслью, в отличие от других отраслей, таких как производство, горнодобывающая промышленность, лесное

хозяйство и др. Его развитие считалось менее капиталоемким, потому что оно использовало «бесценные» природные, исторические, социальные и культурные ресурсы, но к началу 1970-х стали проявляться негативные последствия туризма, считавшегося «бездымной индустрией».

В 1980 году Международный союз охраны природы опубликовал свою Всемирную стратегию охраны природы, кото-

рая включала одну из первых ссылок на устойчивое развитие как глобальный приоритет и термин «устойчивое развитие» [1]. Два года спустя ООН предложила во «Всемирной хартии природы» пять принципов сохранения, в соответствии с которыми действия человека, влияющие на природу, должны контролироваться [2]. Позже термин «устойчивое развитие» получил политическую силу, после того, как отчет Гру Харлем Брунтланн в 1987 году сосредоточил на нем внимание. Согласно этому отчету, «устойчивое развитие означает удовлетворение потребностей нынешнего поколения без ущерба для потребностей следующего поколения» [3]. То есть он выдвинул идею о том, что ресурсов должно быть достаточно не только для нужд нынешнего поколения, но и для развития и удовлетворения потребностей будущего поколения. В 1992 г. в Рио-де-Жанейро состоялась Конференция Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию (UNCED) [4] — глобальное мероприятие, в котором приняли участие 114 глав государств, 10 000 представителей из 178 стран, 1400 неправительственных организации. По итогам этого мероприятия основные цели стремления мировых лидеров к устойчивому развитию были четко сформулированы в «Повестке дня на XXI век». Следующим шагом на пути к концепции устойчивого развития стало принятие 70-й Генеральной Ассамблеей ООН повестки дня в области развития на период до 2030 г. — «Преобразование нашего мира: повестка дня на период до 2030 г.» [5]. Эта резолюция охватывает 17 целей в области устойчивого развития и 169 вопросов, главной целью которых является искоренение нищеты и достижение устойчивого развития во всем мире к 2030 году. Термин «устойчивое развитие», который когда-то касался только экологов, стал привлекать и представителей других областей.

Остановимся на основных принципах термина «Устойчивое развитие», которые сформировались в результате исследований, проведенных ведущими экономистами, экологами и социологами. Устойчивое развитие базируется на трех основных столпах: социальном, экономическом и экологическом. Хотя интерпретация отдельных столпов различается, три столпа предназначены для работы в сочетании друг с другом, и настоящая стабильность возникает, когда три столпа находятся в равновесии (рис. 1).

Термин «устойчивость» по-разному интерпретируется разными учеными и международными организациями. В отчете

Гру Харлем Брунтланн 1987 года термин «устойчивое развитие» интерпретируется как «развитие, которое удовлетворяет потребности нынешнего поколения, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [6]. Всемирная туристская организация определяет устойчивый туризм в контексте процесса устойчивого развития Организации Объединенных Наций, как «туризм, который полностью учитывает его текущие и будущие экономические, социальные и экологические последствия, удовлетворяя потребности посетителей, промышленности, окружающей среды и принимающих сообществ» [7]. Примечательно, что 2015 год стал важной вехой для глобального развития, поскольку правительства приняли Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года вместе с Целями в области устойчивого развития (ЦУР).

Устойчивый туризм — это туризм, который удовлетворяет потребности современных туристов и местных жителей, и в то же время предоставляет достаточные возможности будущим поколениям. В основе устойчивого туризма лежит эффективное использование потенциала существующих природных, национальных и исторических ресурсов для создания возможности для долгосрочного развития, как туризма, так и общества. Высшей целью при этом является достижение высокого социально-экономического роста, оставляя экологическую чистоту и доступность природных ресурсов следующему поколению. Эта концепция соответствует мировым тенденциям развития туризма и способствует устойчивому развитию на основе нового туристического бренда.

С 1990-х гг. UNWTO (United Nations World Tourism Organization) провела обширное исследование показателей измерения по всему миру и по результатам этого исследования опубликовала несколько руководств. Нетрадиционные методы измерения приобретают все большее значение из-за потребности в более конкретных доказательствах, которые поддерживают заинтересованные стороны на всех уровнях для оценки воздействия туризма. Благодаря широкому спектру возможностей, возникающих в результате оцифровки в туристическом секторе, ответственное управление поддерживается наличием необходимой информации путем дополнения существующих традиционных источников данных.

Рис. 1. Принцип устойчивого развития и тройной результат

Последнее десятилетие в индустрии туризма и за ее пределами было разработано множество систем показателей в попытке помочь туристическим направлениям в измерении и управлении развитием туризма. Хотя возможность сравнения с другими направлениями часто является движущей силой этих инициатив, каждое направление представляет собой сложную экосистему с уникальными характеристиками. Учитывая, что устойчивость представляет собой сложный непрерывный процесс, была создана INSTO (Международная сеть обсерваторий устойчивого туризма), основной целью которой является продвижение подходов к дестинациям путем сосредоточения внимания на процессах и структурах, обеспечивающих долгосрочное устойчивое развитие (жизнеспособность). Тем не менее, остаются проблемы измерения отстающих аспектов в мониторинге экологических и социокультурных столпов устойчивости. Решение этой проблемы и предоставление важной информации для принятия управленческих решений посредством региональной оценки воздействия сектора туризма является основной целью сети UNWTO INSTO. International Network of Sustainable Tourism Observatories (INSTO) — международная сеть обсерваторий устойчивого туризма стремится поддерживать тенденции в продвижении к более целостным подходам к измерению и предоставляет участникам возможность делиться опытом, обсуждать, совершенствоваться и учиться на платформе для живого обучения (сайт INSTO).

Обсерватория устойчивого туризма, созданная на определенной территории, обязана осуществлять мониторинг не менее одиннадцати обязательных проблемных областей (табл.1), при этом рекомендуется расширить сферу исследований. Для этих общих проблемных областей можно разработать соответствующий показатель, основанный на местных потребностях. Если показатели относятся к этим проблемным областям, их можно разрабатывать отдельно для каждого направления.

Таблица 1

11 ключевых вопросов, за которыми должны следить обсерватории INSTO [8]

1	Сезонность туризма
2	Трудоустройство
3	Экономические интересы дестинации
4	Управление
5	Уровень удовлетворенности местного населения отраслью
6	Управление энергией
7	Управление водными ресурсами
8	Управление отходами (сточными водами)
9	Управление твердыми отходами
10	Доступность
11	Климатические действия

Эта сеть обсерваторий была создана в 2004 г. по инициативе UNWTO для поддержки управления сектором туризма путем измерения и мониторинга. INSTO стремится поддерживать и связывать направления, которые регулярно отслеживают экономические, экологические и социальные последствия туризма, а также продвигают методы устойчивого туризма на местном и глобальном уровнях. В то же время, обсерватория предоставляет менеджерам по туризму и другим заинтересованным сторонам ключевые инструменты для укрепления институционального потенциала в целях реализации политики, стратегий, планов и управления устойчивым туризмом посредством систематического применения мониторинга, оценки и управления информацией.

С момента создания сети INSTO с 2004 г. до 2022 г. были приняты, в общей сложности, 33 обсерватории: в Китае (8), Греции (1), Мексике (1), Бразилии (1), Индонезии (5), Хорватии (1), США (1), Италии (1), Гватемале (1), Аргентине (1), Австралии (1), Канаде (2), Португалии (3), Испании (5), Колумбии (1) [8]. Эти обсерватории занимаются непрерывным и своевременным измерением воздействия туризма на устойчивое развитие (табл.2). Они предоставляют качественные услуги заинтересованным сторонам, современные и надежные доказательства для улучшения процессов принятия решений на местном уровне.

Таблица 2

Информация об обсерваториях устойчивого туризма [9].

№	Расположение	Название обсерватории	Год основания
1	Яншо, Китай	Обсерватория устойчивого развития туризма Яншо	2006
2	Хуаншан Хайди Хонгкун, Китай	Хуаншаньская обсерватория развития устойчивого туризма	2008
3	Чжанцзяцзе, Китай	Обсерватория устойчивого туризма Чжанцзяцзе	2011
4	Канас, Китай	Обсерватория Канас	2012
5	Эгейские острова, Греция	Обсерватория устойчивого туризма Эганских островов	2013
6	Чаншу, Китай	Обсерватория устойчивого туризма Чаншу	2015
7	Сишунбаньна, Китай	Обсерватория Сюйшунбаньна для устойчивого развития туризма	2015
8	Хэнань, Китай	Хэнаньская обсерватория	2015
9	Гуанахуато, Мексика	Туристическая обсерватория штата Гуанахуато	2015
10	Адриатическое побережье, Хорватия	Хорватская обсерватория устойчивого туризма	2016
11	Сан-Паулу, Бразилия	Обсерватория туризма и событий Сан-Паулу	2016
12	Слеман, Индонезия	Обсерватория Слеман Туризм	2016
13	Ломбок, Индонезия	Обсерватория Ломбока	2016
14	Пангандаран, Индонезия	Обсерватория устойчивого туризма Пангандаранского региона	2016
15	Тоба, Индонезия	Обсерватория Туризм Тоба	2017
16	Санур, Индонезия	Санурская туристическая обсерватория	2017
17	Цзянмэнь, Китай	Обсерватория Цзянмэнь	2017
18	Сонома, Калифорния, США	Обсерватория устойчивого туризма Сонома	2017
19	Южная Тироль, Италия	Обсерватория устойчивого туризма Южного Тироля	2018
20	Алентежу, Португалия	Обсерватория устойчивого туризма Алентежу	2018
21	Буэнос-Айрес, Аргентина	Обсерватория Буэнос-Айреса	2019
22	Наварра, Испания	Туристическая обсерватория Наварры	2019
23	Антигуа-Гватемала Гватемала	Обсерватория устойчивого туризма Антигуа-Гватемалы	2019
24	Юго-Западная Австралия	Юго-западная туристическая обсерватория Австралии (ACBTO)	2019
25	Томпсон Оканаган, Канада	Обсерватория устойчивого туризма Томпсона Оканагана	2019
26	Алгарве, Португалия	Обсерватория устойчивого туризма Алгарве	2020
27	Азорские острова, Португалия	Туристическая обсерватория Азор	2020
28	Канарские острова, Испания	Туристическая обсерватория Канарских островов	2020
29	Майорка, Испания	Обсерватория устойчивого туризма Майорки	2021
30	Барселона, Испания	Туристическая обсерватория Барселоны	2022
31	Юкон, Канада	Обсерватория устойчивого туризма Юкона	2022
32	Богота, Колумбия	Обсерватория туризма Боготы	2022
33	Малага, Испания	Обсерватория устойчивого туризма Малаги	2022

Основные показатели развития туристической инфраструктуры Самаркандской области [11]

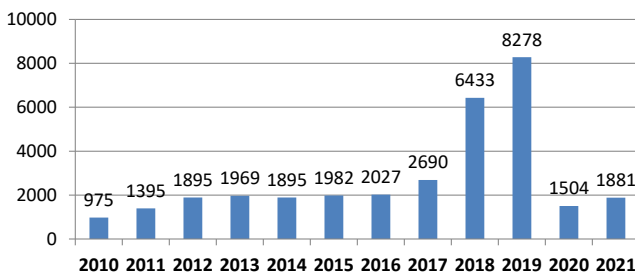
Показатели	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Число фирм и организаций, осуществлявших туристскую деятельность, единиц	56	57	60	68	45	41
Численность работников туристических фирм и организаций	353	274	392	376	318	311
Количество гидов и переводчиков	57	65	64	94	58	54
Экскурсоводы	8	30	27	43	21	12
Количество гостиниц и аналогичных средств размещения	107	104	111	139	144	131
Количество работников в гостиницах и аналогичных средствах размещения	676	639	983	1028	815	793
Количество номеров	2463	2119	2156	2859	2954	2726
Количество мест	4852	4245	4374	5800	5850	5639
Размещение лиц	154475	176375	231200	268367	54866	119900

Туристские обсерватории могут различаться по структуре, но все они имеют общую цель: сбор и анализ достоверных данных для туристической политики, стратегии и принятия правильных (обоснованных) решений. Хотя 11 вопросов, рекомендованных сетью обсерваторий INSTO, в некоторой степени являются обязательными, каждая обсерватория различается по своей структуре и направленности. INSTO не требует от своих членов специального контроля заранее определенных показателей, оставляя достаточную гибкость с точки зрения содержания, уделяя больше внимания инновационным инструментам и методам, используемым ими в процессах.

Анализируя данные табл. 2, можно заметить что наибольшее количество (8) обсерваторий устойчивого туризма находится на территории Китая, и эта страна одной из первых создала обсерваторию устойчивого туризма в качестве эксперимента. В последующие годы создаются обсерватории устойчивого туризма, в основном, европейскими и американскими странами. На азиатском континенте Индонезия создала 5 обсерваторий устойчивого туризма.

Обсерватории устойчивого туризма носят территориальный характер и учитывают социально-экономические, географические, демографические факторы определенного региона. Например, город Самарканд с незапамятных времен привлекает историков и исследователей своим расположением на «Великом Шелковом пути» и является городом с огромным историко-культурным наследием. На территории Самаркандской области насчитывается 1607 объектов истории и культуры, из них 975 археологических, 562 архитектурных объекта, 36 монументальных произведений искусства, 34 достопримечательности и 11 музеев [10]. В настоящее время в Узбекистане 4 архитектурных комплекса включены в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО — исторические центры городов Хива, Бухара, Самарканд и Шахрисабз. В начале XXI века город Самарканд был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО под названием «Самарканд — перекресток культур».

Постановление Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева от 2 декабря 2016 г. № ПФ-4861 «О мерах по обеспечению опережающего развития туристической отрасли Республики Узбекистан» вывело развитие отрасли на новый уровень. Согласно этому Постановлению были определены основные приоритеты реализации ряда задач, направленных на развитие сферы туризма и структурное изменение нашей национальной экономики путем превращения туризма в одну из стратегических отраслей экономики Узбекистана, повышения занятости и положительно влияющего на благосостояние населения. В результате усилий, направленных на стремительное развитие сферы туризма, мы можем наблюдать, что поток туристов, посещающих нашу страну, значительно увеличился (рис. 2).

Рис. 2. Динамика количества туристов, посетивших Республику Узбекистан за 2010–2020 гг. [11]

Можно сказать, что основные исторические города Узбекистана являются главными достопримечательностями республики. С 2017 г. стало очевидным увеличение потока туристов в Самаркандской области. В частности, по данным табл. 3, если сравнить 2016 и 2019 гг., можно заметить, что количество туристов, посетивших регион, увеличилось почти на 75%. Данные таблицы показывают, что количество основных участников рынка туристических услуг (туристские фирмы и организации, гиды и переводчики, средства размещения) с годами пропорционально растет.

Учитывая уникальные особенности города, считаем целесообразным создание в Самарканде Обсерватории устойчивого туризма. На туристическом рынке Самарканда после пандемии можно наблюдать резкое увеличение количества туристов. Это требует нового инновационного подхода к управлению туризмом, что позволит уделить особое внимание показателям устойчивого туризма в регионе.

«Обсерватория устойчивого туризма — Самарканд» должна выполнять несколько основных функций. В частности, предоставление практических рекомендаций по разработке управленческой и маркетинговой стратегии посредством методов мониторинга, анализа и прогнозирования экономических, экологических и социальных проблем региона.

Принимая во внимание, что Международная сеть обсерваторий устойчивого туризма (INSTO) предполагает достаточно гибкий подход в пределах одиннадцати обязательных областей наблюдения, а также учитывая географические, демографические, экономические и другие специфические характеристики региона, мы предлагаем набор показателей, которые следует изучать обсерватории (табл. 4). В данной таблице представлены три области исследования, то есть отдельно сгруппированы индикаторы, связанные с социальными, экономическими и экологическими проблемами. При формировании индикаторов устойчивого туризма были учтены 11 вопросов, рекомендованных сетью обсерваторий INSTO, исходя из конкретных особенностей региона и возможностей сбора данных.

На наш взгляд, для сбора данных, представленных в таблице, целесообразно использовать разные методы. В частности, кроме данных Госкомстата, являющихся основным источником сбора статистических данных, в ряде случаев возможен сбор данных с использованием методов анкетирования и интервью. Этот набор показателей целесообразно собирать и публиковать в течение года. При этом ежеквартальные данные должны быть переданы в вышестоящую организацию, а сформированные на их основе предложения должны быть представлены в региональное управление, что будет способствовать совершенствованию управленческой практики.

Если Самаркандская обсерватория устойчивого туризма присоединится к сети обсерваторий INSTO-устойчивого туризма, появится возможность выявления, адаптации, сравнения деятельности по разным направлениям. Чтобы в полной мере продемонстрировать туристический потенциал региона необходимо использовать опыт развитых стран, которые уже сделали шаги в направлении устойчивого туризма, и в то же время предложить устойчивый туризм на основе требований туристов, которые планируют организовать свои поездки с учетом фактора устойчивости.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

Показатели исследования обсерватории устойчивого туризма

Область исследования	Проблемные вопросы	Название индекса
Экологическая	Изменение климата	Среднее расстояние от пункта назначения туристов до этого пункта назначения
	Загрязнение воздуха	Превышение нормативов вредных веществ в воздухе
	Управление отходами	Управление отходами Количество отходов на душу населения
	Управление потреблением энергии и воды	Потребление воды на душу населения
		Потребление энергии на душу населения
		Процент энергии, потребляемой из возобновляемых источников
	Мобильность	Активное движение туристов
Передвижение туристов общественным транспортом		
Политика и практика устойчивого развития и управления окружающей средой в туристических предприятиях	Туристические предприятия с сертификатом устойчивости	
Экономическая	Контроль развития	Наличие текущих планов или стратегий устойчивого туризма в месте назначения
	Сезонность туризма	Расчет месячных максимальных и минимальных фаз ночевки в средствах размещения
	Влияние на экономическое развитие региона	Средние расходы туристов на проживание (на человека в сутки)
		Занятость в туризме
	Трудоустройство	Отношение средней заработной платы в сфере туристической деятельности к средней заработной плате других видов деятельности
Предоставление разнообразного опыта	Разнообразие туристических услуг	
Социальная	Наличие доступа к туристическим объектам	Туристические достопримечательности
	Влияние туризма на общество	Отношение количества туристов к численности населения
	Орган управления	Наличие эффективных инструментов управления
	Гендерное равенство	Соотношение заработной платы женщин и мужчин, работающих в сфере туризма
	Маркетинговая стратегия устойчивого туризма	Маркетинговые усилия в сфере туризма с применением критериев устойчивости
	Удовлетворенность местного населения туризмом	Население, считающее, что туристическое направление оказывает положительное влияние на регион
	Удовлетворенность местного населения туризмом	Местные жители считающие, что этот район слишком популярен среди туристов.
	Общественная безопасность	Мнение туристов об общественной безопасности.

Список использованных источников:

1. Сакс, Джеффри Д. Эпоха устойчивого развития. — Нью-Йорк: Издательство Колумбийского университета, 2015. ISBN 9780231173155.
2. Всемирная хартия природы, Организация Объединенных Наций, Генеральная Ассамблея, 48-е пленарное заседание, 28 октября 1982 г. // <https://docs.cntd.ru/document/901893001> Дата обращения: 20.06.2022.
3. Багриновский К.А. Имитационные системы принятия экономических решений. — М.: Наука, 1989. — 168 с.
4. UNCED-Конференция ООН по окружающей среде и развитию // <https://www.un.org/ru/conferences/environment/rio1992>. Дата обращения: 20.06.2022.
5. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf Дата обращения: 20.06.2022.
6. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (1987 г.) Доклад Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию: наше общее будущее // <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> Дата обращения: 20.06.2022.
7. Устойчивый туризм. «Цели устойчивого развития туризма» Платформа знаний. <https://sustainabledevelopment.un.org/topics/sustainabletourism> Дата обращения: 20.06.2022.
8. <https://www.unwto.org/sustainable-development/unwto-international-network-of-sustainable-tourism-observatories> Дата обращения: 20.06.2022.
9. Международная сеть обсерваторий устойчивого туризма ЮНВТО. <http://insto.unwto.org/observatories/> Дата обращения: 20.06.2022.
10. Учкун Бутунов, «Как в Самарканде сохраняются объекты материального культурного наследия?», <https://zarnews.uz/uz/post/samarkandgadi-material-cultural-heritage-objects-how-are-they-bereserved> Дата обращения: 20.06.2022.
11. Статистический бюллетень Госкомстата Республики Узбекистан «Основные показатели развития туризма и рекреации Республики Узбекистан на 2021 год». — Ташкент, 2021.

ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЯ

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, КОММЕРЧЕСКИХ И НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СИСТЕМЕ ОТВЕТСТВЕННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ*

С.В. Карпова,

заведующий экспериментальной лабораторией Нейротехнологии в управлении, профессор департамента Логистики и маркетинга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва), доктор экономических наук, профессор svkarпова@fa.ru

В статье рассмотрены вопросы развития теории ответственного потребления при системной поддержке государства различных групп населения. Раскрыто практическое развитие теории ответственного потребления со стороны коммерческих организаций. Для рационального комбинирования инструментов развития этой теории выделены отдельные принципы. Формирование ESG-рейтинга российских коммерческих организаций в рамках осуществления государственных социальных программ поддержки различных групп населения в области ответственного потребления должно базироваться на трех основных параметрах: экологических, социальных, управленческих.

Ключевые слова: ответственное потребление, государственные социальные проекты и программы, коммерческие и некоммерческие организации, группы населения, маркировка, ESG-рейтинг

УДК 658.71 ББК 65.41

В современных условиях развития российской экономики достаточно актуальной проблемой в рамках ответственного потребления выступает максимизация операционной прибыли коммерческих организаций с учетом стремления к рациональному использованию имеющихся природных и человеческих ресурсов. Следует учесть и тот факт, что соблюдение текущих экологических стандартов подразумевает наличие многообразных подходов, специфичных для каждой страны¹ [1, 2].

Тема исследования является достаточно актуальной и важной в связи с изменениями потребительских стандартов и практик среди большинства членов общества. Последствия человеческого «сверхпотребления» приводят к возникновению серьезных проблем социально-экономического и социально-политического характера, к истощению природных ресурсов.

Цель данной статьи состоит в разработке эффективного взаимодействия органов государственной власти, коммерческих и некоммерческих организаций в системе ответственного потребления при реализации государственных социальных проектов и программ поддержки различных групп населения. Предпосылками возникновения концепции ответственного потребительского поведения были экологические движения, социальные движения «добровольной простоты», возникшие еще в 1960-х гг. В табл. 1 представлен анализ определений концепции ответственного потребительского поведения.

Анализ теоретических подходов позволил выделить объекты, на которые направлена реализация принципов ответственного потребления: государство (органы государственной власти), бизнес (бизнес-сообщества, организации-производители) и общество (общественные институты, человек-потребитель).

Развитие теории ответственного потребления должно быть взаимосвязано с одним из основополагающих его проявлений для коммерческих организаций во взаимодействии с гражданским населением, которое приобрело название корпоративной социальной ответственности (КСО). При этом КСО — ключевое направление воспроизводства и предполагает, что организация добровольно берет на себя дополнительные обязательства перед обществом. Организация должна не только платить налоги, выпускать качественную и безопасную продукцию, но и дополнительно вкладывать в своих работников, окружающую среду, территорию присутствия [9].

Можно выделить три основных аспекта, на которые направлены принципы ответственного потребления: 1) экологический, 2) социальный и 3) этический (рис.1). В практическом развитии теории ответственного потребления заинтересован реальный сектор национальной экономики, а именно бизнес, коммерческие организации, которые постоянно осуществляют изготовление пользующихся спросом продовольственных и непродовольственных товаров. Следовательно, на сегодняшний момент практическое развитие теории ответственного потребления со стороны коммерческих организаций должно быть направлено на решение имеющихся актуальных проблем различных групп населения, таких как:

- проблема социальной безопасности;
- обеспечение достойных условий труда и реальной заработной платы;
- соблюдение принципов экологической безопасности;
- минимизация применения вредных для гражданского населения и природной среды сырья и материалов;

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета в 2022 году.

¹ В 2009 г. ООН принята программа по защите окружающей среды в развивающихся странах. Для развитых стран делается акцент на сокращении использования энергии и материалов, по средствам трансформации потребительского поведения в сторону осознанного, рационального потребления [1]. В 2013 г. странами ЕС принята Повестка до 2030 г. где сформулированы принципы внедрения концепции устойчивого развития [2]. В 2015 г. ООН разработал 17 целей устойчивого развития (ЦУР), принятые 193 странами мира, в т.ч. РФ.

Рис. 1. Теоретические аспекты формирования ответственного потребительского поведения

Источник: Составлено автором.

- отсутствие дискриминации среди различных групп населения;

- обеспечение прав сотрудников коммерческих структур.

В соответствии с имеющейся российской практикой можно отметить, что теория ответственного потребления может приобрести практическое развитие под влиянием функционирования ассоциаций коммерческих организаций, некоммерческих организаций (НКО) и некоммерческих партнерств (НП), которые активно стали появляться в России в конце XX — нач. XXI вв. Среди наиболее значимой в области маркетинга в России можно выделить НП «Гильдия Маркетологов».

Возникновение подобных ассоциаций и некоммерческих организаций способствует трансформации потребительского поведения и возникновению теории ответственного потребления, а также повышению интенсивности ее институционализации. Тем не менее, в современных условиях ассоциации и некоммерческие организации хотя и играют важную роль во влиянии на ответственное потребление, но принципы социально ответственного потребления уже длительное время остаются неизменными.

Следовательно, для развития теории ответственного потребления нужна активизация деятельности ассоциаций

Рис. 2. Изображение маркировки, которую возможно ввести на товары, изготовленные с учетом теории ответственного потребления.

Источник: Составлено автором по [10].

коммерческих организаций и некоммерческих организаций, в рамках которых при взаимодействии с органами государ-

Таблица 1

Теоретические подходы к понятию ответственного потребления

Автор	Определение
Srinivas H.	«...потребление товаров и услуг, которое оказывает минимальное воздействие на окружающую среду, является социально справедливым и экономически жизнеспособным, удовлетворяя при этом основные потребности и людей во всем мире. Устойчивое потребление охватывает все сектора и страны, от отдельных лиц до правительств и многонациональных конгломератов» [3]
Программа ООН по защите окружающей среды	«...эффективное использование ресурсов и расширение тем самым ресурсной базы для удовлетворения потребностей человека» [4]
Gro Harlem Brundtland	«...удовлетворение потребностей настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [5]
Дали Г.	«...использование возобновляемых ресурсов не должно превышать скорости их регенерации; скорость изъятия невозобновляемых ресурсов не должна превышать темпов производства их возобновляемых заменителей; интенсивность выброса загрязняющих веществ не должна превышать ассимиляционной емкости экосистем» [6]
Колот А.М.	«...ответственный потребитель предпочитает ту продукцию, изготовление и потребление которой наносит минимальный вред окружающей среде, не угрожает его здоровью и членам семьи. В потреблении товаров и услуг руководствуется не информацией, навязанной маркетингом, а личными, взвешенными потребностями» [7]
Paek H.J., Nelson M.R.	«...благоприятное влияние на общество и окружающую среду, минимизация опасных последствий использования ресурсов» [8]

Источник: Составлено автором по [3, 4, 5, 6, 7, 8].

ственной власти можно ввести специальную маркировку на продовольственные и непродовольственные товары, изготовленные с учетом теории ответственного потребления. Такая маркировка должна быть на упаковке товаров, например, в форме изображения (рис. 2), что даст возможность ускорения заботы о различных группах населения и изменений в устоявшихся привычках российского общества через ответственное потребление.

В современных российских условиях практическое развитие теории ответственного потребления не приобрело достаточного масштаба, поскольку отсутствуют достаточно эффективные государственные социальные программы, обладающие национальной значимостью.

Проблема взаимодействия бизнеса, государства и отдельных групп населения весьма актуальна и существует уже длительное время. При этом она выступает одним из барьеров создания результативного механизма воздействия государства на бизнес и различные группы населения на формирование направлений ответственного потребления. Таким образом, основополагающую роль в комплексном процессе трансформации потребительского поведения и формировании ответственного потребления могут сыграть органы государственной власти. Исходя из этого, можно утверждать, что коммерческие организации и отдельные группы населения при реализации принципов теории ответственного потребления будут придерживаться нормативных требований, принятых органами государственной власти.

Кроме того, коммерческие организации и гражданское население с институциональной точки зрения являются по отношению друг к другу разнородными участниками развития ответственного потребления, поэтому необходимо формирование комплексного института (общественную организацию), который объединит интересы трех сторон: бизнеса (коммерческих организаций), органов государственной власти и гражданского населения (отдельных групп населения).

В соответствии со степенью развитости отечественных институциональных образований, а также с уровнем доверия гражданского населения и коммерческих организаций к государственным социальным программам нужно систематизировать *инструменты развития теории ответственного потребления*:

1. Инструменты развития теории ответственного потребления, влияющие на социально ориентированное потребление товаров, а также обеспечивающие производство таких товаров:

- инициация процесса ответственного потребления;
- поддержка инициатив коммерческих организаций;
- сертификация и верификация товаров, процесса их изготовления коммерческими организациями;
- реализация социально ориентированных инвестиций в ответственное потребление.

2. Инструменты развития теории ответственного потребления, способствующие активизации гражданского населения посредством действий органов государственной власти:

- информирование гражданского населения об этапах развития теории ответственного потребления на местах продаж;
- реализация публикаций о развитии теории ответственного потребления;
- введение маркировки на товары, изготовленные с учетом принципов ответственного потребления;
- реализация онлайн- и оффлайн-рассылок с информацией о развитии ответственного потребления (SMS-рассылка, рассылка по электронной почте, в социальных сетях и т.п.).

Приведенные выше инструменты развития теории ответственного потребления можно рационально комбинировать между собой, что может способствовать увеличению результативности механизма управления ответственным потреблением в рамках участия органов государственной власти и гражданского населения. Для того чтобы рационально комбинировать инструменты развития теории ответственного потребления, нужно придерживаться *следующих принципов*:

1. Минимизация транзакционных затрат, в том числе с учетом отсутствия посредников между коммерческими организациями и различными группами гражданского населения. В данном случае действия органов государственной власти могут быть через поддержку инициатив коммерческих организаций в сертификации и верификации товаров, в процессе изготовления товаров, во введении маркировки на товары, изготовленные с учетом ответственного потребления, в создании публикаций о развитии и трансформации теории ответственного потребления.

2. Устойчивость получения результата в рамках практической реализации теории ответственного потребления, эффективная структуризация гражданского населения на отдельные группы. Этот принцип дает возможность активизировать ответственное потребление гражданского населения, поскольку устойчивость получения результата является приоритетом для различных групп населения. Важным направлением является вовлечение в комплексный процесс взаимодействия бизнеса, государства и гражданского населения всех заинтересованных в развитии теории ответственного потребления индивидов.

Таким образом, существует необходимость улучшения взаимодействия бизнеса, государства и гражданского населения с учетом развития теории ответственного потребления. Деятельность коммерческих организаций должна быть направлена на решение актуальных для гражданского населения проблем, связанных с социальной безопасностью, обеспечение достойных условий труда и реальной заработной платы; соблюдением принципов экологической безопасности; минимизацией применения в производстве товаров вредных для населения и окружающей среды сырья и материалов; отсутствием дискриминации среди различных групп населения; обеспечением прав работников коммерческих организаций. При этом инструментами развития теории ответственного потребления должны стать инструменты, влияющие на социально ориентированное

потребление и обеспечивающие производство необходимых товаров, а также способствующие активизации гражданского населения, реализация которых базируется на минимизации транзакционных затрат, устойчивости получения результата, эффективной структуризации населения на отдельные группы с учетом ответственного потребления.

Внедрение в государственные социальные программы ESG-рейтинга коммерческих организаций для поддержки различных групп населения.

В современных условиях тренд на ответственное потребление распространился и на область финансовых вложений, осуществляемых российскими коммерческими организациями. В зарубежных странах органы государственной власти для оценки ответственного потребления внедряют ESG-рейтинг коммерческих организаций — аббревиатуру ESG (Environment Social Governance) можно расшифровать как «экология, социальная политика и корпоративное управление». В широком смысле это устойчивое развитие коммерческой деятельности, которое строится на следующих принципах: ответственное отношение к окружающей среде (Environment); высокая социальная ответственность (Social); высокое качество корпоративного управления (Governance) [11].

ESG-рейтинг позволяет ответить на несколько важных вопросов:

1. В какой степени коммерческие организации на сегодняшний момент несут ответственность по отношению к защите окружающей среды и решению вопросов экологии?

2. Каков уровень корпоративной социальной ответственности коммерческих организаций?

3. Насколько высоко качество существующей внутренней системы управления коммерческих организаций?

Несмотря на то, что в зарубежной практике развития теории ответственного потребления ESG-рейтинг коммерческих организаций выступает весьма популярным явлением, в российской действительности ESG-принципы распространены в минимальной степени, как правило, только на уровне отдельных организаций в отдельных отраслях экономики. Формирование ESG-рейтинга российских коммерческих организаций в рамках осуществления государственных социальных программ поддержки различных групп населения в области ответственного потребления должно базироваться на системе *следующих параметров:*

1. Экологические параметры включают:

- степень ответственности коммерческих организаций по отношению к окружающей среде;
- уровень эффективности мероприятий коммерческих организаций, направленных на уменьшение нагрузки на внешнюю экологическую обстановку (снижение ущерба).

2. Социальные параметры включают:

- степень ответственности коммерческих организаций по отношению к персоналу;
- степень ответственности коммерческих организаций по отношению к поставщикам;
- степень ответственности коммерческих организаций по отношению к деловым партнерам;
- степень ответственности коммерческих организаций по отношению к потребителям.

3. Управленческие параметры включают:

- прозрачность управленческой, финансовой (бухгалтерской) и других видов отчетности;
- уровень средней начисляемой заработной платы в рамках штатного расписания;
- степень здоровья трудового коллектива;
- степень ответственности топ-менеджмента по отношению к акционерам коммерческих организаций (в случае, если оценивается ESG-рейтинг акционерного общества);
- степень практического использования коммерческими организациями антикоррупционных мер.

Таким образом, финансовые вложения современного российского коммерческого сектора стали одной из сфер практической реализации теории ответственного потребления, что выступает причиной включения дополнительного компонента при реализации государственных социальных программ поддержки различных групп населения — ESG-рейтинга, способствующего пониманию степени ответственности коммерческих организаций по отношению к окружающей среде, уровня социальной ответственности коммерческих организаций, степени качества внутренней системы управления в коммерческих организациях. Формирование ESG-рейтинга коммерческих организаций должно строиться на трех основных параметрах: экологических, социальных и управленческих, которые позволят понять, насколько российский бизнес готов трансформироваться под влиянием теории ответственного потребления.

Статья поступила в редакцию 27.08.2022 г.

Список использованных источников:

1. Internal Market, Industry, Entrepreneurship and SMEs // European Commission. — 2019. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/info/departments/internal-market-industry-entrepreneurship-and-smes_en (дата обращения: 19.03.2022).
2. SDGs — Agenda 2030 // Council of Europe. Congress of the Council of Europe. — 2020. — URL: <https://www.coe.int/ru/web/congress/sdg> (дата обращения 23.03.2022).
3. Srinivas H. Sustainability Concepts: Sustainable consumption / Global Development Research Center., 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gdrc.org/sustdev/concepts/22-s-consume.html> (дата обращения: 20.03.2022).
4. UNEP 2009 annual report. — 2009. [Электронный ресурс] URL: <https://www.unenvironment.org/resources/annual-report/unep-2009-annual-report> (дата обращения: 24.03.2022).
5. Устойчивое развитие: вызовы и возможности: сборник научных статей / Под ред. Е.В. Викторовой. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020 — 333 с.
6. Основные положения стратегии устойчивого развития России / Под ред. А.М. Шелехова. — М., 2002. — 161 с.
7. Социальная ответственность: теория и практика развития: монография / Под ред. А.М. Колота. — К.: КНЭУ, 2012. — 501 с.
8. Paek H.J., Nelson M.R. To Buy or Not to Buy: Determinants of Socially Responsible Consumer Behavior and Consumer Reactions to Cause-Related and Boycotting. // Journal of Current Issues & Research in Advertising. — 2012. — Vol. 31(2). — P. 75–90.
9. КСО. Подробнее на РБК: <https://trends.rbc.ru/trends/social/cmrm/617f98159a79474f5e6c60b1> (дата обращения: 22.07.2022).
10. Кашеев О.В., Усик С.П., Вингерт А.И. Ответственное потребление как новая парадигма культуры современного общества. // Вестник славянских культур. — 2021. — №61. — С. 127–135.
11. ESG-принципы: что это такое и зачем компаниям их соблюдать. Подробнее на РБК: <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435> (дата обращения: 22.08.2022).

МЕТОДИКА РАСЧЕТА ЗАГРЯЗНЕНИЯ АТМОСФЕРЫ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ О ПРОИЗВОДИМОЙ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ И ТЕПЛОВОЙ ЭНЕРГИИ

К.М. Кляус,

старший научный сотрудник Санкт-Петербургского научного центра Российской академии наук, кандидат технических наук
klyaus@spbrc.nw.ru

О.Д. Пожарская,

младший научный сотрудник Санкт-Петербургского научного центра Российской академии наук
olesya@spbrc.nw.ru

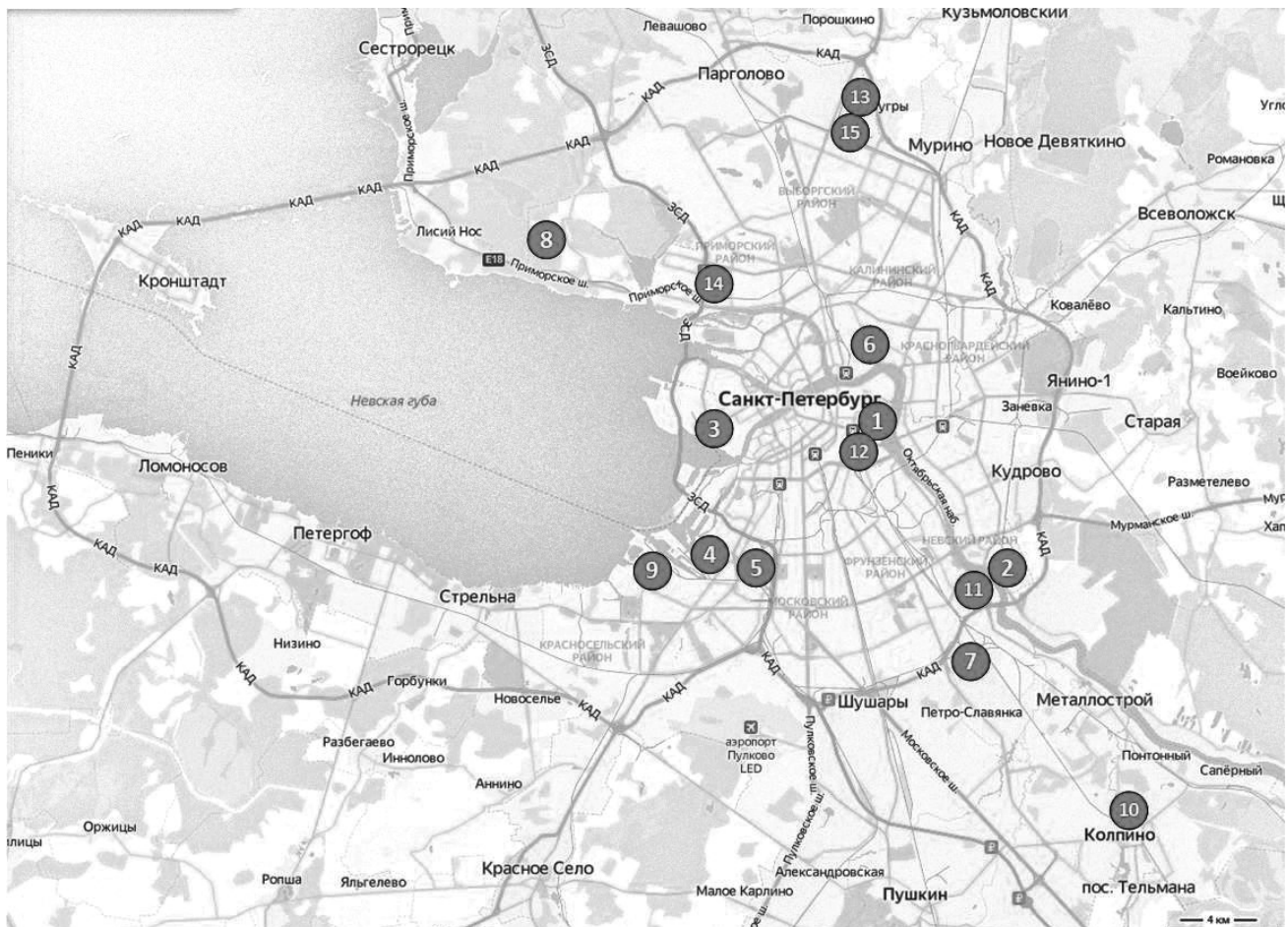
Статья посвящена оценке выбросов загрязняющих веществ тепловыми электростанциями и котельными. В отличие от существующих методик, в настоящей работе в качестве исходного параметра для расчёта валовых выбросов предложен расход топлива в энергетическом эквиваленте, соответствующий данным по выработанной электрической и/или тепловой энергии. Такой подход используется при количественной оценке выбросов парниковых газов. Методика позволяет получить расчётный прогноз основных вредных выбросов в случаях отсутствия полной или достоверной информации по количеству израсходованного топлива и при проектировании объектов энергетики на основе заданной проектной мощности.

Ключевые слова: выбросы вредных веществ, тепловая энергия, расход топлива в энергетическом эквиваленте, методика расчёта загрязнения атмосферы

УДК 502.5 ББК 20.1

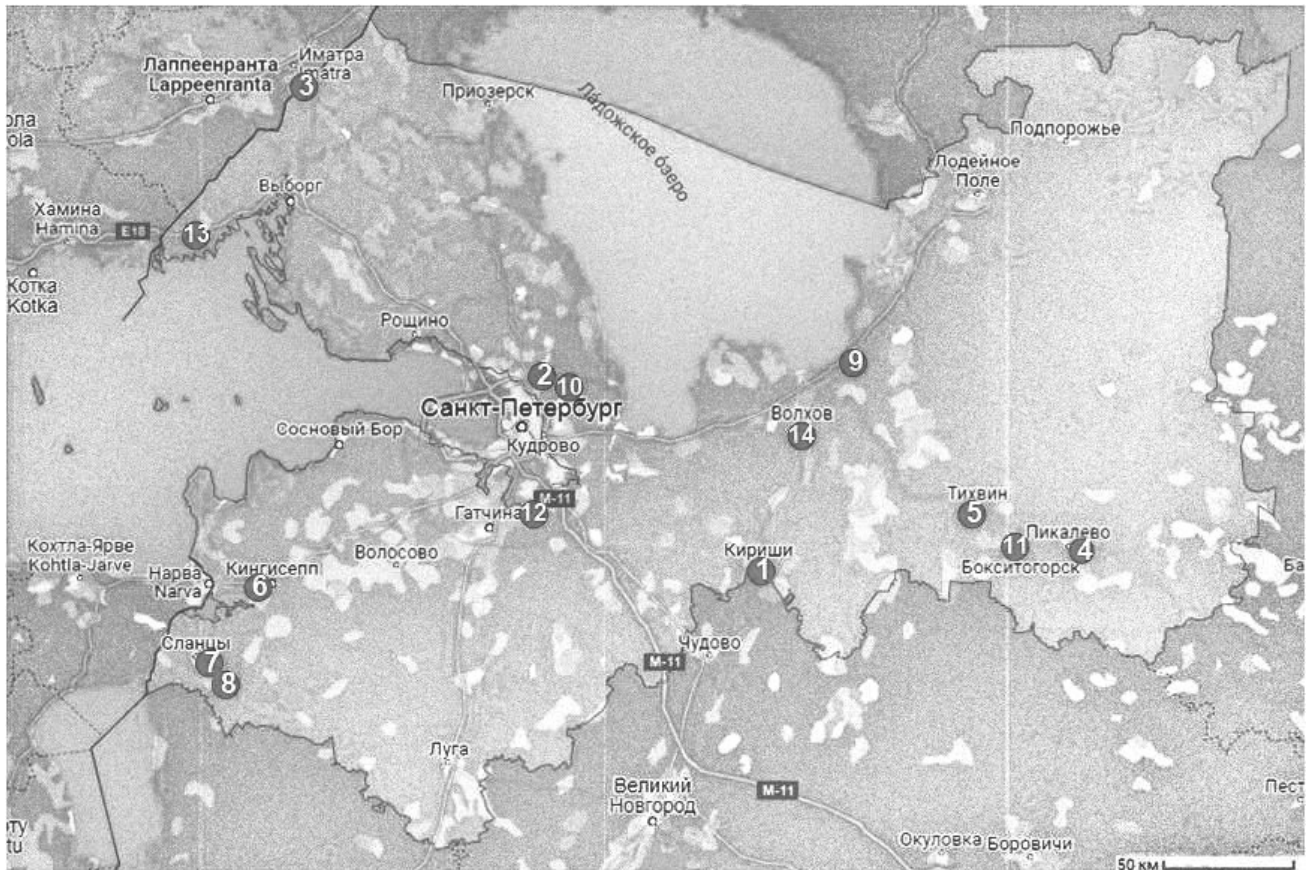
Введение. Теоретические основы расчётного прогноза выбросов загрязняющих веществ в атмосферу к настоящему времени достаточно хорошо разработаны и положены в основу нормативных документов и справочной литературы [1–7]. Исходными данными для расчётов являются параметры выброса, характеристики источника и метеоусловия для заданной расчётной точки. Важнейшими параметрами выброса, от

которых зависит оценка концентраций загрязняющих веществ, являются масса вещества, выбрасываемого в атмосферу (мощность выброса) и расход газо-воздушной смеси через устье источника (трубы). Эти параметры определяются эмпирическим путём на основе статистической обработки результатов замеров в течение определённых интервалов времени осреднения. Для практических целей существуют рекомендации по

Рис. 1. Карта-схема расположения ТЭС и ТЭЦ Санкт-Петербурга

1 — Центральная ТЭЦ; 2 — Правобережная ТЭЦ (ТЭЦ-5); 3 — Василеостровская ТЭЦ (ТЭЦ-7); 4 — Первомайская ТЭЦ (ТЭЦ-14); 5 — Автоовская ТЭЦ (ТЭЦ-15); 6 — Выборгская ТЭЦ (ТЭЦ-17); 7 — Южная ТЭЦ (ТЭЦ-22); 8 — Северо-Западная ТЭЦ; 9 — Юго-Западная ТЭЦ; 10 — Новоколпинская ТЭЦ (ГСР ТЭЦ); 11 — ТЭЦ Генерирующей компании «Обуховоэнерго» (БТЭЦ-1); 12 — ТЭЦ ОАО «НПО ЦКТИ»; 13 — ГТ ТЭЦ завода «Балтика-Санкт-Петербург»; ЭС котельной «Приморская»; ЭС котельной «Парнас-4».

Рис. 2. Карта-схема расположения ТЭС и ТЭЦ Ленинградской области

1 — Киришская ГРЭС; 2 — Северная ТЭЦ (ТЭЦ-21); 3 — ТЭЦ ЗАО «Интерн. Пейпер»; 4 — ТЭЦ ООО «Пикалёвский глинозёмный завод»; 5 — Тихвинская ТЭЦ; 6 — ТЭЦ ООО «ПГ «Фосфорит»; 7 — ТЭЦ ООО «Сланцы»; 8 — ГП-ТЭЦ ООО «Петербургцемент»; 9 — ТЭС-2 ОАО «Сяьский ЦБК»; 10 — Всеволожская ГТ ТЭЦ; 11 — ТЭЦ Бокситогорского глинозёмного завода; 12 — ТЭЦ АО «Кнауф Петроборд»; 13 — ТЭС КСПГ «Портовая»; 14 — Волховская ТЭЦ.

их выбору. Мощность выброса определяется как функция количества израсходованного топлива в абсолютных единицах (тоннах, кубических метрах), поэтому для выполнения таких расчётов требуется информация по видам и количеству использованного топлива.

В отличие от существующих методик, в настоящей работе в качестве исходного параметра предложен расход топлива в энергетическом эквиваленте, соответствующий данным по выработанной электрической и тепловой энергии. Такой подход положен в основу алгоритмов расчёта выбросов парниковых газов, которые предусматривают определение объёма диоксида углерода и других компонентов продуктов сгорания органического топлива по статистическим показателям, достоверность которых подтверждается обработкой большого количества экспериментальной информации [8–10].

Энергетика Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Чтобы составить представление о масштабах проблемы выбросов объектами энергетики, рассмотрим в качестве примера Санкт-Петербург и Ленинградскую область. Оба субъекта Федерации являются частью Объединённой энергосистемы Северо-Запада. В Санкт-Петербурге эксплуатируются 13 теплоэлектроцентрали (с учётом Северной ТЭЦ, расположенной во Всеволожском районе) и 3 электростанции крупных промышленных предприятий общей мощностью около 4500 МВт, которые обеспечивают ежегодный объём производства электроэнергии около 20 млрд кВт ч [11, 12]. На территории Ленинградской области расположены 16 ТЭС и ТЭЦ. Годовая выработка электроэнергии в области составляет около 8 млрд кВт ч [13, 14]. Теплоснабжение Санкт-Петербурга и Ленинградской области помимо ТЭЦ обеспечивают около двух тысяч котельных, работающих в пределах отопительного сезона (с сентября по май). Схемы расположения ТЭС и ТЭЦ Санкт-Петербурга и Ленинградской области представлены на рис. 1 и 2. Основным видом топлива для объектов энергетики

нашего региона является природный газ. Сжигание органического топлива приводит к выбросу в атмосферу многих тысяч тонн загрязняющих веществ и нескольких миллионов тонн парниковых газов.

Основной состав вредных выбросов. К основным загрязняющим веществам принято относить оксиды азота (NO и NO_2), углерода (CO и CO_2) и серы (SO_2 и SO_3). В случае использования в качестве топлива природного газа оксиды серы и летучая зола практически отсутствуют. Из продуктов неполного сгорания обычно выделяют оксид углерода (CO).

В соответствии с введёнными в действие Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 30.05.2003 № 114 гигиеническими нормативами [15] регламентируются предельно допустимые концентрации загрязняющих веществ некоторых вредных выбросов (табл. 1). Большинство химических веществ при их одновременном присутствии в атмосферном воздухе обладают суммацией воздействия. Необходимое условие безопасности суммарной концентрации записывается следующим образом:

$$\frac{C_1}{\text{ПДК}_1} + \frac{C_2}{\text{ПДК}_2} + \dots + \frac{C_n}{\text{ПДК}_n} \leq 1$$

где $C_1, C_2, \dots, C_n$ — фактические концентрации веществ в атмосферном воздухе;

$\text{ПДК}_1, \text{ПДК}_2, \dots, \text{ПДК}_n$ — предельно допустимые концентрации тех же веществ.

Названия веществ в табл. 1 приведены в алфавитном порядке в соответствии с правилами Международного союза теоретической и прикладной химии, (International Union of Pure and Applied Chemistry, IUPAC). Регистрационные номера соответствуют классификации Chemical Abstracts Service (CAS). Классы опасности — по ГОСТ 12.1.007–76 [16]:

- 1 класс — чрезвычайно опасные;
- 2 класс — высоко опасные;

3 класс — умеренно опасные;
4 класс — мало опасные.

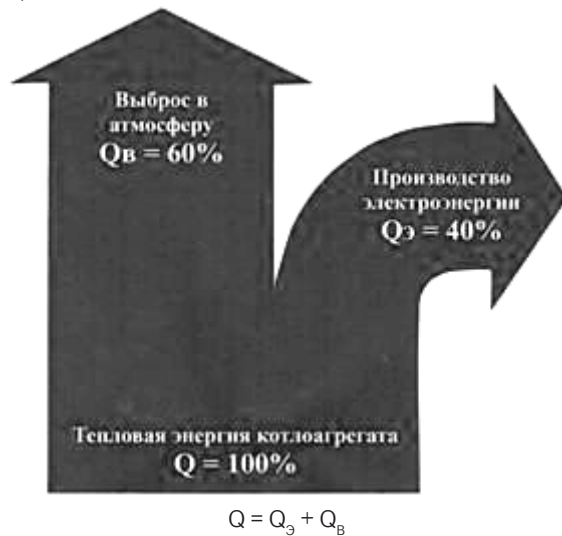
Предельно допустимые концентрации и классы опасности основных вредных веществ [15, 16]

Порядковый номер	Наименование вещества	Регистрационный номер CAS	Формула	Величина ПДК, мг/м ³		Класс опасности
				максимальная разовая	среднесуточная	
4	Азота диоксид	10102-44-0	NO ₂	0,085	0,040	2
6	Азот (II) оксид	10102-43-9	NO	0,040	0,660	3
286	Мазутная зола теплоэлектростанций (в пересчете на ванадий)			—	0,002	2
463	Сера диоксид	7446-09-5	SO ₂	0,500	0,050	3
521	Углерод оксид	630-08-0	CO	5,000	3,000	4

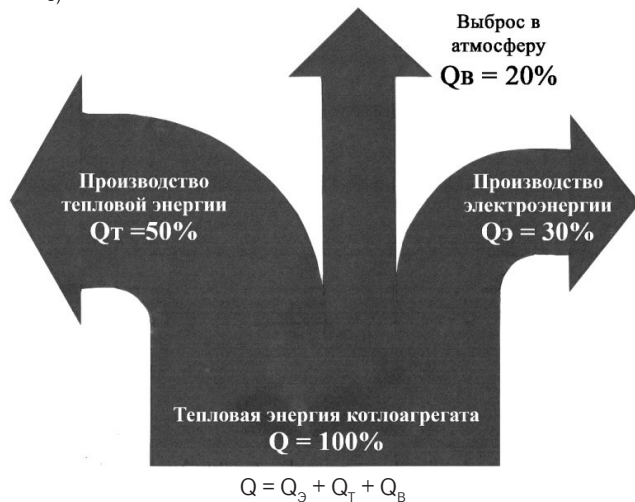
Общие потери энергии в окружающую среду могут достигать 50–70% химической энергии топлива, в зависимости от его вида, технологии сжигания топлива и технических характеристик устройств. Потoki тепловой энергии, характерные для выработки электричества и тепла представлены на рис.3. Приведенные значения распределения энергии отражают порядок величин и могут варьироваться в пределах ±(5–10)% в зависимости от реальных условий.

Нормативы удельных выбросов определяют с использованием действующих нормативно-методических документов по нормированию и контролю выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от объектов теплоэнергетики [2–4].

а)

б)

Рис. 3. Распределение тепловой энергии выделенной при сгорании топлива: а) ТЭС, б) ТЭЦ

Оценка удельных выбросов производится для условий работы котельной установки (котлоагрегата, водогрейного котла) при максимальном расходе сжигаемого топлива наихудшего качества (наименьшая теплота сгорания, наибольшие содержания мазутной золы, серы и т.д.) и максимальной нагрузке. За максимальную концентрацию загрязняющего вещества принимается наибольшая концентрация загрязняющего вещества при наихудших условиях работы оборудования при нормальных условиях. Единицей измерения концентрации обычно является мг/м³. Определение максимальных выбросов загрязняющих веществ в атмосферу проводится согласно [7].

Типовая методика расчётной оценки вредных выбросов.

В зависимости от мощности и производительности котельных установок разработаны различные методики количественного прогноза загрязняющих веществ. Ниже приводится краткое изложение общепринятой методики, предназначенной для расчета выбросов газообразных продуктов сгорания природного газа и мазута применительно к промышленным котельным установкам тепловой мощностью W_{KA} до 20 Гкал·ч (производительностью r_{KA} до 30 т/ч).

Как отмечалось выше, при сжигании газа в атмосферу выбрасываются диоксид азота и оксид углерода. При сжигании мазутов с дымовыми газами выбрасываются оксиды азота, углерода, серы и мазутная зола (в пересчете на соединения ванадия).

Валовые выбросы загрязняющих веществ зависят как от количества и вида топлива, так и от типа установки. Исходные данные о потреблении топливных ресурсов представляются в физических единицах (тыс. т, тыс. м³ и т.д.) или в унифицированных энергетических единицах — тоннах условного топлива (т у.т.). Для преобразования этих данных в энергетические единицы (в системе СИ — джоуль) используются значения низшей теплотворной способности топлива (калорийные эквиваленты), взятые с учетом свойств отечественных видов топлива.

1. Валовый выброс оксидов азота (NO_x) в пересчете на диоксид азота (NO₂), т/год:

$$M_{NO_2} = m \cdot Q^H \cdot K_{NO_2} \cdot (1 - \beta) \cdot 10^{-3}, \quad (1)$$

где m — количество израсходованного топлива в год, т (тыс. м³); Q^H — низшая теплота сгорания натурального топлива, МДж/кг (МДж/м³):

$$Q^H = \begin{cases} 35,80 - 41,75 - \text{природный газ} ; \\ 39,85 - 40,30 - \text{мазут} \end{cases}$$

K_{NO_2} — параметр, характеризующий количество оксидов азота, образующихся на один ГДж тепла, кг/ГДж, для которого авторами рекомендована аппроксимационная зависимость в виде логарифмической функции от мощности котельной установки (рис. 4), дающая достоверную оценку ($R^2 = 0,9676$) при $0 < W_{KA} \leq 20$ Гкал·ч:

$$K_{NO_2} = 0,01 \cdot \ln(W_{KA}) + 0,0852 ;$$

W_{KA} — тепловая мощность, Гкал·ч;

β — коэффициент, зависящий от степени снижения выбросов оксидов азота в результате применения технических решений (при $W_{KA} \leq 20$ Гкал·ч принимается равным $\beta = 0$).

2. Валовый выброс оксида углерода (CO), т/год:

$$M_{CO} = C_{CO} \cdot m \cdot \left(1 - \frac{q_4}{100}\right) \cdot 10^{-3} \quad (2)$$

где C_{CO} — выход оксида углерода при сжигании топлива, кг/т, (кг/тыс. м³), определяемый по формуле

$$C_{CO} = q_3 \cdot R \cdot Q^H ;$$

q_3 — потери теплоты вследствие химической неполноты сгорания топлива, % (для сжигания газа и мазута в камерных топках $q_3 = 0,5\%$);

q_4 — потери теплоты вследствие механической неполноты сгорания, % ($q_4 = 0$);

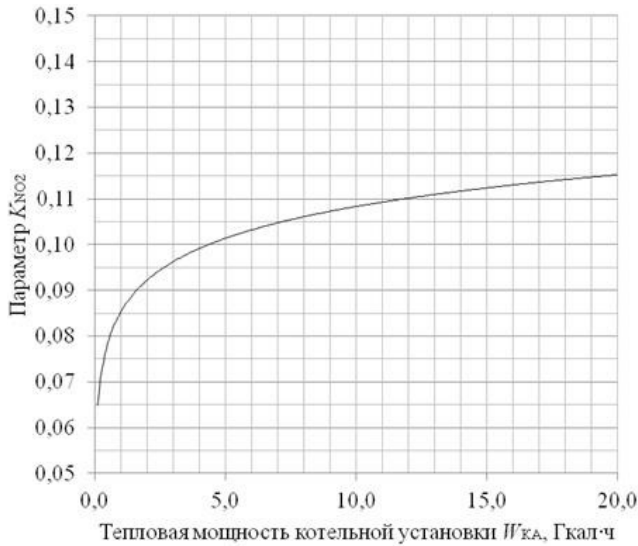

Рис. 4. Параметр K_{NO_2} как функция тепловой мощности $W_{КА}$

R — коэффициент, учитывающий долю потери теплоты вследствие химической неполноты сгорания топлива, обусловленный наличием в продуктах сгорания оксида углерода:

$$R = \begin{cases} 0,50 & \text{— природный газ} \\ 0,65 & \text{— мазут} \end{cases}$$

3. Валовый выброс оксидов серы (SO_x) в пересчете на диоксид серы (SO_2) (определяется только для жидкого топлива), т/год:

$$M_{SO_2} = 0,02 \cdot m \cdot S \cdot (1 - \eta'_{SO_2}) \cdot (1 - \eta''_{SO_2}), \quad (3)$$

где S — содержание серы в топливе, %

$$S = \begin{cases} 0,0 & \text{— природный газ;} \\ 0,5 - 1,9 & \text{— мазут} \end{cases}$$

η'_{SO_2} — доля оксидов серы, связываемых летучей золой топлива.

$$\eta'_{SO_2} = \begin{cases} 0,00 & \text{— природный газ;} \\ 0,02 & \text{— мазут} \end{cases}$$

η''_{SO_2} — доля оксидов серы, улавливаемых в золоуловителе (для сухих золоуловителей принимается равной $\eta''_{SO_2} = 0$).

4. Валовый выброс мазутной золы в пересчете на ванадий (V) (определяется только для жидкого топлива), т/год:

$$M_V = 10^{-6} \cdot q_v \cdot m \cdot (1 - n_{OC}) \cdot (1 - \eta_v), \quad (4)$$

где q_v — содержание оксидов ванадия в мазуте, г/т:

$$q_v = \frac{4000 \cdot A}{1,8}$$

$$A = \begin{cases} 0,0 & \text{— природный газ;} \\ 0,1 & \text{— мазут} \end{cases}$$

n_{OC} , η_v — коэффициенты оседания и улавливания оксидов ванадия ($n_{OC} = 0$, $\eta_v = 0$).

Представленная схема расчётной оценки валовых выбросов загрязняющих веществ (формулы 1–4), изложенная в соответствии с методическими указаниями [6], является упрощённой и даёт общее представление о процедуре расчётов.

Расчёт вредных выбросов на основе данных по выработанной энергии. Основную долю выбросов продуктов сгорания топлива составляют углекислый газ (при сжигании природного газа до 80%, мазута — до 66% [17]) и пары воды (для природного газа до 19% и мазута — до 33% [17]), которые, как правило, не подлежат санитарно-эпидемиологическому нормированию. Тем не менее, углекислый газ является основным парниковым газом, снижение выбросов которого признано необходимым условием устойчивого и сбалансированного развития экономики Российской Федерации [18]. Для различных видов органического топлива существуют устойчивые соотношения между компонентами дымовых газов, которые с определённой степенью точности можно нормировать относительно компонента CO_2 . В свою очередь, расчёт выбросов углекислого газа для случая стационарного сжига-

ния топлива на объектах энергетики может быть выполнен по методикам количественного определения объёма выбросов парниковых газов [8–10].

Ниже приводится предлагаемая авторами методика оценки вредных выбросов, в основу которой положен расчёт объёмов углекислого газа на основании данных по выработанной электрической или тепловой энергии. Методика справедлива для общего случая (ТЭЦ).

Расчёт объёма выбросов углекислого газа производится по формуле (5) [10]:

$$M_{CO_2} = Q \cdot EF_{CO_2}, \quad (5)$$

где M_{CO_2} — валовый выброс диоксида углерода, кг;

Q — энергетический эквивалент, израсходованного на производство энергии, топлива выраженное в энергетических единицах — ТДж (справочная информация о калорийных эквивалентах топлив приведена в Методологических положениях [19]);

EF_{CO_2} — коэффициент пересчёта, выраженный в кг/ТДж для выбросов диоксида углерода (в скобках указан диапазон изменения, рекомендуемый методикой [10]):

$$EF_{CO_2} = \begin{cases} 56\ 100 & \text{(интервал 54\ 300–58\ 300) — природный газ} \\ 77\ 400 & \text{(интервал 75\ 500–78\ 800) — топочный мазут} \end{cases}$$

Объём выбросов основных загрязняющих веществ представляется как линейная функция валового выброса диоксида углерода.

1. Валовый выброс оксидов азота (NO_x) в пересчете на диоксид азота (NO_2), т/год:

$$M_{NO_2} = M_{CO_2} \cdot w_{NO_2} \quad (6)$$

2. Валовый выброс оксида углерода (CO), т/год:

$$M_{CO} = M_{CO_2} \cdot w_{CO} \quad (7)$$

3. Валовый выброс оксидов серы (SO_x) в пересчете на диоксид серы (SO_2) (определяется только для жидкого топлива), т/год:

$$M_{SO_2} = M_{CO_2} \cdot w_{SO_2} \quad (8)$$

Коэффициенты приведения w_i в формулах (5)–(7) для природного газа принимают значения:

$$w_{NO_2} = 0,001340 \pm 0,000450;$$

$$w_{CO} = 0,005000 \pm 0,000500;$$

$$w_{SO_2} = 0,000000.$$

Числовые значения для w_i получены авторами в результате обработки опубликованных данных [17]. Нормировка компонентов выбросов по отношению к диоксиду углерода сводит расчёт к определению объёма выброса одного компонента по формуле (5), остальные компоненты определяются через коэффициенты приведения.

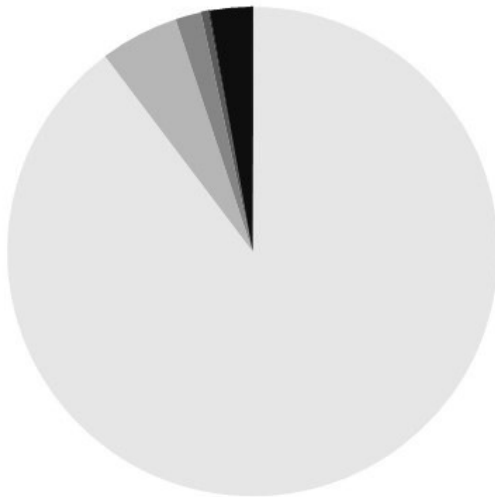
Значения коэффициентов w_i для мазута в настоящее время уточняются. Номенклатура вредных выбросов может быть расширена в дальнейших исследованиях.

Расчётная проверка предложенной методики.

Для иллюстрации практического применения методики рассмотрим котельную, обслуживающую комплекс зданий Российской академии наук по адресу Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 5. Отопительный период составляет 5280 часов в год.

В составе основного оборудования два автоматизированных водогрейных котла марки ROCA CPA-1100 с номинальной тепловой мощностью 1280 кВт каждый. Коэффициент полезного действия 90,6%, давление в системе 5 бар, максимальная температура теплоносителя 100°C.

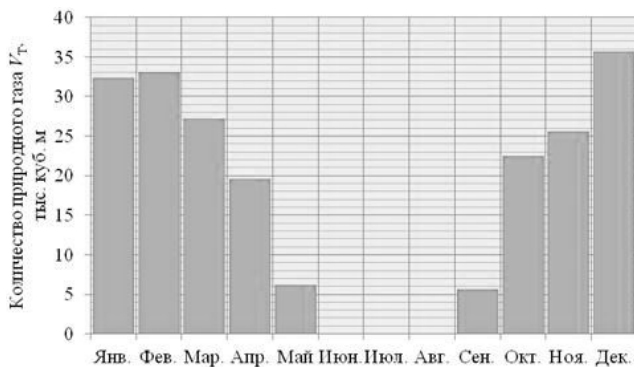
Котельная работает на природном газе, поставляемом по газопроводу Серпухов-Ленинград. Компонентный состав природного газа, используемого в качестве органического топлива на объектах промышленности, в том числе, в энергетике варьируется в широких пределах. Поэтому в ГОСТ 5542–2014 [20] он не нормируется. Примерный состав газа, используемого при производстве тепловой энергии для отопительной системы, приводится на рис. 5. Низшая теплота сгорания газа принята равной $Q^{HO} = 37,43$ МДж/м³ [1].

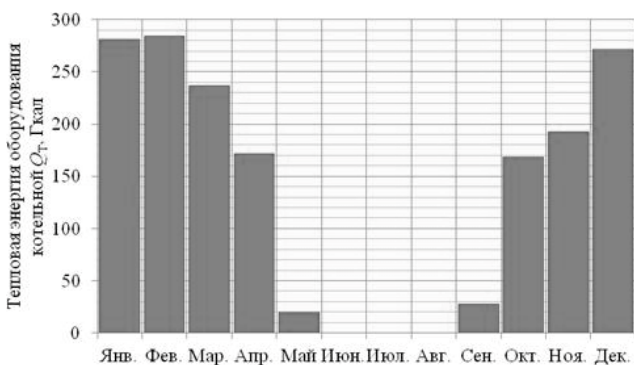
- Метан CH₄ (89,7%)
- Этан C₂H₆ (5,2%)
- Пропан C₃H₈ (1,7%)
- Изобутан C₄H₁₀ (0,5%)
- Изопентан C₅H₁₂ (0,1%)
- Азот молекулярный N₂ (2,7%)
- Диоксид углерода CO₂ (0,1%)

Рис. 5. Компонентный состав природного газа (газопровод Серпухов-Ленинград [1])

Исходные данные для расчётов представлены на рис. 6 и 7.

Рис. 6. Расход природного газа при работе водогрейных котлов в пределах отопительных сезонов

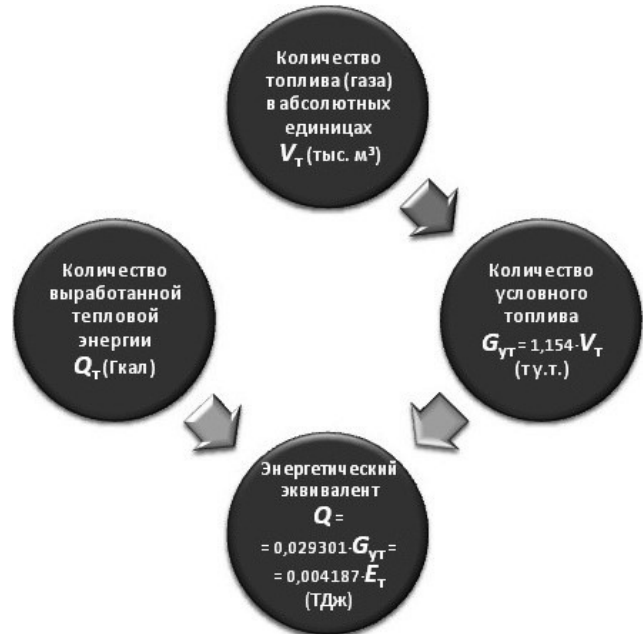
Рис. 7. Выработка тепловой энергии оборудованием котельной в пределах отопительных сезонов (с учётом коэффициента полезного действия)

Сводные данные:

Общий годовой расход природного газа: 207,643 тыс. м³
 Общее годовое количество выработанной тепловой энергии 1 837,796 Гкал

Схема пересчёта абсолютных единиц количества топлива и выработанной тепловой энергии представлена на рис. 8.

Приведенная на рис. 8 схема показывает возможность использования для расчёта величины Q данных, как по количеству топлива в абсолютных единицах V_T (правая ветвь),

Рис. 8. Перевод абсолютных единиц объёма природного газа V_T (тыс. м³) и выработанной тепловой энергии Q_T (Гкал) в их энергетический эквивалент Q (ТДж)

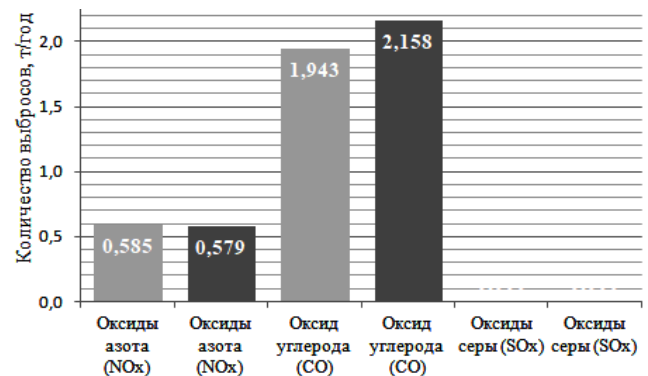
так и по выработанной полезной энергии Q_T (левая ветвь), что свидетельствует об очевидном преимуществе предложенного подхода — его универсальности. Для других видов топлива подобные схемы будут отличаться коэффициентами.

Результаты расчёта приводятся в табл. 2 и на рис. 9.

Таблица 2

Результаты расчёта валовых выбросов. Сравнительные данные

	Наименование расчётного параметра	Размерность	Результаты расчёта	
			Действующая методика (формулы 1–4)	Предложенная методика (формулы 5–8)
1	Валовый выброс диоксида углерода (CO ₂)	т/год	не определён	431,681
2	Валовый выброс оксидов азота (NO _x) в пересчёте на диоксид азота (NO ₂)	т/год	0,585	0,579
3	Валовый выброс оксида углерода (CO)	т/год	1,943	2,158
4	Валовый выброс оксидов серы (SO _x) в пересчёте на диоксид серы (SO ₂)	т/год	0,000	0,000

Рис. 9. Результаты расчёта валовых выбросов. Сравнительные данные

Как следует из представленных расчётных данных, обе методики показали хорошую сходимость результатов расчётного прогноза искомых величин. Тем не менее, верификация методики требует новых исследований и большого количества

расчётных экспериментов. Необходимо отметить, что аналогичные результаты были получены АО «НИИ Атмосфера» в ежегодном сводном отчёте загрязнения воздуха (расчёт, выполненный АО «НИИ Атмосфера», показал значение выбросов оксида углерода на 20% больше, полученного в настоящей работе).

Выводы. Результатом настоящей работы является методика расчётного прогноза объёмов загрязнений атмосферного воздуха объектами энергетики. Новизна предложенного подхода заключается в том, что в основу расчёта валовых выбросов загрязняющих веществ положен объём выработки электрической или тепловой энергии за рассматриваемый период, в то время как традиционные методики базируются на количестве израсходованного топлива в абсолютных единицах.

В некоторых случаях такой подход обладает преимуществами, например, при проектировании объектов электроэнергетики, когда мощность станции является важнейшим параметром технического задания. Прогноз объёма выбросов загрязняющих веществ, оценка и оптимизация параметров технических решений системы отведения дымовых газов в этом случае значительно облегчаются. В развитие настоящей работы необходимо увеличить номенклатуру загрязняющих веществ, как газообразных, так и золы, и, соответственно, номенклатуру видов органического топлива.

Авторы выражают благодарность сотруднику СПбНЦ РАН О.А. Деберсковой за предоставленные данные по работе котельной.

Статья поступила в редакцию 05.08.2022.

Список использованных источников:

1. Методика определения выбросов загрязняющих веществ в атмосферу при сжигании топлива в котлах производительностью менее 30 тонн пара в час или менее 20 Гкал в час (с учётом методического письма НИИ «Атмосфера» №335/33–07 от 17 мая 2000 года). — СПб.: Фирма «Интеграл», 1999. — 76 с.
2. РД 153–34.02.303–98. Инструкция по нормированию выбросов загрязняющих веществ в атмосферу для тепловых электростанций и котельных. — М.: ПАО «ЕЭС России», 1998. — 64 с.
3. РД 34.02.305–98. Методика определения валовых выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от котельных установок ТЭС. — М.: ПАО «ЕЭС России», 1998. — 35 с.
4. Методика расчета и установления максимальных допустимых удельных выбросов для действующих котельных установок тепловых электростанций. СТО 70238424.13.020.30.002–2010. — М.: НП «ИНВЭЛ», 2010. — 17 с.
5. Сборник методик по расчёту выбросов в атмосферу загрязняющих веществ различными производствами. — Л.: Гидрометеоиздат, 1986. — 183 с.
6. Расчёт выбросов загрязняющих веществ при сжигании топлива в котлоагрегатах котельных: Методическое пособие / Сост. Л.И. Бондалетова, В.Т. Новиков, Н.А. Алексеев. — Томск: Изд. ТПУ, 2000. — 39 с.
7. Методы расчётов рассеивания выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферном воздухе / Утверждены приказом Минприроды России от 06.06.2017 №273.
8. Методические рекомендации по проведению добровольной инвентаризации объёма выбросов парниковых газов в субъектах Российской Федерации / Утверждены распоряжением Минприроды России от 16.04.2015 г. №15-р.
9. Методические указания и руководство по количественному определению объёма выбросов парниковых газов организациями, осуществляющими хозяйственную и иную деятельность в Российской Федерации / Утверждены приказом Минприроды России от 30.06.2015 №300.
10. 2006 IPCC Guidelines for National Greenhouse Gas Inventories. Vol. 2. Energy / Prepared by the National Greenhouse Gas Inventories Programme. — The Institute for Global Environmental Strategies (IGES). 2006.
11. Схема и программа перспективного развития электроэнергетики Санкт-Петербурга на 2021–2025 годы. — Администрация Санкт-Петербурга. Дата обращения 14.07.2022.
12. Схема теплоснабжения Санкт-Петербурга на период до 2033 года (актуализация на 2021 год). Обосновывающие материалы. Книга 1. Глава 1. Том 1. — Администрация Санкт-Петербурга. Дата обращения 14.07.2022.
13. Схема и программа развития электроэнергетики Ленинградской области на 2021–2025 годы. Пояснительная записка. Том 1. Книга 1. Часть 1. 2021. — 236 с.
14. Схема и программа развития электроэнергетики Ленинградской области на 2021–2025 годы (в части теплоснабжения). Том 1. Книга 3. 2021. — 138 с.
15. ГН 2.1.6.1338–03 Предельно допустимые концентрации (ПДК) загрязняющих веществ в атмосферном воздухе населённых мест: Гигиенические нормативы. — М.: Российский регистр потенциально опасных химических и биологических веществ Минздрава РФ, 2003. — 86 с.
16. ГОСТ 12.1.007–76 Система стандартов безопасности труда. Вредные вещества. Классификация и общие требования безопасности. — М.: Стандартинформ, 2007. — 7 с.
17. Защита атмосферы от промышленных загрязнений: Справ. изд. в 2-х частях. Под ред. С. Калверта и Г.М. Инглунда / Пер. с англ. — М.: Металлургия, 1988.
18. Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» от 02.07.2021 №296-ФЗ [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (Дата обращения 13.07.2022).
19. Постановление Госкомстата «Об утверждении «Методологических положений по расчёту топливно-энергетического баланса Российской Федерации в соответствии с международной практикой» от 23.06.1999 №46.
20. ГОСТ 5542–2014 Газы горючие природные промышленного и коммунально-бытового назначения. Технические условия. — М.: Стандартинформ, 2015. — 8 с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИРОВЫХ УГЛЕРОДНЫХ РЫНКОВ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ КЛИМАТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

Д.С. Ракинцев,

*Инженер 1-й категории, аспирант кафедры экономики природопользования экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
rakintsevdmiriii@yandex.ru*

В данном исследовании представлен анализ текущей ситуации на основных рынках торговли квотами на выброс CO₂, а также, перспективы их развития. Проанализированы аспекты, влияющие на темпы создания и структуру будущего рынка углеродного регулирования в России. Такие факторы, как огромная скорость роста и структура мирового углеродного рынка, необходимость выполнения ратифицированного Парижского соглашения, принятие Евросоюзом проекта по трансграничному углеродному регулированию (ТУР) и антиросийских санкций, а также активного формирования рынков углеродных разрешений в других крупных странах оказывают существенное влияние на модель будущего рынка торговли углеродными квотами в Российской Федерации.

Ключевые слова: углеродные рынки, трансграничное углеродное регулирование (ТУР), Парижское соглашение, изменение климата, нетто-нулевые технологии

УДК 330.15 ББК 65.59

Введение. В настоящее время, одним из немногих финансовых инструментов борьбы с изменением климата, который уже действует в экономической системе является механизм торговли квотами на выбросы CO₂. Данный механизм был разработан в рамках Киотского протокола (1997), который является дополнением к Рамочной конвенции ООН по изменению климата (РККИ ООН, 1992). Одна квота на выброс соответствует одной метрической тонне углекислого газа и имеет несколько названий, таких как: углеродные кредиты, киотские единицы и сертифицированные единицы сокращения выбросов (ССВ).

Киотский протокол базируется на доминирующей в современном мировом сообществе точке зрения, которая гласит, что антропогенный фактор в форме выбросов парниковых газов в атмосферу, в особенности CO₂, является особо опасным для повышения температуры атмосферы. Данные опасения статистически подтверждаются данными Росгидромета, согласно которым, начиная с середины 1970-х годов средняя температура приземного воздуха на территории России повышается со средней скоростью 0,43°C за каждые десять лет. Данный показатель в 2,5 раза выше темпа глобального повышения температуры, а в полярной климатической зоне — в 4 раза [1]. Также ООН связывает рост количества таких стихийных бедствий, как пожары, наводнения и засухи, с негативным антропогенным влиянием на климат. Пожары в сибирских лесах, в западной Европе и США, наводнения в Сочи, Китае и Японии, которые уже произошли летом 2022 года являются подтверждением данной гипотезы.

Исходя из сказанного выше, изучение текущих мировых тенденций по экономическому регулированию климата является актуальным, так как человечество уже сталкивается с последствиями своего негативного влияния на биосферу. При сохранении текущей модели фронтальной экономики все страны, включая Россию, будут все чаще и чаще сталкиваться с природными катастрофами, несущими огромные человеческие, экономические и экологические потери.

В 2015 году 197 стран, включая Россию, приняли Парижское соглашение, которое стало очередным дополнением к РККИ ООН. Парижское соглашение предусматривает принятие на себя обязательств по сокращению выбросов парниковых газов с целью уменьшения темпов повышения температуры атмосферы в текущем столетии до 2°C и поиске средств для ограничения данного показателя до 1,5°C. Следовательно, руководство РФ, а также правительства других стран принимают гипотезу о негативном антропогенном влиянии на климат.

Во-вторых, анализ современной структуры рынков торговли квотами на выбросы углекислого газа актуален для многих крупных представителей российского бизнеса, так как текущие углеродные рынки уже влияют на их политику. О данном факте можно судить по обязательной публичной отчетности по устой-

чивому развитию таких крупных международных компаний, как, например, Росатом [2], Газпром [3] и Лукойл [4]. Помимо того, существует множество факторов, которые окажут еще более сильное влияние на функционирование российского бизнеса в ближайшей перспективе, которые также будут рассмотрены в данной работе.

В данном исследовании выделим и рассмотрим основные факторы, влияющие на формирование политики по регулированию климата в Российской Федерации, а также влияния рынков торговли разрешениями на выбросы CO₂ на российский бизнес, проведя анализ текущих трендов на мировых углеродных рынках.

Анализ ситуации на современных рынках торговли квотами на выбросы углекислого газа. Первым в истории и наиболее крупным, на данный момент, рынком торговли разрешениями на выбросы углекислого газа является Система торговли квотами ЕС (СТВ ЕС или ETS EU), которая уже прошла 3 фазы развития. Первая фаза развития СТВ ЕС ознаменовалась началом торгов углеродными квотами в 2005 году, начиная с цены приблизительно 20 евро за углеродную единицу. Однако, к концу 2007 года цена упала до 1 евро и Еврокомиссией было принято решение постоянного снижения количества разрешений на выбросы с 2008 года, что стало началом второго этапа функционирования рынка и вызвало восстановление цены на квоты до первоначальных значений. С 2013 года идет третья фаза развития ETS EU. В начале каждого года Еврокомиссией выпускаются квоты на выбросы CO₂ и выставляются на свободный аукцион между компаниями. Количество выпуска разрешений зависит от результата прошлогодних торгов и определяется, исходя из количества квот, которые не были куплены на рынке. Возможны три варианта регуляции: отсутствие вмешательства; уменьшение количества СТВ (максимум до 75%); выпуск до 100 млн тонн резервных единиц. Таким образом функционирует механизм стабилизации рынка [5, 6].

Помимо Системы торговли квотами ЕС, рынки покупки и продажи квот на выброс парниковых газов функционируют в Великобритании (UK ETS), Северной Америке (WCI и RGGI), Новой Зеландии (NZ ETS) и Южной Корее (SK ETS). Также, в 2021 году, начал свою работу рынок торговли квотами на выброс парниковых газов в Китае (China National ETS), что является очень важным событием, так как Китай является крупнейшим загрязнителем планеты углекислым газом, его доля в глобальных выбросах составляла 30,7% [7]. Аналитики выделили главные риски у развития ETS Китая: операционные проблемы; трудности с мониторингом и отчетностью; непрозрачность фундаментальных данных; нехватка специалистов по торговле квотами на выбросы углерода. Тем не менее, несмотря на это, аналитики все равно предсказывают рост китайского рынка в 2022–2023 году [8].

Однако, согласно отчету Refinitiv Carbon Market Year in Review [8], европейский рынок квот является абсолютно доминирующим. Доля проданных разрешений на выброс CO₂ на ETS EU, на 2021 год, составляла приблизительно 90% от мирового углеродного рынка — 673 млрд евро из 760 млрд евро (рис. 1).

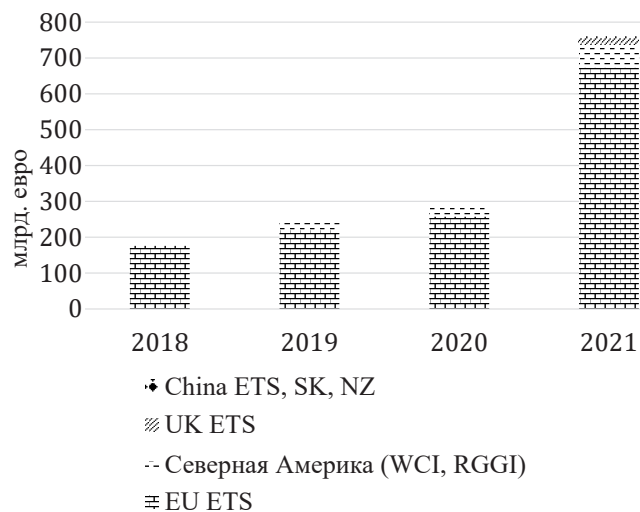

Рис. 1. Объём торговли квот на выброс углекислого газа на углеродных рынках, млрд евро (Источник: Refinitiv Carbon Market Year in Review, 2021 [8])

Также, отмечается, что годовой рост мировых продаж углеродных квот в промежутке с 2020 по 2021 гг. составил феноменальные 164% и превысил данный показатель за предыдущий период более чем в 8 раз. Исходя из структуры углеродного рынка, в первую очередь, на такой колоссальный рост повлияли факторы, связанные с экономикой Евросоюза.

Первым фактором стал процесс восстановления экономики ЕС и всей мировой экономики от кризиса, связанного с COVID-19 в 2021 году, который сопровождался активизацией промышленного сектора. Более активное функционирование промышленных предприятий всегда ведёт к увеличению выбросов, следовательно, и к повышению спроса на углеродные квоты. В июле 2022 года, наблюдается еще большая тенденция роста цен на углеродные кредиты. По сравнению с июлем 2021 года, цена на выброс одной метрической тонны CO₂ выросла на 60% на фоне энергетического кризиса в ЕС, спровоцированного антироссийскими санкциями.

Во-вторых, на рост углеродного рынка влияет политика Европейского Союза по климатическому регулированию в рамках Парижского соглашения (2015), которое было ратифицировано ЕС в 2016 году [9]. Согласно отчета «Устойчивое развитие в Европейском союзе» (2022), страны ЕС уже снизили эмиссию парниковых газов на 31% по сравнению с 1990 годом и собираются уменьшить данный показатель до 55% к 2030 году, что, безусловно, повлияет на рост цен на углеродные единицы [10].

В-третьих, весомое влияние на повышение цены углеродных разрешений уже оказывает проект ЕС по трансграничному углеродному регулированию (ТУР), опубликованный в 2021 году [11], в рамках Зелёного пакта для Европы (EU Green Deal). Целью данной политики заявлено недопущение переноса производств в страны с менее строгой климатической политикой, так называемых «утечек углерода». В ходе первого переходного этапа ТУР, импортёры стали, железа, алюминия, цемента, удобрений и электроэнергии в страны ЕС с 1 января 2023 года по 31 декабря 2025 года будут должны предоставлять ежеквартальную отчетность по выбросам парниковых газов. Помимо того, рассматривается расширение перечисленного выше списка товаров с включением органических химических веществ, водорода и полимеров, а также сокращение переходного этапа до 2024 года [12]. С 2026 года планируется второй этап ТУР, где предусматриваются приобретение сертификатов на ввозимые категории продукции в зависимости от углеродоемкости производства [5].

Формирование углеродного рынка в Российской Федерации. Фактор введения ТУР имел особенное значение для ускорения создания рынка торговли квот на выброс парниковых газов в России, так как до введения санкций объем импорта российской продукции из списка проекта составлял порядка 9 млрд долл. Для недопущения двойного налогообложения российского бизнеса при торговле с ЕС, специальные группы Минэкономразвития, Администрации Президента, Банка России и МИД активизировали усилия по созданию юридических актов в сфере углеродного регулирования.

Однако, ограничение экспорта трёх категорий товаров из перечня ТУР, а именно, удобрений, сталелитейной продукции и цемента из России уменьшают товарооборот с ЕС примерно в 3 раза — до 3 млрд евро, согласно ценам 2021 года. Данное обстоятельство, по заявлению представителя бизнес-омбудсмена по вопросам экоэнергетики и климатического законодательства РФ Михаила Казанцева [5], значительно меняет условия выполнения обязательств Россией Парижских соглашений, ратифицированных в 2019 году [13], а также существенно влияет на условия формирования и развития рынка торговли углеродными квотами в РФ.

Дело в том, что, согласно Парижскому соглашению, возможно осуществление борьбы с выбросом парниковых газов с помощью, так называемых, нетто-нулевых технологий. Нетто-нулевые технологии предусматривают косвенные инструменты уменьшения загрязнения, например, инвестиции в технологии захвата углекислого газа из атмосферы или создание углеродных офсетов, например, лесных насаждений, территорий, восстановленных от эрозии, карбоновых полигонов. Система торговли квотами ЕС предусматривает только прямые инструменты борьбы с эмиссией углекислого газа, так как на общеевропейской бирже торгуются квоты только на прямые выбросы CO₂. Следовательно, для того, чтобы избежать дополнительного налогообложения в рамках ТУР была бы необходима тесная интеграция будущего рынка торговли углеродными квотами в РФ, что могло бы существенно снизить потенциал природных пространств России по поглощению парниковых газов. При снижении товарооборота продукции с ЕС из списка ТУР, существуют наибольшие перспективы включения нетто-нулевых технологий в формирующийся российский углеродный рынок.

Также, появляются новые возможности более близкой интеграции с ETS Китая и формирующимися углеродными рынками других стран, являющимися экономическими партнёрами России. Например, другими членами активно расширяющегося БРИКС, такими как Индия, Бразилия и Южная Африка.

Выводы. Проанализировав состояние функционирующих рынков по торговле квотами на выброс углекислого газа, можно сделать следующие выводы:

1. Мировой рынок в последние годы имеет устойчивые тенденции высокого роста. Рост углеродных рынков в период с 2020 по 2021 год составил 164%, а с 2019 по 2020 год — 20%.
2. Общеевропейский рынок торговли квотами (ETS EU) в 2021 г. составлял приблизительно 90% от мирового углеродного рынка — 673 млрд евро из 760 млрд евро.
3. На рост ETS EU в 2021–2022 гг. главным образом повлияли следующие факторы: восстановление промышленности от мирового кризиса, связанного с COVID-19; энергетический кризис на фоне ограничения торговли с РФ; проведение политики по регуляции климата в рамках Парижского соглашения; принятие Евросоюзом проекта по трансграничному углеродному регулированию (ТУР).
4. В настоящее время идёт формирование большого числа рынков по торговле разрешениями на выбросы углекислого газа во многих крупных странах, таких, например, как Китай, Индия и Бразилия.

Исходя из результатов анализа мирового рынка торговли квот на выброс CO₂, можно сделать вывод, что на формирование рынка углеродного регулирования в России, в настоящее время, наибольшее влияние оказывает принятый Евросоюзом проект по трансграничному углеродному регулированию (ТУР), торговые санкции ЕС, а также формирующиеся рынки крупных государств, являющихся экономическими партнёрами России.

Статья поступила в редакцию 08.08.2022 г.

Список использованных источников:

1. Экономика устойчивого развития: учебник / С.Н. Бобылев. — Москва: КНОРУС, 2021. — 672 с. — (Бакалавриат и магистратура)
2. Росатом. Устойчивое развитие. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosatom.ru/sustainability/> (Дата обращения: 26.07.2022)
3. Газпром. Отчет Группы Газпром о деятельности в области устойчивого развития за 2021 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sustainability.gazpromreport.ru/2021/> (Дата обращения: 26.07.2022)
4. Лукойл. Устойчивое развитие. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lukoil.ru/Sustainability> (Дата обращения: 26.07.2022)
5. Рынок торговли квотами на выбросы: какие у бизнеса перспективы? Интервью Михаила Казанцева для газеты «Коммерсант». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://epam.ru/ru/media/view/rynok-torgovli-kvotami-na-vybrosy-kakie-u-biznesa-perspektivy> (Дата обращения: 22.07.2022)
6. EU Carbon Permits. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tradingeconomics.com/commodity/carbon> (Дата обращения: 15.07.2022)
7. BP Statistical Review of World Energy 2021 — 70th edition — Centre for Energy Economics Research and Policy, Heriot-Watt University, 2021. — 70 p.
8. Refinitiv An LSEG Business. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.refinitiv.com/en/trading-solutions/commodities-trading/carbon-trading#t-carbon-markets> (Дата обращения: 22.07.2022)
9. Европарламент ратифицировал Парижское соглашение по борьбе с глобальным изменением климата. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://neftegaz.ru/news/ecology/216160-evroparlament-ratifikiroval-parizhskoe-soglasenie-po-borbe-s-globalnym-izmeneniem-klimata/> (Дата обращения: 22.07.2022)
10. Sustainable development in the European Union / Monitoring report on progress towards the SDGs in an EU context — 6th edition — Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2022 — 380 p.
11. Commission proposes new Carbon Border Adjustment Mechanism and revision of the Energy Taxation Directive, as part of the EU Green Deal. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://taxation-customs.ec.europa.eu/news/commission-proposes-new-carbon-border-adjustment-mechanism-and-revision-energy-taxation-directive-2021-07-14_en (Дата обращения: 15.07.2022)
12. Трансграничное углеродное регулирование: часто задаваемые вопросы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sgs.ru/ru-ru/news/2022/03/transgranichnoe-uglerodnoe-regulirovanie-co2-chasto-zadavaemye-voprosy> (Дата обращения: 22.07.2022)
13. Об участии России в Парижском соглашении по климату. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/37917/> (Дата обращения: 22.07.2022)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ И СТРУКТУРЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННЫМ КОМПЛЕКСОМ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 1999 ГОДА

М.В. Бражник

доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уральского государственного аграрного университета (г. Екатеринбург),
кандидат экономических наук
M.V.Brazhnik@yandex.ru
SPIN-код: 1689–2224

В статье на основании изучения и анализа значительного количества законодательных актов и нормативных правовых документов рассмотрены вопросы совершенствования и развития системы и структуры органов государственного управления агропромышленным комплексом Свердловской области, имевших место в течение первого полугодия 1999 года.

Ключевые слова: АПК, управление АПК, Свердловская область, органы управления АПК Свердловской области, ОАО «Конкорд-Экспресс», рынок алкогольной продукции Свердловской области

ББК 65.32–2я 73 УДК 001.895:338.436.33

Содержанием данной статьи мы продолжаем делиться с заинтересованными читателями результатами проводимого нами изучения вопросов формирования, развития и функционирования системы и структуры органов государственного управления агропромышленным комплексом Свердловской области в период с 1991 года и до настоящего времени. В посвященных этой теме одиннадцати статьях, пять из которых были опубликованы в журнале «Агропродовольственная политика России» [2012 г., № 3, с. 60–63 и № 6, с. 59–62; 2014 г., № 7 (31), с. 24–28 и № 10 (34), с. 14–17; 2015 г., № 3 (39), с. 21–24] и шесть — в журнале «Проблемы современной экономики» [2021 г., № 2 (78), с. 176–181; № 3 (79), с. 203–208; № 4 (80), с. 200–206; 2022 г., № 1 (81), с. 211–217; № 2 (82), с. 219–226 и № 3 (83), с. 244–249], на основании изучения и анализа значительного количества законодательных актов и нормативных правовых документов нами было последовательно рассмотрено: построение и реформирование системы и структуры органов государственного управления агропромышленным комплексом Свердловской области в периоды октября 1991 года — марта 1992 года, апреля — июля 1994 года, апреля 1992 — мая 1993 года, июля 1994 года, ноября и декабря 1994 года; реформирование, совершенствование и развитие системы и структуры органов государственного управления агропромышленным комплексом Свердловской области в периоды соответственно марта — июля 1995 года и сентября 1995 — февраля 1996 года; а также совершенствование и развитие системы и структуры органов государственного управления агропромышленным комплексом Свердловской области в периоды соответственно марта — июля 1995 года и сентября 1995 — февраля 1996 года; а также совершенствование и развитие системы и структуры органов государственного управления агропромышленным комплексом Свердловской области в периоды соответственно апреля — октября 1996 года, ноября 1996 года — января 1997 года, февраля 1997 — января 1998 года, апреля — июля 1998 года, а также сентября — декабря 1998 года.

В данной статье мы расскажем о совершенствовании и развитии системы органов государственного управления агропромышленным комплексом Свердловской области, которые имели место в течение первого полугодия 1999 года.

Вступившим в силу 12 января 1999 года постановлением Правительства Свердловской области от 29 декабря 1998 г. № 1325-п «О дополнительных мерах по усилению государственного контроля в сфере производства и оборота этилового

спирта и алкогольной продукции» [34] (утратило силу [37]) с последующими изменениями [9; 11; 53] во исполнение указов Президента Российской Федерации от 30 апреля 1997 г. № 442 «О дополнительных мерах по предотвращению незаконного производства и оборота спирта этилового и алкогольной продукции» [32; 7] и от 6 октября 1998 г. № 1199 «Об усилении государственного регулирования в сфере производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции» [55], а также в целях защиты здоровья населения, уполномоченным органом по аккредитации организаций, осуществляющих поставки алкогольной продукции для розничной торговли и общественного питания, было утверждено Министерство торговли, питания и услуг Свердловской области. Уполномоченному органу поручалось в срок до 1 марта 1999 года провести аккредитацию организаций, осуществляющих поставки алкогольной продукции для розничной торговли и общественного питания.

Также данным постановлением был утвержден (с последующими изменениями [11]) состав конкурсной комиссии по аккредитации организаций, осуществляющих поставки алкогольной продукции для розничной торговли и общественного питания.

Помимо этого, данным постановлением предписывалось создать в порядке эксперимента областной оптово-розничный центр торговли алкогольной продукцией на базе постоянно действующей выставки-продажи алкогольной продукции областных товаропроизводителей ОАО «Конкорд-Экспресс». При этом было установлено, что Правительство Свердловской области владеет не менее 51% акций в областном оптово-розничном центре торговли алкогольной продукцией.

Кроме того, данным постановлением было поручено:

- Министерству сельского хозяйства и продовольствия, Министерству торговли, питания и услуг Свердловской области осуществить необходимые мероприятия по организации деятельности областного оптово-розничного центра торговли алкогольной продукцией в срок до 1 марта 1999 года;

- ГУП «Агентство по развитию рынка продовольствия Свердловской области» разработать и внедрить систему дополнительных мер по защите алкогольной продукции, производимой на территории Свердловской области, включая со-

вмещение специальной идентификационной марки с печатным оформлением бутылки, в срок до 1 марта 1999 года.

Постановлением Правительства Свердловской области от 8 февраля 1999 г. № 135-п «О Межведомственной комиссии Свердловской области по предупреждению и пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции» [35] с последующими изменениями и дополнениями [25; 12] во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 6 октября 1998 г. № 1199 «Об усилении государственного регулирования в сфере производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции» [55], постановления Правительства Российской Федерации от 6 октября 1998 г. № 1159 «Об усилении государственного регулирования в сфере производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции» [54; 48; 46; 49; 27; 26], в целях увеличения поступлений доходов в бюджеты всех уровней, а также защиты здоровья граждан области был утвержден (с последующими изменениями и дополнениями [25; 12]) состав Межведомственной комиссии Свердловской области по предупреждению и пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции.

Кроме того, данным постановлением было утверждено (с последующим изменением [25]) Положение о Межведомственной комиссии Свердловской области по предупреждению и пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции.

Утвержденным Положением о Межведомственной комиссии Свердловской области по предупреждению и пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции было определено, что эта Межведомственная комиссия (Комиссия) является межведомственным координационным органом и образована в целях выработки и осуществления согласованных мер по предупреждению и пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции, улучшения координации деятельности органов исполнительной власти Свердловской области, анализа информации и выработки соответствующих решений в этой области.

В своей деятельности Комиссия была призвана руководствоваться Конституцией Российской Федерации, Уставом Свердловской области, законами Российской Федерации и Свердловской области, правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Свердловской области, а также утвержденным Положением.

Деятельность Комиссии должна была осуществляться в соответствии с требованиями законодательства о защите государственной тайны и соблюдении режима секретности.

Основными задачами Комиссии явились:

1) выработка и осуществление согласованных мер по предупреждению и пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции на территории Свердловской области;

2) осуществление комплексного анализа криминальной ситуации, складывающейся в сфере производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции, определение приоритетных направлений, требующих совместных действий по усилению государственного регулирования в данной области;

3) взаимодействие с органами исполнительной власти Свердловской области при проведении совместных специальных мероприятий по предупреждению и пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции, определение порядка обмена служебной и оперативной информацией при проведении этих мероприятий.

Данным Положением были также определены: права Комиссии; порядок планирования деятельности Комиссии; периодичность (не реже одного раза в месяц) и условие правомочности заседаний Комиссии (при наличии не менее двух третей ее членов); равенство прав членов Комиссии при обсуждении рассматриваемых на заседании вопросов; порядок принятия (большинством голосов присутствующих на заседании членов Комиссии) и оформления решений Комиссии; порядок учета мнения члена Комиссии в случае его отсутствия на заседа-

нии; порядок действий в случае несогласия члена Комиссии с принятым решением; обязательность решений, принимаемых Комиссией в соответствии с ее компетенцией, для всех областных исполнительных органов государственной власти Свердловской области, представленных в Комиссии, а также организаций, действующих в сфере их ведения.

Положением, кроме того, было предусмотрено внесение Комиссией в Правительство Свердловской области необходимых предложений по вопросам, требующим его решений; а также систематическое информирование Правительства Свердловской области о ходе выполнения мероприятий по предупреждению и пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции.

Постановлением Правительства Свердловской области от 15 февраля 1999 г. № 190-п «Об утверждении состава коллегий исполнительных органов государственной власти Свердловской области» (с последующими изменениями) были утверждены составы коллегий исполнительных органов государственной власти Свердловской области, в том числе состав коллегии Министерства сельского хозяйства и продовольствия (с последующими изменениями, внесенными постановлениями Правительства Свердловской области от 3 мая 2000 г. № 342-ПП, от 9 января 2002 г. № 14-ПП [14] и от 25 марта 2003 г. № 156-ПП [15]) и состав коллегии Министерства торговли, питания и услуг (с последующими изменениями, внесенными постановлением Правительства Свердловской области 15 августа 2001 г. № 572-ПП [13] (утратило силу [16]) — новая редакция состава коллегии Министерства торговли, питания и услуг Свердловской области в связи с кадровыми изменениями в Министерстве, исполнительных органах муниципальных образований и изменениями, внесенными постановлением Правительства Свердловской области от 18 июля 2003 г. № 436-ПП [16], — новая редакция состава коллегии Министерства торговли, питания и услуг Свердловской области в связи с кадровыми изменениями в Министерстве торговли, питания и услуг Свердловской области, исполнительных органах местного самоуправления. — М.Б.}

Постановлением Правительства Свердловской области от 22 апреля 1999 г. № 499-ПП «Об уполномоченных органах по управлению государственным имуществом Свердловской области» [51] с последующими изменениями [17; 8; 18] в соответствии со статьей 5 Закона Свердловской области от 10 апреля 1995 г. № 9-ОЗ «Об управлении государственной собственностью Свердловской области» [52; 22; 23] Министерству сельского хозяйства и продовольствия Свердловской области были переданы следующие отдельные полномочия в сфере агропромышленного комплекса:

1) утверждение уставов областных государственных унитарных предприятий агропромышленного комплекса;

2) заключение, изменение и расторжение трудовых договоров (контрактов) с руководителями областных государственных унитарных предприятий агропромышленного комплекса;

3) внесение в Правительство Свердловской области предложений по закреплению объектов областной собственности агропромышленного комплекса за областными государственными унитарными предприятиями агропромышленного комплекса на праве хозяйственного ведения и областными государственными учреждениями на праве оперативного управления;

4) внесение в Правительство Свердловской области предложений по передаче третьим лицам объектов областной собственности агропромышленного комплекса в доверительное управление или аренду и заключение соответствующих договоров;

5) осуществление контроля за использованием объектов областной собственности агропромышленного комплекса, переданных в хозяйственное ведение, оперативное управление, доверительное управление или аренду, за выполнением договоров о приватизации объектов областной собственности агропромышленного комплекса;

6) выступление в качестве истцов и ответчиков в суде при рассмотрении споров, связанных с исполнением переданных полномочий.

Кроме того, данным постановлением было предусмотрено заключить соглашения о передаче функций, в частности:

1) уполномоченного органа по управлению земельными ресурсами, находящимися в собственности Свердловской области (между Правительством Свердловской области и Государственным земельным комитетом Российской Федерации (с 25 мая 1999 года — Государственным комитетом Российской Федерации по земельной политике [42], с 17 мая 2000 года — Федеральной службой земельного кадастра России и Министерством имущественных отношений Российской Федерации [43; 6; 1; 21; 24; 36; 47; 3; 50; 31; 2; 30; 20]). (позднее данное положение — подпункт 1 пункта 5 постановления Правительства Свердловской области от 22 апреля 1999 г. № 499-ПП [51; 17] — было признано утратившим силу [8].

2) уполномоченного органа по управлению объектами животного мира, отнесенными к объектам охоты и рыболовства, находящимися в собственности Свердловской области (между Правительством Свердловской области и Министерством сельского хозяйства и продовольствия РФ (с 17 мая 2000 года — Министерством сельского хозяйства РФ [43; 6; 1; 21; 24; 36; 47; 3; 50; 31; 2; 30; 20]).

Постановлением Правительства Свердловской области от 23 июня 1999 г. № 712-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Свердловской области от 29.01.97 г. № 70-п «О дополнительных мерах по регулированию производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции, внесении изменений и дополнений в постановления Правительства Свердловской области от 02.07.96 г. № 537-п и от 07.06.96 г. № 454-п» [10] в связи с принятием постановления Правительства Свердловской области от 8 февраля 1999 г. № 135-п «О Межведомственной комиссии Свердловской области по предупреждению и пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции» [35] с последующими изменениями и дополнениями [25; 12] и образованием в соответствии с данным постановлением Межведомственной комиссии по предупреждению и пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции, пункт 7 постановления Правительства Свердловской области от 29 января 1997 г. № 70-п «О дополнительных мерах по регулированию производства и

оборота этилового спирта и алкогольной продукции, внесении изменений и дополнений в постановления Правительства области от 02.07.96 № 537-п и от 07.06.96 № 454-п» [33] (утратило силу [38; 19]) с последующими дополнениями [4], касавшийся создания рабочей группы по координации проверок и наведению порядка на рынке алкогольной продукции и утверждению ее состава, а также поручения указанной рабочей группе разработать план мероприятий и вынести его на утверждение Правительства Свердловской области в срок до 15 февраля 1997 года, был признан утратившим силу.

Постановлением Правительства Свердловской области от 23 июня 1999 г. № 713-ПП «О внесении изменений и дополнений в постановление Правительства Свердловской области от 08.02.99 г. № 135-п «О Межведомственной комиссии Свердловской области по предупреждению и пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции» [25] во исполнение Указа Президента РФ от 6 октября 1998 г. № 1199 «Об усилении государственного регулирования в сфере производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции» [55], постановления Правительства РФ от 6 октября 1998 г. № 1159 «Об усилении государственного регулирования в сфере производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции» [54; 48; 46; 49; 27; 26], в целях увеличения поступлений доходов в бюджеты всех уровней, а также защиты здоровья граждан области были внесены изменения и дополнения в состав Межведомственной комиссии Свердловской области по предупреждению и пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции, утвержденный постановлением Правительства Свердловской области от 8 февраля 1999 г. № 135-п «О Межведомственной комиссии Свердловской области по предупреждению и пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции» [35], а также изменена редакция абзаца 2 пункта 1.5 Положения о Межведомственной комиссии Свердловской области по предупреждению и пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции в части периодичности проведения заседаний Комиссии (в новой редакции — не реже одного раза в квартал. — М.Б.).

Статья поступила в редакцию 01.10.2022.

Список использованных источников:

1. Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами: Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2000 г. № 1953 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, № 49, ст. 4799.
2. Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2003 г. № 306 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, № 12, ст. 1099.
3. Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Российской Федерации от 16 октября 2001 г. № 1230 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 43, ст. 4071.
4. О внесении дополнений в постановление Правительства Свердловской области от 29.01.97 г. № 70-п: Постановление Правительства Свердловской области от 28 августа 1997 г. № 747-п // Собрание законодательства Свердловской области, 1997, № 8, ст. 1225, стр. 251.
5. О внесении дополнений и изменения в Указ Президента Российской Федерации от 1 ноября 2001 г. № 1263 «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем»: Указ Президента Российской Федерации от 8 апреля 2003 г. № 409 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, № 15, ст. 1346.
6. О внесении дополнения в Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2000 г. № 867 «О структуре федеральных органов исполнительной власти»: Указ Президента Российской Федерации от 20 сентября 2000 г. № 1678 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, № 39, ст. 3856.
7. О внесении изменений в акты Президента Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 25 июля 2000 г. № 1358 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, № 31, ст. 3252.
8. О внесении изменений в отдельные постановления Правительства Свердловской области: Постановление Правительства Свердловской области от 18 апреля 2001 г. № 268-ПП // Собрание законодательства Свердловской области, 2001, № 4, ст. 541.
9. О внесении изменений в отдельные постановления Правительства Свердловской области: Постановление Правительства Свердловской области от 19 марта 2002 г. № 161-ПП // Официальная рассылка // Сейчас.ру: Новости России и мира. — Документы. — Законодательство. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1868984> (дата обращения 25.09.2021)
10. О внесении изменений в постановление Правительства Свердловской области от 29.01.97 г. № 70-п «О дополнительных мерах по регулированию производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции, внесении изменений и дополнений в постановления Правительства области от 02.07.96 № 537-п и от 07.06.96 № 454-п»: Постановление Правительства Свердловской области от 23 июня 1999 г. № 712-ПП // Собрание законодательства Свердловской области, 1999, № 6, ст. 561.
11. О внесении изменений в постановление Правительства Свердловской области от 29.12.98 г. № 1325-п «О дополнительных мерах по усилению государственного контроля в сфере производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции»: Постановление Правительства Свердловской области от 28 августа 2002 г. № 1176-ПП // Официальная рассылка // Сейчас.ру: Ново-

сти России и мира. — Документы. — Законодательство. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1868255> (дата обращения 25.09.2021)

12. О внесении изменений в постановление Правительства Свердловской области от 08.02.99 г. № 135-п «О Межведомственной комиссии Свердловской области по предупреждению и пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции»: Постановление Правительства Свердловской области от 6 мая 2002 г. № 293-ПП // Собрание законодательства Свердловской области, 2002, № 5, ст. 593.

13. О внесении изменений в постановление Правительства Свердловской области от 15.02.99 г. № 190-п «Об утверждении состава коллегий исполнительных органов государственной власти Свердловской области»: Постановление Правительства Свердловской области от 15 августа 2001 г. № 572-ПП // Собрание законодательства Свердловской области, 2001, № 8, ст. 1079.

14. О внесении изменений в постановление Правительства Свердловской области от 15.02.99 г. № 190-п «Об утверждении состава коллегий исполнительных органов государственной власти Свердловской области»: Постановление Правительства Свердловской области от 9 января 2002 г. № 14-ПП // «Областная газета». — 2002. — 12 янв. — № 9 — 10 (1985 — 1986). — С. 14.

15. О внесении изменений в постановление Правительства Свердловской области от 15.02.99 г. № 190-п «Об утверждении состава коллегий исполнительных органов государственной власти Свердловской области»: Постановление Правительства Свердловской области от 25 марта 2003 г. № 156-ПП // Собрание законодательства Свердловской области, 2003, № 3, ст. 204.

16. О внесении изменений в постановление Правительства Свердловской области от 15.02.99 г. № 190-п «Об утверждении состава коллегий исполнительных органов государственной власти Свердловской области»: Постановление Правительства Свердловской области от 18 июля 2003 г. № 436-ПП // Собрание законодательства Свердловской области, 2003, № 7, ст. 628.

17. О внесении изменений в постановление Правительства Свердловской области от 22.04.99 г. № 499-ПП «Об уполномоченных органах по управлению государственным имуществом Свердловской области»: Постановление Правительства Свердловской области от 9 марта 2000 г. № 173-ПП // Собрание законодательства Свердловской области, 2000, № 3, ст. 226.

18. О внесении изменений в постановление Правительства Свердловской области от 22.04.99 г. № 499-ПП «Об уполномоченных органах по управлению государственным имуществом Свердловской области»: Постановление Правительства Свердловской области от 21 июля 2003 г. № 442-ПП // Собрание законодательства Свердловской области, 2003, № 7, ст. 634.

19. О внесении изменений в постановление Правительства Свердловской области от 13.03.2001 г. № 155-ПП: Постановление Правительства Свердловской области от 19 марта 2002 г. № 165-ПП // «Областная газета». — 2002. — 26 марта. — № 64 (2040). — С. 6 // Собрание законодательства Свердловской области, 2002, № 4, ст. 423.

20. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2000 г. № 867 «О структуре федеральных органов исполнительной власти»: Указ Президента Российской Федерации от 16 июня 2003 г. № 676 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, № 25, ст. 2513.

21. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2000 г. № 1953 «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» и в Положение о Комитете Российской Федерации по военно-техническому сотрудничеству с иностранными государствами, утвержденное этим Указом: Указ Президента Российской Федерации от 3 марта 2001 г. № 243 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 10, ст. 952.

22. О внесении изменений и дополнений в Областной закон «Об управлении государственной собственностью Свердловской области»: Областной закон от 12 февраля 1998 г. № 5-ОЗ // «Областная газета». — 1998. — 18 февр. — № 25 (966). — С. 3—6 // Собрание законодательства Свердловской области, 1998, № 2, ст. 55, стр. 12 — 99.

23. О внесении изменений и дополнений в Областной закон «Об управлении государственной собственностью Свердловской области»: Закон Свердловской области от 22 июля 2002 г. № 32-ОЗ // Собрание законодательства Свердловской области, 2002, № 7, ст. 896.

24. О внесении изменений и дополнений в положения и порядок, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2000 г. № 1953 «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами»: Указ Президента Российской Федерации от 10 декабря 2001 г. № 1417 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 51, ст. 4873.

25. О внесении изменений и дополнений в постановление Правительства Свердловской области от 08.02.99 г. № 135-п «О Межведомственной комиссии Свердловской области по предупреждению и пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции»: Постановление Правительства Свердловской области от 23 июня 1999 г. № 713-ПП // Собрание законодательства Свердловской области, 1999, № 6, ст. 562.

26. О внесении изменений и дополнений и признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Российской Федерации по вопросам железнодорожного транспорта: Постановление Правительства Российской Федерации от 8 августа 2003 г. № 476 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, № 33, ст. 3270.

27. О внесении изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 6 июня 2002 г. № 388 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 23, ст. 2187.

28. О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 865 «О предоставлении отсрочки от призыва на военную службу гражданам, поступившим на работу в налоговые органы, и лимите на прикомандирование офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации к Министерству Российской Федерации по налогам и сборам»: Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2003 г. № 1217 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, № 42, ст. 4054.

29. О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 8 апреля 2003 г. № 410 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»: Указ Президента Российской Федерации от 22 мая 2003 г. № 553 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, № 21, ст. 1994.

30. О Государственном комитете Российской Федерации по оборонному заказу при Министерстве обороны Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2003 г. № 311 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, № 12, ст. 1102.

31. О Государственном комитете Российской Федерации по физической культуре и спорту: Указ Президента Российской Федерации от 29 апреля 2002 г. № 439 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 18, ст. 1750.

32. О дополнительных мерах по предотвращению незаконного производства и оборота спирта этилового и алкогольной продукции: Указ Президента Российской Федерации от 30 апреля 1997 г. № 442 // Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 18, ст. 2134.

33. О дополнительных мерах по регулированию производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции, внесении изменений и дополнений в постановления Правительства области от 02.07.96 № 537-п и от 07.06.96 № 454-п: Постанова

ление Правительства Свердловской области от 29 января 1997 г. № 70-п // Собрание законодательства Свердловской области, 1997, № 1, ст. 682, стр. 523 — 529.

34. О дополнительных мерах по усилению государственного контроля в сфере производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции: Постановление Правительства Свердловской области от 29 декабря 1998 г. № 1325-п // «Областная газета». — 1999. — 5 янв. — № 1 (1191). — С. 2 // Официальная рассылка // Сейчас.ру: Новости России и мира. — Документы. — Законодательство. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1872073?ysclid=1ajvjyoccz531862540> (дата обращения 25.09.2021).

35. О Межведомственной комиссии Свердловской области по предупреждению и пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции: Постановление Правительства Свердловской области от 8 февраля 1999 г. № 135-п // Собрание законодательства Свердловской области, 1999, № 2, ст. 111, стр. 126 — 129.

36. О приведении актов Президента РСФСР и Президента Российской Федерации в соответствие с Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц»: Указ Президента Российской Федерации от 21 октября 2002 г. № 1209 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 43, ст. 4228.

37. О признании утратившим силу постановления Правительства Свердловской области от 29.12.98 г. № 1325-п «О дополнительных мерах по усилению государственного контроля в сфере производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции»: Постановление Правительства Свердловской области от 30 июня 2006 г. № 567-ПП // Архив Свердловской области. — Постановления. — 2006. — Июнь. — 30. — Постановление от 30.06.2006 г № 567-ПП. [Электронный ресурс]. URL: <https://sverdlovsk-gov.ru/doc/17457> (дата обращения 25.09.2021).

38. О признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Свердловской области: Постановление Правительства Свердловской области от 13 марта 2001 г. № 155-ПП // Собрание законодательства Свердловской области, 2001, № 3, ст. 411.

39. О признании утратившими силу некоторых указов Президента Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 25 июля 2003 г. № 840 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, № 30, ст. 3050.

40. О признании утратившими силу указов Президента Российской Федерации в связи с введением в действие части второй Налогового кодекса Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2001 г. № 1408 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 50, ст. 4705.

41. О приостановлении действия и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О федеральном бюджете на 2002 год»: Указ Президента Российской Федерации от 8 октября 2002 г. № 1134 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 41, ст. 3975.

42. О структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Российской Федерации от 25 мая 1999 г. № 651 // Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 22, ст. 2727.

43. О структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2000 г. № 867 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, № 21, ст. 2168.

44. Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 26 марта 2003 г. № 370 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, № 13, ст. 1229.

45. Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Указ Президента Российской Федерации от 8 апреля 2003 г. № 410 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, № 15, ст. 1347.

46. Об изменении постановления Правительства Российской Федерации от 27 августа 1999 г. № 966: Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 1999 г. № 1463 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, № 2, ст. 242.

47. Об изменении предельной численности Комитета Российской Федерации по военно-техническому сотрудничеству с иностранными государствами: Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2003 г. № 1215 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, № 42, ст. 4052.

48. Об изменении, приостановлении действия и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации в связи с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 1999 год»: Постановление Правительства Российской Федерации от 27 августа 1999 г. № 966 // Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 36, ст. 4400.

49. Об отмене и изменении некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 23 марта 2002 г. № 179 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 13, ст. 1210.

50. Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем: Указ Президента Российской Федерации от 1 ноября 2001 г. № 1263 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 45, ст. 4251.

51. Об уполномоченных органах по управлению государственным имуществом Свердловской области: Постановление Правительства Свердловской области от 22 апреля 1999 г. № 499-ПП // Собрание законодательства Свердловской области, 1999, № 4, ст. 332.

52. Об управлении государственной собственностью Свердловской области: Областной закон от 10 апреля 1995 г. № 9-ОЗ // «Областная газета». — 1995. — 18 апр. — № 42 (445). — С. 3—6.

53. Об упразднении ряда координационных и совещательных органов, образованных Правительством Свердловской области: Постановление Правительства Свердловской области от 7 июня 2004 г. № 439-ПП // Архив Свердловской области. — Постановления. — 2004. — Июнь. — 7. — Постановление от 07.06.2004 г № 439-ПП. [Электронный ресурс]. URL: <https://sverdlovsk-gov.ru/doc/1483> (дата обращения 25.09.2021).

54. Об усилении государственного регулирования в сфере производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции: Постановление Правительства Российской Федерации от 6 октября 1998 г. № 1159 // Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 41, ст. 5029.

55. Об усилении государственного регулирования в сфере производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции: Указ Президента Российской Федерации от 6 октября 1998 г. № 1199 // Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 41, ст. 5005.

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ К ОБЩЕСТВУ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ (К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР)

И.А. Благих,

*профессор кафедры экономической теории и истории экономической мысли
Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор экономических наук
ivan-blagikh@yandex.ru*

Н.Ф. Газизуллин,

*профессор кафедры менеджмента и инноваций и кафедры общей экономической теории
и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
доктор экономических наук
gazizullin@mail.ru*

В предлагаемой статье авторы показывают, что политико-экономическая система СССР была прорывом к справедливому обществу и этот путь не ушел во мглу истории. Он был, он есть и он будет. Он поддерживает оптимистическую веру, что народ нашей страны достоин лучшего настоящего и будущего. И это непременно наступит, по мере возвращения исторической памяти об исторических достижениях СССР.

Ключевые слова: 100-летие СССР, советская экономическая система, советская демократия, политическая экономика социализма

УДК 330.323.4 ББК 65.263

Нашему народу возвращается память. Это происходит медленно, но неуклонно. Уже в некоторых экономических вузах и на факультетах стала преподаваться русская экономическая мысль, которая была отменена во времена «лихих 90-х». Там, гляди недалеко и до советской... Без знания того, как работала экономика СССР, сложно объяснить современникам конкурентные преимущества советской системы хозяйства против нынешней рыночной. Хотя эти преимущества, особенно сейчас, налицо. И дело даже не в санкциях и экономических войнах. Советский Союз реализовал вековую мечту российских народов о справедливом обществе. В либеральном «мейнстриме» утверждается, что свобода и политическое равенство людей могут быть реализованы при отсутствии равенства экономического. Сейчас мы точно знаем, что это не что иное, как интеллектуальное мошенничество, поскольку нет на Земле рыночных демократий, где бы избирательные кампании и места в парламенте не приобретались бы на деньги так называемой «элиты». Несомненно, что были ошибки и в советском политико-экономическом строе. Но этот строй нельзя упрекнуть в насаждении неравенства, привитии неуважения к труду, в отсутствии стремления экономические и общественные блага распределять по справедливости. Накануне 100-летия со дня образования СССР хотелось бы не просто поностальгировать о хорошем прошлом, а показать ориентиры истинного пути эволюции нашей Родины. Конечно, и сейчас все еще действуют антинародные силы, которые делают все возможное, чтобы законсервировать Россию в статусе олигархической кормушки, подмять ее под себя насовсем. Но все же, кажется, что теперь забрезжила надежда, что им больше не удастся повернуть с нами то, что они провернули в период приватизации и «шоковой терапии».

Советский Союз не был восстановлением Российской империи, как это утверждали советологи различных мастей, хотя имели место и культурно-исторические, и военно-эко-

номические, и территориальные, и другие причины ее восстановления. Напротив, с первых дней своего существования новая Советская Россия выступила против империализма, против колониальной системы, вступила в борьбу за освобождение поработанных наций. Как отмечал западный философ Вальтер Шубарт она «вбросила в колониально — зависимые страны лозунги национально-освободительного движения, равенства и социальной справедливости». Именно это обстоятельство послужило главной причиной звериной ненависти Запада к нашей Родине — «на красный кулак, который вбросила Россия в европейские колонии, — писал Шубарт — мы отвечаем цезаристским приветствием от Аахена и до Александрии» [1]. Нет нужды объяснять, что «цезаристское приветствие» означало не что иное, как «Хайль Гитлер!». В конечном итоге, развязанная против СССР Вторая мировая война ставила задачу защиты колониальной системы империализма от разрушительного действия идеалов свободы, равенства и братства, исходящих от первой в мире страны реального социализма...

Именно на базе социальных преобразований — ликвидации частной собственности, эксплуатации человека человеком и господства денег, ликвидации спекуляции и ростовщичества углублялось политическое и экономическое сотрудничество новых национально-территориальных образований — советских республик, сформировавшихся на территории бывшей Российской империи.

В 1920–1922 гг. все советские республики заключили с РСФСР и между собой двусторонние соглашения о хозяйственном и дипломатическом союзе. В августе 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) образовало комиссию для подготовки законопроекта о новой форме государственного объединения. В декабре 1922 г. во всех республиках состоялись съезды Советов. Были избраны делегации на съезд, подготовлены документы о создании Союза Советских Социалистических Республик [2].

Первый Всесоюзный съезд Советов 30 декабря 1922 г. утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР. Субъектами Союза ССР стали РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР и ЗСФСР (Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика, включавшая Азербайджан, Армению и Грузию). Декларация провозглашала принципы добровольности объединения, равноправия республик и их право свободного выхода из союза. Договор определял систему союзных органов власти, их компетенцию и взаимоотношения с республиканскими управленческими структурами [3].

При этом, поскольку панская Польша удерживала ряд областей бывшей Российской империи, никогда ей не принадлежавших, для «усиления» Украинской народной республики ей были переданы Одесская и Донецко-Криворожская народные республики, территории, населенные в основном русскими. По сути, на их базе была создана Украинская Советская Социалистическая Республика, со столицей в Харькове. Именно эти территории, «насыщенные» русским пролетариатом, и должны были стать «ядром» социализма на Украине. По этой же причине Белорусской ССР передавалось несколько районов Витебской, Гомельской и Смоленской губерний РСФСР, заселенных, в том числе белорусами. Вследствие таких уступок со стороны РСФСР в целях усиления общего государства укреплялись и поднимались национальные окраины и отдаленные регионы. Впоследствии число союзных республик выросло до 15.

Результатом этих процессов стало проведение по всей стране электрификации, строительство железных дорог и предприятий, создание библиотек, больниц и учебных заведений. Представители многих национальностей получили помощь в развитии образования [4].

В декабре 1936 года VIII съездом Советов была принята Конституция Союза Советских Социалистических Республик — СССР. Она законодательно закрепила социалистические завоевания.

1. Полное преобладание общенародной собственности на средства производства, ликвидацию частного капитала в промышленности, сельском хозяйстве и торговле.

2. Ликвидацию эксплуатации человека человеком, осуществляемую эксплуататорами в лице капиталистов, ростовщиков, торгашей, спекулянтов и т.д.

3. Осуществление социально-экономического равенства, прекращение деления людей на богатых и бедных.

4. Положение человека в обществе стало определяться не деньгами и имуществом, а количеством труда на благо общества. Основным критерием распределения общественных благ стал принцип — «Каждый по способности, каждому по труду».

5. Подлинное народовластие в стране осуществлялось Советами, формируемыми из рабочих, колхозников и интеллигенции, избираемых по территориальному признаку.

Конституция 1936 года предоставила равные права всем гражданам СССР, независимо от их социального происхождения, национальной принадлежности и вероисповедания. Женщине предоставлялись равные права с мужчиной во всех областях — хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. И.В. Сталин настоял, чтобы права советского гражданина были закреплены непосредственно в статьях Основного Закона нашей страны. При этом, эти реальные права человека в обществе были не просто провозглашены, но и гарантированы.

Страна стремилась достичь равенства и справедливости. Для этого в советском законодательстве были закреплены следующие принципы.

1. Право на восьмичасовой рабочий день.

2. Право на ежегодный оплачиваемый отпуск.

3. Невозможность увольнения работника по инициативе администрации без согласия профсоюзной и партийной организации.

4. Гарантированное право на работу, на возможность зарабатывать себе на жизнь своим трудом. Причем, выпускники профессиональных учебных заведений имели право на обязательное трудоустройство по трудовому направлению с предоставлением жилья в виде общежития или квартиры.

5. Право на бесплатное общее и профессиональное образование. Причем, как среднее профобразование, так и высшее.

6. Право на бесплатное пользование детскими дошкольными учреждениями: детскими яслями, детсадами, пионерлагерями.

7. Право на бесплатное медицинское обеспечение.

8. Право на бесплатное санаторно-курортное лечение.

9. Право на бесплатное жилье.

10. Право на свободное высказывание своих взглядов по всем проблемам современной жизни страны.

11. Право на защиту от произвола местных начальников и чиновников.

12. Право на бесплатный проезд к месту работы или учебы по индивидуальному, оплачиваемому государством проездному документу.

Кроме того, женщины имели право на целый ряд дополнительных своих льгот.

1. Право на трехлетний оплачиваемый декретный отпуск с сохранением рабочего места.

2. Право на бесплатную патронажную службу ребенку сроком до одного года.

3. Право на бесплатную молочную кухню для новорожденных до трех лет.

4. Право на бесплатное медицинское и санаторно-курортное лечение при любых детских заболеваниях и ряд других льгот [5].

Целенаправленное искажение с началом рыночных реформ в 1990-е годы гуманистической идеологии социализма, именуемой «марксистско-ленинской идеологией», привело к тому, что в массовом сознании нынешних россиян принципы социальной справедливости раздробились до бесконечно малых величин. В навязанном обществу либерально-позитивистском мировоззрении, где каждая учебно-образовательная дисциплина «сама себе философия», они стали рассматриваться со многими оговорками как морально-этические, социально-экономические, политико-правовые и другие коллизии. Да и сам социализм, поскольку при нем процент, рента и дивиденды более не присваивались компрадорской буржуазией, а аккумулировались государством на решение общенациональных задач, представлен этими самыми «присвоителями» и «приватизаторами» строем, якобы не справедливым [6].

Ориентацию нашего народа на справедливость «лукавые и прельщающие» использовали в манипулировании критериями и нормами социализма. В иерархии социальных ценностей именно справедливость была для советских людей доминирующей ценностью. Она имела большую значимость, чем бесплатное предоставление жилья, бесплатное здравоохранение и образование, дружеская атмосфера в обществе, безопасность на улицах, экономическая и политическая стабильность. Даже выравнивание реальных доходов рабочих и крестьян рассматривалось как нечто само собой разумеющееся, а не как отражение процессов стирания классовых и социальных различий. Люди остро и болезненно реагировали лишь на сообщения о коррупции «в верхах», о «спецраспределителях» дефицита для госчиновников, о неравенстве в доходах честных тружеников и «ловких» людей. Именно эта морально-этическая сторона, действующая как раздражитель в массовом сознании любого современного общества, стала выдаваться за несостоятельность социализма относительно рынка, стала раздуваться до непомерных размеров деструктивными силами, стремящимися разрушить Советский Союз и уничтожить социализм [6].

Один из самых значимых критериев социальной справедливости — ликвидация безработицы, поколением, не знавшим, что такое капитализм, видевшим его лишь в голливудских фильмах и на картинках глянцевого журнала, уже не рассматривалась как безусловная ценность. То, что подчеркивалось партией: «... социализм ставит всех членов общества в одинаковое отношение к средствам производства и в этом смысле полностью их уравнивает, различая людей не по их богатству, капиталу и т.п., а по самому справедливому на данном этапе развития

общества критерию: количеству и качеству общественно-полезного труда...» [7], стало пустым звуком, особенно среди лиц так называемых «свободных» профессий.

Между тем, именно это достижение было достигнуто непомерными жертвами предшествующих поколений — отцов и дедов той самой молодежи конца 1980-х—начала 1990-х годов, которая была соблазнена шикарной заокеанской жизнью. Индустриализация советской России проходила в условиях экономической блокады, с большим напряжением сил, так как не хватало ни капиталов для инвестиций, ни квалифицированных кадров — инженеров, конструкторов, рабочих. Но она была крайне необходима именно для того, чтобы страна стала высокотехнологичной, чтобы в ней были собственные высококвалифицированные кадры и инвестиционные ресурсы. Она была необходима для подлинной свободы и независимости, поскольку не может быть свободен и независим человек, опутанный долгами международных ростовщиков и не владеющий современными технологиями.

С целью накопления капитала для инвестиций в промышленность, государство использовало все возможности: перераспределение национального дохода и, прежде всего, перекачку средств из деревни; экспорт продовольствия, драгоценных металлов и реквизируемых церковных ценностей; выпуск займов; денежную эмиссию и т.д. Но это были лишь экономические инструменты. Всю тяжесть ускоренной индустриализации вынес на своих плечах российский народ. И, прежде всего, русский народ центрально-черноземной, земледельческой полосы [8].

Высокие темпы роста промышленного производства обеспечивались, в том числе и командными методами управления экономикой, сочетавшимися с высоким трудовым энтузиазмом. В 1930-х годах в стране было развернуто социалистическое соревнование за пересмотр норм выработки, поскольку внедряемая новая высокопроизводительная техника должна была окупаться не путем сокращения заработной платы работника, а ростом производительности его труда. В каждой отрасли народного хозяйства ставили рекорды «ударники социалистического труда» — Алексей Стаханов, Паша Ангелина, Петр Кривонос, Александр Бусыгин, Макар Мазай, Иван Гудов, Николай Сметанин, Евдокия Виноградова и другие. Алексей Стаханов выполнил за одну смену, как известно 14 трудовых норм. Стахановское движение получило широкое развитие во всех отраслях промышленности, сельского хозяйства и советской торговли.

В результате ускоренной индустриализации технико-экономическая отсталость и зависимость страны от импорта технологий и промышленного оборудования были преодолены. Страна стала производить собственные станки и моторы, все марки инструментальной стали, автомобильную и авиационную технику, конвейерные линии. Когда в 1937 году экипаж самолёта АНТ-25, состоявший из лётчиков Валерия Чкалова, Георгия Байдюкова и штурмана Александра Белякова, впервые в мире совершил беспосадочный перелёт СССР — Ванкувер через Северный полюс, никто из американских инженеров не поверил, что на самолёте был авиамотор советского производства, поскольку в самой Америке моторы подобного рода еще не производились.

К концу тридцатых годов СССР буквально ворвался в число немногих стран, способных производить полную номенклатуру промышленной продукции. Этот прорыв был совершен буквально за каких-то 5 лет, за одну пятилетку. Либеральные историки любят сопоставлять цифры плановых показателей и их неполное выполнение, доказывая путем подмены понятий «неосуществимость» социализма. Их усилия понятны, таким способом они пытаются завуалировать главный смысл индустриализации и «сталинских» реформ, проведенных в 1929—1933 годах. Этот смысл заключается в том, что созданием социалистического хозяйственного механизма было доказано: ускоренное экономическое развитие такой страны как Россия, может осуществляться без ее подстраивания под капиталистический «мировой рынок», на собственной интеллектуальной основе, путем сознательного управления хозяйством, без финансовой

«помощи» со стороны «филантропов и благодетелей» типа Дж. Сороса и им подобных.

«Не бывает и не может быть при капитализме действительного участия эксплуатируемых масс в управлении страной, — говорил И.В. Сталин на XIV съезде ВКП (б) — «съезде индустриализации» в декабре 1925 года, — хотя бы потому, что при самых демократических порядках в условиях капитализма правительства ставятся не народом, а Ротшильдами и Стиннесами, Рокфеллерами и Морганями. Демократия при капитализме есть демократия капиталистическая, демократия эксплуататорского меньшинства, покоящаяся на ограничении прав эксплуатируемого большинства и направленная против этого большинства» [9]. Как тут не вспомнить о роли «вашингтонского обкома» в формировании правительства «демократической» капиталистической России в годы ельцинского правления.

К 1940 году СССР вышел по объемам промышленного производства на 1-е место в Европе и 2-е место в мире. Значительно — с 9 млн в 1928 году до 23 млн в 1940 году выросла численность рабочего класса. Росло внутрипромышленное накопление. Прекратилась перекачка средств из аграрного сектора экономики в промышленный. С 1950-го года после окончания послевоенного восстановительного периода стабильно росли реальные доходы населения. Среднегодовые темпы прироста промышленного производства до середины 1960 года составляли в СССР 11,2%, тогда как в США — 4,3%, а в Великобритании и Франции — 2,5%. С 1922 по 1982 гг. общий объём продукции промышленности вырос в СССР в 537 раз [10].

Советский Союз не просто динамично развивался, он становился доминирующей силой в мире. Его деятельность по деколонизации стран Африки и Азии увенчалась огромным успехом. За один 1960 год 17 стран получили независимость. Колониализм разваливался на глазах и именно тогда перепуганные западные «демократы» стали раскручивать тезис о «конвергенции» — объединении плановой системы с частной инициативой.

Укреплялось сотрудничество стран социалистического лагеря. Плановая социально-экономическая система уже в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), а не только СССР демонстрировалась развивающимся странам пример построения справедливого общества. Не только Китай и Индия — страны с многомиллиардным населением, но и страны Латинской Америки — бывший «огород» США, избирали некапиталистический путь развития. Это вызывало неприкрытую тревогу на Западе. Росло желание уничтожить СССР [11].

Выступая в ноябре 1991 года в Американском нефтяном институте (Хьюстон, США), экс-премьер Великобритании Маргарет Тэтчер, которую никак нельзя обвинить в приверженности к нашей стране, говорила: «Советский Союз — это страна, представлявшая серьезную угрозу для западного мира. Я говорю не о военной угрозе. Её в сущности не было... Я имею в виду угрозу экономической. Благодаря плановой политике и своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов, Советскому Союзу удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него был примерно в два раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков» [12].

Если немного напрячь память, то нетрудно будет вспомнить, что именно после этой милой беседы Маргарет Тэтчер с М.С. Горбачевым начались его реформы по «перестройке» социализма. А ведь еще В.И. Ленин предупреждал, что у первой в мире страны победившего социализма будет два непримиримых врага, готовых ее при первой возможности сокрушить. Это империалистическое окружение и буржуазное перерождение правящей «элиты». Если от первого врага Советский Союз был надежно защищен ядерным щитом, то второй враг — внутренний, от него у социализма не было надежной защиты, да нет и до сих пор... [13].

Как видим, несмотря на неприкрытую ненависть к нашей стране, даже Тэтчер признавала, что высокие успехи СССР в

сфере экономики были достигнуты «сочетанием моральных и материальных стимулов», а вовсе не «командными методами в экономике», как до сих пор твердят ярые антисоветчики и либералы различных мастей. Советское общество прививало уважение к человеку труда, оно создавало равные возможности в развитии и использовании способностей людей. Если отбросить экстремальные периоды в развитии нашей государственности, когда стоял вопрос о самом существовании страны, то в стабильных условиях, например, в «эпоху» Л.И. Брежнева, люди, безусловно, рассматривались как величайшая ценность общества и коллективное достояние. Возможно, что допускались даже перегибы в гуманном отношении к человеку труда. Во всяком случае, премирование работников по любому поводу, привело к снижению мотивации получать лишь заработанное, а не подаренное с барского плеча.

Как известно, тарифно-квалификационная сетка для определения заработанного вознаграждения за труд также была разработана в 1930-е годы. Методологически ее построение исходило из справедливого и честного отношения к труду. На первом месте в ней стояли металлурги горячих цехов. У них из-за высокой температуры возникает рак кожи. На втором — шахтеры. У них возникает эмфизема легких. На третьем — стояли военные, рискующие по понятным причинам своей жизнью... [14]. Эта сетка для определения заработанного вознаграждения за труд, была справедливой, чего нельзя сказать об оплате труда в настоящее время. «Эффективный менеджмент» по вполне понятным причинам ее отменил и стал выписывать себе вознаграждение в миллионы рублей, в то время как истинные работники впадают в жалкое существование под их «эффективным» руководством. Это не справедливо. Люди это видят, но до поры до времени терпят.

Сформировать у себя уважение к честному труду можно только будучи высоконравственным и высококультурным человеком. В 1930-е годы был произведен «великий перелом» не только в сфере коллективизации и индустриализации. Это были годы коренной перестройки культуры, науки, образования и воспитания. Условием и важнейшей целью социализма было провозглашено всестороннее развитие личности. Это подразумевало обогащение духовного мира человека, общее и специальное образование, нравственное, эстетическое и физическое воспитание.

В предшествующие годы следует подчеркнуть, что в первой половине 1920-х гг. искаженные представления о новой «пролетарской» культуре оказали влияние не только бесталанные литераторы и поэты, требовавшие заменить А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и других русских классиков деятелями РАППа и ВАППа, но и нэпманы. Пресловутые корпоративы устраивались и тогда. Нэпманы устанавливали свою моду на культуру. Их главным развлечением были кабаре и рестораны, в которых выступали артисты-куплетисты с «Муркой», «Бубличками», «Лимончиками», «Фонариками», «Рюмкой водки» и т.д. В театрах ставились фривольные водевили с полуголыми барышнями и канканом на столе [15].

В «лихие» 1990-е годы эти нэпмановские «наработки» в сфере культуры вновь стали востребованы вместе с «Жориками Скумбриевичами», финансовыми пирамидами, «Остапами Бендерами», матом и голыми людьми на эстраде. Параллельно с этой же эстрады стало прививаться молодежи презрительное отношение к честному труду, рабочим профессиям, многодетным семьям, и ко всему, что не соответствует представлениям новоявленной «элиты» об «изячной» жизни.

Важным событием в культурной жизни Советского Союза стал I съезд советских писателей (1934 г.), избравший председателем правления Союза писателей А.М. Горького. «На всем протяжении Союза, — говорил он в своем докладе, — быстро развивается процесс возрождения всей массы трудового народа «к жизни честной — человеческой», к свободному творчеству новой социалистической культуры» [16]. Социалистический реализм был избран в качестве основного художественного метода. Созданные на его основе произведения художественной литературы до сих пор являются непревзойденными. Это «Жизнь Клима Самгина» А.М. Горького, «Тихий Дон» и «Поднятая

целина» М.А. Шолохова, «Хождение по мукам» и «Петр Первый» А.Н. Толстого, «Живые и мертвые» К. М. Симонова и многие, многие другие. Фильмы, созданные по этим произведениям более 50–60 лет тому назад, восстанавливаются на киностудиях и их с огромным удовольствием смотрят новые поколения россиян, потому что эти фильмы «сеют доброе вечное». В них нет уголовщины, они не прославляют «Соньку золотую ручку», «Беню крика» и «Мишку япончика». Они настраивают читателей и зрителей на веру и надежду в хорошее будущее. Светлый лик будущего, выведенный в этих произведениях, вдохновлял советского человека на честный труд, упорную учебу и здоровый образ жизни. Не менее важна была детская литература. Она не давала «вредных советов от Остера», правильно воспитывала культуру с детства. Это качество советского воспитания оказалось тем стержнем, который помог выстоять нашей стране в трудные военные и послевоенные годы [17].

Экономическое чудо, реализованное в СССР, было следствием того, что стали открытыми возможности для личностного развития сотен миллионов людей в нескольких поколениях. Советский человек, презрительно именуемый «Хакамадами» «биомассой» и «совком» мог реализовать потенциал личностного развития на практике, создавая мощь советского государства. Страна немалого добилась в социальной сфере — в системе социальной помощи, в социальном страховании рабочих, в создании условий для труда и отдыха. С первых дней своего существования, она стала формировать на заводах и фабриках фонды улучшения быта рабочих (фубры). Была создана широкая система санаториев, домов отдыха, профилакториев, пионерских лагерей, где лечение и отдых оплачивались из социальных фондов. Так называемые «благотворительные» фонды, созданные частными лицами в настоящее время, являются их жалким подобием, и служит они не нуждающимся, а выводу средств за рубеж.

В СССР, в отличие от многих современных стран, ежегодный оплачиваемый отпуск составлял не менее четырех недель. Обеспеченность работников поликлиниками, детскими садами, яслями, библиотеками, стадионами, санаториями на порядок превосходила уровень развитых западных стран. В послевоенное время СССР занимал передовые позиции по продолжительности жизни — 70 лет, детская смертность была самая низкая в мире. Наука, здравоохранение, образование были нацелены на службу людям, а не олигархическим кланам.

С проведением реформ 1930-х годов главной особенностью советской науки являлась ее ориентация на практические нужды страны. В 1930-е годы в Москве открылись Институты органической химии, геофизики, Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. Ленина (ВАСХНИЛ). Советские ученые проводили исследования по проблемам микрофизики (П.Л. Капица), физики полупроводников (А.Ф. Иоффе), атомного ядра (И.В. Курчатов, Д.В. Скобельцын, Г.Н. Флеров, А.И. Алиханов и др.). На основе исследований ученого-химика С.В. Лебедева был организован промышленный способ получения синтетического каучука из этилового спирта. В 1932 г. геологи под началом академика И. М. Губкина открыли новые нефтеносные районы на Урале и в Башкирии и Татарии [18].

Указанные успехи на научном поприще были предсказуемы, поскольку наука перестала быть прерогативой узкого круга лиц. Она питалась не за счет узкого «элитарного» обучения «высокоодаренных» детей, чьи родители подсутились на приватизации, а широким потоком кадров из самой народной гущи. В 1930-е годы было введено обязательное всеобщее начальное образование. На значительные средства, выделенные на развитие школьного образования, было построено более 30 тыс. школьных зданий, выпущено около 300 млн экземпляров учебников, расширена сеть педагогических учебных заведений. В 1937 году было введено всеобщее обязательное 7-летнее образование. В 1939 году поставлена задача перехода ко всеобщему среднему 10-летнему образованию [19].

Не только наука, здравоохранение и школа были нацелены на формирование здоровой и полноценной личности, но и массовая физическая культура, которая вносила существенный вклад и в спортивные достижения страны, и в формирование

здорового, гармонично сложенного человека. Во всех спортивных соревновательных сферах — футболе, хоккее, беге, прыжках в высоту, во всех видах легкой атлетики советский человек демонстрировал высокие результаты. Этого он добивался без допингов, скандалов и подтасовок результатов. Он стремился к победе не за большой денежный куш, а чтобы принести, прежде всего, славу своей стране, показать миру, что спорт делает человека красивым, атлетично и гармонично сложенным, как это было доказано еще древними греками, организаторами истинных, «нерыночных» олимпийских игр. С переходом на коммерцию, отечественный спорт, как все хорошее, созданное советским человеком, приобрел уродливые черты западного образа жизни [20].

Все вышеперечисленные фундаментальные основы социалистического хозяйствования и советского образа жизни сделали возможным Великую Победу советского народа в Отечественной Войне 1941–1945 гг., грандиозное восстановление послевоенного народного хозяйства, передовые позиции в мировой науке, первый в мире запуск спутника Земли и первого в мире космонавта Ю.А. Гагарина, построение надежного ядер-

ного щита сдерживания от любых внешних агрессоров и т.д. Можно бы и далее анализировать ориентиры и направления возрождения нашей Родины, показывать свойственные ей пути эволюции к справедливому и честному обществу. Но мы находимся все еще в шатком неравновесии, все еще значительны и влиятельны силы, стремящиеся удержать, а затем повернуть вспять развитие нашей страны. Используя специальную военную операцию, проводимую нашей страной по защите новых субъектов РФ, демилитаризации и денацификации Украины, Запад проводит активную работу не только на поле боя, но и различными методами консолидирует компрадорские силы внутри России. Опять, как в «лихие 90-е» «лукавые и прельщающие» под видом «экономической неэффективности» пытаются задушить слабые ростки социальной справедливости, с трудом пробивающие себе дорогу в условиях растущего в народной среде патриотизма и сплоченности.

Авторы данной статьи стремились, прежде всего, противостоять этому, стремились показать истину, как того требует честный научный поиск ученого.

Статья поступила в редакцию 03.09.2022.

Список использованных источников:

1. Шубарт В. Европа и Душа Востока. — М.: «Русская идея», 2000. — С.56.
2. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик. Сб. документов, т. 3, — М, 1960. — С.42–53.
3. Развитие СССР как союзного государства 1922–1936 гг. — М.: Политиздат, 1972. — С.68.
4. Благих И.А. Теоретико-методологические подходы к обоснованию экономической политики современной России // Вопросы политической экономии. — 2016. — №2. — С. 67–76.
5. Благих И.А. Модель социального государства: теория и практика для современной России. В сб.: Устойчивое развитие: общество и экономика: Материалы VI Международной научно-практической конференции. 2019. — С. 75–78.
6. Ведин Н.В., Газизуллин Н.Ф. Контуры новой системы присвоения: идеи Маркса и современность // Проблемы современной экономики. — 2018. — №3(67). — С. 53–57.
7. История КПСС, т. 4, кн. 1. — М.: Политиздат, 1970. — С. 196–210.
8. Кашников Б.Н. Исторический дискурс российской справедливости // Вопросы философии. — 2004. — №2. — С. 29 — 41.
9. Сталин И.В. Об основах ленинизма. Собр. соч. т.6. — С.115.
10. Благих И.А., Дубянский А.Н. Проблема справедливости в долговых отношениях на развивающихся рынках /Dubyansky A., Blagikh, I., 2019 // Proceedings of the Third International Economic Symposium Atlantis Press, pp. 9–15 (Advances in Economics, Business and Management Research; Vol.104.
11. Благих И.А. Тысячелетие Русской Правды — обретение новых смыслов. — Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2016. — С.19–27.
12. <https://politikus.ru/articles/history/66953-margaret-tetcher-kak-my-rasrushali-sssr.html>. Дата обращения: 09.10.2022.
13. Газизуллин Н.Ф. О роли обобщающих исследований по истории русской экономической мысли. Рецензия на учебник: Богомазов Г.Г., Благих И.А. История экономики и экономической мысли России. Учебник. — М.: Экономика, 2010. — 671 с. (Учебники экономического факультета СПбГУ) // Проблемы современной экономики. — 2012. — №2(42). — С. 459–461.
14. Благих И.А., Аверьянова О.В. Россия в поиске модели социального государства: вопросы теории и практики // Проблемы современной экономики. 2019. — №1. — С. 162–165.
15. Анисимов С.Ф. Духовные ценности. Производство и потребление. — М.: Мысль, 1998. — С.54.
16. Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. — М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. — С.18.
17. Благих И.А., Газизуллин Ф.Г., Газизуллин Н.Ф. Всемирно-историческое значение Победы советского народа в великой отечественной войне (1941–1945гг.) // Проблемы современной экономики. — 2020. — №1(73). — С. 6–11.
18. Газизуллин Н.Ф. Теоретические основы перехода к социально-инновационной планомерной экономике. // Методология устойчивого экономического развития в условиях новой индустриализации: Сборник трудов Международной научной конференции. Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. — Симферополь, 2016. — С. 262–265.
19. Благих И.А., Газизуллин Н.Ф., Яковлева Н.Г., Титов В.О. Индустриальное общество в XXI веке: переосмысление «мейнстрима» российскими экономистами (III Санкт-Петербургский международный экономический конгресс — СПЭК 2017) // Проблемы современной экономики. — 2018. — №2. — С.286–288.
20. Благих И.А. Стратегия экономической политики современной России: проблемы самоидентификации // Социум и христианство: Материалы III Международной научно-практической конференции. — Минск: Белорусский государственный университет, 2019. — С.110–112.

ПРОРЫВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: СИСТЕМА ОПТИМАЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ (СОФЭ)

В.О. Титов,

*доцент кафедры теории кредита и финансового менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук
v.o.titov@spbu.ru*

А.Ю. Протасов,

*зав. кафедрой экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук
baikal-spb@yandex.ru*

И.А. Благих,

*профессор кафедры экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук
ivan-blagikh@yandex.ru*

И.И. Малюшин,

*соискатель кафедры экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук
malyshin@mail.ru*

А.Э. Ващук,

*старший преподаватель кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук
v-angeli@yandex.ru*

В статье представлена история разработки и функционирования системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ). В современной историко-экономической литературе она представлена всего лишь как дискуссия 1970-х годов по экономико-математическому моделированию. В этой связи, авторами достаточно подробно освещены, так называемые, «белые пятна» истории создания СОФЭ, которые тогда нельзя было освещать по соображениям секретности.

Ключевые слова: управление народным хозяйством, автоматизированные системы управления экономикой, система оптимального функционирования экономики, СОФЭ

УДК 338.5 ББК 65.05

Разработанная и внедренная в плановое управление народным хозяйством СССР система оптимального функционирования экономики (СОФЭ) рассматривается в современной экономической литературе как экономико-математическое моделирование [1]. Это не соответствует действительности, поскольку под СОФЭ в конце 1950-х — начале 1960-х гг. понималась «отраслевая автоматизированная система управления, представляющая собой совокупность административных и экономико-математических методов, средств вычислительной техники, связи и системных (интеллектуальных) процессов, позволяющая органам управления министерств и ведомств осуществлять оптимальное управление отраслью в условиях планирования и экономического стимулирования» [1].

Задача программирования указанных процессов потребовала объединения усилий не только экономистов, математиков и программистов, но и историков, философов, лингвистов, психологов и т.д. Речь шла не только о математических моделях и системном анализе, но, по сути дела об искусственном интеллекте. Именно под уже действующую СОФЭ был создан в 1963 г. ЦЭМИ (Центральный экономико-математический институт АН СССР) и организован Научный совет «Оптимальное планирование и управление народным хозяйством». Причем, возникшим тогда бурным дискуссиям по экономико-математическому моделированию предшествовала совсем другая история.

В 1950-е гг. СССР сделал значительный скачок в развитии промышленности, сельского хозяйства, науки и других областях. Выросли масштабы и ассортимент производимой продукции. С расширением масштабов производства и распределения непрерывно возрастала сложность управления хозяйством, увеличивались потоки экономической информации и усложнялись методы ее обработки. Одновременно повышались

требования к скорости и точности обработки информации во всех звеньях государственного аппарата.

Реформирование Госснаба и Госплана, произведенное в середине 1950-х годов, дало кратковременные результаты. Требовались инновационные решения на совершенно новой научно-технологической основе. Учитывая, что в условиях обобществленного хозяйства было вполне возможно внедрение в работу плановых органов комплексной автоматизированной системы управления экономикой, не было сомнений, что эффект от такой автоматизации будет гораздо выше, чем от автоматизации отдельных участков экономики, применяемой в капиталистических странах. Исходя из этого, было принято решение о внедрении в общегосударственную плановую систему АСУ на основе ЭВМ [2].

Задача упрощалась тем, что полная комплексная автоматизация процессов управления в непрерывном режиме и реальном времени уже применялась в оборонном комплексе страны. С 1952 года в СССР велись работы по АСУ атомной подводной лодки «Ленинский комсомол». Ее вычислительный центр в непрерывном режиме обрабатывал информацию по энергетической установке, стрельбовому комплексу, штурманско-навигационную информацию, обеспечивал радиосвязь и т.д. Параллельно велись подобного рода, но более масштабные работы в сфере противоракетной обороны.

В мае-августе 1954 г. под руководством инженер-полковника А.И. Китова, при активной поддержке инженер-контр-адмирала А.И. Берга был запущен в эксплуатацию первый в СССР (и в мире) Вычислительный Центр (ВЦ-1 Министерства обороны, впоследствии ЦНИИ-27), вскоре ставший одним из ведущих научных центров страны. Именно из него поступила идея внедрения системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ) в деятельность плановых органов на осно-

ве АСУ, построенной на множестве ЭВМ, замкнутых в единую комплексную систему. В 1955 г. были созданы Вычислительный центр АН СССР (ВЦ АН) и Вычислительный центр МГУ (НИВЦ). Также начиная с 1956 г. при многих университетах начинают работать семинары по кибернетике, а в 1957 г. создаются Вычислительные центры АН Украинской ССР и АН Армянской ССР, усилиями С.Л. Соболева и М.М. Лаврентьева организуется Институт математики СО АН СССР в Новосибирске.

Одним из таких институтов — лабораторией вычислительной техники и математики Института математики АН Украины, созданной ранее С.А. Лебедевым и известной своими пионерскими разработками вычислительных машин МЭСМ и СЭСМ, — руководил, начиная с 1956 г., Виктор Михайлович Глушков. Именно он в дальнейшем сыграет решающую роль в практике внедрения АСУ в сферу управления советским народным хозяйством.

1961 год был отмечен кардинальным разворотом мнения высших государственных чиновников в пользу перспективы внедрения АСУ в плановую экономику. В июне 1961 года заместитель председателя Совета Министров Алексей Николаевич Косыгин выступил с публичным призывом к ученым разработать предложения по применению ЭВМ в планировании и управлении производством [3].

В сентябре 1962 года, опираясь на работы специалистов по экономической кибернетике, Госкомитет по науке и технике подготовил масштабное предложение о создании «Общегосударственной системы автоматизированного сбора и обработки экономической информации» на основе сети вычислительных центров. В октябре 1962 года директор киевского Института кибернетики В.М. Глушков опубликовал в «Правде» статью, в которой предостерегал: без радикальной реорганизации плановой деятельности, к 1980 году планированием в сфере экономики придется занять «все взрослое население Советского Союза». Глушков предложил создать «единую государственную автоматическую систему по переработке планово-экономической информации и управлению экономикой» на основе сети вычислительных центров. Вот что писал в одной из своих работ о необходимости внедрения вычислительных центров сам Глушков:

«Электронные вычислительные машины представляют собой могучее средство повышения производительности умственного труда в целом ряде областей человеческой деятельности. Общеизвестны успехи, которых добились советские ученые в применении ЭВМ для решения сложных научных и инженерно-конструкторских задач. За последние годы намечались существенные сдвиги в разработке и внедрении ЭВМ для управления технологическими процессами. Целый ряд научных коллективов приобрел известный опыт в решении на ЭВМ планово-экономических задач» [18].

Задачи планирования — это, по существу, «сложные многовариантные задачи, решение которых может быть успешно проведено только с помощью ФСЕ и ЭВМ. Последние охватывают при решении огромное количество данных, связанных воедино, казалось бы, самые сложные стороны экономической деятельности, в короткие сроки просчитывают огромное количество вариантов и выбирают наилучший или в крайнем случае близкий к наилучшему вариант, но этот вариант всегда оказывается намного более эффективным, чем тот, который выбирает человек» [18].

Возможности человеческого мозга и вообще человеческих коллективов по переработке информации также ограничены, как и физические возможности человека [4, 5, 6]. «Никто сейчас не станет требовать от человека или от нескольких человек собственными мускульными усилиями двигать железнодорожный состав — писал Глушков, — однако решать задачу, например, прикрепления сотен поставщиков к тысячам потребителей в плановой экономике необходимо. Такие задачи мы ставим плановым работникам. При этом опыт показывает, что решение этой задачи коллективом, даже работающим с применением вычислительной техники, на 10–15% хуже оптимального варианта, полученного на ЭВМ» [18].

Выполнение необходимых расчетов для решения задачи рационального прикрепления поставщиков к потребителям,

определение наиболее выгодных маршрутов перевозок массовых грузов при современных масштабах уже сегодня превосходит возможности человека [7]. «Иное дело — отмечал Глушков, — ЭВМ. Ведь даже довольно медленная по современным понятиям машина, выполняющая «всего лишь» 20 тыс. арифметических операций в секунду, производит вычисления в миллион раз быстрее, чем человек. Используя свое преимущество в скорости, машины быстро находят наилучшие (так называемые оптимальные) планы перевозок. О получаемом эффекте свидетельствует, например, такой факт. Внедрение оптимального плана перевозок лишь одного вида грузов (топливного мазута) в условиях Советского Союза позволяет экономить свыше 10 млн руб. в год» [18].

Еще больший эффект получается в том случае, когда учитываются не только транспортные расходы, но и рациональное размещение производства, специализация предприятий [8]. «Стало уже общепринятым мнением, что в сложных задачах планирования и управления, решаемых с помощью математических методов и ЭВМ, экономический эффект достигает примерно 10–15%. Нетрудно подсчитать, что если бы все задачи решались у нас оптимальными методами, если процент экономии от решения всех задач будет примерно таким же, как и от решенных (а есть все основания считать, что для глобальных задач он будет значительно большим), то наша страна получит объективные возможности значительно увеличить темпы экономического роста» [18].

Следует сказать, что разработка и внедрение СОФЭ не была единовременным актом. Ее совершенствование велось непрерывно от простейших форм автоматической передачи информации в вышестоящие управленческие структуры с последующей ее обработкой для плановых решений в масштабе страны.

Реформа 1965 г. внесла существенные коррективы в те базовые принципы, на которых ученые предполагали строить сеть ВЦ. В правительственных постановлениях и проектных материалах с этого времени сеть ВЦ называлась уже не «Единая государственная сеть ВЦ», а просто «Государственная сеть ВЦ».

Новое название сети ВЦ свидетельствовало о том, что ее планировалось создавать не как единую систему. Упразднение совнархозов и восстановление министерств привело к тому, что ведомств в центре стало больше, и система управления стала децентрализованной. Вместо ВСНХ, на который, в конечном счете, ориентировался проект ЕГСВЦ, образовалось несколько десятков министерств. Исчезло основание проекта (совнархозы), на котором он возник, и разработчикам пришлось учитывать интересы многочисленных ведомств. Эта реформа, как выяснилось вскоре, существенно осложнила проектирование автоматизированной системы [9].

На втором этапе (1966–1969 гг.), ведомства (ЦСУ СССР, Госплан СССР и др.), которым было поручено доработать проект, предложили ограничиться созданием отраслевых (министерских) вычислительных систем, что противоречило первоначальному проекту ОГАС (объединенная государственная автоматизированная система — термин, употреблявшийся взамен и наряду с термином ЕГСВЦ с середины 60-х годов XX в.), как единой общегосударственной автоматизированной системы. От грандиозного замысла осталось одно название. Тот смысл, который вкладывался учеными в проект, был утрачен. Все бы на этом и закончилось, если бы в конце 1960-х гг. не пришли известия из США. Американцы создали компьютерную сеть АР-ПАНЕТ, которая связала объекты обороны, все университеты и органы управления. Из этой сети вырос современный Интернет.

Эта новость застала врасплох советское руководство и вынудила его вернуться к первоначальному проекту ученых. На заседании Политбюро ЦК КПСС, состоявшемся, предположительно, в конце сентября 1970 года, чиновники предложили следующую схему построения ОГАС: вместо единой автоматизированной системы все ведомства должны были создать свои собственные системы и объединить их впоследствии в общегосударственную.

И все же в целом создание автоматизированных систем управления в нашей стране шло довольно высокими темпами,

что объяснялось масштабами, темпами обновления и развития современного производства. Система управления народным хозяйством должна была перерабатывать непрерывно нарастающий объем все более сложной и разнородной информации. Вместе с тем, необходимо было увеличить быстродействие этой переработки, учитывать особую важность эффективности и оптимизации экономических решений. В своей работе «Автоматизированные и автоматические системы управления», опубликованной в 1979 г., Д.Г. Жимерин и В.А. Мясников, на взгляд авторов, достаточно точно описывают сложившуюся в управлении народным хозяйством СССР ситуацию, поэтому хотелось бы процитировать их мысль целиком:

«Проблема улучшения планирования и управления народным хозяйством на данном этапе развития экономики и технического прогресса может и должна решаться путем осуществления целого ряда организационных и технических мероприятий.

Организационные мероприятия охватывают совершенствование управления отраслями, ликвидацию многозвенности, организацию объединений. Однако организационные мероприятия не могут в полной мере обеспечить решение всех задач, поставленных ЦК КПСС в области совершенствования планирования и управления [10].

Переход от совнархозов к отраслевой системе управления несколько замедлил внедрение АСУ на основе ЭВМ, поскольку потребовалась разработка ЕС (единой системы) ЭВМ и общей платформы программирования, но как показано в таблице, этот переход меньше сказался на внедрении ЭВМ, чем в общих подходах к задачам программирования. Новое экономическое руководство в лице А.Н. Косыгина горячо поддержало внедрение СОФЭ, хотя надо сказать, что в последующем, внедрением в ходе «Косыгинской реформы» нового экономического показателя деятельности предприятия — прибыли, наряду с действующим с 1930-х годов — снижением себестоимости, «посадило» проектировщиков СОФЭ, программистов и математиков (с их моделями), «между двух стульев». Во вновь образованных, прежде всего для СОФЭ, Институте экономики РАН и Центральном экономико-математическом институте РАН разгорелись дискуссии, которые и вошли в компендиум нашей литературы, как СОФЭ, хотя, как мы уже показали, СОФЭ — это комплексная автоматизация планирования, а не только экономико-математические модели [11].

Сама структура планируемой сети АСУ неразрывно была связана с четко иерархически выстроенной структурой народного хозяйства СССР. Каждое звено такой структуры имело свои собственные функции и задачи, и, соответственно, планируемая АСУ должна была быть спроектирована с учетом выполнения этих специфических задач. Здесь можно выделить следующие организационные уровни хозяйствования и управления производством СССР (на 1980 г.):

1. Единый экономический центр (центральные общегосударственные органы экономического управления);
2. Межотраслевое и программное управление (т.е. управление блоками отраслей и основными народнохозяйственными программами, если оно обособляется от центральных общегосударственных органов);
3. Отрасли и крупные административно-территориальные единицы и органы управления ими (министерства, Советы министров союзных и автономных республик);
4. Подотрасли (всесоюзные и республиканские промышленные объединения);
5. Основные звенья народного хозяйства (производственные объединения, комбинаты, предприятия);
6. Внутренние подразделения основных звеньев и внутрипроизводственные отношения, посредством которых осуществляется экономическое взаимодействие между коллективом и личностью [12].

В перспективе было предусмотрено совмещение АСУ разных уровней в государственной сети вычислительных центров (ГСВЦ) на базе единой автоматической сети связи (АСС) страны. Это позволило бы сформировать общегосударственную систему сбора и обработки информации для

учета, планирования и управления народным хозяйством (ОГАС). В конечном счете, эта система должна была объединять: системы высших органов управления и центральных планово-экономических органов, таких, как АСУ Госснаба, Госстроя, Госкомитета по науке и технике (АСУНТ), автоматизированная система государственной статистики (АСГС) и т.п.; отраслевые АСУ (ОАСУ) министерств и ведомств и системы союзных республик (РАСУ); системы управления предприятиями (АСУП) [13].

Таблица 1

Автоматизированные системы управления в народном хозяйстве с 1966 по 1980 гг.

	Всего за 1966–1980 гг.	В том числе		
		1966–1970	1971–1975	1976–1980
АСУ предприятиями (АСУП)	1378	151	838	389
АСУ технологическими процессами	2040	170	564	1306
АСУ территориальными организациями	1146	61	631	454
АСУ министерств и ведомств	279	19	168	92
АСОИ (автоматизированные системы обработки информации)	254	13	108	133
Число автоматизированных систем управления (АСУ)	5097	414	2309	2374

Составлена авторами.

Таблица 2

Формы использования АСУ

Форма использования	Главные результаты	Важнейшие сферы применения
I. Механизация и комплексная механизация рутинных расчетов	Высвобождение работников от ручных операций и повышение качества расчетов	Области, где рутинные операции документооборота и расчетов являются массовыми и стандартными (материально-техническое снабжение, торговля, банки, учетные и кассовые операции, резервирование мест на транспорте и т.п.)
II. Интеграция обработки данных в информационно-поисковых системах, особенно в «базах данных»	Повышение качества решений благодаря лучшему информационному обеспечению (по количеству, своевременности, сопоставимости данных и т.п.) лиц, принимающих решения	Области, где управление требует обработки больших массивов разнородной информации, и прежде всего в оперативном и текущем режимах (современные крупные предприятия, энерго- и транспортные системы и т.п.)
III. Решение новых, неосуществимых без ЭВМ типов задач управления, и прежде всего оптимизационных, в разовом порядке и в режиме управления	Непосредственное и принципиальное повышение качества управленческих решений за счет разработки и предварительного обора лучших альтернатив	Во всех областях, где постановка подобных задач может быть формализована и обеспечена необходимой информацией и методами решения; эффект растет с масштабом задач

Составлена авторами.

Системы управления предприятиями являются первичными (основными) звеньями управления народным хозяйством. Соответственно автоматизированные системы управления предприятиями должны составить основу (низовое звено) Общегосударственной системы управления (ОГАС).

Значение АСУП для народного хозяйства заключается в том, что они повышают уровень технико-экономических показателей предприятий.

Информация, поступающая от предприятия, используется для всех органов управления народным хозяйством.

Согласно государственному стандарту (Автоматизированные системы управления. Основные положения. Термины и определения. ГОСТ 19675–74. ВВед. 5/IV 1974. М., 1974) автоматизированная система управления предприятием определяется как человеко-машинная система, обеспечивающая автоматизированный сбор и обработку информации, необходимой для оптимизации управления предприятиями, как автономно, так и в составе АСУ производственным объединением.

В действующих неавтоматизированных системах управления большая часть управленческой работы, т.е. процессы получения, передачи, хранения и обработки производственной информации, осуществляется людьми — управленческим персоналом.

По мере внедрения АСУП человек постепенно освобождается от выполнения в первую очередь большого объема вычислительных и логических операций, составляющих так называемую механическую или рутинную работу управленческого персонала.

Однако, несмотря на использование ЭВМ и других технических средств завершающая часть (принятие решений) работ по управлению даже в полностью функционирующей АСУП выполняется человеком.

К этой части относится значительная по объему работа управленческого персонала по принятию решений как на высших, так и на первичных (низших) уровнях управления.

Сложность современного производства, взаимодействие технических, экономических, социальных и других факторов делают формализацию принятия многих решений практически невозможной.

Решение в таких случаях остается за руководителями, более или менее точно учитывающими факторы в зависимости от производственного и жизненного опыта, личных качеств и т.д.

Однако из сказанного не следует делать ложного вывода о том, что к самой ответственной части управленческой деятельности, которой является принятие решений, автоматизация управления вообще непричастна. Наоборот, принимая решения, любой руководитель опирается на серию объективных данных, которые подготавливаются с помощью технических средств. Среди этих данных есть показатели, полученные в результате простых арифметических действий, например, итоговые данные выпуска продукции с начала смены, суток, месяца и т.д., отклонения от плана и т.д. Есть также показатели, полученные в результате сложных вариантов оптимизационных расчетов.

Объем, достоверность и своевременность получения руководителями такой информации существенно влияют на качество принимаемых им решений [14].

Отраслевая автоматизированная система управления представляет собой совокупность административных и экономико-математических методов, средств вычислительной техники и связи, позволяющих органам управления министерств и ведомств осуществлять оптимальное управление отраслью в условиях новой системы планирования и экономического стимулирования. В ОАСУ осуществляется сбор, передача, обработка и анализ информации, а также предусматривается обязательное участие управленческого аппарата в принятии решений и доведение их до предприятий и организаций [15].

О самом назначении ОАСУ должна сказать структура ее функциональной части. Она включает в себя весь комплекс экономических и организационных методов, обеспечивающих решение задач оперативного и перспективного планирования, сбора и анализа необходимых технико-экономических показателей, и состоит из ряда подсистем. Можно установить следующие типизированные подсистемы, которые должны войти в ОАСУ:

- перспективного развития отрасли;
- технико-экономического планирования;
- оперативного управления;
- управления сбытом продукции;
- управления материально-техническим снабжением;
- управления комплектацией;
- планирования, учета и анализа труда и заработной платы;
- планирования, учета и анализа кадров;
- управления научно-исследовательскими работами и информацией;
- управления капитальным строительством;
- управления финансовой деятельностью;
- бухгалтерского учета;
- управления главного механика и энергетика;
- управления качеством продукции;
- управления транспортными перевозками;
- управления ценообразованием [16].

Конечно, не все перечисленные подсистемы обязательны для любой отрасли, различие которых может внести частичные коррективы в их набор, однако общая основа и группы подсистем по направлениям деятельности останутся неизменными. Если указанные выше подсистемы сгруппировать по направлениям хозяйственно-экономической деятельности, то можно их свести к следующим группам:

- планирование (текущее и перспективное) производства;
- материально-техническое обеспечение и сбыт готовой продукции;
- планирование и регулирование труда, зарплаты и кадров;
- управление процессами расширения производства;
- научно-исследовательские работы и информация.

Сведенные в группы подсистемы, входящие в ОАСУ, наглядно показывают их применимость для любой отрасли народного хозяйства [17].

В большом, сложном, географически разбросанном индустриальном обществе многие решения связаны со сбором и передачей данных с многих мест, расположенных в различных точках страны. Однако отдельные локальные автоматизированные системы не могут выполнить подобные требования. Каждодневное сопоставление производственных планов заводом, планов поставок и перевозок тысяч поставщиков сырья и потребностей тысяч потребителей лежит целиком вне возможностей локальных АСУ. Эти взаимодействия сейчас обеспечиваются системами прохождения вторичных посылок, которые дороги, неудобны, подвержены ошибкам и к тому же медленны.

По сути дела, СОФЭ впервые в мировой экономической истории поставила вопрос о внедрении искусственного интеллекта в экономику, поскольку над программированием СОФЭ стали работать не только экономисты и математики, но и филологи, психологи, историки и т.д. СОФЭ породило системные исследования и кафедры экономической кибернетики, которые особенно были популярны в экономических вузах в 1970-е годы.

Статья поступила в редакцию 06.08.2022 г.

Список использованных источников:

1. Достов В.Л., Титов В.О., Ващук А.Э., Шуст П.М., Благих И.А. Внедрение цифровых финансовых услуг в добровольном и экологическом аудите (на примере Арктической зоны РФ) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. — 2020. — № 3. — С. 112.
2. Благих И.А. Ключевые индикаторы развития цифровой экономики в мире и особенности их применения в ЕАЭС // Проблемы современной экономики. — 2021. — № 4(80). — С. 16–18.
3. Благих И.А. О методиках экспертных оценок определения эффективности борьбы с коррупцией // Экономическое возрождение России. — 2021. — № 4(70). — С. 88–98.
4. Внедрение цифровых финансовых услуг в добровольном и экологическом аудите (на примере Арктической зоны РФ) / В.Л. Достов, В.О. Титов, А.Э. Ващук, П.М. Шуст, И.А. Благих И.А. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. — 2020. — № 3. — С. 112.

5. Монетизация экосистемных услуг Российской Арктики и оценка инвестиционных рисков / Е.В. Абакумов, А.Э. Лемякина, В.О. Титов, А.Э. Ващук, Ю.Н. Гузов, И.В. Федорова, И.А. Благих В.Л. Достов, Е.Н. Шестакова // *Экология и промышленность России*. — 2020. — Т.24. — №9. — С. 51–57.
6. Перспективы развития национальной инновационной системы России в связи с социально-экономической динамикой / О.В. Аверьянова, И.А. Благих, А.А. Рябухина // *Проблемы современной экономики*. — 2020. — №1(73). — С. 18–23.
7. Благих И.А., Аверьянова О.В., Спесивцева А.А. Цифровая экономика России в свете международных индикаторов диджитализации // *Проблемы современной экономики* — 2021. — № 3(79). — С. 45–50.
8. Геймификация социально-экономических коммуникаций: новые вызовы /О.В. Аверьянова, И.А. Благих, А.А. Рябухина // *Проблемы современной экономики*. — 2020. — №3(75). — С. 67–70.
9. Оценка конкурентоспособности продукции с использованием блокчейн технологий (на примере оценки конкурентоспособности шин для легковых автомобилей) / И.А. Кудинов, А.А. Спесивцева, И.А. Благих // *Проблемы современной экономики*. — 2021. — №2(78). — С. 114–118.
10. Благих И.А., Рябухина А.А. Анализ игровых платформ и показателей оценки экономической эффективности игровых механик в геймификации // *Проблемы современной экономики*. — 2021. — №1(77). — С. 34–41.
11. Improvement of Information Technologies in Public Services as a Driver of Digital Economy Development in Russia / Blagikh I., Gromov I. // *Oikonomos: Journal of Social Market Economy*. — 2018. — №3(12). — С. 69–79.
12. The Problem of Justice in Debt in Emerging Markets / DUBYANSKY A., Blagikh I. // В сборнике: *Proceedings of the Third International Economic Symposium (IES 2018)*. Сер. «Advances in Economics, Business and Management Research» Editors: Dr. Victor Titov. 2019. С. 9–15.
13. Highly Advanced Projects for the Development of Digital Economy: Opportunities For Small Business / Idrisov H.V., Teplyakov V.A., Averyanova O.V., Blagikh I.A., Gladilina I.P. // *International Journal of Recent Technology and Engineering*. 2019. Т.8. №4. С. 12962–12967.
14. Благих И.А., Рябухина А.А. Информационное общество как новая социальная реальность // В сб.: *Международный экономический симпозиум — 2020. Материалы международных научных конференций: «Устойчивое развитие: общество и экономика», «Соколовские чтения. Бухгалтерский учет: взгляд из прошлого в будущее»*. — 2020. — С. 476–480.
15. Алипов А.С., Благих И.А. Перспективы применения теоретико-игрового подхода при анализе типологии «нетипичного» капитализма и его обратного влияния на рынки развитых стран // В сб.: *Международный экономический симпозиум — 2020. Материалы международных научных конференций: «Устойчивое развитие: общество и экономика», «Соколовские чтения. Бухгалтерский учет: взгляд из прошлого в будущее»*. — 2020. — С. 673–676.
16. Благих И.А. Анализ игровых платформ и показателей оценки экономической эффективности игровых механик в геймификации // В сб.: *Многополярная глобализация и Россия: Материалы VIII Международной научно-практической конференции памяти А.Ю. Архипова*. — Ростов-на-Дону — Таганрог, 2021. — С. 17–31.
17. Благих И.А. Геймификация образовательных технологий при переходе к ноономике // *Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм: Сборник пленарных докладов Объединенного международного конгресса СПЭК-ПНО-2020 / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова*. — Москва, 2021. — С. 156–165.
18. В.М. Глушков. Кибернетика, вычислительная техника, информатика. Избранные труды в 3-х т. Т.3. Кибернетика и ее применение в народном хозяйстве. — Киев: «Наукова думка», 1962. — с. 66–67.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ В СФЕРЕ УСЛУГ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А.В. Кучумов,

*доцент кафедры экономики и управления в сфере услуг
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
кандидат экономических наук
arturspb1@yandex.ru*

Е.В. Печерица,

*доцент кафедры экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
кандидат социологических наук
helene8@yandex.ru*

Ю.М. Бойкова,

*доцент кафедры экономики, Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации
им. Главного маршала авиации А.А. Новикова,
кандидат экономических наук
forward-vtor@mail.ru*

В статье рассматриваются возможности внедрения цифровизации в деятельность предприятий транспортно-логистических услуг. Сделана попытка ответить на вопрос — как действующие лица в области логистики и управления цепочками поставок (ЛиУЦП) достигают консенсуса в отношении «институционализации» цифровизации в практике управления своими организациями, что в будущем может обеспечить дальнейшую консолидацию логистических компаний. Показано, что с управленческой точки зрения логистические компании должны искать дальнейшие стратегии дифференциации, поскольку стандартизированные логистические услуги будут подвергаться давлению со стороны своих цифровых конкурентов.

Ключевые слова: *цифровизация, логистика, управление цепями поставок, экспедиторы, транспортно-логистический комплекс, институциональная теория*

УДК 316.422.42 ББК 60.54

Цифровизация в наше время — обычное дело. Неизбежны новые термины, такие как большие данные, Интернет вещей (IoT), облачные вычисления, а также нормативные изменения в соответствии со временем. Их необходимо принять немедленно, поскольку они упрощают ход деятельности, повышают эффективность и результативность не только с точки зрения времени, но и затрат, повышают гибкость и оптимизируют коммуникацию, благодаря интегрированной системе. Однако, у цифровизации в отрасли логистики и управления цепочками поставок, есть две стороны:

с одной стороны, такие компании, как Amazon, коренным образом изменили ландшафт ЛиУЦП с помощью цифровых продуктов и услуг [1, 2], тем самым приняв и продвигая цифровизацию, как движущую силу перемен не только между учреждениями, организациями и компаниями, но и как возможность создавать совершенно новые продукты и услуги [3];

с другой стороны, традиционные компании ЛиУЦП, такие как морские или железнодорожные перевозки, по-прежнему характеризуются низким уровнем цифровизации и ручными процессами [4].

Институциональная теория имеет соответствующие концепции и конструкции, которые могут помочь понять появление и распространение цифровых технологий и их влияние на ЛиУЦП. Институциональный взгляд на цифровизацию позволяет понимать её как социально сконструированный процесс, в котором ключевые участники ЛиУЦП в конечном итоге достигают

конвергенции вокруг так называемой «логики цифровизации» в указанной отрасли.

Многие предприятия ЛиУЦП в настоящее время не приспособлены для того, чтобы справиться с требованиями, диктуемыми наступающей со всех сторон цифровизацией. По этой причине менеджеры предприятий ЛиУЦП должны переключить свое внимание с сокращения затрат на внедрение новых процессов и сделать свои корпорации более гибкими, чтобы создавать ценность для собственного предприятия. Новые цифровые технологии, которые появляются каждый день, находятся на пути к тому, чтобы изменить почти все области традиционных бизнес-процессов. Ключевой бизнес-приоритет почти каждой отрасли окажется в центре грядущей цифровой эры. Процесс цифровизации затрагивает почти всё в современных организациях, включая управление цепочками поставок, и оказывает огромное давление на организации, требуя их изменений. Следовательно, для менеджеров крайне важно понимать последствия цифровизации для их организации и сотрудников. Текущий сценарий подчеркивает важность управления людьми и организационными вопросами в цифровых преобразованиях. Эффект цифровизации включает различные воздействия на экономику в целом; создают огромные возможности и проблемы для бизнеса. В современном мире глобализации цифровизация — это не выбор, а императив для всех предприятий во всех отраслях. Производственные процессы и работа, бизнес-модель, продукты и услуги являются основными целями цифровизации.

В целях настоящего исследования согласимся с определением цифровизации с авторами работ [5, 6] которые определяют цифровизацию как «эксплуатацию новых технологий для получения конкурентного преимущества в секторе ЛиУЦП».

Одной из повторяющихся тем в литературе, посвященной возможностям цифровизации в отрасли ЛиУЦП, является внедрение цифровых продуктов, услуг и новых технологий [7, 8, 9].

Институциональная логика отражает ценности и нормы, идеи, убеждения и системы значений, которые определяют поведение действующих лиц. Другими словами, институциональная логика представляет собой организующие принципы внутри организационного поля, формирующего познание и поведение в отрасли [10, 11].

Новые технологические инновации, такие как алгоритмы сопоставления и поиска или алгоритмы ценообразования и маршрутизации, открывают возможности для инновационных бизнес-моделей на рынке, часто предоставляя своим клиентам совершенно новое ценностное предложение, например, путем применения новых моделей доходов.

Новые цифровые провайдеры могут влиять на всю цепочку создания стоимости, и, таким образом, цифровизация и новые технологии оказывают значительное влияние на бизнес-модели сторонних логистических провайдеров. Однако, на сегодняшний день отсутствует понимание цифровых бизнес-моделей в логистике. Таким образом, изучение того, как традиционные компании и торговые площадки создают, доставляют и получают ценность с помощью своих бизнес-моделей, может помочь проанализировать сходства и различия в бизнес-моделях существующих компаний.

Такое исследование может также показать, как новые цифровые рынки влияют на действующие логистические предприятия.

Несмотря на то, что существует множество публикаций о концепциях бизнес-моделей, до сих пор нет их четкого определения. Из-за своего применения в различных контекстах, исследования бизнес-моделей различаются и представлены в разных формах, начиная от описания элементов до определения тем дизайна.

Рассмотрим четыре основных аспекта бизнес-модели:

- ценностное предложение,
- создание ценности,
- предоставление ценности,
- получение ценности.

Первый блок, ценностное предложение, относится к продуктам или услугам фирмы, которые предлагаются сегменту клиентов. В контексте логистики он описывает услуги, предлагаемые различными типами экспедиторов (например, организация перевозки, таможня). Кроме того, он включает в себя стратегию дифференциации, которой следует компания, чтобы отличаться от своих конкурентов. Эта стратегия дифференциации может включать, например, повышение эффективности цена/затраты/время и простота использования для клиентов или снижение риска.

Второй блок, создание ценности, выражается в организации процессов и управлении ресурсами компании. Он включает факторы, связанные с ресурсами, создающими ценность, а это означает, что данный параметр описывает основные процессы и ресурсы, необходимые для реализации бизнес-модели. Ресурсы могут быть:

- материальными, т.е. инфраструктура, или
- нематериальными объектами, т.е. знания.

Создание ценности также может быть выражено в человеческих ресурсах, т.е. наличие управленческих способностей.

Третий блок — компонент доставки ценности описывает сегменты клиентов, которые компания хочет привлечь и предложить им свои ценности. Этими сегментами могут быть, например, массовые рынки, нишевые рынки, сегментированные клиенты или многосторонние платформы. Кроме того, этот блок подразумевает взаимодействие между фирмой и ее клиентами. В частности, он показывает виды связей, которые компания устанавливает со своими клиентами, такие как индивидуальный подход, самообслуживание, автоматизированные услуги или взаимодействие с сообществом.

Четвертый блок, получение ценности, определяет источник дохода или формулу прибыли. Данный блок содержит описание — как компания преобразует созданную ценность в доход или прибыль. В данном компоненте содержатся рекомендации по получению потока доходов. Кроме того, блок «получение ценности» используется для демонстрации механизма ценообразования, который может характеризоваться, например, фиксированными ценами, рыночным ценообразованием, дифференцированным ценообразованием или ценообразованием на основе количества. В этом же компоненте указывается на то, что основные стоимостные факторы, связанные с бизнес-моделью, могут быть как фиксированными, так и переменными. Используя эти компоненты, можно сравнить традиционные и цифровые бизнес-модели в сфере логистики.

С течением времени возникло множество различных типов (традиционных) поставщиков логистических услуг, обеспечивающих транспортировку товаров для грузоотправителей с использованием собственных транспортных мощностей или внешних перевозчиков. В отрасли поставщиков логистических услуг (LSP) общие бизнес-модели можно классифицировать по следующим видам:

1. *стандартные региональные провайдеры* предлагают стандартизированные услуги ближнемагистральных перевозок и перевозки в прогнозируемой зоне (страны, штаты, города, регионы). Хотя поставщики логистических услуг предлагают такие услуги, как складирование и управление запасами, они не предоставляют комплексных дополнительных услуг. Поскольку бизнес-модель стандартных сторонних логистических компаний (3PL) очень проста, она аналогична бизнес-модели экспедиторов. Из-за нехватки ресурсов и возможностей реализация передовых цифровых услуг в данном случае ограничена, однако стандартные региональные провайдеры могут предлагать базовые цифровые услуги, такие как отслеживание груза.

2. *специалисты нишевой региональной службы* предоставляют транспортные, складские и инвентаризационные услуги, работая на региональном уровне. Эти небольшие компании обладают специальными знаниями, позволяющими им разрабатывать решения для клиентов типа «бизнес для бизнеса» (B2B), которые предъявляют особые требования к своим услугам. Являясь стандартными региональными поставщиками, нишевые региональные поставщики услуг просто предлагают ограниченный набор цифровых услуг.

3. *стандартные международные поставщики услуг* предлагают международным сетям дальнемагистральные перевозки, складирование и управление запасами. В основном это средние или крупные фирмы, бизнес-модель которых предлагает различные виды транспорта (автомобильный, железнодорожный, морской и воздушный) для предоставления глобальных услуг. Из-за их размера и широкого портфеля услуг их деятельность в области транспортировки и складирования довольно сложна и включает в себя такие услуги, как кросс-докинг или терминальная обработка.

В эпоху цифровизации стандартные международные поставщики услуг предлагают базовые услуги, такие как электронный обмен данными (EDI) с клиентами и/или услуги цифрового управления транспортом.

4. *специалисты международной службы* предлагают транспортные услуги, услуги складирования и управления запасами по всему миру, а также большое количество дополнительных услуг. Эти компании предоставляют глобальные решения для управления цепочками поставок. Компании, предоставляющие специализированные услуги с этой бизнес-моделью, в основном ориентируются на бизнес-клиентов. Поскольку это самая сложная бизнес-модель среди всех LSP, они предоставляют самые сложные цифровые услуги по управлению своими цепочками поставок.

Цифровизация привела к появлению, так называемых, предприятий цифровой логистики (ПЦЛ), в центре внимания руководства которых находится их потенциал для автоматизации. В этом смысле ПЦЛ — это онлайн-платформы без активов, рассчитывающие маршруты на основе алгоритмов и предлагающие мгновенные котировки цен. ПЦЛ предлагают тот же

функциональный спектр, что и традиционные логистические предприятия, но используют только цифровую платформу для обработки всех процессов и обмена документами. В этом смысле ПЦЛ не владеют транспортными мощностями, а полагаются только на внешние транспортные мощности [32].

В существующей литературе также классифицируются два конкретных типа ПЦЛ:

– международные цифровые экспедиторы с полным спектром услуг. Как международные поставщики транспортных услуг, они стремятся завоевать большую долю рынка экспедиторских услуг. Кроме того, они нацелены на долгосрочные отношения и в качестве экспедиторов сосредоточены на контрактной логистике;

– цифровые экспедиторы с прямым контрактом — предоставляют логистические услуги исключительно для очень гибкого бизнеса грузоперевозок. Благодаря своей бизнес-модели они напрямую заключают контракты с перевозчиками через свою онлайн-платформу, обеспечивая при этом свои транспортные возможности. По этой причине услуги цифровых экспедиторов этого типа, как правило, носят региональный характер [33].

Большинство этих ПЦЛ все еще находятся на начальном этапе, а некоторые активно расширяют свой рынок, предлагая операционные преимущества, такие как более низкие эксплуатационные расходы или более легкий доступ к рынку, что оказывает давление на традиционные предприятия логистических услуг.

В то время как традиционные поставщики логистических услуг полагаются на дополнительные логистические услуги (такие как складирование или упаковка, цифровые поставщики логистических услуг, выступая в качестве рыночных посредников, хотя и привлекают клиентов с помощью новых услуг (таких как онлайн-бронирование, стандартизированное управление документами, оперативные данные). Большинство этих услуг являются новыми для логистической отрасли. Однако, крупные действующие компании традиционных поставщиков логистических услуг уже догоняют своих цифровых коллег путем внедрения цифровых инструментов и онлайн-сервисов.

Для сравнения — малые и средние компании могут внедрять только простые программные системы, такие как системы отслеживания или системы планирования ресурсов предприятия (ERP- Система планирования ресурсов предприятия), в то время как, мелкие логистические компании не в состоянии внедрить такие цифровые услуги.

Отсутствие доступных ресурсов, необходимых для того, чтобы не отставать от крупных логистических компаний в сфере цифровизации, указывает на то, что существует угроза для малых компаний, а это означает, что малым логистическим компаниям все чаще придется искать альянсы или партнерские отношения, чтобы выжить.

Подводя итог можно резюмировать, что в будущем можно ожидать дальнейшей консолидации логистических компаний, поскольку преимущества цифровых процессов в основном принесут пользу действующим компаниям.

С управленческой точки зрения логистические компании должны искать дальнейшие стратегии дифференциации, поскольку стандартизированные логистические услуги будут подвергаться давлению со стороны своих цифровых конкурентов. Например, стандартные услуги по доставке от традиционных поставщиков логистических услуг могут подвергаться большему ценовому давлению, поскольку предприятия цифровой логистики дают более простые способы предоставления клиентам стандартных решений по доставке.

Предприятия цифровой логистики оказывают гораздо большее влияние на предприятия традиционной логистики в морской, воздушной и железнодорожной отраслях, чем в отрасли грузоперевозок, что обусловлено существованием различия в уровнях цифровизации видов транспорта. С управленческой точки зрения это означает, что менеджеры существующих логистических компаний в секторах железнодорожных, морских или воздушных грузоперевозок должны активизировать свои усилия по цифровизации или сотрудничать с предприятиями цифровой логистики для дальнейшего развития своего бизнеса и сохранения или получения конкурентного преимущества.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022.

Список использованных источников:

1. Cohen, R. (2018), "How Amazon's delivery logistics redefined retail supply chains", *Journal of Supply Chain Management, Logistics and Procurement*, Vol. 1 No. 1, pp. 75–86.
2. Liebmann, W. (2013), Amazon Changes the Game...Again, *Forbes*, available at: <https://www.forbes.com/sites/wendyliebmann/2013/06/25/amazon-changes-the-game-again/#155b0ec72dfb>.
3. Loebbecke, C. and Picot, A. (2015), "Reflections on societal and business model transformation arising from digitization and big data analytics: a research agenda", *The Journal of Strategic Information Systems*, Vol. 24 No. 3, pp. 149–157.
4. Economist, T. (2018), "The global logistics business is going to be transformed by digitization", *Economist*, available at: <https://www.economist.com/briefing/2018/04/26/the-global-logistics-business-is-going-to-be-transformed-by-digitisation>.
5. Пустохин Д., Клишина Е., Сухова Л. Диджитализация на рынке международной логистики. — 2020. — №11(168). — С. 10–13.
6. Ильина Т.А., Кирина Д.Н. Цифровизация логистических процессов российских предприятий на основе внедрения технологии RFID // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. — 2020. Т.13. — №4. — С. 36–45.
7. Choudary, S.P., Van Alstyne, M.W. and Parker, G.G. (2019), "Platforms and blockchain will transform logistics", *Harvard Business Review*, available at: <https://hbr.org/2019/06/platforms-and-blockchain-will-transform-logistics>.
8. Ritter, T. and Pedersen, C.L. (2020), "Digitization capability and the digitalization of business models in business-to-business firms: past, present, and future", *Industrial Marketing Management*, Vol. 86, pp. 180–190.
9. Mathauer, M. and Hofmann, E. (2019), "Technology adoption by logistics service providers", *International Journal of Physical Distribution and Logistics Management*, Vol. 49. No. 4, pp. 416–434.
10. North, K., Aramburu, N. and Lorenzo, O.J. (2019), "Promoting digitally enabled growth in SMEs: a framework proposal", *Journal of Enterprise Information Management*, Vol. 33 No. 1, pp. 238–262.
11. Verma, S. and Bhattacharyya, S.S. (2017), "Perceived strategic value-based adoption of Big Data Analytics in emerging economy", *Journal of Enterprise Information Management*, Vol. 30 No. 3, pp. 354–382.
12. Thornton, P.H., Ocasio, W. and Lounsbury, M. (2012), *The Institutional Logics Perspective: A New Approach to Culture, Structure, and Process*, Oxford University Press.
13. Besharov, M.L. and Smith, W.K. (2014), "Multiple institutional logics in organizations: explaining their varied nature and implications", *Academy of Management Review*, Vol. 39. No. 3, pp. 364–381.
14. Herold, D.M., Ćwiklicki, M., Pilch, K. and Mikl, J. (2021), «The emergence and adoption of digitalization in the logistics and supply chain industry: an institutional perspective», *Journal of Enterprise Information Management*, Vol. 34 No. 6, pp. 1917–1938. <https://doi.org/10.1108/JEIM-09-2020-0382>
15. Elbert, R. and Gleser, M. (2019), "Digital forwarders", in Bierwirth, C., Kirschstein, T. and Sackmann, D. (Eds), *Logistics Management*, Springer, Halle, pp. 19–31.
16. Mikl, J., Herold, D.M., Ćwiklicki, M. and Kummer, S. (2021), «The impact of digital logistics start-ups on incumbent firms: a business model perspective», *The International Journal of Logistics Management*, Vol. 32 No. 4, pp. 1461–1480. <https://doi.org/10.1108/IJLM-04-2020-0155>

ИННОВАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО РЫНКА ЮВЕЛИРНОЙ ПРОДУКЦИИ

Г.Л. Багиев,

профессор кафедры менеджмента и инноваций Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
доктор экономических наук, заслуженный деятель науки РФ
bagievg@gmail.com

М.А. Коноплева,

магистрант кафедры менеджмента и инноваций Санкт-Петербургского государственного экономического университета
konopleva.meri@yandex.ru

В статье раскрывается содержание инновационной стратегии формирования и развития привлекательности российского рынка ювелирной продукции. Отмечается, что на предприятиях должна проводиться системная аналитическая работа, затрагивающая не только технологию изготавливаемой продукции, но и характеристики бизнес-окружения, рабочие места, состояние рынка сбыта, каналы распределения и маркетинговую политику. Руководители предприятий, используя эту информацию и Форсайт-технологии, смогут превентивно управлять жизненным циклом инновационной продукции.

Ключевые слова: инновации, ювелирный рынок, ювелирная продукция, жизненный цикл инновации

УДК 339.138 ББК 3973.233

Современная политическая обстановка на мировой арене вынуждает предприятия бороться за свое место на рынке. Это связано, в первую очередь, с введением санкций, инфляцией и прекращением сотрудничества с отдельными зарубежными компаниями, которые раньше или реализовывали свою продукцию на российском рынке, или представляли в качестве поставщиков для российских производителей. Однако превентивная организация внутренней политики Правительства России смогла обеспечить принятие мер по становлению российской промышленности «на ноги» и заключению деловых контрактов с другими странами. В таких внешних условиях возрастает роль маркетинга и инструментария инновационного менеджмента в деятельности компаний.

Главная проблема, которую решает инновационная деятельность предприятия, состоит в том, что все существующее имеет свойство устаревать, в следствии чего необходимо систематически отсеивать то, что стало тормозом на пути к прогрессу, а также учитывать ошибки, неудачи и просчеты, так как даже негативный опыт является точкой роста. Поэтому на предприятиях должна проводиться всеобъемлющая аналитическая работа, затрагивающая не только изготавливаемую продукцию, но и технологию, рабочие места, рынок сбыта, каналы распределения и маркетинговую политику. На основе этой информации руководители организаций, применяя в том числе Форсайт-технологии, должны предвидеть, через сколько времени их продукция станет морально устаревшей, а не ждать, когда за них это сделают конкуренты. Это как раз и подталкивает предприятия к разработке инноваций. Практика показывает: ничто так не заставляет руководителя сосредоточиться на инновационной идее, как осознание того, что производимый продукт уже в ближайшем будущем окажется устаревшим.

Период времени от зарождения идеи, создания и распространения инновации на рынке и до ее использования и устаревания принято называть жизненным циклом инновации. Относительно термина «Инновация», учитывая определения различных авторов, например, Б. Твисса, Ф. Никсона, Б. Санто, О.А. Володиной и др., авторы данной статьи полагают, что инновацию можно рассматривать как предлагаемый к внедрению и использованию реально-виртуально материализованный результат новой потребительской ценности, созданной благодаря взаимодействию и синергии совокупной комбинации производственных факторов в виде нового продукта или услуги, способа их производства, нового метода маркетинга и/или инжиниринга, нового метода рационализации и ресурсосбережения в бизнесе, с учетом его окружения, обеспечивающего получение экономического, социального, экологического, научно-технического или другого вида эффекта [1–2].

Если инновация внедрена на рынке или в производственном процессе, то можно считать ее осуществленной. Но этот факт не должен приостанавливать инновационную деятельность предприятия, потому что, как только инновация попадает на рынок, она становится общеизвестной и общедоступной, а,

следовательно, через некоторое время такой же продукт выпустят и конкуренты. То есть инновационная деятельность должна быть непрекращающимся процессом, чтобы компания имела возможность устоять на уже занятой позиции в жесточенной конкурентной борьбе, особенно в условиях неопределенности сложившейся действительности.

Немногие российские компании были готовы перейти к импортозамещению, когда такая необходимость появилась, и это в первую очередь связано с тем, что они не были готовы потерять опору в виде зарубежных поставщиков и партнеров, а также не видели нужды вкладывать ресурсы в изучение инновационного рынка и точек роста.

Рассмотрим внедрение инноваций на примере российского и регионального рынков ювелирной продукции.

Ювелирная продукция — термин, включающий в себя не только личные украшения, но и изделия для сервировки стола и украшения интерьера, а также монеты, медали, ордена и памятные знаки. В настоящей статье будет проведено исследование рынка только личных украшений.

Существуют определенные критерии, по которым то или иное украшение можно отнести к разряду ювелирных.

1) Изготовление из драгоценных материалов.

Главный признак — высокая ценность сырья. Из наиболее распространенных драгоценных металлов для изготовления ювелирных украшений допускаются только золото, серебро, платина и палладий. Также имеет значение камень-вставка, если он присутствует. Драгоценными камнями считаются алмаз, гранат, жемчуг, корунд, хризолит, берилл.

2) Художественная обработка и уникальная композиция элементов.

Именно благодаря художественной обработке вещи приобретают большую притягательность. Красивые вещи ценны не только из-за того, что для их изготовления использованы дорогие материалы и в них инкрустированы самоцветы. Еще одно достоинство — долговечность.

3) Наличие клейма.

На внутренней поверхности настоящего ювелирного украшения обязательно можно найти 2 оттиска — именник (указывает на мастера или фирму) и пробу (она обозначает, сколько граммов чистого драгоценного металла содержится в килограмме сплава).

Ювелирные украшения должны полностью соответствовать трем обозначенным выше критериям. Все личные украшения можно классифицировать по локации расположения на теле (таблица 1).

Точной статистики по количеству приобретаемых украшений не существует, так как, хотя ювелирные компании и ведут внутреннюю отчетность, она не обнародуется. Однако в 2019 году компанией Яндекс было проведено исследование под названием «Больше золота: как ищут украшения в Яндексе», результаты которого показали, что наибольший интерес пользователи проявляют к кольцам (38%), сергам (22%) и браслетам (20%).

Таблица 1

Места расположения ювелирных изделий

Где располагается	Наименование
Голова	Серьги, диадема, пирсинг
Шея	Цепь, бусы, колье, ожерелье, кулон, микродермала, подвеска
Руки	Кольцо, браслет, шарм, часы
Ноги	Браслет, шарм

Российская ювелирная промышленность смогла «перезапустить» период пандемии COVID-19 и уже в 2021 года превысила свой уровень в сравнении с показателем 2019 года на 22,6% [3]. На этот счет существует несколько мнений: Гильдия ювелиров России считает, что это связано с увеличением доли продаж в премиум-сегменте; аналитический центр SOKOLOV — что это временное явление, связанное в первую очередь с влиянием ограничений, введенных с появлением пандемии COVID-19, на покупательское поведение. Деньги, которые люди хотели потратить на туризм, пришлось перераспределять на покупку украшений внутри страны [4]. В начале 2022 года, спровоцированный кризисом повышенный спрос на ювелирные изделия, к середине апреля настоящего года снизил темпы роста, хотя некоторые потребители, вопреки рекомендациям экспертов, все еще задумываются о том, чтобы вкладывать денежные средства в покупку ювелирных изделий. Инвестиционная привлекательность ювелирной продукции стремится к нулю, потому что зачастую, хотя производство и отечественное, но материалы и дизайн-проекты украшений — зарубежные, а наценка в цене металла превышает 100%.

По данным агентства INFOLine, в первом полугодии 2022 года объем российского рынка ювелирных изделий составил 152 млрд рублей, что на 17,1% больше аналогичного показателя 2021 года. По данным агентства M.A. Research, в первом полугодии 2022 г. розничные продажи ювелирных изделий выросли на 10,3% по сравнению с аналогичным периодом 2021 г., но этот рост обусловлен лишь повышением розничной стоимости ювелирных украшений.

Для сопоставления, в Санкт-Петербурге розничные продажи ювелирных изделий в первом полугодии 2022 года в стоимостном выражении выросли лишь на 2,4%. Нехарактерные для всей страны тенденции прослеживаются также и в продажах золотых и серебряных украшений, доля которых сократилась, также, как и средний чек ювелирных магазинов. Эксперты отмечают, что, хотя в целом по стране продажи обручальных колец выросли на 17,5%, в Санкт-Петербурге такой динамики не наблюдается, но зато в 2 раза больше приобретают золотые ювелирные часы и в 3 раза — брендовые часы [5].

Если в 2021 г. российский рынок ювелирной продукции увеличился после пандемии, что не в последнюю очередь связано с развитием онлайн-продаж ювелирных украшений, то в 2022 г. ожидается сокращение спроса на фоне изменения потребительского поведения и рост исключительно за счет увеличения розничных цен. В Санкт-Петербурге, в свою очередь, в связи с уже сложившимися за первое полугодие тенденциями, ожидается совсем небольшое повышение спроса (примерно на 2%).

Один из пакетов санкций, введенных Евросоюзом против России, включает в себя запрет на поставки в Россию предметов роскоши, это касается в том числе ввоза в страну ювелирных изделий известных люксовых марок вроде Cartier или Tiffany. Для российских производителей, которые раньше не могли конкурировать с украшениями премиальных брендов, хотя и не уступа-

ли им по качеству, это верный шанс открыть для себя сегмент премиум-украшений. Например, руководители сети «585*Золотой» в скором времени планируют внедрять на рынок Санкт-Петербурга новый торговый формат — сеть «585*Diamonds».

Тем не менее, ввиду экономического кризиса, пристальное внимание следует обратить и на средне-ценовой сегмент, который, по прогнозам экспертов, вырастет в объеме до конца 2022 года. На рынке уже несколько лет существует повышенный интерес к украшениям, сочетающим в себе драгоценные металлы и материалы, которые раньше в ювелирном деле не использовались. Например, ювелирная керамика выглядит эстетически привлекательной для многих потребителей, а синтезированные камни превратили ювелирное украшение из предмета роскоши во вполне доступную покупку для миллионов.

Для того, чтобы выжить в сложившихся условиях, ювелирным компаниям необходимо обращаться к методам, подчеркивающим их уникальное торговое предложение на рынке, и выделиться среди оказавшихся в такой же ситуации конкурентов. Способов генерировать инновационные идеи существует достаточно много, например, мозговой штурм, составление ментальных карт, метод синектики, техника квоты идей, метод Уолта Диснея или бенчмаркинг. Главное — при генерировании инновационных идей основываться на существующих на рынке тенденциях и трендах, анализировать потребительское поведение и заглядывать в будущее, используя форсайт-техники.

Для рынка ювелирной продукции, если рассматривать ювелирное украшение как коммерческую инновацию, рассчитанную на рыночный успех, в большей степени применим маркетинговый подход к построению жизненного цикла инновации.

Как и в других подходах, для маркетингового подхода характерны такие этапы как:

- 1) генерация идей;
- 2) фильтрация идей;
- 3) проверка продукта;
- 4) разработка продукта;
- 5) вывод на рынок.

Но рассматриваемый подход называется маркетинговым, так как наряду со стандартными жизненными фазами инновации присутствуют и маркетинговые этапы жизненного цикла.

После генерации идей необходимо провести полноценный маркетинговый анализ, который включает в исследование рынка, поиск кадров, финансов и инновационной идеи. Чуть ранее разработки продукта следует проводить маркетинг продукта, иначе — инновационного решения, чтобы оценить реализуемость, окупаемость и экономическую эффективность инновации. Следующим после вывода на рынок этапом будет маркетинг рынка. Цель внедрения инновации на рынок — получение прибыли, а для выполнения этой цели разработанный инновационный продукт нуждается в продвижении на рынок. И последним этапом в маркетинговом подходе будет оценка результатов, корректировка рыночной стратегии и поддержка сбыта, и этот этап должен продолжаться вплоть до того момента, когда инновация перестанет быть инновацией.

Всё отмеченное подводит еще к одной из проблем эффективного внедрения инновационных продуктов на рынок. Так, очень немногие российские компании рационально используют рекламные инструменты и средства продвижения продукции после ее дебюта на рынке, что приводит к ее быстрому угасанию или перехвату конкурентами. А это актуализирует необходимость проведения исследований средств рекламы и эффективности их использования.

Статья поступила в редакцию 10.09.2022.

Список использованных источников:

1. Багиев Г.Л. Форсайт-технологии маркетинга / Г.Л. Багиев, А.А. Длигач, Ю.Н. Соловьева; под науч. ред. Г.Л. Багиева — СПб.: Астерион, 2016. — С. 400.
2. Володина О.А. «Инновационный менеджмент: учеб. пособие» / О.А. Володина, Е.Ю. Фаддеева, А.А. Неретин. — М.: МАДИ. — 2019. — С. 12–13.
3. Колпакова А. Анализ ювелирного рынка и трендов 2021 года [Электронный ресурс] // Маркетинг аналитического центра компании SOKOLOV. — 17.11.2021. — URL: <https://uvelir.info/articles/analiz-yuvelirnogo-ryinka-i-trendov-2021-goda/> Дата обращения: 18.11.2022
4. Спрос на ювелирные изделия в премиум-сегменте вырос [Электронный ресурс]: Гильдия ювелиров России. — 05.02.2022. — URL: <https://agjr.ru/press-center/news/2022/spros-na-yuvelirnye-izdelya-v-nizhnem-cenov-om-segmente-sokratisya> Дата обращения: 18.11.2022.
5. Зайцева Д. Не золотые горы: ювелирный рынок переживает смену спроса и исход малого бизнеса [Электронный ресурс] // Сетевое издание «DP.RU». — 09.10.2022. — URL: https://www.dp.ru/a/2022/11/18/Moskve_ne_dostalos Дата обращения: 18.11.2022.

А.Н. Ряховская,

*профессор Департамента менеджмента и инноваций Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва),
доктор экономических наук*

Е.М. Тарусин,

*Студент 4-го курса Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва)
tarusin.egor@yandex.ru*

Статья посвящена эффективному выполнению нацпроектов, что в значительной степени будет способствовать стабилизации экономики России, обеспечению ее развития. Особую роль при этом играет ее цифровизация, что является одним из ключевых факторов повышения конкурентоспособности, как отдельных субъектов экономики, так и государства в целом.

Ключевые слова: национальный проект, цифровая экономика, антикризисное управление,

ББК У9(2)–18(2Р); У03(2Р)74

Важнейшим направлением стабилизации российской экономики в условиях ее кризиса, действия антироссийских санкций, пандемии коронавирусной инфекции других негативных параметров является реализация национальных проектов. В рамках их разработки учитывается множество факторов, в т.ч. конкретная сфера экономики, выявленные проблемы на уровне государства, конкретных регионов, отраслей, видов деятельности, а также финансовых возможностей государства. Последний из указанных факторов является особо значимым, т. к. при разработке и утверждении национальных проектов учитываются в основном государственные инвестиции, эффективность использования которых находится на крайне низком уровне. Важным негативным параметром неэффективного расходования госинвестиций при реализации практически всех национальных проектов является несвоевременность их выделения из госбюджета, активизация исполнения в конце финансового года, что приводит, в итоге, к невыполнению количественных показателей, низкому качеству решения поставленных задач, иным негативным последствиям.

Таким образом, необходимо усиление контроля за реализацией всех утвержденных национальных проектов на всех стадиях их выполнения без увеличения численности чиновничьего аппарата, что возможно с внедрением цифровых технологий в экономику России.

Решение поставленной задачи в значительной степени обеспечивает эффективная и результативная реализация нацпроекта «Цифровая экономика», важной задачей которого является формирование цифрового будущего экономики государства и субъектов рыночной экономики различных уровней. При этом его реализация предусмотрена в течение 5 лет — с 2019 по 2024 годы.

Разрабатывая и утверждая указанный нацпроект, Правительство РФ учитывало, что в настоящее время влияние цифровизации на экономику в значительной степени усиливается на международном уровне, что является серьезным вызовом российскому государству, т.к. в противном случае оно окажется неконкурентоспособным по сравнению с другими странами.

Так, например, в Китае и ряде других «продвинутых» стран полным ходом идет внедрение блокчейн технологий, выделяются гранты как частным организациям, так и правительственным структурам, организуются международные мероприятия, на которых могут поделиться проблемами и разработать перспективы развития этой области.

Также создаются центры по обучению специалистов предприятий каждой отрасли для обеспечения их кадрами в дальнейшем. Особенно интенсивно такая экономика знаний и умений развита в западных странах и в таких азиатских «гигантах», с точки зрения технологий и экономики, как Китай, Южная Корея и Япония.

Именно действием указанных мировых тенденций обусловлена необходимость реализации в экономике России нацпроекта «Цифровая экономика», основными целями которого является:

- внедрение и предварительная разработка отечественного программного обеспечения, которое позволит функционировать различным отраслям, а также органам местного самоуправления и различным организациям;

- формирование устойчивой и надежной базы данных с высокоскоростной передачей;

- создание безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры;

- обеспечение затрат на развитие информационной сферы.

Таким образом реализация аналогичного нацпроекта «Цифровая экономика» должна включать в себя не только разработку соответствующей нормативно-законодательной базы, но и формирование определенных структур, что является довольно сложным и многогранным процессом, который должен учесть интересы всех игроков рынка. Также необходимо создание перечня новых специальностей, которые будут реализованы на факультетах цифровой экономики в рамках другого федерального проекта — «Образование».

Результаты анализа эффективности и результативности реализации нацпроекта «Цифровая экономика» свидетельствуют о том, что в России с каждым днём развитие цифровых технологий набирает обороты. Их интенсивное развитие инициирует изменения в различных сферах общества, т.к. большинство организаций переносят многие технологические процессы в цифровую среду для более комфортной и эффективной работы. Это обеспечивает нашей стране переход к постиндустриальному обществу с повышением качества жизни, инновационными технологиями и цифровой экономикой. При этом каждая компания нуждается в более продвинутых цифровых технологиях с целью повышения конкурентоспособности и получения лидерских позиций на рынке. В настоящее время рыночная стоимость многих компаний во многом определяется их «цифровыми активами», что обеспечивается распространением бизнес-моделей, основанных на цифровых технологиях.

Цифровая трансформация, в первую очередь, — это процесс внедрения хозяйствующими субъектами цифровых технологий с соответствующей заменой устаревших способов ведения бизнеса. Цифровизация активно развивается в таких сферах, как здравоохранение, образование, безопасные и качественные автомобильные дороги, производительность труда, поддержка занятости и многие другие.

Реализация нацпроекта «Цифровая экономика» сопровождается изменениями в сфере бизнеса и общества в целом. В основном изменения касаются менеджмента, потому что именно цифровая трансформация оказывает влияние на его инструменты и технологии. Происходящие технологические изменения создают определенные вызовы для экономической науки и правовой системы, т.к. прежние нормативно-законодательные основы, сформированные в доцифровую эпоху, и ее теоретические концепции, перестают работать. Эти вызовы сегодня сформировались и для менеджмента в целом, включая антикризисное управление. Практика показывает необходимость формирования нового антикризисного инструментария, с учетом множества факторов трансформации экономики, их важнейших характеристик и влияния на условия и способы ведения бизнеса, поскольку существующие инструменты, как показывает хозяйственно-правовая практика, не удовлетворяют новым требованиям.

Реализация рассматриваемого нацпроекта в рамках активизации развития соответствующих информационных технологий, привела к ключевым изменениям, влияющим на бизнес-стратегии компаний в т.ч.:

Таблица 1

Ключевые факторы цифровой трансформации экономики

Фактор цифровой трансформации экономики	Характеристика фактора	Влияние на условия и способы ведения бизнеса
Мобильность и подключенность к интернету	Уход бизнеса и населения в киберпространство благодаря развитию мобильных технологий, широкому распространению интернета	Формирование новых форм ведения бизнеса (виртуальные компании), снижение транзакционных издержек ведения бизнеса (в частности, издержек координации, поиска информации), изменение форм взаимодействия с клиентом
Датификация	Экспоненциальный рост объемов информации, используемой человечеством	Превращение данных в ключевой фактор производства экономики и доходобразующий актив цифрового бизнеса, сопровождаемое изменением традиционных бизнес-моделей, формированием новых инструментов извлечения прибыли
Компьютеризация	Рост вычислительной мощности компьютеров	Повышение эффективности применяемых управленческих решений за счет ускорения
Развитие цифровых технологий, включая искусственный интеллект	Упрощение процесса обработки большого количества информации	Повышение эффективности деятельности компании, автоматизация операционных процессов, сокращение издержек
Скорость	Существенное ускорение экономических процессов	Отказ от традиционных форм и методов менеджмента, например, проектного управления, которое не позволяет принимать оперативные управленческие решения
Экосистемность	Формирование среды, предусматривающей комплексные условия для развития инновационных процессов и цифровых технологий, их активного распространения и взаимопроникновения	Переход на экосистемные бизнес-модели, обеспечивающие диверсификацию бизнеса
Сетевизация	Распространение сетевых технологий, благодаря которым возникает сетевой эффект, когда поведение одного экономического агента влияет на ценность услуги, которую получают другие агенты от пользования этой услугой	Формирование новых бизнес-моделей и структуры издержек компании

Источник: Кочетков Е. П. Цифровая трансформация экономики и технологические революции: вызовы для текущей парадигмы менеджмента и антикризисного управления // Стратегические решения и риск-менеджмент. — 2019. — № 4. - С.330—341.

1. доступность вычислительных мощностей и облачных сервисов, что, по сути, означает формирование информационной инфраструктуры, необходимой для развития в условиях повсеместной цифровизации;

2. удешевление стоимости передачи и хранения информации и, как итог, исчезновению барьеров для входа в бизнес, снижению издержек по хранению и передаче данных, развитию сетевых эффектов;

3. рост эффекта масштаба в области анализа данных, в результате чего открылся огромный потенциал извлечения прибыли из анализа данных.

Таким образом, основу бизнеса в условиях цифровой экономики составляют данные, вокруг которых выстраиваются все бизнес-процессы и на основе которых формируются новые бизнес-модели и экосистемы, предполагающие взаимодействие экономических агентов в киберпространстве. В свою очередь, внедрение цифровых технологий позволяет компаниям существенно снизить как транзакционные, так и трансформационные издержки для бизнеса.

Учитывая огромную значимость эффективной реализации Национального проекта «Цифровая экономика» для экономики России и субъектов рынка различных уровней необходимо:

- усиление контроля за его исполнением;
- сокращение текучести и оттока IT-специалистов с предоставлением от государства льгот, кредитов, отсрочки от армии и т.д.;
- повышение внутренних затрат на развитие цифровой экономики за счёт всех источников (по доле в валовом внутреннем продукте страны) не менее чем в четыре раза по сравнению с 2021 годом;

создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объёмов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств;

- разработка и внедрение мер поддержки ИП и самозанятых, работающих в сфере IT и высоких технологий;
- разработка пакета мер совершенствованию ПО и специализированных программ российского производства.

В рамках данного исследования проведен анализ результатов реализации некоторых из утвержденных нацпроектов, а также направления активизации выполнения поставленных в них задач. Так, в национальном проекте «Здравоохранение» выявлен ряд проблем, обусловленных неразвитостью отдельных регионов и неэффективным управлением системой здравоохранения РФ в т.ч.:

- неполное и неэффективное использование выделенных финансовых ресурсов;
- низкий уровень цифровой грамотности населения;
- невысокий уровень доверия к медицине у граждан;
- острая нехватка больниц, врачей и медперсонала.

На основании выявленных проблем рекомендуется:

- произвести кадровую перестановку ответственных лиц в системе здравоохранения РФ;

- обеспечить реализацию комплекса мер повышения продолжительности жизни населения России;
- совершенствовать систему распределения финансирования из федерального бюджета и между региональными бюджетами;
- увеличить объем оказываемых медицинских услуг на бесплатной основе;

- в рамках сотрудничества с Министерством образования и науки Российской Федерации разработать и внедрить проект, который позволит популяризировать использование бесплатной медицины среди населения, а также увеличить число бюджетных мест в медицинских вузах для подготовки специалистов по профилю «Медицина».

Повышение эффективности выполнения задач национального проекта «Образование» возможно за счет:

- изменения приоритетов системы образования с применением современных методик и психологической поддержки обучающихся;
- увеличения финансирования проекта с 3,6% до 5—8% от ВВП РФ;

- усиления контроля за проведением ремонта и реставрации школ, находящихся в сельской местности;
- усиления контроля за строительством новых образовательных учреждений, в рамках обеспечения необходимого и достаточного количества учебных бюджетных мест;

- разработки мер повышения эффективности и результативности программы «Земский учитель».

Особое значение для снижения негативного влияния антироссийских санкций имеет повышение качества подготовки специалистов всех видов деятельности и повышения их квали-

фикации на постоянной основе. С целью обеспечения во всех населенных пунктах России достойного уровня проживания, недопущения сокращения их количества особое внимание необходимо уделить Национальному проекту «Безопасные и качественные автомобильные дороги», что требует:

- применения новых механизмов развития и эксплуатации дорожной сети, увеличения жизненного цикла строящихся дорог с использованием наилучших технологий и материалов;
- доведение норматива зачисления налоговых доходов в бюджеты субъектов Российской Федерации от акцизов на горюче-смазочные материалы до 100 процентов;
- внедрение общедоступной информационной системы контроля за формированием и использованием средств дорожных фондов всех уровней;
- создание механизмов экономического стимулирования сохранности автомобильных дорог регионального и местного значения;
- значительного сокращения количества платных дорог, снижения величины оплаты проезда с последующей отменой платы за проезд на территории России.

Кризис мировой и российской экономик, влияние антироссийских санкций, банкротство огромного числа субъектов рыночной экономики в значительной степени увеличила численность безработного населения и уровень бедности в стране. В этой связи особую значимость приобретает Национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости», эффективность выполнения задач которого требует:

- совершенствовать систему стимулирования мотивации труда;
- провести реорганизацию контролирующих органов, ответственных за качество и условия труда;
- обеспечить рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5 процентов в год;
- привлечения к участию в реализации указанной национальной программы всех субъектов Российской Федерации;
- разработки и внедрения высокопроизводительной техники и технологий российских компаний.

В современных условиях функционирования российской экономики с целью снижения негативного воздействия указанных ранее факторов важную роль выполняют малые и средние предприятия, что требует от органов власти всех уровней поддержки индивидуальной предпринимательской инициативы. Решение указанных проблем предусмотрено в Национальном проекте «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». В этой связи необходимо:

- улучшение условий ведения предпринимательской деятельности, включая упрощение налоговой отчетности для предпринимателей, применяющих контрольно-кассовую технику;
- создание цифровой платформы, ориентированной на поддержку производственной и сбытовой деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей;
- совершенствование системы закупок, осуществляемых крупнейшими заказчиками у субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей.

Серьезные препятствия в выполнении задач ранее утвержденного Национального проекта «Международная кооперация и экспорт» возникли при введении антироссийских санкций и объявления множества стран недружественными в отношении

России, что требует также активизации в реализации комплекса мер по импортозамещению в т.ч.:

- формирование в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг глобальных конкурентоспособных не сырьевых секторов, общая доля экспорта товаров (работ, услуг) которых должна составить не менее 20 процентов валового внутреннего продукта страны;
- сокращение административных процедур и барьеров в сфере международной торговли, включая отмену избыточных требований при лицензировании экспорта и осуществлении валютного контроля, организация (к 2023 году) взаимодействия субъектов международной торговли с контролирующими органами по принципу «одного окна»;
- завершение создания гибкой линейки финансовых инструментов поддержки экспорта (к 2023 году), включая расширенное предэкспортное, экспортное и акционерное финансирование, лизинг и долгосрочные меры поддержки.

При решении предусмотренных каждым национальным проектом задач и проблем необходимо учитывать активную цифровую трансформацию экономики, что приводит к возникновению вызовов для субъектов рыночной экономики, представителей экономической науки и менеджмента ввиду кардинального изменения социально-экономических институтов общества, условий и способов ведения бизнеса под влиянием технологических преобразований в экономике ввиду того, что объяснительная и практическая значимость традиционных функциональных связей (эффект масштаба, цепочка ценности и др.) существенно снижается. При этом в рыночной среде формируются новые хозяйствующие субъекты (цифровые компании), деятельность которых не укладывается в традиционные метрики эффективности и бизнес-модели и порой представляет угрозу компаниям доцифровой эпохи.

Важной составляющей в условиях цифровизации экономики является вопрос антикризисного управления хозяйствующими субъектами. С кризисами в ходе своего функционирования сталкиваются как индустриальные гиганты доцифровой эпохи, оказываясь на грани банкротства, так и цифровые компании. Однако в текущих условиях практика антикризисного управления оказалась в затруднительном положении: существующий инструментарий не работает эффективно ни в отношении компаний доцифровой эпохи, ни в отношении цифровых компаний, что требует от научного сообщества совершенствования и разработки новых методов и инструментов по использованию кризисных факторов для развития.

Также требуется адаптация действующего инструментария к новым экономическим условиям, а также разработка нового инструментария, учитывающего особенности функционирования цифровых компаний. При этом следует отметить, что для традиционных компаний в настоящее время практикой сформирован инструмент цифровой трансформации, который постоянно требует совершенствования. Однако для новых компаний такой инструментарий научным сообществом и практиками не сформирован. Задачу по формированию нового антикризисного инструментария и адаптации существующего предстоит решить научному сообществу в ближайшем будущем. Возможно, такой инструментарий будет сформирован «на марше», но для этого требуется создание фундаментального теоретического базиса экономической науки и менеджмента, объясняющего новые закономерности развития экономики под влиянием технологических изменений.

Статья поступила в редакцию 10.09.2022.

Список используемых источников:

1. Правительство России. Национальные проекты URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/> (дата обращения: 10.07.2022)
2. Национальные проекты России URL: <https://xn--80aarpmpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/> (дата обращения: 17.07.2022)
3. Справочная информация: «Перечень государственных программ, национальных и федеральных проектов, приоритетных программ и проектов в Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310251/ (дата обращения: 28.07.2022)
4. Национальные проекты: ожидания, результаты, перспективы URL: https://raexpert.ru/researches/national_project_2020/ (дата обращения: 02.07.2022)
5. Кован С.Е., Ряховская А.Н. Антикризисное управление: современная концепция и инструментарий // Управленческие науки. 2016. №3 с. 45–56 (дата обращения: 02.08.2022)
6. Кочетков Е.П. Цифровая трансформация экономики и технологические революции: вызовы для текущей парадигмы менеджмента и антикризисного управления // Стратегические решения и риск-менеджмент. — 2019. — №4 (дата обращения: 20.08.2022)

О РОЛИ ИНЖЕНЕРНОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОДГОТОВКЕ ИНЖЕНЕРНОГО КОРПУСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.С. Киселёв,

*профессор кафедры экономики и управления предприятием
Московского государственного технологического университета «СТАНКИН», эксперт ЮНЕСКО,
доктор экономических наук
ask050950@yandex.ru*

В статье раскрыта роль инженерной экономики, которая включает в себя формулирование, расчет и оценку ожидаемых экономических результатов альтернатив, предназначенных для достижения определенной цели.

Ключевые слова: инженерная экономика, инженерные решения, расчёт и оценка ожидаемых экономических результатов

ББК У21(2)24я73

Для оценки роли инженерной экономики в современной подготовке инженеров страны отметим, что инженерная экономика связана с использованием и применением экономических принципов при анализе инженерных решений. Как дисциплина, она ориентирована на отрасль экономики, известную как микроэкономика. Она нацелена на изучения отдельных лиц и фирм при принятии решений относительно распределения ограниченных ресурсов. Эта дисциплина фокусируется на процессе принятия решений, его контексте и окружающей среде проекта. Инженерная экономика объединяет экономическую теорию с инженерной практикой. Она тесно связана с другими дисциплинами, такими как статистика, математика и учет затрат, и опирается на логическую структуру экономики.

По оценкам Доктора Карла Шервуда (получил высшее образование в начале 1980-х годов со степенью инженера и дослужился до должности заместителя директора. В общей сложности он 20 лет работал инженером-конструктором, участвуя в известных проектах по всей Австралии. Сегодня он директор по преподаванию и обучению в Школе экономики Университета Квинсленда), в западной системе инженерного образования все инженерные дисциплины используют инженерную экономику. Большинство инженерных факультетов университетов и колледжей требуют изучения курса инженерной экономики или включают экономический анализ в другие инженерные курсы. Инженерная экономика является обязательным разделом экзамена по основам инженерии, который требуется инженерам, желающим получить профессиональную лицензию.

Его коллеги, профессора западных университетов, в своих лекциях подчёркивают, что инженерное дело — это профессия, в которой знания в области математических и естественных наук, полученные в результате обучения и практики, применяются для разработки способов экономичного использования различных материалов и сил природы на благо человечества.

Инженерная экономика, как они полагают, — это применение экономических принципов и расчетов к инженерным проектам. Это важно для всех областей техники, потому что каким бы технически обоснованным ни был инженерный проект, он потерпит неудачу, если будет экономически невыполним. Инженерно-экономический анализ часто применяется к различным возможным вариантам инженерного проекта, чтобы выбрать оптимальный вариант, принимая во внимание как техническую, так и экономическую целесообразность.

По их мнению, многие основные экономические принципы могут использоваться в инженерно-экономическом анализе в зависимости от области их применения. Временная стоимость денег является одним из таких принципов с широким применением. Этот принцип используется для расчета будущей стоимости чего-либо с учетом текущей стоимости или текущей стоимости с учетом будущей стоимости при заданной процентной ставке. Например, временная стоимость денег может использоваться для расчета стоимости проекта после его фактического завершения; также могут быть рассчитаны ежегодные инвестиции или изъятия. Диаграмма движения денежных средств часто используется для расчета временной стоимости денег.

Считается, что для государственных инженерных проектов часто используется метод, называемый анализом выгод/затрат. Этот метод преобразует все выгоды и затраты проекта в денежные значения, а затем делит общие выгоды на общие затраты. По общему правилу проект считается приемлемым, если это соотношение больше единицы.

Кроме того, констатируется, что инженерная экономика часто используется для снижения затрат и повышения производительности в производственных условиях. Она важна для инженеров при планировании, проектировании, расчете рентабельности продукта и стоимости денег во времени. Все это необходимо учитывать перед производством.

В частности, в машиностроении часто используется метод, называемый анализом безубыточности. Он используется для определения процентной мощности производственной операции, при которой затраты равны доходам. Компания может использовать этот метод для определения минимальной суммы, которую она должна производить в месяц, чтобы получить прибыль.

Подчёркивается, что инженеры также могут использовать экономику для расчета амортизации стоимости. Например, они могут рассчитать стоимость инструмента, который компания рассматривает для приобретения. Методы расчета амортизации включают учетную стоимость, линейную амортизацию и систему ускоренного возмещения затрат.

Иными словами, западная инженерная школа учит тому, что Инженерная экономика является предметом жизненной важности для инженеров, поскольку этот предмет помогает понять необходимость знания экономики для того, чтобы быть эффективным менеджером и лицом, принимающим решения на основе инженерно-экономических данных любого проекта.

Считается, что по мере того, как проектирование и производственный процесс становятся все более сложными, инженер принимает решения, которые требуют денег больше, чем когда-либо прежде. Компетентный и успешный инженер в настоящее время должен лучше понимать принципы экономики, поскольку Инженерная экономика занимается систематической оценкой выгод и издержек проектов, связанных с инженерным проектированием и анализом ситуации. Она дает количественную оценку выгод и затрат, связанных с инженерными проектами, чтобы определить, сэкономят ли они достаточно денег, чтобы оправдать свои капитальные вложения. Инженерная экономика требует применения принципов инженерного проектирования и анализа для предоставления товаров и услуг, которые удовлетворят потребителя по доступной цене.

Для принятия инженером решения используются следующие этапные процедуры.

1. Признание, определение и оценка проблемы, требующей инженерного решения.
2. Поиск потенциальных альтернатив.
3. Применение базового подхода к денежным потокам для реализации проекта
4. Решение должно служить долгосрочным интересам организации.
5. Анализ экономических аспектов инженерной проблемы.

При этом учитываются следующие особенности инженерной экономики.

1. Инженерная экономика тесно связана с традиционной микроэкономикой.

2. Инженерная экономика посвящена решению проблем и принятию решений на операционном уровне.

3. Инженерная экономика может привести к частичной оптимизации условий, в которых решение удовлетворяет тактическим целям за счет стратегической эффективности.

4. Инженерная экономика полезна для определения альтернативных вариантов использования ограниченных ресурсов и выбора предпочтительного курса действий.

5. Инженерная экономика носит прагматичный характер, снимает сложные абстрактные вопросы экономической теории.

6. Инженерная экономика в основном использует совокупность экономических понятий и принципов.

7. Инженерная экономика объединяет экономическую теорию с инженерной практикой.

Журнал *Engineering Economics* освещает эти вопросы подготовки инженеров. Тематика этого журнала охватывает исследования, в которых рассматриваются вызванные инновациями изменения в деловой, общественной и финансовой сферах, способствующие качественной трансформации экономики. Издание призвано пролить свет на предысторию, процессы и результаты продолжающихся преобразований, чтобы мобилизовать управленческие и политические усилия для формирования преобразующего потенциала технологических и других инноваций в направлении совершенствования устойчивой экономики.

Журнал представляет исследования из различных дисциплин, таких как управление технологиями и операциями, экономика и менеджмент промышленности, информационные системы, потребительский маркетинг, государственное управление, финансы и экономика, при условии, что «созидательное разрушение» проявляется в форме изменений и динамики, обусловленных инновациями. По своей природе технологические, в первую очередь цифровые инновации, в последнее время являются наиболее показательной и заметной формой новизны. Некоторые статьи журнала, в частности, Рикардо Хаусманн (директор Центра международного развития и профессор практики экономического развития Гарвардской школы государственного управления им. Кеннеди) и Хосе Домингес (профессор строительной инженерии Инженерной школы Севильского университета), напрямую касаются развития образования в области инженерной экономики. Они констатируют, что в экономике широко признано, что технологии являются ключевым двигателем экономического роста стран, регионов и городов. Технический прогресс позволяет более эффективно производить больше товаров и услуг лучшего качества, от чего зависит процветание стран. Однако механизмы, с помощью которых технология разрабатывается, внедряется и используется в производстве, сложны. Их более подробный анализ может позволить сделать новые выводы, которые могут оказать важное влияние на многие области, включая научную политику, исследования и разработки, промышленную политику. Фактически, сама концепция технологии, а также индивидуальные и социальные способности людей, необходимые для ее

развития, теперь могут быть изучены на гораздо более детальном уровне и способствовать новому витку развития высшего образования, созданию рабочих мест и экономическому росту.

Сравнительно недавний сдвиг в сторону открытых инноваций привел к увеличению потоков новых знаний, а также иным видам сотрудничества между учебными заведениями, исследовательскими организациями и бизнесом. Ведущие корпоративные инвесторы во всем мире возглавляют разработку многих новых технологий. Это видно из изучения технологических областей, в которых эти компании активизировали свою изобретательскую деятельность в последние годы, и вклада ведущих инвесторов в НИОКР в общее развитие этих областей, в особенности в сфере двигателестроения, больших данных, искусственного интеллекта, трехмерной печати и информационных и коммуникационных технологий.

Вместе с тем, необходимо помнить, что двумя основными составляющими развития новых технологий являются кодифицированные знания в форме теорий, структур, научных работ, патентов, рецептов, протоколов, процедур и руководств по эксплуатации, а также ноу-хау, которые приобретаются посредством обучения. Кодифицируемый компонент науки и техники оформляется соответственно в виде научных публикаций и патентов, которые группируются по категориям. Научные публикации, патенты, отрасли промышленности, профессии и продукты являются показателями научных знаний, технологического развития, результатов экономической деятельности и человеческих навыков.

По экспертным оценкам, экономика инженерно-инновационных решений является важной частью устойчивого развития предприятий. Особо отмечается, что инновации помогают компаниям избежать стагнации и способствуют экономическому росту, а управление ими — это, прежде всего, структурирование конкретного инновационного процесса с формированием эффективного результата. Управление инновациями заключается в использовании средств и методов для создания ценности и воплощения идей в жизнь. Это важно для предотвращения системной стагнации в организациях и может помочь сосредоточить внимание на корпоративной устойчивости.

Особо подчёркивается, что Сборник Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН является сегодня незаменимым инструментом для подготовки, прежде всего инженерного корпуса. Различные концепции, лежащие в основе этой амбициозной программы, способствуют необходимости четкого видения инженерами важности партнерских отношений с участием многих заинтересованных сторон. При этом акцент делается на подотчетность и измерения, а также признание того, что экологические, социальные и экономические цели взаимосвязаны и вместе стремятся обеспечивать движение по пути к прогрессу, который во многом обеспечивается инженерными специалистами и различными видами инфраструктуры — научной, инновационной, цифровой, финансовой, транспортной и предпринимательской.

Некоторые примеры инженерно-экономических проблем варьируются от анализа стоимости до экономических исследований. Каждый из них актуален в разных ситуациях и чаще всего используется инженерами или руководителями проектов.

Статья поступила в редакцию 14.09.2022.

Список использованных источников:

1. Ньюман Д.Г., Лавель Дж.П., Эшенбах Т.Г. Инженерно-экономический анализ. 10-е изд. — Нью-Йорк: Oxford University Press, 2009.
2. Парк С.С. Современная инженерная экономика. 5-е изд. — Бостон, Массачусетс: Pearson Education, 2011. Глава 1.
3. Дхармарадж Э. Инженерная экономика. — Мумбаи, Индиана: Издательство Himalaya, 2009. Электронная библиотека ProQuest. Дата обращения: 09.11.2016.
4. Моррис В. Томас. Инженерная экономика: анализ управленческих решений. — Иллинойс: Р.Д. Ирвин, 1960.
5. Инженерная экономика / Салливан, Бонтаделли и Уикс. — Нью-Йорк: Прентис-Холл, 2000.
6. ДеГармо, Э. Пол. Инженерная экономика. — Нью-Йорк: Macmillan Publishing Co., Inc., 1973. — С. 209–210.

О НОВЫХ ЭКОНОМИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМАХ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

Т.Н. Газизуллин,

ст. преподаватель кафедры русского и иностранных языков
 Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I,
 кандидат экономических наук
 tim.gazizullin@yandex.ru

В статье сосредоточено внимание на раскрытии человеческого потенциала, как ключевого фактора модернизации экономических процессов России в современных реалиях. Рассматривается положительный опыт применения эффективных механизмов развития персонала крупных компаний, способствующих улучшению рабочего климата в коллективе, бизнес-показателей, мотивации сотрудников, формированию корпоративной культуры. Предлагаются конкретные меры и инструментарий по выводу экономики страны на качественно новый конкурентоспособный уровень на основе креативных, нестандартных, инновационных предложений, отвечающих современным требованиям развития экономической сферы в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмоциональная стабильность, командный коучинг, психологические консультации, человеческий потенциал

ББК У24(2)0–21(2Р)

Под словом «ресурс», в его общем значении, принято понимать количественно измеряемую возможность выполнения отдельным человеком или коллективом разных видов деятельности, позволяющих с помощью определённых преобразований, получать желаемый результат [4].

Однако, в зависимости от профессиональной сферы применения этого понятия, его интерпретации могут быть следующими: 1) в экономике, под «ресурсами» понимается совокупность знаний, возможностей, материалов, средств, всего того, что, в конечном счёте, напрямую влияет на процесс производства конкретных товаров или услуг; 2) психология рассматривает «ресурсы» как набор внутренних личных качеств каждого человека — внутренних ресурсов, таких, как уверенность, мотивация, эмоциональная стабильность, вкупе с внешними — знаниями, взаимоотношениями, деньгами [3].

Так существует ли взаимосвязь между внутренним состоянием (внутренним потенциалом) самого человека, сотрудника компании, внешними ресурсами и его конечной целью, желаемым результатом? Да. Существует. Так как для успешного выполнения профессиональной деятельности, особенно в неблагоприятных условиях, человек вынужден прибегать к использованию внутреннего потенциала, т.е. имеющихся у него резервов и дополнительных ресурсов — внутренних и внешних.

Общенаучное употребление понятия «потенциал» своими корнями уходит в философию Аристотеля, который рассматривал «акт и потенции личности». Согласно Аристотелю, бытие делится на «потенциальное» и «актуальное», а личностное развитие рассматривается как процесс перехода от первого ко второму [2].

Отмечая значимость изучения ресурсов человека, знаменитый отечественный психолог, академик Академии педагогических наук СССР, создатель системной модели человекознания с центральной ролью в ней психологии, Б.Г. Ананьев писал:

«...для социального прогнозирования необходимы научные знания о резервах и ресурсах самого человеческого развития, еще крайне недостаточно используемых обществом» [1].

Значимость развития человеческого потенциала, его ресурсов, также описаны в книге одного из основоположников коучинга «Работа как внутренняя игра» — отдельного эффективного психологического направления — американского психолога и бизнес-тренера Тимоти Голви. Имея разносторонний практический жизненный опыт, Тимоти, работая тренером по теннису, заметил, что его ученики показывали наилучшие результаты и работали более эффективно тогда, когда им не давали чётких инструкций по выполнению упражнений и не оценивали их действий словами «хорошо» или «плохо». Вместо этого, он задавал наводящие вопросы, ответы на которые позволяли ему подопечным осознавать многообразие техник ударов по мячу и выполнение именно тех физических упраж-

нений, которые неизменно приводили их к успешным результатам. Идея заключалась в том, что каждый человек — индивидуальность. Нужны были кардинальные перемены в самом подходе обучения. «Шаблонное» копирование упражнений для всех, без исключения, студентов уже изжило себя и было малоэффективным. На смену ему пришло понимание того, что не бывает одного универсального подхода, удовлетворяющего потребности всех клиентов [6].

Так зародился коучинг — современное психологическое течение, призванное познакомить людей с их богатыми внутренними знаниями, сокрытыми где-то в глубине.

Копнув чуть глубже, мы с Вами обнаружим, что вся наша жизнь — действия и поступки — обусловлена нашим мышлением. Мы — продукты своих мыслей, привычек, внутренних страхов, убеждений, мнений, навязанных нам извне. Правил, диктуемых обществом.

Результативность же экономических процессов, протекающих с участием задействованных в них коллективов сотрудников компаний, как правило, зависит от того, насколько каждый член команды отдельно взятой организации разделяет её корпоративную культуру, обладает нужным уровнем мотивации, уверенности, осознаёт свои личные ценности и ценности фирмы, на которых, впоследствии, строится вся работа.

Отдельно, говоря о командной работе, хочется выделить именно понятие «командный коучинг» — способность всех членов корпорации работать, как одно целое, имея, при этом, чётко выстроенные зоны ответственности — свой личный рабочий функционал выполняемых обязанностей. И чёткое понимание того, ради чего он это делает.

Джон Уитмор — один из ведущих бизнес-тренеров Великобритании, основатель всемирно известной коучинговой модели «GROW» и человек, внёсший большой вклад в развитие бизнес-коучинга, призванного обеспечить достижение компаниями желаемых финансовых результатов, вывел простую формулу, наглядно демонстрирующую рентабельность инвестиций организаций в развитие человеческих ресурсов, своих сотрудников [5]:

$$\begin{aligned} & (\text{финансовый эффект} \times \text{уровень уверенности}) \times 100 = \\ & = \text{издержки на коучинг} \end{aligned}$$

У данной модель есть временной промежуток. В среднем, это 3 месяца, за которые руководители могут увидеть и оценить прогресс своих подчинённых. В своей книге «Коучинг. Основные принципы и практики коучинга и лидерства» он предлагает рассматривать вклад в развитие персонала не «...как издержки, а как деятельность, генерирующую доход, неотделимую от стратегии организации».

Ещё один пример, наглядно иллюстрирующий экономический эффект от использования коучингового подхода в раз-

витии персонала, приведён в статистических данных исследования компании «Manchester Inc». Эти данные демонстрируют улучшения от вложенных средств в коучинг фирм для обучения руководителей организаций, воспользовавшихся услугами вышеуказанной консалтинговой компании, в [7]:

- производительности (отметили 53% руководителей)
- качестве (48%)
- укреплении организации (48%)
- обслуживании клиентов (39%)
- снижении жалоб потребителей (34%)
- отсутствии текучести руководителей, которые пользовались коучингом (32%)
- снижении издержек (23%)
- итоговой доходности (22%)
- рабочих отношениях с непосредственными подчиненными (отметило 77% руководителей)
- рабочих отношениях с непосредственными руководителями (71%)
- командной работе (67%)
- рабочих взаимоотношениях с коллегами (63%)
- удовлетворенности работой (61%)
- снижении конфликтности (52%)
- приверженности компании (44%)
- работе с клиентами (37%)

С этими показателями, конечно, можно поспорить, но в самой простоте выполнения этих коучинговых упражнений скрыта та самая эффективность конечного результата, к которой так стремятся собственники любого бизнеса. И, работая с компанией «AT & T», Тимоти Голви, упомянутого ранее, удалось это продемонстрировать на практике [6].

Перед ним была поставлена конкретная задача — повысить эффективность работы телефонных операторов этой компании-гиганта:

1. большинство операторов скучали и выполняли свою работу механически;
2. операторы испытывали значительный стресс, поскольку их продуктивность пристально отслеживалась и постоянно оценивалась;
3. операторы должны были выполнять рутинные предписания во всех аспектах своей работы и спрашивать разрешения на всё.
4. они испытывали чувство неудовлетворенности работой и враждебности к руководству.

Проведя ознакомительные беседы с работниками предприятия и получив прямые и честные ответы на свои вопросы, он предложил им, на протяжении двух месяцев выполнять

одно простое упражнение — отвечать на телефонные звонки клиентам с уровнем теплоты и доброжелательности в голосе, по шкале от 1 до 10, который операторы должны были идентифицировать самостоятельно, соответствующим уровню раздражительности звонящих клиентов.

В результате этого упражнения, операторы компании «AT & T» осознали, что могут сами влиять на качество своей работы и отношений с клиентами, так как уровень раздражительности последних снизился в разы, они стали более спокойными и приветливыми в общении. Уровень стресса и скуки самих операторов снизился на 40 %, а уровень удовольствия от выполняемой ими работы увеличился на 30%.

В дополнение к сказанному, подтверждением о необходимости развития человеческого потенциала организаций реального сектора экономики России могут служить вакансии, размещаемые на HR-ресурсах, таких, как «HH.RU», «JOB.RU», в поисках профессиональных бизнес-тренеров и коучей, способных организовать индивидуальные и групповые тренинги, коуч-сессии, в зависимости от запросов компаний-клиентов, с целью развития внутреннего потенциала сотрудников и улучшения финансовых показателей организаций различной бизнес-направленности.

Коучинговый подход подразумевает работу всех задействованных в этом процессе людей, начиная от руководителей и заканчивая простыми сотрудниками, напрямую с их мышлением, восприятием ситуаций, происходящих в рамках выполнения рабочих обязанностей, формируя другое, более рациональное отношение к вещам, развивая гибкость и кругозор в моментах, требующих применения этих личных качеств на практике.

Является ли данный инструмент оправданным? На наш взгляд, является, принимая во внимание темпы нашей сегодняшней жизни и те изменения, которые происходят внутри и вокруг нас. И говоря о человеке, как об основном участнике любых экономических процессов, следует, в первую очередь, обращать внимание на те процессы, которые происходят внутри нас самих.

Оставаться прежними или меняться самим? Ответить на этот вопрос, в ближайшее время, предстоит многим, как и сделать осознанный выбор вектора своего дальнейшего профессионального развития. Именно люди, с их нестандартным и инновационным мышлением, поиском новых решений, формированием иных, ранее не используемых на практике, подходов способны обеспечить экономический прорыв и вывести экономику России на более качественный уровень развития с учётом требований современной жизни.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022 г.

Список используемой литературы:

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. — СПб.: Питер, 2000. — 288 с.
2. Аристотель. Метафизика. О душе // Соч. в 4-х т. Т.1. — М.: Мысль, 1975. — 550 с.
3. <https://blog.wikium.ru/chto-skryvaetsya-za-psihologicheskimi-resursami.html>
4. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D1%81%D1%83%D1%80%D1%81%D0%92%D0%B8%D0%B4%D1%8B_%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%B2
5. Уитмор Д. Коучинг. Основные принципы и практики коучинга и лидерства — М.: Альпина Паблишер, 2022. — С. 238–242 с.
6. <https://www.sstcc.ru/files/7714/6273/2847/Rabotakakvnutrennyayaigra.pdf>
7. <http://www.manchesterus.com>

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИКИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

И.И. Дерен,

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России,
доктор экономических наук,
deren-ivanna@yandex.ru

А.М. Стекольников,

магистрант Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России
nasta_mokyshin@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные аспекты процесса организации принудительных работ. Проведен анализ принудительных работ как нового вида наказания, который в практической деятельности имеет некоторые проблемные вопросы, связанные с тем, что трудовое законодательство не учитывает особенности и порядок реализации прав и обязанностей работников, которые являются осужденными. Сформулированы рекомендации по дополнению мер для обеспечения эффективного процесса организации принудительных работ.

Ключевые слова: принудительные работы, осужденный, уголовно-исполнительная система, регулирование трудовых отношений

ББК 65.05 УДК 338.46

В новых реалиях в 2022 году продолжились изменения как в социально-экономических трендах, так и в социально-экономической структуре, поскольку комплекс санкционных и контрсанкционных мер продолжается девятый год.

В октябре 2022 года страны Евросоюза согласовали восьмой пакет санкций, который предусматривает расширение персональных санкций, а также запрет на транспортировку нефти третьим странам по морю по цене выше еще не назначенного лимита. Эта мера вступит в силу с декабря 2022 года, а для нефтепродуктов — с февраля 2023 года. Кроме того, ограничения касаются ввоза готовой продукции из стали, техники, транспортных средств, химикатов и материалов для производства ювелирных изделий не из золота. Запрещается также оказание консалтинговых, юридических и IT-услуг российским компаниям, экспорт в Россию электронных компонентов, пригодных для создания оружия, и технических изделий, используемых в авиации, предоставление криптовалютных онлайн-кошельков для российских физических и юридических лиц*.

Организационные мероприятия по сдерживанию негативно-го влияния от зарубежных санкций на отраслях отечественной экономики, в том числе и в пенитенциарной системе, являются актуальными. Поэтому одной из актуальных проблем является организация трудовых процессов в пенитенциарной системе.

Процессу организации принудительных работ и современным аспектам экономики уголовно-исполнительной системы, а также аспектам экономической безопасности уделялось внимание рядом отечественных ученых и практических работников. Например, принудительные работы как вид уголовного наказания — Дулеповым В.В. [1], экономике уголовно-исполнительной системы и экономической безопасности — Дерен И.И. [2], [3], [4], о факторах экономической безопасности — Дроновым Р.В. и Ананьевым А.А. [5], о назначении принудительных работ — Непомнящей Т.В. [6], о целесообразности введения принудительных работ как вида уголовного наказания с позиции теории и практики -Помниной С.Н., Лаврушкиной А.А. [7], о взаимодействии уголовно-исполнительных инспекций с русской православной церковью — Стекольниковой А.М. [8], принудительные работы как вид наказания — Устиновым А.А. [9], правовому регулированию и особенностям организации воспитательной работы с осужденными — Чернышенко Е.В. [10] и другими учеными.

Рассмотрим пенитенциарную систему России. Если мы обратимся к действующему законодательству Российской Федерации, то увидим, что уголовные наказания исполняют исправительные учреждения и учреждения, которые базируются

на исполнении наказаний без изоляции от общества. Истоки прошлого, оставили след в основах исправления осужденных. Считается, что общественно полезный труд является средством исправления осужденных, который применяется в комплексе с иными средствами.

Развитие современного общества позволило реализовать новый вид наказания — принудительные работы. Принудительные работы закрепились в Уголовном Кодексе Российской Федерации только в 2011 году. Применять данный вид наказания суды стали с 2013 года, хотя официально его ввели в действие только в 2017 году. В 2022 году, данный вид наказания приобрел особую популярность, принудительные работы, предусмотрены почти в 50% санкциях Уголовного Кодекса Российской Федерации. По состоянию на 1 сентября 2022 г. на учете 42-х исправительных центров и 192-х изолированных участков, функционирующих как исправительные центры, состоят 12 285 осужденных к принудительным работам**.

Помимо уголовно-правовых основ исполнения наказания в виде принудительных работ, есть ещё трудовые особенности исполнения наказания, которые регулируются Трудовым Кодексом Российской Федерации. Стоит отметить, что наибольший момент взаимодействия, во время исполнения принудительных работ, происходит между работодателем и работником (осужденным). На наш взгляд, необходимо рассмотреть особенности регулирования труда осужденных к принудительным работам. Для того, чтобы исполнять наказание, необходимо трудоустроить осужденного. Существует перечень документов, необходимых для приема на работу осужденного к принудительным работам. Для этого необходимо предоставить следующие документы, в соответствии со статьей 65 Трудового Кодекса Российской Федерации:

- документ, удостоверяющий личность осужденного (паспорт);
- страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования;
- документ об образовании, о квалификации или наличии специальных знаний (при поступлении на работу, требующую специальных знаний или специальной подготовки);
- документы воинского учета для лиц, подлежащих призыву на военную службу.

Прием осужденного на работу осуществляется в следующем порядке:

Осужденный предоставляет работодателю перечисленные выше документы, где осужденному дается направление на про-

* РБК: ЕС начал применять новый подход в санкциях против России / РИА Новости 2022. [Электр. ресурс]. — Режим доступа: <https://ria.ru/20221010/sanktsii-1822691080> (дата обращения 11.10.2022).

** Официальный сайт ФСИН России 2022. [Электр. ресурс]. — Режим доступа: URL:<https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/?ref=tjournal.ru> (дата обращения 07.10.2022 г.)

хождение медицинской комиссии. При необходимости в случаях, установленных статьями 69 и абз.11 ч. 2 ст.212, ст.213, ст.226 Трудового Кодекса Российской Федерации, работодатель обязан организовывать проведение за счет собственных средств обязательных предварительных (при поступлении на работу) и периодических (в течении трудовой деятельности) медицинских осмотров [1]. Осужденный проходит предварительный медицинский осмотр и предоставляет работодателю заключение о его прохождении. Работодатель обязан информировать работников об условиях и охране труда на рабочих местах, о риске повреждения здоровья, предоставляемых им гарантиях, полагающихся им компенсациях и средствах индивидуальной защиты, ознакомить и проинструктировать осужденного под роспись с локальными нормативными актами организации. Особое внимание уделяется тому моменту, что прием на работу оформляется трудовым договором, на основании заключенного трудового договора создается приказ о приеме на работу [6].

Но также необходимо учитывать следующие особенности привлеченных к труду осужденных к принудительным работам, которые регулируются Уголовно-исполнительным Кодексом Российской Федерации. Осужденные к принудительным работам привлекаются к труду, в соответствии с трудовым законодательством РФ, за исключением некоторых пунктов:

- прием на работу;
- увольнение с работы;
- перевода на другую работу;
- отказа от выполнения работы;
- предоставления отпусков (существует отдельная статья Уголовно-исполнительного Кодекса Российской Федерации, которая регламентирует, что продолжительность отпуска 18 календарных дней, а также согласие на отпуск должен дать не только работодатель, но и начальник исправительного центра (участка), функционирующего как исправительный.

Также необходимо обратить внимание на то, что осужденный к принудительным работам, допустивший нарушение трудовой дисциплины, будет наказан и к нему будут применены меры взыскания, установленные статьей 60.14 Уголовно-исполнительного Кодекса Российской Федерации и что администрация исправительных центров будет наказывать осужденного в рамках своих прав.

Также необходимо обратить внимание на то, что осужденный к принудительным работам, допустивший нарушение трудовой дисциплины, будет наказан и к нему будут применены меры взыскания, установленные статьей 60.14 Уголовно-исполнительного Кодекса Российской Федерации и что администрация исправительных центров будет наказывать осужденного в рамках своих прав.

Принудительные работы, как вид уголовного наказания регламентируется и исполняется не только нормами Уголовно-исполнительного Кодекса Российской Федерации, но также огромную роль в соблюдении прав и норм закона, играет трудовое законодательство.

В практической деятельности есть определенные проблемные моменты, например, нет четкого регламентированного взаимодействия администрации исправительных центров с администрацией организацией. На наш взгляд, стоит включить в Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» в приложение №3 главу «Особенности взаимодействия администрации исправительных центров и администрации организации, где трудоустроены осужденные». Сюда стоит включить следующую информацию:

– Администрация организации обязана раз в квартал предоставлять характеризующий материал на осужденных, которые трудоустроены в их организации.

– Администрация организации обязана предоставлять расчётные сведения заработной платы осужденных (с учетом удержания) ежемесячно.

– В случае нарушения трудовой дисциплины, администрация организации обязана незамедлительно сообщить об этом администрации исправительных центров, предоставив подтверждающую информацию о совершении осужденным нарушения.

Также, на наш взгляд, стоит продублировать под «прим» статьей некоторые моменты Трудового Кодекса Российской Федерации, так как гражданским лицам не всегда понятна трактовка Уголовно-исполнительного Кодекса Российской Федерации:

– «Порядок увольнения осужденных к принудительным работам»;

– «Порядок предоставления отпуска осужденным к принудительным работам»;

– «Порядок привлечения к дисциплинарной ответственности осужденных к принудительным работам».

Это наиболее значимые вопросы, которые необходимо закрепить на законодательном уровне.

В заключение следует сказать, что, поскольку помимо уголовно-исполнительного законодательства часто используются нормы Трудового Кодекса Российской Федерации, и само наказание базируется на трудовых отношениях, необходимо внести коррективы, которые разрешат коллизионные моменты в законодательстве, а также помогут систематизировать процесс организации принудительных работ.

Статья поступила в редакцию 20.08.2022 г.

Список использованных источников:

1. Дулепов В.В. Принудительные работы как вид уголовного наказания // Закон и право. — 2018. — № 10. — С. 96–98.
2. Дерен И.И. Экономика в уголовно-исполнительной системе: современное состояние и перспективы совершенствования // Современное состояние и перспективы развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции, 7–8 октября 2021 г., ФКУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России, г. Киров. — Киров: ФКУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России, 2021. — С.120–122.
3. Дерен И.И. Экономические аспекты уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации // Проблемы современной экономики. — 2019. — №3(71). — С. 159–161.
4. Дерен И.И. Современные тенденции экономической безопасности // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. тез. выступлений и докладов участников. В 10 т. / ФКУ Академия ФСИН России. — Рязань, 2019. Т.9. — С. 55–62.
5. Дронов Р.В. Факторы экономической безопасности и евразийской интеграции: человеческий капитал и миграция / Р.В. Дронов, А.А. Ананьев // Проблемы современной экономики. — 2019. — №1. — С. 56–58.
6. Непомнящая Т.В. Проблемы назначения принудительных работ // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2018. — № 3 (56). — С. 148–152.
7. Помнина С.Н. Целесообразность введения принудительных работ как вида уголовного наказания с позиции теории и практики / С.Н. Помнина, А.А. Лаврушкина // Вестник ВУиТ. — 2017. — № 4. — С. 1–8.
8. Стекольников А.М. Взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций с русской православной церковью // Российское общество и государство на современном этапе: Сборник научных трудов. ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний». — Владимир, 2021. — С. 238–240.
9. Устинов А.А. Принудительные работы как вид наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2021. — № 4 (227). — С. 36–44.
10. Чернышенко Е.В. Правовое регулирование и особенности организации воспитательной работы с осужденными к принудительным работам // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2022. — № 2 (237). — С. 22–27.

CONTENT

EURASIAN ECONOMIC PERSPECTIVE: PROBLEMS AND DECISIONS (MATERIALS OF KAZAN INTERNATIONAL CONGRESS OF EURASIAN INTEGRATION – 2022)

A.I. Subetto, V.A. Shamakhov. NOOSPHERIC PARADIGM OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN RUSSIAN EURASIA (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	6
I.B. Lomakina. SPECIFICITIES OF LEGAL CULTURE OF PEOPLES WITH THE EURASIAN VECTOR OF DEVELOPMENT (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	10
V.V. Avilova. ON THE FORMATION OF THE STRATEGY OF INNOVATIVE DEVELOPMENT IN EEU COUNTRIES IN THE FORMAT OF “CARBON NEUTRALITY” (RUSSIA, KAZAN).....	13
E.G. Bondar’. POWER ENGINEERING COOPERATION OF EEU COUNTRIES: PROBLEMS AND PERSPECTIVES (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	15
N.Yu. Yurchenko, G.B. Polaeva. PERSPECTIVES OF POWER ENGINEERING COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND INDIA AT THE STAGE OF TRANSITION TO CARBON NEUTRALITY (RUSSIA, MOSCOW)	18
M.V. Moroshkina. DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF HUMAN AND LABOR POTENTIAL OF BORDERLAND REGIONS WITH EEU MEMBER COUNTRIES (RUSSIA, PETROZAVODSK).....	20
R.I. Zaliaev. EFFECTIVE ADAPTATION AND INTEGRATION OF LABOR MIGRANTS INTO THE RECEIVING SOCIETY AS A FACTOR OF CREATING THE COMMON LABOR MARKET IN EEU AND CIS (RUSSIA, KAZAN)	24
Yu.A. Shcherbanin. INTEGRATION AND TRANSPORTATION ACCESSIBILITY (RUSSIA, MOSCOW).....	26
G.A. Khmeleva, M.V. Kurnikova, E.K. Chirkunova. FLEXIBLE MANAGEMENT OF TRANSBORDER COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND KAZAKHSTAN (RUSSIA, SAMARA)	29
E.E. Ampleeva. EEU COURT AND ITS TASKS TO STRENGTHEN THE JURISDICTION PROTECTION OF THE EURASIAN INTEGRATION (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	32
R.M. Shafiev. SOME ASPECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION EXPORT ACTIVITIES IN THE COUNTRIES OF THE MIDDLE EAST (RUSSIA, MOSCOW).....	34
I.V. Medynskaya, N.N. Speranskaya. COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLICS OF THE CENTRAL ASIA IN THE SPHERE OF EDUCATION: CURRENT STATE AND PERSPECTIVES (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	36
R.R. Khussamov, A.P. Garaeva. STRATEGIC RISKS IN COOPERATION BETWEEN EEU AND THE REPUBLIC OF KOREA IN THE SPHERE OF CREATIVE ECONOMICS (RUSSIA, MOSCOW)	42
M.L. Vartanova. IMPACT OF THE GLOBAL FACTORS UPON RUSSIA’S FOOD SECURITY IN THE CONTEXT OF THE ECONOMIC COOPERATION AMONG EEU COUNTRIES (RUSSIA, MOSCOW).....	44
V.Vi. Chekmarev, V.V. Chekmarev, L.G. Chekmareva. TO THE ISSUE OF IMPROVING THE ARCHITECTURE OF RUSSIA’S ECONOMIC SECURITY ON THE BASIS OF STRUCTURING DEBT AND THE STOCK MARKET (RUSSIA, KOSTROMA).....	46
E.E. Imamkulieva, A.A. Unezheva, Yu.V. Voskoboinik. SOCIAL ASPECTS IN THE DEVELOPMENT OF ISLAMIC BANKING IN RUSSIA (RUSSIA, MOSCOW)	48

ECONOMIC THEORY. MACROECONOMICS

V.I. Cherenkov, S.V. Karpova, A.V. Tanichev. FACTORS AND META-FACTORS IN CONSUMPTION RATIONING AND THE IMPLEMENTATION OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT CONCEPT (RUSSIA, ST. PETERSBURG, MOSCOW).....	51
St.A. Dolmatova. POST-SANCTION CHALLENGES IN THE REALIZATION OF HUMAN POTENTIAL: POLITICO-ECONOMIC ASPECT (RUSSIA, MOSCOW).....	58
E.S. Makeeva. MORAL AND ETHICAL FOUNDATIONS FOR HUMANIZATION OF ECONOMICS IN THE XXI CENTURY (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	61
A.V. Potapenko. DYNAMICS OF THE NOMINAL AND REAL GNP IN THE RUSSIAN ECONOMY IN 2011–2020 (RUSSIA, ST. PETERSBURG)	65
D.I. Zakirov. TO THE ISSUE OF CLASSIFICATION OF INVESTMENT INTO HUMAN CAPITAL (RUSSIA, MOSCOW).....	68

ECONOMIC GLOBALIZATION AND ISSUES OF NATIONAL AND INTERNATIONAL SECURITY

V.I. Cherenkov. CONCEPT OF THE GLOBAL INCLUSIVE SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND COLONIALISM 2.0 (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	72
S.V. Chichilimov. COVERT FISCAL PROTECTIONISM IN THE PRESENT-DAY FOREIGN TRADE IN THE PRACTICE OF THE LEADING COUNTRIES OF THE GLOBAL ECONOMIC SYSTEM (RUSSIA, EKATERINBURG).....	75
O.V. Panfilova. INNOVATIVE POTENTIAL OF INDUSTRIAL ENTERPRISES AS A FACTOR OF THE BALANCED DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	78

ECONOMICS, MANAGEMENT AND ACCOUNTING AT THE ENTERPRISE

4

E.V. Birjukov. ENTERPRISE AS A SPECIFIC INSTITUTE IN THE DEVELOPMENT OF CONTEMPORARY ECONOMY (RUSSIA, UFA).....	83
A.G. Nazarov. SPECIFICITIES IN APPLICATION OF FORESIGHT TECHNOLOGIES IN THE STRATEGIC PLANNING OF INDUSTRIAL ENTERPRISES (RUSSIA, UFA).....	88

PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF ENTREPRENEURSHIP

5

L.I. Donets, A.V. Sergeeva. STRATEGIC PARTNERSHIP OF ENTREPRENEURIAL STRUCTURES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF ECONOMY: ECO-SYSTEMIC APPROACH (RUSSIA, DONETSK).....	92
I.Yu. Churakova, Yu.R. Ichkitidze, K.S. Zorina. INDICES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SMALL-SCALE ENTERPRISES IN ST. PETERSBURG (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	98
N.E. Lugert. IMPROVEMENT OF CONTROL IN REALIZATION OF MANAGERIAL DECISION IN THE INTERNET-BASED PROMOTION OF A SMALL-SCALE ENTERPRISE IN THE CONTEXT OF BUSINESS DIGITAL TRANSFORMATION (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	103

PROBLEMS OF MARKETING. LOGISTICS

6

A.V. Tanichev. INTRODUCTION OF THE RESPONSIBLE CONSUMPTION MODEL AS THE BASIS FOR IMPROVING THE QUALITY OF LIFE (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	106
G.L. Bagiev, A.V. Pinchuk. FORMATION OF THE ARCHITECTURE OF THE DECENTRALIZED SYSTEM ON THE BASIS OF THE DISTRIBUTION REGISTER IN THE SPHERE OF THE INTERNET OF THINGS (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	113

ECONOMIC PROBLEMS OF REGIONS AND BRANCH COMPLEXES

7

A.N. Vasil'ev. ROAD CONSTRUCTION AS A DRIVER OF THE REGIONAL ECONOMIC GROWTH IN THE SYSTEM OF STATE STRATEGIC PLANNING (RUSSIA, MOSCOW).....	116
K.A. Gracheva. PRESENT-DAY TENDENCIES IN DIGITALIZATION OF THE AUTOMOBILE SPHERE: TRANSFORMATION OF APPROACHES IN THE CONTEXT OF CRISIS (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	120
V.K. Onishchuk. RUSSIA'S TRANSPORTATION AND LOGISTICS SECTOR: THE LESSON OF COVID-19 PANDEMIC (RUSSIA, MOSCOW).....	124
N.A. Riazantseva, A.A. Lofichenko. DIGITAL TRANSFORMATION OF THE COAL INDUSTRY IN LUHANSK PEOPLE'S REPUBLIC (RUSSIA, LUHANSK).....	129
A.V. Pinchuk. PROBLEMS AND SPECIFICITIES IN FORMATION OF THE GEO-INFORMATIONAL SYSTEM OF THE "SMART CITY" (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	134

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT IN EURASIA AND IN FOREIGN COUNTRIES

8

Xu Jianguo, T.A. Selishcheva. DIGITALIZATION AS A MIGHTY FACTOR OF ECONOMIC MODERNIZATION (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	137
M.G. Nikitina, R.V. Druzin, E.A. Fedulicheva. TO THE ISSUE OF RUSSIA'S PLACE ON THE GLOBAL MARKET OF LIFE INSURANCE (RUSSIA, SIMFEROPOL).....	140
L.N. Khazratkulova. THE PROBLEM OF PRESENT-DAY EQUILIBRIUM OF THE STATE BUDGET OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN (UZBEKISTAN, TASHKENT).....	144
D.T. Umarova. TO THE ISSUE OF DEVELOPMENT OF KAZAKHSTAN'S CAPITAL (KAZAKHSTAN, ASTANA).....	148
Liu Rui. ANALYSIS OF THE ECONOMIC INTEGRATION IN THE COUNTRIES OF NORTH-EASTERN ASIA IN THE CONTEXT OF GEO-ECONOMIC TURBULENCE (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	152

ECONOMICS AND MANAGEMENT IN THE SPHERE OF SERVICES

9

N.A. Pashkus, V.Yu. Pashkus, Yu.M. Mal'tseva, D.A. Kulikova. CULTURAL IDENTITY IN THE CITIES: CONCEPTUAL APPROACHES, BRANDS AND THE GLOBAL COMPETITIVENESS (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	156
S.N. Gamidullaev, T.B. Tolstikhina. TENDENCIES AND PERSPECTIVES OF TRANSBORDER ELECTRONIC RETAIL TRADE AS A TYPE OF SERVICES (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	161
A.V. Kuchumov, E.V. Pecheritsa, M.V. Voloshinova. THE PROBLEM OF INTERACTION BETWEEN THE SUBJECTS AND THE OBJECTS OF MANAGEMENT IN THE PROCESS OF IMPLEMENTATION OF SOCIAL ROBOTS IN THE SPHERE OF SERVICES (RUSSIA, ST. PETERSBURG).....	164
N.A. Rakhimova. ORGANIZATION OF THE SUSTAINABLE TOURISM OBSERVATORY IN SAMARKAND: THEORETICAL FOUNDATIONS (UZBEKISTAN, TASHKENT).....	168

ECONOMY AND ECOLOGY

10

- S.V. Karpova.** CONCEPTUAL FOUNDATIONS FOR THE ORGANIZATION OF EFFECTIVE INTERACTION AMONG THE STATE POWER BODIES, COMMERCIAL AND NON-COMMERCIAL ORGANIZATION IN THE SYSTEM OF RESPONSIBLE CONSUMPTION (RUSSIA, MOSCOW)..... 173
- K.M. Kliaus, O.D. Pozharskaya.** METHODOLOGY OF CALCULATING THE ATMOSPHERIC POLLUTION ON THE BASIS OF DATA ON ELECTRIC AND THERMAL ENERGY PRODUCTION (RUSSIA, ST. PETERSBURG)..... 177
- D.S. Rakintsev.** FUNCTIONING OF INTERNATIONAL CARBON MARKETS AND FORMATION OF THE POLITICS OF CLIMATE REGULATION IN RUSSIA (RUSSIA, MOSCOW)..... 183

AGROECONOMICS

11

- M.V. Brazhnik.** FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SYSTEM AND THE STRUCTURE OF THE ORGANS OF STATE MANAGEMENT IN AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF SVERDLOVSK REGION IN THE FIRST HALF-YEAR OF 1999 (RUSSIA, EKATERINBURG) 186

HISTORY OF SOCIO-ECONOMIC THOUGHT AND NATIONAL ECONOMY

12

- I.A. Blagikh, N.F. Gazizullin.** HISTORICAL BREAK-THROUGH TO THE SOCIETY OF SOCIO-ECONOMIC JUSTICE (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE USSR) (RUSSIA, ST. PETERSBURG)..... 191
- V. O. Titov, A.Yu. Protasov, I.A. Blagikh, I.I. Maljushin, A.E. Vashchuk.** BREAK-THROUGH TECHNOLOGIES IN THE HISTORY OF RUSSIAN ECONOMIC THOUGHT: OPTIMAL FUNCTIONING THEORY FOR ECONOMICS (RUSSIA, ST. PETERSBURG)..... 196

SCHOLARLY REPORTS

13

- A.V. Kuchumov, E.V. Pecheritsa, Yu.M. Boikova.** MANAGEMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SPHERE OF SERVICES: THE INSTITUTIONAL ASPECT (RUSSIA, ST. PETERSBURG)..... 201
- G.L. Bagiev, M.A. Konopleva.** INNOVATIVE ATTRACTIVENESS OF THE RUSSIAN JEWELRY MARKET (RUSSIA, ST. PETERSBURG)..... 204
- A.N. Riakhovskaya, E.M. Tarusin.** RUSSIA'S NATIONAL PROJECTS: PROBLEMS, DIRECTIONS, SOLUTIONS (RUSSIA, MOSCOW)..... 206
- A.S. Kiselev.** THE ROLE OF ENGINEERING ECONOMICS IN THE PRESENT-DAY PREPARATION OF THE ENGINEERING CORPUS IN THE RUSSIAN FEDERATION (RUSSIA, MOSCOW)..... 209
- N.T. Gazizullin.** TO THE ISSUE OF APPLICATION OF ECONOMICAL-PSYCHOLOGICAL MECHANISMS FOR THE EFFECTIVE DEVELOPMENT OF THE HUMAN CAPITAL (RUSSIA, ST. PETERSBURG)..... 211
- I.I. Deren, A.M. Stekol'nikova.** FORCED LABOR IN THE CONTEXT OF ECONOMICS OF THE PENAL SYSTEM: TO THE ISSUE OF ITS ORGANIZATION PROCESS (RUSSIA, VLADIMIR)..... 213

CONTENT OF THE ISSUE AND ANNOTATIONS OF THE ARTICLES IN ENGLISH..... 215

EDITORIAL COUNCIL, EDITORIAL BOARD, AND JOURNAL REPRESENTATIVES..... 228

REQUIREMENTS FOR SUBMISSION OF MATERIALS TO THE JOURNAL..... 231

ANNOTATIONS OF THE ARTICLES OF THE ISSUE

A.I. Subetto, V.A. Shamakhov NOOSPHERIC PARADIGM OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN RUSSIAN EURASIA (RUSSIA, ST. PETERSBURG)

A.I. Subetto, Director, Center for Noosphere Development, Research Laboratory for Russian Studies, Eurasianism, and Sustainable Development, North-Western Institute, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg), PhD (Philosophy), Professor, PhD (Technology), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation; Laureate of the Russian Federation Award;

V.A. Shamakhov, Research advisor, North-Western Institute, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg), PhD (Economics), Professor, Class 1 Active State Advisor of the Russian Federation

The article dwells on the noospheric balance in the world outlook as the basis of Eurasian integration, which will dominate the XXI c. The only scenario of sustainable development of Russia as Russian Eurasia is related to the philosophy of Noosphere, which itself is the paradigm of sustainable development.

Key words: *Eurasianism, integration, noosphere philosophy, socio-natural evolution, scholarly and educational society, capitalism, socialism, plan, market.*

I.B. Lomakina SPECIFICITIES OF LEGAL CULTURE OF PEOPLES WITH THE EURASIAN VECTOR OF DEVELOPMENT (RUSSIA, ST. PETERSBURG)

Chair of Theory and History of State and Law, Russian Federation University of Prosecutors, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, PhD (Jurisprudence), Professor

The article distinguishes specificities of legal culture of peoples with the Eurasian vector of development. Peoples of Eurasia possess their own unique legal culture, which cannot be inscribed into Eurocentric frames. Eurasian legal culture, while contradicting European values, steadily reproduces itself in spite of the liberal forecasts, and manifests institutions that differ from those in the West. The article demonstrates the legal institutions are reproduced in accordance with the material conditions of people's life and their mentality. This is the reason why the present-day world is far from being peaceful.

Key words: *legal values, constituting principles, general line of development, legal culture.*

V.V. Avilova ON THE FORMATION OF THE STRATEGY OF INNOVATIVE DEVELOPMENT IN EEU COUNTRIES IN THE FORMAT OF "CARBON NEUTRALITY" (RUSSIA, KAZAN)

Chair of Business Statistics and Economics, Kazan National Research University of Technology, PhD (Economics)

Implementation of sustainable development principles of UNO and ESG, being the priority of economic politics, requires reviewing on the basis of criteria of relevance, feasibility and expediency. Implementation of some of the 17 principles corresponds with the course for graduation construction of the next technological order due to transition to circular economics. The latter implies the transformation of business models on the basis of changes in technological chains with the return of the used product as renewable raw materials back to the production process, as well as creation of international data bases on the existing resources for their shared use and formation of multi-functional digital platforms and intellectual property generated in EEU countries. The article offers steps towards "carbon neutrality," which minimize technogenic and climatic risks in combination with economic effects.

Key words: *decarbonization strategies, circular economics, UNO and ESG principles of sustainable development, intellectual property, scholarly cooperation, economic relevance and risks.*

E.G. Bondar' POWER ENGINEERING COOPERATION OF EEU COUNTRIES: PROBLEMS AND PERSPECTIVES (RUSSIA, ST. PETERSBURG)

Assistant Professor, Chair of International Entrepreneurship, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

The author focuses on power engineering cooperation among the countries of the Eurasian Economic Union (EEU) and analyzes the legal basis in the sphere of power engineering cooperation. Special attention is paid to the functioning of the common EEU energy market. The article discusses a number of research works discussing advantages and risks of power engineering cooperation within the frames of the common energy market for each of EEU member countries, and describes measures to be implemented for the creation of the common energy market.

Key words: *Eurasian Economic Union, integration, common energy market, energy resources, decarbonization.*

N.Yu. Yurchenko, G.B. Polaeva PERSPECTIVES OF POWER ENGINEERING COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND INDIA AT THE STAGE OF TRANSITION TO CARBON NEUTRALITY (RUSSIA, MOSCOW)

N.Yu. Yurchenko, Assistant Professor, I.M. Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Moscow), PhD (Economics);

G.B. Polaeva, Assistant Professor, I.M. Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Moscow), PhD (Economics)

The article presents an overview of power engineering cooperation between Russia and India. Cooperation with regard to gas delivery will allow Russia to review the structure of export of its energy resources, which is particularly expedient nowadays. To satisfy the ever-growing demand for electric energy, and in connection with India's desire to reach carbon neutrality by 2070, it is necessary to create a reliable system of energy supply. Increase of the role of nuclear energy may facilitate this process. The speed of Russian-Indian cooperation in the sphere of nuclear energy production grows: the startup of the Kudankulam Nuclear Power Plant, contracted construction of three more energy blocks. India, in its own turn, possesses a large experience and technologies in the area of wind generator and solar energy production, which may become very useful for Russian producers working in the sphere of renewable energy.

Key words: *Russia-India cooperation, energy, investments into oil and gas industry, nuclear energy production.*

M.V. Moroshkina DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF HUMAN AND LABOR POTENTIAL OF BORDERLAND REGIONS WITH EEU MEMBER COUNTRIES (RUSSIA, PETROZAVODSK)

Research Fellow, Karelian Scholarly Center, Russian Academy of Science (Petrozavodsk), Assistant Professor, Petrozavodsk State University, PhD (Economics)

The article focuses on the level and the dynamics of human capital development in EEU borderland regions with their preferential conditions for economic development. The article allows to estimate potential for economic development in borderland territories and the impact produced by these preferential conditions upon the dynamics of their economic growth.

Key words: *borderland regions, EEU, economic development, human capital, labor capital.*

R.I. Zaliaev

EFFECTIVE ADAPTATION AND INTEGRATION OF LABOR MIGRANTS INTO THE RECEIVING SOCIETY AS A FACTOR OF CREATING THE COMMON LABOR MARKET IN EEU AND CIS (RUSSIA, KAZAN)

Assistant Professor, Chair of Conflict Studies, Institute of Social Studies, Philosophy, and Mass Communications, Kazan' (Volga region) Federal University; PhD (Political Science)

One tool of creating a common integrated labor market in EEU and CIS is the mechanism of adaptation and integration of labor migrants into their receiving societies. The article shows that this mechanism possesses a multi-functional potential. The author describes directions of activities and mechanisms for further effective adaptation and integration of labor migrants in their receiving societies.

Key words: migration, labor migrants, adaptation and integration of labor migrants, socio-economic integration in EEU and CIS.

Yu.A. Shcherbanin

INTEGRATION AND TRANSPORTATION ACCESSIBILITY (RUSSIA, MOSCOW)

Head of the Laboratory for Analysis and Forecasting of transportation and logistics systems, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences; Head of the Chair of Oil and Gas Trading and Logistics, I.M. Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Moscow), PhD (Economics), Professor

The article presents a review of transportation accessibility and population mobility in EEU and in various regions of Russia, which correlates with the corresponding volumes of population transportation, business trips, transportation of workers employed on the shift mode, etc. Ruptures in accessibility are typical both for particular countries (e.g., large territories in Russia or Kazakhstan), and for the "inter-state format" (Western Belorussia and Russia's Far East, South Kazakhstan and Kyrgyzstan – Russia's North West, Armenia and Eastern Kazakhstan, etc.). Factors contributing to these ruptures are long distance, transportation isolation, which do not stimulate the growth and creation of jobs or social migration. The author pays particular attention to the category of "population's transportation mobility."

Key words: transportation accessibility, transportation mobility, integration and transportation accessibility.

G.A. Khmeleva, M.V. Kurnikova, E.K. Chirkunova

FLEXIBLE MANAGEMENT OF TRANSBORDER COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND KAZAKHSTAN (RUSSIA, SAMARA)

G.A. Khmeleva, Head of the Chair of Global Economics, Samara State University of Economics PhD (Economics), Professor; M.V. Kurnikova, Assistant Professor, Chair of the Regional Economics and Management, Samara State University of Economics PhD (Economics), Professor;

E.K. Chirkunova, Assistant Professor, Chair of the Regional Economics and Management, Samara State University of Economics PhD (Economics), Professor

The article stresses the importance of rejecting the traditionalist administrative vertical management of transborder cooperation between Russia and Kazakhstan and offers a flexible problem-oriented approach in this sphere, involving three major aspects: the political, the economic and the sociocultural ones. High flexibility and the problem-oriented approach are made possible through offering project financing to a broad range of participants, whereby business, higher educational institutions and local communities have a possibility to develop and implement mutual projects relevant for the solution of important borderland problems.

Key words: flexible management, borderland regions, transborder cooperation, Russia, Kazakhstan, Eurasian cooperation, borderland cooperation.

E.E. Ampleeva

EEU COURT AND ITS TASKS TO STRENGTHEN THE JURISDICTION PROTECTION OF THE EURASIAN INTEGRATION (RUSSIA, ST. PETERSBURG)

Head of the Chair of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Institute of Law, branch of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation, PhD (Jurisprudence)

Eurasian integration has its institutional specificities, even though it is developing on the basis of the major principles of the international economic law. The article analyzes the impact of various globalization factors and regionalization of the contemporary global economy upon the strengthening of EEU Court as a specific mechanism of jurisdiction protection of the Eurasian integration's aims. The author discusses issues of theoretical and conceptual nature with regard to the forms and stages of interaction among the states and their legal bodies aiming at overcoming the confrontation in the solution of economic disputes.

Key words: international law, integration bodies, post-Soviet space, EEU Court.

R.M. Shafiev

SOME ASPECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION EXPORT ACTIVITIES IN THE COUNTRIES OF THE MIDDLE EAST (RUSSIA, MOSCOW)

Class 1 Active State Advisor of the Russian Federation Russian Customs Academy (Moscow), PhD (Economics), Professor, Member of the Russian Academy of Natural Sciences

The article focuses on the geographical and commodity structure of Russian producers' export to the major countries of the Middle East, including its dynamics and tendencies as well as the volumes of deliveries. The author evaluates the perspectives for further cooperation in this sector of the international economy.

Key words: countries of the Middle East, export of raw materials, delivery of goods, mineral resources, dynamics of delivery.

I.V. Medynskaya, N.N. Speranskaya

COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLICS OF THE CENTRAL ASIA IN THE SPHERE OF EDUCATION: CURRENT STATE AND PERSPECTIVES (RUSSIA, ST. PETERSBURG)

I.V. Medynskaya, Chair of International Economics and International Economic Relations, St. Petersburg State University of Economics, PhD (Economics), Professor;

N.N. Speranskaya, Military Academy of the Signal Corps (St. Petersburg), PhD (Philosophy)

The article focuses on cooperation in the sphere of education and the role of the integration process between Russia and Central Asia countries. The authors analyze the current state and perspectives in this sphere, discuss existing contradictions and ways of their overcoming. The strategy of international academic and educational cooperation in EEU, CIS and SCO, inaugurated by Russian government, as well as a number of political measures will play an important role in the future economy of the Central Asian region. The authors describe prerequisites for a more active cooperation in the sphere of higher education between the Russian Federation and the countries of Central Asia, describes measures aiming at increasing the quality and prestige of online education in CIS, EEU and PRC, and defines the key tendencies that shape the future of the Asian region for a more successful cooperation among the educational institutions.

Key words: international academic and educational cooperation, EEU, multiculturalism, integration processes, globalization, transformation processes, migrants, innovation and information space, business structures, Central Asia.

R.R. Khussamov, A.P. Garaeva
STRATEGIC RISKS IN COOPERATION BETWEEN EEU AND THE REPUBLIC OF KOREA
IN THE SPHERE OF CREATIVE ECONOMICS (RUSSIA, MOSCOW)

R.R. Khussamov, Assistant Professor, Department of Management and Innovations, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow), PhD (Economics);

A.P. Garaeva, MA student, Department of Global Economics and Politics, National Research University Higher School of Economics (Moscow)

The article analyzes strategic risks and challenges arising in the process of cooperation between EEU countries and the Republic of Korea in the sphere of creative economics. The authors evaluate the level of selected strategic risks and the possible ways of their regulating and decreasing. Special attention is given to the modelling of inter-company interaction in the sphere of creative economy in Russia and Korea.

Key words: *creative economics, strategic risks, Russian Federation, Republic of Korea, EEU, inter-company interaction.*

M.L. Vartanova
IMPACT OF THE GLOBAL FACTORS UPON RUSSIA'S FOOD SECURITY IN THE CONTEXT
OF THE ECONOMIC COOPERATION AMONG EEU COUNTRIES (RUSSIA, MOSCOW)

Leading research fellow, Department of Research of socio-demographic processes in EEU, Institute for Demographic Research, Sociological Center, Russian Academy of Sciences (Moscow), PhD (Economics)

More attention has been recently given to the development of trade and food security among EEU countries, both in relation to the sanction wars and the ensuing course for import substitution in Russia, and in connection to the coronavirus pandemics, when habitual economic relations among the countries started breaking up. In this complex context, under the impact of extreme factors, a skillful organization of the country's food security system acquires particular significance.

Key words: *Eurasian Economic Union (EEU), global instability, integration, food security, risks and threats, economic cooperation.*

V.VI. Chekmarev, V.V. Chekmarev, L.G. Chekmareva
TO THE ISSUE OF IMPROVING THE ARCHITECTURE OF RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY
ON THE BASIS OF STRUCTURING DEBT AND THE STOCK MARKET (RUSSIA, KOSTROMA)

V.VI. Chekmarev, Head of Kostroma regional branch of Petrovskaya Academy of Sciences and Arts under the administration of Kostroma region, PhD (Economics), Professor, Honorary Scholar of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Education;

V.V. Chekmarev, Doctoral student, Kostroma State University, PhD (Economics);

L.G. Chekmareva, Senior research fellow, Kostroma regional department of Petrovskaya Academy of Sciences and Arts under the administration of Kostroma region

The article evaluation the current situation on the global economic space and the state of the stock market under the impact of Western sanction, which reflects upon the economic relations between the Russian Federation and other economic subjects. This situation served a catalyst for improving the architectures of Russia's economic security. The process of structuring of debt and stock market are at the basis of this process.

Key words: *economic security, stock market, debt and stock markets, economic sanctions.*

E.E. Imamkulieva, A.A. Unezheva, Yu.V. Voskoboinik
SOCIAL ASPECTS IN THE DEVELOPMENT OF ISLAMIC BANKING IN RUSSIA (RUSSIA, MOSCOW)

E.E. Imamkulieva, Senior lecturer, Faculty of Global Economics and Politics, Department of Foreign Regional Studies, National Research University Higher School of Economics Junior research fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences;

A.A. Unezheva, BA (Economics), National Research University Higher School of Economics;

Yu.V. Voskoboinik, BA student, National Research University Higher School of Economics

The article focuses on the social factors that impact the development of Islamic banking in Russia in the context of crisis-related phenomena and the changing economic realities. The research is based on the results of the sociological survey conducted within the frames of the international project of National Research University Higher School of Economics and the Tehran University "Russia and Iran: Islamic Finances and Cooperation in the Area of Energy Production" (2021).

Key words: *Islamic finances, Islamic banking, COVID-19, sanctions, sociological research.*

V.I. Cherenkov, A.V. Tanichev, S.V. Karpova
FACTORS AND META-FACTORS IN CONSUMPTION RATIONING AND THE IMPLEMENTATION
OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT CONCEPT (RUSSIA, ST. PETERSBURG, MOSCOW)

V.I. Cherenkov, Chair of Marketing, Higher School of Management, St. Petersburg State University, PhD (Economics), Professor; Senior research fellow, Experimental Laboratory "Neuro-technologies in Management," Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow);

S.V. Karpova, Chair of Logistics and Marketing, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow), Head of the Experimental Laboratory "Neuro-technologies in Management," PhD (Economics), Professor;

A.V. Tanichev, Assistant Professor, Chair of Economics, Organization, and Enterprise Management, D.F. Ustinov Baltic State Technological University ("Voenmeh") (St. Petersburg), PhD (Economics), Senior research fellow, Experimental Laboratory "Neuro-technologies in Management," Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The article is dedicated to a broader understanding of the population's consumption rationing and perspective of this concept's application, which was traditionally association with geopolitical and natural cataclysms such as war and hunger. In case consumers adopt the culture of responsible consumption, this forced reactive rationing should be substituted for pro-active, both in the sense of its exogenous and endogenous nature, i.e., as both directive and indicative. The authors offer a classification of the consumption rationing factors and a systematization of its resources. The article introduces the notion of meta-factor of consumption rationing and outlines directions for future research in this sphere.

Key words: *meta-factor of consumption rationing, responsible consumption, consumer sovereignty, consumption resources, factor of consumption rationing.*

St.A. Dolmatova
POST-SANCTION CHALLENGES IN THE REALIZATION OF HUMAN POTENTIAL:
POLITICO-ECONOMIC ASPECT (RUSSIA, MOSCOW)

Senior Research Fellow, E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow)

The article shows that the problem of realization of human potential, which became more acute after the introduction of anti-Russia sanction, had emerged long before the last crisis and stem from the neoliberal economic model, within which Russia was relegated to the

role of raw material supplier with slowed down technological development. The author focuses on the idea that the national wellbeing in the country should be attained as a result of investment into knowledge-intensive industries, which should create high-efficacy jobs, rather than their removal to research funds, which led to the devaluation of the national currency and decrease of people's level of life. The author is concerned that the politics of development based on raw materials will be preserved, only with re-orientation from the West to the East. With this regard, the article stresses the importance of changing the paradigm of development.

Key words: *human potential, development paradigm, regulation of labor relations, level of people's life, Sovereign Wealth Fund, labor payment, qualified specialists.*

E.S. Makeeva

**MORAL AND ETHICAL FOUNDATIONS FOR HUMANIZATION OF ECONOMICS IN THE XXI CENTURY
(RUSSIA, ST. PETERSBURG)**

Doctoral student, Chair of Economic Theory and the History of Economic Thought, St. Petersburg State Economic University, PhD (Economics)

The article specifies the notion of "humanization of economics," argues that economics does not lack ethical and moral dimensions neither in theory nor in practice and analyzes new mechanisms of coercion of the economic subjects to abide by the norms of universal human morals and business ethics that emerged in the XXI c. The author concludes that in spite of the existing potential of digital technologies for revealing opportunism and strengthening empathy, institutes of upbringing and education still play the preeminent role in leaning and dissemination of the norms of decent behavior.

Key words: *humanization of economics, humanism, morals, business ethics.*

A.V. Potapenko

**DYNAMICS OF THE NOMINAL AND REAL GNP IN THE RUSSIAN ECONOMY IN 2011–2020
(RUSSIA, ST. PETERSBURG)**

Assistant Professor, Chair of Customs Management, Russian Customs Academy (St. Petersburg branch), PhD (Economics)

The article presents the dynamics of the nominal and the real GNP in the Russian Federation, analyzes the index of the physical volume of GNP and GNP per capita based on the purchasing power parity. The author shows periods of growth and decline in the volumes of production, defines reasons for the decrease of the economic growth, and analyzes the dynamics of energy intensity with regard to Russia's GNP. The share of Russian GNP in the global gross product is extremely low. The author stresses the importance of increasing investment into fixed assets of certain industries and stresses the need to develop the tertiary economic sector (services, education, tourism).

Key words: *Gross domestic product, economic growth, economic decline, Covid-19 pandemics, primary, secondary and tertiary economic sectors, energy intensity of GNP, investment into fixed assets.*

D.I. Zakirov

TO THE ISSUE OF CLASSIFICATION OF INVESTMENT INTO HUMAN CAPITAL (RUSSIA, MOSCOW)

PhD student, Chair of Political Economy, M.V. Lomonosov Moscow State University

The article classifies and structures various types of investment into human capital. The author analyzes into a human being on both the macro- and micro levels.

Key words: *human capital, investment in education, investment in health care.*

V.I. Cherenkov

**CONCEPT OF THE GLOBAL INCLUSIVE SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND COLONIALISM 2.0
(RUSSIA, ST. PETERSBURG)**

Chair of Marketing, Higher School of Management, St. Petersburg State University, Senior research fellow, Experimental Laboratory "Neuro-technologies in Management," Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); PhD (Economics), Professor

The article offers a new look at the centuries-old history of resource security of European metropolises in the context of sustainable development concept. Currently, the issue of resource security is discussed globally by the geographically unlimited "collective West." The persistently advanced concept of the inclusive sustainable development finds itself in the irresolvable contradiction with the constantly reproduced deformed division of labor between the nucleus and the periphery (according to Wallerstein) within the world system of capitalism. One may surmise that much of post-colonial research is to a certain degree characterized by apologetics of colonialism.

Key words: *Westernization, inclusive sustainable development, Colonialism 2.0, post-colonial research, sustainable development, nucleus and periphery of the world-system.*

S.V. Chichilimov

**COVERT FISCAL PROTECTIONISM IN THE PRESENT-DAY FOREIGN TRADE IN THE PRACTICE
OF THE LEADING COUNTRIES OF THE GLOBAL ECONOMIC SYSTEM (RUSSIA, EKATERINBURG)**

PhD student, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg)

Developed fiscal institute is the foundation for the state's economic growth in the contemporary global economy. In connection with the new wave of economic confrontation in the global economy it is necessary to systematize new forms of covert protectionism. The article discusses functions of the fiscal system as a part of covert protectionism and describes particular cases where fiscal practices turned into an instrument for protecting national economic interests.

Key words: *global economy, state regulation of economy, indirect taxes in the global economy, protectionism, external trade practice.*

O.V. Panfilova

**INNOVATIVE POTENTIAL OF INDUSTRIAL ENTERPRISES AS A FACTOR OF THE BALANCED
DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY (RUSSIA, ST. PETERSBURG)**

Assistant Professor, Chair of Finances, St. Petersburg State University of Economics, PhD (Economics)

The article discusses the mutual connection between the innovative potential of industrial enterprises and the economic sovereignty of the national economy. The author analyzes foreign practice in this sphere, describes approaches and offers a tool for financing the development of the innovative potential of Russian industrial enterprises.

Key words: *defense industry, military-industrial complex, innovations, balanced development, financing, state and private partnership, spin-off companies, foreign experience of innovation activity.*

E.V. Birjukov

**ENTERPRISE AS A SPECIFIC INSTITUTE IN THE DEVELOPMENT OF CONTEMPORARY
ECONOMY (RUSSIA, UFA)**

Assistant Professor, Chair of Economics and Enterprise Management, Ufa State Oil University of Technology, PhD (Economics)

The article discusses enterprise as a specific institute in the development of contemporary economy, demonstrates specificities of alternative approaches to enterprise theories development and their cognitive limitation as a result of eclectic methodology. The

author offers a value-oriented approach allowing for a more realistic analysis of the activities taking place at a contemporary enterprise based on the recognition of its intersubjective nature and taking into account the multiplicity of economic motives in the subjects' economic behavior.

Key words: *theories of enterprise, non-orthodox institutionalism, economic institutes, economic values, enterprise management.*

A.G. Nazarov

SPECIFICITIES IN APPLICATION OF FORESIGHT TECHNOLOGIES IN THE STRATEGIC PLANNING OF INDUSTRIAL ENTERPRISES (RUSSIA, UFA)

Prime Minister of the Government of the Republic of Bashkortostan, PhD (Political Science)

The article describes a foresight methodology with respect to organization and strategic planning in the management of industrial enterprise development. The author analyzes the foresight process and foresight tools that can be used to define perspectives and directions in the development of industrial enterprises in the medium- and long run.

Key words: *foresight technologies, strategic planning, industrial enterprise.*

L.I. Donets, A.V. Sergeeva

STRATEGIC PARTNERSHIP OF ENTREPRENEURIAL STRUCTURES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF ECONOMY: ECO-SYSTEMIC APPROACH (RUSSIA, DONETSK)

L.I. Donets, Chair of the Economics of Enterprise and Personnel Management, M.I. Tugan-Baranovsky Donetsk National University of Economy and Trade (Donetsk), PhD (Economics), Professor;

A.V. Sergeeva, Assistant Professor, Chair of the Economics of Enterprise and Personnel Management, M.I. Tugan-Baranovsky Donetsk National University of Economy and Trade, PhD (Economics)

The article describes the eco-systemic approach to formation of strategic partnership, stresses the importance of development of partnership relations among entrepreneurial structures on the basis of digital eco-systems, and offers a model of eco-systemic approach to the formation and development of strategic partnership of entrepreneurial structures.

Key words: *eco-systemic approach, eco-systemic strategic partnership, partner relations, digital eco-system.*

I.Yu. Churakova, Yu.R. Ichkitidze, K.S. Zorina

INDICES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SMALL-SCALE ENTERPRISES IN ST. PETERSBURG (RUSSIA, ST. PETERSBURG)

I.Yu. Churakova, Assistant Professor, Department of Finances, National Research University Higher School of Economics (Moscow), PhD (Economics);

Yu.R. Ichkitidze, Head of the Department of Finances, National Research University Higher School of Economics (Moscow), PhD (Economics);

K.S. Zorina, MA student, National Research University Higher School of Economics (Moscow)

The role of small-scale enterprises in developed and developing countries is considerable, whereas their "birthrate" and "mortality" are important indices of the business climate. Much of Russian research focuses on small-scale enterprises in the country in general, yet Russia features a considerable stratification of the small-scale business based on the level of efficacy in resource use. The article distinguishes factors of sustainable development of small- (including micro-) scale enterprises in St. Petersburg. This sector is highly specific: the rapid change of indices with respect to revenue volume (e.g., on average the share of micro-enterprises in the revenue received grew from the minimal 8% in 2008 to the maximal of 28% in 2021), the substitution of a large number of job places, and the efficacy that considerably exceeds the analogous index for large- and medium-scale companies. The authors argue that one of the major factors of growth in this sector are specific taxation regimes.

Key words: *small-scale entrepreneurship, small- and medium scale business, regional economics, St. Petersburg, factors of efficacy growth of small-scale enterprises.*

N.E. Lugert

IMPROVEMENT OF CONTROL IN REALIZATION OF MANAGERIAL DECISION IN THE INTERNET-BASED PROMOTION OF A SMALL-SCALE ENTERPRISE IN THE CONTEXT OF BUSINESS DIGITAL TRANSFORMATION (RUSSIA, ST. PETERSBURG)

PhD student, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Digitalization and the use of computer programs such as CRM, CMS, CAS and others succeed in global managerial tasks, yet pay little attention to the possibilities of illogical decision making. The so-called "human factor" can destroy an adjusted system. The article analyzes the process of internet promotion with regard to the emergence of obstacles due to the human factor. The author distinguishes the problem points in the business process that cannot be automatized and require participation of the personnel. Criteria for evaluation of the personnel work are developed with the use of the concept of linguistic variable of fuzzy logic. The article offers an algorithm of evaluation of the personnel work, which may be applied to improve the programs used for enterprise management as well as for creating a digital double in the managerial process.

Key words: *managerial decisions in internet promotion, criteria of evaluation of the personnel work, analysis of employers' work, digitalization of the promotion process, human factor.*

A.V. Tanichev

INTRODUCTION OF THE RESPONSIBLE CONSUMPTION MODEL AS THE BASIS FOR IMPROVING THE QUALITY OF LIFE (RUSSIA, ST. PETERSBURG)

Assistant Professor, Chair of Economics, Organization, and Enterprise Management, D.F. Ustinov Baltic State Technological University ("Voenmeh") (St. Petersburg), PhD (Economics)

The article focuses on the improvement of the quality of life in the period of the global recognition and acceptance of the sustainable development imperative. Consumption is seen as a starting category in the dialectical pair "consumption – production"; intentional management of consumption, with regard to the primacy of non-productive consumption, maybe attained through the transition from the model of consumption sovereignty, dominating in the consumer society, to the model of responsible consumption. This transition should be supported by state and public institutions that produce their impact both through directive instruments (consumption rationing) and through indicative tools of endogenous and exogenous nature (upbringing responsible consumers or consumer-citizens). The author shows the role of analysis with regard to the dominating social paradigm in the critical evaluation of the state of the society.

Key words: *social paradigm, imperative of sustainable development, mental construct of sustainability, responsible consumption, model of consumer sovereignty, consumer-citizen, quality of life.*

G.L. Bagiev, A.V. Pinchuk

FORMATION OF THE ARCHITECTURE OF THE DECENTRALIZED SYSTEM ON THE BASIS OF THE DISTRIBUTION REGISTER IN THE SPHERE OF THE INTERNET OF THINGS (RUSSIA, ST. PETERSBURG)

G.L. Bagiev, Director General, OOO UbiQuote (St. Petersburg), Honorary Scholar of the Russian Federation; PhD (Economics), Professor; A.V. Pinchuk, Director General, OOO "VidiGuide" (St. Petersburg), PhD (Economics)

The article describes a methodological approach to the organization and design of data architecture with regard to the distribution register of decentralized system of the internet of things.

Key words: *internet of things, block-chain, design of data architecture, data architecture, distribution register.*

A.N. Vasil'ev

ROAD CONSTRUCTION AS A DRIVER OF THE REGIONAL ECONOMIC GROWTH IN THE SYSTEM OF STATE STRATEGIC PLANNING (RUSSIA, MOSCOW)

Attendee of DBA-19 program, Russian Academy of the National Economy and State Service under the President of the Russian Federation (Moscow), PhD (Economics)

The article focuses on the sphere of road construction, with specific attention to automobile road construction, from the perspective of its contribution to the strategic transformation of the territorial placement of the major economic funds in the context of transition to the sixth technological order. The author demonstrates the connection between the regional economic growth and the density of road network, with particular attention to the growth of the correlation coefficient of these indices with a 10-year lag. The article estimates the limits of the economic growth after the attaining of the strategic indices foreseen by the Complex Five-year Plan of Road Construction (2023–2027), where the density of the road network is the limiting factor of economic growth. The author concludes that the asynchronism of indices of the state strategic planning on the different levels and with regard to various industries is still present. Special attention is paid to the construction of concrete roads, innovative for Russia, as a mechanism that allows to decrease the size of simple reproduction due to a lengthier period of the road exploitation.

Key words: *state strategic planning, limits of economic growth, road construction, meso-economics.*

K.A. Gracheva

PRESENT-DAY TENDENCIES IN DIGITALIZATION OF THE AUTOMOBILE SPHERE: TRANSFORMATION OF APPROACHES IN THE CONTEXT OF CRISIS (RUSSIA, ST. PETERSBURG)

PhD student, Chair of Administration and Planning of socio-economic processes, Department of Economics, St. Petersburg State University

The article shows the impact of crisis upon the digital transformation processes in the world at large and in Russian in particular and describes the current state of the automobile industry with its characteristic modern digitalization tendencies. The author emphasizes the lack of a unified approach to digital transformation of enterprises in this sphere and distinguishes the possible reasons for the problem. Results of the research define direction of further theoretical research in the sphere of digitalization, contribute to the development of anti-crisis management, and can be used by any enterprise of the Russian automobile industry aiming at increasing their sustainability in the adverse external environment.

Key words: *digital economy, digital transformation, digitalization, anti-crisis tool kit, automobile industry.*

V.K. Onishchuk

RUSSIA'S TRANSPORTATION AND LOGISTICS SECTOR: THE LESSON OF COVID-19 PANDEMIC (RUSSIA, MOSCOW)

PhD student, Chair of Macroeconomic Politics and Strategic Management, Department of Economics, M.V. Lomonosov Moscow State University

The article distinguishes the key problems in Russia's transportation and logistics sector that limits its development in the post-Covid era, and describes the most topical measures for their solution. Specific attention is paid to the country's transportation and logistics sector over the period between 2020 and 2021, including possibilities and limitations in its development. On the basis of data received, the author defines the most perspective directions of the state politics in the transportation and logistics sector, including those related to construction and modernization of the transportation infrastructure, which allow to restore its economic growth. The article emphasizes the importance of accelerated development of the Far East railroad and port infrastructure, as well synchronization of the processes of implementation of the corresponding processes, which will allow to reach a synergetic effect.

Key words: *transportation and logistics sector, cargo transportations, transportation infrastructure, Russian Federation, COVID-19 pandemic.*

N.A. Riazantseva, A.A. Lofichenko

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE COAL INDUSTRY IN LUHANSK PEOPLE'S REPUBLIC (RUSSIA, LUHANSK)

N.A. Riazantseva, Assistant Professor, Chair of Cybernetics and Applied Statistics, Vladimir Dal' Luhansk State University, PhD (Economics); A.A. Lofichenko, PhD student, Chair of Cybernetics and Applied Statistics, Vladimir Dal' Luhansk State University

The article discusses five key aspects of the current state of the digital transformation in economy, describes economic and social advantages of the digital transformation of economic complexes, and distinguishes risks related to economic digitalization. The authors discuss specific features of the "Industry-4.0" program, oriented towards digital modelling, and describe the key tendencies of its implementation in the coal industry. Particular emphasis is put on the use of cyber-physical production systems, whereby a typical architecture of the cyber-physical system of a coal-extraction enterprise is described. The article analyzes the trajectory in the evolution of the coal-mining industry in Luhansk People's Republic and develop the architecture of its cyber-socio-physical eco-system.

Key words: *digital transformation, coal-mining industry, cyber-physical system, cyber-socio-physical eco-system.*

A.V. Pinchuk

PROBLEMS AND SPECIFICITIES IN FORMATION OF THE GEO-INFORMATIONAL SYSTEM OF THE "SMART CITY" (RUSSIA, ST. PETERSBURG)

Director General, OOO "VidiGuide" (St. Petersburg), PhD (Economics)

The article focuses on the problems and specificities of formation of the infrastructure for decentralized data storage within the "smart city" geo-informational system on the basis of IPFS file protocol. Particular attention is given to the issue of scaling with regard to the system of content delivery. The author describes the architecture of the program product that provides control to the content access rights on the basis of distributed data storage and the targeted content delivery. The article formulates methodological principles of creating the server component to reflect spatial data of the "smart city" system.

Key words: *geo-positioning, augmented reality, wireless technologies, smart city, targeted content delivery, BYOD.*

Xu Jianguo, T.A. Selishcheva

DIGITALIZATION AS A MIGHTY FACTOR OF ECONOMIC MODERNIZATION (RUSSIA, ST. PETERSBURG)

Xu Jianguo, PhD student, St. Petersburg State University of Economics;

T.A. Selishcheva, Chair of Economic Theory and the History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics, PhD (Economics), Professor

The article describes the mutual connection between economic modernization and the progress of technologies, focuses on the current development of digital economy and analyzes the level and the potential of digital economies in China and Russia.

Key words: *economic modernization, progress of technologies, digital economy, digital industrialization, digital transformation of industry, China.*

M.G. Nikitina, R.V. Druzin, E.A. Fedulicheva

TO THE ISSUE OF RUSSIA'S PLACE ON THE GLOBAL MARKET OF LIFE INSURANCE (RUSSIA, SIMFEROPOL)

M.G. Nikitina, Head of the Chair of Global Economy, Institute of Economy and Management, V.I. Vernadsky Crimea Federal University (Simferopol), PhD (Economics), PhD (Geography), Professor;

R.V. Druzin, Assistant Professor, Chair of Global Economy, Institute of Economy and Management, V.I. Vernadsky Crimea Federal University (Simferopol), PhD (Economics);

E.A. Fedulicheva, Traumatologist-orthopedist, Medical Center "A2MED" (Simferopol)

The article focuses on the positioning of the Russian segment on the global market of life insurance, defines the major tendencies on the global market of life insurance, and distinguishes correlations of the major indices on the global and Russian markets of life insurance.

Key words: *insurance market, market of life insurance, global insurance market, Russian insurance market.*

L.N. Khazratkulova

THE PROBLEM OF PRESENT-DAY EQUILIBRIUM OF THE STATE BUDGET OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN (UZBEKISTAN, TASHKENT)

Assistant Professor, Chair of Finances and Business Analytics, Tashkent State University of Economics, PhD (Economics)

The article is dedicated to a topical problem of formation and use of state finances, including the issue of openness of budget indices and implementation of initiative budgeting, which should increase the accountability of the state organs for state expenses and lower the level of corruption. The author addresses the question of the structure of the state debt and its management, which should facilitate attaining equilibrium of the state finances and eventually increase the level of life. The focal point of research is the period between 2017 and 2021. The research is based on the general methodology of analysis and statistic data processing. Materials of Russian and foreign research organizations formed the informational basis of the present research.

Key words: *state finances, sustainability of local budgets, budget deficit, state debt, economic growth, level of life.*

D.T. Umarova

TO THE ISSUE OF DEVELOPMENT OF KAZAKHSTAN'S CAPITAL (KAZAKHSTAN, ASTANA)

Leading research fellow, Institute of Economics, Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Astana), PhD (Economics)

The article focuses on the city of Astana, Kazakhstan's capital. The author evaluates its development in the context of indices of economic growth, provides comparative characteristics between Astana and a number of cities abroad, and emphasizes that indices of socio-economic conditions of the population are better due to Astana's status of the capital. This status provides for the city's competitiveness on the regional and national levels.

Key words: *Astana, Kazakhstan, city, international experience of urban development, economic growth, competitiveness, agglomeration.*

Liu Rui

ANALYSIS OF THE ECONOMIC INTEGRATION IN THE COUNTRIES OF NORTH-EASTERN ASIA IN THE CONTEXT OF GEO-ECONOMIC TURBULENCE (RUSSIA, ST. PETERSBURG)

PhD student, St. Petersburg State University of Economics

The article discusses changes of Russia's strategic course and the economic integration in the countries of North-Eastern Asia. Changes of the USA monetary and credit policy produced an immense impact upon global economy. The largest present-day geo-political event is the "Russo-Ukrainian conflict." The author shows that the impact of this geo-political crisis upon the global geo-political situation is enormous and hard to evaluate. It is expected that the future direction of Russia's economic development will be oriented towards the East, mainly towards China.

Key words: *geo-economic turbulence, integration in the countries of North-Eastern Asia, Sino-Russian trade, energy pipeline, competition of great powers.*

N.A. Pashkus, V.Yu. Pashkus, Yu.M. Mal'tseva, D.A. Kulikova

CULTURAL IDENTITY IN THE CITIES: CONCEPTUAL APPROACHES, BRANDS AND THE GLOBAL COMPETITIVENESS (RUSSIA, ST. PETERSBURG)

N.A. Pashkus, Chair of Branch Economics and Finances, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg), PhD (Economics), Professor;

V.Yu. Pashkus, Chair of Economic Theory and Economic Politics, St. Petersburg State University, PhD (Economics), Professor;

Yu.M. Mal'tseva, Assistant Professor, Chair of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Esthetics, St. Petersburg State University, PhD (Philosophy);

D.A. Kulikova, Junior research fellow-curator, The State Hermitage Museum (St. Petersburg)

The article discusses the cultural identity of a city, which allows developing a strong brand of the city and establish its global competitiveness. The authors analyze the key conceptual approaches to distinguishing the cultural identity of a city and emphasize that attaining the level of an imperial and global city impacts its cultural identity and lead to the growing value of its brand. Imperial and global may be characteristic to the cities only during certain periods of their histories, whereas changes of the cultural context and weakening of the city's impact on the cultural, economic and social space decrease the city's imperial and global status. The article reveals new principles in formation of the key attributes of the city's brand and its cultural identity; these principles are applicable in the system of evaluation of global competitiveness in the process of implementation of the break-through positioning strategy on the market of territories. On the basis of the evaluation system, the article develops a model of competitiveness, which is tested with regard to four cities possessing strong brands and cultural identities, and using the strategy of break-through positioning. The authors develop new recommendations for break-through positioning of the city brands on the basis of its cultural identity, including their imperial natura and the global scope.

Key words: *territorial brand, cultural brand, cultural identity, imperial city, positioning of the territory.*

S.N. Gamidullaev, T.B. Tolstikhina
**TENDENCIES AND PERSPECTIVES OF TRANSBORDER ELECTRONIC RETAIL
TRADE AS A TYPE OF SERVICES (RUSSIA, ST. PETERSBURG)**

S.N. Gamidullaev, Vice Rector and Director, V.B. Bobkov Russian Customs Academy (St. Petersburg branch), PhD (Economics), Professor; T.B. Tolstikhina, Head of the Chair of Customs Revenues and Tariff Regulation, V.B. Bobkov Russian Customs Academy (St. Petersburg branch), PhD (Economics)

The article analyzes the current state of transborder electronic trade as a types of retail trade in the sphere of services. The authors discuss the major consequences of the challenges that impact the current state and the future development of transborder electronic trade, especially its customs regulation.

Key words: *sphere of services, retail trade, transborder electronic trade, customs regulation, customs payments, bonded warehouses.*

A.V. Kuchumov, E.V. Pecheritsa, M.V. Voloshinova
**THE PROBLEM OF INTERACTION BETWEEN THE SUBJECTS AND THE OBJECTS OF MANAGEMENT
IN THE PROCESS OF IMPLEMENTATION OF SOCIAL ROBOTS IN THE SPHERE OF SERVICES
(RUSSIA, ST. PETERSBURG)**

A.V. Kuchumov, Assistant professor, Chair of economics and management in the sphere of services, St. Petersburg State University of Economics, PhD (Economics);

E.V. Pecheritsa, Assistant professor, Chair of Economic Security, St. Petersburg State University of Economics, PhD (Sociology);

M.V. Voloshinova, Assistant professor, Chair of economics and management in the sphere of services, St. Petersburg State University of Economics, PhD (Economics)

The article is discussing the possibilities of implementing social robots at the enterprises in the sphere of services and analyzes current scholarly literature focusing on the understanding of intentions and expectations on the part of users dealing with robotics technologies. The bulk of the present-day research emphasize the fact that the use of social robots in the sphere of services lead to the mutual creation of consumer value between robots and other subjects of interaction such as pensioners, children, people with lower mobility, etc. With that, the potential risk of mutual destruction of consumer value is largely ignored.

Key words: *sphere of services, robotics, social robots, emotional intelligence, empathy, competence.*

N.A. Rakhimova
**ORGANIZATION OF THE SUSTAINABLE TOURISM OBSERVATORY IN SAMARKAND:
THEORETICAL FOUNDATIONS (UZBEKISTAN, TASHKENT)**

PhD student, Westminster International University (Tashkent)

The article analyzes socio-economic changes of the international level pertaining to tourism development, as well as the first steps made towards sustainable tourism and creation of "sustainable tourism observatories" in a number of countries. The authos emphasizes the importance of such observatories for Samarkand region, and offers a set of indices for the problems that these observatories need to research.

Key words: *sustainable development, sustainable tourism, ecology, social factors, environmental protection, sustainable tourism observatory, complex of indices, tourist industry participants, monitoring.*

S.V. Karpova
**CONCEPTUAL FOUNDATIONS FOR THE ORGANIZATION OF EFFECTIVE INTERACTION AMONG
THE STATE POWER BODIES, COMMERCIAL AND NON-COMMERCIAL ORGANIZATION
IN THE SYSTEM OF RESPONSIBLE CONSUMPTION (RUSSIA, MOSCOW)**

Chair of Logistics and Marketing, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow), Head of the Experimental Laboratory "Neuro-technologies in Management," PhD (Economics), Professor

The article focuses on the theory of responsible consumption accompanied by the systemic support by the state of various population groups and discusses the practical development of this theory with regard to commercial organizations. Formation of ESG-rating of Russian commercial organizations should be based upon three criteria: ecological, social and managerial; this process is taking place within the framework of implementation of state social programs aiming at supporting various groups of population in the are of responsible consumption.

Key words: *responsible consumption, state social projects and programs, commercial and non-commercial organizations, groups of population, marking, ESG-rating.*

K.M. Kliaus, O.D. Pozharskaya
**METHODOLOGY OF CALCULATING THE ATMOSPHERIC POLLUTION ON THE BASIS OF DATA
ON ELECTRIC AND THERMAL ENERGY PRODUCTION (RUSSIA, ST. PETERSBURG)**

K.M. Kliaus, Senior research fellow, St. Petersburg Scholarly Center, Russian Academy of Sciences, PhD (Technology);

O.D. Pozharskaya, Junior research fellow, St. Petersburg Scholarly Center, Russian Academy of Sciences

The article focuses on pollutant emissions produced by thermal electric stations and boiler houses. The novelty of the authors' approach consists in the fact that the parameter of fuel expenditure in energy equivalent is taken as a starting parameter for the calculation of the gross emissions. This parameter corresponds to the data on the electric and/or thermal energy produced. This approach is used for the qualitative evaluation of greenhouse gas emissions. The methodology described allows receiving calculated forecasts of the major pollutants in cases when reliable information on the quantity of used fuel is either absent or insufficient, as well as in the process of developing energy production objects on the basis of pre-given project capacity.

Key words: *pollutant emissions, thermal energy, fuel expenditure in energy equivalent, methodology of calculation of the atmospheric pollution.*

D.S. Rakintsev
**FUNCTIONING OF INTERNATIONAL CARBON MARKETS AND FORMATION OF THE POLITICS
OF CLIMATE REGULATION IN RUSSIA (RUSSIA, MOSCOW)**

Engineer, 1st category, PhD student, Chair of Economics of Nature Management, Department of Economics, M.V. Lomonosov Moscow State University

The article discusses the current situation on the major markets for CO2 emission trading and its development in the future, particularly, the aspects that impact the process of creation of the future market of carbon regulation in Russia and its structure. Such factors as the high speed of growth of the global carbon market and the need to abide by the ratified Paris agreement, as well as the project for transborder carbon regulation, adopted by the European Union and anti-Russia sanctions and active formation of the markets for carbon permissions in other countries produce a considerable impact upon the model of the future carbon quotas trade in the Russian Federation.

Key words: *carbon markets, transborder carbon regulation, Paris agreement, climate change, net-zero technologies.*

M.V. Brazhnik

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SYSTEM AND THE STRUCTURE OF THE ORGANS OF STATE MANAGEMENT IN AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF SVERDLOVSK REGION IN THE FIRST HALF-YEAR OF 1999 (RUSSIA, EKATERINBURG)

Assistant Professor, Chair of Accounting and Audit, Ural State Agrarian University (Ekaterinburg), PhD (Economics)

Based on the analysis of a large number of legislative acts and legal documents, the author discusses the development of the system and the structure of the of state administration in the agro-industrial complex of Sverdlovsk region in the first half-year of 1999.

Key words: *agro-industrial complex, Sverdlovsk region, organs of state administration of Sverdlovsk region, open joint-stock company "Concord-Express," market for alcoholic production in Sverdlovsk region.*

I.A. Blagikh, N. F. Gazizullin

HISTORICAL BREAK-THROUGH TO THE SOCIETY OF SOCIO-ECONOMIC JUSTICE (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE USSR) (RUSSIA, ST. PETERSBURG)

I.A. Blagikh, Chair of Economic Theory and the History of Economic Thought, St. Petersburg State University, PhD (Economics), Professor;

N. F. Gazizullin, Chair of Management and Innovations and Chair of Economic Theory and the History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics, PhD (Economics), Professor

The article is dedicated to the 100th year of the formation of the USSR. The authors show that that socio-economic politics of the USSR was a break-through towards the society of justice, and that this event has not gone into historical oblivion. The article distinguishes the major social conquests of the Soviet society, including the guaranteed right for work, free education and health care, which aimed at a comprehensive development of personality in the Soviet society.

Key words: *100th anniversary of the USSR, Soviet economic system, Soviet democracy, political economy of socialism.*

**V. O. Titov, A.Yu. Protasov, I.A. Blagikh, I.I. Maljushin, A.E. Vashchuk
BREAK-THROUGH TECHNOLOGIES IN THE HISTORY OF RUSSIAN ECONOMIC THOUGHT: OPTIMAL FUNCTIONING THEORY FOR ECONOMICS (RUSSIA, ST. PETERSBURG)**

V. O. Titov, Assistant Professor, Chair of Credit Theory and Financial Management, Department of Economics, St. Petersburg State University, PhD (Economics);

A.Yu. Protasov, Head of the Chair of Economic Theory and the History of Economic Thought, St. Petersburg State University, PhD (Economics);

I.A. Blagikh, Chair of Economic Theory and the History of Economic Thought, St. Petersburg State University, PhD (Economics), Professor;

I.I. Maljushin, Doctoral student, Chair of Economic Theory and the History of Economic Thought, St. Petersburg State University, PhD (Economics);

A.E. Vashchuk, Senior lecturer, Chair of European Studies, St. Petersburg State University, PhD (Economics)

The article presents the history of development of the optimal functioning theory for economics. Present-day historico-economic literature refers to this theory merely as a discussion of 1970s with regard to economical and mathematical modeling. In this connection, the authors give a detailed treatment to the so-called "blank spots" in the history of the optimal functioning theory for economics, which back then could not be discussed for secrecy reasons.

Key words: *management of the national economy, automatized systems of economic management, optimal functioning theory for economics.*

**A.V. Kuchumov, E.V. Pecheritsa, Yu.M. Boikova
MANAGEMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SPHERE OF SERVICES:
THE INSTITUTIONAL ASPECT (RUSSIA, ST. PETERSBURG)**

A.V. Kuchumov, Assistant professor, Chair of economics and management in the sphere of services, St. Petersburg State University of Economics, PhD (Economics);

E.V. Pecheritsa, Assistant professor, Chair of Economic Security, St. Petersburg State University of Economics, PhD (Sociology);

Yu.M. Boikova, Assistant professor, Chair of Economics, Saint Petersburg State University of Civil Aviation named after the Chief Marshal of aviation A.A. Novikov, PhD (Economics)

The article focuses on digitalization at the enterprises of transportation and logistics services and discusses, how those involved in logistics and supply chain management find consensus with regard to "institutionalization" of digitalization in the practice of their respective organizations' management. This consensus in its turn can facilitate further consolidation among logistics companies. The authors show that from the managerial point of view logistics companies should look for additional strategies of differentiation, since standard logistics services will experience pressure on the part of their digital competitors.

Key words: *digitalization, logistics, supply chain management, dispatchers, transportation and logistics complexes, institutional theory.*

**A.N. Riakhovskaya, E.M. Tarusin
RUSSIA'S NATIONAL PROJECTS: PROBLEMS, DIRECTIONS, SOLUTIONS (RUSSIA, MOSCOW)**

A.N. Riakhovskaya, Department of Management and Innovations, Department "Higher School of Management," Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow), PhD (Economics), Professor;

E.M. Tarusin, BA student, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The article is dedicated to effective fulfillment of the national projects, which considerably facilitates stabilization and development of the Russian economy. Digitalization plays a particular role in this process as a key factor of increasing competitiveness both of the state as a whole and of particular economic subjects.

Key words: *national project, digital economy, anti-crisis management.*

**A.S. Kiselev
THE ROLE OF ENGINEERING ECONOMICS IN THE PRESENT-DAY PREPARATION
OF THE ENGINEERING CORPUS IN THE RUSSIAN FEDERATION (RUSSIA, MOSCOW)**

Chair of Economics and Enterprise Management, Moscow State University of Technology «STANKIN», UNESCO expert, PhD (Economics), Professor

The article discusses the role of engineering economics, which includes formulation, calculation and evaluation of the expected economic results and alternatives geared towards specific economic objectives.

Key words: *engineering economics, engineering solutions, calculation and evaluation of the expected economic results.*

M.A. Konopleva, G.L. Bagiev

INNOVATIVE ATTRACTIVENESS OF THE RUSSIAN JEWELRY MARKET (RUSSIA, ST. PETERSBURG)

M.A. Konopleva, MA student, Chair of Management and Innovation, St. Petersburg State University of Economics;

G.L. Bagiev, Chair of Management and Innovation, St. Petersburg State University of Economics, PhD (Economics), Professor; Honorary Scholar of the Russian Federation; PhD (Economics), Professor

The article discusses the content of the innovative strategy in formation and development of attractiveness with regard to the Russian market for jewelry products. Systemic analytical work should be conducted at jewelry enterprises, which should involve not only technology, but business environment, job places, sales markets, distribution channels and marketing politics. Jewelry enterprise top managers should be able to exercise preventive management of the innovative products' life cycle with the use of this analytic information and foresight technologies.

Key words: *innovations, jewelry market, jewelry products, innovation's life cycle.*

N.T. Gazizullin

TO THE ISSUE OF APPLICATION OF ECONOMICAL-PSYCHOLOGICAL MECHANISMS FOR THE EFFECTIVE DEVELOPMENT OF THE HUMAN CAPITAL (RUSSIA, ST. PETERSBURG)

Senior lecturer, Chair of Russian and Foreign Languages, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, PhD (Economics)

The article discusses the disclosure of human potential as a key factor in current economic modernization processes in Russia. The author describes the positive experience of involving effective mechanism of personnel development in large companies, which improves the working climate, business indices and employees' motivation, as well as facilitates formation of the corporate culture. The author offers specific measures and tools to transfer the country to a qualitatively new level of competitiveness on the basis of creative non-standard innovative propositions that accord with the requirements of economic development in the long run.

Key words: *emotional intelligence, emotional stability, team coaching, psychologistic consultations, human potential.*

I.I. Deren, A.M. Stekol'nikova

FORCED LABOR IN THE CONTEXT OF ECONOMICS OF THE PENAL SYSTEM: TO THE ISSUE OF ITS ORGANIZATION PROCESS (RUSSIA, VLADIMIR)

I.I. Deren, Chair of Humanities and Socio-Economic Sciences, Law Institute, Russian Federal Penitentiary Service (Vladimir), PhD (Economics), Professor;

A.M. Stekol'nikova, MA student, Law Institute, Russian Federal Penitentiary Service (Vladimir)

The article focuses on the topical issues in the process of organization of forced labor. The author analyzes forced labor as a new type of punishment, which involves a number of problematic aspects as a result of the fact that labor legislation does not take into account specific features and the order of realization of rights and responsibilities of the convicted workers. The article formulates recommendations with regard to additional measures that should make the organization of the forced labor process more effective.

Key words: *forced labor, convicts, penal system, regulation of labor relations.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Рапота Г.А. — Член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (Москва)

Кротов М.И. — Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря в Парламентской Ассамблее Организации Договора о коллективной безопасности (ПА ОДКБ), д.э.н., профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета (Москва—Санкт-Петербург)

Слуцкий Л.Э. — Председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по международным делам, президент факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор (Москва)

Максимцев И.А. — Ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор (Санкт-Петербург)

Марышев А.Н. — в 2000–2014 гг. Руководитель Секретариата Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС, к.т.н. (Санкт-Петербург)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Газизуллин Н.Ф. — вице-президент Академии гуманитарных наук России, д.э.н., профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, засл. деят. науки Республики Татарстан (Санкт-Петербург)

ПЕРВЫЕ ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ПО СТРАНАМ И РЕГИОНАМ

Абишев А.А. — первый вице-президент Ассоциации высших учебных заведений Республики Казахстан, д.э.н., профессор (Алматы)

Александров Ю.Л. — д.э.н., профессор Института торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета (Красноярск)

Белов А.В. — д.э.н., профессор университета г. Фукуи (Япония)

Койчуев Т.К. — д.э.н., профессор, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики (Бишкек)

Комилов С.Д. — д.э.н., профессор кафедры экономической теории и мировой экономики Российско-Таджикского (Славянского) университета (Душанбе)

Пецольт К. — д.э.н., профессор Технического университета г. Ильменау (Германия)

Хасанова А.Ш. — д.э.н., профессор кафедры политической экономики и истории экономической науки Российского государственного университета им. Г.В. Плеханова, засл. деят. науки Республики Татарстан (Москва)

Чуешов В.И. — д.филос.н., профессор, зав. кафедрой социальной политики и идеологии Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск)

Ягафарова Д.С. — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, засл. деят. науки Республики Татарстан, д.пед.н., профессор (Елабуга)

НАУЧНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ

Пуляев В.Т. — президент Академии гуманитарных наук России, д.э.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

ЗАМЕСТИТЕЛИ СОПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Алшанов Р.А. — Президент Ассоциации высших учебных заведений Республики Казахстан, Президент образовательной корпорации (университета) «ТУРАН», д.э.н., профессор (Алматы)

Багиев Г.Л. — засл. деят. науки РФ, засл. экономист РФ, д.э.н., профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург)

Богатырёва В.В. — ректор Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, д.э.н., профессор (Витебск)

Ли Синь — директор Института евразийских исследований Шанхайского политико-юридического университета, д.э.н., профессор (КНР, Шанхай)

Миропольский Д.Ю. — засл. деят. науки РФ, д.э.н., профессор, зав. кафедрой общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург)

Мурадов А.Д. — ректор Азербайджанского государственного экономического университета, д.э.н., профессор (Баку)

Никаноров В.С. — советник сенатора Российской Федерации (Москва)

Широкопад Л.Д. — засл. деят. науки РФ, д.э.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Шутилин В.Ю. — ректор Белорусского государственного экономического университета, д.э.н. (Минск)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Алиев У.Ж. — вице-президент образовательной корпорации «Туран», д.э.н., профессор (Нур-Султан)

Бездудная А.Г. — д.э.н., профессор, зав. кафедрой СПбГЭУ (Санкт-Петербург)

Беккин Р.И. — д.э.н., к.ю.н. МГИМО(У) МИД России (Москва)

Беломестнов В.Г. — д.э.н., профессор ВСГТУ (Улан-Удэ)

Благих И.А. — д.э.н., профессор СПбГУ (Санкт-Петербург)

Бузгалин А.В. — д.э.н., почетный профессор МГУ им.

М.В. Ломоносова (Москва)

Буров В.Ю. — д.э.н., директор ВШЭУП, зав. кафедрой Забайкальского госуниверситета (Чита)

Ведин Н.В. — д.э.н., профессор КНИТУ (КАИ) им. А.Н. Туполева (Казань)

Войтоловский Н.В. — д.э.н., профессор СПбГЭУ (Санкт-Петербург)

Волкова А.В. — д.полит.н., профессор СПбГУ (Санкт-Петербург)

Газизуллин Ф.Г. — засл. деят. науки РТ, д.э.н., профессор (Казань)

Гафиятов И.З. — засл. деят. науки РТ, директор Нижнекамского Центра КНИТУ (КХТИ), д.э.н., профессор (Нижнекамск)

Герасимова Е.А. — к.э.н., доцент Сиб. ФУ (Красноярск)

Го Лихун — ректор Северо-Западного университета, д.э.н., профессор (Китай, Сиань)

Грудzewский В.М. — д.э.н., чл.-корр. Польской Академии наук (Варшава)

Ефременко Д.В. — д.полит.н., зам. директора по научной работе ИНИОН РАН (Москва)

Загорский А.Л. — д.э.н., профессор СПбГУ (Санкт-Петербург)

Икрамов М.А. — д.э.н., профессор Ташкентского государственного экономического университета (Ташкент)

Киселев А.С. — д.э.н., профессор МГТУ «СТАНКИН», эксперт ЮНЕСКО (Москва)

Митрополит Петрозаводский и Карельский **Константин (Горянов)**, кандидат богословия, к.мед.наук (Петрозаводск)

Косинский П.Д. — засл. работник с/х РФ, д.э.н., профессор КГТУ им. Т.Ф. Горбачева (Кемерово)

Кузнецов С.В. — директор ИПРЭ РАН, д.э.н., профессор (Санкт-Петербург)

Кулакова Т.А. — д.полит.н., профессор СПбГУ (Санкт-Петербург)

Лемещенко П.С. — д.э.н., профессор, зав. кафедрой Белорусского государственного университета (Минск)

Ложко В.В. — науч. рук. СПбИУЧР, к.м.н. (Санкт-Петербург)

Лукин С.В. — д.э.н., профессор, зав. кафедрой Белорусского государственного университета (Минск)

Мазитова Р.К. — засл. деят. науки РТ, д.э.н. профессор (Москва)

Макаров А.Н. — д.э.н., профессор, зав. кафедрой Набережночелнинского филиала КПФУ (Набережные Челны)

Маликов Р.И. — засл. деят. науки Республики Башкортостан, д.э.н., профессор, зав. кафедрой УГНТУ (Уфа)

Мамедов З.Ф. — д.э.н., профессор, начальник управления науки АзГЭУ (Баку)

Марлуа Марсель — д.э.н., президент Ассоциации Диалогические перспективы (Франция, Париж)

Марышев А.А. — к.полит.н., главный специалист Департамента таможенной инфраструктуры ЕЭК (Москва)

Максимов С.Н. — д.э.н., профессор, зав. кафедрой СПбГУ (Санкт-Петербург)

Маслова Т.Д. — д.э.н., проф. СПбГЭУ (Санкт-Петербург)

Мельник А.Н. — засл. деят. науки РТ, д.э.н., профессор КПФУ (Казань)

Метелев С.Е. — директор Омского института (филиала) РГЭУ, д.э.н., к.ю.н., профессор (Омск)

Мифтахов А.Б. — к.э.н., член НПК «РОСТ» (Казань)

Мунтиян В.И. — д.э.н., профессор, чл.-корр. НАН Украины (Киев)

Ноговицын Р.Р. — д.э.н., профессор, зав. кафедрой СВФУ им. М.К. Аммосова (Якутск)

Осипов Ю.М. — засл. деят. науки РФ, директор Центра общественных наук МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор (Москва)

Павленко И.Г. — к.э.н., доцент Ставропольского государственного аграрного ун-та (Ставрополь)

Пахомова Н.В. — д.э.н., профессор СПбГУ (Санкт-Петербург)

Пашкус В.Ю. — д.э.н., профессор СПбГУ (Санкт-Петербург)

Пилявский В.П. — д.э.н., профессор, ректор СПб Ин-та бизнеса и инноваций (Санкт-Петербург)

Пименова А.Л. — д.э.н., профессор СПбГЭУ (Санкт-Петербург)

Посталюк М.П. — д.э.н., профессор, ун-та управления «ТИСБИ» (Казань)

Протасов А.Ю. — к.э.н., зав. кафедрой СПбГУ (Санкт-Петербург)

Прохоренко И.Л. — д.полит.н., зав. сектором ИМЭМО РАН (Москва)

Рекорд С.И. — д.э.н., профессор, зав. кафедрой СПбГЭУ (Санкт-Петербург)

Ряховская А.Н. — засл. экономист РФ, д.э.н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ, академик РАО, президент ИЭиАУ (Москва)

Сахибзянов Наиль хазрат — Имам-мухтасиб Альметьевского района и г. Альметьевска (Альметьевск)

Селищева Т.А. — д.э.н., профессор, СПбГЭУ (Санкт-Петербург)

Сертчелик С. — д.фил.н., профессор истории Университета Анкары (Турция)

Симченко Н.А. — д.э.н., профессор, зав. кафедрой Крымского федерального ун-та им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Скобельцына А.С. — к.культурол.наук, доцент СПбГЭУ (Санкт-Петербург)

Соколов Б.И. — д.э.н., профессор СПбГУ (Санкт-Петербург)

Сутырин С.Ф. — д.э.н., профессор, зав. кафедрой СПбГУ (Санкт-Петербург)

Хабибуллин Х.А. — к.э.н., член НПК «РОСТ» (Казань)

Хайкин М.М. — д.э.н., профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского горного университета (Санкт-Петербург)

Хайруллина М.В. — д.э.н., профессор, декан ф-та бизнеса НГТУ (Новосибирск)

Харламов А.В. — д.э.н., профессор СПбГЭУ (Санкт-Петербург)

Хасанов С.Т. — засл. работн. культуры РТ (Санкт-Петербург)

Хейдук И. — д.э.н., профессор, директор Института менеджмента и финансов (Варшава)

Хоменко В.В. — вице-президент Академии наук Республики Татарстан, член-корр. АНТ, д.э.н., профессор КПФУ (Казань)

Хузиятов Т.Д. — к.э.н., профессор Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Чаплина А.Н. — д.э.н., профессор Сибирского федерального ун-та (Красноярск)

Чекмарев В.В. — засл.деят.науки РФ, чл.-корр. РАО, д.э.н., профессор КГУ им.Н.А. Некрасова (Кострома)

Чжан Ваньтин — к.э.н., директор Центра при Северо-Западном ун-те (Сиань, КНР)

Шагеева Р.А. — вице-президент Экономического общества Республики Татарстан (Казань)

Шакуров И.Г. — д.э.н., профессор ПГСГА (Самара)

Щербаков В.В. — д.э.н., профессор, зав.каф. СПбГЭУ (Санкт-Петербург)

Эмиров Н.Д. — д.э.н., профессор СПб филиала РТА (Санкт-Петербург), профессор Чеченского гос. ун-та (Грозный)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Главный редактор: Н.Ф. Газизуллин

1-й зам. главного редактора: Е.Г. Скобельцына

Заместители главного редактора:

Л.Д. Широкоград, Н.В. Ведин, А.Л. Пименова, В.В. Ложко,

Научные редакторы: И.А. Благих, А.В. Орлов, М.П. Посталюк, С.Ю. Румянцева, А.С. Скобельцына, Б.И. Соколов, А.А. Трушевская

Дизайн, компьютерная верстка, электронная версия:

Н. Кривич, Е. Белякова, И. Смирнов, И. Пыхалов

Корректоры: В. Щербина, О. Юдина, Е. Русанова

Английский перевод: А. Кушкова, Т. Газизуллин

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЖУРНАЛА И ИХ РУКОВОДИТЕЛИ (на 1.10.2022)

Москва –	Киселев Александр Сергеевич alexanlr.kiselyov2010@yandex.ru	Кемерово –	Косинский Петр Дмитриевич Тел. 8(384) 258-08-92 e-mail: krishtof1948@mail.ru
Москва –	Хасанова Асия Шамилевна khasanovaas@mail.ru	Красноярск –	Чаплина Альбина Николаевна Тел./факс: (3912) 21-63-17, 21-17-74 e-mail: km@mail.kgtei.ru
Алматы –	Абишев Али Ажимович Тел. (3272) 20-28-45, Тел./факс (3272) 21-69-71 e-mail: rector@kazaeu.com	Самара –	Шакуров Ильяс Гумерович Тел. 8 (927) 260-78-00 e-mail: shakurov@pgsga.ru
Астана –	Алиев Урак Жолмурзаевич Тел: (3172) 39-81-18 e-mail: turanastana@inbox.ru	Омск –	Метелев Сергей Ефимович Тел./факс (3812) 32-99-48
Минск –	Чуешов Виктор Иванович Тел: 375(017) 222-83-57; e-mail: tchoue@academy.edu.by	Якутск –	Ноговицын Роман Романович Тел. +7-914-270-10-97 e-mail: nogovitsyn50@mail.ru
Бишкек –	Койчуев Турар Койчуевич Тел. (10-996312) 66-16-38 e-mail: centr.mf@netmail.kg	Пенза –	Резник Семен Давыдович Тел.: (8412) 55-75-53; e-mail: sdr@tl.ru
Душанбе –	Комилов Сироджиддин Джалолиддинович Тел. (10-992372) 238-20-20 e-mail: sirojdin@mail.ru	Владивосток –	Хузиятов Тагир Даутович Тел. +7-924-230-20-60 e-mail: khuziyatov.td@dvf.u.ru tagirkh5@hotmail.com
Ташкент –	Икромов Мурат Акрамович e-mail: ikramov.m@mail.ru	Улан-Удэ –	Беломестнов Виктор Георгиевич Тел. (3012) 43-14-15 e-mail: b_v_g02@list.ru
Баку –	Мамедов Захид Фаррухович Тел. +99412 492-72-98 e-mail: prof.zahid.mamed@mail.ru	Уфа –	Маликов Рустам Илькамович Тел. 8-917-736-49-97 e-mail: malikovri@rambler.ru
Ереван –	Асланян Анна Леоновна Тел. (10-3741) 57-12-18 e-mail: aslanyann@yahoo.com	Набережные Челны –	Макаров Анатолий Николаевич Тел. (8552) 58-71-19 Тел./факс (8552) 58-88-94 e-mail: makarovfsu@mail.ru
Париж –	Марсель Марлуа Тел. (8-10-33) 149-596-900 e-mail: perdiag@wanadoo.fr	Чита –	Буров Виталий Юрьевич Тел./факс 8-914-896-98-34 e-mail: burovschool@rambler.ru
Шанхай –	Ли Синь Тел.(86-21) 65-118-254 факс:(86-21) 65-114738 e-mail: ruslank@online.sh.cn	Новосибирск –	Хайруллина Марина Валентиновна Тел. +7-383-346-04-00 e-mail: proreg5@mail.ru
Сиань –	Чжан Ваньтин e-mail: 9248199@mail.ru	Симфе- рополь –	Симченко Наталия Александровна Тел. +7-978-755-22-04 e-mail: natalysimchenko@yandex.ru
Анкара –	Сейит Сертчелик Тел. 0(312) 3103280 / 1199 e-mail: seyitser@yahoo.com	Ставрополь –	Павленко Ирина Геннадьевна Тел. +7-978-76-66-704 e-mail: 11irin@rambler.ru
Фукуи – (Япония)	Белов Андрей Васильевич http://www.s.fpu.ac.jp/u-abcpage/ e-mail: abelov@fpu.ac.jp	Грозный –	Эмиров Назим Данилович Тел. +7-921-955-34-17 e-mail: emirov888@yandex.ru
Ильменау – (Германия)	Пецольдт Керстин Тел. (8-10-49) 3629775685 e-mail: kerstin.pezoldt@tu-ilmenau.de		

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Материалы принимаются по следующему графику:
в №1 (март) – до 25 декабря предыдущего года;
в №2 (июнь) – до 25 апреля текущего года;
в №3 (сентябрь-октябрь) – до 25 июля текущего года;
в №4 (декабрь) – до 25 октября текущего года. В ряде случаев возможны изменения указанных сроков.
2. Редакция в обязательном порядке осуществляет рецензирование (экспертную оценку), необходимое научное и стилистическое редактирование всех материалов, публикуемых в журнале.
Рецензентами являются ведущие специалисты в конкретных областях экономических наук. В рецензии дается характеристика присланной в редакцию статьи, раскрывающая следующие пункты:
– Выполнение автором формально-технических требований подачи материалов в редакцию;
– Выполнение автором содержательных требований (актуальность, решение или постановка научной проблемы, к какой области экономической науки относится статья и ее соответствие тематическим направлениям журнала, использование графического и табличного материала);
– Характеристика научного и литературного стиля изложения материала;
– Другие замечания рецензента;
– Общее заключение (рекомендуется к опубликованию, рекомендуется с доработками, не рекомендуется, не соответствует профилю журнала)
3. Материалы принимаются по электронной почте (e-mail: gazizullin@mail.ru) В теме письма обязательно указать фамилию(и) автора(ов).
4. Материал должен быть набран в текстовом редакторе Word. Размер шрифта 12 пт., межстрочный интервал одинарный.
5. Таблицы должны быть в формате Word или Excel. Пустые ячейки в таблице заполните прочерком. Количество таблиц в статье не должно превышать 4. Цветные рисунки не принимаются, т.к. при подготовке к печати цвета конвертируются в градации серого и многие из них становятся плохо различимы.
6. Сноски должны быть концевые.
7. Объем одной статьи для докторантов – 8–10 страниц, для аспирантов 6–7 страниц. Для аспирантов обязательно предоставление отзыва научного руководителя.
8. Статья должна сопровождаться индексами УДК, ББК.
9. Начиная с 2004 года, редакция журнала «Проблемы современной экономики» сотрудничает с Научной электронной библиотекой eLIBRARY. В рамках этого сотрудничества информация обо всех опубликованных в нашем журнале статьях передается в систему eLIBRARY для расчета Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). При этом очень важно, чтобы информация об авторах была указана точно и в полном объеме. Иначе могут быть ошибки при расчете индекса цитирования.

В связи с этим редакция просит при подаче материалов присылать следующие сведения об авторах:

<i>На русском языке:</i>	
Фамилия, имя, отчество	Иванов Иван Иванович
Основное место работы (название организации)	Санкт-Петербургский государственный университет
Должность	профессор кафедры экономической теории
Научная степень	доктор экономических наук
Любая дополнительная информация	
Адрес электронной почты	ivanov@mail.ru
Телефон для оперативной связи редакции с автором	(812) 123-17-56; моб. 8-911-945-10-10
Почтовый адрес (для отправки авторского экземпляра, просьба указывать почтовый индекс)	195021, Санкт-Петербург, ... и указать рабочий адрес или домашний
<i>На английском языке</i>	
Фамилия, имя, отчество	Ivanov Ivan Ivanovich
Основное место работы (название организации)	St. Petersburg State University
Должность	Professor of the Chair of Economic Theory
Любая дополнительная информация	

Если автор уже зарегистрировался в системе Science Index и имеет персональный идентификационный номер автора (SPIN-код), то обязательно укажите этот код. Таким образом вы ускорите правильное сопоставление статьи и автора на сайте Научной электронной библиотеки.

10. Статья должна сопровождаться аннотацией на русском языке (размером 0,2 страницы), списком ключевых слов (5–6), списком литературы. Информация необходима для включения в базу данных РИНЦ. Список литературы рекомендуем оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008
11. Материалы рекламного характера, а также специальный материал, разрабатываемый по заказу государственных учреждений, правительственных и административных органов управления, руководства компаний и коммерческих банков публикуются на платной договорной основе.
12. В связи с включением с 2003 года журнала в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов...» ВАК РФ издательство Евразийского международного научно-аналитического журнала «Проблемы современной экономики» осуществляет издание индивидуальных и коллективных научных монографий.
13. Рецензирование и редактирование рукописей (научное, стилистическое, техническое) осуществляют Редакционный совет и редколлегия журнала в соответствии с требованиями ВАК РФ к изданию научной литературы.
14. Редакция предупреждает авторов об ответственности за плагиат. В случае обнаружения плагиата статья будет сниматься с сайта журнала и вместо нее вывешиваться объявление о факте плагиата с последующим удалением статьи из баз данных научного цитирования.
15. Редакционный совет журнала, в целях активизации разработки системы теоретических и практических вопросов развития Евразийского экономического союза и укрепления сотрудничества стран СНГ, приветствует статьи и аналитические материалы, включившиеся в дискуссию по данной проблематике, в которых одновременно дается оценка ранее опубликованным в журнале статьям.
16. Редакция журнала приветствует научную дискуссию и широкое обсуждение материалов, опубликованных в журнале.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»

Журнал включен в Российский Индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в реферативные журналы (РЖ) и базу данных ВИНТИ РАН

Аттестационная комиссия Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова включила журнал «Проблемы современной экономики» в Перечень (список) изданий МГУ по экономическим наукам

Подписка на журнал осуществляется через каталог «Роспечати». Индекс журнала **18187**.

УЧРЕДИТЕЛЬ: ООО «НПК «РОСТ»

Кураторы издания:

Комитет Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, исполнительные и межпарламентские структуры Союзного государства Россия – Белоруссия

Редакция не несет ответственности за достоверность информации рекламного характера. Повторная публикация материалов Евразийского международного научно-аналитического журнала «Проблемы современной экономики» в других изданиях допускается только с письменного разрешения редакции и с обязательной ссылкой на первоисточник.

**Адрес редакции: Россия, 191014, г. Санкт-Петербург, Саперный переулок, 9-13,
Тел/факс: (812) 273-24-36; 668-56-53; e-mail: gazizullin@mail.ru**

Отпечатано с готового оригинал-макета в ЦНИТ «Астерион»
Заказ № 157. Подписано в печать 14.10.2022 г. Бумага офсетная.
Формат 60x84¹/₈. Объем 29,0 п.л. Тираж 900 экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 174, тел. +7-911-945-63-56; +7-911-945-65-26

✉ : asterion@asterion.ru 🌐 : <https://terrahumana.ru>

📄 : https://vk.com/asterion_izdatelstvo